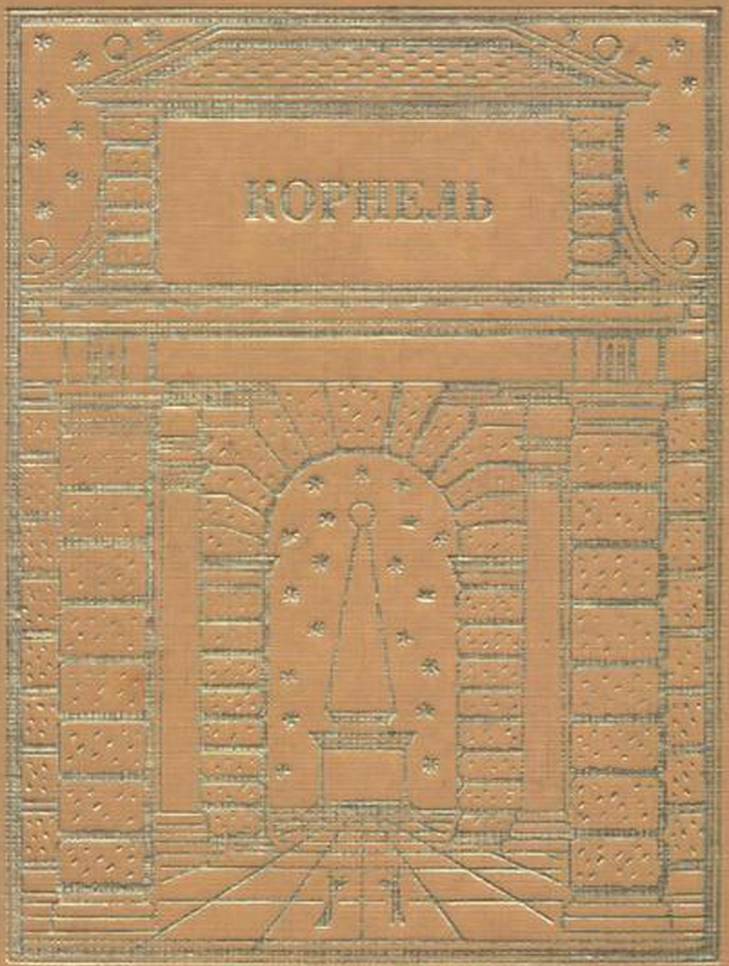

КОРНЕЛЬ

Театр. Том 2
Пьер Корнель

Аннотация
ПЬЕР КОРНЕЛЬ. ТЕАТР. Том 2
ПОМПЕЙ
  ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ КАРДИНАЛУ МАЗАРИНИ
  К ЧИТАТЕЛЮ
  ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
  ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
  ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
  ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
  ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
  ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
  РАЗБОР «ПОМПЕЯ»
ЛЖЕЦ
  ПОСВЯЩЕНИЕ
  К ЧИТАТЕЛЮ
  ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
  ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
  ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
  ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
  ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
  ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

РАЗБОР «ЛЖЕЦА»
РОДОГУНА, ПАРФЯНСКАЯ ЦАРЕВНА
ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ ПРИНЦУ КОНДЕ
АППИАН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ. ИЗ КНИГИ «СИРИЙСКИЕ ВОЙНЫ» (БЛИЖЕ К КОНЦУ)
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
ИЗ РАЗБОРА ТРАГЕДИИ «РОДОГУНА»
ИРАКЛИЙ
МОНСЕНЬОРУ СЕГЬЕ, КАНЦЛЕРУ ФРАНЦИИ
К ЧИТАТЕЛЮ
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
РАЗБОР «ИРАКЛИЯ»
ДОН САНЧО АРАГОНСКИЙ
ГОСПОДИНУ ВАН ЗЁЙЛИХЕМУ,. СОВЕТНИКУ И СЕКРЕТАРЮ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА ПРИНЦА ОРАНСКОГО

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
РАЗБОР «ДОНА САНЧО АРАГОНСКОГО»
НИКОМЕД
К ЧИТАТЕЛЮ
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
ИЗ РАЗБОРА «НИКОМЕДА»
СЕРТОРИЙ
К ЧИТАТЕЛЮ
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
СУРЕНА, ПАРФЯНСКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ
К ЧИТАТЕЛЯМ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
А. Михайлов. ТЕАТР КОРНЕЛЯ
1
2
3
4
5
6
7
8
9

Аннотация

Во II том двухтомника великого французского писателя вошли пьесы «Помпей», «Лжец», «Родогуна», «Ираклий», «Дон Санчо Арагонский», «Никомед», «Серторий» и «Сурена». Большинство произведений переведены заново.

ПЬЕР КОРНЕЛЬ
ТЕАТР. Том 2

МОСКВА «ИСКУССТВО» 1984
Редактор переводов
Н. М. ЛЮБИМОВ
Составление, статья и комментарий
А. Д. МИХАЙЛОВА
Художник
С. М. БАРХИН

ПОМПЕЙ

ТРАГЕДИЯ

{1}

Перевод Ю. Корнеева

{1} Комментарии: 2.1

«ПОМПЕЙ»

(«РОМРÉЕ»)

Точное время работы Корнеля над этой пьесой неизвестно. Скорее всего, трагедия была задумана и написана зимой 1641/42 г. При создании пьесы писатель опирался главным образом на знаменитую поэму о гражданских войнах в Риме — «Фарсалию» Марка Аннея Лукана (39–65 гг.). Знал он и другие исторические источники, рассказывающие о взаимоотношениях Рима и Карфагена в I в. до н. э., знал и многочисленные драматические произведения, в той или иной мере затрагивающие эти исторические события, — от «Клеопатры» Этьена Жоделя (1552), «Цезаря» Жака Гревена (1561) и «Корнелии» Робера Гарнье (1574) до «Смерти Помпея» Шоме (1638), «Марка-Антония» Мере (1630) и «Клеопатры» Пенсерада (1635). Тем не менее трагедия Корнеля не напоминает ни одну из своих предшественниц.

В 1642 г. пьеса была исполнена, и с большим успехом, в театре «Маре» и затем долго держалась в репертуаре французского театра, особенно благодаря роли Корнелии, которую исполняли Адриенна Лекуврер, Клерон и другие. Отметим, что роль Цезаря в одной из постановок исполнял Мольер (в сезон 1659/60 г.).

Впервые пьеса была издана под названием «Смерть Помпея» в феврале 1644 г. парижскими печатниками и книготорговцами Антуаном Соммавилем и Огюстеном Курбе.

На русский язык трагедия впервые переведена в 1775 г. Я. Б. Княжниным.

ПОМПЕЙ

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ КАРДИНАЛУ МАЗАРИНИ

Монсеньор!{2}

Я представляю Вашему высокопреосвященству великого Помпея{3}*, иными словами, представляю знаменитейшего из сынов Древнего Рима самому прославленному сыну нового Рима, дабы первый сановник нашего юного монарха взял под свое покровительство героя, который в дни своих удач сам был покровителем многих государей и сановниками которого многие из них остались даже в годину его поражений. Он надеется, что великодушие Вашего высокопреосвященства сохранит ему вторую жизнь, к которой я попытался его воскресить, и что этот акт справедливости,*

{2} Комментарии: 2.2

К стр. 6

Монсеньор! — Это посвящение кардиналу Мазарини (1602–1661) в первых двух изданиях пьесы сопровождалось большим стихотворным посланием, в котором поэт благодарил кардинала за дар в сто пистолей. В последующих изданиях трагедии это послание более не печаталось.

{3} Комментарии: 2.3

Помпей, Гней (107–48 гг. до н. э.), — Помпей, прозванный Великим, играл видную роль в политической жизни Рима, входил вместе с Цезарем и Крассом в первый триумвират. С 54 г. до н. э. началось его соперничество с Цезарем, ввергнувшее Рим в состояние гражданской войны и приведшее к гибели Помпея.

охраняемой Вами, монсеньор, во всем нашем королевстве, искупит зло, причиненное жертве коварной политики египетского двора. Он имеет основания уповать на это, ибо за короткое время пребывания во Франции убедился, внимая голосу народному, что принципы, коими Вы руководствуетесь в управлении нашей страной, основаны исключительно на правилах добродетели. Он убедился также, насколько обязана Вам Франция, которую Вы избрали второй своей родиной{4}, обязана тем более, что оказать ей огромные услуги побудил Вас не долг рождения, а только любовь к ней и забота о ее благе. Он убедился, что Рим, сделав в Вашем лице бесценный подарок нашему юному королю, рассчитался с ним за все, что задолжал его предкам. Он убедился, наконец, еще в одном: Ваше всегдашнее здравомыслие и проницательность позволяют Вам подавать престолу столь полезные советы, что кажется, будто именно к Вам более шестнадцати веков тому назад обратил Вергилий свой знаменитый

{4} Комментарии: 2.4

…избрали второй своей родиной… — Кардинал Мазарини принял французское подданство в 1639 г.

стих:{5}

> *Tu regere imperio populos, Romane, memento*[1].

Вот, монсеньер, что усвоил этот великий человек, научившись говорить по-французски:{6}

> *Pauca, sed a pleno venientia pectore veri*[2].

И так как лучшей порукой славы Вашего высокопреосвященства является неизменно одобрительный голос народный, я, не дерзая умалять его благозвучие слабостью своей мысли и грубостью слога, прибавлю к хвалам, которые он воздает Вашим достоинств вам, лишь самое искреннее и нерушимое уверение в том, что глубоко чту их, монсеньер, и всегда пребываю смиреннейшим, покорнейшим и преданнейшим слугой Вашего

{5} Комментарии: 2.5

К стр. 7

…Вергилий свой знаменитый стих. — Далее Корнель цитирует стих 852 из VI книги «Энеиды».

[1] Примечания: 1.1

Римлянин! Ты научись народами править державно.

Перевод С. Ошерова.

{6} Комментарии: 2.6

…говорить по-французски. — Далее приводится с искажениями стих 189 из IX книги «Фарсалии» Лукана; следует: «Pauca verba, sed a pleno venientia pectore veri».

[2] Примечания: 1.2

Краткое, но полное чувств и правдивым рожденное сердцем.

Перевод Л. Остроумова.

высокопреосвященства.

Корнель.

К ЧИТАТЕЛЮ

Если бы, так же как в двух предыдущих своих сочинениях{7}, я поместил здесь в полном или хотя бы сокращенном виде тексты тех авторов, у которых заимствую сюжет, и этим дал тебе возможность судить, насколько я уклонился от подлинника в угоду требованиям сцены, мне пришлось бы написать предисловие раз в десять длиннее самой пьесы и целыми книгами пересказывать чуть ли не всех римских историков. Поэтому я ограничусь уведомлением о том, что наиболее часто обращался к одному источнику — поэту Лукану; читая его, я так пленился широтой его ума и мощью мысли, что решил обогатить за их счет родную словесность и предпринял попытку изложить в драматической форме то, что выражено им в форме эпической. Ты найдешь в трагедии сотню, а то и две стихов, представляющих собой перевод из него или подражание ему. В остальных случаях я старался вдохновляться творением этого великого чело-

---

{7} Комментарии: 2.7

...как в двух предыдущих своих сочинениях... — Корнель имеет в виду свои трагедии «Сид» и «Полиевкт».

века или следовать его духу там, где оно не могло служить мне примером; тебе судить, насколько мне это удалось. Полагаю, однако, что не навлеку на себя твое неудовольствие, если приведу здесь три отрывка, имеющие прямое касательство к трактуемому мною предмету. Первый — это эпитафия Помпею, произносимая у Лукана Катоном{8}. Второй и третий — портреты Помпея и Цезаря, извлеченные из Веллея Патеркула{9}. Я цитирую их по-латыни из боязни, что в моем переводе они утратят слишком большую долю своего изящества и силы. Дамы всегда могут попросить, чтобы им объяснили эти места.

* * *

EPITAPHIUM POMPEII MAGNI

Cato, apud Lucanum, lib. IX, v. 190 et seqq.

Civis obit, inquit, multum majoribus impar

{8} Комментарии: 2.8

К стр. 8

Катон, Марк Порций (95–46 гг. до н. э.) — римский политический деятель, руководитель сенаторской партии оптиматов, главных противников Цезаря. После поражения Помпея покончил с собой.

{9} Комментарии: 2.9

Веллей Патеркул, Кай (ок. 19 г. до н. э. — 31 г. н. э.) — римский историк, автор труда, повествующего об истории Рима от его возникновения до 30 г. н. э.

Nosse modum juris, sed in hoc tamen utilis aevo,

Cui non ulla fuit justi reverentia: salva

Libertate potens, et solus plebe parata

Privatus service sibi, rectorque senatus,

Sed regnantis, erat. Nil belli jure poposcit:

Quaeque dari voluit, voluit sibi posse negari.

Immodicas possedit opes, sed plura retentis

Intulit: invasit ferrum; sed ponere norat.

Praetulit arma togae, sed pacem armatus amavit;

Juvit sumpta ducem, juvit dimissa potestas.

Casta domus, luxuque carens, corruptaque nunquam

Fortuna domini. Clarum et venerabile nomen

Gentibus, et multum nostrae quod proderat urbi,

Olim vera fides, Sylla Marioque receptis,

Libertatis obit: Pompeio rebus adempto

Nunc et ficta perit. Non jam regnare pudebit

Nec color imperii, nec frons erit ulla senatus

O felix, cui summa dies fuit obvia victo,

Et cui quaerendos Phartium scelus obtulit enses!

Forsitan in soceri potuisset vivere regno.

Scire mort, sors prima viris, sed proxima cogi.

Et mihi, si fatis aliena in jura venimus,

De talem, Fortuna, Jubam: non deprecor hosti

Servari, dum me servet cervice recisa[3].

---

[3] Примечания: 1.3

ЭПИТАФИЯ ПОМПЕЮ ВЕЛИКОМУ

Катон у Лукана, кн. IX, ст. 190 и далее.

Умер у нас гражданин, который был, правда, неравен

Предкам в блюдении прав, но все же полезный в том веке,

Что совершенно забыл уважение к праву; могучим

Был он, свободу храня; хоть народ к нему в рабство склонялся,

Частным остался лицом, и хоть взял руководство Сенатом, —

Тот неизменно царил. Он правом войны не пленялся:

В том, что он в дар получал, отказать ему было возможно.

Был беспредельно богат, но больше внес государству,

Чем удержал; он меч поднимал, но умел его прятать.

Тогу сменил на доспех, но мир он любил и в доспехах.

Рад был он власти вождя, но был рад эту власть и сложить он.

Дом его строг, в нем роскоши нет, и богатства хозяин

Не расточал никогда; его знатное имя почтенно

Между племен, помогло прославлению Рима немало.

Мария, Суллы{185} *приход загубил когда-то свободы*

Истинный облик; теперь, со смертью Помпея, исчезнет

Даже и призрак ее: уж царская власть не зазорна —

И потеряет Сенат даже всякую видимость власти.

Счастье, что гибели день не замедлил прийти за разгромом,

Что долгожданный клинок принесло злодеянье фаросцев:{186}

Может быть, мог бы ты жить под царской державою тестя!{187}

Лучший удел — избрать себе смерть, а второй — быть убитым!
Если нам жить суждено под законом чужим, о Фортуна,

Пусть Птолемеем моим станет Юба;{188} *пусть буду я предан*

Цезарю, лишь бы ему он предал меня, обезглавив!

Перевод Л. Остроумова.

{185} Комментарии: 2.185

К стр. 9

Марий, Кай (157–86 гг. до н. э.) — римский политический деятель, вождь партии популяров, противник Суллы; семь раз избирался консулом.
Сулла, Луций Корнелий (138–78 гг. до н. э.) — политический деятель Древнего Рима, вождь оптиматов (партии римской аристократии), диктатор в 82–79 гг. до н. э.

{186} Комментарии: 2.186

…злодеянье фаросцев… — то есть египтян; Корнель называет их так потому, что Древний Египет славился своим гигантским Фаросским маяком, воздвигнутым в 285 г. до н. э. на небольшом острове рядом с Александрией.

{187} Комментарии: 2.187

Под царской державою тестя! — то есть Юлия Цезаря; Помпей был женат на дочери Цезаря, Юлии (ум. в 54 г. до н. э.); она была предпоследней (четвертой) женой Помпея.

{188} Комментарии: 2.188

Юба I — нумидийский царь в 50–46 гг. до н. э., сторонник Помпея в его борьбе с Цезарем.

ICON POMPEII MAGNI

Velleius Paterculus, lib. II, c. XXIX.

Fuit hic genitus matre Lucilia, stirpis senatoriae, forma excellens, non es qua flos commendatur aetatis, sed dignitate et constantia: quae in illam conveniens amplitudinem, fortunam quoque ejus ad ultimum vitae comitata est diem: innocentia eximius, sanctitate praecipuus, eloquentia medius; potentiae quae honoris causa ad eum deferretur, non ut ab eo occuparetur, cupidissimus: dux bello peritissimus: civis in toga (nisi ubi vereretur ne quem haberet parem) modestissimus, amicitiarum tenax, in offensis exorabilis, in reconcilianda gratia fidelissimus, in accipienda satisfactione facillimus, potentia sua nunquam aut raro ad impotentiam usus, omnium pene votorum expers, nisi numeraretur inter maxima, in civitate libera dominaque gentium, indignari, cum omnes cives jure haberet pares, quemquam aequalem

dignitate conspicere[4].

ICON C. J. CAESARIS

Velleius Paterculus, lib. II, c. XLl.

Hic nobilissima juliorum genitus familia, et, quod inter omnes antiquissimos constabat, ab Anchise as Venere deducens genus, forma omnium civium excellentissimus, vigore animi acerrimus, munificentia effusissimus, animo super humanam et naturam et fidem evectus, magnitudine cogitationum, celeritate bellandi patientia periculorum, Magno illi Alexandro, sed sobrio, neque iracundo, simillimus: qui denique semper et somno et cibo in vitam, non in voluptatem uteretur[5].

---

[4] Примечания: 1.4

ПОРТРЕТ ПОМПЕЯ ВЕЛИКОГО

Веллей Патеркул, кн. II, гл. 29.

Мать его Луцилия происходила из сенаторского сословия. Он был красив, но не тою преходящей красотой, что придает прелесть юноше, а красотой неувядающей, благородной и достойной его будущего величия и необыкновенного счастья, которое сопутствовало ему до самой смерти. Человек безукоризненно порядочный, образцово честный, хотя не слишком красноречивый, он любил почести, но лишь законные и заслуженные. Искусный полководец на войне и скромнейший гражданин в дни мира, кроме, пожалуй, тех случаев, когда ему внушал опасения равный по силе соперник, он сохранял постоянство в дружбе, легко прощал обиды, примирялся на самых снисходительных условиях, свято соблюдал их, примирившись, и почти никогда не превышал свою власть, словом, не страдал никакими пороками, если не считать одним из тягчайших среди них то возмущение, с которым он взирал на равенство, царившее в свободном и покорившем себе весь мир городе, где законы ставили даже его, Помпея, в одинаковое

положение с остальными согражданами.

[5] Примечания: 1.5

ПОРТРЕТ КАЯ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ

Веллей Патеркул, кн. II, гл. 41.

Цезарь был отпрыском знатного рода Юлиев, который, по принятому исстари мнению, вел свое начало от Венеры и Анхиза. Красотой лица он затмевал всех римлян, отличался также бодростью духа, щедростью, доходившей до излишества, и отвагой, превышавшей не только обычную человеческую храбрость, но всякое вероятие. Он походил на Александра Великого{189}, но не гневливостью и невоздержностью, а возвышенным образом мыслей, стремительностью в боях и стойкостью в опасностях. Пищу он употреблял лишь для поддержания сил, а не для того, чтобы услаждаться ею.

{189} Комментарии: 2.189

К стр. 10

Александр Великий — то есть Александр Македонский (356–823 гг. до н. э.).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ.
МАРК АНТОНИЙ{10}.
ЛЕПИД{11}.
КОРНЕЛИЯ
жена Помпея{12}.
ПТОЛЕМЕЙ
царь Египетский{13}.
КЛЕОПАТРА
сестра Птолемея.
ПОТИН
главный советник царя Египетского{14}.
АХИЛЛА
военачальник царя Египетского.

{10} Комментарии: 2.10

К стр. 11

Марк Антоний (82–30 гг. до н. э.) — римский полководец и политический деятель, сподвижник Цезаря, участник второго триумвирата (Марк Антоний, Октавиан Август, Лепид).

{11} Комментарии: 2.11

Лепид, Марк Эмилий (ум. в 13 г. до н. э.) — римский политический деятель, член второго триумвирата, один из сподвижников Цезаря.

{12} Комментарии: 2.12

Корнелия — последняя жена Помпея; до него она была замужем за Публием Крассом.

{13} Комментарии: 2.13

Птолемей XIII — египетский царь в 51–47 гг. до н. э., соправитель и

брат Клеопатры.

{14} Комментарии: 2.14

Потин — Имена второстепенных персонажей трагедии найдены Корнелем у Лукана (Потин, Ахилла, Септимий, Ахорей) и у Плутарха (Хармиона, Филипп).

СЕПТИМИЙ
римский военный трибун на службе у царя Египетского.
ХАРМИОНА
наперсница Клеопатры.
АХОРЕЙ
конюший Клеопатры.
ФИЛИПП
отпущенник Помпея.
РИМСКИЕ ВОИНЫ.
ЕГИПЕТСКИЕ ВОИНЫ.

Действие происходит во дворце Птолемея в Александрии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Птолемей, Потин, Ахилла, Септимий.

Птолемей.

Решенье принял рок, и дождались мы вести,

Что зятю им в удел назначено и тестю.

Пока бессмертные в совете длили спор,

Произнесен за них Фарсалом приговор{15}*.*

Разлив и буйство рек, которым места мало

От крови родственной в привычных руслах стало;

{15} Комментарии: 2.15

К стр. 12

Произнесен за них Фарсалом приговор. — Речь идет о решительной битве между Цезарем и Помпеем близ фессалийского города Фарсала в 48 г. до н. э.

Нагромождение орлов[{16}]*, оружья, лат*

В полях, где над землей плывет тяжелый смрад;

И груды мертвецов, лишенных погребенья,

За что обрушится самой природы мщенье

На тех, кто жив и кто, оставив трупы гнить,

Заразу в воздухе им дал распространить, —

Вот знак, что у судьбы в суде ее верховном

По праву сильного Помпей сочтен виновным.

Злосчастный этот вождь, что так обласкан был

Фортуной ветреной, но больше ей не мил,

Своим падением являет миру снова

Пример превратности величия земного.

{16} Комментарии: 2.16

…нагромождение орлов… — Римские легионы имели не знамена, а серебряного орла с расправленными крыльями на древке.

Разбитый, он бежит, он, чьих побед числа

Лишь с доблестью его сравнимо быть могло,

И направляется, спеша от тестя скрыться,

К нам, нашим гаваням, твердыням и столице —

К пределам, где, ведя с титанами войну,

Нашли прибежище и боги в старину.

Он мнит: Египет наш, его призыву внемля,

Спасти, как небо спас, теперь сумеет землю

И мир, шатнувшийся под тяжестью невзгод,

Сочувственным плечом бесстрашно подопрет.

Став ныне беглецу врагами иль друзьями,

Мы превратим наш край, обильный чудесами,

В гробницу иль оплот свободы мировой:

Судьбу вселенной всей Помпей везет с собой.

Обдумать надо нам, поддержим ли его мы.

Он ветвь масличную{17} *нам принесет иль громы,*

Рискуя скипетром и головой того,

Чей стал отец царем по милости его{18}*.*

Должны ли мы принять участие в Помпее,

Иль нам его во прах низринуть поскорее?

Бедой грозит одно, сулит другое стыд.

Несчастья я боюсь, позор меня страшит.

Как я ни поступлю, Фортуна так упряма.

{17} Комментарии: 2.17

К стр. 13

Ветвь масличная. — Уже в древности она являлась символом мира и дружбы.

{18} Комментарии: 2.18

…чей стал отец царем по милости его. — Помпей содействовал восшествию на египетский престол Птолемея XII Авлета (правил с перерывами в 80–51 гг. до н. э.).

Что не избегнуть мне опасности иль срама.

Я перед выбором поставлен роковым.

Так подскажите мне, идти путем каким.

Победу Цезаря в борьбе междоусобной

Лишь мы свести на нет иль довершить способны,

И ни один из тех, кто троном обладал,

С советом дел важней вовек не обсуждал.

Потин.

Пресветлый государь! Где тяжбу меч решает,

Там право — звук пустой, который жить мешает,

И кто пытается отстаивать закон,

Тот не блюдет его, а лишь колеблет трон.

Чужие и свои оценим трезво силы.

Помпей разбит, ему удача изменила.

Он не от одного лишь Цезаря бежит:

Ему проклятья шлют сенат, чей цвет

лежит,

Фарсальским коршунам добычей став позорной,

В полях, дымящихся еще от крови черной;

И Рим, который он обрек навек ярму,

Верх над собою взять дав тестю своему;

И те союзные державы, чьи народы

Он разорил дотла, готовя рать к походу,

Чьих подданных в бою бесцельно погубил,

Чьи троны покачнул и скипетры разбил.

Причина общих бед, внушая всем презренье,

Он ото всех бежит под гнетом пораженья.

Того, кто стольким враг, не защитить тебе.

Мог только он один спасти себя в борьбе,

Но раз не смог, падет теперь неотвра-

тимо.

Поднимешь ли ты груз, согнувший плечи Рима,

Похоронивший мир под тяжестью своей,

Груз, под которым ниц повержен сам Помпей?

Поддерживая тех, кто стал нелюб Фортуне,

Из чувства долга мы собой рискуем втуне:

Ведь верность, коль ее блюсти расчета нет,

Хотя и красит нас, но нам приносит вред,

На нас столь тяжкие удары навлекая,

Что не властна смягчить их слава никакая.

Не жди, пока твой край опустошат они.

К бессмертным и судьбе, мой государь, примкни,

Несправедливость им в упрек не ставь напрасно,

А с трепетом склонись пред волей их всевластной.

Покорность изъяви веленьям их любым

И побежденного добей в угоду им.

Он направляется, страшась небесной мести,

Сюда, чтоб ею ты постигнут был с ним вместе,

Чтоб голова его, что чудом спасена,

В могилу близкую упала не одна.

Его прибытье к нам — преступное деянье,

Не знак доверия, а дружбы осмеянье:

Он не щадит того, кем должен дорожить.

Суди же сам, мой царь, достоин ли он жить.

Не обмани Помпей твоих надежд, властитель,

Плыви он с Лесбоса к тебе, как победитель,

Ты с ликованием его принять бы мог;

Но раз он побежден, пеняет пусть на

рок.

Мне враг не сам Помпей, а лишь его несчастье.

Богам покорствуя, удел свой буду клясть я

И с горестью вонжу в изгнанника кинжал,

Который Цезарю уже предназначал.

Дай поступиться, царь, нам головой Помпея,

Чтоб не пришлось тебе пожертвовать своею,

И пусть предателем молва тебя честит.

Тот не удержит власть, кто верность слову чтит.

Где к средствам прибегать не склонны без разбора,

Там заколеблются устои трона скоро.

Коль не дерзает царь стать выше, чем закон,

Вред справедливостью чинит престолу он:

Боясь ее презреть, он всех начнет бо-

яться.

Чтоб все возмочь, ни с чем должны мы не считаться

И добродетели бесплодной предпочесть

Злодейство, если в нем нужда державе есть.

Вот мнение мое. Ахилла и Септимий,

Быть может, выступят с советами иными —

Пусть! Главное — того, кто побежден, добить,

Чтоб победителя ничем не оскорбить.

Ахилла.

Потин, конечно, прав, мой повелитель юный.

Да, доблестный Помпей в опале у Фортуны,

Но кровь его для нас священна быть должна:

В Фарсале, царь, — и то не пролилась она.

Злодейство совершить не грех для поль-

зы трона,

Но на него идти покуда нет резона:

Кто побежденному не тщится пособить,

Тот победителя не может оскорбить.

Вне схватки ты стоял, вне схватки стой и дале,

То Цезарю воздав, что все ему воздали.

Но если даже чтить его как божество,

Такая жертва все ж чрезмерна для него,

И будет в том, что гость падет ему в угоду,

Бесчестье и тебе и твоему народу.

Помпею не помочь довольно нам сейчас.

Не станет порицать молва за это нас.

Да, ты его должник: он Рим в былые лета

Склонил вернуть престол покойному Авлету.

Но иногда царям признательность чужда:

Гостеприимцами нельзя им быть всегда.

Чем ни был бы монарх кому-нибудь обязан,

Любовью к подданным он неразрывней связан

И вправе не платить по счету своему,

Коль надо лить их кровь для этого ему.

Столь многим ли, к тому ж, рискнул Помпей всесильный,

Чтоб твоему отцу отдать наш край обильный?

Он из тщеславия пошел на шаг такой,

Всем показать стремясь, как вознесен судьбой

Услугу оказал он нам, но лишь словами:

Без денег Цезаря Помпей с его речами,

Хотя на форуме горазд он говорить,

В Египте б не сумел Авлета водворить.

Витийствовал он там, где Цезарь делал дело.

Себя в расчете с ним считай отныне

смело:

Ведь на худой конец и ты замолвишь, царь,

Словечко за него, как за тебя он встарь.

Не дать ему приют есть у тебя причина:

Впустив его сюда, ты впустишь властелина,

Чьей будешь волею, хоть он и побежден,

В своих же собственных владеньях пригнетен.

Не убивай его — лишь отошли отсюда,

Но коль он должен пасть, я первый счастлив буду

Покончить с ним еще до истеченья дня

И никому не дам опередить меня.

Септимий.

Как римлянину, царь, мне тесть и зять знакомы.

В твоих руках Помпей, к тебе нуждой влекомый.

Тобою может быть он прогнан, иль спасен,

Иль выдан Цезарю живым, иль умерщвлен.

Спася его, себя обрек бы ты паденью.

Обдумаем теперь три прочие решенья.

Прогнав его, ты в нем врага приобретешь

И к победителю в доверье не войдешь,

Затем что вновь войну на суше и на море

Противников твой шаг начать заставит вскоре,

И будет от нее им столько маяты,

Что в ней окажешься у них виновным ты.

Помпея выдавать нам тоже, царь, некстати.

Что, если Цезарю простить придется зятя

И ложной добротой прикрыться, как щитом,

Чтоб милосердьем он кичиться мог потом,

Чтоб стал рабом ему Помпей, им по-
щаженный,

И с рабством свыкся Рим, всем этим
обольщенный?

Тогда за то, к чему тобою принужден,

Тебя, как и Помпей, возненавидит он.

Чтоб Цезарю помочь и Цезаря просла-
вить,

От преступления и от стыда изба-
вить,

Вели — и мы его соперника сразим.

Грех будет на тебе, а выигрыш — за
ним.

Лишь так мы с Цезарем сдружить тебя
сумеем;

Лишь так избудешь ты свой страх пе-
ред Помпеем;

А коль, Ахилле вняв, дерзнешь не внять
судьбе,

Как в том, так и в другом врага най-
дешь себе.

Птолемей.

В речах о том, кто прав и кто не прав,

нет проку.

К сметающему все примкнем и мы потоку.

Я мненья большинства держусь: велит расчет

Придать событиям нам нужный оборот.

Довольно Рим к тому нас приучал от века,

Что выше римлянин любого человека.

Пусть вместе с вольностью свою утратит спесь:

В крови Помпеевой она утонет днесь.

Придется римлянам отвыкнуть от гордыни:

Тиранам мира мы дадим тирана ныне

И року пособим надеть ярмо на них,

Завоевателей всех государств земных.

Рабом ты станешь, Рим, и тем царям исконным,

Которых ты согнул под игом беззаконным,

Льстить будет Цезарю отрадней по-

тому,

Что, как они, ты сам начнешь кадить ему.

Ступайте тотчас в порт, Ахилла и Септимий,

И преступлением мое прославьте имя,

А грех ваш на себя приму я тем скорей,

Что приведен не зря богами к нам Помпей.

Ахилла.

Веление царя не может быть не право.

Птолемей.

Так укрепите ж мощь египетской державы

И помните, что я вам в руки отдаю

Судьбу и римского народа и свою.

Ахилла и Септимий уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Птолемей, Потин.

Птолемей.

Мою сестру, Потин, разгневает все

это.

Душеприказчиком покойного Авлета

Является Помпей, и мнит она, что он

Разделит между мной и ею отчий трон.

Дружила встарь она с Помпеем и считает,

Что скипетр ей вручить желанье он питает,

Что суждено владеть по милости его

Ей половиною престола моего,

И снова, как огонь, сокрытый под золою,

В ней разгорается тщеславие былое.

Потин.

Царь! Вот еще резон, хоть он не назван мной,

Скорей покончить с тем, кто осужден судьбой.

Не сомневаюсь я: Помпей соблюл бы свято

То завещание, что передал когда-то

Ему родитель твой, чей был он друг и

гость,

И полстраны тебе сестре б вернуть пришлось.

Нет, ненависть в тебе я к ней не разжигаю,

На узы родственной любви не посягаю.

Сестру не от себя — от трона отгони.

Мы правим только там, где правим мы одни.

Ни с кем не делит власть политик осторожный;

Встав на подобный путь, ее лишиться можно,

И государству вред… Но вот твоя сестра!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Клеопатра.

Клеопатра.

Царь! Входит в порт Помпей.

Его встречать пора.

Птолемей.

Туда отправлены Ахилла и Септимий.

Доставлен во дворец ко мне он будет ими.

Клеопатра.

Что? Ты Септимия с Ахиллой шлешь за ним?

Птолемей.

Коль мало их с него, вослед отправься им.

Клеопатра.

Как! Встретить ты его стыдишься в день прибытья?

Птолемей.

Честь своего венца не смею уронить я.

Клеопатра.

Ты вспомнил о венце? Так не забудь припасть

К руке, которая тебе вручила власть.

Великий человек достоин уваженья.

Птолемей.

Тот больше не велик, кто проиграл сраженье.

Клеопатра.

Нет, хоть и сломлен был наш гость в борьбе с судьбой,

Все тот же он Помпей и благодетель твой.

Птолемей.

Он — тень и дал не мне корону, но Авлету,

Чья тень и наградит пускай его за это.

Помпею пособит, быть может, наш отец,

Коль к статуе его с мольбой взовет беглец.

Клеопатра.

Так вот как за добро Помпею здесь воздали!

Птолемей.

Добра я не забыл, но помню о Фарсале.

Клеопатра.

И помыкаешь тем, чья рать побеждена?

Птолемей.

Успех — вот от чего зависит нам цена.

Навстречу пришлецу, коль хочешь, выйди тоже,

Но знай, что и в порту пойти на дно он может.

Клеопатра.

Как! Может и в порту Помпей на дно пойти?

Ужели ты его замыслил извести?

Птолемей.

Я делаю лишь то, что небо мне внушает

И что мою, сестра, державу возвышает.

Клеопатра.

Я вижу, что тебе вливают в сердце, брат,

Потин и прочие своих советов яд.

Тираны грязные, они тебя…

Потин.

Не скрою,

Царевна, что совет царю был подан мною…

Клеопатра.

Потин! Я говорю с царем. Изволь молчать,

Пока не разрешу тебе я отвечать.

Птолемей *(Потину).*

Прошу я потерпеть тебя, слуга мой честный.

Мне преданность твоя и спесь ее известны,

Но все ж с царевной ты вступать не вправе в спор.

Клеопатра.

О царь! Раскаяться не поздно до сих пор.

Отринь внушения советника дурного

И добродетели былой исполнись снова,

Той добродетели, которою с пелен

По милости богов правитель наделен.

Птолемей.

Посмела именем Помпея ты прикрыться,

Затем чтоб говорить со мною, как царица,

И добродетели взялась меня учить,

Чтоб было мне трудней расчет твой обличить.

К Помпею лишь затем полна ты состраданья,

Что у него в руках отцово завещанье.

Так иль не так, сестра?

Клеопатра.

Отвечу, не тая:

Лишь благодарностью руководилась я.

Мне было б выгодней, расчет в виду имея,

Стоять за Цезаря и позабыть Помпея.

Узнай же тайну, царь, что я хотела скрыть,

И больше не дерзай ничем меня корить.

Когда, восстав, прогнал народ Александрии

Покойного отца с престола в дни былые,

Поехал в Рим Авлет[{19}] *и взял с собой детей,*

Чтобы разжалобить сенат бедой своей.

Почти младенцем, брат, ты был еще в то время,

А я — уже в таких годах, что перед всеми

Раскрылась в первый раз та скромная краса,

Которою меня взыскали небеса.

Пленился Цезарь мной, и быть горда могу я

Уж тем, что он питал открыто страсть такую;

Но вызов римлянам сенат в ней увидал,

И Цезарь действовать через Помпея стал.

Помпей ему помог своим влияньем в

{19} Комментарии: 2.19
К стр. 16
Авлет — прозвище Птолемея XII.

Риме,

Чем был в последний раз скреплен союз меж ними

И что, как знаешь ты, спасло в ту пору нас.

Но пыл влюбленного на этом не угас.

Не удовлетворясь тем, что по просьбе тестя

Нас поддержал Помпей — и Рим с Помпеем вместе,

Он щедрость проявил, которой меры нет,

И нам свою казну открыл за сердцем вслед.

Его любви ко мне залогом стало первым

То, что считается войны и власти нервом:

Нам Цезарь тысячу талантов{20} *дал взаймы,*

И трон с их помощью себе вернули мы.

{20} Комментарии: 2.20

К стр. 22

Талант — древнегреческая денежная единица большого достоинства. Позже стали чеканить римский талант.

Пред смертью вспомнил царь, родитель наш, об этом,

И в завещании указано Авлетом,

Чтоб властью я с тобой владела наравне,

Как долею того, чем он обязан мне.

А ты, не ведая событий подоплеки,

В пристрастии ко мне шлешь мертвецу упреки

И думаешь, что им каприз руководил,

Когда он дочери полдолга заплатил.

Птолемей.

Искусно басню ты измыслила, нет спора.

Клеопатра.

Мне Цезарь написал, что здесь он будет скоро,

И не успеет день, быть может, промелькнуть,

Как ты увидишь то, чего не ждал отнюдь.

Недаром говорю я как царица ныне.

Ведь обходился ты со мною как с рабыней

И, у меня отняв наследие отца,

С презреньем надо мной глумился без конца.

Я, чтобы избежать отравы иль кинжала,

Твоих советников бесстыдных ублажала.

Им даже льстила я, наследница царей!

Но мне вернут мое иль Цезарь, иль Помпей.

Тот иль другой на трон меня посадит снова,

Как бы ни строили Потин с Ахиллой ковы.

Вот сам и рассуди теперь, обидчик мой,

В чем состоит расчет, который движет мной.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Птолемей, Потин.

Птолемей.

Друг! Верить нам иль нет гордячке злоязычной?

Потин.

Услышанному, царь, дивлюсь я безгранично.

О тайне, что твоя сестра открыла здесь,

Я не подозревал, как и никто поднесь,

И мне препятствуют тревога и смятенье

Прийти к какому бы то ни было решенью.

Птолемей.

Не сохранить ли жизнь Помпею?

Потин.

Нет, затем,

Что это гибелью грозило бы нам всем.

Ты Клеопатре враг. Она горда, прекрас-

на,

И Цезарю, коль впрямь ее он любит страстно,

В дар надо голову Помпея поднести,

Чтобы от происков сестры тебя спасти.

Птолемей.

Не забывай: она умна неимоверно.

Потин.

Что ум в сравнении с услугой столь безмерной!

Птолемей.

А вдруг поддастся ей великий Цезарь все ж?

Потин.

Тогда ты угождать и льстить сестре начнешь.

Но, не довольствуясь советами моими,

Узнай, что думают Ахилла и Септимий.

Птолемей.

Пойдем и с башни, друг, на их посмотрим труд

И все решим, когда они назад придут.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Клеопатра, Хармиона.

Клеопатра.

Да, я его люблю и пламенно и страстно,
Но ослепить мой дух любовь моя не властна,
И побежденному заплатит он сполна,
Как победителем я ни увлечена.
Та, кем любим такой, как он, герой и гений,
Обязана во всем быть выше подозрений,
И перестала бы себя я уважать,
Пытаясь низостью приязнь его стяжать.

Хармиона.

Как! Любишь Цезаря ты всей душой своею

И хочешь, чтобы встал Египет за Помпея,

Направил беглеца опять на путь побед

И тем последствия Фарсала свел на нет?

Не много же любви ты придаешь значенья!

Клеопатра.

Цари себя смирять умеют от рожденья:

Сознанием того они наделены,

Что долг предпочитать всегда страстям должны.

У них в крови — на все идти во имя славы.

Пока они себе верны, цветет держава,

А там, где начал вдруг народ роптать на них,

Лишь на советниках вина лежит дурных.

Вот почему теперь Помпея ждет кончина.

Ему бы Птолемей помог, не будь По-

тина.

Он, веря подлецу, на подлость сам пошел;

А верил бы себе — как царь себя бы вел.

Хармиона.

Ты любишь Цезаря и все же враг его ты?

Клеопатра.

Достойное его и чуждое расчета

Питаю чувство я.

Хармиона.

Взаимна ль ваша страсть?

Клеопатра.

Надеюсь.

Хармиона.

Но могла ты и в ошибку впасть.

Клеопатра.

Знай, не откроется в любви неразделенной

Особа, чье чело украшено короной:

Хранить молчание велят ей сан и честь,

Коль во взаимности хоть тень сомненья есть.

Еще когда пришлось нам в Риме находиться,

Я в чувствах Цезаря успела убедиться,

И каждый день с тех пор он, даже на войне,

Посланья пылкие шлет с вестниками мне.

Повсюду, где врагов он к бегству принуждает,

Успех его ведет, любовь сопровождает;

Смиряя Галлию, Испанию и Рим,

Венок лавровый он кладет к ногам моим

И тою же рукой, которая вздымала

Клинок, дымящийся от крови, в день Фарсала,

За стилос[{21}] *жалобный хватается с*

{21} Комментарии: 2.21
К стр. 25
Стилос — палочка для письма у древних греков.

тоской

И пишет мне, что он навеки пленник мой.

Да, не забыл и в день победы он о милой,

И коль усердия не меньше в нем, чем пыла,

Или, верней, коль шторм не остановит флот,

В Египет нынче же мой Цезарь приплывет.

Увидеться затем ему со мною надо,

Чтоб обрести во мне за ратный труд награду.

Мне сердце предложить и руку хочет он,

Чье мановение для всех владык закон,

И коль я откажу ему в желанье этом,

Несчастен станет тот, кто правит целым светом.

Хармиона.

Не злоупотребишь, как смею думать я,

Ты властью, что дает тебе краса твоя:

Коль счастье Цезаря зависит от тебя лишь,

Отказом ты его вовек не опечалишь.

Но что хорошего сближенье с ним сулит,

Когда в супружестве уже он состоит

И уважать жену в Кальпурнии обязан,

Коль скоро узами святыми с нею связан?

Клеопатра.

Теперь не то, что встарь: к разводам Рим привык.

От всех препятствий нас избавит это вмиг:

Ведь Цезарь опытен в делах такого рода —

В дом и Кальпурнию он ввел путем развода[{22}].

Хармиона.

{22} Комментарии: 2.22

К стр. 26

…Кальпурнию он ввел путем развода. — Дочь Луция Пизона, Кальпурния, была третьей женой Цезаря (59 г. до н. э.). До нее Цезарь был женат на Помпее, дочери Квинта Помпея Руфа.

А вдруг с тобою он расстанется, как с ней?

Клеопатра.

Быть может, счастье мне отмерено щедрей;

Быть может, красотой и верностью своею

Надежней удержать я Цезаря сумею.

Но пусть судьба сама решает, что и как.

Коль брак возможен с ним, вступлю я в этот брак

И буду прославлять удел свой несравненный,

Хоть день пробыв женой властителя вселенной.

Чем честолюбие ни почитал бы свет,

Достоинство оно иль корень многих бед,

Я с детства не чужда ему, единой страсти,

Приличествующей тем, кто рожден для власти,

Но я хочу, чтоб нас оно вело путем,

На коем мы не стыд, но славу обретем,

И с отвращеньем им пренебрегу, коль скоро

Велит оно за трон платить ценой позора.

Не удивляйся же, что я свой долг блюду

И за Помпея спор в душе с судьбой веду.

Не в силах пособить ему ничем на деле,

Я лишь молюсь, чтоб он успел бежать отселе,

Чтоб ветер флот его отбросил от земли

И жертву палачи настигнуть не могли...

Но вот наш Ахорей идет назад поспешно,

И новость от него услышу я, конечно.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Ахорей.

Клеопатра.

Ужель все кончено и наши берега

Багрянит кровь того, чья жизнь столь дорога?

Ахорей.

Владычица! Я был в порту, как ты велела.

Измену видел я, я видел злое дело.

Я видел, как убит великий человек,

Чья гибель памятной останется навек,

И раз ты хочешь знать о доблестной кончине

Того, чья смерть на нас пятном легла отныне,

Внимай, и негодуй, и волю дай слезам.

Велел на якорь стать он трем своим судам

И, увидав в порту триремы{23} *на отчале,*

Решил, что царь и двор, которые узнали,

Сколь переменчивой судьбой Помпей

{23} Комментарии: 2.23

К стр. 27

Трирема — у греков и римлян — большое морское судно с тремя ярусами весел.

гоним,

Уже, как долг велит, спешат на встречу с ним.

Когда ж направился к нему лишь челн со свитой,

Он понял, что его заслуги позабыты,

И Птолемеево коварство разгадал,

И страху над собой власть на мгновенье дал,

Но тут же подавил в себе его сурово,

С усмешкой бросил взор на корабли царевы

И ограничился в опасности такой

Тем, что Корнелию так и не взял с собой,

Сказав ей: «Поглядим, с чем нам спешат навстречу,

Но головой за все лишь я один отвечу,

А ты, коль мне ее сегодня не снести,

Беги и за меня потом с лихвой отмсти.

Царь Юба даст тебе приют: он друг мой давный.

Там сыновья мои, там твой родитель славный,

Но если даже вдруг похитит их Плутон,

Надежды не теряй, покуда жив Катон».

Пока великий муж с женой прощался милой.

Был к судну подведен зловещий челн Ахиллой,

Септимий поднялся на палубу и вот

От имени царя такую речь ведет

На языке родном Помпея — по-латыни:

«Сесть в этот скромный челн тебе придется ныне,

Затем что под водой так много мелей здесь,

Что крупные суда к земле нельзя подвесть».

Не выдал, все поняв, герой ничем тревоги,

Простился с ближними, приказ им отдал строгий

Не провожать его и сел бесстрашно в

челн,

Привычной доблести и перед смертью полн.

Все с тем же царственно невозмутимым ликом,

С каким короны встарь давал земным владыкам,

Глядел он на убийц, теснившихся кругом.

Был лишь отпущенник его Филипп при нем.

Рассказ Филиппа здесь и повторил точь-в-точь я,

Все ж остальное сам, увы, узрел воочью,

И даже в Цезаря, клянусь, печаль вселит

Столь горестный конец того, кто им разбит.

Клеопатра.

Вселить ее в меня не бойся: знать должна я,

Как умер тот, о ком заране я стенаю.

Ахорей.

С земли смотрели мы, как он в челне сидел,

Предвидя, что ему назначен за удел,

Коль скоро говорить — и то с ним избегают.

Но вот и суша. Встать Помпею помогают,

И тут к убийству знак, схватив кинжал стальной,

Ахилла подает у гостя за спиной,

И в грудь разят того, чье всюду славно имя,

Септимий негодяй с тремя людьми своими,

Такими ж римскими наймитами, как он,

И яростью их сам Ахилла поражен.

Клеопатра.

Отмстите за него, но смилуйтесь над нами,

О боги, вздувшие войны гражданской пламя!

Хоть преступление в Египте свершено,

Руками римскими содеяно оно.

Но что сказал, как вел себя Помпей злосчастный?

Ахорей.

Полою тоги он лицо закрыл бесстрастно,

Чтоб жребий свой принять с покорностью слепца

И взор не устремлять до самого конца

С мольбой о помощи иль мести к небу, коим

Допущена была расправа над героем.

Пред смертью он сумел ни звука не издать,

Чтоб слабостью своей убийц не оправдать.

Под их ударами застыв, как изваянье,

Он вспоминал свои бессмертные деянья

И не унизился до гнева на того,

Кто в низости своей велел убить его.

Изменою наш царь ему лишь придал славы,

И был последний миг им встречен величаво:

Негромко он вздохнул и, пав на дно ладьи,

Среди толпы убийц окончил дни свои.

Увидев, что на борт Помпей чело откинул,

Из ножен острый меч Септимий гнусный вынул,

И голову отсек, и поднял на копье,

И гордо, как трофей, Ахилле дал ее.

Затем, переходя в кощунстве все пределы,

Злодеи подлые швырнули в волны тело,

И бесприютный прах далеко от земли

По прихоти своей стихии унесли.

Все это с корабля Корнелия видала.

В отчаянье она металась и рыдала,

Но воплем жалостным супруга не спасла,

И руки к небесам бессильно вознесла,

И рухнула, лишась сознания от горя.

А спутники ее, поняв, что только в

море

Удастся, может быть, им жизнь свою спасти,

На весла сели вновь и принялись грести.

Но им не даст уйти Септимий от кончины.

Злодейство он свершил, но лишь до половины

И, чтоб не потерять плоды своих трудов,

Вслед беглецам ведет полдюжины судов.

Тем временем спешит Ахилла к Птолемею,

И на его трофей народ глядит, бледнея.

Небесный гром гремит в ушах у одного;

Другому кажется: земля у ног его

Разверзлась, чтоб отмстить за это преступленье;

Все стонут в ужасе и умопомраченье,

Затем что чувствуют: безмерная вина

С безмерной карою всегда сопряжена.

Филипп же с мужеством, особо благородным

В рабе, который стал не так давно свободным,

На берегу морском вперяет в волны взгляд,

Надеясь, что они останки возвратят,

И он обряд свершить сумеет погребальный,

И в урну поместит Помпеев прах печальный,

И скромный памятник соорудит над тем,

Чье счастье и успех внушали зависть всем.

Но, вслед Корнелии летя к владеньям Юбы,

Септимий и его наймиты-душегубы

Вдруг видят Цезаря несчетные суда…

Клеопатра.

Да, из Фессалии он сам спешит сюда.

Возмездье близится. Дрожите же, злодеи!

С приездом Цезаря отмщу я за Помпея,

И вас втопчу во прах, и вновь займу престол.

Тиранству вашему теперь конец пришел.

Но восскорбим о тех, чьи имена нетленны,

И на примере их поймем: все в мире бренно.

Тот баловень судьбы, кого своим главой

Считал сенат, глава державы мировой,

Кто римский стяг принес во все три части света

И награжден тремя триумфами за это,

С кем оба консула в последнюю из смут

Делили до конца опасный ратный труд,

—

Погиб, едва ему Фортуна изменила,

Из-за Септимия, Потина и Ахиллы.

Тот муж, чей путь земной был славой осиян,

Стал жертвой подлости каких-то египтян,

И царь, что им на трон взведен в былые годы,

Его придворному трусливо предал сброду.

Так кончил жизнь Помпей, и Цезарь в свой черед,

Быть может, тою же кончиною умрет.

Мои предчувствия, о боги, обманите

И, вняв моим слезам, его от бед храните!

Хармиона.

Умолкни, госпожа: подходит царь к дверям.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Птолемей.

Птолемей.

Ты слышала, сестра, какое счастье нам

Шлет небо?

Клеопатра.

Слышала. К нам Цезарь прибывает,

И больше твой Потин мной не повелевает.

Птолемей.

Все гневаешься ты на верного слугу?

Клеопатра.

Нет, просто им теперь пренебрегать могу.

Птолемей.

Что сделал он тебе? Чем грешен пред тобою?

Клеопатра.

Тем, что мне делал вред, мог сделать — больше вдвое.

Политик ловкий он, а значит, от него,

Кому покорен ты, могла я ждать всего.

Птолемей.

Потин умен, и я его советам верю.

Клеопатра.

А я коварство их познала в полной ме-

ре.

Птолемей.

Царь прав, что б ни свершал для пользы трона он.

Клеопатра.

Страх этим правилом твоим мне и внушен:

Им руководствуясь, венца лишил меня ты;

Из-за него Помпей пал в этот день проклятый.

Птолемей.

Я в самый нужный миг сумел удар нанесть,

Не то б на нас уже обрушил Цезарь месть,

Не дав нам времени подумать об отпоре, —

Ты знаешь, как он скор, своим врагам на горе.

Теперь же я тому, кто всех громит в бою,

В дар предложу свой трон и с ним любовь твою.

Клеопатра.

Мой дар — за мной; ты свой готовь, да без привеса,

Как требуют того твои же интересы.

Птолемей.

И, стало быть, твои: у нас один отец.

Клеопатра.

Добавить мог бы ты: равно как и венец,

Затем что я на трон права имею тоже.

Но интересы все ж у нас не вовсе схожи.

Птолемей.

Да, ибо власть свою я не распространил

За рубежи страны, что орошает Нил;

Тебя же, коль тебе сам Цезарь покорится,

Признают Таг и Ганг{24} законною царицей.

Клеопатра.

Я честолюбия, конечно, не чужда,
Но им ослеплена не буду никогда.
Ни к Гангу не влечет оно меня, ни к Тагу.
Я знаю свой предел, и далее — ни шагу.

Птолемей.

И все ж ты не должна удачу упускать.

Клеопатра.

Коль упущу, меня ты станешь попрекать?

Птолемей.

Страсть Цезаря к тебе сулит нам благ немало.

Клеопатра.

Угрозы для тебя побольше в ней, пожа-

{24} Комментарии: 2.24
К стр. 32
Таг и Ганг. — Имеются в виду река в Испании (древнее название современной реки Тахо) и река в Индии как олицетворение двух крайних точек, до которых распространялась власть Рима.

луй.

Но, как к удаче мне сейчас ни легок путь,

Не бойся: не хочу чужого я отнюдь.

Я столь хорошая сестра дурного брата,

Что ни враждой к тебе, ни злобой не объята.

Птолемей.

Не слишком ли ко мне презренья ты полна?

Клеопатра.

Успех — вот от чего зависит нам цена.

Птолемей.

В чем, глядя на тебя, никто не усомнится.

Клеопатра.

Настал и твой черед перед другим склониться.

Птолемей.

Пред тем, пред кем весь мир склонен?

Какой тут стыд?

Клеопатра.

Ступай почти его, а он меня почтит.
Ступай же, чтобы в порт поспеть к его прибытью!
Честь твоего венца сумею сохранить я...
Но вот и твой Потин. Подумай вместе с ним,
Как угодить тому, кому покорен Рим.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Птолемей, Потин.

Птолемей.

Ей принялся я льстить по твоему совету,
Но только дерзость в ней подстегивает это,
И я наслушался таких обидных слов,
Что гневу своему дать волю был готов.

Еще мгновение — и меч рука схватила б,

И мысль о Цезаре меня не укротила б,

И оказаться б там пришлось сестре моей,

Где б с нею встретился не Цезарь, а Помпей.

Гордячка на меня уже глядит с презреньем,

И если Цезарь впрямь ее поверит пеням,

И если он любовь питает к ней притом,

Я, брат ее и царь, ей сделаюсь рабом.

Предотвратим удар. Тот, кто силен, не станет

Покорно ожидать, пока беда нагрянет.

Исчезнет пусть сестра, чтоб больше не рвалась

Ни Цезаря пленять, ни притязать на власть.

Нельзя же допустить, чтоб заплатил короной

За первый нежный взгляд ей римлянин

влюбленный.

Потин.

Нет, иль в цепях пройдешь и ты, скорей всего,

За триумфальною квадригою его.

Как месть твоя сестре не будет справедлива,

Он, чья натура столь, увы, честолюбива,

Что в рабство рада бы всю землю обратить,

Не поколеблется сторицей отомстить

Тебе за ту, кого похитишь у него ты,

И от тоски по ней, равно как из расчета,

Египет разгромит, трон у тебя отняв

И праведный твой гнев к злодейству приравняв.

Птолемей.

Коль я не устраню сестру, она — царица.

Потин.

Попробуй устрани, и твой удел — гробница.

Птолемей.

Рад, чтоб сгубить ее, я буду умереть.

Потин.

Чтоб с радостью сгубить ее, живи и впредь.

Птолемей.

Жить, видя свой венец у ней на лбу всечасно?

Коль скипетр удержать рука моя не властна,

Пусть Цезарем самим он будет в руки взят.

Потин.

Нет, легче у сестры забрать его назад.

Какою пламенной ни полон Цезарь страстью,

Уедет он, и вновь ты завладеешь властью.

Таких, как он, любовь бессильна удер-

жать:

Свое величье им милей приумножать.

Ждет Африка его, Испания — за нею.

Там Юба, Сципион, там сыновья Помпея[{25}],

И воля Цезаря для мира — не закон,

Покуда не добил всех помпеянцев он.

Не полководцем бы — глупцом его считали,

Когда б, довольствуясь победой при Фарсале,

Он дал противникам, которых разгромил,

Набраться исподволь решимости и сил.

А коль он верх возьмет над ними в тяжбе ратной,

Ему отправиться придется в Рим обратно,

{25} Комментарии: 2.25

К стр. 35

Сципион, Квинт Цецилий Метелл Пий — римский политический деятель, отец Корнелии, сторонник Помпея; покончил с собой в 46 г. до н. э., потеряв веру в победу своей партии.

…сыновья Помпея… — Видимо, имеется в виду сын Помпея Секст (75–35 гг. до н. э.), участник войны с Цезарем.

Чтоб граждан отучить от вольности былой

И преобразовать себя изживший строй.

За это время, царь, немало сделать можно.

Встреть Цезаря, пред ним угодничай безбожно,

Но помни, льстя ему, что переменчив рок

И новый поворот событий недалек.

Вручи же Цезарю трон, скипетр и корону,

И он, чтоб проявить почтение к закону,

Исполнит, тронутый смирением таким,

То, что завещано родителем твоим.

К тому ж ты сослужил ему такую службу,

Что он не выказать тебе не может дружбу.

Но что б он ни решил, на все согласен будь —

Пусть только поскорей опять уедет

в путь.

Когда наступит миг, удобный для отмщенья,

На это хватит нам и сил и разуменья;

До тех же пор скрывай от своего двора,

Как глубоко тебя обидела сестра.

Угрозы лишь селят в сопернике тревогу.

Тот мало говорит, кто хочет сделать много.

Птолемей.

Ты спас меня, мне жизнь и скипетр возвратив.

О, где советник мудр, там государь счастлив!

Плывем же к Цезарю, оплот венца царева,

Чтоб все ему отдать и взять обратно снова.

Устроим пришлецу торжественный прием

И лжепокорностью в обман его введем.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Хармиона, Ахорей.

Хармиона.

Наш царь — и тот в порту, найдя, что не зазорно
Ему пред Цезарем повергнуться покорно,
А Клеопатра все в своих покоях ждет,
Что победитель сам к ней на поклон придет.
Заносчивостью б я назвала это ныне.

Ахорей.

А я — оправданной, законною гордыней
Той, что носить венец монарший рождена
И честь его блюсти поэтому должна.
Войти к ней можно?

Хармиона.

Нет, но мне она велела

Во всех подробностях узнать, как было дело;

Как Цезарь вел себя, кровавый дар узрев;

Что выказал царю — признательность иль гнев;

Каков он стал лицом — хмур иль, напротив, светел,

И чем в конце концов на лесть убийц ответил.

Ахорей.

Боюсь, что голова Помпея принесла

Им мало выгоды, но очень много зла,

И, даже допустив, что Цезарь притворялся,

Его б на месте их теперь я опасался.

Царю они верны, но верность их — во вред.

С двором отправился я Птолемею вслед.

Навстречу римлянам его суда поплыли,

Но Цезарь был от нас уже в какой-то

миле,

И как на суше Марс хранил его везде,

Так ныне и Нептун дружил с ним на воде:

К Александрии вел под всеми парусами

Он флот, пришпоренный попутными ветрами.

На судно Цезаря поднявшись наконец,

С испугу царь забыл, что носит он венец.

Он быть приветливым старался что есть силы,

Но трусость низкая в чертах его сквозила,

И сожалел я, стыд тая в душе своей,

Что предо мной не царь, хотя и Птолемей.

Так боязлив был он, спесивый из спесивых,

Что Цезарь подбодрил его в словах учтивых,

И царь пролепетал, пред тем как дар поднесть:

«Ты от соперника избавлен мною днесь.

Помпей с женой ушли от рук твоих в Фарсале,

Но в сеть, что здесь на них расставлена, попали.

Вот твой заклятый враг; Корнелии ж вослед

Шесть кораблей ведет мой преданный клеврет».

Тут с мертвой головы Ахилла снял покровы.

Казалось, вновь она заговорить готова,

И онемевшие навек уста вот-вот

Обида новая стенаньем разомкнет,

И незакрытые глаза посмотрят дико,

И в них опять блеснет огонь души великой,

И попрекнет богов в последний раз Помпей

Злосчастием своим и гибелью своей.

Взор Цезарь устремил на этот дар ужасный.

Как громом поражен, недвижный и без-

гласный,

Глазам не веря, он старался что есть сил

Скрыть чувства, коими обуреваем был.

Но сделать все же я дерзну предположенье,

Что первое свое душевное движенье —

За смерть соперника признательность судьбе —

С негодованием он подавил в себе.

Конечно, мысль, что мир ему покорен ныне,

Приятной не могла не быть его гордыне,

Но добродетель ей отпор сумела дать

И не позволила в душе возобладать.

Да, славы алчет он, но не ценой измены!

Взглянул со стороны он на себя мгновенно,

Сам чувствам собственным содеялся судьей,

Их взвесил, оценил и сделал выбор свой.

Он слабости на миг дал волю над собою,

Но, одолев ее, стал духом тверже вдвое.

Затем кровавый дар убрать он повелел,

Взор к небесам возвел и руки к ним воздел,

Сквозь зубы процедил: «О стыд! О злодеянье!» —

И погрузился в столь упорное молчанье,

Что даже римлянам в ответ на их слова

Бросать суровый взгляд благоволил едва.

Приказ о высадке дав тридцати когортам[{26}],

Он тотчас завладел и городом и портом,

Охрану выставил у всех ворот уже

{26} Комментарии: 2.26
К стр. 38
Когорта — боевое объединение пехоты у древних римлян.

И показал, что быть решил настороже,

Что под руку свою берет Египет знойный

И что Помпей ему не враг, а зять покойный.

Вот то, что нынче я видал.

Хармиона.

Вот то, о чем

Царица молится Осирису[27] *тайком.*

Такая весть ее порадует безмерно,

А ты, мой друг, и впредь служи ей столь же верно.

Ахорей.

Не премину… Но вот и Цезарь. К ней спеши

И страх приспешников царевых опиши,

А я, оставшись здесь и проследив за ними,

С вестями к ней приду — благими иль

{27} Комментарии: 2.27

Осирис — одно из верховных божеств Древнего Египта, покровитель царства мертвых.

дурными.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Цезарь, Птолемей, Антоний, Лепид, Потин, Ахилла, римские и египетские воины.

Птолемей.

Сядь, властелин, на трон и правь моей страной.

Цезарь.

Как ты решаешься так говорить со мной?

Знай: нет для Цезаря страшнее приговора,

Чем троном обладать, коль равен трон позору.

Займи я твой престол, гордиться мог бы Рим

Тем, что столь долго был гонителем моим,

Рим, для которого ничто твоя корона,

Который раздает и низвергает троны,

Который искони привил своим сынам

Презренье к титулам и ненависть к

царям.

Престол свой предложить ты должен был Помпею

И от него узнать то, что сказал тебе я.

Царь, поддержав того, кем был на трон взведен,

Ты возвеличил бы и сам себя и трон.

Ты пал бы, может быть, но пал, покрытый славой,

Победой свой удел считать имея право,

И если бы тебя обрек паденью рок,

Тебе бы Цезарь встать с охотою помог.

Ты так не поступил и — что намного хуже —

Коварно отнял жизнь у доблестного мужа.

Как мог ты от убийц его не защитить,

Ты, кто последнего из римлян должен чтить?

Ужель ты возомнил, что боги при Фарсале

Мне только для того победу ниспосла-

ли,

Чтоб жизнью тех, кого в сраженье я разбил,

Ты волен, Птолемей, распоряжаться был?

Я власть верховную не уступил Помпею.

Так неужель с тобой делиться буду ею

И злоупотребить своим успехом дам,

Чтоб ты дерзнул на то, чего не смел я сам?

Как мне назвать твой двор, где ты непоправимо

Всех римлян оскорбил в лице владыки Рима,

Чью голову важней им было бы сберечь,

Чем тысячи голов, что снял понтиец с плеч?

Не обольщайся, царь, я не предполагаю,

Что Цезаря ждала б у вас судьба другая:

Когда бы одолел Помпей меня в бою,

Ему бы в дар поднес ты голову мою.

Удачей там стяжал себе я уваженье,

Где в грязь втоптали бы меня при пораженье.

Ты воздаешь не мне — моим успехам честь.

Не Цезарь ценится, а победитель здесь.

Опасна дружба тех, кто ею к нам пылает,

Пока Фортуна нас в беде не оставляет!

Но слишком робок ты. Довольно, царь, молчать!

Птолемей.

Не знаю в первый раз я, что и отвечать,

И, право, оробеть есть у меня причина:

Я — царь, но мне судьба послала властелина.

Здесь, где законом был приказ мой до сих пор,

Где с трепетом внимал моим веленьям двор,

Я вижу двор другой, равно как власть другую,

И не склонить пред ней колени не могу я.

Твоим присутствием уже смущен был я,

И усугубила испуг мой речь твоя.

Суди ж, могу ли быть не робок я с тобою,

Коль скоро чту тебя, страшусь — сильнее вдвое,

И в силах ли тебе я возражать, узрев

Твое величие и твой державный гнев?

Сколь ни дивлюсь тому я всей душой своею,

Что выступаешь ты как мститель за Помпея,

Напомню, что хоть нам он помощь оказал,

Не меньше нас и ты — нет, больше — обязал.

Ты первый протянул нам руку, ты добился,

Чтобы за нас твой зять в сенате заступился:

Ведь он без просьб твоих не стал бы

там сто раз

Твердить, чтоб на престол опять вернули нас.

Но не помог бы нам сенат ваш именитый,

Коль денег не дал бы изгнанникам взаймы ты.

С их помощью смирил мятежников Авлет, —

И, словом, ты, лишь ты избавил нас от бед.

Помпей, твой зять и друг, был нами чтим глубоко,

Пока не воспылал к тебе враждой жестокой;

Но, видя, что во зло употребил он власть,

Дерзнул тираном стать и на тебя напасть...

Цезарь.

Не лги и этим грех не отягчай кровавый.

Того, чью отнял жизнь, лишить не про-

буй славы.

Соперника не смей порочить моего.

Оправдывай себя, но не черни его.

Птолемей.

Пусть то, что думал он, одним богам известно,

Но все ж поверь: в войне, которую бесчестно

Он навязал тебе надменностью своей,

Мы, Цезарь, за тебя душою были всей.

Я счел, что должен смерть принять твой враг смертельный,

Коль скоро, движимый враждою беспредельной,

На что угодно он пойдет в борьбе с тобой.

Необходимостью я мнил поступок свой

Еще и потому, что понимал прекрасно,

Сколь милосерден ты и сколь это опасно:

Ведь если б в плен к тебе соперник угодил,

Его бы на беду себе ты пощадил.

Вот почему тебе без твоего согласья

Услугу оказал я на свое несчастье

И за тебя отдать осмелился приказ,

Который ты в вину вменяешь мне сейчас.

В усердии моем ты видишь злодеянье,

Но служба Цезарю — всем средствам оправданье.

Я обелить тебя сумел, себя черня;

Ты ж этим пользуйся и порицай меня.

Чем ниже уроню я честь свою, тем лучше,

Коль вознести тебя дает мне это случай

И жертвою моей, что долгом внушена,

Навеки будет власть твоя укреплена.

Цезарь.

Ты слишком, царь, хитришь. Оставь попытки эти

Изобразить себя в благоприятном свете.

Переусердствовал ты, устрашась того,

К чему стремится мир теперь сильней всего,

И у меня отняв из опасений вздорных

Единственный тот плод гражданских войн упорных,

Из-за которого вести и стоит их, —

Возможность, победив, простить врагов своих.

В борьбе, навязанной мне столь несправедливо,

Я движим лишь одной мечтой честолюбивой —

Честь отстоять свою и братьями опять

В сраженье сломленных противников назвать.

О, как бы счастлив был наш Рим многострадальный,

Когда бы на одной квадриге триумфальной

Помпея с Цезарем бок о бок увидал

И понял, что конец раздору их настал!

Не этого ли ты, усердствуя, страшился?

Не из-за этого ль убийцей стать решился?

Я милосердием тебя пугаю? Ложь!

Ты скоро, может быть, и сам к нему взовешь.

Когда б мой слух внимал лишь голосу закона,

Я, не считаясь с тем, что на тебе корона,

Равно как с напускным раскаяньем твоим,

Тебя казнил бы, царь, чтоб успокоить Рим,

И поменял бы трон на плаху ты мгновенно;

Но Клеопатры кровь столь для меня священна,

Что на твоих льстецов вину я возложу

И, как себя вести ты станешь, погляжу:

Ты оправдаешься, коль строго их осудишь,

А не осудишь — сам за все в ответе будешь.

Пока ж воздвигну в честь Помпея алтари,

Бессмертным за него молитвы сотвори

И жертвы принеси греха во искупленье,

А главное, найди виновных в преступленье.

Ступай, распорядись и дай возможность мне

С моими ближними побыть наедине.

Птолемей и египтяне уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Цезарь, Антоний, Лепид.

Цезарь.

Антоний! Видел ты прекрасную царицу?

Антоний.

Да, видел и скажу: никто с ней не сравнится —

Столь непостижная рассудку красота

С высокою душой богами в ней слита.

Пленяет речь ее, глаза обворожают,

Черты величие такое выражают,

Что устоять пред ней ни в ком не станет сил.

На месте Цезаря я б сам ее любил.

Цезарь.

Поведай, как вняла она моим признаньям.

Антоний.

С опаской видимой и тайным ликованьем,

Не веря на словах, что стоит чувств твоих,

И глубоко гордясь, что заслужила их.

Цезарь.

Ужели я любим?

Антоний.

Тебе ль, ее надежде,

Тому, кто стать ей даст царицею, как прежде,

Кто с ней поделится господством мировым,

Питать сомнения, что ею ты любим!

В любви египтянке признайся, не робея:

Склонится все пред тем, кто победил Помпея.

Хотя в нее вражда, которой обуян

Рим искони ко всем, кто носит царский сан,

И брак с Кальпурнией вселяют опасенья,

Преодолеешь ты ее сопротивленье,

Коль соблаговолишь войти в покои к ней

И сам откроешься возлюбленной своей.

Цезарь.

Идем, докажем ей, как эти страхи ложны.

Излить свой страстный пыл я должен неотложно.

Идем!

Антоний.

Но до того, как примет нас она,

Знай, что Корнелия уже привезена.

В плен захватить ее успел-таки Септимий,

Мня угодить тебе стараньями своими,

И с пленницей, едва причалили суда,

Он был, как ты велел, препровожден сюда.

Цезарь.

Скажи, пусть их введут. Как эта весть некстати!

Желанием горю возлюбленной предстать я,

А вы, о небеса, лишаете меня

Возможности побыть с ней хоть остаток дня!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Корнелия, Септимий.

Септимий.

Мой властелин!..

Цезарь.

Ступай, Септимий, к Птолемею.

Я дел с предателем презренным не

имею.

Мне мерзок римлянин, что стал царю слугой,

Хоть встарь Помпей и я его водили в бой.

Корнелия.

Пусть, Цезарь, рок меня в оковы ввергнул ныне,

Но пленницу не мог он превратить в рабыню,

И я за жизнь свою так мало трепещу,

Что слово «властелин» к тебе не обращу.

Красс-младший[{28}] *и Помпей со мной делили ложе,*

Отец мой — Сципион, и забывать негоже

Мне, римлянке, о том, что, как ни стражду я,

Чуждаться слабости должна душа

{28} Комментарии: 2.28

К стр. 45

Красс-младший, Марк Лициний — римский политический деятель; был то сторонником, то противником Цезаря.

моя.

Средь бедствий, на меня обрушенных судьбою,

Стыжусь я лишь того, что остаюсь живою.

Из мира не ушла я за Помпеем вслед,

И хоть моей вины тут не было и нет,

Затем что не дали из жалости жестокой

Мне утонуть иль нож вонзить в себя глубоко,

Казнюсь я и должна казниться буду впредь

За то, что не смогла от скорби умереть

И славой, умерев, покрыть себя нетленной.

Суровый рок судил мне стать твоею пленной,

И все ж я искренне признательна богам,

Коль скоро нахожусь по промыслу их там,

Где ты — не Птолемей — располагаешь

властью.

О небо! Под какой звездою родилась я,

Коль мне благодарить приходится богов,

Что оказалась я в руках своих врагов,

А не царя, что нам всегда считался другом

И даже на престол взведен моим супругом!

Не слишком, Цезарь, верь успеху своему:

Ты им обязан лишь злосчастью моему.

Я горе принесла и Крассу и Помпею,

Два раза ввергла мир в беду бедой своею,

Два раза навлекла замужеством своим

Вражду богов на тех, кто поднял меч за Рим.

О, как хотела б я, чтоб брак нерасторжимо

Связал и Цезаря со мной на благо Рима

И с губ своей жены его в свой час и срок

Отраву неудач испить заставил рок!

Знай, Цезарь: ненависть во мне слабей

не стала.

Я — римлянка, о чем тебя предупреждала,

А значит, и в плену пребуду столь горда,

Что не взову к тебе с мольбою никогда.

Как хочешь поступай. Я лишь напоминаю,

Что я — Корнелия и слова «страх» не знаю.

Цезарь.

О, мужа славного достойная жена,

Какою твердостью в несчастье ты полна!

При взгляде на тебя встают передо мною

Тот, чья ты дочь, и тот, чьей ты была женою,

И выдают слова, что ты произнесла,

Дом, где ты выросла, и дом, куда вошла.

Красс-младший и Помпей с их доблестью безмерной,

Что были преданы Фортуною неверной,

И Сципионы, Рим спасавшие не раз, —

Вот чья душа горит в твоих глазах сейчас,

И нет у нас семьи, которая б гордилась,

Что в ней жена и дочь славней тебя родилась.

Будь боги римские, которых Ганнибал,

Когда б не пращур твой[{29}]*, ногами б растоптал,*

Добрей к воителю, тебе столь дорогому,

Ему бы не пришлось бежать к царю чужому

И в нем себе искать сомнительный оплот.

Он знал бы, что во мне вновь друга обретет,

В себе бы подавил к моей удаче зависть

{29} Комментарии: 2.29

К стр. 46

…пращур твой… — Цезарь имеет в виду Сципиона Африканского (235–183 гг. до н. э.), предка Корнелии, победителя Ганнибала во второй Пунической войне (202 г. до н. э.).

И, разом от тревог беспочвенных избавясь,

Дождался бы, пока его я нагоню

И действия свои спокойно объясню.

Тогда, счастливый тем, что мир несу отчизне,

Его б я убедил не уходить из жизни,

Мою случайную победу позабыть

И не соперником, но ровнею мне быть.

Тогда б богам простил от удовлетворенья

Он понесенное в Фарсале пораженье

И, этим доказав, что вновь друзья мы с ним,

Мою победу мне простить заставил Рим.

Но раз, безвременно сведя его в могилу,

Столь светлой радости наш мир судьба лишила,

Все то получишь ты из Цезаревых рук,

Что получил бы твой прославленный супруг.

Свободой полною ты можешь насла-

ждаться,

Но у меня в плену прошу два дня остаться,

Чтоб я успел почтить прах мужа твоего

И царским прихвостням воздать за смерть его,

А ты, в Италию вернувшись, рассказала

О том, что совершил теперь герой Фарсала.

Пока расстанемся. Ступай, Лепид, вели,

Чтоб здесь ей лучшие покои отвели

И обращались с ней, как с римскою матроной, —

Еще почтительней, чем с той, на ком корона.

Ее приказ — закон.

Корнелия.

За что к душе такой

Меня, о небеса, вы полните враждой?

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Птолемей, Ахилла, Потин.

Птолемей.

Как! Собственной рукой и сталью, что вонзилась
В Помпея, у судьбы попавшего в немилость,
Септимий на глазах у вас себя убил,
Когда от Цезаря с позором прогнан был?

Ахилла.

Да, царь, и смерть его показывает ясно,
Насколько Цезарю не угодить опасно,
Коль он и в бешенстве отнюдь не скороплив.
Не долог ярости неистовый порыв,
Но гнев, который в нас раздумье укрепило,
С теченьем времени лишь набирает

силу.

Не мни, что Цезаря задобрить удалось:

Он просто сдерживать привык до срока злость.

Стяжал он власть мечом, но чист быть хочет ныне,

Помпея затравил, но славит по кончине

И склонен притязать, как видно по всему,

На честь отмстить за смерть, что выгодна ему.

Птолемей.

Ах, если б утром внял я твоему совету,

Дрожать бы не пришлось мне за корону эту!

Но столько мнений брать цари в расчет должны,

Что выбрать верное не всякий раз вольны.

У края пропасти судьба нас ослепляет

И если все ж на миг нам мысли просветляет,

То лишь затем, чтоб мы, вперясь в их ложный свет,

Скорей себе конец нашли в пучине бед.

Потин.

Да, царь, я в Цезаре ошибся, без сомненья,

Но если видит он в услуге преступленье,

Пусть кровь его теперь и смоет с нас пятно.

Другого выхода судьбой нам не дано.

Я больше не скажу, что следует дождаться,

Пока уедет он, и лишь потом сквитаться.

Нет, надо нам, коль мы хотим себя сберечь,

За смерть Помпея жизнь его врага пресечь.

Когда ж, за первым вслед, мы устраним второго,

Рим, недруг одного, равно как и другого,

Затем что для него тиран — из них

любой,

Признает, что спасен от рабства лишь тобой.

Птолемей.

Да, лишь таким путем спасусь я от тирана,

Который для меня столь страшен стал нежданно,

Хотя обязан мне величием своим.

За римлян их судьбу вторично мы решим.

Мы в рабство ввергли их, теперь вернем на волю.

Своим могуществом не чванься, Цезарь, боле,

А лучше, на себя взглянув, уразумей,

Что так же смертен ты, как смертен был Помпей.

Он затмевал тебя, но все ж погиб бесславно,

А ты два раза жить не в силах и подавно;

Так вспомни, коль тебе его взаправду

жаль,

Что сердце и твое пронзить способна сталь.

Громи, гневись, грози расправиться со мною

Не ты, а я твой Рим сегодня успокою,

Казнив за доброту жестокую того,

Кто и в царе щадит лишь кровь сестры его.

Не склонен я терпеть твое непостоянство,

Зависеть не хочу от сестрина тиранства,

Не допущу, чтоб стал мой трон в игре у вас

Наградой за любовь иль карой за отказ.

Тебя перехитрю я и в злоумышленье.

Ты мне велел сыскать виновных в преступленье,

И, верный твой слуга, нашел я в свой черед,

Что больше всех тебе такая роль идет:

Чья кровь, как не твоя, угодней манам мрачным{30}

Того, кто сыном был тебе по узам брачным?

Но мало проку гнев, друзья, копить в себе.

Пора подумать нам, как преуспеть в борьбе.

Пожалуй, сердцу зря даем мы распалиться:

Войска захватчика — хозяева столицы.

Что сделать можем мы? Как их опередить?

Достаточно ли сил у нас, чтоб победить?

Ахилла.

Мы сделать можем все, что для успеха надо.

В двух милях от ворот стоят мои отряды:

{30} Комментарии: 2.30

К стр. 49

Маны — по представлению древних римлян, души умерших; им приносились благодарственные жертвы как хранителям домашнего очага.

Я там, чтоб дать отпор любому мятежу,

Шесть тысяч воинов с недавних пор держу.

Подземный тайный ход ведет в их стан отсюда,

И с ними во дворец без шума я прибуду,

Чтоб Цезаря врасплох застать во тьме ночной,

Хоть стражей он себя и окружил тройной.

Над ним, воителем всемирно знаменитым,

Нам не возобладать, мой царь, в бою открытом;

Зато мы на пиру легко его возьмем,

Когда упьется он любовью и вином.

Народ за нас. Уже у самого причала

От возмущения тайком толпа ворчала,

Заметив, как пришлось склонить знамена нам

И раболепно дать пройти чужим орлам.

Я понял по ее озлобленному виду,

Как тяжко ей терпеть столь явную обиду.

Она пока еще молчит, свой гнев смирив,

Но подтолкни ее — и неизбежен взрыв.

А перебежчики, которых нанял в Риме

И под руку свою в Египте взял Септимий, —

Те жаждут с Цезарем расчесться наконец:

Презрев Септимия, их всех презрел гордец.

Птолемей.

Но кто ж на пиршестве приблизится к тирану,

Коль выставит и там он вкруг себя охрану?

Потин.

У римских воинов, наемников твоих,

Не так уж мало есть знакомых и родных

Меж теми, кто сюда с Корнелией до-

ставлен

И жаждет, чтобы Рим от ига был избавлен.

Под слово честное их Цезарь отпустил.

Вот я с их помощью ему б и отомстил.

Он милосердным счел за благо притвориться

И льстить Корнелии, чтоб с Римом помириться,

И, значит, спутникам ее откроет вход

На пир, где кто-нибудь из них его убьет…

Но вот твоя сестра. В лукавстве изощряйся

И выказать испуг и слабость постарайся.

Мы ж оставляем вас — враждебна нам она

И, нас увидев здесь, была б оскорблена.

Птолемей.

Ступайте! Я приду.

Ахилла и Потин уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Птолемей, Клеопатра, Ахорей, Хармиона.

Клеопатра.

Я с Цезарем видалась
И гнев его унять посильно попыталась.

Птолемей.

Великодушна ты, и я, твой брат родной,
Знал, что в беде сестра останется со мной.
Но что ж простилась ты с возлюбленным так скоро?

Клеопатра.

Уладить пожелал он самолично ссоры,
Произошедшие на стогнах городских
С легионерами у подданных твоих,
А я отправилась тебя уверить снова,
Что в безопасности и жизнь и власть царевы,
Что Цезарь, о твоих делах душой скорбя,

Полн жалости к тебе — не злобы на тебя.

Жалеет он, что внял ты тем политиканам,

Из-за которых царь становится тираном,

Коль им, чей низок род и чья душа подла,

Его рука бразды правленья отдала.

Тот, кто рожден слугой, повелевать не в силах.

Груз власти чересчур тяжел для плеч столь хилых,

И временщик под ним повергнется во прах,

Как на страну и двор нагнать ни тщится страх.

Птолемей.

Не стану отрицать перед сестрой своею,

Что плохо выбирал советников себе я.

Когда б послушался я тех, чей дух высок,

Я б от позора сан и трон свой уберег;

Считала б ты меня достойнее трикраты

Той дружбы, что всегда выказывала брату;

Помпея б Цезарь мог здесь, во дворце, обнять;

Принес бы миру мир Египет наш опять,

А царь его, склонив врагов забыть былое,

Им другом сделался б и, может быть, судьею.

Но так как прошлого уже не воскресить,

Я только вот о чем дерзну тебя просить:

Я притеснял тебя, но столь добра ко мне ты,

Что жизнь мою и трон уберегла за это.

Так превзойди себя: тобою быть должны

Ахилла и Потин от смерти спасены.

За ненависть к тебе они достойны мести,

Но казнь их повредит моей монаршей чести:

Коль Цезарь взыщет с них за мной свершенный грех,

Предателем навек я прослыву у всех.

Он в их лице меня подвергнет наказанью.

Уйми ж законное свое негодованье:

Ту, в чьей груди такой высокий дух сокрыт,

Кровь двух ничтожных слуг не удовлетворит.

Спаси их и мою признательность умножишь:

Ведь ты от Цезаря всего добиться можешь.

Клеопатра.

Я пощадила б их, будь я решать вольна:

Не мщу я тем, к кому презрения полна.

Но там, где вопиет о мести кровь Помпея,

На Цезаря и я влиянья не имею.

Я речь об этом с ним пыталась завести,

Но мой прямой вопрос сумел он обойти

И мне, переменив предмет беседы сразу,

Так и не молвил «да», хоть не дал и отказа.

Но все же просьбы я пущу вторично в ход.

Быть может, этот раз мне больше повезет.

Надеюсь…

Птолемей.

Вот и он. Позволь мне удалиться.

Боюсь, застав нас тут, он пуще разъярится,

А я в немилости уже и без того.

Ты, действуя одна, быстрей смягчишь его.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Клеопатра, Цезарь, Антоний, Лепид, Хармиона, Ахорей, римские воины.

Цезарь.

Царица! В городе подавлены волненья.
Они возникли там по недоразуменью,
И не позволил я им кончиться резней
Меж чернью буйною и дерзкой солдатней.
Не из-за этого, клянусь, я волновался
В тот миг, когда с тобой на время расставался.
Нет, клял я свой удел и власть, чье бремя мне
Препятствует побыть с тобой наедине.
Я на судьбу роптал за то, что ненадолго
Покинуть должен вновь тебя по зову долга,
Но восхвалял ее при мысли, что обресть

Блаженство высшее дано мне ею здесь.

Ведь это же она столь щедро укрепила

Меня надеждами, исполненными пыла,

На то, что я тебя не слишком оскорблю

Признанием в любви, которою киплю,

Равно как и на то, что стал к тебе я ближе

Теперь, когда одних бессмертных Цезарь ниже.

Найди ты средь земных владык себе слугу,

Что выше б мог тебя вознесть, чем я могу,

И будь престол того, чьей госпожой ты стала,

Достоин, чтоб на нем ты тоже восседала,

Я у соперника оспорил бы мечом

Не трон, но право мнить себя твоим рабом

И, только победив противника такого,

Осмелился б тебе открыться в чув-

ствах снова.

Поверь: лишь для того, чтоб эту честь стяжать,

Я верх во всех боях стремился одержать.

В Фарсале я и то желал стократ сильнее

Не потерять тебя, чем победить Помпея,

И вдохновлял на то, чего добился я,

Меня не бог войны, а красота твоя.

Мне придала она отваги, силы, рвенья,

И мой успех — ее последнее творенье:

Его бы не было, когда б в груди моей

Пожара не зажег огонь твоих очей,

Когда б из-за тебя не жаждал неизменно

Я первым в Риме стать и, значит, во вселенной.

Но вот я сделался, как мне хотелось, им

И жажду большего — быть пленником твоим

И, мира властелин, взойду к вершинам счастья,

Коль ты дозволишь мне жить под твоею властью.

Клеопатра.

Поверь: себе отчет я отдаю вполне

В том, сколько чести ты оказываешь мне,

И пред тобой открыть готова душу смело.

Я сознаю, кто я и с кем имею дело.

Мне, девочке еще, ты сердце подарил;

На отчий трон меня два раза водворил;

Благодаря тебе ношу корону вновь я.

Не диво, что к тебе пылаю я любовью

И ты навек смутил душевный мой покой

Такою доблестью и щедростью такой.

Но ах! И царский сан, наследие отцово,

И знатный род, и власть, что мне вернул ты снова,

И трон, что стал моим с сегодняшнего дня, —

В любви все это лишь помеха для меня.

Лишь ненависть ко мне все это разжигает

И, вознося меня, в пучину низвергает.

Коль Рим таков, как был, презрение одно

У римлян встретить мне, царице, суждено,

И, стало быть, себя всечасным униженьям

Я обреку своим высоким положеньем.

Но тем не менее я, зная мощь твою,

Надежду смелую на лучшее таю.

Великий человек, чья рать неодолима,

Сумеет победить предубежденья Рима,

И твой приказ народ принудит без труда

Забыть вражду, что он к царям питал всегда.

Препятствие тебе не страшно никакое:

В Фарсале чудо ты свершил и не такое.

Я верю, что на все ты для меня готов,

И мне помочь молю тебя, а не богов.

Цезарь.

Любовь мне силы даст свершить любое чудо.

Как только приплыву я в Африку отсюда

И мой победный стяг узреть придется там

Моим пока еще не сдавшимся врагам,

Рим противостоять мне более не сможет,

Пред волею моей склонясь, оружье сложит

И в той, кого мечом ему я навяжу,

Почтит владычицу свою и госпожу.

Одна лишь новая победа мне потребна,

И он, взирающий на царский сан враждебно,

В Александрию сам к тебе пришлет посла

Молить, чтоб к алтарю со мною ты пошла.

Вот мне за ратный труд желанная

награда,

Затем что Цезарю других желать не надо,

И я восторженно благословлял бы рок,

Когда б ее стяжать, с тобой оставшись, мог.

Но враг моей любви — моя любовь, царица.

Чтоб стать твоим, с тобой я должен разлучиться:

Мне предстоит в поход отправиться опять

И, недругов добив, тебя завоевать.

Так пусть сочувствие и благосклонность милой

Исполнят Цезаря решимостью и силой,

Чтоб потрясенный мир навеки затвердил

Мои слова: пришел, увидел, победил.

Клеопатра.

Так лестно для меня подобное признанье,

Что новой просьбе в нем найду я оправ-

данье.

Мой трон, а может быть, и жизнь мою ты спас,

Но докучать тебе дерзая лишний раз

Победами, твое прославившими имя,

Твоими чувствами, надеждами моими —

Всем заклинаю я тебя на нашу страсть

Кровавое пятно заранее не класть.

Злодеев сам прости иль, мне простить позволя,

Всем докажи, что вновь сижу я на престоле.

Ахилла и Потин так низки, что боязнь

Узреть на мне венец им и заменит казнь,

А смерть их…

Цезарь.

Нет! Хоть власть взяла ты надо мною,

Ей применение прошу найти иное

И благодетельный поток щедрот тво-

их

Не изливать на тех, кто недостоин их.

Не требуй от меня преступникам прощенья,

Чтоб соучастником не стал я преступленья.

Я пощадил царя. Так удовлетворись

Тем, что тобой твой брат был…

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Корнелия.

Корнелия.

Цезарь, берегись!

Жизнь у тебя хотят отнять, как у Помпея.

Расстанешься, как он, ты с головой своею

И кровью, как мой муж, сегодня истечешь,

Коль скоро замыслы убийц не пресечешь.

Два-три мои раба примкнули к заговору

И выдадут они зачинщика без спору.

Схвати их.

Цезарь.

Римлянка! На высоте одной

Стоишь ты духом с тем, кому была женой.

Его следящие за нами с неба маны,

Чтоб за героя мог отмстить я невозбранно,

Продлили дни мои, злодеев обличив

Устами той, в ком он наполовину жив.

Да, да, посмертно он живет в своей любимой,

В ее речах, делах, душе неукротимой

И надо мною верх отныне в свой черед

Великодушием Корнелии берет.

Корнелия.

Ошибся, Цезарь, ты, коль вдруг тебе помнилось,

Что благодарностью вражда во мне сменилась.

Я недругом твоим пребуду оттого,

Что между нами кровь супруга моего,

И коль свободу впрямь ты мне вернуть намерен,

Предупреждаю: будь заранее уверен,

Что, тотчас обратив ее тебе во зло,

Умножу я твоих противников число.

Но как ни жажду я тебя обречь кончине,

Предотвратить ее мне следовало ныне:

Я слишком много прав тебе имею мстить,

Чтобы за смерть твою изменою платить.

Кто ей потворствует, тот сам изменник гадкий.

Мне нужно, чтоб ты пал, но только в честной схватке.

У мужа моего остались сыновья.

В сражение с тобой их и направлю я,

Чтоб на глазах у всех в открытом споре бранном

Был ими принесен ты, Цезарь, в жертву

манам

Героя, чьих убийц ты покараешь днесь,

Им за него отмстив, как бывший друг и тесть.

Но это для меня желанное отмщенье

Отсрочит смерть твоя и убыстрит — спасенье,

А значит, дав убить тебя, пришлось бы мне

От нетерпения страдать сильней вдвойне,

Затем что лишь тогда для сердца месть — отрада,

Когда нам ждать ее не слишком долго надо.

На африканских я не стану берегах

Искать ту молнию, что у тебя в руках:

Себя в свой срок и сам испепелишь ты ею.

Предав тебя, воздать могла б я за Помпея,

Но меру следует и в ненависти знать:

Грех победителя с убийцами равнять,

И лишь когда казнишь ты их за дело злое,

За пораженье я с тобой сочтусь былое.

Того же хочет Рим, который никогда

Не смыл бы с гордого чела пятно стыда,

Узнай он, что в один и тот же день убиты

Его славнейшие сыны ножом наймита.

Ему, чьих граждан мнишь ты превратить в рабов,

Преступники стократ противнее врагов,

И не потерпит он, чтоб Тибр освободили

Те, кем содеяно предательство на Ниле.

Лишь римлянином мог он быть порабощен;

Даст иго снять с него лишь римлянину он.

Настигни здесь тебя коварные удары,

Была бы смерть твоя злодейством, а не карой,

И тем, кто подражать тебе бы захотел,

Уроком бы не стал твой горестный удел.

Обрушь же месть свою на клику Птолемея,

А за Фарсал с тобой я разочтусь позднее.

Прощай и будь за то признателен судьбе,

Что я хоть раз была союзницей тебе!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Цезарь, Клеопатра, Ахорей, Антоний, Лепид, Хармиона, римские воины.

Цезарь.

Я дерзости убийц не устаю дивиться.

Вот за кого меня просила ты, царица!

Клеопатра.

Могу я лишь одно сказать в ответ:

ступай

И попирателей закона покарай.

Меня, а не тебя злодеи ненавидят.

Они в моих правах себе помеху видят

И устранить хотят тебя, защитник мой,

Чтоб легче было им разделаться со мной.

Но, жаждой страстною возмездия сгорая,

Мне помнить надлежит, что их главе сестра я,

И я молю, чтоб ты об этом не забыл,

Как сильно гнев сейчас тебя ни ослепил.

Цезарь.

Нет, не забуду, я, как сказочно добра ты,

Коль и в преступнике щадишь родного брата,

Прощай и не страшись: я цел вернусь назад.

Ахилла и Потин меня не победят.

Чтоб предо мной они исполнились боязни,

Мне нужно показать им лишь орудья казни

И к ним не воинов послать, а палачей

С секирами взамен доспехов и мечей.

(Уходит вместе с римскими воинами.)

Клеопатра.

Повсюду с Цезарем, мой Ахорей, будь вместе,

С ним грянь на недругов, мне возжелавших мести,

И сделай все, чтоб он, верша над ними суд,

Припомнил вовремя, что обещал мне тут,

И чтобы кровь царя не пролилась в сраженье,

Не то придется лить мне слезы сожаленья.

Ахорей.

Не бойся, госпожа: себя не пощажу,

А брата твоего от смерти огражу.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Корнелия с небольшой урной в руках, Филипп.

Корнелия.

Не лгут ли мне глаза? Вдруг это лишь приснилось,
Чтоб радостью на миг печаль моя сменилась?
Ужели ты, Филипп, и впрямь остался цел?
Ужель предать огню Помпеев труп сумел,
И прах его сокрыт вот этой бедной урной?
О вы, залог любви и ненависти бурной,
Вражды и нежности, что в сердце я таю,
Останки мужние, услышьте речь мою!
Не донесутся к вам ни плач мой, ни стенанья:
Высокая душа, скорбя, блюдет молча-

нье.

Лишь горю малому слова дают исход.

Кто жалуется вслух, тот утешенья ждет.

Останки милые, пред вечными богами,

Нет, более того, не только ими — вами,

Затем что меньше чту бессмертных я, чем вас, —

Ведь мужа моего их промысел не спас;

Да, вами, ставшими единственной святыней

Для обездоленной Корнелии отныне,

Тем, без чего тоска свела б меня с ума,

Клянусь, что буду мстить, пока жива сама!

Рим! В жертву Цезаря по слову Птолемея

Сегодня принесли великого Помпея.

Так знай, что не вступлю я на родной порог,

Пока не преданы закланью жрец и бог.

Надежда и печаль моя, о прах люби-

мый,

Пусть ненависть во мне горит неугасимо,

Чтоб все сердца она своим огнем зажгла

И твоего врага я погубить могла!

Скажи, Филипп, какой благоприятный гений

В стране убийств, измен и клятвопреступлений

Помог тебе найти супруга моего

И скромным пламенем костра почтить его?

Филипп.

Побрел я, весь в крови, залившей труп Помпеев,

От горя еле жив, с тоской кляня злодеев,

К царю презрением и ненавистью полн,

В ту сторону, куда гнал ветер гребни волн.

Бесплодно обводил я берег долгим взглядом,

Как вдруг с утеса труп увидел с сушей рядом:

То выносил его на землю гневный вал,

То, словно спохватясь, опять с песка смывал.

Извлек я из воды останки господина;

Разбитых кораблей, что пожрала пучина,

Обломки натаскал; сложил костер, как мог,

И пламя второпях не без труда разжег.

Но мне помощника тут ниспослали боги.

Идя из города, приметил по дороге

Корд, римский выходец и местный старожил,

Огонь, близ коего о мертвом я тужил.

Узрев безглавый труп, он сразу догадался,

Над кем свершить обряд украдкой я пытался,

И мне промолвил так: «Коль был самой судьбой

Назначен выполнить ты долг почетный свой,

Тебя порадую я, друг мой неизвестный:

Не кары жди — наград за свой поступок честный

Нагрянул Цезарь к нам, и ждет злодеев месть

За мужа, что огню тобою предан здесь.

Ты рисковал, почтив Помпея по кончине,

Но прах вручить вдове без страха можешь ныне —

К ней победитель полн почтением таким,

С каким относится он лишь к богам благим.

Внимательно следи, чтоб не угасло пламя.

Я — мигом». Побежал он с этими словами

За урною к себе в недальнее жилье

И прах героя мне помог собрать в нее.

Корнелия.

Как я признательна ему за сострадание!

Филипп.

Вернувшись, я узнал, что в городе восстанье.

Толпа бежала в порт: как уверял народ,

Там с римлянами царь сражение ведет.

А Цезарь, весь в крови бунтовщиков, теснимых

Оружьем воинов его непобедимых,

На главной площади вершил суровый суд,

Взирая, как на казнь Потина волокут.

Меня увидел он, узнал без промедленья

И, урну в руки взяв, сказал по размышленье:

«О, удостоенный бессмертья полубог,

Которого затмить я, победив, не смог!

Хоть алтарей еще и не воздвиг тебе я,

Но в жертву приношу вот этого злодея

И принесу других. А ты, Филипп, ступай

И прах Помпея в дар его вдове отдай.

Пусть им утешится она в своей потере

И знает: я отмщу убийцам в полной мере».

Тут урну он к устам с почтением большим

Поднес, облобызал, и я расстался с ним.

Корнелия.

О, сколь завидная, сколь сладостная доля —

Оплакивать врага, что нам не страшен боле!

Как мы стараемся за смерть его отмстить,

Коль этим можем смерть свою предотвратить;

Как хвалим мертвеца, как чтим, как уважаем,

Коль этим мощь свою и славу умножаем!

Да, широта души есть в Цезаре, Филипп,

Но царь враждует с ним, супруг же мой погиб.

А если б был он жив, едва ли б нас с тобою

Мог Цезарь удивить душевной широтою:

Когда опасностью она порождена,

Не так уж велика на деле ей цена.

Играет и любовь тут роль, как мне сдается:

Он, за Помпея мстя, за Клеопатру бьется.

Здесь чувство и расчет случайность так сплела,

Что я у Цезаря в долгу бы не была,

Когда б не верила, что об одной лишь мести

Сама бы думала на Цезаревом месте,

И что, как каждому, в ком дух высокий скрыт,

О ближнем по себе судить мне надлежит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Клеопатра и Хармиона.

Клеопатра.

Я не намерена из жалости бесцельной
Мешать тебе в твоей печали беспредельной.
Нет, просто мне почтить хотелось прах того,
Чей труп извлек из волн отпущенник его,
И клятву дать тебе, что гибели ужасной
С моей бы помощью избег твой муж злосчастный,
Когда б послала мне судьба не меньше сил,
Чем было у меня желанья, чтоб он жил.
Но коль тебе в твоем безмерном сокрушенье
Доставил этот прах хоть каплю утешенья

И местью скорбь твоя быть может смягчена,

Узнай, Корнелия, что ты отомщена

И что предатель... Как! Тебе уже известно?

Корнелия.

Да, знаю я, что был казнен Потин бесчестный.

Клеопатра.

Как сладостна тебе, должно быть, эта весть!

Корнелия.

Нет, только для одной тебя в ней сладость есть.

Клеопатра.

Свершенье чаяний всех радует обычно.

Корнелия.

Но эти чаянья у нас с тобой различны.

Казнить убийц с тебя достаточно вполне,

Но недостаточно покончить с ними

мне.

В свой срок и час воздать я Цезарю сумею,

Пока ж молю богов о смерти Птолемею.

Он недостоин жить, хоть Цезарь жизнь ему

Стремится сохранить как брату твоему.

Но небо, что б тебе ни обещал твой милый,

Устроит так, что царь не избежит могилы,

И если мне оно вонмет, то, может быть,

Случится им в бою друг друга истребить.

Вот уж тогда и мне возликовать пришлось бы!

Но коль оно сочло чрезмерной эту просьбу

И может из двоих сгубить лишь одного,

Пусть гнев его падет на брата твоего.

Клеопатра.

Рок все решает сам: он глух к людским желаньям.

Корнелия.

Но согласует все ж последствия с деяньем

И справедливое возмездие с грехом.

Клеопатра.

Да, правосуден он, но милостив притом.

Корнелия.

Согласна я с тобой, но лишь по той причине,

Что он не милостив, а правосуден ныне.

Клеопатра.

Карает он сейчас, прощает — через миг.

Корнелия.

Не сходен у вдовы и у сестры язык.

Мы к участи царя неравнодушны обе,

Но ты — по склонности, тогда как я — по злобе.

Прервем бесцельный спор. Не проще ли узнать,

Кому же небеса благоволили внять?

Вот Ахорей!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Ахорей.

Клеопатра.

Увы! Судьбу уже кляну я:

По виду судя, он принес мне весть дурную.

Кого оплакивать должна я, Ахорей?

Всю правду говори смелей и поскорей.

Ахорей.

Чуть Цезарь услыхал про заговор, он сразу...

Клеопатра.

Да не перечисляй ты мне его приказы!

Я знаю, что велел он перерезать ход,

Который под землей сюда, к дворцу,

ведет,

И воинов своих стянуть распорядился

На площадь, где Потин за дерзость поплатился;

Что порт, едва пришлось уйти оттоль войскам,

Ахилла захватил; что царь с ним тоже там;

Что всех, кто на судах у римлян оставался,

Антоний двинул в бой, а Цезарь к ним прорвался,

И, без сомнения, Ахилла обречен:

Разбит в сражении он будет и казнен.

Ахорей.

Да, счастье Цезарю опять не изменило…

Клеопатра.

Скажи одно: мой брат спасен им от могилы?

Он обещание сдержал?

Ахорей.

По мере сил.

Клеопатра.

Довольно! Вот ответ, что мне так нужен был!

Корнелия! Судьба вняла моим моленьям.

Корнелия.

Нет! Ей угодно лишь повременить с отмщеньем.

Клеопатра.

Но все-таки царя бессмертные спасли.

Ахорей.

Быть сострадательней к нему они могли.

Клеопатра.

Сперва ты говоришь одно, потом — другое.

Что думать я должна об этом разнобое?

Ахорей.

Царя не удалось и Цезарю спасти.

Сам сделал все твой брат, чтоб смерть в бою найти,

Зато в нем и погиб так славно, как едва ли

Когда-нибудь еще монархи погибали.

Своею доблестью он оправдал свой сан,

И римлянам нанес немало тяжких ран,

И отходить уже Антония заставил,

Но Цезарь подоспел и разом все поправил.

Чуть в сечу он вступил, как, за Потином вслед,

Затмился навсегда и для Ахиллы свет.

Увы, легка была предателю кончина:

Он пал с мечом в руках, спасая властелина.

Тут Цезарь что есть сил вскричал: «Царя щадить!»

Но этим только страх сумел в нем пробудить.

Несчастный усмотрел ловушку в этом кличе,

Решил, что палачу не станет он добычей,

И показал, на что способен в битве тот,

Кому отчаянье отвагу придает.

Врубился царь в ряды легионеров яро,

Но ни один из них смертельного удара

Безумцу не нанес, щадя его, хоть он

Был и почти один, и полуокружен.

Тут лодку Птолемей увидел у причала

И бросился в нее, но следом набежало

Так много египтян, что утлое судно,

Еще не отвалив, уже пошло на дно.

Уйдя из жизни, царь стяжал по смерти славу

И Цезарю помог вернуть тебе державу.

Но хоть никто из нас отнюдь не виноват

В том, что безвременно погиб твой младший брат,

Столь Цезарь удручен, что даже подступиться

К нему боимся мы… Но вот он сам, ца-

рица,

И ты из уст его услышишь, почему

Ничем не смог помочь он брату твоему.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Цезарь, Антоний и Лепид.

Корнелия.

Мне, Цезарь, как сулил, верни мои триремы!

Ахилла и Потин теперь навеки немы.

От их царя не смог ты гнев богов отвесть,

И отомщен Помпей — по крайней мере здесь.

Не собираюсь я задерживаться боле

В стране, где все меня преисполняет боли,

Где зверски пролита мне дорогая кровь,

Где добыта в бою тобой победа вновь

И, главное, где мне придется быть всечасно

В долгу пред тем, кого я ненавижу

страстно.

Груз благодарности сними с меня скорей,

Чтоб я свободу дать могла вражде своей!

Но есть еще одно о чем просить должна я,

И не унизит честь мою мольба такая.

Вот урна, где лежит прах мужа моего.

Теперь вели вернуть мне голову его.

Цезарь.

Не откажу тебе я в просьбе справедливой,

Но прежде выполним наш долг благочестивый

Пред манами того, кто был тобой любим,

И обрести покой им наконец дадим.

С тобой пред свитою и армией моею

Возложим на костер мы голову Помпея

И пламя разожжем такое, чтоб стократ

Торжественнее был, чем в первый раз, обряд,

И урну, более достойную героя,

Наполним вслед за тем нетленною золою.

Помпею алтари воздвигнуть я велю

И кровь несчетных жертв рукой своей пролью

В помин и честь того, кто был по воле рока

Моею же рукой в бою разбит жестоко,

Но погребальный чин, что завтра я свершу,

Своим присутствием почтить тебя прошу.

Всего лишь до утра принудь себя к терпенью,

А после можешь в Рим отбыть без промедленья,

И прах возлюбленный в отчизну отвезти,

И…

Корнелия.

Нет, мне в Рим еще заказаны пути.

Не раньше предо мной он распахнет ворота,

Чем с жизнью в свой черед сведет и Цезарь счеты,

И я предам лишь в день победы над тобой

Родной земле тот прах, что уношу с собой.

Я еду в Африку, где славный мой родитель,

Помпеевы сыны, Катон, свобод ревнитель,

И царь, что не спешит обетам изменить{31},

На сторону свою хотят судьбу склонить,

Там ждет тебя война на суше и на море;

Там за Фарсал тебе с лихвой отплатят вскоре;

{31} Комментарии: 2.31

К стр. 68

...и царь, что не спешит обетам изменить. — Имеется в виду нумидийский царь Юба.

Там с воинами я пойду в одном строю,

Чтоб перелил мой плач в них ненависть мою,

Чтоб в битве скорбь моя их умножала силы,

Чтоб эта урна им взамен орлов служила

И помнили они, в нее глаза вперив,

Что не отмщен Помпей, покуда Цезарь жив.

Соперника почтить со мной ты хочешь вместе,

Затем что и тебе прибавит это чести.

Раз победитель так велит, я остаюсь,

Но сердцем все равно с тобой не примирюсь.

Моя утрата столь, увы, невосполнима,

Что ненависть моя вовек неугасима,

Что жить Корнелия до смерти будет с ней

И унесет ее с собой в страну теней.

Но, Цезарь, не одной враждою я пылаю:

Я уважение еще к тебе питаю.

Два эти чувства мной и двигают равно,

Но первое из них мне долгом внушено,

Второе же вселил ты доблестью своею

В меня, как римлянку и как жену Помпея.

За эту доблесть я хвалу тебе, врагу,

Не воздавать, как сам ты видишь, не могу.

Вот и суди теперь, какой враждой безмерной

Повелевает долг кипеть супруге верной.

Знай: подниму, отплыв от здешних берегов,

Я против Цезаря и смертных и богов,

Которых пристыжу, за то, что даровали

Они неправому победу при Фарсале

И правого убить не помешали тут.

Пусть за него теперь, раскаясь, воздадут!

Коль и тогда они презрят мои моленья,

Без них я обреку тебя на пораженье,

А там, где окажусь бессильна даже я,

На помощь мне придет любимая твоя.

О, я уверена, что, ослепленный страстью,

Располагаешь ты достаточною властью,

Чтобы, наперекор обычьям вековым,

На Клеопатре дал тебе жениться Рим!

Но помни, что тогда и римской молодежи

Дозволено закон нарушить будет тоже

И что своих друзей принудишь ты убить

Того, кто в брак дерзнул с царицею вступить.

Тебе мешая, тщусь тебя спасти я снова.

Прощай! Надеюсь я, ты сдержишь завтра слово.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Цезарь, Клеопатра, Антоний, Лепид, Ахорей, Хармиона.

Клеопатра.

Знай, Цезарь: легче мне пожертвовать собой,
Чем подвергать тебя опасности такой.
Коль недостойна я твоею быть женою,
Бессмертные пошлют мне счастие иное,
И жизнь за Цезаря я для того отдам,
Чтоб жить в душе его наперекор годам.

Цезарь.

Владычица моя! Даруют всеблагие,
Как утешение, намеренья такие
Тому, чей слишком дух возвышен и силен,
Чтоб в силах был себе простить бессилье он.

Но небо сжалится, и твой обет отринет,

И довершить мое блаженство не преминет,

Коль над печалью верх возьмет в тебе любовь,

И радостью глаза твои зажгутся вновь,

И, вняв моим мольбам, держать не будешь зла ты

На друга милого за смерть дурного брата.

Соратники мои свидетели тому,

Как тщился сохранить я в битве жизнь ему,

Как страх, которому так слепо царь поддался,

Рассеять знаками и голосом пытался.

Но недоверья он преодолеть не смог

И, смерти убоясь, на смерть себя обрек.

О стыд! При всем своем могуществе безмерном,

При всем желанье быть тебе слугою

верным,

Исполнить все-таки я не сумел приказ,

Что ты изволила отдать мне в первый раз.

Но в этом не меня — богов вини, царица,

Затем что никому от мести их не скрыться,

И утешайся тем, что гибелью своей

Тебе твой трон вернул покойный Птолемей.

Клеопатра.

Я знаю: лишь он сам и суд богов — причина

Его доставившей мне столько благ кончины,

Но так как счастье тем похоже на вино,

Что вечно горечью быть сдобрено должно,

Не сетуй, коль твою победу над врагами,

А значит, свой успех, встречаю я сле-

зами

И столь же слышен зов природы мне сейчас,

Как и холодного рассудка трезвый глас.

Едва в грядущее вперюсь я гордым взором,

Как кровь моя в виски стучит с глухим укором

И сокрушенно я раскаиваюсь в том,

Что жаждала опять украситься венцом.

Ахорей.

Пресветлый властелин! К дворцу толпа сбежалась

И требует, чтоб ей царица показалась,

И ропщет на богов за то, что ими трон

Моей владычице так поздно возвращен.

Цезарь.

Царица! Подданным предстань без промедленья

И с этой милости начни свое правленье.

Пусть криком заглушит ликующий народ

Твой плач, который мне на части сердце рвет,

И пусть одна лишь мысль тебя преисполняет —

О том, как страсть к тебе меня воспламеняет!

А спутникам своим и твоему двору

Велю я торжество устроить поутру,

И облекут на нем они тебя короной,

И над Помпеем чин отправят похоронный,

И алтари ему воздвигнут в знак того,

Что свято, как тебя, клянутся чтить его.

РАЗБОР «ПОМПЕЯ»

Размышляя над этим сочинением, я сомневаюсь, существует ли другая пьеса, столь же верная истории и вместе с тем столь искажающая ее. События, изображенные в ней, настолько известны, что я не осмелился изменить их, но лишь немногие из них происходили в жизни так, как происходят у меня.

Я придумал только подробности, касающиеся Корнелии, — она, так сказать, сама напрашивалась на это, потому что действительно прибыла в Египет на одном корабле с мужем и своими глазами видела, как Помпей спустился в лодку, где был убит Септимием, после чего Птолемей послал свои суда в погоню за вдовой. Это дало мне основания допустить то, о чем умалчивает история, — что Корнелию нагнали и привезли назад к Цезарю. Я пошел на такую вольность потому, что подлинные события происходили в слишком разных местах и длились слишком долго; следовательно, без этой уловки нельзя было добиться единства времени и места. Помпея закололи

под стенами Пелусия{32}, нынешней Дамьетты, а Цезарь высадился в Александрии. Я не называю ни тот, ни другой город из боязни, что имена их задержат на себе воображение зрителя и поневоле заставят его вспомнить, что на самом деле все было иначе. Как и в «Полиевкте», место действия представляет собой обширную переднюю, откуда открывается доступ во все дворцовые покои: коль скоро мы отступаем от исторической правды, такое единство вполне правдоподобно. Оно безусловно оправдано в первом, третьем и четвертом действиях. Известные трудности возникают лишь со вторым, которое открывает Клеопатра, и пятым, которое открывает Корнелия. Было бы естественнее, если бы обе говорили у себя в покоях; однако нетерпение и женское любопытство вполне могли заставить их выйти оттуда — одну, чтобы поскорее услышать весть о смерти Помпея либо от Ахорея, посланного ею наблюдать за происходящим в порту, либо от первого, кто войдет в переднюю; другую, чтобы узнать о битве Цезаря и римлян с Птолемеем и его египтянами, увидеться с героем раньше, чем

{32} Комментарии: 2.32

К стр. 72

Пелусий — город и порт в Древнем Египте, расположенный довольно далеко от Александрии.

он явится с вестями к Клеопатре, и как можно скорее получить от него дозволение отбыть. Таким образом, зритель лишний раз убеждается, сколь ревниво относится Корнелия к достоинству римлянина: зная, что Цезарь влюблен в Клеопатру, и догадываясь, что после возвращения из боя он сам поспешит к царице с поздравлениями, она первая берет слово и вынуждает Цезаря ответить ей до того, как он обратится к египтянке.

Что до единства времени, то здесь мне пришлось свести к короткому мятежу войну, длившуюся по меньшей мере год: ведь, согласно Плутарху, сразу же после отъезда Цезаря из Александрии Клеопатра родила Цезариона{33}. Когда Помпей прибыл в Египет, эта царевна и царь, ее брат, располагали каждый собственным войском, готовы были начать войну между собой и, уж конечно, поостереглись бы жить в одном и том же дворце. Цезарь в своих «Записках» не упоминает ни о своей любви к Клеопатре, ни

{33} Комментарии: 2.33

К стр. 73

...согласно Плутарху, <...> Клеопатра родила Цезариона. — Об этом рассказывает Плутарх в «Жизни Цезаря» (гл. 49). В действительности это вряд ли был сын Цезаря, хотя тот позволил назвать новорожденного своим именем. Ребенок был убит по приказу Августа (видимо, в 29 г. до н. э.).

о том, что в день высадки ему поднесли в дар голову Помпея; об этом обстоятельстве мы узнаем от Плутарха и Лукана{34}, но у них голову подносит не сам царь, а некий Теодот, один из его сановников.

В названии моего сочинения есть нечто необычное: пьеса озаглавлена именем героя, который не произносит в ней ни одного слова; тем не менее он в известном смысле является главным ее действующим лицом, потому что смерть его — единственная причина всего происходящего. Я обосновываю достигнутое в пьесе единство действия еще и тем, что события в ней неразрывно взаимосвязаны и трагедия оказалась бы художественно незавершенной, если бы я не сумел довести ее до момента, на котором она кончается. С этой целью я уже в первом действии сообщаю о прибытии Цезаря, в жертву которому приносит Помпея египетский двор; поэтому мне неизбежно приходится показать, какой прием

{34} Комментарии: 2.34

...узнаем от <...> Лукана... — В «Фарсалии» говорится:

«Но навстречу царский приспешник,
Жуткий подарок несся, выходит в открытое море:
Тканью фаросской покрыв, главу Помпея везет он».

(IX, 1010–1012. Перевод Л. Остроумова)

Лукан, в отличие от Плутарха, не называет здесь Теодота.

встречает у победителя коварная и жестокая политика египтян. Птолемею я прибавил года, чтобы он мог принимать участие в действии и, нося царский сан, вести себя так, как подобает государю. Хотя историки и поэт Лукан именуют его{35} обычно rex puer, царь-ребенок, он был не так уж юн, раз оказался в состоянии жениться на сестре своей Клеопатре, как распорядился их отец. Гирций{36} говорит, что он был puer jam adulta aetate[6], а Лукан называет Клеопатру кровосмесительницей{37} в обращенном к этому царю стихе:

Incestae sceptris cessure sororis[7] —

то ли потому, что она уже вступила в кровосмесительный брак с ним, то ли потому, что

{35} Комментарии: 2.35

К стр. 74

...Лукан именует его... — См.: «Фарсалия», VIII, 537 и X, 54.

{36} Комментарии: 2.36

Гирций — римский историк (ум. 43 г. до н. э.), предполагаемый автор «Александрийской войны».

[6] Примечания: 1.6

Взрослый мальчик (*латин.*)

{37} Комментарии: 2.37

...Лукан называет Клеопатру кровосмесительницей... — Далее Корнель цитирует ст. 693 из кн. VIII «Фарсалии».

[7] Примечания: 1.7

Ты, что распутной сестре уступишь подаренный скипетр (латин.).

Перевод Л. Остроумова.

после Александрийской войны и смерти Помпея Цезарь выдал Клеопатру за ее младшего брата, которого посадил на трон; отсюда неопровержимо следует, что если ко времени отъезда Цезаря из Египта младший из двух братьев уже достиг брачного возраста, то старший подавно был в состоянии жениться, когда в Египет прибыл Цезарь, раз тот находился там не больше года.

Характер Клеопатры сохраняет у меня сходство со своим прообразом, но облагорожен всеми мыслимыми достоинствами. Она влюблена, но из честолюбия, и вообще способна испытывать сердечную склонность лишь постольку, поскольку это способствует ее возвышению. Хотя посмертно за ней утвердилась репутация женщины сладострастной и падкой до наслаждений, хотя Лукан — вероятно, из ненависти к Цезарю — называет ее meretrix regina[8] *{38}* *и заявляет устами евнуха Потина, правившего Египтом от*

---

[8] Примечания: 1.8

Распутной царицей (*латин.*).

{38} Комментарии: 2.38

Лукан <...> называет ее meretrix regina... — Это выражение «распутная царица» принадлежит не Лукану, а Проперцию («Элегии», кн. III, II, ст. 39).

имени брата ее Птолемея:{39}

Quem non e nobis credit Cleopatra nocentem
O que casta fuit?[9]

Я нахожу, что, если вдуматься в историю, Клеопатра окажется просто холодной честолюбицей, которая пользовалась своей красотой в политических целях, дабы укрепить свое положение. Это становится очевидным, если вспомнить, что историки не приписывают ей иных увлечений, кроме связи с двумя величайшими людьми тогдашнего мира — Цезарем и Антонием, и что после разгрома последнего она пустила в ход все средства, чтобы разжечь в Августе ту же страсть, какую питали к ней его предшественники, чем и доказала, что любила не самого Антония, а его могущество.

Что до слога, то он в этом сочинении более возвышен, а стих, бесспорно, более торжествен,

---

{39} Комментарии: 2.39

...брата ее Птолемея... — Далее Корнель цитирует «Фарсалию», кн. X, ст. 369–370.

[9] Примечания: 1.9

Кто же не будет из нас в глазах Клеопатры виновным,
Кто не распутничал с ней? (латин.)

Перевод Л. Остроумова.

чем в любой другой вещи из написанных мною. Заслуга тут не только моя: я перевел из Лукана все, что, на мой взгляд, подходило для моего сюжета; не постеснявшись обогатить нашу словесность за счет ограбления Лукана, я попытался и в остальном так усвоить его манеру мыслить и выражаться, что на всем привнесенном в пьесу мною самим лежит отпечаток его гения, и оно не совсем недостойно считаться заимствованием у него. Разбирая «Полиевкта», я уже сказал все, что мог, о признаниях Клеопатры Хармионе во втором действии; мне остается лишь добавить несколько слов о рассказах Ахорея, которые всегда признавались несомненной моей удачей. Я не собираюсь оспаривать мнение публики и хочу только привлечь ее внимание вот к какой еще подробности: и тот, кто рассказывает, и те, кто ему внимает, пребывают в спокойном расположении духа, а значит, у них довольно терпения, чтобы договорить и дослушать до конца. Меня упрекали в том, что рассказ в третьем действии, на мой вкус, наиболее удавшийся, обращен к действующему лицу, которому не подобает выслушивать его; но хотя Хармиона всего лишь прислужница Клеопатры, ее можно считать наперсницей царицы, нарочно посылающей Хармиону расспросить

вестника, в то время как она сама с приличествующей ей гордостью не выходит навстречу Цезарю, а ждет, пока он первый явится к ней в покои. К тому же выход Клеопатры разрушил бы все дальнейшее построение третьего действия, и я был вынужден спрятать ее с помощью театральной уловки, а для этого найти в развитии интриги предлог, достаточно почетный для Клеопатры и достаточно надежно маскирующий ухищрения драматического искусства, в угоду которому я воспрепятствовал ей лишний раз выйти на сцену.

ЛЖЕЦ

КОМЕДИЯ

{40}

Перевод М. Кудинова

{40} Комментарии: 2.40

«ЛЖЕЦ»

(«LE MENTEUR»)

Эта комедия Корнеля была впервые представлена в 1642 г. на сцене театра «Маре». Премьера прошла с большим успехом, особенно благодаря игре известного комического актера Жодле, исполнявшего роль Клитона, а также благодаря Флоридору в роли Доранта. «Лжец» прочно вошел в репертуар французского театра; только на сцене «Комеди Франсэз» эта пьеса прошла более 700 раз. Комедию ставил и Мольер во время руанских гастролей своей труппы.

Сюжет пьесы Корнель заимствовал у испанского драматурга Хуана Руиса де Аларкона (1581–1639), чью комедию «Сомнительная правда» (1630) французский писатель прочитал в 22-м томе «Комедий» Лопе де Вега. Корнель лишь позже узнал, что в это собрание пьеса Аларкона попала из-за недобросовестности испанского издателя.

Напечатан «Лжец» был в октябре 1644 г. парижским издателем Антуаном Соммавилем.

На русский язык комедия Корнеля была переведена в 1796 г. Янковичем для постановки в Петербурге. Перевод этот не был опубликован. Перевод М. Кудинова впервые издан в 1970 г.

ЛЖЕЦ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Милостивый государь!{41}

Я подношу Вам пьесу, чей слог настолько отличается от слога предыдущей{42}*, что трудно поверить, будто обе они написаны одной и той же рукой в течение одной зимы. Столь же различны побудительные причины, заставившие меня над ними работать. Я написал «Помпея», дабы удовлетворить тех, кто не находил стихи «Полиевкта» такими же сильными, как стихи «Цинны», и дабы показать им, что я способен вновь обрести торжественность, когда сюжет мне это позволяет; я написал «Лжеца», дабы выполнить пожелания тех, кто, как всякий француз, любит перемены и кто после такого количества серьезных поэм, коими перо наших лучших поэтов обогатило сцену, просил меня создать что-нибудь более веселое, предназначен-*

{41} Комментарии: 2.41

К стр. 78

Милостивый государь! — В изданиях, вышедших до 1660 г., комедия Корнеля печаталась с этим посвящением, адресат которого тем не менее неизвестен. Полагают, что Корнель не имел в виду какое-либо конкретное лицо, и посвящение это не имеет адресата.

{42} Комментарии: 2.42

…от слога предыдущей… — то есть слога трагедии «Помпей».

ное только для развлечения. В первом случае я пытался показать, чего могут достичь великие мысли и сила стихов без помощи увлекательного сюжета; в этой же пьесе я хотел воспользоваться увлекательным сюжетом, не подкрепляя его силою стихов. К тому же, будучи обязан своей первоначальной репутацией комическому жанру, я не мог расстаться с ним, проявив тем самым своего рода неблагодарность. Как и в те годы, когда, рискнув покинуть комедию, я не осмелился положиться только на свои силы и, чтобы возвыситься до трагедии, решил опереться на великого Сенеку{43}, у которого мною заимствовано все то исключительное, что он вложил в свою «Медею», так и теперь, при возвращении от героического к наивному, я не осмелился спуститься с такой высоты без помощи надежного проводника: я доверился знаменитому Лопе де Вега из страха заблудиться на поворотах многочисленных интриг нашего Лжеца.

Одним словом, здесь только копия превосходного оригинала, созданного Лопе де Вега и названного

{43} Комментарии: 2.43

Сенека — великий древнеримский драматург I в. н. э., произведения которого были очень популярны во Франции в эпоху классицизма.

им La Verdad sospechosa[10]*; доверясь Горацию*{44}*, который дает поэтам право дерзать так же, как и художникам, я думал, что, несмотря на войну двух корон*{45}*, мне позволено иметь дело с Испанией. Если деятельность подобного рода — преступление, то я уже давно в нем замешан, и речь тут идет не только о «Сиде», где я воспользовался помощью дона Гиельна де Кастро, но также и о «Медее», о которой было говорено выше, и даже о «Помпее»: желая воспользоваться помощью двух латинян, я на самом деле нашел поддержку у двух испанцев, так как Сенека и Лукан — оба из Кордовы. Тот, кто не захочет простить мне сношения с нашими врагами, должен будет согласиться по крайней мере с тем, что я их ограбил; и пусть считают это кражей или*

---

[10] Примечания: 1.10

Сомнительная истина (*исп.*).

{44} Комментарии: 2.44

К стр. 79

…доверясь Горацию… — Корнель имеет в виду следующее место из «Науки поэзии» (ст. 9–10):

«Художникам, как и поэтам,
Издавна право дано дерзать на все, что угодно!»

(Перевод М. Гаспарова)

{45} Комментарии: 2.45

…несмотря на войну двух корон… — Имеется в виду продолжающаяся война Франции с Испанией и Австрией (где правили представители династии Габсбургов).

заимствованием — мне настолько это понравилось, что у меня нет никакого желания на этом остановиться. Полагаю, Вы согласитесь со мною и не станете меньше меня уважать.

Остаюсь,
милостивый государь,
Вашим покорнейшим слугою.
***Корнель**.*

К ЧИТАТЕЛЮ

Хотя эта комедия, как и следующая за ней{46}, придуманы Лопе де Вега, я не представляю Вам их в том же порядке, как «Сида» и «Помпея», где в первом случае Вы видели испанские стихи, а во втором — латинские, которые я перевел или написал в подражание Гильену де Кастро и Лукану. Хотя я многое заимствовал из великолепного оригинала, но так как события мною перенесены в другую страну, а персонажи переодеты во все французское, то вместо удовлетворения Вас ждет разочарование.

Например, если я заставляю нашего Лжеца хвастливо рассказывать о войне с Германией{47}, где он якобы был, то испанец заставляет его говорить о Перу и Вест-Индии, откуда тот будто

{46} Комментарии: 2.46

…как и следующая за ней… — Речь идет о комедии Корнеля «Продолжение Лжеца», которая действительно являлась переделкой пьесы Лопе де Вега.

{47} Комментарии: 2.47

К стр. 80

…о войне с Германией. — Корнель имеет в виду участие Франции в Тридцатилетней войне (1618–1648), военные действия которой главным образом разворачивались на территории немецких королевств и княжеств.

бы недавно вернулся; и то же самое происходит с большинством других событий, которые хотя и следуют оригиналу, однако не имеют почти никакого сходства с ним ни в мыслях, ни в словах, их выражающих. Я ограничусь поэтому только признанием, что сюжет полностью принадлежит испанцу, в чем Вы и убедитесь, перелистав двадцать вторую часть его комедий. Кроме того, я взял у него все, что могло согласоваться с нашими обычаями, и, если мне позволено высказать свои чувства относительно предмета, к которому я имею столь малое отношение, то, признаюсь Вам, он очаровал меня настолько, что я не нахожу в этом жанре ничего ему равного как у древних, так и у новых авторов. Комедия остроумна от начала до конца, а события так верны и изящны, что, по-моему, надо быть в очень дурном настроении, чтобы не согласиться с их развитием и не порадоваться их воплощению на сцене.

Может быть, я поостерегся бы высказать такое необычное почтение к этой поэме, если бы оно не было подкреплено мнением одного из лучших людей нашего века, который является не только покровителем ученых муз в Голландии, но также доказывает своим примером, что прелесть

поэзии вполне совместима с самым высоким положением в политике и с самыми благородными занятиями государственного мужа. Я говорю о г-не де Зейлихеме, канцлере монсеньора принца Оранского{48}. Это его гг. Хейнсиус и Бальзак избрали арбитром в их знаменитом споре{49}, адресовав ему свои ученые рассуждения. И именно он счел возможным обратиться к публике с двумя эпиграммами, где высказано его отношение к этой комедии. Одна из эпиграмм написана по-латыни, другая по-французски, и помещены они в издании, выпущенном в свет Эльзевирами в Лейдене{50}. Я тем более охотно воспроизвожу их здесь, что не имею чести быть знакомым с их автором, и потому его свидетельство не может вызвать каких-либо подозрений; никто не обвинит меня за

{48} Комментарии: 2.48

…о г-не де Зейлихеме… — Имеется в виду Константин Гюйгенс (1596–1687), известный в свое время латинский поэт. Отец прославленного астронома.

Принц Оранский — Вильгельм II (1626–1650), штатгальтер (то есть носитель верховной власти) Нидерландов.

{49} Комментарии: 2.49

Хейнсиус и Бальзак избрали арбитром в их знаменитом споре… — Речь идет о критике известным теоретиком литературы того времени и писателем Гезом де Бальзаком (1597–1654) латинской трагедии голландского гуманиста Даниэля Хейнсиуса (1580–1655) «Детоубийство Ирода».

{50} Комментарии: 2.50

…Эльзевиры — знаменитая голландская издательская фирма, выпу-

стившая в Лейдене в 1645 г. новое издание «Лжеца».

это в тщеславии, ибо вся слава, приписанная им мне, должна быть отдана великому Лопе де Вега, о коем он, видимо, не знал как о первом авторе этого театрального чуда.

IN PRAESTANTISSIMI POETAE GALLICI CORNELII; comoediani, quae inscribitur MENDAX

Gravi cothurno torvus, orchestra truci
Dundum cruentus, Gallice justus stupor,
Audivit et vatum decus Cornelius.
Laudem poetae num mereret comici
Pari nitore et elegantia, fuit
Qui disputaret, et negarunt inscii;
Et mos gerendus insciis semel fuit.
Et, ecce, gessit, mentiendi gratia
Facetiisque, quas Terentius, pater
Amoenitatum, quas Menander, quas merum
Nectar deorum Plautus et mortalium,
Si soeculo reddantur, agnoscant suas,
Et quas negare non graventur non suas.
Tandem poeta est: fraude, fuco, fabula,
Mendace scena vindicavit se sibi.
Cui Stagirae venit in mentem, putas,

Quis qua praeivit supputator algebra,
Quis cogitavit illud Euclides prior,
Probare rem verissimam mendacio?

***Constanter*{51}, 1645[11]**

Г-НУ КОРНЕЛЮ О КОМЕДИИ «ЛЖЕЦ»

О «Лжец» прославленный, чудесное творенье,
Которое Маас повергло в изумленье,
И Рейн, и Тибр, и По заставило краснеть
За то, что им самим не довелось узреть
На берегах своих плодов, сравнимых с

{51} Комментарии: 2.51
К стр. 82
Константер — псевдоним Зейлихема, которым он пользовался при публикации своих стихотворений.

[11] Примечания: 1.11
О КОМЕДИИ, НАЗВАННОЙ «ЛЖЕЦ» И НАПИСАННОЙ ЗНАМЕНИТЫМ ГАЛЛЬСКИМ ПОЭТОМ КОРНЕЛИУСОМ

Строги котурны его и от зрелищ ужасных
След сохраняют кровавый, — Корнелиус признан
Галлией всей, и увенчан он славой поэта.
Но и в комедии истинным был он поэтом,
Также и в ней проявляя свой блеск и уменье.
Хоть и встречались глупцы, отрицавшие это,

И приходилось порою считаться с глупцами.
Ныне, взяв ложь под защиту, он создал такое,
Что ни Менандр, ни Теренций, отец остроумья,
Ни даже Плавт{190}*, этот чистый нектар, услаждавший*
Смертных людей и богов, не посмел бы отвергнуть;
Если б воскресли, своим бы охотно назвали.
Он настоящий поэт, и заметить нетрудно,
Как, опираясь на выдумку, ложь, ухищренья,
Сцена вступает в права и царит безраздельно.
И не додумался б сам Аристотель, а также
Не догадался б Эвклид, ни другой математик,
С помощью алгебры путь открывающий к знанью,
Что доказать можно истину с помощью лжи.

{190} Комментарии: 2.190

К стр. 81

Менандр — прославленный древнегреческий комедиограф IV в. до н. э., создатель жанра новоаттической комедии, являвшейся комедией характеров.

Теренций — древнеримский комедиограф II в. до н. э.; в его комедиях большое место принадлежало запутанной интриге.

Плавт — древнеримский комедиограф III в. до н. э., автор большого числа пьес, изображавших городскую жизнь его времени в ее нередко обыденных и даже низменных проявлениях.

этим!

Теренций вдруг воскрес, Плавт ожил! Но заметим

Мы равнодушное презренье мудрецов:

Им не по вкусу «Лжец». А я не так суров

И думаю, что он нуждается в опоре,

И в снисхождении, и в добром разговоре,

И даже в жалости: он пресен, не смешон,

В нем соли нет совсем, и силы он лишен.

Смешайте злость с вином — появятся Корнели,

Чьи перья и не то создать бы вам сумели...

Ах, каюсь я, Корнель! Мне милость окажи:

Твой несравненный «Лжец» склонил меня ко лжи.

Такой привил мне вкус к уловкам и обману,

Что истину теперь я уважать не стану,

И верить лишь в одно отныне захочу:

Ложь только смельчакам бывает по плечу.

О, если б я не лгал, то как бы мог иначе

Сказать хоть что-нибудь, воздав твоей удаче

Хвалу достойную? Высокие слова

Смысл потеряли бы, звучали б как хула.

Но что с того, что лгут иль хвалят неумело,

Хвалою жалкою твое принизив дело?

И ложь подобная и хилой правды речь

Способны на себя лишь гнев богов навлечь.

Константер

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЖЕРОНТ
отец Доранта.
ДОРАНТ.
АЛЬСИП
друг Доранта, возлюбленный Кларисы.
ФИЛИСТ
друг Доранта и Альсипа.
КЛАРИСА
возлюбленная Альсипа.
ЛУКРЕЦИЯ
подруга Кларисы.
ИЗАБЕЛЛА
служанка Кларисы.
САБИНА
горничная Лукреции.
КЛИТОН
слуга Доранта.
ЛИКАС
слуга Альсипа.

Действие происходит в Париже.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дорант, Клитон.

Дорант.

Сбылась моя мечта! Отца я неустанно
Упрашивал, и вот носить я вскоре стану
Не мантию судьи, а шпагу: мне отец
Расстаться с книгами позволил наконец.
Теперь скажи, Клитон, здесь, в Тюильри, где всюду
Царит изысканность, я выглядеть не буду
Как школьник, что лишен порядочных манер?
По всем ли признакам я истый кавалер?

Ведь в царстве Кодекса{52}, где мне пришлось учиться,

Особая печать отметила все лица,

И опасаюсь я...

Клитон.

Напрасно! Вы не смех,

А зависть будете здесь вызывать у всех.

Не бойтесь ничего, с улыбкою веселой

Смотрите на людей: от вас не пахнет школой;

И знайте, ваш приезд беду мужьям сулит.

Как вы нашли Париж?

Дорант.

Нашел, что он на вид

По-прежнему хорош. И надо же случиться,

{52} Комментарии: 2.52

К стр. 84

...в царстве Кодекса... — Речь идет о «Кодексе» Юстиниана, своде законов римских и византийских императоров. Созданный в начале VI в. н. э., этот «Кодекс» был затем основой судопроизводства и преподавания юридических наук в Европе на протяжении многих веков.

Что я расстался с ним, отправлен был учиться!

Но если ты, Клитон, судьбою был храним

И, к счастью своему, не разлучался с ним,

Скажи: как здесь идет любовная охота?

Клитон.

«Возвышенной души вот высшая забота» —

Сказали б остряки… Словесная игра!

Отличный аппетит у вас уже с утра:

Вчера вы прибыли, а уж сегодня надо

Вам к делу приступать, вас не страшат преграды,

И не сидится вам, и жар у вас в крови…

Ни дня не можете прожить вы без любви!

Ну что ж! В таких делах себе набил я руку

И благородную, но трудную науку

Со всеми тонкостями изучил вполне.

Чего вы ищете, теперь понятно мне.

Дорант.

Не бойся, я ищу знакомства только с теми,

С кем будет весело, и с кем приятно время

Я мог бы провести, и с кем бы мог порой

Побыть наедине, зайдя на час-другой.

Меня не знаешь ты, и понят я превратно.

Клитон.

Зато теперь узнал: вы, сударь, не развратны.

И вам поэтому не по душе совсем

Те, кто за горсть монет, увы, доступны всем.

Вас также не влекут лукавые кокетки:

Назначить им легко свиданье у беседки,

Но, кроме болтовни, ждать нечего от них —

Вам надо большего, и мало слов одних.

А сколько времени теряешь тут напрасно!

Игра не стоит свеч, хотя и безопасна.

Нет! Счастье ваше в тех, кто добродетель чтит,

Но для кого она не столь надежный щит,

Чтоб выставлять его, когда в нем мало проку

И не грозит бедой уступчивость пороку.

Вы здесь увидите и тех и этих дам,

Однако надо ль мне давать уроки вам?

Я вижу по глазам, что в этом тонком деле

Вы ученичество давно преодолели,

И ни законов свод, ни парта, ни тетрадь

Не помешали вам свое от жизни брать.

Дорант.

Перед тобой, Клитон, не буду я таиться:

Да, в Пуатье живя, успел я порезвиться,

Меня не обвинишь в наивной простоте.

Но все-таки Париж не то, что Пуатье.

Здесь климат требует совсем иной методы:

Что восхищало там, то вышло здесь из моды,

И говорят не так, и действуют не так,

Тут вновь прибывшему легко попасть впросак.

Не привередлив тот, кто не живет в столице:

Раз нету умного, то и глупец годится.

Иначе думает и чувствует Париж —

Подделкой яркою его не ослепишь;.

Порядочных людей в нем собрано так много,

Что тем, кто не из них, закрыта здесь дорога.

Клитон.

Ну, если уж такой мы разговор ведем,

То надо знать Париж: все можно встретить в нем.

Здесь внешний вид и суть порой совсем не схожи;

Как и в других местах, здесь за нос водят тоже;

В Париже лучшие умы, зато кругом

Здесь больше дураков, чем в городе другом.

Со всех концов земли, как бы к причалам порта,

Сюда сплывается народ любого сорта;

Не сыщешь мест таких во Франции, чтоб там

И было лучшее, что есть, и всякий хлам.

Друг друга хорошо не знают здесь, и каждый

Во столько ценится, во сколько сам однажды

Смог оценить себя. Бывали хуже вас,

А как ценили их! Но, впрочем, мы сейчас

Толкуем о другом. Вы щедры?

Дорант.

Да, пожалуй.

Клитон.

Вот двигатель любви! Но ловкости немалой
Он требует от тех, кем будет пущен в ход,
Иначе он одни убытки принесет.
Дарите исподволь — и цену дар удвоит:
То, как вы дарите, самих подарков стоит.
Один проигрывает в карты, а другой
Колечко снятое забудет взять с собой.
Невежа, если щедр, то одаряет даму
Так, словно милостыню ей дает, и срамму
Ему не избежать, и он старался зря:
Хотел понравиться — и оскорбил, даря.

Дорант.

Ну и оставь его! Послушай, ты мне прямо
Ответь на мой вопрос: а где такие дамы?

Клитон.

Я с ними не знаком. Замечу в скобках вам,
Что дичь подобная не по моим зубам.
Но как у них дела, узнать совсем не сложно:
С их кучером легко договориться можно.

Дорант.

Он будет говорить?

Клитон.

Со мной? Хоть до утра!
И будет худо мне: болтливы кучера.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дорант, Клариса, Лукреция, Изабелла.
Клариса *(оступившись и чуть не упав).*

Ай!

Дорант *(подав ей руку).*

Если б не беда, что с вами приключи-

лась,

Капризная судьба мне не явила б милость:

Она позволила подать мне руку вам,

И трудно выразить, как счастлив я, мадам.

Клариса.

Здесь больше вас ничем судьба не удостоит,

А счастье так мало́, что говорить не стоит.

Дорант.

Вы правы, случаю обязан я во всем:

Мое усердие здесь, видно, ни при чем.

Я радость испытал — к ней горечь примешалась,

И снова вижу я, что недоступна жалость

Судьбе моей. Увы, я ею не любим,

Коль незначительным достоинствам моим

Нельзя быть поводом хотя бы на мгновенье,

Чтоб счастье заслужить.

Клариса.

А я другого мненья:

Куда приятнее не сделать ничего

И что-то получить, не заслужив того.

Случайный дар милей заслуженной награды;

Кто дарит просто так, тому всегда мы рады.

А счастье, что пришло достоинство венчать,

Лишь платит должное, на нем лежит печать

Необходимости, и это портит счастье.

Оно должно прийти без нашего участья,

И если нам оно досталось без труда,

По-настоящему мы счастливы тогда.

Дорант.

Поверьте, милости великой домогаясь,

Я на достоинства мои не полагаюсь.

Да! Счастлива душа влюбленная моя;

Тем больше счастлива, чем недостойней я

Ту милость получить. Так что меня тревожит?

Свой ропот подавить душа моя не может:

Не вашей волею — ей случаем дано

Блаженство испытать... и горе заодно.

Не к этому она, влюбленная, стремилась,

Чтоб неумышленно ей даровали милость.

Дар преднамеренный прекрасней во сто крат,

Зато случайный дар — презренью сводный брат,

Чувств пламенных моих поймите крик печали:

Мне руку подали, а в сердце отказали.

Руки коснулся я, держу ее опять;

А сердце далеко, до сердца не достать.

Клариса.

Я вижу пламень ваш и нахожу, что слишком

Он ярок для меня: сужу по первым вспышкам.

Но если вы зажглись в мгновение одно,

То я так не могу, мне это не дано.

Хотя со временем, возможно, и случится,

Что и в моей душе симпатия родится.

Признайтесь же теперь, напрасным ропот был:

Презрения во мне не вызвал этот пыл.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Клитон.

Дорант.

Привык к несчастьям я и потому смутился.

С тех пор как я с войны немецкой возвратился,

То есть почти уж год, и дни и ночи я

Брожу по улицам близ вашего жилья,

Ищу вас на балах и на тропинках сада,

Стою под окнами, пою вам серенады,

И только вот сейчас мне случай вдруг помог

Сказать вам наконец, что я у ваших ног.

Клариса.

Как! Были на войне! В Германии сражались!

Дорант.

Четыре года был. Там все меня боялись.

Клитон.

Ну что он говорит!

Дорант.

В теченье этих лет

Там не было таких сражений и побед,

Где б этою рукой, что держит меч по праву,

Не приумножил я отрядов наших славу.

В «газете»[{53}] *шел не раз об этом разговор.*

Клитон *(дергая его за руку).*

Вы, сударь, бредите, вы говорите вздор.

Дорант.

Молчи!

Клитон.

Но как же так? Вы были…

Дорант.

О проклятье!

Клитон.

Вы были в Пуатье, или с ума я спятил…
Вчера вернулись вы!

Дорант.

Ты замолчишь, дурак?

(Кларисе.)

Успеху нашему содействовал я так,

{53} Комментарии: 2.53
К стр. 90
Газета — первое периодическое издание, основанное Теофрастом Ренодо (1586–1653) в Париже в 1631 г. (выходила до 1792 г.).

Что стала сравнивать меня молва с грозою;

И шел бы дальше я столь славною стезею,

Но ровно год назад, покрытый пылью весь,

Примчался я в Париж, увидел вас и здесь

Остался с той поры… Я в плен захвачен вами,

Обезоружен был прелестными глазами,

И отдал душу им, и ради них забыл

Поля сражения, войну и ратный пыл.

Таков уж мой удел: преодолеть все беды,

Водить отряды в бой, одерживать победы,

Быть признанным молвой, со славою дружить,

И вмиг отвергнуть все, чтоб только вам служить!

Изабелла *(Кларисе, тихо).*

Мадам! Идет Альсип, так будьте осторожны.

Клариса *(Доранту).*

Когда-нибудь еще мы встретимся, возможно.

Прощайте.

Дорант.

Как, уже? Вновь погрузить во мрак?

Клариса.

Продолжить разговор не можем мы никак.

Хотя остаться здесь нам было бы милее,

Должны теперь одни пройтись мы по аллее.

Дорант.

Я пленник ваших чар. Прощайте. Но пока

Позвольте вас любить, хотя б издалека.

Клариса.

У самого себя лишь просит позволенья
То сердце, чья любовь не ведает сомненья.

Клариса и Изабелла уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дорант, Клитон.

Дорант.

Их надо выследить.

Клитон.

А есть ли в этом толк?
Болтливость кучера свой выполнила долг.
Ту, что красивее, — она его хозяйка, —
Лукрецией зовут...

Дорант.

Да кучер твой всезнайка!

Клитон.

На площади живут. На Королевской.

Дорант.

Да?

Клитон.

А как вторую звать, не знает.

Дорант.

Не беда.

Совсем не нужно знать нам этой дамы имя.

Та, с кем я говорил, кто чувствами моими

Владеет, — вот кого Лукрецией зовут.

Я сердцем чувствую, что не ошибся тут.

Клитон.

Ни вкус, ни выбор ваш отнюдь не отвергая,

Скажу вам, что, по мне, красивее другая.

Дорант.

Как? Неужели та, которая сейчас

Своим молчанием одаривала нас?

Клитон.

Вот именно она! Дар у нее счастливый,

Для женщин редкий дар...

Дорант.

Какой?

Клитон.

Не быть болтливой.

И чтоб создать ее такой, немало сил

Создатель приложил... и чудо сотворил;

Их мало на земле, чудес такого рода:

Тут надо совершить насилье над природой.

А что касается меня, то жар любви

Мне не мешает спать: где легче, там лови

Минуты радости, — вот мой девиз. И все же

Ту, что помалкивает, я ценю дороже:

Пусть будет чучелом, одета пусть в тряпье, —

Молчит? Красавицей я назову ее!

И вот поэтому предмету вашей страсти

Должны вы имя дать другое, или счастье

Не улыбнется вам: из двух красивей та,

Которая при нас не открывала рта.

Дорант.

На этот длинный спор нет у меня досуга.

Смотри, сюда идут два моих лучших друга!

Решают на ходу какие-то дела…

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Альсип и Филист.

Филист *(Альсипу).*

Как? Ужин на воде? И музыка была?

Альсип *(Филисту).*

Да! Ужин, музыка… Играли что есть мочи.

Филист *(Альсипу).*

Вчера?

Альсип *(Филисту).*

Да, вечером.

Филист *(Альсипу).*

Красиво было?

Альсип *(Филисту).*

Очень.

Филист *(Альсипу).*

А кто устроил все?

Альсип *(Филисту).*

Я сам хотел бы знать.

Дорант *(приветствуя их).*

Как счастлив я, друзья, что вижу вас опять!

Альсип.

Позвольте же и мне вас заключить в объятья.

Дорант.

Вмешался в разговор я, кажется, некстати,
Но утерпеть не мог, когда вас встретил вдруг.

Филист.

Вам все позволено, поскольку вы наш друг.

Дорант.

О чем же разговор?

Альсип.

Так… об одном свиданье.

Дорант.

Любовном?

Альсип.

Может быть.

Дорант.

Прошу я новой дани
Для любопытного ума и буду рад
С вас получить ее. Что ж дальше?

Альсип.

Говорят,
Что музыкой вчера слух услаждали даме,
Катали по реке…

Дорант.

Вода лишь дразнит пламя…
Какое время дня?

Альсип.

Провел он вечер с ней.

Дорант.

Во мраке светится огонь еще сильней.
Удобный выбран час… А хороша ли дама?

Альсип.

О красоте ее твердит молва упрямо.

Дорант.

Как музыка была?

Альсип.

Должно быть, недурна.

Дорант.

И, видно, ужином была подкреплена?

Альсип.

Так говорят.

Дорант.

И был?..

Альсип.

Был подан он прекрасно.

Дорант.

И кто устроил все, вам до сих пор неясно?

Альсип.

Смеетесь вы!

Дорант.

Смеюсь... что вы удивлены:

Те, кто вчера там был, — все мной приглашены!

Альсип.

Как? Вами?

Дорант.

Точно так.

Альсип.

Когда же вы успели

Здесь завести роман?

Дорант.

Я был бы в самом деле

Изрядным простаком, не поступи я так:

Я целый месяц здесь… Но днем нельзя никак

Мне часто выходить. Инкогнито и ночью

Визиты наношу.

Клитон *(Доранту на ухо).*

Но я вчера воочью…

Дорант.

Послушай, если ты еще хотя бы раз…

Клитон.

Ну просто нету сил спокойно слушать вас!

Филист *(Альсипу, тихо).*

Вам встреча на руку: соперник ваш опасный

Теперь открылся сам, и все теперь вам ясно.

Дорант.

Как истинным друзьям, все расскажу я вам:

Пять барок нанял я, и разместились там

Отменные певцы и чудо-музыканты

(Любые знатоки признали б их таланты),

На первой — скрипачи, флейтисты — на второй,

На третьей — хор певцов, а лютня и гобой

В четвертой властвовали, и над гладью водной

Их звуки дивные неслись поочередно.

А пятая была всех больше, и на ней

Букеты пышные, гирлянды из ветвей

Дышали свежестью, сливая воедино

И розы аромат и аромат жасмина.

Я все предусмотрел, чтоб там устроить пир,

И я туда привел души моей кумир,

Пришли с ней пять подруг (эскорт богине нужен),

Играла музыка, и подали нам ужин.
Не буду называть разнообразных блюд,
Приправ и соусов — всего не вспомнишь тут,
Одно могу сказать: похожее на чудо,
Венчало трапезу двенадцатое блюдо.
И музыка лилась, и отвечали ей
И скалы, и вода, и тишина полей.
Но ужин кончился. И вот взвились ракеты.
Их было тысячи, и нового рассвета,
Казалось, пробил час, так небосвод пылал,
И с высоты его такой низвергся шквал
Огней сверкающих, как будто вся природа
Потоком пламени обрушилась на воду.
А после этого шли танцы до зари...
Просили солнце мы: помедли, не гори!
Но не послушалось коварное светило
И, нам завидуя, зарю поторопило.
Наш праздник кончился, пришлось расстаться нам,

И мы отправились спокойно по домам.

Альсип.

Оказана нам честь рассказом столь подробным:
Париж не приучил нас к чудесам подобным.

Дорант.

Владычица моя дала мне час иль два,
Чтоб я устроил все. Успел едва-едва.

Филист.

Во всем порядок был, но и расход немалый…

Дорант.

На эти пустяки смотреть мне не пристало:
Когда торопишься — не будешь выбирать.

Альсип.

Надеюсь, вскоре мы увидимся опять.

Дорант.

Нижайше кланяюсь.

Альсип *(Филисту, уходя).*

Мне ревность сердце гложет.

Филист *(Альсипу).*

А не напрасно ли она вас так тревожит?

Приметы праздника совпали не совсем.

Альсип *(Филисту).*

Совпали место, час, а прочее — зачем?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дорант, Клитон.

Клитон.

Могу ли говорить я, сударь, без опаски?

Дорант.

Да, можешь. Я готов твои послушать сказки.

Но больше при других не вздумай мне дерзить.

Клитон.

Вы снов не видите, начавши говорить?

Дорант.

Снов? Странно…

Клитон.

Так назвал, по повеленью божью,
Я то, что у людей зовется просто ложью.
Я был почтителен.

Дорант.

О, жалкий ум!

Клитон.

Во мне
Перевернулось все, когда вы на войне
Полки водили в бой… без всякого смущенья,
А праздник на воде? А эти угощенья?
И почему в Париж вернулись год назад?

Дорант.

Чтоб оправдать мой пыл, не знающий преград.

Клитон.

Ну, а к чему война, придуманная вами?

Дорант.

А как по-твоему? Сказать прелестной даме,

Что сердце ей вручил тот, кто еще вчера

Корпел над книгами все дни и вечера?

Сказать ей, что могу, коль в том нужда случится,

Законы толковать? Что Кодекса страницы

Я знаю назубок? Что ворохом цитат

Меня снабдили Бальд, Жазон и Альциат?{54}

О! Речь подобная — кратчайший путь к успеху!

Она пленяет слух, не вызывает смеха,

Знаток параграфов — любовник хоть куда!

Нет! Лишь герой войны сумеет без тру-

{54} Комментарии: 2.54

К стр. 97

Бальд — точнее, Бальдо, дельи Убальдо (1327–1400), итальянский правовед-теоретик.

Жазон — правильнее — Джазоне дель Маино (1435–1519), итальянский юрист и автор сочинений по правоведению.

Альциат — итальянский юрист XVI в. Андрео Альциато (1492–1550), автор книги «Эмблемы».

да

Знакомство завязать. И много ли тут надо?

Гримасы, жесты, взгляд, чуть скрытая бравада —

Все это действует. Изящно надо лгать!

Употреблять слова, которые понять

Не может женщина; бросаться именами,

Чьи звуки варварские слух пленяют даме;

Все время повторять (чего от вас и ждут):

Атака, контрэскарп, траншея, бой, редут, —

Без смысла, вкривь и вкось, без всякого смущенья;

И, этой ерунде внимая в восхищенье,

Тебя причисливают к тем, кто знаменит,

И дело сделано: тебе открыт кредит.

Клитон.

Возможно, так и есть. Но, сударь, вы готовы

К тому, что выплывет, где были вы и кто вы?

Дорант.

Я сделал первый шаг, чего-то уж достиг

И верю в лучшее; но если злой язык

Начнет о нас болтать и нам вредить — ну что же,

Есть и у нас язык, всегда он нам поможет.

Вот так любовные дела ведут, Клитон.

Клитон.

Сказать по совести, я просто потрясен.

Теперь о празднике. Урганда с Мелузи-

ной{55}

Пир так бы не смогли устроить в миг единый,

Как вы устроили: у феи меньше чар.

Романы б вам писать, у вас огромный дар!

Имея под рукой и праздники и войны,

С интригой сложною вы справитесь достойно.

Зато уж как тогда дивиться будет мир:

Что ни страница — бой, что ни страница — пир.

На редкость развито у вас воображенье!

Дорант.

И с помощью его я привожу в смущенье

{55} Комментарии: 2.55

К стр. 98

Урганда — персонаж поздних рыцарских романов, фея, покровительница Амадиса Галльского.

Мелузина — героиня одноименного романа в прозе Жана из Арраса (XIV в.), возлюбленная и жена одного из представителей рода Лузиньянов. Согласно преданию, по субботам она превращалась в змею, но это не делало ее злой феей; напротив, она покровительствовала роду Лузиньянов.

Тех, кто пытается мне новость рассказать,

Чтоб удивить меня. Тут от меня не ждать

Пощады: я тотчас придумаю такое,

Что собеседник мой, умолкнув, рот откроет

И россказни свои проглотит чуть дыша.

Жизнь в этот миг, Клитон, волшебно хороша.

Клитон.

Возможно, что и так. Но ваше поведенье

Вас может в трудное поставить положенье.

Дорант.

Мы справимся и с ним. Но кончим разговор.

Найти мне надо ту, что мой пленила взор.

Итак, немедля в путь, и на пути к удаче

Я научу тебя смотреть на жизнь иначе.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Жеронт, Клариса, Изабелла.

Клариса.

Достоинства его готова я признать,
Поскольку он ваш сын. Но, сударь, как же дать
Согласие на брак, когда я с ним ни разу
Еще не виделась? Не позволяет разум.
Но если будет он ко мне являться в дом,
Ухаживать за мной и в рвении своем
Сумеет преуспеть, то могут эти встречи,
Вполне невинные, дать повод для злоречья.
Чтоб свиделась я с ним, не повредив себе,
Вы иначе должны содействовать судьбе.

Жеронт.

Красива и умна! Клариса! Да, вы правы!

Разумна ваша речь. И раз вам не по нраву

Советы прежние, то выход есть другой:

Доранта тотчас же я приведу с собой

И с ним остановлюсь (как будто бы случайно)

Под окнами у вас, чтобы смогли вы тайно

Понаблюдать за ним и уж потом решить,

Достоин он иль нет супругом вашим быть.

Вчера из Пуатье вернулся он, но, кстати,

Дух школьный на него не наложил печати;

И даже при дворе не много мы найдем

Ему соперников — так думаю о нем

Не только я, отец, — тут все такого мненья.

А думать о его семейном положенье
Кто будет, как не я? И даже повод есть…

Клариса.

Мне выбором своим вы оказали честь.
Идите же за ним и приведите срочно:
Я, сударь, с ваших слов люблю его заочно.

Жеронт уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Клариса, Изабелла.

Изабелла.

Вы издали его увидите пока…

Клариса.

Но и судить о нем нельзя издалека.
Увижу внешность я, приятную, возможно,
А что в душе его, узнать довольно сложно;
Не отражается душа в чертах лица,
Они обманчивы и могут подлеца

Скрывать под милою, приветливою маской, —

К красивой внешности я отношусь с опаской.

Глаза — вот что важней, скрывать им трудно ложь.

Но, доверяясь им, опять на риск идешь:

Им надо нравиться, чтоб жизнь текла спокойно,

И с ними же вести невидимые войны —

Не верить в нежность их, и верить в их отказ,

И не давать огню потухнуть ни на час.

Та цепь, что вяжет нас в земном существованье,

Должна бы страх внушать, а вовсе не желанье

Скорей ее надеть: ведь часто вяжут ей

Живого с мертвецом или чужих людей.

И раз уж суждено, чтоб цепь на нас надели,

Мне надо знать, кто он, и знать на самом деле,

То есть с какой душой.

Изабелла.

Поговорите с ним.

Клариса.

Ты знаешь, как Альсип ревнив и нетерпим.

Изабелла.

И пусть! А вам-то что? Идите к цели смело.

Клариса.

Альсипа потерять? Нет, тут сложнее дело.

Все было решено, и он бы наконец

Вступил со мною в брак, когда б его отец

Приехал к нам в Париж. Два года обещает!

То у него дела, то хворь ему мешает,

То летняя жара, то холода и мрак —

Из Тура выбраться не может он никак!

Он браку нашему противится два года.

А что же делать мне? У моря ждать погоды?

Чем больше будешь ждать, тем меньше стоишь ты.

Как? Старой девой стать, похоронив мечты?

Совсем не так легко расстаться с этим званьем!

Нет! Годы зря терять, поверь уж, мы не станем.

Бог времени суров — не любит он шутить,

А долго честь хранить — ее же погубить.

Изабелла.

Когда бы кто другой пришелся вам по нраву,

Альсипа вы могли б покинуть с полным правом.

Клариса.

Но чтоб не потерпеть самой при этом крах,

Другого я должна иметь в своих руках,

Притом хорошего и чтоб он поскорее

Хотел соединить свою судьбу с моею.

Без этого — боюсь: тут можно ждать всего...

Нет, лучше уж Альсип, чем просто ничего.

Да и отец его вдруг может в путь собраться...

Изабелла.

Не лучше ль сделать так, чтоб вам не просчитаться:

Лукреция ваш друг; к тому же не секрет,

Что у нее самой своих ревнивцев нет,

Так пусть она черкнет Доранту два-три слова:

Мол, под окном моим я видеть вас готова

Сегодня вечером. Он прибежит стремглав.

А вы, Лукрецией на этот вечер став,

Поговорите с ним: и сбит Альсип со следа,

И прибежал не к вам наш юный непоседа.

Клариса.

Прекрасна выдумка! Лукреция вполне
Подходит для игры. Она поможет мне.
Но как же ты хитро придумала все это!

Изабелла.

Тогда один вопрос встает и ждет ответа:
А если наш герой окажется неплох?

Клариса.

Понравится Дорант? Ну что же! Видит бог,
Альсип свои права ему уступит вскоре.

Изабелла.

Молчите! Он идет…

Клариса.

Вот не хватало горя!
Иди к Лукреции и расскажи о том,
Что мы задумали. С ней встречусь я

потом.

Изабелла уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Клариса, Альсип.

Альсип.

Непостоянная! Коварная! О боже!

Клариса.

Ужель о сватовстве? Но как узнал он все же?

Альсип, случилось что? Зачем же так вздыхать?

Альсип.

Случилось? Боже мой! Тебе ль о том не знать?

У совести спроси! Она тебя не гложет?

Клариса.

Не надо громко так, отец услышать может.

Альсип.

Ты это говоришь, не изменясь в лице?

Лишь увидав меня, ты помнишь об отце!

А ночью, на реке?

Клариса.

Что означает это?

Нельзя ли поясней…

Альсип.

До самого рассвета!

Клариса.

Что дальше?

Альсип.

Где же стыд?

Клариса.

Ну, мне уже невмочь!

Альсип.

Другая б умерла, услышав слово «ночь».

Клариса.

А что в нем страшного, спросить бы я хотела?

Альсип.

Услышать слово «ночь» и спрашивать, в чем дело?

Тогда я все скажу.

Клариса.

Давно уже пора.

Альсип.

Веселье шло всю ночь, до самого утра!

Клариса.

Убейте, если мне понятна эта фраза.

Альсип.

Когда я говорю, ты вспоминаешь сразу

Про своего отца — он так тобою чтим!

Но провести всю ночь с поклонником своим…

Клариса.

Альсип, в уме ли вы?

Альсип.

Легко ума лишиться,

Узнав, какая ты и что в тебе гнездится.

Как? Пировать всю ночь, приличия презрев,

С поклонником своим расстаться на заре —

И поминать отца? Какое лицемерье!

Клариса.

Насмешка это? Бред? Ушам своим не верю!

Альсип.

Хоть новость и свежа, но тайны нету в ней.

Должна ты выбирать поклонников скромней:

Он сам мне все сказал.

Клариса.

Кто он?

Альсип.

Дорант.

Клариса.

О боже!

Альсип.

И будешь отрицать? Как на тебя похоже!

Клариса.

Да если б видела его хотя бы раз!

Альсип.

А кто с его отцом здесь говорил сейчас?

Легко ли вынести улики этой бремя?

Ночь — с сыном, день — с отцом, так ты проводишь время!

Клариса.

Его отец с моим был дружен с давних пор.

Альсип.

И ты о дружбе их вела с ним разговор?

О чем ни говорю — все отрицать готова!

Так что еще сказать, чтоб ты в ответ ни слова?

Клариса.

В лицо не видела я сына никогда!

Альсип.

Иль ночь была темна? Ответь же мне тогда:

А слышала ли ты, как музыка играла?

Быть может, хор был плох и музыкантов мало?

А угощение? Возможно, что и тут

Ты не заметила, как вам двенадцать блюд

На ужин подали? И разве рядом не был

С тобою кавалер, когда взвивались в небо

Огни бенгальские и разрывалась мгла?

И кто с тобою был, ты даже не смогла

И утром разглядеть? Скажи, тебе не стыдно?

Клариса.

Я сказки не стыжусь, хотя она обидна.

Альсип.

Я, значит, выдумщик, ревнивец и слепец?

Клариса.

Вас кто-то ввел в обман, поймите наконец!

Альсип.

Чтобы хитрить со мной, нет у тебя сноровки:

И вижу хитрость я и знаю все уловки.

Прощай! С твоим путем расходится мой путь.

К Доранту уходи и обо мне забудь.

Клариса.

Но выслушайте…

Альсип.

Нет! Отец услышать может

И выйдет из дому.

Клариса.

Так это вас тревожит?

Не выйдет мой отец, и время есть у нас.

Альсип.

Тебя я выслушаю, если ты сейчас

Мне подтвердишь, что я твоим супру-

гом стану,

Что свадьбы нашей ждешь, и, как бальзам на рану,

Дашь поцелуй в залог...

Клариса.

Чтоб оправдать себя?

Альсип.

Клянись мне в верности и поцелуй любя.

Клариса.

Сейчас?

Альсип.

Решайся же, пока никто не видит.

Клариса.

У нас нет времени: сейчас отец мой выйдет.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Альсип один.

Альсип.

Что ж! Смейся надо мной и над моей тоской!

Пусть этот смех вернет душе моей покой,

Пусть превратится в лед обманутое пламя

И справедливый гнев пусть властвует над нами.

Но знай, соперник мой от мести не уйдет,

Незамедлительным с ним будет мой расчет,

И если не лишен он чести и отваги,

То мы сегодня же должны скрестить с ним шпаги.

Но прежде чем ему владеть моим добром,

Он кровь свою прольет иль оба мы прольем.

А вот и он идет! Его отец с ним рядом...

На друга старого смотрю я новым взглядом —

То ненависти взгляд. Ну что ж, пого-

ворим.

А впрочем, здесь нельзя затеять ссору с ним.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Жеронт, Дорант, Клитон.

Жеронт.

Дорант, остановись! Гуляя слишком много,

Я задыхаться стал… Гневить не будем бога.

Взгляни, как здесь дома красивы… Ты молчишь?

Дорант.

Страною сказочной мне кажется Париж.

Подумал утром я: здесь чудо входит в моду;

Уехал — никого, приехал — тьма народу.

Как будто Амфион{56} сюда пришел и вмиг

Роскошные дворцы на пустырях воздвиг.

Жеронт.

Уже привык Париж к метаморфозам этим:

Немало нового на Пре-о-Клер мы встретим;

И толпы праздные дивятся без конца

Великолепию и пышности дворца{57}.

Да! Целый город вдруг, сверкая чудесами,

Как остров сказочный, возник перед

{56} Комментарии: 2.56

К стр. 106

Амфион — сын Зевса, замечательный музыкант. Легенда приписывала ему способность звуками своей лиры заставлять камни складываться в прекрасные дворцы, крепостные стены (греч. миф.).

{57} Комментарии: 2.57

Пре-о-Клер — луг на левом берегу Сены около церкви Сен-Жермен-де-Пре. Этот луг был излюбленным местом прогулок и всевозможных развлечений парижан, а также местом частых дуэлей.

...великолепию и пышности дворца... — Речь идет о дворце, выстроенном недалеко от Лувра архитектором Жаком Лемерсье для кардинала Ришелье. Основное строительство велось в 1629–1636 гг. После смерти кардинала и переезда в этот дворец Людовика XIV он получил название «Королевский» («Пале-Рояль»).

глазами;

И, глядя на него, невольно говоришь:

Обителью богов становится Париж,

Но не об этом речь... Хочу сказать другое:

Как я тебя люблю — ты знаешь?

Дорант.

Я не скрою,

Что выше для меня нет чести...

Жеронт.

Ну так вот,

Ты у меня один, и раз тебя влечет

Стезя опасная, где может не однажды

Тебя толкнуть на риск военной славы жажда,

Я, прежде чем беда стряслась над головой

И чтобы сдержанней задор был ратный твой,

Хочу тебя женить.

Дорант.

Лукреция, спасите!

Жеронт.

Невесту выбрал сам — не только по наитью:

Богата, хороша!

Дорант.

Чтоб не попасть впросак,

Не лучше ль подождать?

Жеронт.

Все взвесил я и так:

В Париже не сыскать красивей и умнее.

Клариса просто клад. Кого сравню я с нею?

К тому ж ее отец мой самый близкий друг.

Нет! Дело решено.

Дорант.

Простите мой испуг,

Но юности моей так страшно это бремя!

Жеронт.

А я приказываю.

Дорант *(про себя).*

Знать, настало время
Прибегнуть к хитрости.

(Вслух.)

Отец мой, на войне
Путь к славе ждет меня. Так разве надо мне…

Жеронт.

Не только слава ждет, и гибель ждет в сраженье.
Пусть будет в доме то, что даст мне утешенье:
Мне внука подари, чтоб наш продолжить род,
И дряхлый твой отец опору обретет.
Жениться должен ты.

Дорант.

Но это очень сложно.

Жеронт.

Строптивец, подчинись!

Дорант.

А если невозможно?

Жеронт.

О чем ты говоришь!

Дорант.

За ветреность мою
Я, на колени став, прощения молю.
Но я…

Жеронт.

Что?

Дорант.

В Пуатье…

Жеронт.

Что дальше? Встань с коленей!

Дорант.

Женился, не спросив на это позволенья.

Жеронт.

Как? Без меня решил?

Дорант.

Увы, почти силком

Меня заставили жениться.

Жеронт.

А на ком?

Дорант.

Верней, к супружеству меня приговорила
Неотвратимая и роковая сила.
Ах, если б знали вы!

Жеронт.

Да! Все я должен знать.

Дорант.

Она из знатного семейства, но сказать,
Что из богатого, — нельзя. Судьбы капризы...

Жеронт.

А как ее зовут?

Дорант.

Ее зовут Орфизой.

Жеронт.

И кто ее отец?

Дорант.

Почтенный Армедон.

Жеронт.

Не слышал никогда. Мне неизвестен он.
Но продолжай.

Дорант.

Так вот, приехал я и сразу,
Едва с ней встретился, как потерял свой разум,
Настолько много в ней неизъяснимых чар.
Я покорился им, меня объял пожар.
Искать знакомства с ней я стал весьма усердно,
И вот, обласканный судьбою милосердной,
Стал часто видеться я с божеством моим.
Прошло шесть месяцев: я понял, что любим.
И благосклонностью — хоть тайной,

но безгрешной —

Меня одаривали. Мы не безуспешно

Хранили наш секрет. Я проникал к ней в дом,

Чтоб за беседою ночь провести вдвоем.

Однажды к ней придя, сижу я рядом с нею

(То было в сентябре или, сказать точнее,

Второго сентября), и вдруг... всему конец:

В тот вечер ужинал в гостях ее отец;

Вернувшись, он наверх поднялся (о проклятье!),

Стучится в дверь ее, я прячусь за кроватью,

Орфиза чуть жива... но, чтоб смущенье скрыть,

Бросается к нему (откуда только прыть!)

И старика спешит обнять. Он сел у двери,

И тут услышал я, ушам своим не веря,

Как стал он говорить, что замуж ей пора,

Что сватаются к ней и что еще вчера

Одно на этот счет имел он предложенье.

Ее ответ отцу не вызвал раздраженья

У старика, и он… собрался уходить,

Когда мои часы вдруг начали звонить.

Он повернулся к ней и спрашивает строго:

«А кто часы вам дал?» Она, смутясь немного,

Ему в ответ: «Акаст, кузен мой, их прислал,

Чтоб их почистили: наш славится квартал

Своим часовщиком. Об этом знает каждый.

Часы испорчены, они бьют время дважды».

«А вы их дайте мне, — ей говорит старик, —

*Я все устрою сам». Тут на какой-то миг

Она теряется, потом идет без звука

К укрытью моему, и я сую ей в руку

Проклятые часы. Но был на них шнурок;

Опутав пистолет, заставил он курок

Спуститься. Выстрел. Дым. Несчастная девица

Упала замертво. Я думал, сон мне снится.

Старик бежит к дверям, на помощь он зовет.

Явился сын его, с ним двое слуг, и вот

Я бросился на них: я от своей потери

Почти безумным стал… но пробивался к двери.

Тут новая беда стряслась со мной опять:

Сломалась шпага вдруг — и стал я отступать.

И вот я в комнате моей Орфизы снова.

И что увидел я? Она жива, здорова!

Глубок был обморок, но он прошел теперь.

Она спешит ко мне, мы запираем дверь,

У двери сваливаем в кучу что попало —

Столы и сундуки, подушки, одеяла,

И вал воздвигнутый вселяет веру в нас,

Что от противника он нас обоих спас.

Но вдруг пролом в стене я вижу в миг последний:

Пробили тот пролом из комнаты соседней

И ринулись в него, и сдался я тогда…

Клариса смотрит на них из своего окна, а Лукреция с Изабеллой из своего.

Жеронт.

Короче говоря, пришлось жениться?

Дорант.

Да!

Меня застали с ней вдвоем ночной порою,

Застали те, кто был меня сильнее втрое;

И я ее любил, и многое бы дал,

Чтоб честь ее спасти и погасить скандал.

Ее желание помочь мне, риск, страданье

Повысили в сто крат ее очарованье,

И, чтобы жизнь мою спасти и честь ее,

Чтоб вместе с ней испить сладчайшее питье,

Я слово произнес, приведшее к затишью.

—

Играть с ее судьбой, играть, как кошка с мышью,

Поверьте, я не мог... К тому ж отец и брат...

И вот на выбор ваш: я мертв или женат.

Жеронт.

Я человек не злой. Я только строг отчасти.

Есть обстоятельства в случившемся несчастье,

Которые велят, чтоб я тебя простил.

Но почему свой брак ты от меня таил?

Дорант.

Я вам уже сказал: она не так богата.

Жеронт.

Какая в том беда, раз вы теперь женаты?

Она мила, умна, достойная семья,

Ты любишь, ты любим... Прощай, не жди меня:

Расторгнуть договор с отцом Кларисы надо.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дорант, Клитон.

Дорант.

Что скажешь? Разве я не заслужил награды?

Неплохо выпутался! Был бы кто другой,

Он уступил бы вмиг, на все махнув ру-

кой,

Он стал бы плакаться, терпел бы унижень я...

А как себя держать, когда насильно женят?

Умело надо лгать и не терять лица!

Клитон.

Неправдой было все?

Дорант.

С начала до конца.

Услышь Лукреция, сказала бы: как мило!

Меня ведь для нее неправда сохранила.

Клитон.

Придумать пистолет!

Дорант.

Я и не то могу.

Клитон.

Весьма обяжете вы вашего слугу,

Коль в следующий раз его предупредите,

Когда подобное сойдет на вас наитье.

На что уж знаю все — и то попал впросак.

Дорант.

Не бойся ничего. Ты, вижу, не простак,

И потому тебя охотно я назначу

Моим поверенным… ну и слугой в придачу.

Клитон.

Не знаю, справлюсь ли. Порой внушает страх

Быть у таких, как вы, поверенным в делах.

Теперь о даме той: мне стоило немало…

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Сабина.

Сабина *(подавая Доранту записку).*

Прочтите, сударь.

Дорант.

Что?

Сабина.

Лукреция прислала.

Дорант *(прочитав записку).*

Скажи ей, что приду.

Сабина уходит.

А ты что скажешь тут?

Которую из двух Лукрецией зовут?

Из своего окна уже сегодня ночью

Со мною говорить моя богиня хочет!

Она — Лукреция! Зачем другой писать?

Я с ней не говорил… Иль возразишь опять?

Клитон.

Не буду возражать: сегодня в час урочный

Вы, голос услыхав, узнаете все точно.

Дорант.

Иди и стороной разведай для меня,

Богата ли она и кто ее родня.

Клитон уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Дорант, Ликас.

Ликас.

Вам, сударь.

Дорант.

Как? Опять?

(Прочитав записку.)

Какое оскорбленье
Нанес Альсипу я, что наши отношенья
Вдруг так испортились?

(Ликасу.)

Иди! Я за тобой.

Ликас уходит.

Вчера из Пуатье вернулся я домой,
И вот пожалуйста: любовь, женитьба, ссора,
А день еще идет и кончится не скоро.
Чтоб доконать меня, достаточно судьбе
Мне тяжбу навязать и отослать к

судье.

Как все запуталось! Попробовали б сами

С такими сложными управиться делами!

Не знаю, у кого на это хватит сил.

Но мне пора идти: Альсип меня взбесил.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дорант, Альсип, Филист.

Филист.

Держались оба вы и храбро и достойно
И можете теперь поговорить спокойно!
Я небо от души готов благодарить:
Мне помогло оно, я смог вас примирить,
И счастью моему, поверьте, нет предела.
Хорошим был исход и необычным дело.

Дорант.

Да, удивительным мне кажется оно,
Так все неясно в нем, запутано, темно.
Я вас прошу, Альсип, скажите мне по чести:
Чем вызван был ваш гнев, откуда жажда мести?

Кто очернил меня и в чем его навет?

Скажите наконец, чтоб мне держать ответ.

Альсип.

Вы сами знаете.

Дорант.

Альсип, даю вам слово:

Ну просто не пойму, что сделал я плохого!

Альсип.

Что ж! Раз хотите знать, скажу еще ясней:

Два года я влюблен, два года вижусь с ней;

Наш брак уже решен, но мы должны от света

Свое решенье скрыть — причина есть на это.

И вот с той дамою, что мне принадлежит,

С моей владычицей (как голос мой дрожит!)

Пируете вы ночь — бал, музыка и ужин...

Вы забываете, что с вами был я дружен;

И чтобы этот трюк удался вам вполне,

Вы скрыли свой приезд, и лишь сегодня мне

Решили рассказать, должно быть, из бравады,

Что надоумило вас выйти из засады.

Но разве, все узнав, сказать я не могу:

Вы отнеслись ко мне, как к своему врагу?

Дорант.

Когда бы в смелости моей вы сомневались,

Мы вряд ли бы тогда до истины добрались

И как соперники сошлись бы мы опять.

Но раз уж вы смогли характер мой понять,

Послушайте теперь, что было в самом

деле:

Та, с кем я пировал и с кем делил веселье,

Представьте, замужем... И вам, Альсип, никак

Нельзя с ней было бы вступить в законный брак.

Она недавно здесь, и утверждать я смею,

Что, судя по всему, вы не знакомы с нею.

Альсип.

Я просто восхищен, что этот разговор

Так быстро разрешил наш беспричинный спор.

Дорант.

Вам дать один совет хотелось бы мне все же:

Порывы первые свои судите строже,

Не отвергайте то, что надо изучать,

И не кончайте там, где надо начинать.

Прощайте, господа!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Альсип, Филист.

Филист.

Опять я слышу вздохи!

Альсип.

Увы, мои дела теперь совсем уж плохи.
Так кто же на реке вчера дал этот пир?
Что делать мне, Филист? Подозревать весь мир?

Филист.

Искать виновника не надо так упрямо:
Клариса любит вас, была другая дама
На празднике ночном. Все дело в том, что паж
Ошибся в темноте, и гнев напрасен ваш.
Я точно выяснил: паж видел, как входила
Вчера к Лукреции Клариса. Что ж сму-

тило

Так вашего пажа? Как я узнал от слуг,

Лукреция в тот день для двух своих подруг,

Пришедших ранее, подать обед велела;

Потом они ушли, когда уже стемнело;

Их лиц не разглядев, идет за ними паж,

Он видит, как они садятся в экипаж,

На козлах кучера Лукреции он видит,

И вот ваш юный паж за вас уже в обиде.

Держась по-прежнему все время вдалеке,

Он видит, как они спускаются к реке,

Он слышит музыку и слышит звон посуды;

Но я его рассказ вам повторять не буду:

Чужой был экипаж, он был на время взят,

И виновата тьма, и паж был виноват,

Клариса же, мой друг, как вы понять успели,

До самого утра ночь провела в постели.

Альсип.

О горе, горе мне! Ведь ревностью горя,
Кларису обвинял и осуждал я зря!

Филист.

Вас помирить легко. Но знайте и другое:
Тот, кто волнений всех причиной был второю,
А именно Дорант, рассказывавший нам
О пышном празднике, о том, как по ночам,
Храня инкогнито, он ходит на свиданье
И месяц, как таит свое здесь пребыванье, —
Дорант из Пуатье вернулся лишь вчера
И мирно ночь провел до самого утра.

Альсип.

А угощение?

Филист.

Ложь в неприкрытом виде:

Не наяву — во сне он этот пир увидел.

Альсип.

Когда с Дорантом я оружие скрестил,

Держался смело он, хоть я совсем не хил.

Но в школе мужества не учатся обману,

И если я не трус, то лгать вовек не стану,

А если бы солгал, сгорел бы от стыда:

Отважный человек правдив и прям всегда.

Дорант не мог солгать.

Филист.

Держусь другого мненья:

Он от природы смел, а лжец по убежденью.

Но будь доверчивы мы так, его рассказ,

Что там ни говори, не сбил бы с толку нас;

Мы просто новички по части небыли-

цы;

Тот праздник на реке мог лишь во сне присниться:

Хор, музыка, огни, и яства, и цветы —

Вмиг появилось все, как будто с высоты

Машиной спущено[{58}] *к ногам его, чтоб сразу*

Доранта ублажить по первому приказу.

Кто мог, как вы и я, все это проглотить,

Свою доверчивость обязан укротить.

Чем оправдать себя? Хоть был я озадачен,

Заметил я, что паж рассказывал иначе.

А вы?

Альсип.

Был ревностью мой разум ослеплен

{58} Комментарии: 2.58

К стр. 117

…с высоты машиной спущено… — В XVII в. на театре уже широко использовались «машины» для производства разных сценических эффектов. Сам Корнель сочинял пьесы для постановки «с машинами».

И верил слепо в то, чего боялся он.

Осталось мне одно: преодолев смущенье,

Кларису повидать и вымолить прощенье.

Ее мои слова не будут раздражать.

Филист.

Я вам советую до завтра подождать.

Не лучше ли сейчас мне повидаться с нею?

Я расскажу ей все и гнев ее рассею,

Тем самым вам открыв к ее прощенью путь.

В противном случае подставите вы грудь

Под залпы первые ее негодованья.

Альсип.

Она сюда идет. Не вовремя свиданье

С ней было бы сейчас. Вы правы, я уйду,

Чтоб гнева избежать и не нажить беду.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Клариса, Изабелла.

Клариса.

Лукреция нас ждет, пора нам к ней явиться.

Изабелла.

Пока еще светло, не стоит торопиться.

А знаете, она, узнав, что нужно вам,

Все тотчас сделала как надо.

Клариса.

Я воздам

Ей за добро добром. Сейчас не в этом дело:

Ты из ее окна Жеронта разглядела?

Так вот: лицо одно и сын его, и тот,

Кто, возвратясь с войны, в меня влюблен уж год.

Изабелла.

Его узнала я, едва он появился.

Когда старик Жеронт куда-то удалился,

Оставив нашего знакомца со слугой,

Сабина в тот же миг ему своей рукой

Записку подала.

Клариса.

Обманщик он ужасный!

Изабелла.

Прием не так уж нов, вы сердитесь напрасно.

Немало школяров, чтоб не отвергли их,

Рассказывают нам о подвигах своих.

Они, как и Дорант, в Германии бывали,

Во всех сражениях участье принимали

И с видом знатоков толкуют о войне,

Командуют полком, гарцуют на коне,

Штурмуют крепости, прочтя о них в газете,

И всё-то видели, и знают всё на свете,

А дальше собственной деревни — никуда!

И пусть их говорят — какая в том беда?

Дорант, мне кажется, решил, что только воин

Вниманья вашего быть может удостоен,

Решил, что вам перо на шляпе во сто крат

Милей пера в руке, что верх возьмет солдат

Над юным школяром, который перья точит.

И вот не тем, кто есть, а тем, кем быть он хочет.

Пред вами он предстал и вел такую речь,

Которая к нему могла бы вас привлечь.

Клариса.

Он лжец отъявленный, не назовешь иначе.

Ты знаешь, как Дорант Альсипа одурачил?

Вчера, представь себе, со мною на реке

Он пировал всю ночь. Ревнивец мой в тоске

И в ярости твердит: «Так вот за верность плата!»

(Как будто я и впрямь хоть в чем-то виновата.)

Толкуя о моей измене и вине,

Он говорит о том, что и не снилось мне, —

О пышном празднике, о музыке и пенье

И о неслыханно роскошном угощенье

С таким количеством разнообразных блюд,

Что их перечислять напрасный был бы труд.

Изабелла.

Все это говорит о том, насколько страстно

Влюбился в вас Дорант: он времени напрасно

Не тратил, разузнав, что в вас Альсип влюблен.

Его пытается от вас отвадить он,

В нем ревность возбудив. К тому же он добился,

Чтоб к вашему отцу его отец явился

(А речь о браке шла). Ну, право, кто бы смог

Два дела совершить в такой короткий срок?

Согласен ваш отец, Дорант влюблен в вас страстно,

Он вам понравился, все обстоит прекрасно.

Клариса.

Ты ошибаешься. Все обстоит не так.

Изабелла.

Вы передумали? Вас не поймешь никак.

Клариса.

А что тут понимать? Ты объяснить попробуй

Еще один обман, причем обман особый

По дерзости своей: Дорант давно женат!

Был у отца Жеронт и слово взял назад.

Ушел расстроенный и от смущенья красный.

Изабелла.

Так вот каков Дорант! Обманщик он ужасный.

Но чтобы обмануть без цели, как Дорант, —

Не только мастерство, тут нужен и талант.

Нет, удивляться я ему не перестану:

Чего от вас он ждал, когда прибег к обману?

Но стоит ли теперь с ним в разговор вступать?

Хотите высмеять его иль отчитать?

Клариса.

Приятно посмотреть мне на его смущенье.

Изабелла.

А я бы предпочла ему придумать мщенье.

Клариса.

Во всяком случае, скучать не будем мы.

Но кто-то к нам идет. Вдруг из-за этой тьмы

Мы не увидим — кто? Дорант узнать нас может.

Войдем к Лукреции, мне темнота поможет

Неузнанною быть, вступив с ним в разговор.

Меня Лукрецией считая, всякий вздор

Нести он будет… Что ж! Теперь он сам попался…

И на худой конец у нас Альсип остался.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дорант, Клитон.

Дорант.

В записке сказано, чтоб мы пришли сюда.

Клитон.

Разведать, как и что, не стоило труда:

Единственная дочь, отец в судейском званье;

О возрасте ее, семье и состоянье

Я вам уже сказал... Одно не смог узнать,

Умеет ли она, как ваша милость, лгать?

А было б весело, когда бы так случилось!

Я многое бы дал, когда бы в ней открылась

Способность сочинять, и чтоб вы пали ниц

Пред мастерством ее по части небылиц

И сами свой талант признали бы убогим.

Дорант.

Даруют небеса его отнюдь не многим.

Нужны тут выдержка, ум, память, быстрота,

И совесть чистая, и речи красота,

И многое еще... Гляди, окно открыли.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дорант, Клитон внизу, Клариса, Лукреция, Изабелла — у окна.

Клариса *(Изабелле).*

Будь начеку. Чуть что, лети сюда на крыльях.

Изабелла.

Едва решит уйти отсюда ваш старик,
Я, как условлено, предупрежу вас вмиг.

(Отходит от окна и больше не появляется.)

Лукреция *(Кларисе).*

Он разговор с моим отцом не кончит скоро.
Ну, можешь начинать, согласно уговору.

Клариса.

Так это вы, Дорант?

Дорант.

О да, мадам, я тот,
Кто ради вас одной жить будет иль

умрет.

Лукреция *(Кларисе).*

Ведет он разговор все в том же страстном стиле.

Клариса *(Лукреции).*

И зря старается. Напрасные усилья.
Но быстро он меня по голосу узнал.

Клитон *(Доранту).*

Она — Лукреция. Я, сударь, проиграл.

Дорант *(Лукреции).*

Хочу я вычеркнуть из памяти то время,
Когда, не зная вас, влачил я жизни бремя.
Печальная судьба — жить и не видеть вас:
Наполнен пустотой твой каждый день и час,
Ты гибнешь медленно, и, чтоб спастись от смерти,
Рабом Лукреции я должен стать, поверьте.

Клариса *(Лукреции).*

Так всем он говорит, со всеми он хорош.

Лукреция *(Кларисе).*

Как переменчивы любовь его и ложь!

Дорант.

Великой милости у вас просить я смею:

Возьмите жизнь мою — легко расстанусь с нею,

Любой немедленно ваш выполню приказ:

Скажите лишь, мадам, что сделать мне для вас.

Клариса.

Недавно думала я предложить вам что-то,

Но передумала теперь: прошла охота

О невозможном речь вести.

Дорант.

Для вас, мадам,

Могу я сделать все, я жизнь свою отдам...

Клариса.

Жениться не смогли б: я знаю, вы женаты.

Дорант.

Кто? Я женат? О нет! Лишь клеветник завзятый
Такое обо мне способен был сказать.

Клариса *(Лукреции).*

Где совесть у него?

Лукреция *(Кларисе).*

Одно умеет: лгать.

Дорант.

Женат? Да никогда! Но кто по крайней мере
Сказал...

Клариса.

Не верю вам. Нет, ничему не верю.

Дорант.

О, если я солгал, пусть гром сразит меня!

Клариса.

Лжец не боится клятв, ни грома, ни огня.

Дорант.

Но если обо мне вы думали немного,

И если судите меня теперь так строго,

Позвольте слово мне сказать: в моей вине

Виновна клевета. Прошу вас, верьте мне!

Клариса.

Так много дерзости в словах его безбожных,

Что, слушая его, и впрямь поверить можно.

Дорант.

Чтоб от сомнений всех вы были далеки,

Позвольте завтра же просить у вас руки.

Клариса.

Просите у других: ваш список бесконечен.

Дорант.

Да, из-за вас теперь я в городе замечен
И даже видеть стал завистников вокруг.

Клариса.

Гораздо худшее могло б случиться вдруг
С тем, кто назвал себя архангелом победы,
А сам скрипел пером и по харчевням бегал;
Вернулся лишь вчера из Пуатье — и вот
Сегодня говорит, что здесь он целый год;
Спокойно ночь проспал, а всех уверить хочет,
Что королевский пир давал он этой ночью;
И, будучи женат, — вдруг стал холостяком.

Как это все назвать? Прекраснейший прием,

Чтоб быть замеченным и чем-то выделяться!

Клитон *(Доранту).*

Неужто выкрутиться вам и здесь удастся?

Дорант *(Клитону).*

Не бойся, выкручусь. Но надо взять разгон.

(Кларисе.)

Для каждой выдумки имелся свой резон,

И основательный, о чем скажу вам вскоре;

Сейчас же говорить хочу о том, что горе

Могло вам причинить: да, мне пришлось солгать,

Что я женат. Но вы должны меня понять

И даже похвалить. Нет! Я скрывать не стану,

Что только ради вас прибегнул я к обману.

Клариса.

Что?

Дорант.

Только ради вас. Желая избежать…

Клитон *(Доранту).*

Подайте мне сигнал, раз вы собрались лгать.

Дорант *(Клитону).*

Эй, прикуси язык, он слишком стал болтливым!

(Кларисе.)

Служа лишь вам одной, могу я стать счастливым.

Я моему отцу не дал себя женить

На той, кого он сам хотел мне предложить.

Клариса *(Лукреции).*

Ты слышишь, как он врет?!

Дорант.

Благодаря обману

Одной Лукреции теперь служить я стану.

Избавиться помог мне выдуманный брак

От тех цепей, что я надеть не мог никак.

Судите же меня за все мои промашки,

Зовите выдумщиком (ложь — проступок тяжкий),

Но все-таки хвалу воздайте мне за то,

Что я могу любить так сильно, как никто.

Придумав этот брак, я спасся от другого,

И к узам сладостным моя душа готова:

Она избавлена теперь от прочих уз,

И, кроме вас, никто не вступит с ней в союз.

Клариса.

Уж очень пылки вы! (Так мне по крайней мере

Хотите доказать.) Но как я вам поверю,

Что повод я дала для этого огня?

Ведь вы почти совсем не знаете меня,

Ни кто моя родня, ни что со мной случалось.

Дорант.

Отец ваш Периандр, а ваша мать скончалась;

В судейском званье он, достаточно богат…

Десятитысячная рента… А ваш брат

Погиб в Италии, в кампании последней,

Сестрицу Юлией зовут… Все это бредни?

Иль, может, знаю вас? Что скажете теперь?

Клариса *(Лукреции).*

Речь о тебе идет, в твою стучит он дверь.

Лукреция *(в сторону).*

Дай бог!

Клариса.

Вот мы сейчас узнаем, в чем тут дело.

(Доранту.)

Я о Кларисе вас еще спросить хотела:

Один ваш друг со мной держал о ней совет;

А как, по-вашему, достойна или нет

Она женою стать?

Дорант.

Зачем вопросом этим

Испытывать меня? Я вам уже ответил,

Все обстоятельства подробно изложил:

Мой выдуманный брак защитой мне служил,

Я отдал вам одной души моей горенье,

И для Кларисы в ней осталось лишь презренье.

Клариса.

Коль есть у вас душа, пресыщена она:

Клариса из семьи хорошей, недурна;

Те, кто получше вас, руки ее просили,
Хотя Лукреция вам кажется красивей.

Дорант.

Но у Кларисы есть один изъян.

Клариса.

Какой?

Дорант.

Пусть предки знатные, пусть блещет красотой,
Она не нравится мне... Лучше утопиться,
Чем дать согласие отцу на ней жениться.

Клариса.

Но говорили мне, что вы средь бела дня
В любви ей поклялись.

Дорант.

Клевещут на меня.
Я с нею не знаком.

Клариса *(Лукреции).*

Смотри, как лжет он снова,

И клятвой подкрепить готов любое слово.

Дорант.

Пусть небо…

Клариса *(Лукреции).*

Я права?

Дорант.

…сразит меня сейчас,

Коль разговаривал я с кем-то, кроме вас.

Клариса.

Нет, надоело мне бесстыдство вашей речи,

Вы лжете мне в глаза, при этом с первой встречи,

И клятвой смеете ложь подкреплять свою,

Как будто я смолчу, как будто я стерплю.

Прощайте! Разговор окончен. Между прочим,

Я вас ввела в обман, чем и довольна очень:

Хотя мне не впервой подобные дела,

Приятно время я сегодня провела.

(Скрывается в окне.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дорант, Клитон.

Клитон.

Вы сами видите: не выгорело дело.

Дорант.

Душа моя, Клитон, сейчас покинет тело.

Клитон.

Имели б вы успех почти наверняка

И вас не мучила б обида и тоска,

Когда б в затее той не принял я участья:

Мое присутствие приносит вам несчастья.

Дорант.

Возможно. Как же быть?

Клитон.

Случайность нас сильней.

Дорант.

Не хочешь ли сказать, что с долею своей
Смириться должен я, от цели отказаться?

Клитон.

Когда бы ваша цель могла бы продаваться
И захотели бы купить ее у вас,
Я посоветовал бы вам ее тотчас
Продать, не дорожась.

Дорант.

Но почему так строго
Со мною обошлись?

Клитон.

Вы лгали слишком много.

Дорант.

А правду говорил — и тут не верят мне.

Клитон.

Коль правду лжец сказал, то правда не в цене.

Дорант.

Когда из уст других ее услышат снова,

То будет, видимо, прием не столь суровый.

Пойду, пожалуй, спать. Но надо перед сном

Придумать что-нибудь. Нет! Средство мы найдем,

Чтобы предмет любви поласковей нас встретил.

О, чувства женщины изменчивы, как ветер!

Не надо подходить с обычной меркой к ней,

А утро вечера, сам знаешь, мудреней.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дорант, Клитон.

Клитон.

Вот мы и снова здесь... Не зря я вам толкую,
Что мы Лукрецию не встретим в рань такую.
Ну, что же делать нам?

Дорант.

Здесь хорошо мечтать.
Окно Лукреции увижу я опять,
И, зная, что она так близко, я сумею
Скорее справиться с тревогою своею.

Клитон.

Но не придумали вы разве средства в ночь —
Такого, чтоб смогло вам чем-нибудь помочь?

Дорант.

Об этом думал я и вспомнил о совете,

Который ты мне дал: вернее нет на свете

И нет надежнее пути, как щедрым быть.

Никто не устоит.

Клитон.

Умерьте вашу прыть:

Совет мой применим к какой-нибудь кокетке.

Дорант.

Ты прав: Лукреция скромна, характер редкий

У этой девушки, и щедростью моей

Ее не покоришь. Но у ее людей

Другие склонности… есть недостатки даже,

И щедрый кошелек им языки развяжет.

Они заговорят, и будет им порой

Внимать Лукреция. Но за меня горой

Стоять они должны: я буду щедр от-

менно.

С ее служанкою мне надо непременно

Сегодня встретиться, с той, что пришла с письмом,

Готов ручаться я: друг друга мы поймем.

Клитон.

Я по себе сужу: тому, кто добр со мною,

Ни в чем не откажу — ни летом, ни зимою;

А добр со мною тот, кто деньги мне дает,

И я покладистым могу быть круглый год.

Дорант.

Людей таких, как ты, немало есть на свете.

Клитон.

Пока Сабину здесь надеемся мы встретить,

Хочу вам рассказать, покуда не забыл:

Альсип, как говорят, на поединке был
И дрался...

Дорант.

С кем?

Клитон.

Секрет. Но слухи ходят все же,
Что там с ним некто был, весьма на вас похожий.
И если б целый день я вас не покидал,
То мог подумать бы, что вы...

Дорант.

Ты угадал.
Тебя к Лукреции послал я?

Клитон.

В самом деле!
Ах, сударь, и меня вы обойти сумели!

Дорант.

С его клинком вчера скрестил я свой клинок
И тайну сохранить я дал себе зарок.
Но для тебя, Клитон, зарок я свой на-

рушу,

Ты мой поверенный, тебе открою душу,

Однако, что скажу, ты в тайне береги:

Пять месяцев уже с Альсипом мы враги.

Проездом в Пуатье он был, и тут же ссора

Меж нами вспыхнула. Но встретиться не скоро

Нам было суждено, а в Пуатье скрестить

Мы шпаги не могли. Пришлось вражду таить

До дня вчерашнего. И вот вчера при встрече

Шепнул я на ухо ему, что жду под вечер

В укромном уголке. Ты вскоре по делам

Отправлен мною был. И наконец-то нам

Закончить удалось отложенное дело:

Я наношу удар, клинок пронзает тело,

Противник падает…

Клитон.

Он умер?

Дорант.

Видно, да.

Клитон.

Мне, право, жаль его, казался он всегда
Достойным юношей. И надо же случиться…

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Альсип.

Альсип.

Хочу я радостью с тобою поделиться:
Приехал мой отец.

Дорант.

А радость в чем, скажи?

Клитон *(Доранту).*

Должно быть, воздух здесь располагает к лжи.

Дорант.

Увидеть вновь отца, пожалуй, не причина,

Чтоб радоваться нам: ведь мы с тобой мужчины.

Альсип.

Друг! Если счастлив кто, он верит, что кругом

Все знают, почему он счастлив. Дело в том,

Что скоро все мечты мои осуществятся:

Смогу с Кларисою я браком сочетаться!

Теперь-то уж отец благословит наш брак.

Дорант.

Об этом я не знал. Рад за тебя. Итак,

Все, значит, к лучшему? Достойная награда!

Альсип.

С Кларисой новостью мне поделиться надо.

Я к ней сейчас иду. Но, повстречав тебя,

Не мог не рассказать…

Дорант.

Польщен и тронут я.
Любви твоей теперь ничто не угрожает?

Альсип.

Покуда мой отец с дороги отдыхает,
Мне надо поспешить.

Клитон *(Доранту).*

Весьма цветущий вид
У друга вашего… что вами был убит.

Альсип.

Нет, не грозит ничто. Все минули сомненья.
Но извини меня, я полон нетерпенья.
Прощай!

Клитон.

Пусть небеса твой брак благословят.

Альсип уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дорант, Клитон.

Клитон.

О сударь, чем же я пред вами виноват,
Что обмануть смогли вы так бесчеловечно
Меня, поверенного ваших дел сердечных,
Меня, хранителя всех ваших тайн? Ну как
Об этом позабыть могли вы?

Дорант.

Вот чудак!
Ты, может, думаешь, что не было дуэли?

Клитон.

Не мне перечить вам. Да кто я, в самом деле?
И все же, слушая вас, надо всякий раз
Быть осмотрительным — тут нужен глаз да глаз.

Католик, мавр, еврей — нет никому спасенья.

Дорант.

Тебя смутил Альсип и это исцеленье?

Да, получив удар, был близок к смерти он,

Но порошком одним, как видишь, исцелен.

Ты разве не слыхал, что ныне повсеместно

Нашел признание тот порошок чудесный,

Особенно у тех, кто побыл на войне?

Клитон.

Но слышать все-таки не доводилось мне

О всемогуществе целительного средства;

И если кто-то был со смертью по соседству,

То есть почти был мертв, мы вряд ли можем ждать,

Что завтра будет он здоров и бодр

опять.

Дорант.

Ты речь о порошке ведешь весьма обычном.

Он не в чести теперь. А мне, Клитон, отлично

Известен порошок совсем другой:{59} *он вмиг*

Способен воскресить. И всякий, кто постиг,

Как пользоваться им, считай, причастен к чуду.

Клитон.

Откройте мне секрет — служить вам даром буду.

Дорант.

Его открыл бы я, но только он таков,

Что надо несколько древнееврейских

{59} Комментарии: 2.59

К стр. 132

…известен порошок совсем другой… — Во времена Корнеля вера в подобный чудесный порошок была очень распространена. Ходили даже слухи, что свойства подобного порошка проверили на себе французские солдаты, получившие ранения как раз в кампании 1642 г.

слов

Уметь произнести, иначе все сорвется...

А знанье языка с большим трудом дается.

Клитон.

Древнееврейский вам известен?

Дорант.

Как родной.

Мне десять языков известны.

Клитон.

Боже мой!

Знать десять языков! Как тут не возгордиться!

Но, сударь, почему одни лишь небылицы,

Будь то родной язык или чужой язык,

Слетают с ваших уст? Я, право, не привык

К подобным выдумкам...

Дорант.

Ты глуп, и я не буду
Сердиться на тебя.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Жеронт.

Жеронт.

Я вас ищу повсюду.

Дорант.

А я вас не искал.

(Клитону.)

Как он некстати вдруг
Явился, чтобы мне испортить мой досуг!
Нет, в возрасте моем родители — обуза.

Жеронт.

Коль совершился брак, то брачного союза
Нерасторжима связь, ее нельзя порвать:
Супруги не должны в разлуке пребывать.

Так разум говорит, а сердце жаждет страстно

Скорее встретиться с женой твоей прекрасной.

Письмо к ее отцу уже готово: в нем,

Сославшись на тебя, я говорю о том,

Что дочь его весьма достойная девица —

Скромна, мила, умна; что рад я породниться

С ней и с ее семьей; что я хочу скорей

С невесткой встретиться: для старости моей

Теперь она одна надежда и отрада.

Поэтому, Дорант, тебе немедля надо

Отправиться за ней — так долг и честь велят.

Дорант.

Прекрасное письмо! Он будет очень рад.

Сегодня же могу уехать, но уверен:

Он не отпустит дочь — сейчас по крайней мере.

Она беременна. На месяце седьмом.

Жеронт.

Я в восхищении!

Дорант.

Давайте подождем.

Ведь риску подвергать ее вы не хотите?

Жеронт.

Нет-нет! Я буду ждать развития событий

Спокойно, радостно, раз дожил я до дня,

Когда на небесах услышали меня.

Умру от радости: ведь наконец-то дожил!

Прощай! Теперь письмо переписать я должен:

Хочу ее отца поздравить и потом

Просить его, чтоб он подумал обо всем,

Когда придет пора рожать ей… Вот удача!

Дорант *(Клитону).*

Смотри: старик ушел, от счастья чуть не плача.

Жеронт *(возвращаясь).*

Ты тоже напиши.

Дорант.

Конечно.

(Клитону.)

Как всегда,

Заботлив.

Клитон.

Тише! Он опять идет сюда.

Жеронт.

Я тестя твоего не помню что-то имя.

Так как его зовут?

Дорант.

Заботами такими

Обременять себя у вас причины нет.

Я имя сам впишу и отошлю пакет.

Жеронт.

Но будет вежливей вписать моей рукою.

Дорант *(Клитону).*

Как сделать, чтобы он оставил нас в покое?

Не важно, чья рука. Кто разберется там?

Жеронт.

Любой провинциал привержен к мелочам.

Дорант.

Мой тесть был при дворе…

Жеронт.

Ты назовешь мне имя?

Я жду.

Дорант.

Его зовут… Пирандром.

Жеронт.

Но своими

Ушами слышал я другое имя: он…

Постой, припомнить дай… зовется Ар-

медон.

Дорант.

Да, так его зовут. Но также он известен

Под именем Пирандр. Название поместья

На службе в армии себе присвоил он.

Итак, одно лицо Пирандр и Армедон.

Жеронт.

Обычаи страны оправдывают это{60}*.*

Сам поступал я так в свои младые лета.

Прощай! Иду писать.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дорант, Клитон.

{60} Комментарии: 2.60

К стр. 135

Обычаи страны оправдывают это. — В XVII столетии во Франции еще не было фамилий в современном понимании этого слова. Дворянин обычно носил фамилию, образованную от названия поместья, вообще земельного надела, которым он владел. Отсюда — и длинные фамилии, отсюда же — и частая перемена фамилий (при приобретении или наследовании земель и т. п.).

Дорант.

Ушел он наконец!

Клитон.

Вас память подвела. Вы неумелый лжец.

Дорант.

Ум выручил меня, раз память изменила.

Клитон.

Но все откроется, и никакая сила

Уж не поможет вам: попались на одном —

Другое выплывет, и все пошло вверх дном.

К тому ж из ваших слов не сделают секрета:

Унизив за глаза Кларису, вы за это

Еще поплатитесь, она вам будет мстить,

Чтоб опозорить вас, покоя вас лишить.

Дорант.

Да, надо поспешить. Не зря ты так встревожен.

К себе расположить Лукрецию я должен.

Тут ждать нельзя… Смотри, кто послан мне судьбой!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Сабина.

Дорант.

Вчера, любезнейшая, встретившись с тобой,

Я так был восхищен врученным мне посланьем,

Что даже обделил тебя своим вниманьем.

Но грех мой поправим: вот это для тебя.

Сабина.

Ах, сударь, ну зачем…

Дорант.

Держи.

Сабина.

Но разве я...

Нет, это ни к чему.

Дорант.

Бери без разговоров.

Люблю одаривать друзей — таков мой норов.

Ну, руку протяни!

Клитон.

Какой в ломанье прок?

Нет, видно, мне пора ей преподать урок.

Послушай, милая; твои ужимки, право,

На дерзость смахивают. Ты дурного нрава?

Не руку — сразу две ты протяни ему.

При нашем ремесле стыдливость ни к чему.

Брать лучше во сто крат, чем в скучном ожиданье

Рассчитывать на то, что у тебя в кармане

Монеты зазвенят. Поэтому я рад,

Когда их мне дают, когда они звенят.

В наш век берут их все обеими руками.

Великий человек и тот сравниться с нами,

С ничтожными, спешит… Так как же? Ты берешь?

Чур, деньги пополам: урок ведь был хорош!

Сабина.

Ну, это лишнее.

Дорант.

А в случае удачи

Я одарю тебя щедрее и богаче.

Вчерашнее письмо зажгло надежды свет…

А не могла бы ты мой передать ответ?

Сабина.

Охотно передам. Хоть трудно поручиться,

Что госпожа моя взять в руки согла-

сится

Записку вашу, но...

Клитон.

Смотрите, поддалась!

Без скрипа сдвинулась: подействовала мазь.

Дорант *(Клитону, тихо).*

Теперь покатится.

(Сабине.)

Отдай записку все же.

Чтоб так меня казнить? Быть этого не может!

Я через час вернусь разведать, как дела.

Сабина.

Тогда узнаете, что сделать я смогла.

Дорант уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Клитон, Сабина.

Клитон.

Хороший результат? Как видишь, все в

порядке.

Сорить монетами готов он без оглядки.

И дальше я могу тебе полезным быть

И подсказать ему…

Сабина.

К чему такая прыть?

Сама договорюсь.

Клитон.

О, толк в делах ты знаешь!

Сабина.

Не так уж я проста, как ты предполагаешь.

Я наше ремесло успела изучить,

И жадностью твоей меня не удивить.

Клитон.

Ну, раз ты опытна, скажи по крайней мере:

А не напрасно ли хозяин мой намерен

Таким упорным быть? Добьется ли чего?

Сабина.

Ну что тебе сказать: настойчивость его

Хозяйку не могла оставить равнодушной.

Ты знаешь, эта ночь была совсем не душной,

И не мешал никто, но не спала она:

Коль не ошиблась я, хозяйка влюблена,

Хотя не полностью, а только вполовину.

Клитон.

Но почему тогда нам показали спину?

А разговор какой? То шпилька, то подвох.

О нет, хозяин мой совсем не так уж плох!

Да от любви такой, когда б меня он слушал,

Ему бы убежать, свою спасая душу.

Сабина.

Пусть только не спешит: он все-таки

любим.

Клитон.

Но разве мыслимо так обращаться с ним?

От этих выходок вовек не будет толка.

Сабина.

Схватила за уши, как говорится, волка:

Хоть любит, но любви не хочет волю дать.

А что тому виной? Его привычка лгать.

Вчера она в одном успела убедиться:

Любой его рассказ — сплошная небылица,

Он, глазом не моргнув, морочит всех подряд.

Клитон.

Но иногда лжецы и правду говорят.

Сабина.

Не уменьшается от этого сомненье.

Клитон.

Пускай Лукреция проявит снисхожденье:

Дорант всю ночь не спал — так был он огорчен.

Сабина.

Возможно, что и ты умеешь лгать, как он?

Клитон.

Я честный человек. Меня ты оскорбляешь.

Сабина.

Он, значит, разлюбил Кларису? Ты не знаешь?

Клитон.

Он не любил ее!

Сабина.

Уверен ты?

Клитон.

Вполне.

Сабина.

Тогда он зря не спит — уж тут поверьте мне.
Когда Лукреция Доранта увидала,
То повстречаться с ним она мне приказала:
А вдруг захочет он мне что нибудь сказать?
Как видишь, твой Дорант спокойно может спать.
Теперь иди. И знай: учить меня не надо,
Я передам ему что следует.

Клитон.

Награда
Не будет скудною, могу ручаться я.
Прощай, рассчитывать ты можешь на меня!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Сабина, Лукреция.
Сабина.

Итак, Лукрецию увижу я счастливой.

Да вот она сама. Но как нетерпелива!

Записка ей нужна! Глядит во все глаза…

Лукреция.

Ну, что сказал слуга? Что господин сказал?

Сабина.

Слова их сходятся, причем довольно близко.

А господин влюблен. И вот его записка.

Лукреция *(прочитав написанное).*

Да, в самом деле, он клянется, что влюблен.

Но обмануть меня уже старался он.

И я его словам не верю.

Сабина.

Я тем боле.

Но веру мне внушить смогли его пистоли.

Лукреция.

Он денег дал тебе?

Сабина.

Взгляните.

Лукреция.

Ты взяла?

Сабина.

Чтобы развеялась сомнений ваших мгла
И чтобы разглядеть могли вы пламя страсти,
Я приняла, мадам, посильное участье
В судьбе влюбленного: ведь звон его монет
Свидетельствует нам, что тут подвоха нет.
Коль раскошелился — далек он от обмана.

Лукреция.

Я выгоде твоей препятствовать не стану.
Но в следующий раз о щедрости его,
Пойми, я не должна знать ровно ни-

чего.

Сабина.

А что ему сказать?

Лукреция.

Затея, мол, пустая:
Хозяйка порвала записку, не читая.

Сабина.

О выгода моя! Пришел тебе конец!

Лукреция.

Но от себя добавь, что девичьих сердец
Понять особенность он должен и что вскоре
Они смягчаются, чужое видя горе.
А главное, ему ты намекни, когда
И где бываю я, чтоб мог он без труда
Со мною встретиться. Устроим испытанье.

Сабина.

Ах, если б вы могли понять его страданья,
То все сомнения отбросили бы прочь:

Вздыхал он, и стонал, и мучился всю ночь.

Лукреция.

Раз он ведет себя, как накануне казни,
Надежду дай ему, но не лишай боязни.
В нем эти чувства ты уравновесь, чтоб он
В отчаянье не впал и знал, в кого влюблен.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Клариса.

Клариса.

Дорант тебя всерьез обхаживать намерен.
Я, право, не сержусь, что мною он потерян:
Остался мне Альсип, и здесь его отец.

Лукреция.

Так, значит, у тебя удача наконец?

Клариса.

Надеюсь, да… Но вот твое приобрете-

нье,

Скажу по совести, внушает мне сомненье.

Ты помнишь, как он лгал, беседуя со мной?

Сабина.

Но лгать он перестал, ручаюсь головой!

Клариса.

Возможно, что и так, но под большим вопросом.

Лукреция.

Дорант обманывал и сам остался с носом.

Теперь он кается, и, может быть, ему

Со временем начну я верить.

Клариса.

Ни к чему!

Всегда будь начеку и, что бы ни случилось,

Себя не забывай, хотя ты и влюбилась.

Лукреция.

Ну что ты говоришь! Ему поверить? Да.

Смогла бы. Но любить? Какая ерунда!

Клариса.

От веры до любви короткая дорога.

Внушить доверие — о, это очень много!

Когда поверишь ты, что он в тебя влюблен,

Полюбишь и сама: таков любви закон.

Лукреция.

Давно замечено, что любопытство тоже

Сердца иные жжет и на любовь похоже.

Клариса.

Пусть будет так, хотя увидишь ты сама…

Сабина.

Решили обе вы свести меня с ума.

Как надоели мне слова и шутки эти!

В них много сахара, но вы-то уж не дети!

Подобный разговор могли б вести пажи.

Лукреция.

Не слушай ты ее! И вот что мне скажи:

Когда вчера Дорант был послан нам судьбою

И комплименты вдруг рассыпал пред тобою,

Ты слушала его (иль я ошиблась вновь?)

Внимательно… Так что ж, была ли то любовь

Иль любопытство?

Клариса.

Я скажу тебе. Конечно,

Любовь тут ни при чем! И вот вполне успешно

Я позабавилась над тем, что он сказал.

Лукреция.

А я над тем, что он мне нынче напи-

сал.

Записку я взяла, прочла ее, и что же?

Какая тут любовь? В чем мы с тобой несхожи?

Клариса.

Прочесть и выслушать — отнюдь не все равно:

Простая вежливость велит нам слушать, но

Читать любовное письмо — большую милость

Оказывать тому, кому она не снилась.

Лукреция.

Сабина подтвердит: письмо я порвала.

Клариса.

А лучше ли пойдут от этого дела?

Да, любопытна ты…

Лукреция.

С тобой сравнюсь я вскоре.

Клариса.

Возможно. Но теперь нам надо быть

в соборе.

Лукреция *(Кларисе).*

Отправимся туда.

(Сабине.)

Сама решай, как быть.

Сабина.

Я знаю лучше вас, как делу пособить,

И знаю, где болезнь у вас двоих засела.

Коль не вмешаюсь я, то плохо будет дело.

Но знайте: молодца брать надо за рога.

Лукреция.

Да?

Сабина.

Выгода моя мне тоже дорога.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Жеронт, Филист.

Жеронт.

Филист! Я очень рад такой счастливой встрече:
Мне многое узнать помогут ваши речи.
«Дигесты»{61} *в Пуатье пришлось листать и вам,*
Как и Доранту. Но я думаю, что там
Бывать и в обществе пришлось вам… Интересно,
Каков собой Пирандр? Что вам о нем известно?

Филист.

А кто такой Пирандр?

{61} Комментарии: 2.61
К стр. 143
Дигесты — извлечения из юридических трудов римских правоведов. Их использовали при преподавании на юридических факультетах.

Жеронт.

Из местных. Не богат.
Но рода знатного, как люди говорят.

Филист.

Дворян и буржуа я знал, но между ними
Нет в Пуатье того, кто носит это имя.

Жеронт.

Быть может, слышали другое имя? Он
Зовется иногда иначе — Армедон.

Филист.

Не знаю и его.

Жеронт.

Но об отце Орфизы,
Должно быть, слышали? То не молвы капризы —
Признали первою Орфизу в Пуатье
По редкому уму, по редкой красоте.

Филист.

Как ни прискорбно мне, сказать я дол-

жен все же:

Там не живет Пирандр, Орфизы нету тоже,

И если надо вам все это подтвердить...

Жеронт.

Вы сына моего хотите защитить!

Но мне известно все, я вас заверить смею:

Орфизу любит он, ухаживал за нею,

Был найден в комнате ее и потому,

Когда поднялся шум, увы, пришлось ему

Без промедления на девушке жениться.

Теперь вы поняли? Но я не стал сердиться

И брак благословил, и, значит, больше нет

Необходимости скрывать его секрет.

Филист.

Неужто в тайный брак Дорант вступил? О боже!

Жеронт.

Но я его простил, отец ему я все же.

Филист.

А кто вам рассказал?

Жеронт.

Он сам.

Филист.

Ну если так,

О прочем тоже он расскажет: как-ни-как,

Лишь одному ему подробности известны;

Он их не утаит, ведь человек он честный.

Воображение, однако, у него

Так развито, что тут уж можно ждать всего.

Жеронт.

Его история внушает вам сомненье?

Филист.

О нет! Хотя вчера такое угощенье

Нам преподнес Дорант, что верилось с

трудом.

Изобретательным он наделен умом!

И если применил он к браку тот же метод,

То, право же, меня брак не смущает этот.

Жеронт.

Вам хочется, чтоб гнев меня прикончил здесь?

Филист.

Я это испытал: был гнев... но вышел весь.

И если никогда Орфизу не придется

Невесткой вам назвать, слезинки не прольется

Из дивных глаз ее. Вы поняли меня?

Всего хорошего! Вас покидаю я.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Жеронт один.

Жеронт.

О легковерная, доверчивая старость!

Да! Ноша тяжкая тебе в удел досталась,

И ты сгибаешься под бременем стыда.

Несчастный я отец! О горе! О беда!

Дорант — обманщик, лжец! А он мне всех дороже:

Но самого себя обманывал я тоже,

И, в выдумку его поверив, как бы стал

Ее глашатаем — и вот какой провал!

До гробовой доски теперь краснеть я буду

За сына моего. Но и меня повсюду

Ославят за мою доверчивость, и я

По милости его краснею за себя.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Жеронт, Дорант, Клитон.

Жеронт.

Вы дворянин иль нет?

Дорант *(в сторону).*

Ну вот! Куда деваться?

(Жеронту.)

Поскольку я ваш сын, не смею сомневаться.

Жеронт.

И только потому вы, значит, дворянин?

Дорант.

Так полагают все, не только я один.

Жеронт.

Но что известно вам о звании высоком?

И знаете ли вы, к каким оно истокам

Восходит? Только честь то звание дает,

Передающееся нам из рода в род.

Дорант.

Я не оспариваю ваше утвержденье:

Приобретает честь, передает рожденье.

Жеронт.

Безродным предок был, но доблестью

своей

Добился знатности. Коль у его детей

Нет добродетели, то знатность не поможет:

Что сделано одним, другой разрушить может,

Разрушить, не щадя родительских седин.

Ты так и поступил, и ты не дворянин.

Дорант.

Кто? Я?

Жеронт.

Дай досказать… Да, ты, чье поведенье

Перечеркнуло то, что было от рожденья

Тобой получено. Ты дворянин? Но тот,

Кто лжет, не дворянин, и, значит, дважды лжет,

Дворянство приписав себе. О, нет страшнее

Порока на земле, чем ложь. Столкнувшись с нею,

От возмущения сжимаются сердца
Порядочных людей, и, уличив лжеца,
Его презрением карают повсеместно.
Нет выхода ему, солгавшему бесчестно,
Как только кровью смыть позор свой...
Но скажи,
Скажи мне: почему ты так погряз во лжи?

Дорант.

Кто вам сказал, что я на ложь способен?

Жеронт.

Боже!
И он такой вопрос еще задать мне может!
А кто твоя жена? Напомни имя мне.

Клитон *(Доранту).*

Скажите: я, мол, спал и позабыл во сне.

Жеронт.

А тестя твоего не повторишь ли имя?

Ну что же ты молчишь? Уловками своими

Меня опутай вновь и ослепи опять.

Клитон *(Доранту).*

Вам память или ум на помощь надо звать.

Жеронт.

Теперь с каким лицом признаться я посмею,

Что, старый человек, я наглостью твою

Был в заблуждение введен и сбит с пути?

Позор какой! Юнец смог старца провести!

Меня посмешищем ты сделал, и повсюду

Я буду слыть глупцом, слыть простофилей буду.

Но разве я тебе нож к горлу приставлял?

Тебя насильно я жениться заставлял?

Не нравится тебе Клариса? Ну и что

же?

Зачем уловки тут? Обман к чему? О боже,

Как мог подумать ты, что я тебе не дам

Согласия на то, чего ты хочешь сам!

Я слишком добрым был, в чем смог ты убедиться,

Согласье получив на этот брак с девицей,

Мне неизвестной. Что сказал я? В добрый путь!

Но сердца твоего не тронули ничуть

Ни доброта моя, ни радость, ни волненье…

Нет у тебя ко мне любви и уваженья!

Уйди, ты мне не сын.

Дорант.

Послушайте, отец…

Жеронт.

Что? Сказку новую придумал наконец?

Дорант.

Нет, правду я скажу.

Жеронт.

Возможно ли такое?

Клитон *(Доранту).*

Совсем пропали вы.

Дорант *(Клитону).*

Оставь меня в покое.

(Жеронту.)

Едва я встретился с красавицей одной,
Как стал ее рабом: любовь тому виной.
Увы, Лукреция вам, видно, не знакома!

Жеронт.

Я знаю, кто она и из какого дома:
Ее отец — мой друг.

Дорант.

Я был в единый миг
Заворожен ее глазами, я постиг,
Что значит власть любви, и выбор ваш, поверьте,
При всех достоинствах Кларисы, хуже

смерти

Мне показался вдруг. Ведь я тогда не знал,

Что вы с Лукрецией знакомы, и скрывал,

Вернее, не посмел открыться вам, что пламя

Она зажгла во мне, что я ее глазами

Навеки был пленен. Не мог я также знать,

Что преступление — к уловкам прибегать,

Когда твоей любви попасть в беду случилось.

Но если б вы могли вновь оказать мне милость,

Я умолял бы вас во имя кровных уз,

Во имя прежних чувств, скреплявших наш союз,

Помочь мне в брак вступить с любимой мной девицей

И у ее отца согласия добиться.

Жеронт.

Обманываешь?

Дорант.

Нет! Вы можете вполне
Клитону доверять, раз нету веры мне:
Слуга мой знает все.

Жеронт.

Еще недоставало!
Как видно, со стыдом знаком ты очень мало,
Коль должен твой отец расспрашивать у слуг
О том, что мог бы он узнать из первых рук.
Послушай: несмотря на гнев и раздраженье,
Я все-таки хочу исправить положенье,
Тебе в последний раз попробую помочь:
К отцу Лукреции пойду, чтоб отдал дочь
Он за тебя, но знай: прибегнешь вновь к обману...

Дорант.

Возьмите и меня, вас ободрять я стану.

Жеронт.

Нет, оставайся здесь, за мною не ходи.
Тебе не верю я. Ад у меня в груди.
И все ж попробую. Но если вдруг случится,
Что на Лукреции не хочешь ты жениться
И это все обман, то сразу говорю:
Исчезни с глаз моих, иначе кровь твою
Рука отцовская прольет без содроганья;
Кровь недостойная ничтожной будет данью
За мой великий стыд, за попранную честь...
Солги еще хоть раз — ужасной будет месть.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дорант, Клитон.

Дорант.

Не принял я всерьез подобную угрозу.

Клитон.

Однако все трудней вам становиться в позу.

А впрочем, ловкий ум вас не подвел пока:

Два раза провести смогли вы старика.

Бог любит троицу, но что-то будет в третий?

Дорант.

Прошу тебя, Клитон, оставь насмешки эти.

Забота новая покоя не дает.

Клитон.

Сказали правду вы, и это вас гнетет.

Хотя мне кажется, что просто ложью новой

Вы нас дурачите… Не может быть та-

кого,

Чтоб вы с Лукрецией вступить хотели в брак:

Раз так сказали вы, то, значит, все не так.

Дорант.

Нет, я ее люблю, сомненья быть не может.

Но слишком риск велик — вот что меня тревожит:

Коль не столкуется ее отец с моим,

Все замыслы мои развеются, как дым;

Но если за меня он дочь отдать намерен,

Согласна ли она? Я в этом не уверен.

К тому же у нее подруга есть, и я

Вчера почувствовал, что сердце у меня

Любовью прежнею немного тяготится.

Сегодня разглядел подругу я: девица,

Как показалось мне, отменно хороша.

Ты видишь, у меня раздвоена душа.

Клитон.

Но для чего тогда вы о любви твердили
И даже свататься отца уговорили?

Дорант.

Он не поверил бы, не поступи я так.

Клитон.

И правду говоря, вы лгали!

Дорант.

Вот чудак!
Я просто в ход пустил единственное средство,
Смиряющее гнев. Прием, знакомый с детства.
Теперь же я могу подумать не спеша,
Какими чувствами полна моя душа.

Клитон.

Но ведь Кларисою зовут ее подругу!

Дорант.

Хорошую себе я оказал услугу!
Как я завидую Альсипу! Но сейчас

Он получил лишь то, чему я дал отказ.

Ты о Кларисе мне не говори!

Клитон.

Не смею.

Вы, как с Орфизою, распорядились с нею.

Дорант.

К Лукреции идем, забыв о той, другой,

Что чуть не отняла наш разум и покой.

Сабину вижу я. Что мне она ответит?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Сабина.

Дорант.

Ты отдала письмо прекраснейшей на свете?

Сабина.

Да, сударь. Но…

Дорант.

Что — но?

Сабина.

Взяла и порвала.

Дорант.

Прочла?

Сабина.

Ни строчки.

Дорант.

Как? А ты-то где была?

Сабина.

Что делать было мне? Хозяйка так сердилась!

Я, сударь, из-за вас чуть места не лишилась.

Дорант.

Она тебя простит. Чтоб легче было ждать,

Мне руку протяни.

Сабина.

О, что вы!

Дорант.

С ней опять

Должна ты говорить, не все еще пропало.

Клитон.

Хотя и грустным вам представилось начало,

Уже утешилась Сабина, и сейчас

Вы от нее другой услышите рассказ.

Дорант.

Так, значит, порвала и даже не читала?

Сабина.

Мне было велено, чтоб так я вам сказала.

Но, честно говоря…

Клитон.

Знакома с ремеслом!

Сабина.

Прочла Лукреция записку целиком.

С хорошими людьми хитрить я не умею.

Клитон.

По знанью ремесла нельзя равняться с нею!

Дорант.

Ко мне в ней ненависти нет?

Сабина.

Вы ей не враг.

Дорант.

А любит ли меня?

Сабина.

Не любит.

Дорант.

Как же так!

Другого любит?

Сабина.

Нет.

Дорант.

Чего ж мне ждать?

Сабина.

Не знаю.

Дорант.

Но все-таки скажи?

Сабина.

Что?

Дорант.

Правду.

Сабина.

Не скрываю
От вас я ничего.

Дорант.

Полюбит ли меня?

Сабина.

Возможно.

Дорант.

Но когда?

Сабина.

Дождитесь только дня,
Когда поверит вам.

Дорант.

О луч надежды!

Сабина.

Двери

Она откроет вам, когда внушить доверье

Вы ей сумеете.

Дорант.

Та, что прекрасней всех,

Сегодня же простит мне мой невольный грех,

Коль скоро мой отец…

Сабина.

Сюда идут, смотрите!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, Клариса и Лукреция.

Клариса *(Лукреции).*

Доранта знаешь ты, не торопи событий:

Он может и не лгать, но разве в этом

суть?

Дорант *(Кларисе).*

О красота, чей свет мой озаряет путь...

Клариса *(Лукреции).*

По-моему, глядит он на меня, и даже

Весьма внимательно.

Лукреция *(Кларисе).*

Послушаем, что скажет.

Он в сторону твою случайно бросил взгляд.

Дорант *(Кларисе).*

Вдали от ваших глаз я жизни был не рад.

Для любящих сердец час, прожитый в разлуке,

Как убедился я, одни сплошные муки.

Клариса *(Лукреции).*

Он это мне сказал.

Лукреция *(Кларисе).*

А мне записки шлет.

Клариса *(Лукреции).*

Но говорит со мной.

Лукреция *(Кларисе).*

Нет! Все наоборот.

Клариса.

Сейчас мы выясним. Дорант, скажите прямо:

Вы любите меня?

Дорант *(Кларисе).*

Мою любовь упрямо

Вы отвергаете. Но я, увидя вас…

Клариса *(Лукреции).*

Ну, с кем он говорит? С кого не сводит глаз?

Лукреция *(Кларисе).*

Не знаю, что сказать.

Клариса *(Лукреции).*

Его дослушать надо.

Лукреция *(Кларисе).*

В пустых его речах ни склада нет, ни

лада.

Клариса *(Лукреции).*

При свете дня любовь преобразилась в нем:

Он ночью льстил тебе, со мной любезен днем.

Дорант *(Кларисе).*

Вы с нею шепчетесь! Но что б вам ни сказала,

Не слушайте ее: есть у нее немало

Причин желать мне зла… Располагайте мной,

Пред вами я готов держать ответ любой.

Лукреция *(про себя).*

С меня достаточно. О, как я жажду мщенья!

Клариса *(Доранту).*

Слова ее звучат так странно… Я в смущенье.

Дорант.

Она все выдумала, ревностью горя.

Клариса.

Возможно. Но меня… вы знаете?

Дорант.

Кто? Я?

Не смейтесь надо мной! Так с кем же, как не с вами,

Вчера беседовал я в Тюильри? Вы пламя

Зажгли в моей груди, я вашим стал рабом.

Клариса.

Но если верить ей, случилось так потом,

Что госпожу сменить вы пожелали вскоре.

Дорант.

И я вам изменил? Покинул вас? О горе!

Да я бы умереть согласен был скорей…

Клариса.

Женаты вы к тому ж, коль можно верить ей.

Дорант.

И вы поверили? Не верьте, бога ради!
Иль надо мне опять твердить, в глаза вам глядя,
Что только из-за вас я сделал этот шаг?
Я ограждал себя, придумав тайный брак.

Клариса.

Но, прежде чем со мной вас узы брака свяжут,
О ваших подвигах не то еще расскажут.

Дорант.

Но, прежде чем с другой связать мою судьбу,
Готов я выдержать смертельную борьбу.

Клариса.

Итак, Клариса вам внушает лишь презренье?

Дорант.

Маневр известен вам, к чему теперь сомненья?

Ведь чтоб добиться вас, я сделал все, что мог.

Клариса.

Запутал он меня, Лукреция: не впрок

Нам этот разговор.

Дорант *(Клитону).*

Лукреция? Вот странно!

Клитон *(Доранту).*

Вы именно ее считали постоянно

Красивее другой. Но кто из них — она?

А угадал ведь я!

Дорант *(Клитону).*

А ночью из окна

Кто говорил со мной? Их голоса не схожи.

Клитон *(Доранту).*

Клариса назвалась Лукрецией.

Дорант.

О боже!

Клитон *(Доранту).*

Сабина только что секрет открыла мне.

Дорант *(Клитону).*

Одна мне нравится, другая же вполне
Ее достойна. Что ж! Недаром я подругу
Все время замечал, и может мне услугу
Мой промах оказать. Будь нем, Клитон. Пора
Мне новую игру начать, и пусть игра
Окончится всерьез. Итак, смелей за дело!

Лукреция *(Кларисе).*

У дерзости его, должно быть, нет предела.
Довольно! Полно нам болтать о том о сем!

Клариса.

Она поведала, Дорант, мне обо всем:

Вы ночью ей клялись в любви, и той же ночью

Меня отвергли вы. Кому из нас морочить

Хотите голову? И кто вам все же мил?

Дорант.

В Париж вернувшись, я лишь с вами говорил.

Клариса.

Кто ночью говорил с Лукрецией?

Дорант.

Я сразу

Секрет ваш разгадал, поскольку с первой фразы

Узнал ваш голос.

Клариса.

Да?

Дорант.

И понял все тотчас.

Клариса.

Он правду, кажется, сказал нам в пер-

вый раз.

Дорант.

И чтобы отомстить вам за проделку эту,
Над вами подшутил. Скажу вам по секрету,
Что я в таких делах намного вас сильней.
Игру я разгадал, и вот вы вместе с ней,
С игрою вашею, на мой крючок попались.
Я ловко роль сыграл, а вы не догадались
И даже невдомек вам было, почему
Я говорил тогда, что сердцу моему
Вы безразличны… Нет! Оно вас любит страстно,
И жизнь вдали от вас мной прожита напрасно.

Клариса.

Но если любите, зачем придуман был
Брак тайный в Пуатье, когда заговорил
Отец ваш обо мне? К чему тогда вы

лгали?

Лукреция *(Доранту).*

Раз любите ее, зачем же мне писали?

Дорант *(Лукреции).*

Мне нравится ваш гнев — он говорит, что я

Не безразличен вам… Так вот, игра моя

Теперь окончилась. Я правду вам открою:

Одну Лукрецию люблю я всей душою.

Клариса *(Лукреции).*

Неслыханный обман! И веришь ты ему?

Дорант *(Лукреции).*

Я правду говорю, сомненья ни к чему.

Себя Лукрецией назвав, Клариса ночью

Меня обманывала. Вы же, между прочим,

Ей в этом помогли. Я заговор открыл,

И отомстить решил, и боль вам причинил.

Лукреция.

А в Тюильри вчера что было? Нет вам веры!

Дорант.

Была обычная галантность кавалера.

Клариса *(Лукреции).*

Как можно слушать речь такую? Просто срам!

Дорант *(Лукреции).*

Я ей дарил слова, а сердце отдал вам.

Вы пламя в нем зажгли, но я хранил молчанье,

Пока любовь моя отцовского признанья

Не получила вдруг: отец мой знает вас.

А речи в Тюильри… так, для отвода глаз.

Клариса *(Лукреции).*

Смотри, как ложь на ложь он громоздит привычно!

Такую болтовню и слушать неприлично.

Дорант *(Лукреции).*

Да! Вы моей душой владеете одна.

Лукреция *(Доранту).*

Как мало в этом я еще убеждена!

Дорант.

А если мой отец сейчас договорится
С родными вашими, могли б вы согласиться.
Вступить со мною в брак?

Лукреция.

Подумала б сперва.
Все ваши взвесила б поступки и слова.

Дорант *(Лукреции).*

Так пусть у вас весы работают без скрипа!

(Кларисе.)

А вам желаю я всегда любить Альсипа.
Когда б не выдумка о браке в Пуатье,
Остался б он ни с чем. Но я по доброте
Забуду случай тот: он наша с вами тайна.

Смотрите, кто идет, и это не случайно.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Альсип, Жеронт и Изабелла.

Альсип *(выходя из дома Кларисы и обращаясь к ней).*

Родители пришли к согласью: вы — моя.

Жеронт *(выходя из дома Лукреции и обращаясь к ней).*

Согласен ваш отец — безмерно счастлив я.

Альсип *(Кларисе).*

Чтоб дело завершить, за вами только слово.

Жеронт *(Лукреции).*

Скажите только «да» — и к свадьбе все готово.

Дорант *(Лукреции).*

Своим молчанием моих не множьте мук!

Альсип *(Кларисе и Лукреции).*

Скажите: почему вы онемели вдруг?

Клариса.

Что ж, для меня закон отцовское желанье.

Лукреция.

Долг дочери — в любви, а также в послушанье.

Жеронт *(Лукреции).*

Войдемте в дом: вас ждет приятнейший приказ.

Альсип *(Кларисе).*

Должны согласие вы подтвердить тотчас.

Альсип вместе с Кларисою и Изабеллой входят в дом Кларисы, остальные направляются к дому Лукреции.

Сабина *(у дверей дома, Доранту).*

Когда вы женитесь, щедроты прекратятся.

Дорант.

Лились они дождем — как реки заструятся.

Сабина.

Нет, ремесло мое не стоит ничего,
Коль можно обойтись спокойно без него.

Клитон *(один).*

Страдает лжец порой от собственных уловок,
Но был герой наш мил и был на редкость ловок.
Вы сомневались в нем, но всякий раз опять
Он выход находил. Итак… учитесь лгать!

РАЗБОР «ЛЖЕЦА»

Эта пьеса — частично перевод, частично подражание испанскому. Сюжет ее мне кажется столь остроумным и столь хорошо задуманным, что я нередко говорил, что охотно отдал бы за него два своих лучших сюжета. Пьесу приписывали знаменитому Лопе де Вега, но недавно мне попал в руки том дона Хуана де Аларкона, где он утверждает, что эта комедия принадлежит ему, и жалуется на издателей, которые опубликовали ее под другим именем. Если это его добро, я не буду мешать ему завладеть им снова. Чьей бы рукой ни была написана комедия, она по-прежнему остается великолепной: это лучшее из того, что мне встречалось на испанском языке. Я попытался подвести ее под наши обычаи и наши правила, но мне пришлось подавить мое отвращение к a parte, от которых я не мог ее очистить, не нанеся значительного ущерба ее красоте. Я сделал их предельно короткими и редко прибегал к ним, не оставив предварительно на сцене двух актеров, тихо разговаривающих между собой, в то время как другие персонажи говорят нечто такое, чего эти двое не должны слышать. Такая двой-

ственность побочного действия не нарушает единства главного, но она несколько отвлекает внимание слушателя, который не знает, на чем сосредоточиться, и вынужден поделить между двумя то, что он привык отдавать одному. Единство места соблюдено, так как все происходит в Париже, но действие первое развертывается в Тюильри, а остальные — на Королевской площади. Единство времени не нарушено, если принять в расчет все двадцать четыре часа. Что же касается единства действия, то я не знаю, как тут оправдываться, если Дорант любит Кларису на протяжении всей пьесы, а женится на Лукреции в финале, что не соответствует протазе{62}. Испанский автор также ставит его в подобное положение и — в наказание за ложь — заставляет его жениться на Лукреции, которую он не любит. Так как он все время ошибочно полагал, что Клариса носит имя Лукреции, то ей он и предлагает руку, в то время как ему была предназначена другая невеста, а когда его выводят из заблуждения, то он надменно говорит, что если и ошибся в имени, то не ошибся в человеке. Отец Лукреции угрожает ему смертью, если он не женится на

{62} Комментарии: 2.62
К стр. 161
Протаза — экспозиция драматического произведения.

его дочери после того, как попросил ее руки и получил на это согласие; его отец приступает к нему с такой же угрозой. Подобный конец комедии показался мне несколько тяжеловатым — я полагал, что брак менее насильственный будет более по вкусу нашей публике. Это и заставило меня наделить моего Лжеца тайной склонностью к Лукреции, чтобы после того, как он обнаружил свою ошибку в именах, ему удалось наилучшим образом извлечь пользу из необходимости и чтобы комедия кончилась к полному удовольствию всех заинтересованных сторон.

РОДОГУНА, ПАРФЯНСКАЯ ЦАРЕВНА

ТРАГЕДИЯ

{63}

Перевод Э. Линецкой

{63} Комментарии: 2.63

«РОДОГУНА»

(«RODOGUNE»)

Корнель работал над этой трагедией (которую он считал лучшим своим произведением) около года. В качестве сюжета он воспользовался плохо освещенными историками древности эпизодами взаимоотношений Сирии и Парфянского царства, государств, возникших на Ближнем Востоке в результате распада империи Александра Македонского (III–II вв. до н. э.). В изложении событий, которые относятся к середине II в. до н. э., Корнель довольно точно следует за своим основным источником — книгой «Сирийские войны» греческого историка II в. н. э. Аппиана Александрийского. Аппиан рассказывает, как сирийский царь Деметрий II Никанор (или Никатор), попав в плен к парфянскому царю Фраату, женился на сестре последнего, Родогуне. В его отсутствие сирийский трон переходил из рук в руки, пока на нем не оказался брат Деметрия, Антиох, женившийся на жене брата, царице Клеопатре. Антиох в дальнейшем погиб, а вернувшийся из плена Деметрий был умерщвлен своей первой женой Клеопатрой. Однако Корнель вносит в этот ход событий некоторые коррективы. Он сделал героиню трагедии, Родогуну, не женой, а лишь невестой Деметрия; тем самым любовь к ней близнецов Селевка и Антиоха лишается кровосмесительного оттенка (она еще не жена их отца и, следовательно, им не мачеха). Оправдывает он и Клеопатру: у него она выходит за Антиоха лишь потому, что получает ложное известие о гибели мужа.

Поставлена трагедия Корнеля была, видимо, в конце 1644 г. на сцене «Бургундского отеля». Главную роль исполняла мадемуазель Бельроз, она славилась своей красотой, обладая вполне средним актерским

талантом. Клеопатру играла мадемуазель Бопре, Антиоха — Флоридор (недавно перешедший в «Бургундский отель» из театра «Маре»).

«Родогуна» прочно вошла в репертуар французского театра, в том числе «Комеди Франсэз», где была сыграна более 400 раз.

Издана пьеса была в январе 1647 г. в Париже печатником и книготорговцем Туссеном Кине под названием «Родогуна, парфянская царевна».

В России трагедия была впервые издана в переводе Я. Б. Княжнина в 1788 г.: в 1880 г. появился перевод Е. Барышова, в 1956 г. — А. Курошевой.

РОДОГУНА
ПАРФЯНСКАЯ ЦАРЕВНА

ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ ПРИНЦУ КОНДЕ{64}

Монсеньор!

«Родогуна» берет на себя смелость предстать перед Вашим высочеством, ибо питает надежду, что, уже озаботившись ее успехом, Вы и в дальнейшем не откажете ей в покровительстве. На опыте узнавшая Вашу доброту, она проникнута верой, что Вы довершите начатое, соблаговолив и впредь дарить ее милостями, на которые до сих пор были столь щедры. Лишь Вашему вескому одобрению обязана она всеми выпавшими на ее долю рукоплесканиями; благосклонное Ваше внимание укрепило ее, хилую от рождения, придав блеск и стойкость, словно Вам было в радость пролить на нее луч из ореола Вашей славы и уделить долю от присущего Вам дара побеждать. Так возможно ли, монсеньор, найти такие слова, которые хотя бы отчасти выразили ее признательность Вашему высочеству? Если она попытается изъявить свою благодарность

{64} Комментарии: 2.64

К стр. 163

Принц Конде, Луи (1621–1686) — прославленный французский полководец и государственный деятель. Стал носить титул принца лишь в декабре 1646 г., после смерти его отца.

прославлением Ваших доблестей, какая хвала будет достойна руки, наводящей страх на всех наших врагов, руки, чьи первые же удары нанесли поражение лучшим военачальникам Европы? Вашему высочеству удалось победить их прежде, нежели им удалось постичь, что Вы уже умеете сражаться; стоило Вам стать во главе войска, как примерами редчайшего мужества, известными доселе только из книг, Вы затмили все, что Вам случалось читать в них о полководцах, подобных Александру и Цезарю. Глубокое смятение, в которое повергла нас кончина великого монарха{65}, так усугубило гордыню наших противников, что они вообразили, будто удачная осада Рокруа{66} позволит им захватить Париж, и в честолюбивой своей алчности уже пожирали сердце державы, чьи рубежи, мнилось им, они захватили врасплох. Меж тем первые же Ваши

{65} Комментарии: 2.65

…кончина великого монарха… — Речь идет о смерти Людовика XIII, который скончался 14 мая 1643 г.

{66} Комментарии: 2.66

…осада Рокруа… — Эта крепость в Арденнах была осаждена испанцами, но французская армия во главе с Конде успешно отбила осаду и разгромила противника (19 мая 1643 г.). Это и следующие сражения, которые упоминает Корнель, происходили в период Тридцатилетней войны (1618–1648); Франция принимала в ней участие в союзе со Швецией и при поддержке Англии и Голландии против коалиции Испании, Австрии и ряда немецких княжеств.

свершения развеяли в прах их надежды, и те самые люди, что предрекали себе столько побед над нами, в том же году стали свидетелями Ваших побед над ними, побед, завершивших эту кампанию. Ими Вы положили начало великим завоеваниям, столь удачно рассчитанным, что они овеяли славой не только времена нынешние, но и прошедшие, словно Вашему высочеству не довольно было бы расширить пределы государства сегодня, если бы заодно Вы не стерли следы несчастий, омрачавших порою долгие годы процветания в минувшее царствование. Тионвиль, Филипсбург, Нордлинген — места злосчастные для Франции;{67} стоило ей услышать эти названия — и она не могла удержать стенаний, стоило подумать о них, как начинала вздыхать. И вот те самые места, рождавшие при воспоминании о них стоны и вздохи, стали неопровержимыми доказательствами нового расцвета, достойными поводами для праздничных иллюминаций,

---

{67} Комментарии: 2.67

К стр. 164

…Тионвиль, Филипсбург, Нордлинген — места злосчастные для Франции… — Корнель перечисляет места недавних сражений: Тионвиль был отбит у испанцев 10 августа 1643 г. после тяжелейших боев; взятие Филипсбурга 9 сентября 1644 г. также далось нелегко; победа под Нордлингеном 3 августа 1645 г., одержанная Конде, стоила больших потерь.

великими основаниями для благодарственных молитв, возносимых небу за победы, одержанные Вашим непобедимым мужеством. Дозвольте мне, Ваше высочество, обойти молчанием взятие Дюнкерка:{68} *тщетно я напрягаю воображение — нет у него красок, способных передать все величие Вашего деяния, ибо, овладев знаменитым гнездилищем пиратов, Вы утвердили для нас безопасность Океана. Еще недавно наши гавани были как в осаде, любое наше судно могло подвергнуться их разбойничьему нападению, и нередко, едва покинув порт, оно на глазах оставшихся на берегу становилось жертвой грабежа, меж тем как теперь, когда Вы заняли этот город, я вижу, что, с одной стороны, наши моря освобождены, берега обрели спокойствие, торговля процветает, корни общественных бедствий выкорчеваны, а с другой — рубежи Фландрии беззащитны, устья ее рек под строгим надзором, пути помощи отрезаны, источник богатств в наших руках. Но все, что я вижу сегодня, — малость в сравнении с тем, что, по предвидению моему, произойдет, когда Ваше высочество обрушит грозное свое оружие на ее земли. Дозвольте же мне не осквернять*

{68} Комментарии: 2.68

…взятие Дюнкерка… — Этот порт-крепость сдался французским войскам 7 октября 1646 г.

столь поразительных дел и столь прекрасных чаяний заурядностью моих мыслей, равно как и бессилием слов, и не прогневайтесь на меня за то, что, почтительно не касаясь этих предметов, я лишь присовокуплю здесь заверение в нерушимой до скончания жизни

преданности и верности Вашему высочеству ревностнейшего Вашего слуги ***Корнеля****.*

АППИАН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ ИЗ КНИГИ «СИРИЙСКИЕ ВОЙНЫ» (БЛИЖЕ К КОНЦУ)[{69}]

«Сирийский царь Деметрий, прозванный Никанором[{70}], пошел войною на парфян, был взят ими в плен и, живя при дворе парфянского царя Фраата[{71}], сочетался браком с его сестрой Родогуной. Меж тем Диодот, приближенный предшественников Деметрия, захватил власть в Сирии и возвел на трон малолетнего Александра, который приходился сыном Александру, не законно рожденному отпрыску Птолемея и одной из дочерей этого владыки[{72}]. Сперва Диодот правил

{69} Комментарии: 2.69

К стр. 165

…(ближе к концу). — Приводимый Корнелем отрывок соответствует главам 67–69 книги Аппиана.

{70} Комментарии: 2.70

Деметрий II Никанор — сирийский царь, правивший в 145–140 и 129–125 гг. до н. э.

{71} Комментарии: 2.71

Фраат — парфянский царь, правил с 139 до 129 г. до н. э.

{72} Комментарии: 2.72

…одной из дочерей этого владыки. — Ею была Клеопатра, героиня трагедии Корнеля; в первом браке она была замужем за Александром Незаконнорожденным, сирийским царем в 151–147 гг. до н. э.

страной как опекун царя, а потом, умертвив несчастного своего питомца, имел дерзость возложить венец на себя, взяв при этом имя Трифон{73}. Находившийся в то время на острове Родосе Антиох{74}, брат Деметрия, узнав о его пленении и о последующей смуте, вернулся в Сирию, с великим трудом разбил Трифона, предал его казни и обратил оружие против Фраата, требуя, чтобы тот освободил Деметрия, однако потерпел поражение и покончил с собой. А Деметрий вернулся в Сирию и был убит там женою своей Клеопатрой, которая, воспылав ненавистью ко второй его жене — Родогуне, устроила ему засаду; прослышав о новом браке царя, она преисполнилась такого негодования, что в отместку вышла замуж за помянутого Антиоха, брата своего супруга. От Деметрия у нее было два сына, Селевк и Антиох;{75} едва Селевк взошел на трон после смерти отца, как она убила его стрелой из лука,

---

{73} Комментарии: 2.73

…взяв при этом имя Трифон. — Другими историками этот факт не упоминается.

{74} Комментарии: 2.74

Антиох VII Сидет — брат Деметрия; занимал сирийский престол с 138 по 129 г. до н. э.

{75} Комментарии: 2.75

…два сына, Селевк и Антиох… — Первый, под именем Селевка V, вступил на престол по смерти отца, но был убит; его брат Антиох VIII Грип царствовал с 125 по 121 г. до н. э.

то ли страшась, что он отомстит ей за гибель родителя, то ли подвигнутая на новое злодеяние кипевшей в ней яростью. Селевку унаследовал его брат Антиох, который принудил эту дурную мать выпить яд, приготовленный ею для него. Такая, наконец, ее постигла кара».

Вот что почерпнул я из истории, но кое-какие приведенные выше обстоятельства мне пришлось изменить ради большей благопристойности. Царь у меня везде именуется Никанором, а не Деметрием, так как имя Никанор легче ложится в стихотворную строку. В моей трагедии он лишь собирается жениться на Родогуне, ибо, следуй я истории, зрители сочли бы любовь царевичей к вдове их отца противной естеству, и чувства их были бы оскорблены. Тайна старшинства царевичей, плен Родогуны, хотя в пределы Сирии она никогда не вступала, ненависть Клеопатры к ней, кровожадное требование, предъявленное царицей сыновьям, такое же требование царевны, вынужденной защищать жизнь, склонность ее к Антиоху, ревнивое исступление матери, готовой погубить сыновей, лишь бы не подчиниться сопернице, — все это вымысел, прикрасы, правдоподобные ходы к жестокому завершению, предложенному историей и, по законам тра-

гедии, не подлежащему изменениям. Однако я смягчил и его, придав Антиоху с самого начала черты такого благородства, что царица-мать принуждена в конце выпить яд по собственной воле.

У меня могут недоуменно спросить, почему я назвал эту пьесу именем Родогуны, хотя узел трагедии не в ней, а в Клеопатре; более того, могут счесть недопустимой вольностью со стороны автора — сочинить последовательность событий, сохранив подлинные имена некогда существовавших лиц, как это сделал я, ибо ничто, начиная с рассказа в первом действии, который служит основой для всего дальнейшего, и кончая следствиями, которые в пятом приводят к развязке, — повторяю, ничто из этого не имеет подтверждения в истории.

Касательно первого вопроса должен чистосердечно признать, что эту трагедию, несомненно, следовало бы озаглавить «Клеопатра», а не «Родогуна», и отказался я от такого заглавия только из опасения, как бы, услышав имя знаменитой египетской царицы, публика не пошла по ложному следу и не спутала с ней Клеопатру сирийскую. Вот почему в моих стихах эту новую Медею все называют только царицей. Я с тем более лег-

ким сердцем позволил себе эту смелость, что не заметил у древних авторов, наших учителей, стремления всегда озаглавливать свои трагедии именами героев, в них выведенных; нередко в заглавии они уступают место хору, хотя он еще меньше причастен к развитию действия, чем лица эпизодические, как Родогуна: примером тому может служить трагедия Софокла «Трахинянки», которую мы не преминули бы озаглавить «Смерть Геракла».

Что касается второго возражения, то на него ответить труднее, и я вовсе не настаиваю на полной своей правоте; скажу лишь, что, по моему убеждению, мы не вправе менять конечные следствия, донесенные до нас историей, но вольны придумывать те обстоятельства или, как я раньше назвал их, те ходы, которые к ним приводят; во всяком случае, мне как будто ни разу не доводилось натолкнуться на правило, воспрещающее подобную вольность. Я довольно широко пользовался ею в этой трагедии, но так как в «Ираклии», только что поставленном мною на сцене, пошел еще дальше, то считаю эту постановку своего рода попыткой защитить «Родогуну» в случае, если она вызовет возражения ученых и ропот публики. Но я заранее прошу

тех, у кого явятся какие-либо сомнения, вспомнить о двух «Электрах», одноименных трагедиях Софокла и Еврипида, которые к одинаковым следствиям приходят столь разными путями, что напрашивается вывод — ход действия у одного из них с начала до конца вымышлен. Пусть заглянут они и в трагедию «Ифигения в Тавриде»{76}*, которую наш Аристотель рекомендует нам как образец совершенства, хотя она явно относится к той же породе, поскольку основана на вымысле, будто Диана унесла Ифигению на облаке с жертвенного алтаря и подменила ее ланью. Наконец, пусть обратят внимание на «Елену» Еврипида, где при неизменных именах и основа действия, и частности, завязка и развязка всецело придуманы автором.*

А если кому-нибудь придет охота ознакомиться с этой историей подробнее, пусть не сочтет за труд прочитать Юстина, который начинает ее в тридцать шестой книге, затем прерывает, чтобы снова вернуться к ней в конце тридцать восьмой и завершить в тридцать девятой. Он излагает события несколько иначе, у него Клеопатра покидает своего мужа, а не убивает, убит

{76} Комментарии: 2.76
К стр. 167
«Ифигения в Тавриде» — трагедия Еврипида.

он по приказу одного из военачальников, некоего Александра, которого Юстин{77} выставляет как соперника Деметрия. Значительно отличается от Аппиана и то, что он пишет о Трифоне и его воспитаннике, которого именует Антиохом; совпадает у этих авторов лишь рассказ о том, что произошло между матерью и сыновьями.

В главах одиннадцатой, тринадцатой, четырнадцатой и пятнадцатой первой Книги Маккавейской{78} повествуется о Трифоне, о его войнах и о пленении Деметрия парфянами, но имя воспитанника там, как и у Юстина, Антиох, а не Александр, и победа над Трифоном приписана Антиоху, сыну Деметрия, а не его брату, что идет вразрез с Аппианом, которому следовал я. Об остальном же вообще ничего не говорится.

Иосиф{79} в тринадцатой книге «Иудейских древностей» тоже называет воспитанника Три-

---

{77} Комментарии: 2.77

Юстин — латинский историк II или III в. н. э., автор сокращенного переложения «Филиппповой истории», работы более раннего историка Трога Помпея.

{78} Комментарии: 2.78

К стр. 168

Первая Книга Маккавейская — одна из неканонических книг Ветхого завета.

{79} Комментарии: 2.79

Иосиф. — Имеется в виду древнееврейский историк Иосиф Флавий (37–95), автор «Иудейских древностей».

фона Александром, говорит о браке Клеопатры с Антиохом, братом Деметрия, в то время как первый ее муж был в плену у парфян, приписывает ей победу над Трифоном и его смерть, затем, повествуя о смерти Деметрия, утверждает, в согласии с Юстином, что она покинула своего первого мужа, а не убила, и не упоминает о том, о чем рассказывают и Юстин и Аппиан, то-есть о ее отношениях с сыновьями, которые я положил в основу этой трагедии.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КЛЕОПАТРА
сирийская царица, вдова Деметрия Никанора.
СЕЛЕВК, АНТИОХ
сыновья Деметрия и Клеопатры.
РОДОГУНА
сестра парфянского царя Фраата.
ТИМАГЕН
воспитатель царевичей.
ОРОНТ
посол Фраата.
ЛАОНИКА
сестра Тимагена, наперсница Клеопатры,
ОТРЯДЫ ПАРФЯН И СИРИЙЦЕВ.

Действие происходит в Селевкии{80}, в царском дворце.

{80} Комментарии: 2.80
К стр. 169
Селевкия — древний город на реке Тигр, одна из столиц сирийских царей династии Селевкидов, преемников Александра Македонского.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Лаоника, Тимаген.

Лаоника.

Настал великий день, предвестник многих благ!
При кликах радости свершится этот брак,
Мир меж парфянами и нами знаменуя.
Он распрей тягостных рассеет мглу ночную,
Освободит сестру парфянского царя,
И мира прочного нам заблестит заря.
Сирийцев и парфян война уже не давит.
Царица наконец сегодня нам объявит,
Кто из царевичей, державных близнецов,
По праву старшинства взойдет на трон отцов,
Кому назначено венчанное господство.

Узнаем от нее мы тайну первородства,

И станет к вечеру — так решено судьбой —

Один властителем и подданным другой.

О, как достойна, брат, царица восхищенья!

Подумай: все простив, оглохнув к зову мщенья,

Она сопернице готовит трон, смирясь!

Пред той, кого сама затаптывала в грязь,

Пред Родогуною, униженной рабыней,

Ей гордую главу склонить придется ныне,

Затем что пленницу супругой назовет

Царевич-первенец, кого держава ждет.

Тимаген.

Должно быть, ты права, но расскажи сначала

О том, что Сирию так долго омрачало.

Меня здесь не было, сестра, с тех дав-

них пор,

Как в день несчастливый великий Никанор

С победной высоты пал в бездну униженья:

Преследуя парфян, разбитых им в сраженье,

Он к ним же в плен попал. Мятеж тогда разжег

Злокозненный Трифон, коварен и жесток.

Он жаждал трон занять, пока в плену владыка,

И преуспел — почти. Забыть ли, Лаоника,

Что половиною страны он овладел?

Царица, сетуя на горестный удел,

Страшась предательства порою этой смутной,

За жизнь царевичей дрожала поминутно:

Над беззащитными, казалось, меч навис.

Но тут ей удалось отправить их в Мем-

фис,

Где брат ее царил[{81}]*. Я жил там с ними вместе.*

Разноречивые к нам приходили вести

О тех событиях, что потрясали вас,

И ложь от истины не отличал наш глаз.

Лаоника.

В боях четырежды изменником разбиты,

Мы лишь у этих стен могли искать защиты.

Трифон нас осадил, и, в довершенье бед,

Разнесся слух, что царь покинул этот свет,

Что умер он в плену. Народ, утратя разум,

Противоборствовал царицыным приказам,

И требовали все — пусть в новый всту-

{81} Комментарии: 2.81

К стр. 171

...Мемфис, где брат ее царил. — Мемфис был в то время столицей Египта. Но правил там в описываемую эпоху не брат Клеопатры, а дядя — Птолемей VIII Эвергет Фискон.

пит брак.

Что было делать ей? Теснит снаружи враг,

Внутри опоры нет. Пришлось душой смириться.

Брат Никанора стал избранником царицы.

Сначала Антиох во всем удачлив был:

Он в яростном бою мятежников разбил

И те, осаду сняв, стремительно бежали —

Теперь уже они за жизнь свою дрожали.

Трифон в сраженье пал, царь выиграл борьбу

И, все завоевав, всем изменил судьбу.

Своим племянникам вернуть престол наследный

Он прежде обещал, но, путь свершив победный,

Как бы забыл о том, и горестная мать

Не смела сыновей на родину призвать.

Семь мирных лет прошло, и, полон ду-

хом бранным,

Замыслил Антиох отмщение парфянам

За то, что Никанор погиб у них в плену,

И снова с Парфией он развязал войну.

Сирийские войска вошли в ее пределы,

Подобно молниям, разили насмерть стрелы,

И подвигам царя мы потеряли счет…

Я после доскажу — царевич к нам идет,

Оставлю вас вдвоем.

(Хочет уйти.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Антиох.

Антиох.

Не убегай в испуге:

Вы оба мне нужны для дружеской услуги.

Я потерял покой. Решенья близок срок,

Душа полна надежд, душа полна тревог.

Узнает этот день, сияющий и юный,

Владеть ли мне венцом и вместе — Родогуной,

Изведать ли восторг, в унынье ль прозябать:

О том всей Сирии сегодня скажет мать.

По воле случая, слепой, капризной воле,

Я выиграть могу, лишь брата обездоля,

А мы с начальных лет так дружны и близки,

Что нет блаженства мне во тьме его тоски.

Я больше обрету, решившись на утрату:

Трон искусительный пусть достается брату,

А Родогуна мне. Я буду счастлив с ней,

Всех тронов на земле царевна мне милей,

Величья шаткого ее любовь дороже.

Брат будет царствовать, он старше иль моложе,

И не нарушится вовеки наш покой

Его обидою или моей тоской.

Ступай же, Тимаген, к Селевку с порученьем,

Скажи, что за нее плачу я отлученьем

От права старшинства. Поярче распиши,

Как дивен царский сан, как сладок для души:

Да позабудет брат от радости великой,

Чем он мне жертвует, чтоб стать моим владыкой.

Тимаген уходит.
(Лаонике.)

Царевну разыщи, вступи с ней в разговор,

Зажги участием ее небесный взор,

Скажи, что мне венец, быть может, уготован,

Но взором к ней одной я навсегда прикован;

Пусть за него лилась мужей славней-

ших кровь,

Его отвергну я в надежде на любовь.

Возвращается Тимаген.

Тимаген.

Твой брат сюда идет, и ты, научен страстью,

Искуснее, чем я, прельстишь Селевка властью.

Антиох.

Немею, трепещу, в глазах мутится свет…

О, как он будет прав, когда мне скажет — «Нет!»

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Селевк.

Селевк.

Могу ли высказать, что душу мне туманит?

Антиох.

Обиден твой вопрос: он нашу дружбу ранит.

Селевк.

Она-то, милый брат, — предмет моих тревог.
В равенстве жили мы — вот в чем ее залог,
Ее прекрасная, надежная опора.
Она нарушится — увы! — и очень скоро:
Один утратит все, другой все обретет,
И заколеблется вернейший наш оплот,
Стыда и зависти не выдержав обузы,
И братской нежности — как знать? — ослабнут узы.

Антиох.

С рождения, Селевк, едины мы во всем;
Я тоже думаю всечасно об одном
И, кажется, нашел целительное средство...

Селевк.

Есть у меня оно: державное наследство,
Все, чем пленяет власть, тебе я уступлю.

Отныне ты мой царь. Но, Антиох, молю:

Отдай царевну мне в отплату за державу.

Ты будешь властвовать спокойно и по праву,

И зависть никогда мне сердце не смутит,

И никогда твой сон не потревожит стыд.

Мы дружбу сохраним, своей довольны частью,

Я — Родогуною, ты — безраздельной властью.

Антиох.

Увы!

Селевк.

Но чем, скажи, раздел мой нехорош?

Антиох.

Свое желание разделом ты зовешь,

Мечтая, трон отдав, присвоить клад бесценный,

Клад, что дороже мне сокровищ всей вселенной.

Селевк.

Как! Родогуна?..

Антиох.

Да. Они все подтвердят.

Селевк.

Так ценишь ты ее?

Антиох.

Ты меньше ценишь, брат?

Селевк.

Сирийский трон отдам, чтобы назвать своею!

Антиох.

Все троны Азии за обладанье ею!

Селевк.

Ты любишь?..

Антиох.

Любим мы равно и ты и я.

Об этом боль души, об этом скорбь

моя.

Я втайне уповал — мечтаешь ты о власти,

И сердцу твоему другие чужды страсти,

Но к трону холоден, к почету не ревнив,

Ты сделал выбор свой, меня опередив.

Несчастный Антиох!

Селевк.

О, как судьба сурова!

Антиох.

Я уничтожил бы соперника другого!

Селевк.

Как много нежности таится в слове «брат»!..

Всех уничтожил бы, но для меня ты — свят.

Антиох.

Мне братская приязнь сегодня горше казни.

Селевк.

Чему ж уступим мы? Любви или приязни?

Антиох.

Любви, Селевк, любви — она всего сильней,

А наша дружба — что ж, прольем слезу над ней.

Высокий дух легко пожертвует державой

И увенчается за это вечной славой,

Но кто, покорствуя, отдаст свою любовь,

Тот жалкий человек, в нем ледяная кровь.

Утратив гордый дух в безумном ослепленье,

Царевне оба мы наносим оскорбленье:

Посмели мы забыть, в огне любви горя,

Что стать она должна супругою царя.

Не знаю, кто из нас в порфиру облачится,

Но знаю: ей пристал высокий сан царицы,

А мы, безумные, в мечтах о ней одной,

Хотим, чтоб подданный ее назвал женой!

Так примем же венец. Равно великодушно

И властью пренебречь, и власть принять послушно,

Коль честолюбие лежит у ног любви.

Жестоким, горестным наш жребий назови,

Но с ним, с незыблемым, не будем спорить втуне,

Дабы достался трон прекрасной Родогуне.

Селевк.

Но так же важно, брат, чтоб в грозный этот день

И дружбу, как любовь, не омрачила тень.

Ты помнишь, почему пожрало Фивы пламя

И в Трое кровь текла багряными ручья-

ми?{82}

Грозит сейчас и нам та самая беда,

Что знаменитые сгубила города,

Что стольких в Греции и в Азии скосила.

Какая в ревности неистовая сила!

Обоих трон влечет — заветная мечта,

Одна и та же нас пленяет красота:

В одном погибель Фив, в другой погибель Трои.

Царевной и венцом владеть не могут двое,

Неразделим, един владыка и супруг,

И право старшинства, пустейший этот звук,

На слове матери основанное право —

В нем сладость одному, другому в нем отрава.

Для обойденного такой раздел таит

{82} Комментарии: 2.82

К стр. 176

...почему пожрало Фивы пламя и в Трое кровь текла... — Корнель имеет в виду древнегреческие мифы о гибели Фив из-за распри между сыновьями Эдипа Этеоклом и Полиником, которые не хотели уступить друг другу власть, и о разрушении Трои, причиной которого было похищение троянцем Парисом спартанской царицы Елены.

Исток угрюмых дум, язвительных обид.

Захочет он восстать — и на кого? На брата.

Подумай, чем для нас грядущее чревато.

Так закалим сердца, чтобы враждебный рок

На рознь и ненависть обоих не обрек!

От взора женского наш взор да не ослепнет,

Наперекор судьбе пусть наша дружба крепнет,

Оглохнем к зависти, забудем боль утрат,

И братским счастием да будет счастлив брат:

Что было пагубой для древних Фив и Трои,

То нас объединит, надежность уз утроя.

Мы, верные любви, над ревностью смеясь,

Вовек не разорвем родства и дружбы

связь,

И более того: со жребием не споря,

Усладу обретем в тлетворной чаше горя.

Антиох.

И хватит сил у нас на это?

Селевк.

Погоди:

Довольно и того, что сердце из груди

Исторгнуть я готов, чтобы оно молчало

И слово разума властительно звучало.

Антиох.

Я тем же чувством, брат, исполнен и согрет.

Хранить его всегда дадим себе обет,

Чтоб отвели удар от дружбы нашей боги

В суровые часы смятенья и тревоги.

Селевк.

Ты прав. Попросим их о том, чтобы

вражда

Не проползла змеей меж нами никогда.

Антиох и Селевк уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лаоника, Тимаген.

Лаоника.

Великий будет царь у Сирии счастливой!

Тимаген.

Что диво для тебя, то для меня не диво.

Я знал, что выстоять у них достанет сил,

Их верность предвкушал и с ними скорбь делил.

Но свой рассказ, сестра, продолжи, сделай милость.

Лаоника.

Начну тогда с того, на чем остановилась.

Так вот, на Парфию напала наша рать.

Верх то противникам, то нам случалось брать,

Победа реяла над ними и над нами,

Касаясь их и нас могучими крылами,

Но после многих битв избрала вражий стан

И стал бы Антиох добычею парфян,

Когда б, израненный и на краю могилы,

Властитель не собрал слабеющие силы

И не убил себя бестрепетной рукой,

Позора избежав, погибнув как герой.

Еще один удар постиг царицу вскоре,

Еще мучительней и нестерпимей горе.

Не умер Никанор. Слух оказался лжив,

Что он погиб в плену; он здравствует, он жив

И, тяжко оскорблен замужеством царицы,

Задумав отомстить, сбирается жениться[{83}],

{83} Комментарии: 2.83

К стр. 178

…задумав отомстить, сбирается жениться… — У Аппиана об этом рассказывается иначе: там Клеопатра выходит за Антиоха, узнав об уже состоявшейся свадьбе Деметрия и Родогуны.

На узы брачные сменяет груз оков:

С ним сочетать сестру парфянский царь готов.

Царевна, что теперь любима сыновьями,

И в их родителе зажгла когда-то пламя!

Царицыным гонцам не внемлет Никанор,

Не хочет изменить суровый приговор,

И оправдания и просьбы отвергая:

Прощенья нет жене, когда мила другая.

Он жаждет уязвить царицу побольней,

Твердит, что новый брак он заключит при ней,

Что сам сорвет венец с ее главы постылой,

Дабы украсить им чело парфянки милой.

Подвигнула ли месть его на этот шаг?

Иль думал укрепить свой с Родогуной брак,

Чтобы сирийский трон по праву мог достаться

Тем детям, что у них когда-нибудь родятся?

Решась у сыновей отнять наследный трон,

Парфянку взяв с собой, он, гневом ослеплен,

Повел на Сирию враждебные отряды,

И те, ликуя, шли, добыче легкой рады.

Увидев между тем, что он неумолим,

Что надо жертвовать собою или им,

Царица отреклась навек от Никанора.

Он боле ей не муж, а на расправу скорый,

Неправый судия. В ней справедливый гнев

Пожаром запылал, любовь преодолев.

Засаду хитрую противнику устроя,

Она бестрепетно сражалась в гуще боя.

Под натиском таким враги бежали вспять.

Был Никанор убит. Что мне еще сказать?

Царица с ним сама, по слухам, рассчиталась.

И вот соперница в добычу ей досталась!

Не будь меня вблизи, поверь мне, Тимаген,

Невыносим бы стал для Родогуны плен.

Как было сладостно ее терзать царице

И воздавать за все вдвойне, втройне, сторицей!

Одно я слышала: «Унизь и не жалей».

Но только на словах я подчинялась ей.

Меж тем парфянский царь, пылая гневом ярым,

Обрушился на нас и, смятая ударом,

Бежала наша рать, и мы побеждены,

И мира у него просить принуждены.

Кичась победою и нашим униженьем,

Не стал бы царь внимать смиренным предложеньям,

Но опасался он за жизнь своей сестры.

Сегодня видишь ты развязку той игры.

Царица сыновьям отправила посланье:

Пусть возвращаются. У ней одно желанье —

Отдать наследнику венец и царский трон.

Светило повое взошло на небосклон:

Явилась ко двору царевна из темницы.

Парфянин поспешил меж тем в свои границы —

К ним подошли в те дни армянские войска{84}*.*

Он больше нам не враг, меж нами связь крепка,

Ждет Родогуну трон, но, к счастью иль к несчастью,

Царевичи равно к ней воспылали страстью.

Тимаген.

Едва увидели царевну в первый раз —

{84} Комментарии: 2.84

К стр. 179

...подошли в те дни армянские войска. — В описываемую в трагедии эпоху Армянское царство играло крупную политическую роль на Ближнем Востоке. В Армении правил в то время, по-видимому, Тигран I.

Слепой бы увидал, что ей сдались тотчас.

Они соперники, их скорби не измерить,

Но оба доблестны, и в них нельзя не верить.

К ней, к их возлюбленной, ты ныне так близка…

Лаоника.

Кто Родогуне мил, не ведаю пока.

Тимаген.

Не доверяешь мне? Ты осторожна стала.

Но вот она сама; расстаться нам пристало;

Ее грядущий сан повелевает мне

Тебя оставить с ней, сестра, наедине.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Лаоника, Родогуна.

Родогуна.

Неведомой беды я чувствую дыханье,

И стынет в жилах кровь, и никнет упованье.

Поговори со мной, тревогу разгони

Или терпение и мужество вдохни.

Лаоника.

Откуда, госпожа, в столь славный день тревога?

Родогуна.

Он, славный этот день, сулит мне слишком много,

И в щедрости судьбы дурной я вижу знак.

Меня не радует ни царский трон, ни брак,

И непривычная нашептывает робость —

Брак западню таит, а трон повергнет в пропасть.

Провижу в радости горючий ключ скорбей,

Оковы новые взамен былых цепей.

Боюсь, недоброе замыслила царица.

Лаоника.

Но поклялась она с тобою примириться.

Родогуна.

Вражду властителей лишь смерть одна уймет.

Их примиренье — ложь, лукавый изворот.

Царице я страшна, ей власть моя опасна,

Мне ж страшен этот страх и, знаю, не напрасно.

Пусть я себя смирю, скрепясь и сердце сжав,

От мести откажусь для блага двух держав,

Забуду прошлое, прощу позор плененья,

Но в этом мире есть такие оскорбленья,

Что оскорбитель мнит — их невозможно снесть,

И чудится ему безжалостная месть,

Протянутой руке поверить он не мо-

жет,

Его снедает страх и подозренье гложет,

И оскорбленного стереть он должен в прах,

Чтоб сбросить этот гнет, осилить этот страх.

Вот что готовит мне царица.

Лаоника.

Видят боги,

Смущают твой покой напрасные тревоги.

Зачем ревнивый гнев ты ставишь ей в упрек?

В ней ревность Никанор изменою разжег,

И, обезумевши, она его убила.

Соперница в любви, ты ей была постыла;

Добыча тайных мук и ярости слепой,

Она безжалостно глумилась над тобой.

Немалый нужен срок и повод важный

нужен,

Чтобы порыв страстей был разумом остужен.

Подумай: много раз могла б сказать она,

Что нет прощенья мне, так велика вина

Тебя поддерживать, ослушавшись запрета,

Но госпожа моя, закрыв глаза на это

И милосердия, быть может, не чужда,

Добра и ласкова была со мной всегда.

Что было, то прошло. И вижу я и знаю —

Ты для нее сейчас как будто дочь родная.

Но если все-таки другое угляжу —

Клянусь, я в тот же миг тебя предупрежу:

Я предана тебе, ты знаешь, не для виду.

К тому же новый царь не даст тебя в обиду.

Родогуна.

Кто б ни взошел на трон, она — царица-мать,

И сын ее речам не может не внимать.

Лаоника.

Кто б ни взошел на трон, к тебе он полон страсти.

Чего ж страшишься ты? Какой ты ждешь напасти?

Родогуна.

Мне брак с одним из них — тяжеле тяжких мук.

Лаоника.

Ужель не по сердцу тебе такой супруг?

Родогуна.

Равно одарены достоинствами братья,

И равную приязнь должна бы к ним питать я,

Но нет равенства тут: пусть оба хороши,

Один, всегда один избранник у души.

Есть чувство тайное, что сердце с сердцем вяжет,

И в мире нет прочней незримой этой пряжи;

Нам не дано постичь и объяснить его —

Двух любящих сердец сладчайшее родство.

Таков устав судьбы, и я не исключенье,

Не к двум, а к одному в душе моей влеченье.

Другой ему под стать по виду, по уму,

Но отвращение я чувствую к нему.

Как прихотлива ты, любовь, как непонятна!

Его супругом звать мне было бы приятно,

Но у него есть брат... Мучительный удел —

Быть разлученной с тем, кто сердцем завладел.

Лаоника.

Готова приложить все силы, все старанья...

Родогуна.

Нет, Лаоника, нет, вотще не жди признанья

И к опрометчивым не понуждай словам:

Кто предназначен мне, тому судьбу отдам.

Пусть нелюбимому достанусь во владенье —

Печаль не проскользнет в глазах и легкой тенью.

Стенания любви священный долг уймет,

И место милого супруг в душе займет,

Да не дерзнет сказать мой самый лютый ворог,

Что не его люблю, не он один мне дорог.

Лаоника.

Скрываешь от меня? Боишься говорить?

Родогуна.

Я от самой себя хотела б это скрыть.

Лаоника.

И все же от меня скрываешься напрасно:

Я поняла давно, давно мне стало ясно,

Что любишь…

Родогуна.

Замолчи! Прихлынет кровь к щекам

И, поймана тобой, свою любовь предам.

Не смей же вырывать невольных показаний,

Я не прощу тебе насильственных признаний.

Но слишком тягостен мне этот разговор:

Случайные слова, красноречивый взор, —

И угадаешь ты… Беседу прерываю,

Но помни: на тебя я твердо уповаю.

Мое спокойствие теперь в твоих руках.

Лаоника.

Поверь, служу тебе за совесть, не за страх.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Клеопатра одна.

Клеопатра.

Вы, клятвы лживые, что я произносила,
Когда владычил страх, одолевала сила,
Ты, лицемерие, оружие владык,
Ты, мысль скрывающий угодливый язык,
Не нужны больше вы. Опасностью пригреты,
Умрите вместе с ней, как жалкие обеты,
Которые даем, когда грохочет гром,
И помнить не хотим при небе голубом.
Телохранителем избрав себе притворство,
О, как искусно ты изображал покорство,

Мой гнев, бессмертный гнев, достоинство царей!

Но вот пришел твой час, нет на тебе цепей.

Откинем наконец смиренную послушность,

Пусть все постигнут нас, увидят нашу сущность:

Ничто нам не грозит, далёко вражья рать,

Бояться нечего и нечего скрывать.

Еще я царствую, и если трон оставлю,

Неслыханно отмстив, себя в веках прославлю;

Та, что надеется на нем сменить меня,

Исчезнет, не дожив до завтрашнего дня.

Да, это все она, она, что с Никанором

Мечтала царствовать, покрыв меня позором,

А нынче думает по слову моему

Венец мой перенять… Но не бывать сему!

Ты ненавистна мне, я враг тебе заклятый,

Так неужели же поверить мне могла ты,

Что, низменна душой, я этот брак стерплю,

Тебе, сопернице, свой скипетр уступлю?

Страшись, безумная! Ты, видно, позабыла,

Чьей жизнью за него я щедро заплатила.

Что кровью куплено, того не подарю

Всем клятвам вопреки. Страшись, я говорю!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Клеопатра, Лаоника.

Клеопатра.

О чем на площадях толкуют, Лаоника?

Сбирается ли чернь на праздник сей великий?

Лаоника.

Сегодня, госпожа, ликует наш народ:

Любовь к твоим сынам во всех сердцах живет.

Царевичи полны такого совершенства,

Что каждый из двоих достоин верховенства:

Едва лишь одного восславят, как тотчас

Другого вознести спешит народный глас.

Как только назовешь властительное имя,

Все споры кончатся, и, волн неодолимей,

Восторга общего безудержный порыв

Охватит Сирию, сердца объединив.

Клеопатра.

Но ты, ты знаешь ли, что я от всех скрываю?

Лаоника.

Узнать, кто первенец, я тоже уповаю.

Клеопатра.

Всю жизнь ты при дворе, среди владык

земных,

Но, близорукая, не разглядела их.

Тебе, наперсница, открою́сь я сегодня.

Пока неведомо сынам, кто первородней,

Кому взойти на трон и управлять страной,

Власть мне принадлежит. Ты слышишь? Мне одной!

У них в мечтаниях венец и сан монарший,

Но каждый думает: «Что если я не старший?»

И, уповая, ждет, безропотен и тих,

А их удел и трон меж тем в руках моих.

Вот что от всех таю. Скажи, ты поняла ли,

Из-за чего они в Египте прозябали?

Лаоника.

Так Антиох желал: страну освободив

И троном завладев, он к власти был ревнив.

Клеопатра.

Да, он боялся их, боялся не напрасно,

И этот страх, как нож, вседневно и всечасно

Вонзала я, грозя царевичей призвать,

И удалось мне верх над Антиохом взять.

Я смело шла вперед, он отступал несмело,

Пред волею моей склонялся онемело,

Спасал последнее — свой титул, звук пустой…

Он все еще царил, но под моей пятой!

Всю правду хочешь знать? Без ревности, без спора

Я уступила бы парфянке Никанора,

Когда б, меня презрев и ею увлечен,

Он жил в ее стране, мне предоставив трон.

Пускай бы в брак вступил, забыв о возвращенье, —

Приязнь в моей душе сменила б возмущенье.

Но слепо жаждал он с меня венец совлечь

И двинулся в поход. Тут я взялась за меч,

Готовая на все — на подвиг, на коварство.

Нет беззаконных средств в борьбе за власть и царство!

Да, цену я за них немалую дала:

Сама своей рукой кровь мужа пролила.

И вот все кончено, и мне расстаться надо

С тобой, державный трон, души моей услада.

Но все же поглядим, какой нежданный плод

Моей сопернице победа принесет.

Ей уступлю престол, но рассчитаюсь с нею:

Чем пламенней любовь, тем ненависть грознее.

Я страшно отомщу, и мести близок срок,

И, значит, жребий мой еще не так же-

сток.

Лаоника.

Как! Ты готовишь месть и тайно строишь ковы

Тобой же избранной царице нашей новой?

Клеопатра.

Как! Трон ей уступлю, чтобы могла она,

Натешив правый гнев, мне отомстить сполна?

Я вижу, что тебе вовек слепой остаться,

Душою низменной над чернью не подняться.

Ты помнишь ли о том, что нехотя народ

Под стягом женщины в сражение идет,

Что мира запросить меня б Трифон заставил,

Когда бы Антиох отряды не возглавил?

Понятно ли теперь, что старшим ста-

нет тот,

Кто моего врага своим врагом сочтет?

Чтобы вести войну, мне надобна опора.

Увы, я женщина! Поэтому, коль скоро

Назвать наследника лишь я одна могу,

Счастливым случаем ужель пренебрегу?

Тому из сыновей я царствовать позволю,

Кто, словно верный меч, мою исполнит волю,

Кто ненависть мою возьмет себе в закон

И не с парфянкою, а с ней взойдет на трон.

Лаоника.

Как обманулась я!

Клеопатра.

Пришел конец обману.

Не сострадание, не уваженье к сану

Заставили меня, отсрочив приговор,

Отдать ее тебе под бдительный надзор.

С какой бы радостью соперницу убила!

Но Антиох погиб и войско отступило;

На поле роковом, мою свершая месть,

Так много полегло, что никому не счесть…

Погибла бы и я той страшною порою,

Но знал парфянский царь: сперва с его сестрою

Я щедро разочтусь. Он, чтоб ее спасти,

Решился наконец на мир со мной пойти.

Не нарушать его я поклялась пред всеми,

И обманула всех, и выиграла время,

А время — дивный клад, сокрытый от людей;

С ним я опять сильна… Но вижу сыновей —

Сейчас сама поймешь, какими торжествами

Хочу закончить день, превозносимый

вами.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Антиох и Селевк.

Клеопатра.

Садитесь, сыновья. Сегодня ввечеру
Трудов и чаяний я урожай сберу,
Увижу наяву свершенье всех стремлений.
Венец, что сберегла средь стольких треволнений,
Сыновнее чело украсит наконец.
Немалых горестей мне стоил сей венец!
Когда Трифон поверг страну в пучину смуты,
Какие я тогда изведала минуты!
Вас к брату моему мне отослать пришлось —
Для блага вашего жила я с вами врозь.
Те годы черные, несчастьями чреваты,
Мне только скорбь несли, несли одни утраты.

Был город осажден, враг покорил страну,

Когда разнесся слух, что у парфян в плену

Скончался ваш отец. Вопила чернь, бунтуя,

Что надобен ей царь. Я, плача, негодуя,

Но зная — мне одной народ не обуздать,

Ему, бесчинному, царя решилась дать.

Ваш дядя Антиох мне стал тогда супругом.

Я думала, что вам он будет верным другом,

Что, падающий трон умело поддержав,

Оплотом станет он законных ваших прав,

Но я и тут была обманута судьбою:

Он, почву твердую почуяв под собою,

Разбив мятежников, победой упоен,

Решил, что сам займет им укрепленный трон,

Что, власть завоевав, он властью насладится,

А кто помянет вас, тому удел — темница.

Освободитель наш, гроза мятежных сил,

Себя захватчиком и деспотом явил.

С собой покончил он, его простить должны мы...

Но горести мои — увы! — неисчислимы.

Священные слова — родитель и супруг —

Они теперь ничто, пустой, ненужный звук.

Кто в этом виноват? Супруг мой, ваш родитель!

Он к теням не ушел в загробную обитель,

Но оказался жив затем лишь Никанор,

Чтоб гибель нам нести, навлечь на нас позор!

Не знаю, был он прав, творил ли преступленье,

И не хочу судить. Темно богов веленье.

Могу сказать одно, не потупляя глаз:

Что мною свершено, то свершено для вас.

Преступна иль права, но я не царской властью

Была ослеплена, а материнской страстью.

К чему мне царский трон? Исток бессчетных слез,

Он только бедствия и треволненья нес.

Зачем могущество измученной и слабой?

У брата кончить дни я возле вас могла бы...

Как! Пусть отец, ярясь, отнимет у сынов

Плоды моих забот, страданий и трудов?

Двенадцать лет жила меж ужасов и мрака,

Чтоб ваш венец надел сын от другого брака?

С такою низостью смириться? Вас предать?

На все, на все пойдет разгневанная мать!

Примите ж, сыновья, от матери с любовью

Трон, что оплачен был — увы! — отцовской кровью.

Кто враг своим сынам, тот, мнилось мне, злодей...

О небо правое, срази меня, убей,

На зло ответив злом, я тоже виновата...

Сынам — венец и трон, а матери — расплата,

По справедливости меня одну казни,

А детям ниспошли безоблачные дни.

Антиох.

Мы знаем, госпожа, давно мы угадали,

Ценой каких забот, и страхов, и печали,

Бессонного труда, бесчисленных потерь

Сперва спасла нам жизнь, даруешь трон теперь.

Мы слушали тебя, и очи увлажнялись,

И благодарностью сердца переполнялись,

Но, чтобы не было пятна вовек на ней,

Развязка страшная пусть сгинет в бездне дней.

Рок подгоняет нас рукой своей железной,

Бороться с ним нельзя и спорить бесполезно…

Пусть губкой будет стерт, завесой будет скрыт

Тот образ сумрачный, что сердце леденит!

Сын, глядя на него, свершает преступленье.

Нам не дано понять небес произволенье,

Но тут уместнее молчать или забыть,

Чем, громко сетуя, ручьями слезы лить.

Мы оба ждем венца — таиться в том нет нужды,

Но нетерпения равно мы оба чужды,

И нынешний удел нам с братом не тяжел.

Купила дорого ты право на престол,

Так украшай его, пока он не прискучит,

Не то раскаянье обоих нас измучит,

Укоры совести начнут когтить сердца:

Вернулись сыновья, чтоб мать лишить венца!

Селевк.

Я с братом, госпожа, от всей души согласен.

Венец властителя заманчив и прекрасен,

Но честолюбие — не главное для нас:

Спокойно будем ждать, перед тобой склонясь.

Цари во здравие. Тебе к лицу всевластье,

А верноподданность — наш долг и наше счастье.

Меж тем наследник твой, тобой руководим,

Искусство управлять изучит до глу-

бин.

Клеопатра.

Бесстрашно предо мной все мысли обнажите:

Вам не венец тяжел, не от него бежите,

Не власть пугает вас, но этот брак мерзит,

Брак с Родогуною. Невыразимый стыд

Сей царственный венец надеть одновременно

И на свое чело и на чело презренной,

Той, что надеялась у вас его отнять.

Вы не хотите честь бесчестьем запятнать!

О, как понятны мне, как близки чувства эти!

Счастливейшая мать! Достойнейшие дети!

Судьбу родителя постигли сыновья:

Оправдан ими он, оправдана и я.

Заставили его идти в поход постылый

Парфянка — чарами, парфянин — ярой

силой,

И не во мне, о нет, а в Родогуне суть:

Она моей рукой его пронзила грудь.

Любовный этот пыл, позорный и печальный,

Он стоил вам отца, мне — чистоты начальной.

На все дерзнула я пойти лишь для того,

Чтоб не утратили сыны мои всего.

Убейте же ее, она всему причиной,

И стану вновь тогда и гордой и безвинной.

Как мне хотелось бы самой вонзить кинжал,

Чтоб по рукам моим горячий ток бежал,

Кровавою струей смывая кровь другую…

Но права этого лишить вас не могу я.

Теперь довольно слов. Возмездья час пришел.

Тому, кто месть свершит, достанется

престол,

Достанется венец. Равно вы мной любимы,

А старший тот из вас, кто непоколебимо,

Кто радостно сразит противницу мою.

Вы чем-то смущены? Я вас не узнаю!

Что с вами, сыновья? Ее страшитесь брата?

Едва был заключен тот мир, стократ проклятый,

Отряды верные я тайно собрала —

Вы поведете их на славные дела;

Пока сраженьями с армянами он занят,

Свободной от цепей держава наша станет, —

Что ж заставляет вас дрожать, как в страшном сне?

Сочувствие ли к ней? Иль ненависть ко мне?

Хотите, может быть, на ней жениться ныне,

Дабы я сделалась рабой своей рабыни?

Когда-то ради вас брат вашего отца

Был удостоен мной державного венца;

Возьму супруга вновь, добьюсь его покорства...

Попробуйте вступить со мной в единоборство!

Селевк.

С такого подвига пристало ли начать?..

Клеопатра.

Вы — должники мои, пристало вам молчать

И слепо делать все, что матери угодно.

Такую кровь пролить не подвиг благородный,

Но послушания, любви сыновней знак.

Нет жизни для меня, пока в живых мой враг!

Оправдывает нас лишь верный подражатель,

А кто перечит нам, всегда в душе пре-

датель.

И вздохи ни к чему, и этот скорбный вид:

Трон завоеван мной, он мне принадлежит,

Его отдам тому, кто расплатиться сможет,

Парфянки голову к моим ногам положит.

Пути иного нет — пусть это помнит тот,

Кто домогается сорвать злодейства плод.

Клеопатра и Лаоника уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Антиох, Селевк.

Селевк.

Как молнией небес, неистовым приказом

Надежды сожжены и в бездну свергнут разум.

Антиох.

Нет, молния добрей, чем в бездну сверг-
ший нас
Невнятный разуму неистовый приказ.

Селевк.

Ужели матерью мне звать тебя, Ме-
гера?
Кого сравнить с тобой? Такого нет
примера!
Ты захватила трон, убийство сотворя,
И хочешь зреть на нем убийцу, не царя,
И мнишь, что за него заплатим страш-
ной данью,
Что наравне с тобой готовы к злодея-
нью!
Исчадью адской тьмы венец готовишь
ты,
Дабы в его чертах узнать свои черты!

Антиох.

Не должно поносить родительницу
детям;
Достойнее считать, что мы несча-
стьем этим
Обязаны судьбе… Подумай, милый

брат:

Она казалась нам ужасной час назад

Из-за того, что мы соперниками стали:

Мы ничего страшней тогда не представляли,

Не в состоянии представить наперед,

Какой обоих нас ужасный жребий ждет.

Селевк.

Кто столь почтителен, столь сдержан в день напасти,

Тот холоден душой и неподвластен страсти,

Неколебимо тверд в разумности своей:

Во всем он видит рок и не винит людей.

Но я — я не таков, мы в этом не похожи.

Мне рана тем больней, чем ранивший дороже!

Нет, матери своей я не содею зла

И жизнь готов отдать, чтобы она жила.

Накладывает долг мне на руки оковы,

Но не сдержать ему бунтующего слова.

Когда безжалостно в тебя вонзают нож,

Ужели жалобы ты дерзостью почтешь?

Чтоб ярость женскую насытить до предела,

Она гнуснейшее нам поручает дело

И тщится превратить в презренных палачей

Нас, отпрысков своих, державных сыновей!

Ты видишь это все и не кричишь от боли?

Антиох.

Не только это, брат, я вижу много боле:

Навеки замутив убийством кровь свою,

Она влила и в нас нечистую струю.

Готовы боль и гнев поднять во мне восстанье,

Но им велит молчать смятенное сознанье,

Не то прожжет мой лоб та гнусная печать,

Какой отмечена мужеубийца мать.

Да, я пытаюсь стать слепцом или тупицей,

От самого себя спастись, сбежать, укрыться,

Забыть, какая нас подстерегла беда,

Где скорбь осквернена отравою стыда,

И, отвращая взор от матери жестокой,

За страшное родство виню жестокость рока.

Но не угас во мне надежды ясный свет:

Подобной матери во всей вселенной нет,

Что, слыша стон детей, их горькие рыданья,

Не испытала бы любви и состраданья.

Селевк.

Нет, в нежность матери поверить

трудно мне:

Ее велением мы в дальней стороне,

Бесправны, как рабы, влачили дни уныло,

И злоба, не любовь, домой нас возвратила!

Искусно поднесла царица свой рассказ,

Но, Антиох, поверь: она не любит нас

И лишь к одной себе полна любви безмерной.

Нет, не поддамся я ни речи лицемерной,

Ни слезному ручью, что из очей бежит:

Не нами, а собой царица дорожит.

Таится ненависть в ее словах умильных,

Объятья нежные убийству равносильны:

Кто хочет быть царем, тот пусть заплатит ей

Бесценной головой возлюбленной своей!

Но тут кончается власть матери над сыном.

Кому взойти на трон, кто станет властелином,

Мы, не спросясь ее, решим с тобой вдвоем.

Невинен этот бунт, нет преступленья в нем.

Мы твердостью своей порыв взнуздаем гневный, —

Вот путь единственный к спасению царевны.

Пойдем же к ней сейчас, едины, как всегда, —

Вот путь единственный, чтоб минула беда.

Высокий замысел любовью мне подсказан,

Но помни, Антиох, он с нашей дружбой связан:

Любви, что на сердце лежит, как тяжкий груз,

Победу принесет лишь братский наш союз.

Антиох.

Ты сомневаешься во мне, я понимаю,

И недоверие смиренно принимаю.

Пойдем. Увидишь сам — той дружбы не пресечь,

Перед которой страсть в ножны влагает меч.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Родогуна, Лаоника.

Родогуна.

Итак, я для нее — как собственное чадо,
И душу ей не жжет ревнивая досада,
И опостылел трон, и дорог мир в стране,
И не грозит ничто царевичам и мне?
Итак, недолжные питаю подозренья,
И все ее дела — защиты честной звенья,
И может слыть она примером доброты?
Как я была права, как заблуждалась ты!
Теперь ты поняла?

Лаоника.

А ты, ты поняла ли,

Как я тебе верна? Не высказать печали,

Не выразить тоски, стеснивших грудь мою.

Да, заблуждалась я, и это признаю,

И, нарушая долг пред госпожой своею,

Ужасный замысел тебе раскрыть я смею.

Родогуна.

Не дожила бы я до завтрашнего дня,

Когда б не твой рассказ. Но, предварив меня,

И дальше помоги. Придумай, посоветуй,

Как выбраться живой мне из ловушки этой,

Сквозь все опасности искусно проведи…

Лаоника.

Советовать тебе? Молю, освободи

Меня от этого! Подумай: разве мало,

Что я от госпожи тебя остерегала?

С тобою здесь Оронт, он разумом богат,

Его послал сюда парфянский царь, твой брат.

На брачных торжествах владыки представитель —

Вот кто советчик твой, твой бдительный хранитель.

Тебе подскажет он спасенья верный путь,

А мне к его речам пристало слух замкнуть.

В любви царевичей прибежища ищи ты:

Ни в ком ты не найдешь надежнее защиты,

И все ж не поручусь, что та, чье сердце лед,

Убийцы тайного к тебе не подошлет.

О небо! Если ей шепнут про нашу встречу,

Смерть подползет к тебе, я головой отвечу…

Не медли же. Прощай! Я больше не могу…

Родогуна.

Иди и знай, что я перед тобой в долгу.

Лаоника уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Родогуна, Оронт.

Родогуна.

Что скажешь мне, Оронт? Смерть нас к стене прижала,

Назначен трон тому, кто лезвие кинжала

В меня вонзит. Как быть? Бежать? Смиренно ждать?

Или сражение ей, вероломной, дать?

Оронт.

Бежать? Но сможем ли мы одолеть преграды?

Везде, куда ни глянь, дозорные отряды;

Тебе не отойти отсюда ни на шаг,

Коль жребий твой решен. Но может быть и так,

Что в западню тебя толкает Лаоника:

В ней лжива искренность и преданность

двулика.

Царице надобно в тебя боязнь вселить,

Чтобы из Сирии немедля удалить

И ненавистный брак порвать, но столь умело,

Как будто ты сама его порвать посмела,

И возгласить потом, злорадство затая:

Тобой нарушен мир, во всем вина твоя.

Увидев, что к войне он снова приневолен,

Не ею, а тобой царь будет недоволен

За малодушный страх, тебе затмивший взор,

И за неверие в высокий договор.

Вторжением армян наш властелин так занят,

Что, оправдав ее, тебя презреньем ранит.

Ты ныне отступить не можешь ни на пядь,

Здесь, только здесь должна венец иль

смерть приять:

Не уготовано тебе венца другого,

Так не пятнай себя и будь к борьбе готова!

Родогуна.

Как твой совет хорош и как отважна речь!

Но ты забыл, Оронт: отваге нужен меч.

Мой брат увел войска. Возможно ль нам сразиться,

Нам, жалкой горсточке, с разгневанной царицей?

Оронт.

Тот разум потерял, кто стал бы уверять,

Что эта горсточка рассеет вражью рать.

Мы жизнь с готовностью к твоим ногам положим,

А более ничем помочь тебе не сможем.

Но есть союзница, которая сильней

Всех небожителей и всех земных царей:

Любовь царевичей — твой щит, твоя ограда.

Довольно, госпожа, улыбки или взгляда —

И против матери любой из них пойдет.

Обоих между тем боготворит народ.

Рукой железною царица правит ими,

Но и сыновних чувств любовь неодолимей.

Теперь дозволь уйти. Я соберу парфян

И подготовлю их. Наш малолюден стан,

Но мужеством силен. Предупрежден заране,

Не посрамит себя в ожесточенной брани.

А ты к царевичам немедля воззови:

Чтоб власть завоевать, дай властвовать любви.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Родогуна одна.

Родогуна.

Как! Мне унизиться до хитрости презренной!

Молить царевичей, прикинувшись смиренной,

Уловки женские искусно в ход пускать,

Надеясь в их сердцах прибежище сыскать!

О нет, стократно нет! Такие ухищренья

Рожденным в пурпуре внушают отвращенье.

Я службу их приму — довольно и того:

Пусть всем пожертвуют для счастья моего.

Измерю их любовь, ее порыв и силу,

Приманкой не дразня, не разжигая пыла.

Кто будет верен мне и непоколебим,

Тому я власть вручу, но властвуя над ним.

Разбужен замыслом царицы вероломным,

Взлети, взметнись, мой гнев, пожаром неуемным!

Ты, память-узница, освободись, восстань:

Великому царю мы задолжали дань.

Пылала в нем любовь и ненависть пылала,

Когда, весь залитый струями крови алой,

Мне крикнул: «За тебя я гибну. Отомсти!»

О дорогая тень, прости меня, прости!

Не отомстила я. Скрывая стыд и муку,

Уже готовилась предательскую руку

Поцеловать как дочь. Свой долг перед тобой

Я не исполнила, затем что долг иной

У нас, у избранных, чей корень благороден:

Чем царственный побег, тем менее свободен.

Любовь и ненависть! Вам не разбить препон,

Которые кладет нам разума закон.

Уже возмездие шагало по дорогам,

Но мира шаткого я сделалась залогом,

И, самое себя безжалостно поправ,

Я жертву принесла во благо двух держав.

Но строит в тишине мужеубийца ковы,

Спешит твои следы стереть с лица земного:

Ты отдал сердце мне, его в груди таю,

Вот почему пронзить ей нужно грудь мою.

Нет мира для нее, нет чести, правды, долга.

Себя смиряла я, смиряла слишком долго...

Любовь и ненависть! Вам больше нет препон.

О царь, отныне ты — единый мой закон!

А ты, в ком Никанор запечатлен так живо,

Не прогневись, что я любовь к тебе ревниво

Храню на дне души. Здесь даже и от стен

Я жду предательства, доносов и измен.

Тебе, возлюбленный, я растерзаю душу,

Страданье, ужас, боль я на тебя обрушу,

Но так велит мне тот, преступницу кляня,

Кто жизнь в тебя вдохнул, кто умер за меня.

Поверь: на скорбь твою я отзовусь страданьем,

На каждую слезу — подавленным рыданьем…

Царевичи!.. Как быть? Сюда идут вдвоем.

Любовь! Молю тебя, сожги мне грудь огнем

И тем довольствуйся: ни речью, ни очами

Мне выказать нельзя, какое в сердце пламя.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Родогуна, Антиох, Селевк.

Антиох.

Царевна! Выслушай, на дерзких не гневясь.

Всесильно волшебство твоих прекрасных глаз,

И мы, едва узрев их дивные глубины,

Мы предались тебе, в своей любви едины.

Благоговейный пыл нас понуждал молчать,

А ныне с наших уст срывает он печать.

Час приближается, заране предуказан,

Когда с одним из нас твой жребий будет связан.

Кто старше из двоих, на трон взойдет в венце,

Предстанет пред тобой супруг в его лице.

Но гордая любовь не хочет примириться,

Что ты от пленника получишь сан царицы:

Пустой закон презрев, хотим, боготворя,

Чтоб пленнику дала царица сан царя.

Пусть одного из нас твой приговор изранит,

Но кто тебе милей, тот властелином станет.

От случая-слепца зависит старшинство,

А мы, царевна, ждем решенья твоего.

Мы — данники любви, и тот, кто первороден,

Склонится перед тем, кто ей благоугоден.

Высокий пламень сжег все низменное в прах,

Наш жребий, наша жизнь теперь в твоих руках.

Твой выбор, госпожа, не может быть оспорен.

Тебя утративший, безропотно-покорен,

Тобой и для тебя, как прежде, будет

жить

И верноподданно владычице служить,

И в этом преданном и ревностном служенье

Таится для него покой и утешенье,

И, не сгибая стан под тяжестью невзгод,

Он в самой горести усладу обретет.

Родогуна.

Мою признательность, царевичи, примите

За то, что жребий свой вы мне вручить хотите.

Я согласилась бы, но сан высокий мой

Велит безмолвствовать, велит мне быть немой.

Решают наш удел цари во имя трона,

Мы — их оружие, от распрей оборона.

Что сердца тихий стон, когда закон для нас —

Державных замыслов громоподобный глас!

И я, покорная своей высокой доле,

Сердечной склонности я не давала воли:

Когда откроется, кого любить должна,

Скажу любви: «Явись!» — и явится она.

Не ждите от меня решения иного —

Здесь за царицею решающее слово.

Пойти наперекор и гнев ее навлечь?

Но ведомо ли вам, что может в пепел сжечь

Он яростью своей? Я это испытала:

Моих безмерных мук ей было слишком мало,

Ее не насыщал безмерный мой позор...

Быть может, он утих, успел уснуть с тех пор,

Но чуть пройдет молва, что выбор мне предложен,

И кто-нибудь опять им будет уничтожен...

Прошу прощения, царевичи, у вас

За то, что воскресить решилась я сейчас,

В дни примирения, кровавое былое,
Но искры пламени живут и под золою,
И если тот огонь бездумно ободрю,
По справедливости в нем первая сгорю.

Селевк.

Откуда этот страх? Пусть гнев ее проснется —
Он слаб, а ты сильна, тебя он не коснется,
Ты изберешь царя, взойдешь на высоту,
И замыслов своих она поймет тщету.
Огонь уляжется и, немощный, гонимый,
Оставит по себе лишь едкий запах дыма.
Нет, мне твою боязнь постигнуть не дано.
Селевк иль Антиох, не все ли ей равно,
Кто будет властвовать, кому владеть престолом?
Возможно ли назвать безумным произволом
И надругательством над правом есте-

ства

Отказ признать судьбой случайность старшинства?

О нет, для нас судьба — твое расположенье,

И если выкажем к нему пренебреженье,

Не посчитаемся с желанием твоим, —

Мы недостойное деянье совершим.

Супругою царя ты станешь поневоле,

Ты будешь властвовать, скрывая стоны боли;

Блистательный венец, точа незримый яд,

Отяжелит чело и затуманит взгляд.

Пылает в нас любовь, полна благоговенья,

Так не вселяй в нее тревожные сомненья,

Возвысь избранника, восторг его удвой

Прямым признанием, что избран он тобой.

Родогуна.

Пылание любви вам очи ослепляет,

Указывая цель, от цели удаляет.

Блаженство, мните вы, ждет одного из двух,

А тот, кто обойден, смирит смятенный дух.

Но если до конца я душу вам открою,

Вас, доблестных душой, навек лишу покоя.

Мне выбирать нельзя. Любви я не чужда

И одному из вас сказать могла бы «да»,

Но так превознестись не позволяет разум.

Пусть удостоит царь меня своим приказом,

Я подчинюсь легко. Трудней во много раз

Отдать себе и вам суровый мой приказ.

О, если б знали вы, к какой крутой вершине

Пошлю избранника в неслыханной гордыне!

С кем повелю вступить в ожесточенный бой!

Какую пропасть он увидит пред собой!

Я сердце верное отдам царю безгласно,

Но волю дать ему, царевичи, опасно:

Такую цену с вас я за него спрошу,

Что чистый пламень ваш, быть может, погашу.

Антиох.

Мы нетерпением горим. Скорей скажи нам,

Куда нам путь держать, к каким крутым вершинам:

За радость высшую быть избранным тобой

Бестрепетно пройдем над пропастью любой.

Селевк.

Царевна! Ты о нас несправедливо судишь,

Любви не умертвишь, жар сердца не остудишь,

Отвергнем легкий путь, труднейший изберем,

Дабы избранник стал счастливейшим

царем.

Родогуна.

Итак, решаетесь?

Антиох.

Любовь на все дерзает.

Родогуна.

Боюсь, раскаянье обоих истерзает.

Селевк.

Мы не раскаемся, клянемся жизнью в том.

Родогуна.

Готовы ко всему?

Антиох.

Твоих велений ждем.

Родогуна.

Ну что же, если так — откинем покрывало.

Один из вас — мой царь, с ним спорить не пристало,

Но ваших укоризн потом я не приму:

Благие небеса свидетели тому,

Как вам противилась и как с собой боролась,

Стараясь заглушить незаглушимый голос.

Но порвала не я державный договор,

Так пусть же истина выходит на простор.

Родитель ваш убит… Жестокая кончина!

Убийца — ваша мать, убийству я причина.

Меня заставил долг осилить гневный пыл,

А ныне долг иной в свои права вступил.

Открою вам ее, горчайшую из истин:

Мне дорог сын царя, царицы — ненавистен.

Вы с ним против нее иль с ней против него?

Чьей крови больше в вас? С кем близость и родство?

Я взвешиваю вас лишь этими весами,

Нет у меня других. Теперь решайте сами:

Не удостоится моей любви вовек

Могучего ствола насквозь гнилой побег.

Царю обязаны вы жизнью, троном, властью.

Теперь взывает он к сыновнему участью;

Ответить на призыв велят любовь и долг,

Не допускайте же, чтоб этот зов умолк.

Но если злобная царица вам дороже,

Вы с ней, с убийцею, свирепым сердцем схожи.

Вам должно суд свершить, вину ее признав,

Иль подражать во всем, постыдно оправдав...

Как! Вы вздыхаете? Ни гнева, ни дерзанья?

Исполнились твои, о сердце, предсказанья!

Антиох.

Ты…

Родогуна.

Слово сказано, теперь мне все равно:
Я чутко стерегла, но вырвалось оно.
Зовите злобой долг, твердите про измену,
Но раз и навсегда назначила я цену.
Кто за отца отмстит, тому любовь отдам;
Посмотрим, истинно ль она бесценна вам.
Прощайте!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Селевк, Антиох.

Антиох.

Брат, увы! Так обойтись жестоко
С любовью преданной, с любовью без упрека!

Селевк.

Жестоко обошлась и скрылась с наших глаз.

Антиох.

Но на бегу сразив стрелой парфянской нас.

Селевк.

Незрячим небесам могу ль не подивиться?

От нашей матери пристало ей родиться.

Антиох.

Зачем кощунствовать?

Селевк.

Для горести моей

Твоя умеренность тяжеле всех цепей.

Ужель так мил венец и страсть так обольщает?

Антиох.

Великая любовь сомненья укрощает.

Селевк.

Возможно ль так желать венца или

любви,

Чтоб власть иль счастие построить на крови?

Антиох.

Возможно ль их ценить так безрассудно мало,

Чтоб сразу же восстать и сбросить с пьедестала?

Селевк.

Но если верность им на честь пятно кладет,

Нам долг велит восстать и сбросить этот гнет.

Антиох.

Не будем восставать на то неумолимо,

Что можем изменить, что изменить вольны мы.

В безмерной дерзости алкаем высших благ,

Но бережем свой труд, считаем каждый шаг,

А небу между тем любезен лишь свершитель,

Триумфом шествует один лишь победитель…

Но что я говорю! Слова пустые, прочь!

Столь пагубных невзгод ничем не превозмочь.

Бездонной пропасти передо мной утроба:

Там преступлению венец подносит злоба,

Там славен тот, кто лют, достоин — кто жесток,

Убийство матери там счастия залог!

Виденья страшные ползут ко мне как змеи,

Хочу тебе помочь и сам душой слабею,

Вздыхаю, трепещу, застыв на полпути:

Утратить ли мне честь? Любви ль сказать «прости»?

Несвязна речь моя, но будь великодушен —

Когда в смятенье ум, весь строй его нарушен.

Селевк.

Я тоже, Антиох, к рассудку был бы глух,
Но сбросил наконец ярмо сомнений дух;
Желанье властвовать и страсть клонили долу,
Но цену женщине и царскому престолу
Сегодня я узнал, и мой огонь погас.
Власть, женская любовь, я не желаю вас!
Их отдал бы тебе без грусти и боренья,
Но мне возвращена богами ясность зренья,
И с угрызеньями я думаю о том,
Что гибель кроется в подарке роковом.
Так обе яростны, так страшны их раздоры,
Что лучше отвратить от них сердца и взоры.

Антиох.

Дано надеяться, пока дано любить,
И, не убив любви, надежду не убить.

В ее мерцании виднее мне, быть может,

Глубь этих гордых душ и все, что их тревожит.

Стремительно уйти обеим им пришлось,

Чтоб не растаял гнев в потоке наших слез.

Смириться не легко их чувствам уязвленным,

И все же ненависть сдалась бы нашим стонам.

Селевк.

Ну что ж, рыдай, проси любви и теплоты,

Но не погубят ли тебя твои мечты?

Возможно, их приязнь мольбами ты пробудишь,

Но вечно примирять непримиримых будешь,

Стоять меж них щитом, пока когда-нибудь

Не поразит тебя удар смертельный в

грудь,

Сейчас лишь этого душа моя страшится.

Мать и любимая, царевна и царица,

Как ни ярись они, нам больше не закон:

Царевну отдаю и уступаю трон.

Я счастие обрел, беги ж навстречу счастью,

Вкушай восторг любви и наслаждайся властью,

И будет на тебя смотреть твой грустный брат

Не ревностью — о нет! — а жалостью объят.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Антиох один.

Антиох.

Как был бы счастлив я, когда б не участь брата:

Еще он не постиг, сколь велика утрата,

Им понесенная... Но я его люблю

И за него в борьбу, как за себя, вступлю.

Его душа полна тоски и возмущенья,

Но не воспользуюсь минутой отвращенья.

Когда внезапностью удар ошеломит,

Мы в ложной гордости стремимся сделать вид,

Что нас он не задел, что это все пустое;

Непознанный недуг меж тем опасней вдвое.

Здоровьем хвалимся, но предрешен исход,

Мы лжем сами себе, а смерть уже не ждет.

О, если б лгало мне мое воображенье!

Пойду попробую вступить с грозой в сраженье,

И пусть бушует гнев, но все же, мнится мне,

Природа и любовь на нашей стороне.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Антиох, Родогуна.

Родогуна.

Царевич, правда ли, что в дерзком ослепленье
Мое уныние, и вздохи, и томленье
Вы объясняете — твой брат или ты сам —
Любовью…

Антиох.

Госпожа! Могло ль помниться нам,
Что мне или ему даришь расположенье?
Не столь заносчиво у нас воображенье.
Я знаю, как я мал в сравнении с тобой,
Еще скромней мой брат, соперник милый мой.
Но вырвались в тот раз твои слова из сердца,

И счастья высшего нам приоткрылась дверца:

Мы тронули тебя, и даже, может быть,

Ты одного из нас готова полюбить.

Такого чуда ждать — не дерзкое ль безумство?

Не доверять тебе — но это ль не кощунство?

Ты снизошла до нас, вручив надежды нить,

И мы бесценный дар не смеем уронить.

Во имя пламени, поистине святого…

Родогуна.

Учтивость вырвала незначащее слово,

И, окрыленные в тщеславии своем,

Все ваши чаянья вы строите на нем.

Того, что сказано, я отрицать не буду,

Но если нет заслуг, то не бывать и чуду.

Не из-за вас томлюсь, не вы причина мук:

Передо мной встает убитый мой су-

пруг,

Необоримое гнетет воспоминанье,

И рвется из груди невольное стенанье.

Так будьте доблестны и встаньте за отца!

Антиох.

Тебе, прекрасная, мы отдали сердца,

Что сердце отчее в себя сполна вместили.

Ты плакала о нем, о нем и мы грустили.

Ревнивою рукой то сердце пронзено,

Но в брате и во мне вновь ожило оно,

Дабы по-прежнему к тебе любовью биться,

Тобой дышать и жить, к тебе одной стремиться.

Нам помыслы отца в наследие даны —

Как доказать еще, что мы — его сыны?

Родогуна.

Когда бы в вас, как в нем, сердца любовью бились,

К чему стремился он, к тому б и вы стремились,

Что он свершить хотел, свершили бы тотчас.

Но если слишком тих тот замогильный глас,

Я повторю тебе отчетливо и внятно,

Чтоб ты уже не мог истолковать превратно

Произнесенные не в первый раз слова:

Отмсти за смерть отца.

Антиох.

Отмщу, но ты сперва

Убийц поименуй.

Родогуна.

Сколь память прихотлива!

Ты имя матери успел забыть? О диво!

Антиох.

Царевна! Назови, во имя всеблагих,

Или других убийц, иль мстителей других.

Родогуна.

Итак, ты путь избрал и до конца намерен

Его держаться?

Антиох.

Да. Для всех троих он верен.

Молю, прерви мне жизнь и кровь мою пролей,

Где вместе кровь отца и матери моей!

Ты поверяла нам веленья грозной тени,

В них отзвук и твоих заветных устремлений:

Когда своей рукой вот эту грудь пронзишь,

Царицу покарав, ты за царя отмстишь.

Но, долг исполнив свой и душу успокоя,

Царевна, не забудь: я не один, нас двое.

Твоими чарами брат навсегда пленен —

Я умереть готов, чтоб стал супругом он.

Злодейство матери моей искупишь кровью,

А за любовь отца ему воздашь любо-

вью,

И в поколениях пример оставишь ты

Высокой доблести и щедрой доброты.

Молчишь? Потупилась? Ужели ты не рада

И не влечет тебя ни кара, ни награда?

Моя любовь к тебе негаснущим огнем…

Родогуна.

Нет больше сил молчать!

Антиох.

По-прежнему о нем

Вздыхаешь и скорбишь? Лишь к мертвому стремишься?

Родогуна.

Царевич, уходи, а если возвратишься,

То брата приведи: борьба не так страшна,

Когда с обоими бороться я должна.

С тобой наедине невольно я слабею…

Как я была смела, как я теперь робею,

Как трудно вымолвить — один из вас

любим…

Не злоупотреби признанием моим!

Мне, гневной, надлежит безмолвствовать сурово,

Но ты передо мной — и выскользнуло слово,

Не вынесла любовь жестокой немоты.

Мой вздох к тебе летел, избранник сердца — ты.

Но долг стоит меж нас незыблемой стеною.

Не упрекай меня, ты сам тому виною,

Ты укрепил его, когда сказать молил,

Нарушив договор, кто из двоих мне мил.

Убит из-за меня отец твой благородный,

И если — о пойми! — мне выбор дать свободный,

Без колебания любовь я подавлю

И только мстителю скажу в ответ «люблю».

Я вправе требовать, ты вправе, него-

дуя,

Мне в этом отказать; другого и не жду я.

Быть может, холодом сменился бы мой пыл,

Когда бы, ослабев, любви ты уступил:

Не столь высоко чту отмщения веленье,

Чтоб награждать собой такое преступленье.

Нет, лучше договор покорно соблюсти

В надежде сладостной друг друга обрести.

Мне все запрещено, все, даже и признанье…

Я силы черпаю в своем высоком званье:

Печалясь и любя, любовь я усмирю,

Затем что мой удел — принадлежать царю.

С тобою или с ним воссесть мне на престоле,

От матери твоей жду новой этой доли,

Но чаянья мои с тобою, Антиох,

А если трон — ему, тебе — мой каждый вздох.

Вот что своей любви дозволить мне возможно,

Вот в чем твоей любви клянусь я непреложно.

Антиох.

Я счастья для него, как для себя, хочу,

Пусть торжествует он — в том радость отыщу.

Скорбит любовь к тебе, ликует нежность к брату…

Благословлю богов, обрекших на утрату,

И, всех своих надежд увидев тлен и прах,

От горя я умру с улыбкой на губах.

Родогуна.

Царевич! Если так угодно высшим силам,

Что мне вовек не звать тебя супругом милым,

Знай, что люблю… Нет, нет, мой разум изнемог.

Ты любишь ли меня? Тогда не будь жесток,

Свиданий не ищи, они как соль на рану…

Увидимся с тобой, когда царицей стану.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Антиох один.

Антиох.

Сбылись мои мечты! Ты выиграла бой,

Любовь-владычица! Победа за тобой,

Но там, где правит месть, победы этой мало:

Чтоб над свирепостью добро торжествовало,

К нему, всесильная, на помощь поспеши,

И нежность к сыновьям ты матери внуши;

Пусть кроткой жалости целебное ды-

ханье

Ревнивого огня потушит полыханье.

Царица-мать идет!.. О дай, любовь, мне власть

Иль умягчить ее, иль тут же мертвым пасть!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Антиох, Клеопатра, Лаоника.

Клеопатра.

Что скажешь? Трон отдать Селевку ли, тебе ли?

Антиох.

Но знаешь только ты, что боги повелели.

Клеопатра.

Ты знаешь, он тобой заслужен или нет.

Антиох.

О госпожа, убей, но выслушай ответ!

Клеопатра.

Ты время потерял, и твой ответ не

нужен:

Селевком, не тобой, державный трон заслужен,

Затем что преданность твой брат мне доказал.

Уже свершилась месть. Ты, сын мой, опоздал.

Как не сочувствовать подобному несчастью?

Не легче ль смерть принять, чем расстаться с властью?

Я средство предложить могла бы, но оно

Так страшно для двоих, неверно и черно…

Его назвав тебе, умру… А, впрочем, что же,

Державы и венца ужели жизнь дороже?

Антиох.

Есть средство верное — оно в твоих руках

И в чистоте своей вселить не может страх.

За наши горести лишь ты одна в ответе:

Царевну потеряв, утратим все на свете,

Затем что брат и я боготворим ее.

Пронзило нам сердца веление твое.

Об этом говоря, твои обиды множим,

Но так нам тяжело, что мы молчать не можем,

Мы чаем: если гнев затмил твои глаза,

Проникнет сквозь покров горючая слеза,

И в жалости твоей мы сыщем исцеленье.

Клеопатра.

Нет, это ты, не я во власти ослепленья:

Как ты дерзнул со мной так говорить, мой сын?

Не мнишь ли, что уже ты полный властелин?

Антиох.

Но, госпожа моя, сама ты заронила

В обоих нас любовь, чья безгранична сила.

Клеопатра.

Ах так! Ваш гнусный жар мной разожжен был? Мной?

Антиох.

Но кто же, как не ты, вернула нас домой,

Чтоб сыну старшему отдать престол без спора,

С парфянкой обвенчав, согласно договора?

Ее увидели мы волею твоей,

И вот уже вовек не сбросить нам цепей.

Противься мы тогда столь сладостному плену,

Ты упрекнула бы обоих за измену,

Не стань мы жертвами ее всевластных чар,

Нам заменил бы долг сердечный этот жар, —

Долг и желанье стать властителем

законным,

Державой управлять, владеть венцом и троном.

Долг, честолюбие, любовь слились в одно,

И в Родогуне все теперь воплощено.

Любовь к ней, мнилось нам, перед тобой — заслуга…

Сперва боялись мы, соперники, друг друга,

Но нежность братская возобладала в нас,

И я о жалости молю тебя сейчас.

Скажи: мы знать могли ль, что ненависти корни

Торжественнейших клятв живучей и упорней?

Клеопатра.

Но помнить бы могли, ценою чьих забот

Не оказались вы во власти тех тенет,

Что были сплетены парфянкой вашей милой.

Лишь мужество мое обоих охранило!

О да, я верила — ваш благородный гнев

Стремится на простор, во тьме сердец созрев,

Притворной кротостью его сдержать старалась,

Чтоб стал он яростью, чтоб ярость разыгралась,

Преграды прорвала, нашла себе исход,

Как в наводнение поток ревущих вод.

И что ж теперь? Прошу, стращаю, понуждаю,

Но жажды мщения в сынах не пробуждаю,

Твержу, что мстителю венец и трон отдам,

Но оба холодны к возвышенным мечтам,

К обидам матери безмерно равнодушны,

Все чувства умертвив, одной любви послушны...

И я могла любить бесчувственных сынов!

Антиох.

О нет, в душе у нас всегда найдется кров
С любовью наравне для нежности сыновней.

Клеопатра.

Любовь завистлива и не потерпит ровни.

Антиох.

Те чувства в нас горят немеркнущим огнем,
И, если надобно, мы за тебя умрем,
Но…

Клеопатра.

Что ж ты замолчал, сын черствый и мятежный?

Антиох.

Мы за нее умрем, коль это неизбежно.

Клеопатра.

К тебе взываю, смерть! Приди, обоих срежь.

Проклятья вечного достоин их мятеж.

Развязку правую печалью не украшу —

Я вижу в вас ее, пленительницу вашу,

И с торжеством приму заслуженный конец

Ей верноподданных, враждебных мне сердец.

Антиох.

Что ж медлишь? Торжествуй, а я готов в дорогу.

Твоя рука дрожит? Возьми мою в подмогу,

Она тотчас вонзит кинжал по рукоять

В то сердце, что тебя осмелилось предать,

И будут мне легки последние минуты,

Когда в моей крови свой гнев остудишь лютый.

Быть может, взрыв прошел, и этот гнев утих,

Но если мятежом любовь сынов своих

По-прежнему зовешь — о вспомни, что

с тобою

Слезами боремся, сражаемся мольбою!

Клеопатра.

Как просто было бы мне ваш мятеж пресечь,

Когда б оружием избрать решились меч,

Но сыновей мольбы какая мать отринет?

Смягчается душа, жар ненависти стынет…

Таким стенаниям могу ль без слез внимать

Я, любящая вас и преданная мать?

Ты истерзал меня своим унылым стоном.

Владей царевною, владей венцом и троном:

Ты, старший из двоих, всего теперь достиг,

Благодари ж богов.

Антиох.

О, несказанный миг!

Сияньем радости невзгода завершилась,

И, милостью богов, ты сердцем к нам смягчилась.

Не снится ль это мне?

Клеопатра.

Боролась, как могла,

Но нежность матери над гневом верх взяла.

Я верю, Антиох, что, одержав победу,

Ты нашу тайную не разгласишь беседу.

Антиох.

Дана победа мне на гибельном краю!

Рука, что смерть несла, спасает жизнь мою!

Клеопатра.

Вознагражу тебя за прежнюю суровость.

К царевне поспеши, поведай эту новость,

В ней радость, в ней восторг не одному — двоим:

Ты не любил бы так, не будь в ответ любим.

Антиох.

Какого счастия мы оба накануне…

Да, не ошиблась ты, я дорог Родогуне.

Клеопатра.

Не трать же времени, беги скорее к ней,

Миг, что упущен был, для нас всегда злодей.

Когда в вечерний час свершится брак меж вами,

Увидишь, что во мне угасло мести пламя!

Антиох.

Когда взойдем на трон, ты, госпожа, узришь,

Что поданные мы и ты одна царишь.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Клеопатра, Лаоника.

Лаоника.

Склонилась ненависть перед величьем духа!

Клеопатра.

Ах, сердце матери к слезам детей не глухо!..

Лаоника.

Умилена душой, ты плачешь. О, восславь...

Клеопатра.

Селевка позови и нас вдвоем оставь:

Он примет не легко своей судьбы коварство,

Но есть у матери и для него лекарство.

Предупреждать его не вздумай ни о чем:

Я нанесу удар, я буду и врачом.

Лаоника уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Клеопатра одна.

Клеопатра.

В мой величавый дух проникнуть ты не в силах,

Я плачу не от чувств расслабленных и хилых.

Нет, слезы ярости туманят мне глаза.

Пожди и все поймешь; уже близка гроза.

Но до поры сдержись, о гнев мой исступленный.

А ты, слепой простак, доверчивый влюбленный,

Не отличающий изнанки от лица:

Жди радостей любви, жди царского венца,

От счастья вне себя беги к своей парфянке!

Ты, жалкий, предпочел любовные приманки

Величью высшему. Но у порога месть,

И новых горестей тебе не перечесть.

Мне гордость усмирить? Вымаливать пощады?

Кто быстро в плен сдался, жди от того засады.

Кто за улыбками не зрит людских сердец,

Тому спасенья нет… Ты обречен, глупец, —

На деле докажу, как я переменилась.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Клеопатра, Селевк.

Клеопатра.

Ты знаешь ли, Селевк, что месть моя свершилась?

Селевк.

Увы, несчастная!

Клеопатра.

Стенай, слезу пролей.

Так сильно любишь ты?

Селевк.

Скорблю душой о ней.

Клеопатра.

Еще послужишь ты своей царевне милой:

Не ей, о нет, не ей я ныне отомстила.

Селевк.

О боги! Но кому?

Клеопатра.

Тебе, Селевк, тебе!

Ты жаждал послужить не мне, моей рабе,

Ты в брак мечтал вступить с парфянкою коварной,

Ты на меня восстал, о сын неблагодарный,

И, с волей матери вступив в мятежный спор,

Ее желаниям пошел наперекор.

Селевк.

Я?

Клеопатра.

Ты, предатель, ты! Зачем невинность строишь?

Огня, что жжет тебя, от глаз моих не скроешь.

Расплаты избежать мечтал? Не лицемерь.

Тебя щадила я, не пощажу теперь.

Так слушай же меня, упрямец своенравный:

По праву старшинства он твой, венец державный,

Ты мог бы царствовать с парфянкою своей,

Но знаю только я, кому из сыновей

Взойти на трон отцов. Лишь имя назову я

И овладеет им соперник твой, ликуя.

Селевк.

Мой брат?

Клеопатра.

Да. Младшего я старшим объявлю.

Селевк.

И я торжественно богов благословлю.

Ты сомневаешься? Не веришь мне? Напрасно;

С твоим желанием мое слилось согласно.

Утраченные мной не так ценю блага,

Чтоб в брате из-за них я усмотрел врага,

И если только в том и будет мне отмщенье,

Ты удовольствуешь моей души влеченье.

Клеопатра.

Тот равнодушия всегда играет роль,

Кто, потерпев провал, скрывает гнев и боль,

Чтоб выигравший враг, в уловки веря эти,

Нечаянно попал в расставленные сети.

Селевк.

Но неужели мнишь, что я вражду

таю?

Клеопатра.

Но неужели, трус, отдашь любовь свою,

Ту, что тебе дана самими небесами,

Чью гибель мнимую ты оросил слезами?

Селевк.

Скорбь об исчезнувшей под сенью гробовой

Не означает страсть к ней, женщине живой.

Клеопатра.

Соперник взял ли верх, смерть к теням унесла ли —

Тому кто потерял, жить под ярмом печали.

Покажется ему, что взрыв тоски утих,

Но стоит увидать уже в руках чужих

Ту, что считал своей, — в нем ревность разгорится,

И, чтоб напасть врасплох, он кротким притворится

И будет тем сильней о мщении мечтать,

Чем более она во всем ему под стать.

Селевк.

Быть может, ты права, но в чем тогда причина,

Что сына натравить стремишься ты на сына?

Зачем тревожить боль и рану бередить?

Клеопатра.

Затем, что надобно мне за тобой следить:

Хочу узнать, на что поднять ты руку можешь,

Не то мой замысел коварно уничтожишь.

Селевк.

Пусть так, но почему, скажи, в теченье дня

Ты старшим делаешь то брата, то меня?

Как верить нам тебе? Глумишься над невинным,

Пытаешь, мучаешь, грозишь судом бесчинным

И, любящая мать, все отдаешь ему,

Меня всего лишив? Ответь мне, почему?

Клеопатра.

Пока венец на мне, пока я на престоле,

Казнить и миловать в моей единой воле;

Так как же смеешь ты царицу вопрошать,

За что угодно ей карать иль возвышать?

Селевк.

Прошу, не осердись за эту речь прямую:

Без капли зависти его судьбу приму я,

Но мне сейчас любовь, что ты питаешь к нам,

Ясней, чем думаешь и чем хочу я сам…

Велит не продолжать сыновнее смиренье.

Страх в сердце не заполз, не помутилось зренье:

Я сохраню по гроб — пред небом говорю! —

И нежность братскую и преданность царю.

Прощай же, госпожа!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Клеопатра одна.

Клеопатра.

Несчастье мною правит!

Их страсть меня язвит, их дружба сердце давит.

Бунт сыновей моих, соперников союз

Мешает мне достичь того, к чему стремлюсь.

Венец и с ним любовь отдать без возмущенья?

О ненавистная! Какие обольщенья,

Какое волшебство так приманило их?

Лишь одного берешь, а отняла двоих!

Но ими властвовать надеешься напрасно:

Здесь только я одна всесильна и всевластна.

Мне ведомо — они тебя не отдадут,

Скорее замертво у ног твоих падут,

Но, руки обагрив в крови отца когда-то,

Я кровь его сынов пролью за все в отплату.

Они опасны мне, соперницы оплот:

Родителем начав, я ими кончу счет.

Природа, замолчи! Ты потеряла силу:

Пусть повинуются иль пусть сойдут в могилу.

Но, кажется, Селевк в мой замысел проник.

Опережают тех, кто упускает миг...

Я первая начну! Нет места сожаленью —

Для счастья властвовать готова к преступленью.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Клеопатра одна.

Клеопатра.

Ну вот, один мой враг уже навек утих.
Полдела сделано, Селевка нет в живых —
Теперь беседует он с тенью Никанора.
Пусть возвестит ему, что скоро, очень скоро
Парфянку приведет к ним сын его второй.
Я вновь соединю разъединенных мной.
Ты, ожидающий лишь брачного обряда,
Чтоб к мщенью моему обрушилась преграда,
Чтоб их, ликующих, одновременно рок
И на престол возвел и гибели обрек,
О смертоносный яд, вернешь ли мне державу?

Ты мне послужишь ли, как послужил на славу

Отточенный кинжал? А ты молчи, не плачь,

Сгинь, чадолюбие! Как яростный палач,

Ты жалость к детищу вонзаешь в сердце клином...

Супруг соперницы не может быть мне сыном!

Мой трон он ей отдаст, еще не ляжет ночь...

О чувства жалкие, вы мне опасны! Прочь!

Сын своего отца, наследник низкой страсти,

Не отпрыск мой, а враг, моей грозящий власти,

Люби, как он любил, умри, как умер он:

Ты — Родогуны столп и, значит, обречен.

Но если в этот миг меня удержит робость,

Сама себя столкну в зияющую пропасть:

Едва я отрекусь для сына от венца,

Как мне же он отмстит за брата и отца.

Кто месть не довершит, тот станет жертвой мщенья:

Не может ненависть дарить врагу прощенье.

Пусть, в буйной ярости неукротим и дик,

Народ казнит меня за смерть своих владык;

Пусть буду сломлена в бою парфянской ратью;

Пусть боги предадут преступницу проклятью

И, огненной стрелой сраженная, паду, —

Своею волею с престола не сойду.

Пыл гнева моего опасность не остудит,

Жестоко отомщу, а дальше будь что будет.

Не замутится взор, не омрачится лик —

Как сладко пережить врага хотя б на миг!

Грядущий жребий свой заранее приемлю:

Чем ей отдать венец, живая лягу в землю!

Не Лаоника ли идет сюда? Она.

Таить свой замысел я от нее должна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Клеопатра, Лаоника.

Клеопатра.

А где ж влюбленные?

Лаоника.

К тебе, что было мочи,

Бегом бежала я. Как светятся их очи

Душевным счастием! Величия полны,

Желая соблюсти обычай старины,

Идут, чтоб здесь испить вина из брачной чаши,

Как испокон веков велят обряды наши.

А в храме между тем готов верховный

жрец

Скрепить пред алтарем единство двух сердец.

Какими кликами встречают их явленье!

Какие жаркие несутся вслед моленья!

Блистательной чете желает стар и млад

И многолетия и всяческих услад,

И в нетерпении торопит час обряда.

Не только Сирия владыкам новым рада —

В ликующей толпе немало и парфян.

Ни звука о былом, никто не помнит ран,

Обоим воздают, обоих восхваляют

И в умилении равно благословляют.

Вот и они идут. Сейчас твои слова

Народу возвестят начало торжества.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Антиох, Родогуна, Оронт, отряды парфян и сирийцев.

Клеопатра.

Приблизьтесь к матери, возлюбленные дети!

Он — сын, а ты мне дочь. Нет слаще слов на свете,

И на меня за них возможно ли пенять?

Родогуна.

Их и в могильной тьме я стану вспоминать.

Поверь мне, госпожа, хочу лишь одного я:

Тебе покорствовать, весь век тебя покоя.

Клеопатра.

Владыкам Сирии покорность приношу

И только о любви, смиренная, прошу.

Антиох.

Нет, мы не для того воссядем на престоле,

Чтобы противиться твоей священной воле.

Народу Сирии я заявляю днесь:

Доколе мы царим, ты самовластна здесь.

Клеопатра.

Благодарю, мой сын! Тебе вверяюсь смело.

Садись же. Мне пора свершить, что я хотела.

Антиох садится в кресло, Родогуна — по левую руку от него на таком же возвышении, Клеопатра — по правую, но пониже, в знак некоторого неравенства, Оронт — по левую руку от Родогуны и также несколько ниже. Пока они рассаживаются, Клеопатра шепотом отдает Лаонике распоряжение, и та уходит за чашей отравленного вина.

(Продолжает.)

Сирийцев и парфян перед собою зрю.

Мне ль подчинялись вы, парфянскому ль царю,

Я возвещаю вам: вот новый ваш правитель,

Мой первородный сын и Сирии властитель.

На трон, что для него хранила в дни

невзгод,

С сестрой парфянина сегодня он взойдет.

Не мне, ему носить венец и багряницу —

Приветствуйте ж царя и новую царицу.

Ему и ей должны вы ревностно служить,

За них, коль надобно, и голову сложить.

Ты видишь сам, Оронт, — открыто, перед всеми,

Я им передаю державной власти бремя.

Так будь свидетелем, — у всех я на виду, —

Что мирный договор и помню и блюду.

Возвращается с чашей в руках Лаоника.

Оронт.

Все прямодушием в твоих поступках дышит.

Об этом, госпожа, властитель мой услышит.

Клеопатра.

Так поторопим же свершенья дивный час

И торжество начнем, как принято у нас,

С того, что брачную вы чашу изопьете,

Мной поданную вам, и в храм потом пойдете,

В той чаше скрыт залог и нежности моей

И счастья вашего до окончанья дней.

Антиох *(берет чашу).*

Ты в щедрости ко мне достигла совершенства.

Клеопатра.

Зачем ты медлишь, сын? Не отдаляй блаженства.

Антиох *(Родогуне).*

Приблизим же его. Сейчас с тобой вдвоем

В знак будущих услад мы чашу изопьем.

Но где Селевк? Пусть он мое увидит

счастье!

Клеопатра.

Ужели ты к нему не чувствуешь участья?

В уединении, в целительной тиши

Имеет право скрыть он скорбь своей души.

Антиох.

Меня заверил брат, что жребий свой смиренно

Он принял…

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Тимаген.

Тимаген.

Господин!..

Клеопатра.

Как смеешь, дерзновенный,

Врываться!..

Тимаген.

Госпожа!..

Антиох *(отдавая чашу Лаонике).*

Что ж ты молчишь? Я жду.

Тимаген.

Сейчас… сейчас скажу… лишь дух переведу…

Антиох.

В чем дело? Что стряслось?

Тимаген.

Твой брат Селевк… Немею…

Антиох.

Не может мне простить? Ну, говори скорее!

Тимаген.

Везде его искал, хотел ему помочь

Утрату пережить, скорбь сердца превозмочь,

И наконец нашел в глуби тенистой сада,

Где целый день царят и сумрак и прохлада.

Он на траве лежал, бессилен, странно

бел

И о несбывшемся, казалось мне, скорбел.

Склонившись на руку, от всех отъединенный,

Подобный статуе любви неразделенной,

В раздумье горькое душою погружен…

Антиох.

Ну что ж ты замолчал? Скажи, что сделал он?

Тимаген.

Под грудь он ранен был. Из страшной этой раны

На зелень муравы струился ток багряный.

Клеопатра.

Он мертв?

Тимаген.

Да, госпожа.

Клеопатра.

Немилосердный рок,

На беды и печаль ты жизнь мою обрек!

Вот что предчувствие шептало мне всечасно,

Вот что свершил Селевк, измучен мукой страстной:

Сильнее, чем себя, царевну он любил

И, потеряв навек, сам смерть поторопил.

Тимаген.

Успел промолвить он, что в этом неповинен.

Клеопатра *(Тимагену).*

Так, значит, ты, злодей, коварен и бесчинен,

Убил царевича, и вот, покончив с ним,

Приписываешь ложь устам уже немым!

Антиох.

Стерпи, не отвечай, мой друг, на оскорбленье:

Царица, видишь сам, от горя в исступ-

ленье.

Ты был при нем один — когда б тебя не знал,

Я тоже, может быть, подозревать бы стал.

Что говорил Селевк? Скажи мне слово в слово.

Тимаген.

Я вскрикнул, в ужасе от зрелища такого,

И веки тяжкие он разомкнул с трудом,

Прерывисто вздохнул и поглядел кругом,

И свет блеснул в глазах на несколько мгновений:

Он брата милого увидел в Тимагеые.

Последние слова к тебе он обратил:

В них горечь и печаль жар дружбы победил.

«Рука, обоим дорогая,

Отмстила за отказ злодейство совершить.

Мой брат! Цари, не забывая,

Коль не наскучило тебе на свете жить,

Что та рука...» Но тут опять смежились веки,

Дыханье замерло, и он уснул навеки.

Взволнован, потрясен и ужасом томим,

Я бросился к тебе с известьем роковым.

Антиох.

Рассказа нет страшней, удела нет ужасней.

В ручьях горючих слез, свет радости, угасни!

Мой драгоценный брат, соперник милый мой,

Равно я дорожил и ею и тобой,

Но, как ни велика великая утрата,

Грознейшею бедой грозит мне гибель брата.

О бездна мрачная его предсмертных слов,

Твой зев разверзнутый чудовищно багров!

Гадаю, кто убил, но каждая догадка
Меня бросает в дрожь сильней, чем лихорадка.
Зловещие слова как разумом объять?
В деянье роковом кого мне обвинять?
«Рука, обоим дорогая…»

(Родогуне.)

О ком он говорил, меня оберегая?
Гнев и тебе и ей язвил нещадно грудь,
Вы черный замысел хотели в нас вдохнуть,
Когда ж и он и я обеим отказали,
Одна из вас нашла сообщника в кинжале.
Тебя ль подозревать в чудовищной вине?
Тебя ли в этот час остерегаться мне?

Клеопатра.

Подозревать меня!

Родогуна.

Меня считать виновной!

Антиох.

С тобою связан я, царица, связью кровной.

Царевна! Для меня ты жизнь, ты солнца свет,

Но только к вам двоим приводит этот след.

Все это, Тимаген, могло ль тебе помни́ться?

Тимаген.

Чем мыслью оскорбить царевну и царицу,

Пошел бы твой слуга на смерть сто тысяч раз.

Нет, точен и правдив, владыка, мой рассказ.

Антиох.

Злодейства этого рассудком не измерить,

И, веря до конца, в него не смею верить.

Но та ль, другая ли запятнана виной,

Пусть не старается покончить и со мной.

Когда со света сжить друг друга вы хотели,

Мы не могли служить вам в черном этом деле,

Что лишь наемнику под стать и по плечу,

А ныне послужить обеим вам хочу:

Нить жизни сам прерву без стона и печали —

Уже своей враждой ее вы надорвали.

(Выхватывает меч и хочет покончить с собой.)

Родогуна.

О, что ты делаешь!

Тимаген.

Мой господин, очнись!

Антиох.

Я предварю удар, что надо мной навис.

Клеопатра.

Живи и царствуй, сын.

Антиох.

Я — камень преткновенья,

Но для кого из вас? Рассейте же сомненья,

Скажите, кто из двух мне хочет жизнь спасти,

Чтобы своей рукой потом убрать с пути?

«Живи!» — ты говоришь. Что ж, свыкнуться с судьбиной?

Невинность обвинять? Считать вину невинной?

Жить, чтобы каждый миг от вас удара ждать?

Не веря ни одной, обеих почитать?

Боль жизни предпочесть забвения напитку?

Нет, дайте умереть иль прекратите пытку!

Я смерти вечный сон приму как благодать,

Дабы вам рук своих злодейством не пятнать.

Клеопатра.

В тот день, когда тебя на царство я венчаю,

Один мой сын убит, а ты, ты, в ком я чаю

Опору обрести, не утешаешь ты,

А хлещешь яростно словами клеветы,

И с чужеземкою меня ты вровень ставишь,

И оправданий ждешь, и суд неправый правишь.

Так знай же, господин (уже нельзя, как встарь,

Мне сыном звать того, кто мой судья и царь):

Она — виновница чудовищного дела.

То ненависти плод, тлетворной, застарелой,

Плод ревности ко мне. Заране знала я —

Нарушит договор избранница твоя

И поразит меня рассчитанным ударом...

Опередить ее хотела я недаром,

Но милосердие ты пробудил во мне.

(Родогуне.)

Царевна! Я тебе поверила вполне,

Хотела первенца венчать с тобою ныне,

Но ты, чудовище, поправшее святыни,

В Селевка моего вонзила ты клинок,

Чтоб скорбной матери никто помочь не мог.

Кто приютит меня, в ком я найду опору,

Когда предашь меня гоненьям и позору?

Покорен будет царь всем прихотям твоим,

А станет возражать — расправишься и с ним.

Тебе они — враги, мне — дорогие чада,

Тебе нужна их смерть, мне — слава и отрада,

Ты трон наследственный у них бы отняла,

Но на пути твоем я встала, как скала.

Вот в чем различны мы — нет, противоположны!

Пусть сын подумает, чьи заверенья ложны,

В чьем сердце свет любви — в моем или в твоем,

И обелишь себя ты разве волшебством.

Родогуна *(Клеопатре).*

Как защищать себя? Застыв в недоуменье,

Невинность слушает наветы обвиненья,

Глаза потуплены, безмолвствуют уста,

И, взяв над нею верх, ликует клевета.

Твой ловкий поворот я поняла мгновенно!

В убийстве обвинив сначала Тимагена,

О собственных словах забыла ты тотчас,

Еще бы! Ведь давал тебе его рассказ

Возможность на меня набросить подозренье.

Сын не успел назвать в последнее мгновенье

Убийцу-мать, увы! Смерть оборвала речь,

И ни с одной из нас нельзя вины совлечь.

Возрадовалась ты и сразу подхватила —

Одна из нас двоих царевича убила.

Мне из почтения пристало онеметь,

Но все-таки кому — прошу тебя: ответь! —

Привычней убивать? Кто, в бешенстве зверином

Супруга заколов, способна кончить с сыном?

О да, я отрицать не стану, не хочу —

На ненависть твою такою же плачу,

Мы обе грезили кровавою расправой,

Но в мудрости своей, в умеренности здравой

Царь все сумел смягчить, и был тогда он прав:

И матери и мой ему известен нрав.

(Антиоху.)

Чтоб мужу стать милей и одарить богато,
Я в день венчания его сражаю брата
И более того: спешат ему внушить,
Что и его хочу дыхания лишить.

(Клеопатре.)

Как от тебя спастись гонимой, бесприютной?
Кто в Сирии твоей порою этой смутной
Даст Родогуне кров? Дерзнет ли хоть один…

(Антиоху.)

Но ты не слушаешь меня, мой господин?

Антиох.

И слушать не хочу. Селевку крепко спится,
И безразлично мне, кто из двоих убийца.
Мать, заколи меня! Супруга, уни-

чтожь!

Я недоверию предпочитаю нож.

Закрыв на все глаза, пройду свой путь печальный.

Так поторопимся свершить обряд венчальный!

Разлука наша, брат, в сем мире коротка:

Тебя убившая грозит и мне рука.

Мы скоро встретимся. Смешна мне осторожность.

Ей, крови жаждущей, я облегчу возможность

Меня вослед тебе свести в могилу, брат,

И может быть, узрит тускнеющий мой взгляд,

Что даже и богов исчерпано терпенье,

Что их огонь сразит двойное преступленье…

Дай чашу!

Родогуна *(удерживая его).*

Господин…

Антиох.

Мне все равно теперь.

Дай…

Родогуна.

Я молю тебя, ни мне, ни ей не верь:

Обманчивы слова, враждебны руки наши.

Не пей, мой господин, вина из этой чаши.

Клеопатра.

Откинув хитрости, ты напролом пошла.

Родогуна.

Царь вправе ждать от нас предательства и зла

И должен требовать не слов, а доказательств,

Чтоб оберечь себя от низких посягательств.

Бесценнейшую жизнь властителя храня,

Пусть испытанию подвергнут и меня.

Что ж медлишь, госпожа? Ведь проще нет ответа,

Чем приказать рабу вино пригубить это.

Клеопатра *(берет чашу).*

Сама испробую. Какая западня

Тебе мерещится? Каких ты от меня

Деяний страшных ждешь? Но все стерпеть готова.

Антиох *(берет у нее чашу после того, как она отпила из нее).*

Прости ей, госпожа, запальчивое слово:

Тобой обвинена она была, и вот

Тебя сейчас винит царевна в свой черед.

То страх ли за себя, любви ли озаренье —

Но, мнится, что она — почти вне подозренья.

А мне, мне все равно! От жизни я устал.

Грядущих зол и бед передо мной провал,

Мстить той или другой моей руке невместно,

Пусть боги отомстят, им истина известна.

Немедля выпью...

Родогуна.

Нет, отравлено вино:

Взгляни, ее лицо уже искажено,

Течет потоком пот и взор тускнеет злобный.

Какая ненависть! Свет не видал подобной:

С собой кончает мать, чтоб сына в гроб свести.

Антиох *(отдавая чашу Лаонике).*

Но должен этот сын жизнь матери спасти.

Клеопатра.

Мое спасение теперь одно — могила.

Зачем ты, ненависть, меня поторопила?

Как только я умру, со мной умрешь и ты.

Вот что гнетет меня у гробовой чер-

ты!

Но не придется мне — и в этом утешенье —

Своей соперницы увидеть возвышенье.

Ты — царь. Убиты мной родитель твой и брат.

Теперь конец и мне. Так будьте же стократ

Вы оба прокляты! Пусть за мои деянья

Вам боги ниспошлют безмерные страданья!

Не знайте радости! Пусть брачный ваш союз

Отяготит вам жизнь, как непосильный груз,

И, всех невзгод венец, пусть сын у вас родится,

Чьей славой меж людей моя могла б затмиться!

Антиох.

Живи, смягчись душой, гнев на любовь смени!

Клеопатра.

Я прокляну богов, коль мне продолжат дни!

Еще раз услужи, дай, Лаоника, руку,

Веди отсюда прочь. Не обрекай на муку,

На унижение: меня осилил рок,

Но не паду без сил у ненавистных ног.

(Уходит, опираясь на Лаонику.)

Оронт.

Свершился суд богов, суров и неотвратен.

Но для тебя, о царь, сколь он благоприятен:

Ты гибели своей уже в глаза глядел,

Но уготован был тебе иной удел;

По манию богов, по воле их верховной

Наказана вина, увенчан невиновный.

Антиох.

Что мне сказать, Оронт? Душа тоски полна:

Не менее, чем жизнь, такая смерть страшна.

Как ужас пережить ужаснейших собы-

тий?

Так посочувствуй мне! Прошу вас, в храм идите,

Пусть песнопения сменит унылый стон —

Не свадьбы ныне день, а скорбных похорон.

Мы жертвы воздадим, мы будем слать моленья,

Пока не возвратим богов благоволенье.

ИЗ РАЗБОРА ТРАГЕДИИ «РОДОГУНА»{85}

Тему этой трагедии я заимствовал у Аппиана Александрийского [...]

Меня нередко спрашивали при дворе, какое из своих творений я более всего ценю; при этом я обнаружил у вопрошавших столь явную приверженность либо к «Цинне», либо к «Сиду», что не осмелился сознаться в сердечной своей склонности к этой трагедии, хотя назвал бы ее в первую голову, когда бы должное почтение к тем, кто держался другого мнения, не принуждало меня молчать. Быть может, пристрастие мое так же слепо, как расположение иных отцов к одному из своих детищ в ущерб другим; быть может, в него входит доля самолюбивого чувства, ибо «Родогуна» кажется мне в известной мере больше принадлежащей моему перу, нежели предыдущие мои сочинения, из-за необычайнейших происшествий, придуманных мною для нее и еще ни разу не виданных в театре; может быть, наконец, толи-

---

{85} Комментарии: 2.85

К стр. 234

Из разбора трагедии «Родогуна». — «Разбор» приводится не полностью, так как в ряде мест он дословно повторяет открывающие трагедию посвящение принцу Конде и выдержки из Аппиана Александрийского.

ка истинных достоинств оправдывает мою к ней приверженность. Каждый волен в своих вкусах, но смею утверждать, что в прочих моих трагедиях почти нет преимуществ перед этой: красота темы, новизна вымысла, сила стиха, легкость изложения, глубина мыслей, пыл страстей, нежность изображенных в ней любви и дружбы — все это слито в неразрывное целое, к тому же так разработанное, что впечатление возрастает от действия к действию. Второе лучше первого, третье сильнее второго, последнее превосходит все остальные. Единство характеров выдержано с начала до конца, длительность происходящего на сцене не превышает или почти не превышает длительности спектакля. День избран из самых примечательных, единство места соблюдено в той степени и с теми уступками законам театра, о которых я говорил в третьем своем «Рассуждении»{86}*.*

Разумеется, я не столь самонадеян, чтобы считать эту трагедию безупречной. Рассказ Лаоники из первого действия вызвал столько

{86} Комментарии: 2.86

К стр. 235

...я говорил в третьем своем «Рассуждении». — Корнель имеет в виду свое «Рассуждение о трех единствах».

нареканий[{87}], *что не прислушаться хотя бы к иным из них было бы неразумно. Однако признать его полностью бесполезным я не могу. Бесспорно, многое из него повторяет во втором действии Клеопатра, сперва делая признание той же Лаонике, а потом излагая события сыновьям, дабы внушить им, что они всем обязаны ей, но оба эти явления были бы не совсем ясны без предваряющего рассказа, и вовсе непонятными остались бы и справедливые опасения Родогуны, о которых она говорит в конце первого действия, и тот открывающий действие второе монолог Клеопатры, где царица живописует самое себя.*

Не отрицаю, рассказ откровенно и бесхитростно обращен к второстепенному лицу, но в оправдание свое сошлюсь на два примера из Теренция, уже упомянутые мною по этому поводу в первом моем «Рассуждении»[{88}]. *Тимаген, слушающий Лаонику, только затем и введен,*

{87} Комментарии: 2.87

Рассказ Лаоники из первого действия вызвал столько нареканий… — Корнель имеет в виду нападки на него аббата д'Обиньяка, автора популярной в свое время теоретической работы «Практика театра» (1657).

{88} Комментарии: 2.88

…в первом моем «Рассуждении». — В «Рассуждении о драматической поэме». Там Корнель приводит пример из комедии Теренция «Девушка с Андроса», где Сосий появляется лишь в первом действии, и из его же комедии «Формион», в которой Дав лишь раз выходит на сцену.

чтобы слушать, ибо весть о смерти Селевка в пятом действии мог бы принести не он, а кто-нибудь другой. Он слушает, но не потому, что действительно заинтересован в происходящем, а из чистого любопытства, хотя должен был бы все это уже знать, так как занимал довольно видное положение — положение наставника царских племянников при египетском дворе, куда, конечно, доходили достоверные вести о делах, творившихся в соседней Сирии. И совсем неправдоподобно то обстоятельство, что Тимаген, прожив некоторое время со своими воспитанниками-царевичами на родине, удосуживается лишь в этот торжественный день расспросить сестру о бурных событиях, о которых, по его словам, имеет самое смутное представление. Поллукс в «Медее» тоже лицо второстепенное и незаинтересованное, но он только что прибыл из Малой Азии в Коринф, отделенный от нее морем, поэтому и его неосведомленность и удивление при виде Язона не кажутся натяжкой. Тем не менее рассказ и там лишен занимательности, коль скоро в пьесе еще не произошло ничего такого, что поразило бы воображение зрителей или затронуло бы их чувства. Меж тем рассказ Куриация в «Горации» производит совсем другое

впечатление, и вы легко поймете почему; рассказчик обращается к Камилле, не менее, чем он, заинтересованной в заключении мира, от которого зависит их брак. Ее интерес разделяет и публика, уже посвященная Сабиной и Камиллой и в их несчастные обстоятельства и в опасения за исход поединка, где в лице каждого из двух противников сочетается избранник одной и брат другой, она жаждет узнать, что же послужило причиной столь неожиданного мира.

Недостатки рассказа Лаоники подтверждают высказанную мною в другом месте мысль{89} о том, что, если темою трагедии является война двух держав или иные события гражданской жизни, автору очень трудно ввести в пьесу актера, ничего о них не знающего, и поведать ему обо всем так, чтобы подобающим образом осведомить публику.

Кое-какие исторические факты я смягчил: Клеопатра только потому согласилась на брак с Антиохом, что хотела отомстить Деметрию за его женитьбу на парфянке Родогуне, а у меня она идет на это под давлением государственной

{89} Комментарии: 2.89

К стр. 236

...высказанную мною в другом месте мысль... — Корнель имеет в виду свой разбор трагедии «Медея».

необходимости, вдобавок поверив ложному слуху о смерти первого своего мужа. Такое смягчение вызвано, во-первых, нежеланием сгущать и без того черные краски, как сгустил их, скажем, Еврипид, характеризуя Менелая в «Оресте», во-вторых, стремлением изобразить дело так, будто Деметрий лишь собирался жениться на Родогуне и хотел совершить церемонию брака в своем государстве, дабы возвести ее на трон вместо Клеопатры с согласия всего народа и тем самым укрепить положение новой своей супруги и обеспечить право наследования за детьми, которые у них родятся. Это отступление от правды было мне решительно необходимо: Деметрий должен был погибнуть до женитьбы на Родогуне, иначе любовь царевичей к ней, вдове их отца, вызвала бы глубокое отвращение у зрителей, настолько противно нашим нравам любое чувство, отмеченное печатью кровосмесительства.

Клеопатра не случайно избирает этот день для признания Лаонике в своих намерениях и истинных причинах всего ею содеянного. Сделай она его раньше — и ее тайну могли бы преждевременно узнать царевичи или Родогуна, меж тем как теперь это уже не страшно, ибо честолюбивая мать собирается немедленно предъявить сы-

новьям свое кровожадное требование. С таким же требованием обращается к ним и Родогуна, что, по мнению иных судей, несовместно с теми добродетелями, которыми я ее наградил. Но мои критики упустили из виду следующее: в отличие от Клеопатры она ставит царевичам условие не для того, чтобы они его выполнили, а чтобы, избежав прямого выбора и равно подав надежду обоим, обоих привлечь на свою сторону. Предупрежденная Лаоникой о замысле царицы, она не сомневается, что, стоит ей поведать о своей любви к Антиоху, — и ее ненавистница, единственная, кому известна тайна старшинства, тотчас объявит наследником Селевка, натравит братьев друг на друга, вызовет гражданскую смуту, погибельную, быть может, для нее, Родогуны. Итак, стараясь во что бы то ни стало уклониться от выбора, дабы не возвысить одного брата над другим, она прибегает для этого к единственному доступному ей способу — напоминает им об отце, убитом из-за нее, и ставит условие, заранее понимая, что оно для них невозможно. Мирный договор принудил ее подавить в себе естественную память о прошлом, а свобода, которую ей возвращают царевичи, повелевает отдать ему должное. Она точно

так же обязана отомстить за смерть царя, как царевичи должны отказаться от роли мстителей. Родогуна сама признается Антиоху, что возненавидела бы их, подчинись они ее воле, что, требуя мщения, она верна своему долгу, так же как, отказываясь, они верны своему, что, выше всего ценя добродетель, она не желает стать наградой за преступление, что справедливое возмездие за гибель их отца превратилось бы в матереубийство, когда бы отомстили они.

Более того: даже если бы ее требование не имело никакого оправдания, оно все равно заслуживало бы некоторого снисхождения из-за полной своей неожиданности и новизны в пьесе, из-за того смятения, что посеяно им в царевичах, из-за воздействия на последующие события, которые с его помощью движутся к предопределенной историей развязке. В нем причина того, что Селевк, глубоко им задетый, отказывается и от трона и от руки царевны, а царица, потерпев поражение в попытке настроить его против брата, в исступлении решается погубить обоих сыновей, лишь бы не подчиниться сопернице.

Она начинает с Селевка и потому, что так гласит история, и потому, что, останься он в живых после гибели Антиоха и Родогуны, кото-

рых царица собирается отравить на глазах у всех, он мог бы ей отомстить. Мести Антиоха за гибель брата она не боится, надеясь на то, что смертоносный яд, ею приготовленный, покончит с Антиохом раньше, чем он узнает о судьбе Селевка, или по крайней мере раньше, чем уличит ее, раз она выбрала такое место для убийства, где не было ни единого свидетеля. Я уже говорил о том{90}, что смягчил некоторые исторические факты, дабы Антиох не стал матереубийцей, заставив Клеопатру выпить яд, приготовленный ею для него, и не нарушил благопристойности, заговорив о своей любви к Родогуне и о брачной церемонии тотчас после смерти матери, поблизости от ее хладеющего тела. Пьеса окончена, и вопрос о браке Антиох решит, когда сочтет это возможным. Действие трагедии исчерпано, ибо они вне опасности, а смерть Селевка избавила меня от необходимости открыть тайну старшинства братьев-близнецов, тем паче что любой ответ внушал бы сомнения, ибо исходил бы из уст, привыкших ко лжи и потому недостойных доверия.

{90} Комментарии: 2.90

К стр. 238

Я уже говорил о том... — В данном случае Корнель ссылается на свое «Рассуждение о трагедии».

ИРАКЛИЙ

ТРАГЕДИЯ

{91}

Перевод Ю. Корнеева

{91} Комментарии: 2.91

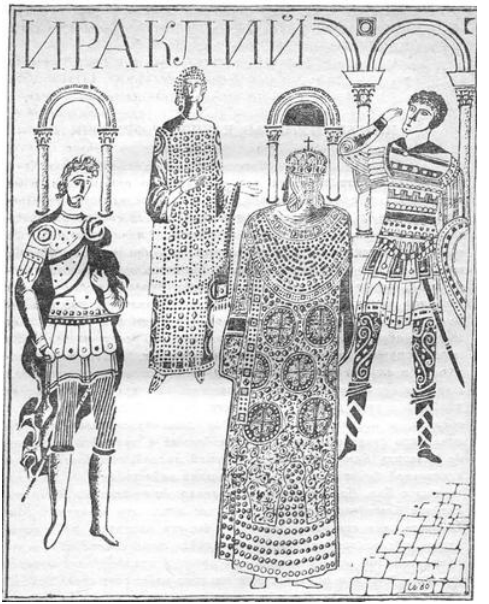
«ИРАКЛИЙ»

(«HERACLIUS»)

Трагедия была с успехом поставлена в январе 1647 г. на сцене «Бургундского отеля». Затем пьеса входила в репертуар труппы Мольера, причем великий комедиограф довольно посредственно исполнял главную роль. Затем пьеса время от времени ставилась на сцене «Комеди Франсэз».

В основу сюжета пьесы положены дворцовые интриги в Византийской империи VII в. Все главные персонажи трагедии действительно существовали. Император Маврикий правил с 582 по 602 г. и был смещен и убит узурпатором Фокой. Тот в свою очередь был свергнут в 610 г. Ираклием, сыном военачальника императора Маврикия, управлявшего Северной Африкой. Ираклий царствовал с 610 по 641 г. Эту скудную историческую канву Корнель изукрасил додуманными им запутанными событиями, которые и составляют содержание пьесы.

Издана она была Огюстеном Курбе в июне 1647 г. под названием «Ираклий, император Востока».


ИРАКЛИЙ

МОНСЕНЬОРУ СЕГЬЕ, КАНЦЛЕРУ ФРАНЦИИ{92}

Монсеньор!

Я знаю, что трагедия моя недостаточно возвышенна, и не имею поэтому права надеяться, что Вы соблаговолите перелистать ее: чтобы предложить Вам что-нибудь не совсем уж недостойное Вашего высокопревосходительства, мне пришлось бы создать непогрешимый портрет мужа с добродетелями Катона или Сенеки,{93} но пока я копил силы для столь грандиозного предприятия, новые милости, оказанные мне Вами, вселили в меня законное желание поскорее поведать о них свету, а рукоплескания, которыми зрители неизменно встречают мою пьесу, дали

{92} Комментарии: 2.92

К стр. 240

Сегье, Пьер (1588–1672) — французский государственный деятель, канцлер Франции с 1635 г. Он был одним из основателей Французской академии и ее покровителем после смерти кардинала Ришелье. Следует учесть, что вскоре после премьеры «Ираклия» Корнель был избран в Академию не без протекции Сегье.

{93} Комментарии: 2.93

…с добродетелями Катона или Сенеки… — Корнель имеет в виду известных политических деятелей Древнего Рима, Катона Старшего (234–149 гг. до н. э.) и Сенеку (ок. 4 г. до н. э. — 65 г. н. э.), которые славились своими гражданскими доблестями.

мне основания предполагать, что громкий успех в известной мере искупает ее несовершенства. Интерес, вызванный спектаклем и внушивший многим охоту заглянуть в текст, вскружил мне голову; я подумал, что мне вряд ли представится более удобный случай рассказать публике, до какой степени Вы меня обязали{94}*, и поспешил выразить Вам свою признательность, тем паче что отчетливо понимал: чем дольше я промедлю в надежде уплатить Вам свой долг с большей лихвой, тем более непростительной будет выглядеть моя мнимая неблагодарность по отношению к Вам. Но признаюсь откровенно: даже если бы Ваши последние благодеяния не возложили на меня эту почетную обязанность, мне все равно пришлось бы так поступить ради упрочения собственной репутации. От успеха моих сочинений она не приобрела той незыблемости, которая позволяет не считаться впредь с мнением публики: еще ни одно из них не стало доказательством того, что Вы удостоили меня чести познакомиться с ними. Между тем всей Европе известно, что Ваше высокопревосходительство неизменно оказывает благосклонный*

{94} Комментарии: 2.94

...до какой степени Вы меня обязали... — намек на избрание в Академию.

прием деятелям родной словесности; что к Вам всегда открыт доступ людям просвещенным и недюжинного ума; что внимание, которое Вы оказываете им, есть самое надежное и неопровержимое подтверждение их дарования; что лучшие наши служители муз, которых покойный монсеньор кардинал де Ришелье самолично объединил в корпорацию{95}, ставшую оплотом образованности, до сих пор неутешно скорбели бы о его кончине, не обрети они в лице Вашей милости такого же покровителя, какого имели в лице его Высокопреосвященства. Так могут ли обитатели тех стран, куда проникает наш язык, поверить, что человек действительно достоин признания, если на его сочинениях нет государственной печати, которую как бы заменяет Ваше имя над заслуженно обращенным к Вам посвящением? Дозвольте же мне, монсеньор, поднести Вам наиболее удачное из моих произведений, дабы искупить постыдную медлительность, доныне мешавшую мне открыто засвидетельствовать Вам свое уважение; дабы упрочить снисканную мною скромную репутацию, рассеяв законные

{95} Комментарии: 2.95

К стр. 241

...объединил в корпорацию... — Корнель имеет в виду создание по инициативе кардинала Ришелье Французской академии (1635).

сомнения читателей в моем даровании и убедив их, что я все-таки не совсем Вам неведом и, более того, что Вы по доброте своей не отказываете мне ни в благожелательстве, ни в милостях; дабы, наконец, уверить Вас, монсеньор, что, не воспламеняй меня Ваши добродетели самым страстным желанием быть Вам полезным, в мире не было бы человека неблагодарней, нежели Ваш скромнейший, покорнейший и преданнейший слуга на всю жизнь.

***Корнель**.*

К ЧИТАТЕЛЮ

Трагедия моя представляет собой отважную попытку истолковать на свой лад историю, от которой в пьесе осталась лишь очередность императоров Тиберия, Маврикия, Фоки и Ираклия{96}. Последнему с целью возвеличить его я приписал более высокое происхождение: он у меня сын императора Маврикия, а не безызвестного африканского претора, также носившего имя Ираклий. Я увеличил время правления его предшественника на двенадцать лет и наделил Фоку наследником, хотя история ни словом об этом не упоминает: согласно истории, у Фоки была только дочь Домиция, которую он выдал за какого-то Приска или Криспа. Продлил я и жизнь императрицы Константины, и, так как деспот царствует у меня не восемь, а двадцать лет, он из боязни за себя умерщвляет эту монархиню вместе с дочерьми не на пятом, а на пятнадцатом году своего правления. Оправдать допущенную

{96} Комментарии: 2.96

...очередность императоров... — Упоминаемый далее император Тиберий царствовал в 578–582 гг. н. э. Об остальных императорах, о которых говорит Корнель, см. выше.

мною вольность не трудно: ей служат достаточным извинением как характер самого события, так и примеры из древних, которые я уже приводил в связи с «Родогуной»; но, по совести говоря, я никому не советую следовать моему примеру. Это весьма рискованно: в случае успеха подобную затею именуют смелой изобретательностью, в случае неудачи — смехотворной дерзостью.

Повествуя о смерти императора Маврикия и его сыновей, казненных по приказу Фоки на глазах у отца, Бароний{97} приводит весьма примечательную подробность, которую я не преминул сделать сюжетным узлом и основой трагедии. Один из сыновей Маврикия воспитывался кормилицей, столь преданной этому несчастному государю, что вместо питомца она отдала на казнь родного сына. Маврикий обнаружил подмен и воспротивился ему, руководствуясь благочестивой мыслью о том, что гибель его семьи — справедливый приговор господень, против которого он восстанет, если даст умертвить

{97} Комментарии: 2.97

К стр. 242.

Бароний, Чезаре (1538–1607) — итальянский церковный деятель и историк, кардинал. Им написана фундаментальная «Церковная история» в 12-ти томах, в которой изложение событий доведено до 1198 г. Считается, что в повествовании о событиях истории Византии Бароний не всегда точен.

чужого ребенка вместо своего. Как бы то ни было, кормилица сумела преодолеть материнское чувство во имя служения государю, и мы вправе считать, что дитя ее умерло ради спасения царевича. Находя такой поступок достаточно героическим, чтобы отнести его к более знатной особе, я превратил кормилицу в воспитательницу. Я предположил, что обмен увенчался успехом, и ребенок, спасенный ценой жизни другого, стал Ираклием, преемником Фоки. Более того, я представил себе, как Леонтина, не видя возможности без конца прятать младенца, доверенного ей Маврикием и усиленно разыскиваемого Фокой, и чувствуя, что ее вот-вот заподозрят и уличат, решает завоевать доверие тирана обещанием выдать маленького царевича, который так страшит Фоку и вместо которого она посылает на казнь своего собственного сына Леонтия. Этот поступок, — продолжал рассуждать я, — так покоряет деспота, что тот не решается поручить воспитание сына своего Маркиана никому, кроме столь преданной ему женщины, тем более что, по его мнению, она навлекла на себя непримиримую ненависть сторонников Маврикия, единственных серьезных врагов тирана. Расположение Фоки дает Леонтине возможность вторично совершить

подмен и водворить Ираклия, воспитываемого ею под именем Леонтия, на место Маркиана, доверенного ей узурпатором. Случай к этому предоставляет трехлетняя отлучка тирана, уезжающего на войну с Персией; по возвращении его Леонтина выдает Ираклия за сына Фоки, которого тот и растит при себе под именем Маркиана, тогда как подлинный Маркиан живет у нее в доме под именем ее родного сына Леонтия, принесенного в жертву ради спасения Ираклия. Теперь, когда оба царевича выросли и обманутый вторым подменом Фока хочет женить Ираклия на дочери Маврикия Пульхерии, которую, одну из всей ее семьи, пощадил, дабы этот брак дал его роду законные права на императорскую власть и сан, Леонтина с целью помешать кровосмесительному союзу брата с сестрой открывает Ираклию тайну его рождения. Излагать здесь остальные перипетии столь обильной событиями трагедии значило бы впасть в многословие, и я ограничусь теми сведениями, которые уже сообщил тебе, читатель, чтобы облегчить знакомство с пьесой. Ты должен лишь не забывать, что Ираклий считается Маркианом, сыном Фоки, а Маркиан — Леонтием, сыном Леонтины, и что Ираклий знает, кто он сам и кто лже-Леонтий,

но это неизвестно подлинному Маркиану, Фоке, Пульхерии и остальным действующим лицам, за исключением Леонтины и дочери ее Евдокии.

Кое-кто упрекал меня в неправдоподобности образа матери, жертвующей сыном для спасения чужого ребенка; на это у меня есть два возражения: во-первых, Аристотель, единственный для нас непререкаемый авторитет, дозволяет упоминать иногда о противоречащих здравому смыслу и невероятных на первый взгляд вещах, но при условии, что они лежат за пределами сюжета или, выражаясь языком латинских переводчиков этого философа, extra fabulam, как, скажем, подмен младенцев в нашей пьесе, и приводит в пример Эдипа{98}, убившего царя Фив и целых двадцать лет пребывавшего в неведении о том, кто пал от его руки; во-вторых, коль скоро, как я упомянул выше, самоотверженный поступок кормилицы — истинная правда, нам не следует спрашивать себя, правдоподобно ли он выглядит: действительность всегда может стать предметом поэтического изображения, хотя поэзия далеко не всегда следует ей. Право поэта откло-

---

{98} Комментарии: 2.98

К стр. 244

…приводит в пример Эдипа… — Аристотель ссылается в «Поэтике» (гл. 15) на трагедию Софокла «Эдип».

няться от правды тоже не следует превращать в обязанность, и правдоподобие является непременным условием разработки сюжета, но никак не выбора его или тех исторических событий, на которые он опирается. Все, что выведено в драматическом произведении, должно казаться вполне вероятным, а это, согласно Аристотелю, обусловлено одной из трех предпосылок — достоверностью, правдоподобием, народным мнением. Я иду дальше и, рискуя, что такое утверждение сочтут парадоксом, смею заявить, что сюжет высокой трагедии должен быть правдоподобен и сам по себе. Это нетрудно доказать с помощью того же Аристотеля, который не считает материалом для пьесы убийство, например, врага врагом: оно правдоподобно, но не пробуждает в человеке ни сострадания, ни страха — двух страстей, составляющих душу трагедии; мудрец советует отдавать предпочтение тем из ряда вон выходящим событиям, в которых участвуют близкие между собой люди, — убийству сына отцом, мужа супругой, сестры братом; они не всегда правдоподобны, но в них верят, потому что они исторически достоверны или слывут таковыми; выдумывать же такой сюжет просто не дозволено. Этим Аристотель и объясняет,

почему древние брались обычно за одни и те же темы: в жизни не часто встречаются семьи, где происходят конфликты, могущие служить возвышенным и убедительным образцом столкновения страсти с долгом.

Здесь не место углубляться в этот вопрос: я кратко затронул его вовсе не из честолюбивого желания выдвинуть собственные правила, возможно, вообще неприемлемые для ученых, а лишь по необходимости защитить себя от возражений, согласиться с которыми было бы все равно что уничтожить мое произведение, разрушить самые его основы. Поэтому я изложил свое мнение на манер де Монтеня{99} — не потому, что оно бесспорно, а потому, что оно мое. До сих пор мне удавалось следовать ему; но я допускаю, что другие добьются большего, отправляясь от противоположной точки зрения.

{99} Комментарии: 2.99

К стр. 245

...на манер де Монтеня... — Корнель перефразирует высказывание Монтеня из гл. 25 книги первой «Опытов».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ФОКА

восточно-римский император.

ИРАКЛИЙ

сын императора Маврикия, считающийся Маркианом, сыном Фоки, возлюбленный Евдокии.

МАРКИАН

сын Фоки, считающийся Леонтием, сыном Леонтины, возлюбленный Пульхерии.

ПУЛЬХЕРИЯ

дочь императора Маврикия, возлюбленная Маркиана.

ЛЕОНТИНА

константинопольская патрицианка, бывшая воспитательница Ираклия и Маркиана.

ЕВДОКИЯ

дочь Леонтины, возлюбленная Ираклия.

КРИСП

зять Фоки.

ЭКЗУПЕР

константинопольский патриций.

АМИНТАС

друг Экзупера.

ОКТАВИАН.

МАЛЬЧИК
слуга Леонтины.
СТРАЖА.
ЗАГОВОРЩИКИ.

Действие происходит в Константинополе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Фока, Крисп.

Фока.

Крисп! Хоть слепит глаза корона горделиво,
Брильянты, что на ней горят, всегда фальшивы,
И ощущаем мы, лишь восходя на трон,
Всю тяжесть скипетра, который нам сужден.
Те радости, что власть сулит на расстоянье, —
Источник вечного и тайного страданья:
Боязнь лишиться их мешает их вкушать.
Занять престол легко, но трудно удержать,
Особенно таким, как мне, простолюдинам.

Безвестный воин, стать сумел я властелином,

Но пурпур, что добыл преступным мятежом,

Преступным вынужден отстаивать путем,

А чем я головы усердней отсекаю,

Тем на себя грозу вернее навлекаю.

Тиран, посеявший боязнь и гнев в сердцах,

Пожнет в свой день и час отчаянье и страх.

От них я двадцать лет, что правлю, не избавлен.

Мой трон на трупах тех, кто мной казнен, восставлен —

Всех опасался я и потому губил

Любого, кто царить меня достойней был.

Но кровь Маврикия с его пятью сынами,

Что на глазах отца убиты палачами,

Напрасно пролита, коль скоро стать она

Орудьем моего свержения должна;

Коль двадцать лет спустя считают почему-то,

Что избежал один царевич смерти лютой;

Коль веру этому враждебный мне народ,

Как ты доносишь, Крисп, с охотою дает;

Коль волен первый же обманщик самозваный

В Константинополе затеять бунт нежданный,

И чернь, обретшая кумира наконец,

За лжецаревичем ворвется во дворец.

Но кто ж это молвой был поднят из могилы?

Крисп.

Ираклием его столица окрестила.

Фока.

Смутьяны бы могли быть поумней чуть-чуть:

Я именем таким не устрашен отнюдь.

Для всех настолько смерть Ираклия бесспорна,

Что ясно каждому, сколь эта басня вздорна.

Он был еще так мал, что раненный копьем,

Вдруг начал истекать не кровью — молоком,

И в миг, когда смотрел на это я в испуге,

Меня настигла весть про смерть моей супруги.

Еще мне помнится, что прятал от меня

Какой-то доброхот ребенка два-три дня,

Но помогла дитя найти мне Леонтина,

За что я отдал ей на воспитанье сына:

Мой Маркиан, когда остался сиротой,

Был тех же лет, что тот, кто смерти предан мной.

Нет, этот слух нелеп, коль поразмыслить здраво.

Крисп.

Но легковерному народу он по нраву.

С ним тем не менее покончить навсегда —

А значит, бунт пресечь — ты можешь без труда.

Убив Маврикия со всей родней мужскою,

Ты дочь его в живых оставил с целью тою,

Чтобы с Пульхерией потом вступил в закон

Твой сын, которому ты завещаешь трон.

Отец ее и дед — Маврикий и Тиберий,

А к ним народ досель в такой привязан мере,

Что позабудет он, как ты венец обрел,

Коль их наследнице достанется престол,

И не прельстят толпу смутьяны тенью брата,

Когда сестрой бразды правленья будут

взяты,

Но с браком поспеши: в бою излишне рьян,

Собой сто раз на дню рискует Маркиан.

С войны последней он лишь чудом возвратился,

Не будь Леонтия, ты с сыном бы простился:

Лишь доблесть этого отважного бойца

Спасла царевича от плена иль конца.

Так пусть, коль смерть ему назначит рок жестокий,

Останется нам внук Маврикия и Фоки,

Чтоб люди, первого из дедов в нем любя,

Перенесли с него любовь и на тебя.

Фока.

Давно бы эту мысль привел я в исполненье,

Но все препятствует ее осуществленью.

Мой сын с Пульхерией сошелся только

в том,

Что в гроб обоим лечь милей, чем жить вдвоем.

Единые в своей взаимной неприязни,

Они наперекор идут мне без боязни.

Царевне — той совсем невыносим мой вид,

И хоть она еще приличия хранит,

Скорбь об отце ее, надменную, снедает

И каждый миг бросать мне вызов побуждает.

За это не на ней — на мне лежит вина:

Так матерью своей воспитана она,

А ту я пощадил, решив, что примирится

За доброту мою со мной императрица.

Крисп.

Правителю нельзя жалеть людей таких:

Кто уступает им, тот спесь вселяет в них.

Законна сила там, где просьбы были втуне.

Фока.

Вот этим я путем царевну и приструю.

За нею послано, и здесь она сейчас

Услышит от меня не просьбу, но приказ.

Крисп.

Она пришла.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Пульхерия.

Фока.

Оставь, Пульхерия, бунтарство.

Мы, медля с браком, вред наносим государству.

Давно необходим нам цезарь, и его,

Царевна, ты родишь от сына моего.

Не слишком у меня чрезмерные желанья,

Коль я тебя прошу за все благодеянья,

Которым с детских лет ты потеряла счет,

Лишь об одном — моих не отвергать щедрот.

Принять их от меня — честь, а не униженье.

Мой сын и мой венец достойны уваженья,

И счастлив я тебе их предложить опять,

А ты не помышляй мне снова отказать.

Я взять свое добром иль силой не премину.

Не чтишь во мне отца, так бойся властелина:

К повиновению он может привести

Тех, чью привязанность не в силах обрести.

Пульхерия.

Покуда выбирать давали мне спокойно,

Отстаивать себя старалась я пристойно

Из благодарности к тому, от чьих щедрот,

Как ты везде трубил, Пульхерия живет.

Но раз теперь себя ты выказал тираном,

С тобой начистоту поговорить пора нам,

Дабы усвоил ты, гонитель мой, что я —

Дочь императора, а не раба твоя.

Ты должен был себе поставить целью главной

Скрыть от меня, кто я и кто отец мой славный,

Коль впрямь меня мечтал настолько ослепить,

Чтоб захотелось мне твоей невесткой быть.

Подумай, чем прельстить меня ты хочешь ныне

И что мне за нужда в твоем венце и сыне,

Коль твой венец и так неоспоримо мой,

А сын — не пара мне, раз он рожден

тобой?

Ты щедростью меня отнюдь не восхищаешь:

Ведь коль твой сын со мной разделит мой венец,

По праву им владеть ты сможешь наконец.

Сегодня ты для всех тиран и узурпатор,

А не потомственный, законный император,

Но веришь, что тебя признают таковым,

Коль я вступлю в закон с наследником твоим.

Ты, истребив мой дом, одной мне дал пощаду,

Но этим предо мной бахвалиться не надо:

Причиною того, что я досель цела,

Не милосердие — политика была.

Расчет — вот что тебя ко мне расположило:

Ты сохранил меня, чтоб я тебе служи-

ла,

И предлагаешь мне свой ненадежный трон,

Чтоб под тобою впредь не колебался он.

Узнай же, какова Пульхерия на деле,

И позабудь свои несбыточные цели.

Я помню, что престол, где ты воссел, тиран,

От крови моего отца еще багрян;

Поэтому владеть им не желаю вновь я,

Покуда кровь на нем твоей не смыта кровью,

Покуда на него по мертвому врагу,

Как по ступеньке, я подняться не могу.

В тебе ни чтить отца нет у меня причины,

Ни, уж тем более, бояться властелина:

Не вынудят меня страшиться иль любить

Злодея, что велел моих родных убить.

Фока.

Молчал я потому, что вызнать мне хотелось,

Чем объясняется твоя, царевна, смелость,

Но докажу теперь, тебя, как встарь, любя,

Что тешишь ты пустой надеждою себя.

Не мни, что на твоем наследственном престоле

Без помощи твоей не усидеть мне доле:

Я двадцать лет венец и без нее носил,

По праву выбора, что войском сделан был.

Трон — не имущество, что к детям переходит.

Лишь войско на него правителя возводит,

И в день, когда оно меняет выбор свой,

Прощается былой избранник с головой.

Маврикия, увы, постигла та же участь,

И я его казнил, от состраданья мучась,

Но зная, что нельзя на это не пойти,

Коль я хочу страну от новых смут спасти.

Однако, трон вернуть его семье мечтая,

В живых оставил дочь покойного тогда я,

А ныне от меня принять прошу ее

То, что он потерял и что давно — мое.

Пульхерия.

Как заявлять простой мисийский{100} *сотник смеет,*

Что на престол права законные имеет

Он, на кого каприз толпы бунтовщиков

Случайно возложил венец моих отцов!

Как тот, кто к власти шел стезею преступленья,

Кто всех моих родных обрек на истребленье,

Оправдывать себя дерзает тем, что он

{100} Комментарии: 2.100

К стр. 252

Мисийский — то есть происходящий из Мисии (или Мизии), небольшой провинции Византийской империи.

Страну от новых смут спасать был принужден!

Но тратишь ты слова передо мной впустую,

Что в свой черед тебе сейчас и докажу я.

Знай: в Византии власть, хоть ею и у нас

Случалось завладеть мятежнику подчас,

Наследственной всегда считалась в полной мере.

Маврикия, как тесть, поставил к ней Тиберий,

А так как через них моя семья ведет

От Феодосия и Константина род[{101}],

То опозорила б себя я безвозвратно…

Фока.

Ну что ж, коль власть — твоя, возьми

{101} Комментарии: 2.101

К стр. 253

…от Феодосия и Константина… — Пульхерия называет римских императоров Феодосия I (правил в 379–395 гг.) и Константина (правил в 306–337 гг.). Оба они были прозваны Великими, в частности, за содействие распространению христианства.

ее обратно

И можешь говорить, мой щедрый дар кляня,

Что добрым сделало раскаянье меня,

Что холю я тебя и осыпаю лестью,

Чтоб тени жертв моих мне не грозили местью, —

Короче, можешь все, что хочешь, утверждать,

Чтоб ярости своей и скорби выход дать,

А я смирю себя и вытерплю в молчанье

Ту злобу, что в тебе селят воспоминанья.

Но сын мой здесь при чем? Как, будучи грудным,

Мог причинить он вред сородичам твоим?

И разве, доблестью столь щедро наделенный,

Не стоит он того, чтоб обладать короной?

В чем он моих надежд сполна не оправдал?

Кто благороднее царевича видал?

Не наделен ли он, как ты, душой такою...

Пульхерия.

Достоинства его — одно, твой грех — другое.

Их в нем достаточно, чтоб всех владык затмить,

И научилась я, твой враг, его ценить.

Да, восхищаюсь я все больше Маркианом,

Его отвагу чту, дивлюсь деяньям бранным

И лишь добра ему желаю оттого,

Что от меня твой сын не хочет ничего,

Что равнодушием ко мне он осуждает

Того, кто в брак вступить меня с ним принуждает,

И что печаль, его гнетущая сейчас,

Оправдывает мой решительный отказ.

Герой, хотя и сын преступника, к несчастью,

Он был бы мной любим, не будь рожден для власти:

Трон, на который он взойдет тебе вослед, —

Вот то, из-за чего я отвечаю «нет».

Ужель ты думаешь, что вправду я забыла,

Чья длань кровавая мою семью сгубила,

И сыну твоему наследника рожу,

И этим палача у власти утвержу?

Нет, коль ты вправду мнишь, что отделить сумею

Я сына от отца, героя от злодея,

Власть отдели и сам от сына своего,

Мне предложив одно: ее или его.

Подумай… Если же для Фоки оскорбленье —

Узнать, что женщина взяла бразды правленья,

Есть человек, меня достойнее стократ:

Мой брат Ираклий жив, как всюду го-

ворят,

И спор о власти он оружием уладит.

С престола прочь, тиран, — на нем монарх воссядет!

Фока.

Ужель, спесивица, в тебе так поднял дух

Неясный и ничем не подтвержденный слух

О неком призраке, восставшем из могилы?

На веру явный вздор принять ты поспешила,

Но…

Пульхерия.

Знаю, это ложь: чтоб завладеть венцом,

Ты истребил, злодей, весь наш злосчастный дом,

Но так желаю я тебе конца дурного,

Что самозванцу быть пособницей готова.

Коль он Маврикия зовет отцом своим,

То, без сомненья, схож хотя б немного с ним,

И больше прав дает на трон и на господство

В сравнении с тобой ему такое сходство.

Распущенный им слух поддержан будет мной.

Я клятвой подтвержу, что он мой брат родной,

И почести ему воздать как властелину

При взбунтовавшемся народе не премину.

А ты, коль у тебя случайно совесть есть,

От трона отрекись, как отреклась я днесь,

И должное себе воздай, не отлагая.

Фока.

Тебя казнив, воздам его себе сполна я.

Я добр, но ставлю долг превыше доброты.

Исчерпала до дна мое терпенье ты.

Побои заслужил трус, бить себя дающий.

Когда все сходит с рук, наглец смелеет пуще.

Кричи, грози, бесись, бахвалься что есть сил,

Верь слухам, кто бы их тайком ни распустил,

Тщись в мыслях на меня нагнать любые страхи,

Но завтра вступишь в брак иль встретишь смерть на плахе.

Пульхерия.

Я в выборе своем не затруднюсь никак:

Не смерть меня страшит, а ненавистный брак.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Ираклий и Маркиан.

В двух следующих явлениях все считают Ираклия Маркианом, а Маркиана — Леонтием; Ираклий знает, кто он на самом деле, Маркиан — нет.

Фока *(Пульхерии).*

Что хочешь говори, когда не надоело.

(Ираклию.)

Приблизься, Маркиан, и выслушай, в чем дело.

Сжить со свету, забыв признательность и стыд,

Вот эта фурия отца и сына мнит.

О лже-Ираклии был слух распущен ею,

Она сулит признать его родней своею,

Но справиться решил я с ней ценой любой:

Заутра ждет ее иль казнь, иль брак с тобой.

Ираклий.

Мой государь!..

Фока.

Изволь внимать без прекословья.

Ираклий.

Как ни растроган я родительской любовью,

Происхожденье, сан и долг мой, наконец,

Велят мне заявить, что ты не прав, отец.

Ты впал в чрезмерное самоуничиженье,

Решив, что без нее грозит нам низверженье.

Излишен этот брак — и без него мой род

Мне право быть твоим преемником дает.

Я горд и даже власть стыжусь считать за счастье,

Коль скоро женщине обязан этой властью.

Фока.

Что ж! Пусть она умрет, коль не нужна тебе.

Ираклий.

Подумай, государь, и о своей судьбе.

Мы разъярим толпу, которой мил Маврикий,

Коль сгубим дочь ее покойного владыки.

Слух об Ираклии столицу взволновал,

А казнь Пульхерии к восстанью даст сигнал.

Нет, чтобы вынудить спесивицу смириться,

Другую возведем мы в сан императрицы,

А эта с подданным пускай вступает в брак...

Фока.

Маврикий и в гробу мне столь опасный враг,

Что сыну мнимому его не склонен дать я

Союзника в лице доподлинного зятя.

Ираклий.

Есть у меня друзья, которые на ней...

Фока.

Там, где на ставке трон, не может быть друзей.

Он все глаза слепит, и недругом к тому же

Сумеет сделать нам она любого мужа.

Я тверд: она умрет.

Пульхерия *(Ираклию).*

Ах, не препятствуй мне
Из мира этого уйти к своей родне!
За смерть мою воздаст та молния, которой
Господь с лица земли сотрет тирана скоро,
И переполнить казнь Пульхерии должна...

Фока.

Вот видишь, сын, как нам признательна она!
Я приговор изрек. Коль к ней питаешь жалость,
Добейся от нее, чтоб свадьба состоялась,
Не то — и в этом я клянусь последний раз —
Ей завтра умереть придется за отказ.

Фока и Крисп уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Пульхерия, Ираклий, Маркиан.

Ираклий.

Зря он надеется, что я, тебя жалея,
Руки твоей искать желанье возымею.
Оправдан твой отказ: известно мне давно,
Что нам твой дом с моим связать не суждено.
Ждет нас удел иной по воле Всеблагого:
Другую я люблю и любишь ты другого.
Женой Леонтия ты рада будешь стать,
А я его сестрой мечтаю обладать.
Привязанность к тебе питает этот воин,
Я Евдокиею вниманья удостоен,
А Леонтина, мать почтеннейшая их,
Глядит на нас с тобой, как на детей родных,
И будь уверена, что уз любви подобной
Вовек не разорвать угрозе самой злобной.

Пульхерия.

Да, знаешь ты, к чему стремлюсь я всей душой.

Леонтий в ней царит, а мне он дан тобой,

И умножает в нем, царевич, эта милость

Все те достоинства, какими я пленилась.

Но думать о земном я не желаю впредь:

Не до любви тому, кто должен умереть,

И дух наш в этот миг, перед путем далеким...

Ираклий.

Нет, не склонимся мы пред деспотом жестоким,

С которым признавал досель свое родство

Я для спасения, царевна, твоего.

На горести твои всем сердцем откликаясь,

Я от сыновних чувств сегодня отрекаюсь

И рву с отцом, коль он тебе желает зла,

И счастлив буду смерть принять, чтоб ты жила.

Пульхерия.

Вот почему меня страшит не брак насильный,

Не мысль, что скоро я усну во тьме могильной,

А то бесстрашие, с которым ты идти

Готов на риск любой, дабы меня спасти.

Маркиан.

Царевич! Покорись и, в брак вступив с царевной,

Не допусти, чтоб вас постиг конец плачевный

Для блага тех, к кому любовью вы полны,

Над участью своей вы сжалиться должны.

Пусть доблесть сына вам преодолеть поможет

Ту ненависть, что в вас отец всечасно множит.

Из-за меня ему не дайте вас лишить…

Ираклий.

Что ты, Леонтий, мне пытаешься внушить?

Ты в битве спас меня, и у тебя в награду

Я отниму твою единую отраду,

И, самовластному тирану покорясь,

Свое достоинство втопчу навеки в грязь,

И, милой изменив, царевну обездолю,

И стану сам себе противен поневоле!

Тебя я знаю, друг, и долг тебе плачу.

Пока несчастлив ты, я счастья не хочу.

Коль ты Леонтию, царевна, всех дороже,

Тебе и Маркиан слугою будет тоже:

Они — одно, хоть их различны имена.

Но в миг решительный решительность

нужна.

Попробую сейчас я обратиться к Фоке,

Моля, чтоб отменил он приговор жестокий,

А если нет — ему я сделаюсь врагом,

Хоть сыном слыл его, а он — моим отцом.

Да, чтоб своих друзей не дать свести в могилу,

Я применю, коль то потребуется, силу,

И если будет мной насильник пощажен,

Пусть лже-Ираклию достанется мой трон!

Прощайте же!

Пульхерия.

Прощай, царевич благородный,

Ираклий уходит.

Столь со своим отцом-преступником несходный,

Столь славы и венца достойный! Как, тиран

Фока, от тебя родился Маркиан!

Но восхищаясь им, Леонтий мой любимый,

Не в страхе ждать грозы, а действовать должны мы.

Найдутся в городе сторонники у нас.

Народ волнуется. За дело сей же час!

Так честь тебе велит, а я в успех твой верю.

Маркиан.

Но ты заложницей останешься у зверя,

И руки мне скует боязнь, что головой

Заплатишь ты за бунт, который поднят мной.

Пульхерия.

На все приходится в опасности решаться.

Там, где везде беда, смешно беды бояться.

Пойдем обдумаем, какие средства есть

Удар без лишних жертв и побыстрей нанесть.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Леонтина, Евдокия.

Леонтина.

Его доверчивость не зря меня страшила!

Евдокия.

Как он, любя меня, таиться мог от милой?

Леонтина.

Он в тайну был тебя не вправе посвящать:

Вы редко, девушки, умеете молчать,

И если уж она тебе известна стала,

Ты хоть кому-нибудь ее да разболтала —

Подруге, например, с завистливой душой

Иль не умеющей хранить секрет чужой.

Добилась ты того, что ныне, Евдокия,

Лишь об Ираклии толкует Византия,

Что деспот вскорости узнает, кем и как

У смерти вырван был его заклятый враг,

Которого считал он двадцать лет за сына,

И тут уж не уйдет царевич от кончины,

А с ним и ты, в кого он пламенно влюблен,

И я, которою от Фоки он спасен.

Вот что такое, дочь, не соблюдать молчанья!

Евдокия.

Упрекам матери вняла я без роптанья,

Но слух теперь пора и ей ко мне склонить,

Чтоб больше дочь свою в измене не винить,

Затем что следует именовать изменой

Неумолчание о тайне столь священной.

Леонтина.

Кто ж разгласил ее? Быть может, мать твоя

Иль сам царевич?

Евдокия.

Нет, ни ты, ни он, ни я.

О чем шумит молва? О том, что жив Ираклий,

Но о подробностях и речи нет, не так ли?

Нигде не говорят, что ты взамен него

На казнь отправила ребенка своего;

Что Фока, этого не разгадав обмана,

Воспитывать тебе доверил Маркиана,

Вместо которого — уж как, я не пойму —

Ты и подсунула царевича ему;

Что брата моего в родном он видит сыне,

Хотя Леонтия нет больше и в помине,

И что не кровь свою — Ираклия тиран

Так сильно любит в том, чье имя Маркиан.

Об этом бы давно шли толки по столице,

Случись мне где-нибудь и впрямь проговориться.

Но знают лишь одно: царевич уцелел,

А как — о том никто проведать не сумел,

И кажется, что он взялся невесть откуда:

В неведомом всегда мы склонны видеть чудо.

Иные даже мнят, что волею небес,

Чтоб Фоку покарать, из мертвых он воскрес.

Но жалует сюда он сам.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Ираклий.

Ираклий.

Пора приспела

С опасной тайны снять покров молчанья смело.

Встревоженный молвой тиран столь лют сейчас,

Что промедление губительно для нас.

Нет, подозрений он на счет мой не питает;

Напротив, выдумкой нежданный слух считает

И в послушании моем уверен так,

Что мнит мне навязать ему желанный брак.

Слух обо мне свести на нет он мною хочет,

В зятья Маврикию его же сына прочит

И, чтоб его венцом по праву обладать,

Сестру родную мне намерен в жены дать.

Ей ненависть, а мне боязнь кровосмешенья

С презреньем отмести велят его решенье,

Но невдомек ему, что нам союз такой

Строжайше возбранен природою самой,

И он Пульхерии, хоть та не знает страха,

Сказал, что ждет ее заутра брак иль плаха.

Я не смягчил его, и, чуть блеснет восход,

От смертного греха лишь смерть ее спасет.

Итак, не время ли притворство нам оставить,

От притеснения мою сестру избавить,

Дать мне Ираклием назваться наконец

И устранить того, кем свергнут мой отец?

Леонтина.

Раз только казнь сестры иль брак преступный с нею

Грозят тебе сейчас со стороны злодея,

Благодарю судьбу за то всем сердцем я,

Что не в опасности покуда жизнь

твоя.

Твое бесстрашие — вот чем устрашены мы.

Сдержи свой гневный пыл, царевич досточтимый,

И коль уж деспота ты не насторожил,

Под видом отпрыска его живи, как жил.

Сколь на Пульхерию ни зол тиран жестокий,

Найду я способы умерить ярость Фоки,

Расстроить этот брак иль сильно оттянуть,

Но рисковать собой не должен ты отнюдь.

Коль в этом слово дашь, я ей помочь способна.

Ираклий.

Но вправе ль упускать мы случай столь удобный?

Хоть и неведомо, кем был распущен слух,

В народе пробужден уже мятежный

дух.

Всем кажется, что длань занес судья небесный

Над тем, кто на престол взошел стезей бесчестной;

Что для того молве позволил бог разнесть

О юном отпрыске Маврикиевом весть,

Чтоб видеть в нем страна владыку приучилась

И с ним на деспота открыто ополчилась.

Народу, ждущему Ираклия давно,

Навстречу не пойти — опасно и грешно.

Вдруг имя, что принять колеблюсь я доселе,

Обманщик дерзостный присвоит в самом деле,

И Фоки трон займет, и жизни я лишусь

За то, что ныне стать самим собой страшусь?

Когда окажется он новым властелином,

Паду я вместе с тем, чьим почитаюсь сыном:

Ведь самозванца мы не сможем убедить

Мне имя и венец отцовский возвратить.

Леонтина.

Нет, от опасности и этой средство зная,

Тебе не дам мятеж возглавить никогда я,

Но, тайну своего рождения храня,

Верь не в любовь толпы, царевич, а в меня.

Мне кажется, вполне я заслужила это.

Тебе я жизнь спасла в младенческие лета

И не остановлюсь теперь на полпути,

Но дело до конца сумею довести.

За смерть Маврикия я Фоку уничтожу,

Но совершить сама хочу и мщенье тоже.

Как был у палачей ты в детстве вырван

мной,

Так будешь и венцом обязан мне одной.

Крепись, молчи и жди, иль прахом в миг единый

Пойдут все двадцать лет усилий Леонтины.

Евдокия.

Коль ты к моим слезам не глух, свой гнев уйми,

Иначе честь свою уронишь пред людьми.

Не тщись тирана сам подвергнуть наказанью:

Увидят в этом все не кару — злодеянье.

Толпа решит, что был по воле неба он

Погибнуть от руки сыновней осужден,

И, за убитого отца отмстив по праву,

Стяжаешь ты себе отцеубийцы славу.

А если правду ты доказывать начнешь,

Молва усмотрит в ней расчетливую ложь,

Которою прикрыть ты хочешь преступленье,

И это омрачит навек твое правленье.

Я знаю, за родню мечтаешь ты воздать...

Ираклий.

И ты туда ж? Сдаюсь. Напрасно слов не трать.

Длить бесполезный спор я не дерзну, конечно,

Ни с милою, ни с той, кому обязан вечно,

И тайну не свою не выдам никогда,

Чтоб не сочли, что мне признательность чужда.

К тому ж любой мой шаг — ребячество пустое,

Покуда мать твоя не объявила, кто я;

Да и престол не мне — тебе принадлежит:

Чтоб я его стяжал, Леонтий был убит,

И, власть вручив сестре, лишь заплачу я брату

За то, что у него взял жизнь взаймы когда-то.

Нет, я тебя избрал возлюбленной своей

Не потому, что долг хотел отдать скорей;

Но мысль о нем свела меня с тобою властно,

Любовь к тебе во мне питала ежечасно

И так усилила сиянье глаз твоих,

Что ночью кажется теперь мне день без них,

Верь, в Византии я мечтаю воцариться

Лишь для того, чтоб ты была императрицей,

И только потому веду игру с судьбой,

Что жажду разделить свой выигрыш с тобой.

Легко бы избежать я мог кровосмешенья,

Покинув этот край в порыве отвращенья,

Но коль отвергну сан, что ты носить должна,

Его из-за меня ты будешь лишена,

И должником твоим придется мне

остаться.

Решай, когда и как нам лучше рассчитаться.

Коль власть захочешь взять, вели занять мне трон.

Но, за сестру боясь, просить я принужден,

Чтоб с матерью вдвоем вступились за нее вы,

Иль действовать я сам примусь заутра снова.

Леонтина.

Забудь, царевич, страх и верь моим словам:

Я ни казнить ее, ни обвенчать не дам.

Ираклий уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Леонтина, Евдокия.

Леонтина.

Мне притворяться, дочь, не следует с тобою.

Раз ты любима им, я все тебе открою

И посвящу тебя во все свои дела,

Чтоб ты мне на своем поставить помогла.

К царевне подлинный наш Маркиан привязан.

Внушим ему, что он спасти ее обязан:

Пусть, страстью движимый, восстанет на того,

Кто угрожает нам и породил его.

Коль я Леонтия им подменить решилась

И сына кровного из-за него лишилась,

То лишь затем, чтоб он, когда наступит час,

Стал, повинуясь мне, отмстителем за нас.

К отцеубийству мной он предназначен.

Евдокия.

Боже!

Леонтина.

Нам слова этого бояться, дочь, негоже.

Пусть деспота сразит сыновняя рука,

Затем что для него другая казнь мягка.

Коль небо молнии на Фоку пожалело,

Отцеубийством мы ее заменим смело,

А коль мятежный сын отца не порешит,

Сыноубийство тот немедля совершит,

И за Леонтия, погибшего безвинно,

Сын иль отец прольют кровь иль отца иль сына.

Мой замысел сулит им смерть — и поделом.

Ценой их жизней мы Ираклия спасем.

Евдокия.

Но спорю, покарать отца такого надо,

Но разве сын такой не заслужил пощады?

Ужель во зло ему, чьи мысли так чисты,

Его неведеньем воспользуешься ты?

Леонтина.

Нет, отпрыск деспота не стоит снисхожденья.

Злодейств отцовских груз влачит он от рожденья,

И сколько совершенств в нем ни заключено,

Вина родителя кладет на них пятно.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и мальчик-слуга.

Мальчик-слуга.

Здесь Экзупер. Он ждет у госпожи приема.

Леонтина.

Вот неожиданность! Я с ним едва знакома.

Впусти его.

Мальчик уходит.

Но чем был приведен сюда,

Ко мне, которая ему совсем чужда,

Он, чей отец казнен безжалостным тираном?

Есть тайна некая в его приходе странном…

Дочь! Я была права: язык — твой худший враг.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Экзупер.

Экзупер.

Ираклий, госпожа, нашелся.

Леонтина *(Евдокии).*

Видишь?

Евдокия.

Как…

Леонтина *(Евдокии).*

Молчи!

(Экзуперу.)

Давно ли?

Экзупер.

Нет, не будет часу даже.

Леонтина.

Он императором, конечно, взят под стражу?

Экзупер.

Тиран еще о нем никем не извещен.

Леонтина.

Неужто?

Экзупер.

Госпожа, не бойся: вот и он.

Леонтина.

Здесь лишь Леонтий.

Экзупер.

А, довольно лицемерить!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Маркиан.

Маркиан.

Могу ли я письму Маврикия поверить?

Поддельным нам его иль подлинным считать?

Родитель, госпожа, он мой иль ты мне мать?

Прочти скорей письмо, знакомый почерк вспомни

И напрямик ответь, лжет или нет оно мне.

Леонтина *(читает письмо).*

«Обманут Фока оттого,

Что выдать палачам ребенка своего

Взамен Ираклия сумела Леонтина.

Пусть те, что до конца остались мне верны,

Окажут помощь ей в спасении страны,

И чтят в Леонтие Маврикиева сына.

Маврикий».

(Возвращает письмо Экзуперу.)

Письмо не лжет. Пеклась я о тебе в тот миг,

Когда в столицу рать ввел Фока-бунтовщик.

Тебя мне поручив, почтил меня Маврикий,

И оправдала я доверие владыки.

В темницу бросили с ним четырех сы-

нов,

А пятого я скрыть сумела от врагов,

Но найден быть он мог с минуты на минуту,

И сын мой отдал жизнь, чтоб сохранил свою ты.

На муку смертную ты мною выдан был,

Но имя, а не плоть твою тиран убил.

Мой долг пред тем, чей трон захвачен гнусным Фокой,

К самой себе меня заставил быть жестокой:

Под топором погиб не ты — мой сын родной.

Злодей дался в обман, что был подстроен мной,

И сжил взамен тебя Леонтия со свету.

(Вздыхает.)

Ах, государь, не ставь в вину мне слабость эту!

За отнятую жизнь хотя бы вздох вернуть

Мне преступлением не кажется отнюдь.

На время заглушить я зов природы властна,

Но голоса лишать ее не тщусь напрасно.

Моей уловкой так был Фока ослеплен,

Что благосклонностью ко мне проникся он

И весь наш дом взыскал щедротами своими,

Но докучать тебе я не желаю ими.

Я тайну от тебя скрывала сколь могла,

Затем что выжидать принуждена была,

Покуда доблестью ты не докажешь миру,

Что, без сомнения, рожден носить порфиру,

И случай нам не даст надежду на успех,

Как дал сегодня слух, что на устах у всех.

Поскольку твой отец, не зная о подмене,

Ничем не подтвердил твое происхожденье,

Боялась я, что, коль о нем скажу одна,

Поверить не дерзнет моим словам страна.

Экзупер.

Тиран Маврикия не сразу обезглавил.

Он казнь сынов узреть сперва его заставил.

Подмену видя, тот хотел ей помешать,

Но было палача уже не удержать;

Когда ж над жертвою секира проблистала,

Расчета обличать обман уже не стало.

Маврикий Феликсу, пришедшему в тюрьму,

О тайне рассказал и дал письмо ему,

Надеясь, что в свой срок тебе твои признанья

Поможет подкрепить подобное посланье.

Недавно в смертный час открылся Феликс мне

И молвил: «Экзупер! Тебе, своей родне,

Я завещаю трон вернуть монарху снова

И за отца отмстить сурово».

Я, тайной завладев, проверил наперед,

Какое действие она произведет:

Слух о тебе пустил, царевич, по столице,

Дал, втайне от тебя, ему распространиться

И, убедясь, что ждет тебя народ давно,

Всех, кто тирану враг, сумел сплотить в одно,

Хоть тем, что знаю сам, не поделился с ними.

В тебе им дорого покуда только имя,

И только этим вот двум женщинам сполна

Известно, что из них содеяла одна.

Ответ на свой вопрос услышал от нее ты

И должен ей воздать теперь за все заботы.

Народ готов восстать, друзья тебе верны,

Тиран дрожит, его клевреты смущены.

Вели же нам страну от деспота избавить

И, низложив его, с позором обезглавить.

Маркиан.

Так поражен я тем, что услыхал от вас,

Что трудно с мыслями собраться мне сейчас.

Я помнил, госпожа, с пелен, что всем обязан

Той, с кем, как полагал, сыновним чувством связан,

Но долг мой больше стал, с тех пор как понял я,

Что, жизнь мне подарив, ты все ж не

мать моя.

Однако не хочу благодарить тебя я

Сейчас, когда в таком смятенье пребываю.

Ты знаешь, я любил, и вот сестрой моей

Вдруг стала девушка, что жизни мне милей.

Я обретаю трон, возлюбленной лишаясь,

О том, что потерял, всем сердцем сокрушаюсь,

Противоборство чувств унять бессильно тщусь

И меж отчаяньем и торжеством мечусь.

Но честь велит забыть мне о тоске бесплодной.

Возглавить я готов союз ваш благородный

И скоро, Экзупер, приду к друзьям твоим,

Но дай нам с госпожой поговорить одним,

А сам тем временем устрой все чин по чину,

Так, чтоб, убив отца, вреда не сделать сыну:

Лишь кровь в нем общая с тираном, но из жил

Дурную эту кровь в сраженьях он излил.

Экзупер.

Тебе ответим мы слепым повиновеньем

И будем ждать тебя царевич, с нетерпеньем.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Леонтина, Евдокия, Маркиан.

Маркиан.

Я верю, госпожа, что ты была всегда

Своекорыстия презренного чужда

И в тайну не дала проникнуть мне доныне

Лишь по изложенной сейчас тобой при-

чине.

Другие бы сочли все это за обман:

Мол, любит дочь твою царевич Маркиан,

И материнскому тщеславью поддалась ты,

Для чада кровного взалкав верховной власти,

А мне, дабы смягчить печальный жребий мой,

Внушив уверенность, что я твой сын родной.

Но мысль подобную с презреньем отстраняя,

Одно тебе в вину я все-таки вменяю:

Зачем дала мне ты, кого я чтил, как мать,

Кровосмесительной любовью воспылать?

Зачем позволила к сестре питать влеченье?

Леонтина.

Я рассказала б все тебе до обрученья,

Хоть Фока бы и так не допустил его —

Царевну прочит он за сына своего.

Хотела, государь, я, чтобы, движим страстью,

Ты доблестью стяжал себе права на счастье

И, видя, что тебе отказывают в нем,

Бесповоротно стал обидчику врагом.

В своих надеждах я ничуть не обманулась:

Любовь в тебе враждой к тирану обернулась,

Да и рука твоя была б в бою слабей,

Когда бы силу страсть не придавала ей.

Царевич! До конца иди дорогой славы,

И в миг, когда грозит Пульхерии расправа...

Маркиан.

Не лучше ль, чтоб я сам к тому ее склонил,

Чего насилием добиться деспот мнил?

Любя меня, она противилась тирану,

Но в этом смысла нет, раз я ей братом

стану,

А кто ж ее руки достойней, чем мой друг?

Леонтина.

Что в голову тебе взбрело, царевич, вдруг?

Маркиан.

Да то, что партии мешая столь прекрасной,

Я, как мне кажется, пойду на риск напрасный

И слишком поспешил, решив возглавить тех,

Чей дерзкий замысел едва ль сулит успех.

Проникнуть к деспоту им не позволит стража.

Но если им убить его удастся даже,

Стыдиться буду я до гроба, что взошел

Ценою низкого злодейства на престол.

Не подобает ли мне, воину, с тираном

Померяться лицом к лицу на поле бранном

И власть законную вернуть себе в бою,

Отмстив тому, кто встарь сгубил мою семью?

Вот это обсудить я и намерен с тою,

Кто из возлюбленной мне сделалась сестрою.

Вы ж обе…

Леонтина.

Государь, постой! Поговорим.

Маркиан.

Мне в этот трудный миг совет необходим,

А у тебя сейчас, прости уж ради бога,

И без Ираклия забот чрезмерно много.

Не сомневаюсь я, что ты честна со мной,

Но наставлений жду лишь от души родной.

Прощай!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Леонтина, Евдокия.

Леонтина.

Все путь сейчас мне преграждает к цели.
Себя всесильной мня, бессильна я на деле
И вижу, милостям судьбы теряя счет,
Что прахом замысел мой дерзостный идет,
Как будто некая таинственная сила
Мои усилия свести на нет решила.
Письмо, которое принес мне Маркиан,
Сильней, чем я сама, ввело его в обман,
И сын родителя возненавидел яро,
Но в миг, когда занес он руку для удара,
Природа, вопреки намереньям моим,
Воздвигла тайную преграду перед ним.
Обманут правдой он, но не прельстился ею;
Спасает то, чему душой враждебен всею,

И не предотвратить, но облегчить, боюсь,

Кровосмесительный попробует союз.

Евдокия.

По крайней мере, мать, могла ты убедиться,

Что слух не мною был распущен по столице;

Но я дивлюсь, зачем тебе, чтоб был лишен

Ираклий имени и прав на отчий трон,

К которому вполне способны стать ступенью

Письмо и данное тобою подтвержденье?

Коль Маркиану впрямь достанется престол,

Захочет ли терять он то, что приобрел,

И возвратить, едва назад возьмешь ты слово,

Власть императору наследственному снова?

Леонтина.

Столь любопытной быть не надо, дочь моя,

Но повторяю вновь, что все улажу я.

Пойдем-ка поскорей отыщем Экзупера

И с ним подумаем, какие взять нам меры.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Маркиан, Пульхерия.

Маркиан.

Созна́юсь, госпожа, — тебя зову я так,
Поскольку звать сестрой не приучусь никак, —
Что в дни, когда мечтой отважился подняться
До той, с кем знатностью отнюдь не мог равняться,
Я спрашивал себя, как стал настолько смел,
Что робость пред тобой преодолеть сумел,
И сердце мне в ответ украдкой говорило,
Что есть в Леонтие неведомая сила,
Которою влеком, наперекор всему,
Он за предел, судьбой поставленный ему.

Пульхерия.

Я помню, и сама нередко ощущала,

Что страсть к тебе мою природу возмущала,

Но как любовный пыл я потушить могла,

Коль мать моя сама во мне его зажгла?

Императрица так шепнула в час кончины,

Когда ей дали яд за то, что Фоке сына

Мешала всячески на мне она женить:

«Дочь! Хоть тиран тебя к замужеству склонить

Любыми средствами пытаться будет ныне,

Супруга для тебя дай выбрать Леонтине:

У ней хранится клад, что станет мил тебе».

И Леонтину я приблизила к себе,

Считая ложным слух, что довелось когда-то

Ей выдать моего еще грудного брата,

А также слово «клад» толкуя как «супруг»,

Затем что нас с тобой она свела, мой друг.

Так, материнскому покорна повеленью,

Презрела я свое высокое рожденье

И отгоняла мысль о том, что над тобой

Я тем не менее вознесена судьбой.

Дабы со слабостью своею примириться,

Твердила я себе: «Леонтий твой — патриций

И доблестью своей с тобою уравнен.

Быть императором такой герой рожден,

И можешь ты любить, за выбор не краснея,

Того, чье мужество страною чтимо всею».

Смягчалась сердцем я от доводов таких,

Хоть не любовь, а кровь подсказывала их,

И страсть-обманщица над голосом природы

Верх у меня в душе брала все эти годы.

Маркиан.

Увы, сестра моя, — поскольку мне пора,

Узнав, кто я, тебя именовать «сестра», —

Как дружбе свойственно любовью заменяться,

Как нашей склонности нам сладко подчиняться!

Но для кого любовь должна лишь дружбой стать,

Тому в его тоске нельзя не сострадать,

Затем что смерть — и та не большее мученье,

Чем для влюбленного от милой отреченье.

Заветнейших надежд лишен природой я:

Внушает ужас мне теперь любовь моя.

Став тем, чем стал, я тем, чем стать хочу, не стану.

О, если бы и впредь я верить мог обману,

На правду горькую набрасывать покров

И так же, как досель, не знать, кто я таков!

Пульхерия.

Ты слишком мной любим, чтоб не понять могла я,

Как страждешь ты, во мне любимую теряя,

Но облегчают мне с возлюбленным разрыв

К тирану ненависть и мысль, что брат мой жив.

Как ты, порвав любви желанные оковы,

От боли застонать была и я готова,

Но память бы о них навеки прокляла,

Когда б по слабости слезинку пролила.

Удар меня настиг, но не сломил нимало.

Под тяжестью его душой я устояла.

Был, словно пламя, чист во мне любовный пыл:

Как честь зажгла его, так долг и погасил.

Любимого лишась, я получила брата.

Приобретение мне возместит утрату,

И буду я считать счастливицей себя,

Коль за родных отмщу, тирана погубя.

А ты, к владычеству предызбранный судьбою,

Сумей сначала стать владыкой над собою

И докажи стране свои права на власть,

В себе, как я, смирив бунтующую страсть.

Маркиан.

Дочь императора, взрастала ты в сознанье

Того, к чему твое обязывает званье:

Пульхерией тебя зовут, а потому

Вольна приказывать ты сердцу своему.

Но я, приученный к не столь высокой

доле,

Не наделен такой несокрушимой волей,

И окончательно не властен, может быть,

В себе Леонтия Ираклий подавить.

Молю, чтоб ты меня за слабость извинила:

Не брат твой тут стенал от горести — твой милый.

Но не стыдись речей, что вел один с тобой:

Делами тотчас же искупит их другой.

Возглавить заговор согласен я, коль скоро

В убийстве деспота не видишь ты позора,

Коль человек такой, как у тебя, души

Считает, что в борьбе все средства хороши.

Но с просьбою к тебе дозволь мне обратиться.

Пульхерия.

За счастье я почту для брата потру-

диться.

Маркиан.

Раз больше мне вступить нельзя с тобой в закон

И возвести тебя я не могу на трон,

Вручи свою судьбу и сердце Маркиану.

Пусть друг мой будет тем, чем я уже не стану.

Пульхерия.

Коль скоро не дано тебя мне взять в мужья,

Отречься предпочла б от брака вовсе я,

Но объяснят, боюсь, подобное решенье

Упорной склонностью моей к кровосмешенью.

Итак, вступлю в закон я с тем, кого сейчас

Ты, император мой, избрать мне дал приказ,

И чту, и высоко я ставлю Маркиана,

Но смой с него сперва грехи отца-тирана

И сделай так, чтоб мог мой будущий жених

Отныне первым стать из подданных твоих.

Маркиан.

Я к этому стремлюсь, но если не сумею

Иль опоздаю трон отнять у лиходея,

Тебе не жить; к тому ж убить и сына с ним

Взбредет, того гляди, на ум друзьям моим.

Пойди же под венец, чтоб избежать могилы,

Спаси двух человек, чьи жизни мне столь милы;

Себя, мою сестру, — от горького конца

И друга моего — от участи отца.

Устрой все так, чтоб в день грядущего восстанья

Мой шурин не понес за Фоку наказанья

И чтобы радостью тиран был ослеплен

В тот миг, когда вдвойне быть должен зорок он.

Пульхерия.

Но, прежде чем над ним гроза восстанья грянет,

Я дочерью ему, а он отцом мне станет.

Смогу ль тогда питать я ненависть к тому,

Кого должна любить по долгу своему,

И помогать тебе сживать его со свету,

Отцеубийственной считая помощь эту?

К тому ж сомнителен успех твой до сих пор.

Вдруг донесут на вас? Вдруг встретишь ты отпор?

Как мне вернуть себе, коль ждет тебя кончина,

Права на власть, что дам я Фоке через сына?

Что, если я за миг, о коем вел ты речь,

На муку вечную должна себя обречь?

Нет, движет ненависть тобою неумело:

Родившись только что, она еще незрела.

Моя сильней стократ, и глаз у ней острей,

И сгинет вслед за мной весь этот мир скорей,

Чем даже пред лицом кончины неминучей

Счесть дочерью меня тирану дам я случай.

Достоин сын его супругом стать моим.

Любим тобою он, и мной весьма ценим.

Его вина лишь в том, что он злодея чадо.

Чтоб смыть с него пятно, покончить с Фокой надо:

Того, кто мне сужден, очистит этот шаг

И будет, стало быть, оправдан им мой

брак.

Готовься же свершить переворот удачный

И кровью деспота скрепить союз мой брачный...

Но что за демон злой сюда его ведет?

Маркиан.

Я предан, госпожа: с ним Экзупер идет.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Фока, Экзупер, Аминтас и Крисп.

Фока.

О чем с царевной вы беседуете чинно?

Не моего ль ты ей сосватать хочешь сына?

Маркиан.

Да, сватаю.

Фока.

И ты добился своего?

Маркиан.

Она мне поклялась, что выйдет за

него.

Фока.

Спесивица с тобой кротка необычайно…

Когда же?

Маркиан.

От меня осталось это тайной.

Фока.

Тогда тебя спрошу я кой о чем другом.

Мне говорили, ты с Ираклием знаком.

Свести ты, моего наследника приятель,

Нас с ним обязан.

Маркиан.

Свел вас этот вот предатель.

Экзупер.

Пред императором своим я долг блюду.

Маркиан.

Да, и притом у всей столицы на виду.

Фока.

Взгляни-ка на письмо, что в руки мне попало.

Но для меня его, Леонтий, слишком мало:

Ты должен подтвердить то, что прочел я тут.

Маркиан.

Леонтий мертв. Меня Ираклием зовут,

И обращайся так ко мне, коль знаешь это:

Я обречен, со мной хитрить расчета нету.

Фока.

Ты жизни и венца лишить меня хотел,

И казнь за это — твой заслуженный удел.

Маркиан.

Лишь выполнял я долг перед самим собою.

Покорствуя тебе и не воздав с лихвою

За кровь моих родных, что к небу во-

пиет,

Я опозорил бы прославленный свой род.

Тот, кто рожден на свет, чтоб обладать державой,

Не вправе уступать другому это право,

И у него один лишь выбор — смерть иль власть.

Он трус, коль не сумел стяжать престол иль пасть.

Заране знаю я, что обречен кончине.

Так, как Леонтий жил, умрет Ираклий ныне.

Жизнь прожил подданным достойно я вполне,

Монархом встречу смерть достойнее вдвойне.

Ей страхом не дано исполнить дух высокий.

Встречался, сотни раз я с нею ради Фоки,

Чьего наследника спас от нее в бою,

Когда над ним она воздела длань свою.

Фока.

Ты не разжалобишь меня спасеньем друга:

То не Ираклия — Леонтия заслуга.

Мне оказал ее к своей же чести он

И был за это мной по-царски награжден.

Под именем одним жизнь сохранил ты сыну,

А под другим — отцу готовить стал кончину;

Покуда был слепым — в беде мне пособил,

Когда прозрел — меня едва не погубил.

Я был отцом, теперь я буду властелином,

И раз Леонтий стал Маврикиевым сыном,

Мне время доказать мятежнику пришло,

Что за добро платя, плачу я и за зло.

Маркиан.

Я знаю, сколь чужда признательность тирану,

И низкой тешиться надеждою не стану:

Не даст злодею тот, чей дух всегда высок,

Великодушием бахвалиться предлог.

Да и зачем тебе дарить мне жизнь, коль скоро

Без трона для меня она равна позору?

К лицу ль Ираклию жить под пятой твоей?

Верни ему престол, а нет — его убей.

Коль хочешь уцелеть, будь строг неумолимо:

Вовеки жизнь моя с твоей несовместима.

Что ты ни делай, я не примирюсь с тобой.

Коль пощадишь меня — прощайся с головой,

Напомнил о твоем спасенном мною сыне

Я лишь затем, чтоб ты одно усвоил ныне:

Коль так бестрепетен Леонтий был

в боях,

То чужд Ираклию уж и подавно страх.

Мне императором милей уйти из мира,

Чем жить со славою, но не нося порфиры,

И раз мой сан дано судьбой мне обрести

Лишь в миг, когда скажу я бытию: «Прости!» —

Долг умереть велит так, чтоб по блеску равным

Короткий этот миг стал жизням самым славным.

Упрочь же власть свою, на казнь меня отправь

И от общения с тобой скорей избавь.

Фока.

Посмотрим, так ли горд пребудешь до конца ты.

Крисп! Отвести его вели ко мне в палаты,

И пусть под стражею находится он

там,

Пока приказ казнить смутьяна я не дам.

Маркиан *(Пульхерии).*

Прощай, сестра, и верь, что не по доброй воле

Тебя я не сумел спасти от рабской доли,

Но избавленье бог тебе еще пошлет!

Маркиан и Крисп уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Пульхерия, Фока, Экзупер, Аминтас.

Фока.

А ты перечить мне и не мечтай вперед.

Ираклий схвачен мной. Могу вздохнуть теперь я,

Не надо мне терпеть твое высокомерье.

Мы брата твоего не одного казним:

Умрут, спесивица, твои надежды с ним.

Не удивляй же зря нас самообладаньем,

Дай выход жалобам и волю дай рыданьям.

Пульхерия.

Слез от меня, тиран, не жди. Я их лила б,

Когда бы видела, что брат мой духом слаб,

Что леденит его дыханье смерти близкой,

Что он себя срамит мольбой пустой и низкой

И заслужил тобой назначенную казнь,

Надеждой обольстясь иль выказав боязнь.

Но доблестным, как жил, он до конца остался:

Ни в чем винить судьбу и небо не пытался,

Не тщился от руки разящей ускользнуть,

До гнева на нее не снизошел отнюдь,

Неблагодарностью не попрекнул злодея

И, в смертный час собой по-прежнему владея,

Принять с достоинством и твердостью сумел

Свой неожиданно ниспосланный удел.

Возлюбленного в нем любила я когда-то,

Теперь еще сильней в нем полюбила брата

И тем горжусь, что он достоин был вполне

Как быть возлюбленным, так стать и братом мне.

Фока.

Ну что ж, раскрой себя, раскрой передо мною

И, добродетелью не чванясь показною,

Супругой сыну стань, дабы отца смягчить

И участь братнюю тем самым облегчить.

Пульхерия.

Не мнишь ли ты, что я, твоим посулам веря,

Себя перед тобой в такой унижу мере?

Хоть брату жизнь купить готова смертью я,

Пусть он умрет, коль ей цена — рука моя!

Фока.

Что ж, он умрет, и в том лишь спесь твоя виновна.

Пульхерия.

Но скоро и тебе отмстит Судья верховный:

Он не дал поразить тебя руке людской,

Затем что сам свершит расправу над тобой,

К посредству нашему прибегнуть не желая.

Коль брата кровного в Леонтии нашла я,

То, может быть, спасти от палачей твоих

Сумели четырех царевичей других.

В стране, что стольких бед ждала от их кончины,

Есть много смельчаков помимо Леонтины.

Обманут ими быть мог ты, провинциал,

Который при дворе ни разу не бывал.

Пусть полнит эта мысль тебя, злодей, испугом.

Царевичи еще воскреснут друг за другом,

Но не увидишь ты в лицо их до тех пор,

Покуда в свой черед не ляжешь под топор.

А не воскреснут — я сама наградой стану

Тому, кто принесет мне голову тирана,

И соглашусь рабой смиреннейшею быть

Ему за то, что он дерзнул тебя убить.

Казни Ираклия и спор не дли со мною:

Я добродетелью не чванюсь показною
И внять благоволю тебе в последний раз.
Коль хочешь царствовать, убей обоих нас.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Фока, Экзупер, Аминтас.

Фока.

Смеюсь я над ее угрозами пустыми.
Кому страшны слова, коль силы нет за ними?
Пусть, как угодно ей, она меня честит:
Мне кровь Ираклия обиду возместит.
А вы, друзья, кого я почитал врагами
И кто свою любовь мне доказал делами,
Не дав сопернику лишить меня венца,
Должны, что начали, доделать до конца.
Так посоветуйте, как более нам сходно
Казнить Ираклия — тайком иль все-

народно.

Славнее иль верней избрать нам лучше путь?

Экзупер.

Естественно, второй, но в том его и суть,

Что должен весь народ узнать о казни этой,

Иначе, ложною надеждой подогретый,

Искать Ираклия он примется опять

И самозванцу даст себя на бунт поднять.

Фока.

Ты полагаешь, чернь мы тем обескуражим,

Что голову его на улицах покажем?

Экзупер.

Нет, если во дворце твоем она падет,

Усмотрит лишь обман в случившемся народ

И возомнит, что жив его давнишний идол,

Что за Ираклия Леонтия ты выдал
И не с соперником, а с призраком его
Покончил за стеной чертога своего.

Фока.

Письмо Маврикия дадим мы на прочтенье.

Экзупер.

Его подделкою объявят, без сомненья.
Доподлинна рука писавшего иль нет —
Не скажет этого никто чрез двадцать лет.
Уж коль намерен ты страну от смут избавить,
Изволь мятежника на людях обезглавить,
Да так, чтоб подтвердил толпе пред смертью он,
Что был Ираклием и вправду наречен.

Фока.

Согласен я, но с ним и гнусной Леонтине
Заслуженную казнь принять придется

ныне...

А вдруг освобожден он будет?

Экзупер.

Кем?

Фока.

Толпой,

Которая тебе внушает страх такой.

Экзупер.

Да разве ты забыл, что чернь — слепое стадо?

Чтоб оробеть, ей лишь вождя утратить надо.

Чуть разнесется слух, что был Ираклий взят,

Опять попрятаться смутьяны поспешат.

Из страха пред тобой зачинщики уймутся,

А прочие, дрожа, смотреть на казнь сойдутся,

Но должен поскорей ее ты совершить,

Чтоб их возможности прийти в себя

лишить.

Пусть войско улицы очистит от народа,

Ристалище займет и все к нему подходы,

Чтоб перевесом сил ты всюду обладал,

А мы, кому теперь врагом Ираклий стал

И кто посулами его не соблазнится,

Мятежника на казнь доставим из темницы.

Приказ твой выполнить помогут нам друзья,

А головой за все в ответе буду я.

Фока.

Довольно, Экзупер! Ступай, берись за дело!

Твоим советам я доверился всецело

И твердо убежден, что лишь путем таким

Мы с бунтом справимся и смуту прекратим.

Необходимые для этого приказы

Военачальникам своим отдам я сразу,
А вы с Аминтасом испытанных друзей,
Как обещали мне, сберите поскорей
И верьте, что потом вы сделаетесь с ними
В моей империи после меня вторыми.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Экзупер, Аминтас.

Экзупер.

Мы — в случае, мой друг, и в случае таком,
Что зависть вызывать, того гляди, начнем.

Аминтас.

Едва ль, хоть силишься веселым ты казаться,
Тебе предателем уж так приятно зваться.

Экзупер.

Для всех, в ком честь жива, такое имя

— стыд.

Оно мне режет слух и сердце леденит,

Но коль меня мои расчеты не обманут,

Его бросать в лицо нам скоро перестанут.

Идем! Не претерпеть грешно минутный срам,

Раз за него успех наградой будет нам.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ираклий, Евдокия.

Ираклий.

Ты за ее судьбу боишься не напрасно.
Счел Фока мать твою преступницей опасной.
И, зная нрав его, ручаюсь наперед,
Что ей не сдобровать, коль он ее найдет.
Но, за тебя дрожа, о ней я не жалею.
Изменой Экзупер лишь расплатился с нею:
Он предал ту, кем я не предан был едва.

Евдокия.

Тебе ли говорить подобные слова
О той, кто для тебя не пощадила сына?

Ираклий.

Но как же понимать коварство Леонтины?

Мешать мне действовать и в ход пустить обман,

Чтоб именем моим назвался Маркиан;

Письмо, что он прочел, истолковать превратно;

Мои права ему отдать лицеприятно;

Все так подтасовать, чтоб поневоле он

Взамен меня взошел на трон иль был казнен, —

И это должен я считать за одолженье?

Евдокия.

Как дать она могла письму опроверженье

Иль добросовестно истолковать его,

Позволив всплыть тому, что скрыть важней всего?

Ведь если б Маркиан не принял ложь на веру,

Ты оказался бы во власти Экзупера,

Который — и не зря, как опыт подтвердил, —

У матери моей на подозренье был.

Уверенная в том, что у нее есть средства

В свой час вернуть тебе отцовское наследство,

Удар, направленный в тебя, была должна

На друга твоего перевести она.

Грех ставить ей в вину столь важную услугу.

Ираклий.

Ужель мне жизнь моя милее жизни друга?

С доносом на меня, дабы его спасти,

Не Экзуперу — мне положено идти.

Разоблачат меня иль выдам сам себя я —

Я в случае любом до срока погибаю,

Но в первом — жертвою бесчестности людской,

А во втором — гордясь, что долг испол-

нил свой.

Евдокия.

Как! Чтобы утолить слепую ярость Фоки,

Отринешь ты и жизнь и жребий свой высокий?

Ираклий.

А ты вдвойне слепа, коль мнишь, меня любя,

Что друга я сгублю, чтоб сохранить себя,

И, совесть заглушив мечтою о престоле,

Под именем моим казнить его позволю.

Я б в заблужденье был его оставить рад,

Коль шла б о том лишь речь, кем скипетр будет взят,

Но имя не отдам и другу, коль со свету

Родной отец сживет его за имя это,

Коль голове его придется с плеч упасть,

Дабы такой ценой обрел я жизнь и власть!

Евдокия.

Царевич! У тебя не этого прошу я:

Не можешь совершить ты низость столь большую.

Нет, другу помоги, но не на смерть идя,

А дав мятежникам в лице своем вождя.

Бунт разожги, презрев советы Леонтины,

Предай отца мечу, спаси от плахи сына

И, возвратив себе наследственный венец,

Яви Ираклия народу наконец.

Ираклий.

Нет, поздно. Роль мою другой играет ныне.

Узнав, что схвачен он, народ пришел в унынье.

Судьбою первого Ираклия смущен,

Лишь промолчит в ответ на клич вто-

рого он

Иль возомнит, что я — отцеубийца гнусный,

Заемным именем прикрывшийся искусно.

Но если даже он меня поддержит вдруг,

В руках у деспота останется мой друг,

И коль открыто я восстану на тирана,

Немедля он казнить прикажет Маркиана,

Сочтя, что я сложить оружье соглашусь,

Когда того, чью жизнь хочу спасти, лишусь.

Довольно! Спор любви и долга длить не стоит.

Судьбу Ираклия Ираклий сам устроит.

Могила ждет его иль трон ему сужден,

Путем назначенным пойдет без страха он.

Но тсс! Сюда тиран с предателем стремятся.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Фока, Экзупер, стража.

Фока *(указывая страже на Евдокию).*

Схватить ее, и пусть ждет мать свою в темнице!

Ираклий.

При чем она?..

Фока.

Решим мы это, но потом,
Покуда ж посидеть ей лучше под замком.

Евдокия *(уходя).*

Не верь, мой государь, в то, что сказать он хочет.

Фока *(Евдокии).*

Поверю я лишь в то, что власть мою упрочит.

Евдокию уводят.
(Ираклию).

За гордеца тебя она просила?

Ираклий.

Да,
Владыка…

Фока.

Знаю я, ты с ним дружил всегда,
Но убедишься, сколь виновен он пред нами,
И сам откажешься мне докучать мольбами.

(Страже.)

Ввести преступника, но палачей не звать:
Он показания без пытки рад давать —
Сознание вины лишь множит в нем гордыню.
Но что же мне сказать, мой сын, ты хочешь ныне,
Чему поверив, я ошибку б совершил?
Не преступленье ль ты еще одно раскрыл?

Ираклий.

Да. Было свершено такое Леонтиной,

О чем не знал и сам Маврикий пред кончиной.

Фока.

Изменница! Ужо я счеты с ней сведу!
Но говори же!

Ираклий.

Нет, преступника я жду.
Поведать тайну здесь мне предстоит такую,
Что ею без него делиться не могу я.

Фока.

Вот он. Но за него меня просить не смей.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ираклий, Фока, Экзупер, Маркиан, стража.
Ираклий.

Не помогу ему я просьбою своей
И, на мольбы ни сил, ни слов вотще не тратя,
Лишь об одном тебя дерзаю умолять я —

Чтоб гневу своему дал волю ты сейчас,

Ираклия казнил и этим сына спас.

Вот с этой просьбою единственной и смею

К тебе воззвать я.

Фока.

В ней не откажу тебе я.

Ты — под угрозою, пока он не в гробу.

Маркиан.

Царевич! Не ропщу я на свою судьбу,

И не страшит меня разверстая могила,

Но слышать приговор из уст твоих нет силы!

Я плохо знал тебя до нынешнего дня.

Ираклий.

И даже в этот миг не знаешь ты меня.

Но вам, слепой отец с незрячим сыном вместе,

Обязан я раскрыть глаза по долгу чести.

Узнай же, Фока, тех, кто здесь перед

тобой:

Ираклий — это я, Леонтий — отпрыск твой.

Маркиан.

Что ты сказал?

Ираклий.

Что я поведать правду жажду,

Что Леонтиною обманут Фока дважды,

Что ею был подмен младенцев совершен

И в Маркиана я, Ираклий, превращен.

Фока.

Прочти, что написал Маврикий в час кончины:

«Пусть чтят в Леонтие Маврикиева сына», —

И помни, что в обман меня ты не введешь.

Ираклий.

Нет, лжет тебе письмо, хоть в нем была не ложь,

Я, став Леонтием, быть перестал им снова,

Когда лишила смерть меня отца родного.

Маврикий только то сказал в письме своем,

О чем узнать он мог при жизни — не потом.

Казнив его, ты стал готовиться к походу

И с войском в Персии провел затем три года,

Тут Леонтина мне вернуть решила сан,

И так как был приказ самим тобою дан,

Чтоб во дворец ее пускали невозбранно,

Мной подменить она сумела Маркиана.

Вполне ей удалось добиться своего:

Не заподозрил ты, вернувшись, ничего.

Бесформенны черты младенца в колыбели,

И коль в шесть месяцев ты помнил сына еле,

То уж в конце трех лет совсем забыть успел

И кровь свою во мне, тебе чужом, узрел.

Вот так за твоего и был я выдан сына,

А Маркиан для всех стал сыном Леонтины,

И мнил я, что таким путем когда-нибудь

Без крови отчий трон смогу себе вернуть.

Но раз погибнет тот, кто спас меня в сраженье,

Коль я не выведу тебя из заблужденья,

Мне надо наконец помочь тебе прозреть,

Иль я в глазах своих убийцей стану впредь.

Его вина в одном: мое он имя носит.

Гневись, но пусть твой гнев другую жертву скосит,

И я прошу, чтоб ты, как обещал сейчас,

Ираклия казнил и этим сына спас.

Маркиан.

Дивись, тиран, как щедр к тебе Мироздитель,
Коль скоро сына ты подобного родитель,
Но поостерегись считать за правду все ж
Великодушием подсказанную ложь.

(Ираклию.)

Царевич! Платишь ты сверх всякой меры другу
За стародавнюю случайную услугу:
Я не погиб, когда помог тебе в бою,
А ты из-за меня утратишь жизнь свою.
Нет, если впрямь со мной ты хочешь рассчитаться,
Позволь Ираклием мне до конца остаться
И жалостью меня не обижай пустой,
Чтоб мог исполнить я высокий жребий свой.

Фока.

Как этот спор мою тревогу умножает!

Какими бедами престолу угрожает!

Кому же из двоих я должен веру дать?

Удастся ль, Экзупер, загадку разгадать?

Коль подлинно письмо — на правду все похоже.

Экзупер.

Но оказаться все и ложью может тоже.

Фока.

Да, Леонтиной я обманут дважды был.

Экзупер.

Не жди, чтоб я тебе советом пособил:

Растерян я, как ты, а то и посильнее.

Мог быть и мог не быть подмен устроен ею.

Ираклий.

Я не вчера узнал, кто был моим отцом, —

Все поведение мое порука в том.

Не зря почти пять лет противился я страстно

Союзу своему с Пульхерией прекрасной:

Давным-давно узнал от Леонтины я,

Что дочь Маврикия, увы, — сестра моя!

Маркиан.

От Леонтины?

Ираклий.

Да.

Маркиан.

О небеса благие!

Чтоб Маркиан сильней влюбился в Евдокию,

Внушила мать ее царевичу, что он

Брат той, с кем предстоит ему вступить в закон,

И поселила в нем боязнь кровосмешенья

В надежде для себя добиться возвышенья.

Лишь нынче я узнал, кто был моим отцом,

Затем что цель ее и заключалась в том,

Чтоб я в неведенье остался до могилы,

Но истину письмо, по счастью, мне открыло.

Фока.

Несчастному, как мне, злодейка солгала.

Экзупер.

Она могла солгать и не солгать могла.

Фока.

Причастна дочь ее к обману, как я чую.

Экзупер.

Но мать могла ввести в обман и дочь родную.

Фока.

Как от сомнений я душою изнемог!

Экзупер.

Избавлю я от них тебя в кратчайший срок.

Фока.

Что сделать нужно нам, чтоб правый суд свершился?

Экзупер.

Узнать, кто ж из двоих Ираклием родился.

Ираклий.

Ужель неправда то, в чем я сознался сам?

Маркиан.

Ужель того, что я поведал, мало вам?

Ираклий *(Маркиану).*

Друг! Имя мне вернуть — невелика услуга.

Так окажи ее, чтоб умер я за друга.

Возьми назад тот день, когда меня ты спас,

Иль мне тебя спасти позволь на этот раз.

Маркиан.

Царевич! Я в глазах у всех злодеем стану,

Коль в жертву жизнь свою ты принесешь тирану.

Как ни зови меня, его я мнил сгубить,

Но будут обо мне по имени судить:

Везде Ираклия сочувственно помянут,

А в Маркиане клясть отцеубийцу станут.

Раз все равно умру я с честью иль стыдом,

Чтоб славу иль позор стяжать в гробу потом,

Дай умереть мне, друг, в злодействе неповинным,

Чтоб мститель за отца не стал преступным сыном.

Ираклий.

Ты имя взял мое — вот вся твоя вина.

Его мне возврати — и отпадет она.

Ираклий, а не ты злоумышлял на Фоку;

Пусть он Ираклия и умертвит жестоко.

Живи как сын его.

Маркиан.

Будь впрямь ему я сын,

То и тогда б считал, что ты — мой властелин,

И если б деспот нас рассорить попытался,

По зову сердца я с тобою бы остался.

Ираклий.

Знай: я бы в заговор допрежь тебя вступил,

Да Леонтиною удержан ловко был.

Она предвидела: коль я сражу тирана…

Маркиан.

Отцеубийцею ославят Маркиана.

Ираклий.

С Пульхерией — и то вы ею сведены.

Ей на тебя свалить хотелось две вины,

Чтоб Маркиан предстал отцеубийцей дерзким,

Ираклий чтоб погряз в кровосмешенье мерзком,

И ты меня прикрыл в опасности любой

Под именем одним или другим собой.

Она мне заговор возглавить помешала,

Чтоб мужество твое трон для меня стяжало,

И подтвердить письмо отважилась тебе,

Чтоб плод твоих трудов присвоил я себе,

И, в бунт тебя втянув, ждала его исхода,

Чтоб обо мне сказать иль не сказать народу.

Фока.

Не знаю, кто из них мой сын, а кто чужак,

Но вижу, что как тот, так и другой мне враг.

Как быть? Я с толку сбит, растерян, озадачен.

Страх недруг мне внушал, и вот он мною схвачен,

И я уйти не дам из рук моих ему,

И вижу здесь его, но кто он — не пойму.

Как притупляет мне моя природа зре-

нье,

Судьбу преступника окутывая тенью!

Как ловко прячется, завесой тайны скрыт,

Он в сердце у меня, хоть предо мной стоит!

На имя «Маркиан» никто не отвечает.

Отцовская любовь мой разум помрачает.

Не два Ираклия нужны мне — лишь один.

Соперник найден мной, зато исчез мой сын.

Как понимать тебя, моя природа, надо?

Могу ль остаться я отцом, утратив чадо?

Чтоб твой невнятный зов не свел меня с ума,

Иль в голос говори, иль вовсе будь нема.

Кем ни окажется тот, чьим отцом был Фока,

Дай мне его узнать иль умертвить жестоко.

А ты, обязанный своею жизнью мне,

Сын-выродок, кем смерть заслужена вполне,

Ужель отцовский трон тебе страшней могилы?

Как за тебя судьба, Маврикий, мне отмстила!

Ты мертв, но и в гробу двух сыновей обрел;

Я жив, но некому мне передать престол,

И зависть ты селишь во мне своей кончиной,

Раз участи твоей взалкал мой сын единый.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Леонтина и Крисп.

Крисп *(Фоке).*

Хоть государь, успех дался не без труда,

Но Леонтина мной доставлена сюда.

Фока *(Леонтине.)*

Злодейка, подойди!

Ираклий *(Леонтине).*

Нет смысла запираться:
Я все сказал.

Леонтина.

О чем?

Фока.

Довольно притворяться!
Кто из двоих мой сын?

Леонтина.

Чем гнев вселен в тебя?

Ираклий *(Леонтине).*

Тем, что Ираклием счел сын его себя,
Услышав, как письму дала ты подтвержденье,
И надлежит тебе рассеять заблужденье.

Фока *(Леонтине).*

Жди пытки иль ответь, действительно ль тобой

Был подменен мой сын и отпрыск выдан твой.

Леонтина.

Да, сын мой выдан мной, насчет же остального

Я и под пыткою не вымолвлю ни слова:

Ты все равно решишь, что лгу тебе сейчас

Я так же, как лгала с успехом много раз.

Фока.

Тогда благоволи мне объяснить причины

Того, что посвящен в секреты Леонтины

Один почти пять лет, другой лишь день всего.

Леонтина.

Как тот, так и другой не знают ничего.

От них и от тебя я тайну скрыть сумела.

Сам разгадай ее и выбор сделай смело.

Один из них твой сын, другой — твой государь.

Себя любовью мучь и яростью мытарь.

Мне нужно, чтоб навек покоя ты лишился,

В своем наследнике соперника страшился,

Родное детище в своем враге любил,

Тираном и отцом одновременно был.

Бессильно будешь ты неведеньем томиться,

А я — торжествовать и над тобой глумиться.

И, коль меня казнят, исчезну не одна,

Но вместе с тайною, что так тебе важна.

Фока.

А вдруг обоих я казню, не тщась дознаться,

Кто сын Маврикия и кто им хочет зваться?

Леонтина.

Что ж! Я утешусь тем, что, мня упрочить трон,

Ты руку сам себе отсечь был принужден

И свел, чтоб не ушел Ираклий от кончины,

В могилу своего единственного сына.

Фока.

Вот, значит, какова признательность твоя

За все, что для тебя старался сделать я;

За то, что вверен был тебе мой клад заветный —

Оставлен под присмотр мой отпрыск малолетный;

За то, что двор с тобой носился столько лет!

Неблагодарная, верни мне сына!

Леонтина.

Нет.

Он, к счастью, наделен душою столь высокой,

Что быть в родстве и сам не пожелал бы с Фокой.

Не зря из-за него ты потерял покой:

Из сына деспота герой воспитан мной.

На доброй пище я с пелен его растила:

Дурную кровь отца она в нем укротила.

За милости твои я воздала уж тем,

Что сын твой на тебя не стал похож ничем.

Ведь если б о своем он знал происхожденье,

Толкнул бы твой пример его на преступленья,

Он сделался б, как ты, коварен, подл, жесток.

Как видишь, не за мной, а за тобой должок.

Экзупер.

Бесстыдство — свойство тех, кто уличен в обмане.

Не подставляй себя потоку низкой брани,

Которою сейчас взбешен так сильно ты,

Что разум твой лишен обычной остроты.

Дай несколько минут потолковать нам с нею.

Сам дело начал я, сам довершить сумею.

Как истину она ни тщится затемнить,

Я путеводную найду в потемках нить:

Ведь выгодно и мне, чтоб тайну мы раскрыли.

Фока.

Прибегни, Экзупер, хоть к хитрости, хоть к силе,

Но коль преступница признается во всем,

Ты должника по гроб обрел в лице моем.

Меж тем я учиню юнцам допрос раздельный

И, может быть, пойму, где сын, где враг

смертельный.

Итак, останься с ней, сули, грози и льсти.

За мною, Крисп, вели мятежников вести.

Фока, Ираклий, Маркиан и Крисп уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Экзупер, Леонтина.

Экзупер.

Ну, вот мы и одни. Нам нечего страшиться,

И пред тобой могу я, госпожа, открыться.

Устал изменником в твоих глазах я быть.

Ты Фоке враг, и я хочу его сгубить…

Леонтина.

Что́ доказал, продав, помимо остального,

Монарха своего и кровь отца родного.

Экзупер.

Все это видимость. Ошиблась ты: я не...

Леонтина.

Наибесстыднейший злодей во всей стране.

Экзупер.

И то, что кажется, на первый взгляд, изменой...

Леонтина.

Скрывает замысел, благой и дерзновенный.

Экзупер.

Сперва о нем узнай, суди его затем.

Пойми, как тяжело приходится нам всем.

Меж заговорщиков такого нет, кого бы

Не оскорбил тиран, осатанев от злобы,

И, чуя, что́ таим мы в глубине сердец,

Он строго воспретил нам доступ во дворец.

Вот и купил я вход туда ценой услуги.

Леонтина.

Ты мнишь, введут в обман меня твои потуги?

Экзупер.

Напрасно рисковать друзьями я не мог.

Ты знаешь, окружил он стражей свой чертог,

И мы, попробовав войти туда к злодею,

Костьми бы полегли в неравной схватке с нею.

Теперь же в милости я у него опять,

Как довелось тебе воочью наблюдать.

Он говорит со мной, мне внемлет, доверяет

И замысел мой сам невольно поощряет.

Приняв на веру все, что я ему внушил,

Ираклия казнить публично он решил

И город наводнил отрядами своими,

Так что дворец почти не охраняем ими.

Мои друзья, едва сигнал им будет дан,

Над стражей верх возьмут, и обречен тиран:

В покои к деспоту проникнув без препоны,

К стопам Ираклия повергну я корону.

Итак, ты знаешь все. Ответь же наконец;

Кто тот, кому вернуть пытаюсь я венец?

Зачем боишься ты передо мной открыться,

Коль умереть я рад, чтоб мог он воцариться?

Леонтина.

Ужели, негодяй, ты до того дошел,

Что в тупости своей меня простушкой счел?

Оставь! Не попадусь я в западню такую,

И коль ты не припас заране ложь другую...

Экзупер.

Лишь правду я сказал. Добавлю сверх

того...

Леонтина.

Уйди! Наскучило мне это ханжество.

Твои дела твоим словам опроверженье.

Экзупер.

Ну что ж и впредь держи меня на подозренье.

Выспрашивать тебя я больше не хочу.

Скрываешь тайну ты — я о своей молчу.

Но раз мне под присмотр ты отдана покуда,

Я вынужден тебя в тюрьму доставить буду.

Идем! Не веришь мне — тогда страшись меня.

Узнаешь ты, кто я, до истеченья дня.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ираклий один.
Ираклий.

Как все запутано судьбою!
Царевичей вдруг стало двое,
Средь двух друзей возник раздор,
Отец меж ними ищет сына,
А им отраднее кончина,
Чем этого родства позор,
И оба тайну Леонтины
Раскрыть не властны до сих пор.

Искусно ключ к загадке пряча,
Служа мне иль меня дурача,
На нет свела она мой труд:
Ираклием я называюсь,
За это смерти добиваюсь,
Но умереть мне не дают,
И вот уж сам я сомневаюсь:

Да впрямь ли так меня зовут?

Со мной столь нежен грозный Фока,
Что сердце у меня глубоко
Смятением уязвлено.
Он ласков, как в былые годы,
Не отнял у меня свободы,
И мне постигнуть не дано,
Чем это — голосом природы
Или привычкой — внушено.

Тирана ненавидеть люто
Могу я разве что минуту —
На большее не стало сил.
Меня лишь кротко порицая,
Хоть я родство с ним отрицаю,
Смягчил он мой враждебный пыл,
Затем что нахожу отца я
В том, кто отца меня лишил.

Услышь мой зов, Маврикий славный,
И поддержи рукой державной
Меня в падении моем!
Пошли мне случай убедиться,

Что сыном вправе ты гордиться,
А коль не ты мне был отцом —
Что все-таки на свет родиться
Достоин я в дому твоем.
Пусть тень твоя со мной пребудет
И ненависть мою разбудит,
Чтоб смерти был я только рад
И… Но мольбе он внял: на помощь мне спешат.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ираклий, Пульхерия.

Ираклий.

О, что за добрый дух тебя ниспосылает
Ко мне?

Пульхерия.

Я здесь затем, что деспот так желает:
Он тайну выведать решил путем любым.

Ираклий.

И сделать мнит тебя орудием своим?

Пульхерия.

Да, уповает он на то, что не премину
Найти я брата там, где не нашел он сына.
Но верь: не столь слаба умом и сердцем я,
Чтоб выдать то, что мне подскажет кровь моя.

Ираклий.

Дай бог, чтоб зов ее ты поняла яснее,
Чем разобрался я в том, что открыто ею.
Итак, мой дух, сестра, попробуй укрепить
И недостойный страх мне помоги избыть.

Пульхерия.

Твое признанье все, царевич, объяснило:
Не брат мне тот, кого пугает вид могилы,
Кто недостойный страх таит в груди

своей.

Ираклий.

Я смерти сам ищу. Так мне ль дрожать пред ней?

С кровавым деспотом, жестоким и бесчинным,

Я был Ираклием, Маврикиевым сыном,

И оставался столь неколебим и смел,

Что, глядя на меня, невольно он бледнел.

Но по-отцовски добр тиран со мною ныне.

Упреков и угроз нет больше и в помине.

Столь быстро позабыл он о моей вине,

Что пробудились вновь сомнения во мне,

К кому по-прежнему он всей душой привержен.

Не брошен я в тюрьму и даже не задержан.

Не зная и боясь узнать, кто я такой,

Я тщусь исполнить долг, но не пойму — какой.

Как! Коль я Фоке сын, его мне ненавидеть?

Как не жалеть, коль в нем врага я должен видеть?

И я к нему сейчас, когда несчастен он,

Полн сострадания, хоть гневом распален.

Но шаг его любой равняя с преступленьем,

За ласку я ему плачу одним презреньем,

И слово каждое, что он мне говорит,

Лишь подозрения в Ираклие селит.

Вот так уразуметь и силюсь я напрасно,

Что´ выбрать мне велит природы голос властный.

Сомненьям брата вняв, им положи предел.

Пульхерия.

Не брат ты мне, коль в том сомненья возымел.

Как можно именем столь славным

зваться гордо,

Не веря в то, во что ты должен верить твердо?

Нет, заслужил его лишь тот, в ком стойкость есть,

Чьей убежденности не поколеблет лесть,

Кто, не в пример тебе, вовек не усомнится,

Что кровь Маврикия — не Фоки в нем струится.

Ираклий.

Изображен тобой не брат, а Маркиан.

Жестокосердней он: его отец — тиран.

Великодушен тот, чьи предки именитры,

И сердце у него для жалости открыто.

Царевич истинный всегда воспитан так,

Что трогает его, терзаясь, даже враг.

А если этот враг любовь к нему питает,

Терпимость выказать он долгом по-

читает

И снисходителен стремится быть к тому,

С кем помириться честь препятствует ему.

Нет, изменить своей судьбе не порываясь,

Не отступаю я, а только сомневаюсь

И — если это грех — наказан тем вполне,

Что усомнилась ты, сестра моя, во мне.

Невольно чувствуя к тирану состраданье,

Не осужденья я ищу, а пониманья.

Прошу я мне помочь сомнения избыть,

А ты меня спешишь укорами добить.

Пульхерия.

Как ни наметан глаз, порою невозможно

Суть важных дел прозреть за видимостью ложной.

К тому же быть могу несправедлива я,

Затем что застит взор мне ненависть моя,

И, как все женщины, руковожусь я мненьем,

Составленным себе под первым впечатленьем.

Да, Фока полн к тебе любви, но это — яд.

Хоть жалость в сердце те, чей дух высок, таят,

Не заслужил ее наш общий притеснитель:

Будь даже вправду он законный твой родитель,

В его преступности у нас сомнений нет.

Чего б ты от него ни ждал — щедрот иль бед, —

Тираном все равно он быть не перестанет,

Затем что сердце вновь и вновь твое тиранит

И, выполнить тебе мешая долг святой,

На путь бесчестия влечет тебя с со-

бой.

В сомненьях пребывай, лишь будь врагом тирану,

Но и в тебе теперь я сомневаться стану,

Чем с деспотом в борьбе тебя же поддержу:

Его запутаю, тебе не повредит.

Твой друг иль ты мне брат — лишь небесам известно;

Обоим вам сестрой быть в равной мере лестно,

И сделать я могу, увы, одно сейчас:

Дрожать за каждого, любя обоих вас.

Но не утратила досель я упованья.

Слух при дворе идет, что в городе восстанье,

Что битву Экзупер мятежникам дает

И что судьбу всех нас решит ее исход.

Тсс! Вот и Фока.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, и Фока, Маркиан, Октавиан, стража.

Фока.

Ну, готов он покориться?

Пульхерия.

Советовала я царевичу открыться,
Но он себя, как я предвидела, повел:
В нем брата я нашла, ты сына не обрел.

Фока.

За счет мой небеса тебя обогатили.

Пульхерия.

Вернее, от меня несчастье отвратили,
Затем что брата я утратила бы вновь,
Будь ясно, в ком твоя, а в ком чужая кровь.

Фока *(Пульхерии).*

Обоих погубить неясность эта может,
И брат твой сам себя и друга уничтожит,
Коль не сознается, в ком кровь течет моя,

Чтоб ради сына дал врагу пощаду я.

(Ираклию.)

Неблагодарный! Я в последний раз взываю

К тебе, в ком кровь свою невольно прозреваю,

К кому я всей своей природою влеком,

Тогда как кажется мне друг твой чужаком.

Ужель печаль моя тебе не доказала,

Сколь прочная любовь меня с тобой связала?

Подумай, как с пелен отцу ты дорог был,

Как смело у врагов твой друг тебя отбил.

Ты — наш должник.

Ираклий.

И долг отдать я не премину:

Мой друг получит вновь свой сан, а Фока — сына.

Фока.

Упорством лишь убьешь ты сына моего.

Ираклий.

Я сам умру, чтоб ты опять обрел его.

Фока.

За что ты сыном быть не хочешь мне, жестокий?

Ираклий.

Назвав его, вернул уже я сына Фоке.

Фока.

Нет, отнял, в душу мне сомненье заронив.

Ираклий.

Нет, возвратил, твою ошибку разъяснив.

Фока.

Мне горькой истины она стократ милее.

Я сыном счел тебя; мни, что отец тебе я,

И тем Ираклия, кто б ни был он, спа-

сешь.

На благо мне, себе, ему — пойди на ложь.

Ираклий.

Довольно! Выслушав такое предложенье,

К тебе теряю я остатки уваженья.

Твоим посулам внять мне запрещает честь.

В усыновлении резон тогда лишь есть,

Когда оно роднит нас с домом знаменитым,

А не равняется с позором неприкрытым:

Ведь отвращение исполнит все сердца,

Коль сын Маврикия найдет в тебе отца.

Фока.

Нет, не казнят тебя, предатель, по заслугам,

А лишь безжалостно с твоим покончат другом.

Не потеряешь ты ни сан, ни жизнь

свою:

Назло тебе я кровь родную не пролью.

Ты имя друга взял, спасти его пытаясь,

И пренебрег отцом, но я с тобой сквитаюсь.

Эй, стража, тотчас же бунтовщика убить,

Дабы царевич мог опять мне сыном быть!

Ираклий.

Постойте!..

Маркиан.

Дрогнул ты? В чем этому причина,

Царевич?

Ираклий.

Я не дам отцу зарезать сына.

Маркиан.

Коль жаждет лишь в тебе он сына обрести,

Мне не мешай путем, мной избранным идти.

Ираклий претерпеть готов любые муки,

Чтоб скипетр свой вложить в твои, царевич, руки.

Прощай, и счастливы твои да будут дни!

Фока.

Нет времени у нас для праздной болтовни.

Октавиан, рази!

Ираклий.

Злодей, его не трогай!

Я…

Фока.

Говори!

Ираклий.

Я полн смятеньем и тревогой,

И мне…

Фока *(Ираклию).*

Слова потом ты будешь расточать.

(Октавиану.)

Бей!

Ираклий.

Стой! Я… Вымолвить иль все-таки смолчать?

Фока.

Сознайся, иль…

Ираклий.

Нет, в ход пускать не надо силу.

Я тот, кем должен быть, чтоб друг не лег в могилу.

Как он перед тобой, так я пред ним в долгу,

И долг его тебе взять на себя могу,

И столь же искренне, торжественно, сурово,

Как в том Маврикию Ираклий дал бы слово,

Клянусь его отца считать за своего,

Но жизнью будешь ты в ответе за него.

Где б ни нашел себе конец мой друг бесценный,

Кто б ни сгубил его — каприз судьбы военной,

Иль молния с небес, иль происки врагов,

Ты должен быть к тому заранее готов,

Что отомщу тебе я за его обиду,

Будь даже мне отцом ты впрямь, а не для виду.

Фока.

Не бойся. Станете вы с ним опорой мне.

Тому, кем ты любим, доверюсь я вполне,

И с вами в этот миг негаданного счастья

Уже не терпится мне поделиться властью.

Я сына вновь обрел, но до конца им будь

И то, о чем прошу, свершить себя принудь:

Дабы развеялись последние сомненья,

С Пульхерией в закон вступи без промедленья.

Ираклий.

Она — сестра моя.

Фока.

Не сын ты мне, но враг,

Коль вновь уже сейчас отцу перечишь так.

Пульхерия.

Ужель действительно тебе, тиран, помнилось,

Что ненависть во мне покорностью сменилась,

Что коль Ираклия сумел ты обвести,

Согласна под венец Пульхерия пойти

С тем, кто ей брат родной, иль с тем, чей ты родитель?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Крисп.

Крисп.

Ты Экзуперу всем обязан, повелитель —

На веки вечные упрочен им твой трон.

Его друзьями бунт нещадно пресечен.

Привел он главарей, что в плен к нему

попали.

Фока.

Пусть с ними подождет меня в соседнем зале.

Заставлю их держать я предо мной ответ.

Крисп уходит.
(Ираклию.)

Сам думай, хочешь быть мне сыном или нет.

В тебе, да и ни в ком, я не нуждаюсь боле:

Подавлен бунт, и все моей покорно воле.

(Пульхерии.)

Пока не кончу я вершить суровый суд,

Втроем совет держать останетесь вы тут,

И ты решишь, кого своим считать мне чадом,

И с ним тебя свяжу я свадебным обрядом.

А коль не кончатся их споры и тогда,

Обоих я казню, когда вернусь сюда.

Не нужно сына мне, коль быть он им стыдится

И ненависть к отцу в душе его гнездится.

А ты…

Пульхерия.

Не угрожай: я смерти не боюсь.

Фока.

Ты жаждешь смерти? Нет, я так не расщедрюсь.

Тебе назначено возмездие иное.

Представь себе на миг…

Пульхерия.

Что, деспот?

Фока.

Брак со мною

Перед забрызганным их кровью алтарем.

Пульхерия.

О пытка!

Фока.

Да, она тяжка, но поделом.
Я долго отступал перед твоей гордыней,
Но все ж и на нее управа есть отныне.
Жизнь брата твоего теперь в твоих руках,
И подчиниться мне тебя заставит страх.

Фока, Октавиан и стража уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ираклий, Пульхерия, Маркиан.

Пульхерия.

Вам Фока льстил, пока опасны быть могли вы.
Натура деспота коварна и труслива.
Под кротостью всегда скрывает он расчет:
Гнетет, коль не дрожит; дрожит, коль не гнетет;

А спесь чрезмерная, равно как страх постыдный, —

Приметы слабости, любому очевидной.

Вот так он и сейчас, едва избыв испуг,

Придумал для меня горчайшую из мук.

А вы, раз оба мне быть братьями хотите,

Свою любовь к сестре делами подтвердите.

Ираклий.

Что можем мы, когда пришел наш смертный час?

Пульхерия.

Подчас благой совет всего важней для нас.

Маркиан.

Совет подать тебе мы в силах лишь единый:

Чтоб за отца нейти, возьми в супруги сына.

Зло наименьшее есть смысл предпочи-

тать.

Пульхерия.

Как угадаю я, чьей мне женою стать,

И где ручательство, что в грех кровосмешенья

Я не впаду, приняв поспешное решенье?

Маркиан.

Понятен нам твой страх: нас тоже мучит он.

Но лишь для виду брак быть может заключен.

Тогда кровавого тирана ты обманешь

И не супругою — сестрой для мужа станешь.

Пульхерия.

К лицу ль таким, как мы, притворство и обман?

Ираклий.

Вполне, коль должен пасть их жертвою тиран,

Коль брата даст тебе лишь для того он, чтобы

Два тайные врага, кипящие от злобы,
Отныне быть могли всечасно близ него
И в подходящий миг добились своего,
Покончив с деспотом и — заодно — с притворством.

Пульхерия.

Вы убеждаете меня с таким упорством,
Что притвориться я согласна наконец.
Кому ж из вас идти со мною под венец?
Кому принять мои притворные обеты?

Ираклий.

Тебе, царевич: ты придумал хитрость эту.

Маркиан.

Тебе: желает быть тиран отцом твоим.

Ираклий.

Тебе: ты много лет Пульхерией любим.

Маркиан.

Ты окружишь ее гораздо большей сла-

вой.

Ираклий.

Ты стать супругом ей имеешь больше права.

Маркиан.

Но ты на этот брак согласен был сейчас.

Пульхерия.

Сильней, царевичи, натура ваша вас.

Вы слишком высоки душой для преступленья:

Оно вам не внушать не может отвращенья.

Заране в этом я уверена была

И только для того совет ваш приняла,

Чтоб отказались вы скорей от мысли вздорной.

Кто властвовать рожден, тем подличать зазорно.

Так будем ждать, и пусть за нас решает рок.

Ираклий.

Как неудачлив я, и как мой жребий строг!

То имя славное, что жизнь мою сгубило,

Со мною не сойдет в разверстую могилу —

Его не властен я и смертью заслужить.

Мне — тлеть в забвении; ему — как прежде, жить.

Маркиан.

Обходится судьба со мною столь же странно.

Сын императора, трибуна и тирана,

Ираклий царственный, Леонтий, Маркиан —

Вот кем я за день был, и все это обман,

Затем что и сейчас, пред смертью, как доселе,

Мне не дано понять, кто я на самом деле.

Пульхерия.

Нет, вашей участи моя страшней сто-

крат:

Какие беды вам сегодня ни грозят,

От всех страданий смерть излечит вас с рассветом,

А мне отказано и в утешенье этом…

Но здесь предатель. Тсс!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Аминтас.

Аминтас.

Я кровью Фоки смыл

С себя тот грех, что мне приписан вами был.

Ираклий.

Как!

Аминтас.

За изменников напрасно нас считали.

Тирана нет, и вновь владыками вы стали.

Ираклий.

Владыками чего?

Аминтас.

Страны своей родной.

Маркиан.

И это сделано тобою?

Аминтас.

Нет, не мной.

Ираклий.

Кому ж обязаны мы свыше всякой меры?

Аминтас.

Верь иль не верь, а вы в долгу у Экзупера.

Маркиан.

Но мы ж им преданы!

Аминтас.

Как ни смешно сказать,

Он предал вас затем, чтоб верх могли вы взять.

Ираклий.

Но кем же, как не им, подавлено восстанье?

Аминтас.

Его поднять он сам и отдал приказание.

Маркиан.

Но он зачинщиков схватил?

Аминтас.

Лишь для того,

Чтоб пленников, равно как и друзей его,

Которых в заговор вовлек он против Фоки,

В покои допустил к себе тиран жестокий.

Провел с собою нас успешно Экзупер,

И оказались мы сильнее не в пример

Не разобравшейся в обмане дерзком стражи,

А Крисп услужливо за тестем сбегал даже.

Лжепленники, едва явился деспот в зал,

Кинжалы вынули, к расправе дав сигнал,

И гневная толпа тирана окружила,

Но Экзупер на нас прикрикнул что есть силы:

«Прочь! Первым я удар злодею нанесу

И этим честь свою от гибели спасу».

Он жертву поразил. За ним и остальные

Вонзили в деспота клинки свои стальные.

Дух Фока испустил, и тут со всех сторон

Раздался дружный клич: «Ираклия на трон!»

Везде ответили нам крики одобренья,

И стражу взяли в плен мы без сопротивленья:

Из воинов его бесчисленных дружин

С тираном вместе жизнь не отдал ни один.

Пульхерия.

Как мудро Экзупер измыслил способ мести!

Аминтас.

Вот он и сам спешит к вам с Леонтиной

вместе.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Леонтина, Евдокия, Экзупер, толпа заговорщиков.

Ираклий *(Леонтине).*

Ужели, госпожа, судьба теперь за нас
И правду рассказал Аминтас нам сейчас?

Леонтина.

Я, государь, сама своим ушам не верю.
Все наши чаянья сбылись в столь полной мере…

Ираклий *(Экзуперу).*

Изменник доблестный! Поторопись обнять
Царевичей, тебе не властных долг отдать.

Экзупер *(Ираклию).*

Обоих? Нет. Ведь тем, что кровь тирана пролил,
Я одного вознес, другого обездолил.

Маркиан.

Другой, кто б ни был им, не вправе клясть судьбу:

И он, будь Фока жив, лежал бы уж в гробу.

Но что ни говори, душа моя уныла.

Ираклий.

Наверно, кровь твоя в тебе заговорила.

И все-таки впадать в унынье не расчет:

Пульхерия — твоя, коль власть твой друг возьмет.

Раз мертв отец-тиран, брак сына с ней возможен.

(Леонтине.)

Всем спорам должен быть тобой конец положен.

Леонтина.

Поверите ли вы одним моим словам?

Маркиан.

Но кто же, как не ты, даст ключ к разгадке нам?

Леонтина.

Нет, чтоб сомнения в вас не могли родиться,

Не я отвечу вам — сама императрица.

(Протягивает Пульхерии письмо.)

Ты почерк узнаешь? Послание прочти

И кто твой брат, кто муж, обоим возвести.

Письмо мне мать твоя вручила, угасая.

Пульхерия.

Святые письмена с тоской я лобызаю.

Леонтина.

Услышать от нее вам суждено судьбой,

Кто вы, царевичи.

Ираклий *(Евдокии).*

Что б ни было, я — твой.

Пульхерия *(читает письмо Константины).*

«В несчастье принесла мне счастье Леонтина.

Дитя свое отдав за сына моего;

Дошла она затем бесстрашно до того,

Что подменила им и деспотова сына.

Кто небылицею мнит подвиг столь великий,

Пусть знает: дважды был обманут наш тиран.

Леонтием теперь зовется Маркиан,

Лже-маркиана же родил на свет Маврикий.

Константина».

(Ираклию.)

Как! Ты мой брат?

Ираклий *(Пульхерии)*

Теперь все ясно наконец,

И вскоре ты пойдешь с любимым под венец.

Леонтина *(Ираклию).*

Ты знал достаточно, чтоб не возлечь с сестрою,

Но знал не все — не то простился б с головою.

(Маркиану.)

Царевич! Мне в вину не ставь мои дела:
Лишь долгом я на них подвигнута была.

Маркиан.

Я радость общую делю, не прекословя,
Но подавить в себе не властен голос крови.
Хотя любви тиран не заслужил отнюдь,
Сын об отце тайком не может не вздохнуть:
Не разрывают вдруг тех уз, что нас связали.

Ираклий.

Будь, чтобы их забыть, Леонтием и дале!
Пусть деспот, канувший в забвение и тьму,
Умрет и в имени того, кто сын ему!

(Евдокии.)

И скипетр и судьбу свою тебе вручаю
В надежде на любовь, которой страст-

но чаю.

Евдокия *(Ираклию).*

Себя ты в щедрости сегодня превзошел.

Ираклий *(Экзуперу и Аминтасу).*

Друзья мои, чей меч мне возвратил престол!

Рад выразить и вам я благодарность буду,

Но возблагодарим творца небес покуда

И, в храме помолясь, пойдем туда, где ждет

Возможности узреть Ираклия народ.

РАЗБОР «ИРАКЛИЯ»

Произведение это потребовало еще большей изобретательности, нежели «Родогуна», и — смею утверждать — оказалось удачным оригиналом, с которого сразу же после выхода в свет сделано было немало прекрасных копий. Построение его отличается от построения «Родогуны»: рассказы, в которых излагается фабула, введены в разные места пьесы достаточно ловко и уместно, а потому выслушиваются с интересом и свободны от холодности, присущей, например, монологу Лаоники{102}. Они как бы случайно разбросаны по всей трагедии и всякий раз повествуют лишь о том, что необходимо знать для понимания следующей сцены. Так, уже в самом первом явлении Фока, встревоженный слухами, будто Ираклий жив, и пытаясь доказать их ложность, подробно описывает смерть царевича, а зять Фоки Криспп, предлагая тестю способ избавиться от нависшей угрозы, напоминает, что, истребив все семей-

---

{102} Комментарии: 2.102

К стр. 316

...монологу Лаоники — Корнель ссылается на свою трагедию «Родогуна» (д. 1, явл. 1, 4.).

ство Маврикия, узурпатор пощадил Пульхерию в надежде выдать ее за своего сына Маркиана, и побуждает Фоку поторопиться со свадьбой хотя бы потому, что наследник постоянно рискует головой на войне — только благодаря Леонтию он уцелел в последнем сражении. Таким образом, слушатели узнают, чем обязан подлинный Ираклий, считающийся Маркианом, подлинному Маркиану, считающемуся Леонтием; это обосновывает поведение царевича в четвертом действии, где он готов пожертвовать собой, лишь бы спасти друга от опасности, проистекающей для Леонтия из путаницы с именами. Фока, удрученный отвращением, которое обе стороны выказывают к задуманному им браку, объясняет упрямство Пульхерии тем воспитанием, какое ей дала мать, и заодно уведомляет зрителей, что слишком долго сохранял жизнь покойной императрице после убийства супруга ее Маврикия. Все это требуется для понимания сцены, происходящей затем между Пульхерией и Фокой; но у меня не хватило умения донести до публики тонкую двусмысленность того, что говорит Ираклий в финале первого действия и что окончательно становится ясным лишь по зрелом размышлении после спектакля, а то и

после второго представления.

Особо отмечу прием, с помощью которого Евдокия извещает во втором действии о двойном подмене царевичей, совершенном ее матерью, — это одна из остроумнейших моих находок. Леонтина корит дочь за разглашение тайны Ираклия, что привело к возникновению опасных для его жизни слухов. Оправдываясь, Евдокия сообщает все, что ей известно, и делает закономерный вывод: огласку получили далеко не все сведения, которыми она располагает; стало быть, слух пущен кем-то, кто знает меньше, чем она. Правда, заявление это столь кратко, что прошло бы незамеченным, если бы Ираклий не развил его в четвертом действии, где ему необходимо воспользоваться вышеупомянутыми сведениями; но ведь Евдокия и не может подробнее остановиться на них в беседе с той, кому они известны лучше, нежели ей; сказанного же ею вполне достаточно, чтобы в известной мере пролить свет на подмен царевичей — на обстоятельство, выяснять которое до конца покамест нет нужды.

Последняя сцена четвертого действия построена еще более искусно, чем предыдущая. Экзупер излагает в ней свои намерения Леонтине, но так, что эта осторожная женщина имеет основания

заподозрить его в обмане: она боится, что он преследует одну цель — вызнать тайну Ираклия и погубить его. Публика — и та проникается недоверием и не знает, что ей думать; однако после успеха заговора и смерти Фоки эти преждевременные признания избавляют Экзупера от необходимости снять с себя справедливо павшие на него подозрения, а зрителей — от еще одного рассказа, который показался бы чрезмерно скучным теперь, после развязки, когда терпения у них достанет лишь на одно — узнать, кто же из двух героев, притязающих на имя Ираклия, является им на самом деле.

Как ни хитроумен замысел Экзупера, он все-таки несколько искусственен; такие вещи возможны лишь на сцене, где автор управляет событиями по своему произволу, а не в действительности, где люди поступают в соответствии со своей выгодой и возможностями. Когда Экзупер выдает Фоке Ираклия и добивается взятия царевича под стражу, намерения его похвальны, а действия успешны, но порукой его удачи служу только я, сочинитель. Своим поступком он снискивает расположение тирана, который поручает ему охранять Ираклия и сопровождать царевича на казнь; однако все могло получиться и не так

— Фока, не вняв совету обезглавить царевича публично, мог бы казнить его немедленно, а к Экзуперу и его друзьям проникнуться недоверием, видя в них людей, которых он обидел и от которых нельзя ждать преданной и ревностной службы. Мятеж, поднятый Экзупером, после чего тот приводит зачинщиков во дворец, чтобы заколоть тирана, изображен вполне правдоподобно, но это прием, допустимый опять-таки лишь на сцене, где он поражает своей неожиданностью, и отнюдь не могущий служить образцом для тех, кто занимается такими делами в жизни.

Не знаю, простится ли мне, что я написал пьесу на вымышленный сюжет с подлинными историческими персонажами; но Аристотель, кажется, этого не возбраняет, и, насколько я помню, у древних достаточно таких примеров. Софокл и Еврипид разрабатывают в своих «Электрах» одинаковую тему столь разными средствами, что сюжет одной из этих трагедий неизбежно должен быть вымышленным; с «Ифигенией в Тавриде»{103} обстоит, по-видимому, точно так же; а в «Елене», где Еврипид исходит из того, что героиня никогда не была в Трое и что Парис похи-

---

{103} Комментарии: 2.103
К стр. 318
«Ифигения в Тавриде» — трагедия Еврипида.

тил не ее, но схожий с нею призрак, сюжет как в своей главной, так и в побочных линиях бесспорно является плодом авторской фантазии.

Сочиняя пьесу, я остался верен исторической правде лишь в том, что касается очередности императоров Тиберия, Маврикия, Фоки и Ираклия; последнему я приписал более знатное происхождение, чем на самом деле, сделав его сыном Маврикия, а не безвестного африканского претора, также носившего имя Ираклий. Я увеличил на двенадцать лет время царствования Фоки и наделил его сыном Маркианом, хотя, как известно из истории, у этого узурпатора была лишь дочь Домиция, выданная им за Криспа, также выведенного мною в трагедии. Если бы и у меня Фока правил всего восемь лет, его сын и Ираклий, которые поменялись местами вследствие совершенного Леонтиной подмена, не стали бы действующими лицами трагедии: для такого подмена необходимо, чтобы в начале царствования Фоки оба юноши были еще младенцами. По той же причине я продлил жизнь императрицы Константины: в пьесе она умирает лишь на пятнадцатом году Фокиной тирании, тогда как в действительности ее убили на пятом; это сделано для того, чтобы она могла иметь дочь,

чей возраст позволял бы усвоить предсмертные материнские наставления и соответствовал бы возрасту царевича, с которым ее хотят обвенчать.

Поступок Леонтины, жертвующей одним из сыновей ради спасения Ираклия, кажется совершенно неправдоподобным, но правдоподобия здесь и не нужно: это исторически засвидетельствованный факт, в который нельзя не верить, сколько бы ни оспаривали его иные чересчур взыскательные критики. Бароний приписывает этот поступок кормилице, чье поведение представляется мне настолько героическим, что его можно отнести к особе более знатной, а значит, и более отвечающей достоинству театрального представления. Император Маврикий узнал о готовящейся жертве и помешал ей, дабы не противиться справедливому приговору Творца, решившего истребить его род; но, как бы то ни было, кормилица сумела преодолеть материнское чувство во имя служения государю, и, раз она в самом деле готова была пожертвовать сыном ради спасения царевича, я счел себя вправе изобразить дело так, будто подмен удался, и положить этот подмен в основу ошеломляющего своей новизной сюжета.

Что касается единства места, то здесь, как и в случае с «Родогуной», зрителю придется проявить немалую снисходительность. Большинство произведений, увидевших с тех пор свет, нуждаются в ней столь же остро, как мое, и я избавлю себя от необходимости доказывать это их разбором. Единство времени не нарушено, и действие вполне укладывается в каких-нибудь пять-шесть часов; тем не менее интрига чрезвычайно запутана, и восприятие трагедии требует особой сосредоточенности. Я сам слышал от умнейших и образованнейших людей при дворе жалобы на то, что спектакль утомляет не меньше, чем серьезная книга. Это не помешало успеху пьесы, но полагаю все же, что понять ее до конца можно лишь после нескольких представлений.

ДОН САНЧО АРАГОНСКИЙ

ГЕРОИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ

{104}

Перевод Мих. Донского

{104} Комментарии: 2.104
«ДОН САНЧО АРАГОНСКИЙ»
(«DON SANCHE D'ARAGON»)
Эта героическая комедия Корнеля была впервые сыграна в конце 1649 г. на сцене «Бургундского отеля». Пьеса прошла с большим успехом, но события Фронды, и в частности заключение в тюрьму принца Конде, покровителя Корнеля, способствовали падению к ней интереса в аристократическом обществе. В Париже и много позже ее ставили не очень часто, хотя можно отметить постановки 1753 г. с известным актером Гранвилем в заглавной роли и 1844 г. с Рашелью в роли Изабеллы. Зато в провинции «Дон Санчо» пользовался большой популярностью вплоть до эпохи романтизма.
Издана пьеса была в мае 1650 г. парижским печатником Огюстеном Курбе.

ДОН САНЧО
АРАГОНСКИЙ

ГОСПОДИНУ ВАН ЗЁЙЛИХЕМУ{105}, СОВЕТНИКУ И СЕКРЕТАРЮ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА ПРИНЦА ОРАНСКОГО

Милостивый государь!

Предлагаю Вашему вниманию сочинение в новом духе, подобного коему нет у древних. Вам известны прихоти наших французов: им нравится новизна, и я отваживаюсь non tam meliora quam nova[12] *в надежде более их этим развлечь. Такими прихотями отличались греки во времена Эсхила, apud quos*[13]

> *Illecebris erat et grata novitate morandus Spectator*[14]*;*{106}

{105} Комментарии: 2.105

К стр. 322

Зейлихем. — См. коммент. к стр. 80.

[12] Примечания: 1.12

Не столько на лучшее, сколько на новое (*латин.*).

[13] Примечания: 1.13

по мнению которых (*латин.*).

[14] Примечания: 1.14

> *Были приманки нужны и новинки, которые любит зритель... (латин.).*

Перевод М. Гаспарова.

{106} Комментарии: 2.106

Были приманки нужны… — цитата из «Науки поэзии» Горация (ст. 223–224).

а если не ошибаюсь, то и римляне:

> *Nec minimum meruere decus, vestigia Graeca*
>
> *Ausi deserere*
>
> *Vel qui praetextas, vel qui docuere togatas...*[15] {107}

Стало быть, я хоть видел примеры тому, что предпринималось нечто, чего еще не бывало. Сразу же признаюсь, что, закончив свой труд, я оказался в затруднении: какой дать ему подзаголовок? Я никак бы не отважился зачислить его в разряд трагедий, ибо не усматриваю в героях пьесы качеств, к коему это определение обязывает. Старику Плавту, не углублявшемуся в излишние тонкости, было куда легче: коль скоро в его

---

[15] Примечания: 1.15

> *И заслужили по праву почет — особенно там, где*
> *Смело решались они оставить прописи греков*
> *И претексты писать и тогаты... (латин.).*
>
> ***Перевод М. Гаспарова.***

{107} Комментарии: 2.107

Смело решались они... — там же, ст. 286–288.

претексты — разновидность древнеримской трагедии, использовавшей мифологические и исторические сюжеты; служили прославлению Рима.

тогаты — разновидность древнеримской комедии, изображавшей семейный быт средних слоев городского населения.

«Амфитрионе» действуют боги и цари, он почел нужным назвать его трагедией, а поскольку имеются слуги, которые изощряются в остроумии, то пожелал назвать его и комедией, а в итоге употребил составное слово, для сего случая им придуманное, боясь как бы чего не упустить. Но не проявилось ли в этом чрезмерное почтение к действующим лицам и пренебрежение самим действием? Аристотель поступает иначе, когда трактует о трагедии и описывает, каким должно быть действие и какое впечатление оно должно производить, ничего при этом не говоря о действующих лицах; и мне кажется, что те, кто связывает сочинения этого рода с делами знаменитых людей, руководствуются собственным разумением, будто лишь в судьбах королей и принцев можно почерпнуть основу для действия, законы коего установлены этим великим знатоком искусства. А между тем, когда он сам разбирает, какие свойства должны быть присущи героям трагедии, он вовсе не касается их происхождения, а говорит только о событиях в их жизни и об их нравах. Он требует, чтобы человек был ни совершенно дурен, ни совершенно хорош; чтобы он подвергался преследованиям кого-то из окружающих; чтобы ему грозила

смертельная опасность со стороны того, кому надлежало бы его оберегать. Мне непонятно, почему это может случиться лишь с принцем, а лица менее высокого звания не подвержены подобным несчастьям. История не удостаивает их упоминанием, разве что они досадят кому-либо из великих, — вот, без сомнения, причина того, что этой черты трагедия доселе не преступала. Трагедия вынуждена опираться на историю в том, что касается изображаемых событий: они предстают значительными тогда лишь, когда выходят за пределы обыденного правдоподобия, а стало быть, могут показаться невероятными, если не сослаться на непререкаемый авторитет истории, которая повелевает верить тому, в чем трагедия хочет убедить. Но почему бы последней не спуститься с высот, когда заслуживающие ее внимания события встречаются в более низких сферах? Я не могу согласиться, что поруганное гостеприимство — в лице дочерей Скедасия{108},

---

{108} Комментарии: 2.108

К стр. 323

…в лице дочерей Скедасия… — Корнель имеет в виду трагедию Александра Арди (ок. 1560–1632?) «Скедасий, или Поруганное гостеприимство» (1623), в которой рассказывается, как несчастный отец, простой крестьянин из Левктрии (местность в Беотии, провинции Древней Греции с центром в Фивах), кончает с собой после того, как он не смог добиться наказания насильников и убийц его дочерей, впустивших их в дом на ночлег.

простого левктрийского поселянина, — менее достойный для нее сюжет, чем убиение Агамемнона его супругой или осуществленное Орестом в отмщение за эту смерть матереубийство; разве что в сем случае надлежит надеть не столь высокие котурны:

> *Et tragicus plerumque dolet sermone pedestri*[16] *{109}*

Скажу больше: трагедия должна вызывать сострадание и ужас, и это главное, коль скоро это входит в самое определение жанра. Между тем, если верно, что последнее из упомянутых чувств пробуждается в нас спектаклем лишь тогда, когда мы видим страдания существ, подобных нам, и когда их злосчастия заставляют нас страшиться таких же злосчастий, то не пробудится ли это чувство с большей силой, если мы увидим горести, постигшие людей нашего звания, во всем похожих на нас самих, чем если нам покажут катастрофы, сотрясающие престолы великих

---

[16] Примечания: 1.16

Как в трагедии речь становится скромной и жалкой.

Перевод М. Гаспарова.

{109} Комментарии: 2.109

К стр. 324

Как и в трагедии речь… — Цитата из «Науки поэзии» Горация (ст. 95).

мира сего, с коими у нас нет ничего общего и страсти коих, приведшие их на край пропасти, для нас непостижимы, — ведь потрясения эти так редки? Если вы почтете это рассуждение сколько-нибудь основательным и согласитесь, что обычные люди могут быть героями трагедии, если их бедствия достойны такого жанра, то позвольте мне заключить a simili[17]*, что и героями комедии могут стать высокие особы, коль скоро мы поставим их в обстоятельства, не выходящие за возможные для комедии рамки. И в самом деле: прочитав у Аристотеля, что трагедия есть изображение таких-то событий, а не таких-то людей, я полагаю себя вправе утверждать подобное и о комедии и взять за правило, что лишь характер действия, а отнюдь не персонажей определяет род драматического сочинения. Вот, милостивый государь, более чем достаточная аргументация для того, чтобы привлечь Вас на свою сторону и завоевать Вашу поддержку избранного мною для «Дона Санчо» подзаголовка. Все, что я сказал, Вы знаете лучше меня; однако, коль скоро я здесь поверяю свои мысли публике, то, надеюсь, Вы не будете на меня*

---

[17] Примечания: 1.17
по аналогии (*латин.*).

в обиде за это напоминание о вещах, которые я обязан ей пояснить. Итак, я, с Вашего позволения, продолжу и скажу публике, что «Дон Санчо» самая настоящая комедия, хотя все действующие лица — августейшие особы или гранды Испании, ибо в пьесе не возникает угрозы, могущей вызвать у зрителя сострадание или ужас. Наш искатель приключений Карлос не подвергается серьезной опасности. Двое из его соперников слишком высокомерны, чтобы померяться с ним силами и слишком благородны, чтобы строить против него козни. Презрение, с коим они смотрят на безродного, не разрушает в них уважения к его доблести, которое сменяется почтением в момент, когда они догадываются, кто он такой, хотя он сам этого еще и не знает. Третий принимает его вызов, но королева тут же прекращает их спор; да если бы поединок и завершился смертельным исходом, то гибель одного из соперников от руки другого не даст повода ни для сострадания, ни для ужаса, а стало быть, не является трагическим событием. У героя есть основания для сильных огорчений, и мы могли бы ему посочувствовать, когда он говорит одной из своих властительниц:

> *Я жалок сам себе, как горестный любовник…*

Но ведь в комедиях сплошь и рядом влюбленные собираются умереть, если их чувство не будет вознаграждено, и подобные страдания не предуготовляют трагического исхода, не выходят за рамки комедии. С героем происходит одно-единственное несчастье, коего он страшится: открылось, что он сын рыбака; но и тут он не нуждается в нашем сострадании, ибо оскорблен состраданием своих соперников. Этот герой совсем не того образца, что герои Еврипида, которых автор одевает в лохмотья, чтобы выжать слезы у зрителей; наш герой терпит невзгоды с такой твердостью, что внушает нам не столько сострадание к его бедам, сколько восхищение его мужеством. Мы начинаем бояться за него прежде, чем беда стряслась; но боязнь эта проистекает из обычного интереса к судьбе главного действующего лица и не выходит из ряда inter communia utriusque dramatis[18], *равно как и узнавание, дающее развязку пьесе. Между тем трагический ужас не предшествует несчастью героя, но возникает как следствие; мы боимся не за героя, но за нас самих; и, ставя себя мгновенно на его место и примеряя к себе*

---

[18] Примечания: 1.18
из ряда общих положений для той или иной драмы (*латин.*).

его несчастья, очищаемся от тех страстей, кои послужили им причиной. Таким образом, я не вижу в моем сочинении ничего такого, чем бы оно могло заслужить название трагедии, разве что мы согласились бы с определением Аверроэса{110}, отождествляющего трагедию с искусством восхваления. Согласись мы с ним, мы не могли бы оставить вышеупомянутый подзаголовок, ибо только в предумышленном ослеплении можно было бы не заметить, что во всех действиях пьесы живописуется сильнейшее впечатление, которое оказывают редкие качества достойного человека на самые разные умы, а это достаточно хитроумный род восхваления, отличающийся от обычных панегириков. Но с моей стороны было бы неприлично ссылаться на арабского автора, которого я знаю лишь по латинскому переводу; и коль скоро его толкование не расширяет, а, напротив, сужает смысл суждений Аристотеля, то мне скорее подобает довериться Аристотелю, а он не позволяет дать моему сочинению имя более возвышенное, чем комедия. Признаюсь, я

{110} Комментарии: 2.110

К стр. 326

Аверроэс (или Ибн Рошд; 1126–1198). — Арабский философ средних веков. Среди других сочинений ему принадлежат «Комментарии» к «Поэтике» Аристотеля.

все же некоторое время колебался, ибо не видел в пьесе ничего, что могло бы подать повод для веселья. А веселость стала настолько привычной для комедии, что многие полагают таковое качество связанным с самим ее существом; и я испытывал бы известное беспокойство, не будь я от него исцелен Вашим Гейнзием{111}, от которого недавно узнал, что movere risum non constituit comoediam, sed plebis aucupium est, et abusus[19]*. После свидетельства столь великого знатока грешно было бы мне искать других подтверждений и опасаться необоснованности той мысли, что комедия может обойтись без шутовства. Я прибавил эпитет и назвал пьесу героической комедией, дабы ни в малейшей степени не задеть высокий сан действующих лиц, ибо иначе употребление низкого термина, который доныне еще не взбирался на такие высоты, могло бы показаться святотатством. Но, в конце концов,*

{111} Комментарии: 2.111

Гейнзий. — Под этим именем получили известность два голландских филолога — Даниэль Гейнзий (1580–1655) и его сын Николас Гейнзий (1620–1681). Корнель ссылается, по-видимому, на первого.

[19] Примечания: 1.19

заставлять смеяться не есть задача комедии, этим приманивают и завлекают плебс (*латин.*).

это всего лишь interim[20] до той поры, как Вы мне скажете, какое определение следует дать пьесе. Я обращаюсь к Вам единственно для того, чтобы предоставить все Вашему решению; и если Ваши Эльзевиры{112} займутся этим сочинением, как уже занимались иными из моих предыдущих, они вправе издать его в Ваших провинциях под обозначением, которое Вы сочтете для него наиболее подходящим, а мы здесь приведем в исполнение Ваш приговор. Я буду с нетерпением ждать от Вас указаний, дабы утвердиться в своих мыслях или же признать, что попытка оказалась несостоятельной; до тех же пор я останусь в нерешимости. И если Вы не удостоите меня похвалы за то, что я убедительно обосновал вводимое мною новшество, то похвалите хотя бы за то, что я недурно отстаивал свой парадокс. Буде же Вы мне откажете и в том и в другом, я утешусь без труда, ибо твердо верю, что Вы никак не сможете отказать мне в чести, коей я превыше

---

[20] Примечания: 1.20

предварительное примечание (*латин.*).

{112} Комментарии: 2.112

Эльзевиры… — Корнель имеет в виду известную голландскую издательскую фирму, которая ко времени написания данной пьесы уже напечатала в Лейдене следующие произведения драматурга: «Сид» (1644), «Цинна» (1644), «Полиевкт» (1644), «Гораций» (1645), «Лжец» (1645), «Ираклий» (1647), «Родогуна» (1647). В 1650 г. Эльзевиры напечатали и «Дона Санчо Арагонского».

всего дорожу: в чести пребывать до последнего дня жизни Вашим, милостивый государь, смиреннейшим и почтительнейшим слугой.

Корнель.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА
королева Кастилии.
ДОНЬЯ ЛЕОНОР
вдовствующая королева Арагона{113}.
ДОНЬЯ ЭЛЬВИРА
арагонская принцесса.
БЛАНКА
камеристка доньи Изабеллы.
КАРЛОС
воин, человек безвестного происхождения.
ДОН РАМОН ДЕ МОНКАДА
приближенный покойного арагонского короля.
ДОН ЛОПЕ ДЕ ГУСМАН
ДОН МАНРИКЕ ДЕ ЛАРА
ДОН АЛЬВАРО ДЕ ЛУНА
кастильские гранды.
ГРАНДЫ, ДВОРЦОВЫЙ СТРАЖ.

{113} Комментарии: 2.113
К стр. 328
Кастилия, Арагон — самостоятельные королевства на территории Испании до их объединения в единую державу.

Действие происходит в Вальядолиде{114}.

{114} Комментарии: 2.114
Вальядолид — до объединения королевств был столицей Кастилии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Донья Леонор, донья Эльвира.

Донья Леонор.

О дочь моя! Узнай, что всеблагая сила
Нам после стольких бед вновь радость возвратила.
Нас помнит наш народ: восстал весь Арагон
Против изменников, у нас отнявших трон,
И, нам вернуть права державные готовый,
Крушит он рабские позорные оковы.
К нам нынче явится сюда, в Вальядолид,
Посольство и триумф закона возвестит:
Изгнанье кончилось, посрамлено насилье.
Но знаменателен сей день и для Касти-

льи,

Где двадцать лет назад мы обрели при-
ют;

Здесь объявления от королевы ждут,

Кому она свою отдать решила руку.

А ты? Столь долгую перенесся разлуку

С родной страной, теперь вернуться
можем мы;

Но успокоятся ль смятенные умы,

Когда окажется, что ты, их королева,

Всего лишь слабая, неопытная дева,

С которой никого нет рядом, — только
мать,

Чтобы советом ей и делом помогать?

А будь ты замужем, супруг твой мощ-
ной дланью

Способен был бы, вняв всеобщему же-
ланью.

Порядок укрепить, твою упрочить
власть.

И претенденты есть: иной питает
страсть

К тебе, иного же манит твоя форту-

на;

Из всех достойнейший — граф Альваро де Луна:

Тебе — изгнаннице — был предан сердцем он,

Так избери его, воссев на отчий трон.

Донья Эльвира.

Граф полон совершенств, и за него я рада:

От неба ждет его, не от меня награда, —

Ведь он кастильцами включен в число троих

Достойнейших вельмож, и одного из них

Их государыня должна избрать в супруги.

Но нам достоинства его, его заслуги

Известны, — можем ли мы сомневаться в том,

Что скоро и без нас он станет королем?

И как наш Арагон? Придется ль там

по нраву,

Коль чужеземцу я вручу свою державу?

Вдруг смуты вспыхнут вновь? Сперва престол займем;

На женихов свой взгляд я уроню потом.

Донья Леонор.

Не урони свой сан. И долю мою вдовью

Не вздумай отягчать. Иль не горишь любовью

Ты втайне к Карлосу, безродного избрав?

Да, да, вот почему тобой отвергнут граф.

Не спорю, всяческих хвалебных слов достоин

Сей Карлос, но — кто он? Всего лишь храбрый воин

Без роду-племени. Сомнительно, темно

Происхождение его.

Донья Эльвира.

Скажу одно:

Бывало, что по тем или иным причинам

Потомок королей, одет простолюдином,

Пускался в странствия под именем чужим,

Сражался, побеждал, властители пред ним

Дрожали, поднося свои венцы герою,

И все ж при том никто, — он даже сам порою, —

Не ведал, как его зовут.

Донья Леонор.

Ужели ты

Лелеешь втайне столь нелепые мечты?

Донья Эльвира.

Я в Карлосе ценю достоинства, о коих

В домах ли горожан, в дворцовых ли покоях

Давно уже твердят: гремит ему хвала,

Превозносящая геройские дела.

Коль восхищаюсь им и я со всеми вместе,

Тем наношу ль урон державной нашей чести?

Как воин доблестный он мной любим и чтим,

Как воин доблестный защитником моим,

Опорою моей он стал здесь, на чужбине.

Он был почтительным мне подданным доныне,

Но если вдруг иным он чувством обуян,

Я выполню свой долг, свой не унижу сан.

Донья Леонор.

Пусть небо укрепит тебя в решенье этом.

Донья Эльвира.

Я рада, матушка, по вашим жить советам.

Донья Леонор.

Однако почему он, а не кто иной,

Назначен провожать тебя в твой край родной?

Быть лишь защитником твоим ему позволишь?

Он будет подданным почтительным? Всего лишь?

Донья Эльвира.

Подобные ему одной войной живут,

Их страсть, призвание, привычка — бранный труд.

Здесь воцарился мир: захвачена Севилья{115}

И освобождена от мавров вся Кастилья.

Но он рожден для битв, он баловень побед.

И, зная, что ему здесь примененья нет,

Что благодетельный мир не его стихия,

Он рвется в Арагон, туда, где дон Гар-

{115} Комментарии: 2.115

К стр. 331

…захвачена Севилья… — В действительности Севилья была отвоевана у мавров в 1248 г. Фердинандом III Кастильским.

сия,

Обидчик наш, разбит еще не до конца.

Меч обнажить за нас — стремленье храбреца.

Донья Леонор.

Но в день, когда тебя он утвердит на троне,

Когда спокойствие настанет в Арагоне,

Отправится ли он — уже в иных краях —

Вновь славу умножать, вновь сеять смерть и страх?

Донья Эльвира.

Простите, матушка, вот донья Изабелла.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и донья Изабелла, Бланка.

Донья Леонор.

Ваше величество! Одна лишь мысль всецело

Заполнила умы: кто он, счастливец тот,

Кого владычица в супруги изберет?

О день торжественный, день радостных свершений!

Донья Изабелла.

Нет, донья Леонор! День тягостных сомнений.

Сегодня я собой пожертвовать должна,

Дабы в спокойствии жила моя страна.

О женский наш удел! Так повелось, к несчастью,

Что безраздельной мы не пользуемся властью;

Считают: скипетр наш тяжел для женских рук,

Чтоб удержать его, нам надобен супруг.

Всего два месяца я на кастильском троне,

Но тянется ко мне — верней, к моей короне —

Толпа искателей. Что вызвало их страсть?

Боюсь, не женщина, но сан ее и власть.

Тщеславие вельмож зашло за грань приличий,

Меж них идет борьба: чьей стану я добычей.

Их распрям лишь тогда я положу конец,

Когда решусь отдать и руку и венец

Кому-нибудь из них. Мне все твердят об этом:

Знать просит, ждет народ, утверждено Советом,

И согласилась я. Совет избрал троих,

Чтоб легче было мне назвать, кто мой жених.

Но выбор для меня, увы, как божья кара.

Граф Лопе де Гусман, Манрике граф де Лара

И третий — Альваро де Луна. Кто из трех?

По мне, любой из них — он ни хорош,

ни плох.

Донья Леонор.

Их вам представили, но кто же вас принудит?

Коль сердце вам велит иное, так и будет:

Распоряжаться вы вольны своей судьбой.

Донья Изабелла.

Властитель властвовать обязан над собой.

Наш королевский сан — он нас хранит ревниво

От безотчетного сердечного порыва;

Мы к позлащенному прикованы ярму,

И сердце подчинить приходится уму.

— Откройте двери в зал. — Благое провиденье,

Мне подскажи слова, дай силы для решенья!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и дон Лопе, дон Манрике, дон Альваро, Карлос, гранды.

Донья Изабелла.

Вас, графы, я прошу сначала клятву дать:

Без возражения мой приговор принять.

Пусть два отвергнутых, а может быть, все трое

Не станут злобствовать и замышлять дурное

Против того, кому я первенство отдам.

Совет приказывать отнюдь не может нам,

Он, перечислив трех, от прочих нас избавил,

Однако на сей счет законов нет и правил,

Кого я захочу — того избрать вольна.

Советом названы мне ваши имена,

И соглашаюсь я, что он назвал достой-

ных:

В годину мирную, в кровопролитных войнах

Явили мужество и мудрость вы свою.

Столь труден выбор мне — от вас не утаю, —

Что в этом от небес я ожидаю знака.

Ах, если б я могла не выбирать! Однако

В том долг мой. Но от вас я подтвержденья жду:

Мой выбор ничьему не подлежит суду.

Дон Лопе.

Да, государыня, вы совершенно правы.

Лишь повинуясь вам, назвал Совет державы

Три наших имени; решать не может он.

Монарший ваш указ — для подданных закон.

Хотя с надеждой жду счастливого исхода,

Но знаю: мнение Совета, древность рода,

Заслуги — все ничто, и лишь из ваших рук

Бесценный примет дар ваш будущий супруг.

Последнего в стране — и службой и рожденьем —

Вы можете взыскать своим благоволеньем.

Мы подчинимся вам, не станем мы роптать.

При том надеется вся родовая знать

На проницательный ваш взор, на ум спокойный:

Пусть наименее из всех нас недостойный

От вас получит дар неоценимый сей.

И, выбор делая, вы в мудрости своей

Не позабудете, что этот день великий

Решит судьбу страны.

Донья Изабелла.

Вам слово, дон Манрике.

Дон Манрике.

Вы, государыня, произнесли нам речь,

Которой нас могли б в сужденьях остеречь,

Но подтвердить хочу я в день сей достославный:

Ваш выбор должен быть прямой, самодержавный;

Ни с кем ответственность за выбор не деля,

Пусть королева нам назначит короля.

Решившись подчинить себя чужому мненью,

Сиянье титула вы омрачили б тенью:

Наш новый государь, заняв кастильский трон,

Вообразить бы мог, что так он вознесен

Не государыней, — решением Совета.

Я сердце отдал вам еще в былые лета,

Тогда, когда от вас был так далек престол;

Для чаяний своих опору я обрел

В покойном короле, державном вашем

брате;

По родословию я из древнейшей знати,

Но если избранным окажется другой —

Смирюсь и преданным останусь вам слугой.

Донья Изабелла.

Вот речь, внушенная почтеньем и любовью!

Теперь — дон Альваро.

Дон Альваро.

Я, чуждый многословью,

Отвечу: руку вы вольны отдать тому,

Кто мил вам; выбор ваш безропотно приму.

Донья Изабелла.

Слов этих тайный смысл попробую постичь я:

Учтивость, я боюсь, лишь маска безразличья.

Я полагаю, граф в кого-нибудь влюблен

И адресуется к любой из двух сторон.

Дон Альваро.

Ваше величество…

Донья Изабелла.

Напрасных слов не тратьте.

Теперь мы просим всех присутствующих: сядьте.

Три королевы садятся в кресла, три графа и другие гранды занимают места на расставленных для них скамьях. Карлос, найдя свободное место, хочет сесть, но дон Манрике его удерживает.

Дон Манрике.

Эй, Карлос! Вы куда? Вам не по званью честь.

Карлос.

Но здесь не занято, так почему ж не сесть?

Дон Манрике.

Вот как? Вы лишь солдат. А тут сидят вельможи.

Карлос.

Солдат? Вы правы, граф. Солдат я. Ну и что же?

Я должен своего стыдиться ремесла?

Шесть лет, как я солдат; сраженьям нет числа,

В которых грудь свою я подставлял ударам.

И королева мне поверит, что недаром

Благоволил ко мне ее покойный брат.

И трижды…

Дон Манрике.

Знают все, что вы лихой солдат.

Донья Изабелла.

Все знают? Но не я. Так расскажите мне вы

О ваших подвигах. Не долг ли королевы

Знать подданных своих, дабы она могла

Достойно отличать достойные дела?

Дон Манрике.

Я полагал, что нас не для того собрали?

Донья Изабелла.

Я повторяю, граф: послушаем вначале

Мы Карлоса. Всему настанет свой черед.

Карлос.

Вот, государыня, вам краткий мой отчет.

Солдат — сказали здесь. Мне это званье лестно.

Покойный наш король (то многим здесь известно)

Сам троекратно был свидетелем того,

Как преданный солдат сражался за него.

В бою кастильский стяг захвачен был врагами;

Один, без помощи, отбил я это знамя,

Бойцы воспрянули, свершился перелом,

И маврам в этот день был учинен разгром.

В другой раз короля в разгар кровавой сечи

Я от полона спас, увидев издалече,

Что в одиночестве, на груде мертвых

тел,

Он бьется с маврами. Я от мечей и стрел

Служил ему щитом, пока не подоспели

На помощь нам друзья и мавров одолели;

Из боя вышли мы (скажу вам не тая)

Победоносным — он, и полумертвым — я.

Потом, в тот день, когда мы шли на штурм Севильи,

Взобрался первым я из воинов Кастильи

На стену крепости, незыблемой доколь.

Я вам сказал о том, что видел сам король;

О прочем знают те, что так полны гордыни,

Но без меня в плену томились бы доныне.

Дон Манрике.

Имеются в виду дон Лопе и я сам?

Карлос.

Сеньор, я все сказал! Предоставляю вам
К сему добавить то, что вам подскажет совесть.
Я, государыня, свою закончил повесть.
Вознаградить меня пообещал ваш брат.
Он мертв, а мертвые не раздают наград.

Донья Изабелла.

Да, умер он. Но я, наследница короны,
Наследую его порядки и законы
И воплотить хочу в дела его слова.
Садитесь, Карлос.

Дон Лопе.

Пусть он скажет нам сперва,
Кто он и каково его происхожденье.
Да, подвиги его достойны удивленья;
Мы оба признаем, что у севильских стен,
Когда б не он, могли попасть к неверным в плен.

Он вправду чудеса творил на поле чести,

Но кто он родом, чтоб сидеть на этом месте?

Карлос.

Кто пожелает, пусть свой восхваляет род,

Кичится предками. Я ж не ценю почет,

Который прадеды потомкам оставляют.

Пусть мой безвестен род, зато меня все знают.

Но все же на вопрос хочу я дать ответ.

Узнайте же, сеньор, кто я: я — сын побед,

Мой брат — булатный меч, моя сестра — отвага.

Дон Лопе.

Ну вот, вы слышали? Он попросту бродяга.

Низкорожденный он.

Донья Изабелла.

Так что же из того?

Ужели не могу возвысить я его?

Дон Манрике.

Но, государыня…

Донья Изабелла.

Довольно препирательств!

Нет основания для ваших домогательств.

Намерены вы мне указывать?

Дон Манрике.

О нет!

Но здесь, где собрался кастильской знати цвет,

Низкорожденному, без титула и сана,

Не место.

Донья Изабелла.

Сядьте же, маркиз де Сантильяна,

Наместник Бургосский и граф де Пеннафьель!{116}

{116} Комментарии: 2.116

К стр. 338

Пеннафьель, Сантильяна, Бургос — мелкие и крупные (Бургос) города Кастилии.

Как, дон Манрике? Что вы скажете? Ужель

Дон Карлос — граф, маркиз, победоносный воин —

По-вашему, сидеть меж грандов недостоин?

Дон Манрике и дон Лопе встают, Карлос садится.

Дон Манрике.

Что ж, государыня, мы продолженья ждем:

Назначьте же его и нашим королем.

Не столь желательно вам было нас унизить

Сим возвышеньем, сколь его к себе приблизить.

Понятно, почему вы клятву взяли с нас.

Власть ваша! Кто бы мог оспорить ваш указ?

Причуду и мечту вы вправе сделать былью:

Отдать безродному себя и всю Кастилью.

Прощайте! Ревности во мне нет и следа,

Но не хочу сгорать за вас я со стыда.

Донья Изабелла.

Останьтесь, дерзкий! Вас прощает королева,

Хотя монаршего и стоите вы гнева.

Нет, наши замыслы отнюдь не таковы,

Какими их сочли в запальчивости вы.

Прислушаемся мы к мнению Совета.

За нарушение всех правил этикета

Вас надо б наказать; однако на сей раз

Смягчимся: пылкость чувств оправдывает вас.

Дон Манрике.

Ваше величество! Опомнился теперь я

И…

Донья Изабелла.

Дон Манрике! Вы полны высокомерья,

Вы беззастенчиво его явили здесь,

И средство я найду умерить вашу

спесь.

Любовь ли к Карлосу мной движет, иль почтенье

К его деяниям, — от вас жду подчиненья

Приказам чувств моих, поступкам и словам.

Итак, я объявлю свое решенье вам.

Возвышен Карлос мной, и вам теперь он — равный.

Так вот, вершителем судьбы моей державной

Он станет: верю я, способен он вполне

В столь важном выборе помочь советом мне.

Я знаю вас троих по именам, не боле,

А Карлос видел вас в делах, на ратном поле,

Все с вами радости и тяготы деля.

Так пусть же нам маркиз назначит короля.

(Карлосу.)

Вот перстень мой. Его супругу мы по-

дарим.

Отдать кольцо тому, кто станет государем,

Я поручаю вам. До вечера, маркиз,

Вы одному из трех вручите этот приз.

Пусть это, гордецы, смиренью вас научит.

Склонитесь перед ним: лишь от него получит

Мой перстень и венец один из вас троих.

Ваши величества, теперь оставим их.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Лопе, дон Манрике, дон Альваро, Карлос.

Дон Лопе.

Итак, склониться нам велят перед маркизом,

Должны покорствовать мы всем его капризам.

Чем можно ублажить вершителя судеб?

Карлос.

К насмешкам вашим, граф, я буду глух и слеп,

Дабы мне стать судьей пристрастным не пришлось бы.

Дон Манрике.

Зачем насмешничать, когда уместней просьбы?

Карлос.

Ни шуточек, ни просьб. И дружбу сохраним.

Вот перстень. Должен я распорядиться им.

Не бойтесь: от меня не будет вам урона.

Чтоб я таких вельмож стал оттеснять от трона?

Ведь Карлос лишь солдат. Да разве он судья —

Кто государыне годится тут в мужья?

Обременительны мне полномочья эти!

Вдруг выберу не так, — зачем мне быть в ответе?

Мой выбор, может быть, оспорят, засмеют.

Нет, дело передам на беспристрастный суд, —

Суд вашей доблести, суд вашей острой шпаги.

Вот перстень, что вручен безвестному бродяге.

Он, графы, перейдет до истеченья дня

К тому...

Дон Лопе.

К кому?

Карлос.

К тому, кто победит меня.

Сумеете удар нанесть смертельный мне вы —

Получите кольцо и руку королевы.

Установите же черед между собой.

Кто первый? Где? Когда? Я принимаю бой.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Лопе, дон Манрике, дон Альваро.

Дон Лопе.

Вот наглость!

Дон Альваро.

Он сумел, я должен вам заметить,
С большим достоинством обидчикам ответить.

Дон Манрике.

Не думает ли он, что, смыслу вопреки,
Уроним мы себя и с ним скрестим клинки?

Дон Альваро.

Как, вы откажетесь?

Дон Лопе.

Без всяких угрызений.
Кто он такой? Солдат, искатель приключений.
Военачальникам с ним биться? Что за вздор!

Дон Альваро.

Он воин доблестный. Но ни к чему наш спор:
Хотя бы вашего презрения и гнева
Он стоил, — слушаться велела королева.

Дон Лопе.

И королева тем унизила наш сан,
Обиду нанесла знатнейшим из дворян!

Дон Альваро.

Всевластны короли. И донья Изабелла
Не властна ль награждать без меры, без предела?

Дон Манрике.

Сколь снисходительны, дон Альваро, вы к ней!
Награда? Как сказать! Страсть тайная — верней.

Дон Альваро.

Скорей, о сговоре подумал бы я тайном:

Чтоб выбор жениха был менее случайным,

Испытывают нас при помощи кольца.

Того, кто победит такого храбреца,

Не уронив себя, она почтит любовью.

И подчиниться нам приходится условью.

Дон Манрике.

Да, оправдание ей отыскали вы.

Но ваша-то в чем цель? По мнению молвы,

Ваш взор — он устремлен... не к донье ли Эльвире?

Дон Альваро.

Пусть даже так. Но мне всего дороже в мире

Честь родины моей. И если здесь сочли,

Что я избрания достоин в короли,

То я свой вижу долг в том, чтоб ценой любою

Добыть реликвию, которую лишь с бою

Согласен нам маркиз дон Карлос усту-

пить.

А отберу кольцо, тогда уж — так и быть —

Боритесь за него со мной, поочередно.

Дон Лопе.

Ну что ж, извольте, граф, коль это вам угодно:

Мы будем польщены почетною борьбой.

А ваш маркиз — пусть он вступает с ровней в бой.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Донья Изабелла, Бланка.

Донья Изабелла.

Ах, Бланка, знала ль ты подобные страданья?

Все чувства подавлять должна я, все желанья.

Должна холодной быть, хотя горю огнем,

И, выбор сделав свой, должна молчать о нем.

Вот какова судьба у государей, Бланка,

Вот блеска нашего суровая изнанка.

Взошла я на престол, чтоб стать его рабой:

Над всеми властвуя, не властна над собой.

Мой скипетр! Если впрямь повелевать ты можешь,

Зачем ты бремя чувств с моей души не

сложишь?

Зачем не исцелишь от страха: как бы вдруг

Не стал заметен всем сердечный мой недуг?

Бланка.

Как трепетала я, что слишком он заметен

И что не избежать злокозненных вам сплетен!

Когда велели вы поклясться этим трем,

То я уверилась в предчувствии своем;

Дыханье затаив, ждала от вас в испуге,

Что дона Карлоса возьмете вы в супруги.

Но, к счастью, удалось вам подавить порыв:

Почтили вы его, себя не уронив.

Сегодня восхитить меня смогли вдвойне вы:

Любовью женщины, величьем королевы.

Донья Изабелла.

Верней, почтив его геройские дела,

Я заслонить любовь величием смогла

И государыней явилась благосклонной,

По-королевски скрыв гнев женщины влюбленной.

Сперва, когда свою лишь начинала речь,

Я трех искателей желала остеречь,

Внушить почтение к носительнице власти.

К тому же оттянуть хотелось мне отчасти

Мгновенье выбора — на казнь ведь не спешат;

Уж раз приходится, то выбрать — наугад.

Но как себя вели кичливые вельможи?

Был Карлос оскорблен, унижена я тоже:

Коль взыскан милостью воитель славный наш,

Кто вправе полагать, что тут — пустая блажь?

Во мне вскипела кровь. И вот любовь-злодейка

Увидела, что ей представилась лазейка,

Что оскорбленное достоинство дает

Возможность легкую ей выступить вперед,

Укрывшись ото всех под этою личиной.

И вот на Карлоса обрушились лавиной

Все сразу почести: маркиз, наместник, граф.

Я это сделала, обычаи поправ,

Назло завистникам, для пущей их досады:

Мне быть велят скупой — я жалую награды;

Вот вам, — пусть мучают обида вас и злость.

Притом я и любви хотела бросить кость,

Мечтала: щедростью задобрена, быть может,

Теперь уже она меня не потревожит.

Увы! Она меня терзает все сильней,

И слишком трудно мне сопротивляться ей!

Свой перстень для того я Карлосу вручила,

Чтобы любовь сама себя искоренила;

Я сердца своего настойчивый призыв

С негодованием отринула, прикрыв

Невидимый отказ почетом слишком явным.

Боясь его избрать властителем державным,

Я много бо́льшую ему вручила власть.

Те трое — мне равны; чтоб выбор мой не клясть,

Взяла судьей его. Что скажет мой любимый —

Приму как жребий свой печальный, но терпимый.

Вот, Бланка, почему я поступила так,

Зачем я Карлосу вручила высший знак

Доверья своего. Нет, как ни исстрадалась,

В мечтах столь низменных ужель бы я призналась?

Нет, тайне я не дам из сердца ускользнуть,

Хотя бы от немой тоски разбилась грудь!

Но допустила я, увы, неосторожность:

Дала отважному воителю возможность,

Изобразив, что он мою спасает честь,

Без промедления с врагами счеты свесть.

Мой выбор должен был пресечь в стране раздоры;

Еще не сделан он, но стал причиной ссоры,

И гранды, выказать стремясь свою любовь, —

Ко мне иль к скипетру? — лить вынуждены кровь.

Но я не допущу кровавой этой схватки.

Бланка.

Вам не удастся. Есть старинные по-

рядки,

Обычаи страны. На поединки встарь

Не брезговал смотреть сам даже государь.

Отказ от вызова — бесчестье, и, поверьте,

Бесчестье для дворян — оно страшнее смерти.

Донья Изабелла.

Я знаю: здесь нельзя идти путем прямым, —

Запрет явился бы лишь оскорбленьем им.

Когда покорность нам чревата униженьем,

Мы только собственным вредим установленьям,

Самодержавный гнет — источник всех крамол;

Ты хочешь властвовать — умерь свой произвол.

На поединок я не наложу запрета,

Отсрочить же его смогу. За время это

Я меры предприму. Ко мне на помощь тут

И арагонские изгнанницы придут.

Вот он. Останься здесь: явлю тебе искусство

Смирять достоинством бунтующие чувства.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Карлос.

Донья Изабелла.

Благодарю, маркиз! На поприще побед

Служили верой нам и правдой вы шесть лет,

И, награждая вас, я тоже не скупилась:

Я видела, что мной оказанная милость

Враждебность вызвала и зависть у вельмож.

Все это сделано без ваших просьб. Но все ж,

Коль недостаточной помнилась вам награда

За службу верную, — скажите, что вам

надо,

И постараюсь я все сделать, что могу:

Монархам быть нельзя у подданных в долгу.

Карлос.

Монаршей милостью неслыханной, безмерной

Нежданно взысканный, я, ваш воитель верный,

Столь благодарен сам, подавлен и смущен,

Что все мне кажется, — не вижу ли я сон?

Донья Изабелла.

Итак, довольны вы. А я так недовольна.

Карлос.

Кем? Мною?

Донья Изабелла.

Да, маркиз. И мне, признаюсь, больно,

Что из-за вас меня сомнения томят.

Пока рубились вы за край наш, как сол-

дат,

Вам равных не было, вас осеняла слава.

Теперь, когда вы — гранд и вручено вам право

Решить мою судьбу, хотите вы рукой,

Оборонявшей нас, нарушить наш покой?

Разочарована печальным я сюрпризом.

Иль Карлос доблестный утратил, став маркизом,

Все доблести свои? Герой былых побед

Теперь, возвысившись, стал причинять нам вред?

Три этих графа — в них оплот страны и власти.

Но вам нужна их кровь. Могли бы, хоть отчасти,

Почтить Совет: ведь он избрал из всех дворян

Их — претендентами на королевский сан.

Иль, возгордясь, нашли вы для себя возможным

Под сим предлогом мстить обидчикам вельможным?

Вспылили вы, — ну что ж, вас взорвала их спесь;

Но вашей доблести не отрицали здесь,

Нет, отдавали ей при мне дань уваженья.

О вашем только речь была происхожденье,

О вашем имени и родовом гербе.

Ответить им за вас дала я труд себе,

Вам выбор поручив — кому владеть престолом.

Ответ ударом был для гордецов тяжелым.

Так не мешайте мне в намеренье благом:

Вы быть для них должны судьей, а не врагом.

Я вас прошу, маркиз: обидчивость умерьте;

Я, оказав вам честь, им не желаю смерти.

Поймите же меня: я повторяю вновь,

—

Мне нужен ваш совет, мне не нужна их кровь.

Иль, необузданной вдохновлены отвагой,

Вы мните всех троих сразить своею шпагой

И доказать, что те, кого избрал для нас

Наш Государственный совет, не стоят вас?

Ужель вы дерзки так, ужель вы так тщеславны?..

Карлос.

О государыня! Смягчите гнев державный!

Вы правы: я вспылил. Допущен промах мной,

Но нет за Карлосом провинности двойной.

Оружием служа подвластному вам краю,

К вам, государыня, почтенье я питаю,

Как слугам вашим всем и надлежит питать.

Я восхищаюсь, что величию под стать

И ваша красота и мудрость. Я не скрою,

Что зависть острая язвит меня порою

К супругу вашему; что ощущаю боль

И мысленно ропщу — зачем я не король,

Чтоб мог надеяться... О, я свернул бы горы!..

Но, вспомнивши, кто я, вновь потупляю взоры.

Чтоб я вдруг посягнул переступить черту,

Чтоб дерзновенную взлелеял я мечту!..

О нет! Любима мной и чтима королева.

Когда бы повод вам могла подать для гнева

Моя любовь; когда б — вообразим на миг —

Я в чувстве дерзностном взаимности достиг;

Когда б — вообразим невероятный случай —

Вы, страстью бы моей растроганы кипучей,

С престола до меня решили снизойти,

То улетучился б — уверен я почти —

Мой трепетный восторг, а с ним и пыл мой страстный.

И мне, кто восхищен монархиней всевластной,

Мне — вас расценивать как воинский трофей?

Нет, жизнью я хочу пожертвовать своей,

Дабы достойнейший из трех, рожденьем равных,

Мог утвердить себя в своих правах державных.

Мне надо передать ваш перстень. Но кому?

Могу ль довериться сужденью своему?

Гадать? Раздумывать? Напрасные усилья.

Вам надобен супруг; ждет короля Ка-

стилья.

И вот доверился я демону войны:

Пусть он решит судьбу и вашу и страны.

А если он отдаст кольцо в дурные руки,

Смерть славная спасет меня от горькой муки

И от стыда за то, что выбор нехорош.

А вдруг вам втайне мил один из трех вельмож,

И опечалил бы вас промах мой жестокий?

Всю жизнь потом читать у вас в глазах упреки?

Нет, легче будет мне покинуть этот свет,

Чем жить и знать, что я — виновник ваших бед.

Донья Изабелла.

Маркиз! Я женщина, а женщина ужели

Не вправе полюбить? Однако вы посмели

Сомненье выразить, иль просто прене-

бречь

И, может быть, мою любовь на смерть обречь.

Свою запальчивость вы обуздали б, верю,

Когда бы поняли, сколь тяжкую потерю

Могу я понести. И потому сейчас

В секрет свой посвятить я вынуждена вас.

Да, Карлос, я люблю. Дороже мне он жизни.

Но более всего я предана отчизне,

И счастье возложу я на ее алтарь:

Необходим стране достойный государь.

Пристрастье проявить боялась я, не скрою,

И потому я вас назначила судьею.

Но пусть не для того, кого люблю, мой трон

И я сама, — зачем погибнуть должен он?

О попранной любви всечасно вспоминая,

Ужель и смерть его оплакивать должна я?

Карлос.

Ах, если б угадать, кто дорог вам и мил,

Я добровольно бы победу уступил,

Отдав счастливцу вас, а также и державу!

Донья Изабелла.

Ваш долг — отстаивать себя и свою славу.

Вы представляете, что разрешить бы мог

Мои сомнения обдуманный подлог?

Суд справедливее да будет, а не проще,

Пусть первенство отдаст он мужеству и мощи,

И злоупотреблять я властью не хочу:

Вы узел разрубить доверили мечу

И не нарушили обычаев при этом;

Я оскорбила бы всех четверых запретом.

Хочу смотреть сама на битву, чей исход

Решит мою судьбу. Но кто из трех начнет?

Кого из них страшит неверная Фортуна

Всех менее? Кто он?

Карлос.

Дон Альваро де Луна.

Донья Изабелла.

Дон Альваро?

Карлос.

Да.

Донья Изабелла.

Но… он, говорят, влюблен

В другую?

Карлос.

Говорят. Но принял вызов он,

В отличье от других.

Донья Изабелла.

Должно быть, не без цели.

Пусть мужеством блеснет он завтра на дуэли.

Карлос.

Но срок до вечера всего лишь у меня.

Донья Изабелла.

Я передумала и вам даю три дня.

Карлос.

Но мне дон Альваро уже назначил встречу.

Донья Изабелла.

Я отложу ее. Сама ему отвечу.

Позвать его ко мне! Я объявлю ему

Свое желание и на себя возьму

Приготовления для завтрашней дуэли.

Взгляну, насколько вы искусны в ратном деле.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Карлос один.

Карлос.

Дуэль отложена! Что скажешь, моя честь?

Не может ли урон отсрочка нам нанесть?

Обидой не сочла ль ты повеленье это,

Хотя оно и в плащ почтения одето?

Ты ропщешь, честь? Ну что ж, возвысь мятежный глас:

Мол, королевская нам воля не указ,

Ведь Арагон мой край родной, а не Кастилья…

О мысль! Свергаюсь я с небес, ломая крылья…

Маркиз! Вознесся ты и впрямь за облака.

Опомнись же: ты сын простого рыбака.

Неблагородное мое происхожденье —

Вот зло, от коего не ждать мне избавленья.

Судьбою взысканный, я высоко взлетел,

Чтоб ощутить больней, сколь низок

мой удел!

Да, я достиг высот, но под ногами — бездна.

Жестокая судьба! Ужель я бесполезно

Прошу тебя? Ужель удара не отвесть?

Зачем смущаешь ты и мучишь мою честь?

Уж если обделен я сызмальства тобою,

Не отнимай того, что сам добыл я с бою.

Та кровь, которую влила ты в жилы мне,

Давно уж пролита, обновлена в войне.

Я имя поменял, дабы уйти от гнева

Судьбы, — и что ж... Но вот — другая королева,

Вот государыня моей родной страны.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Карлос, донья Эльвира.

Донья Эльвира.

А, Карлос, это вы!.. Вы не уязвлены,

Что Карлосом зову я вас, а не маркизом?

И это почитать должны вы ни капризом,

Ни невниманием. Да, титул вам к лицу

И по заслугам честь отважному бойцу,

Но вы возвышены не мной, — вот в чем досада.

Как бы то ни было, — поверьте мне, — я рада,

Что награжден герой. Я не ревную, нет,

Но знать хочу: маркиз исполнит ли обет,

Мне данный Карлосом, тем воином, который

Когда-то обещал быть для меня опорой?

Я к королеве шла, но повстречала вас,

Вы сами на вопрос ответьте мне сейчас.

Не говорю, что вы пренебрегли обетом,

Но просто, может быть, забыли вы об этом?

Карлос.

Я, государыня? Но чем же я навлек…

Донья Эльвира.

Не Карлос, а маркиз предмет моих тревог.

Что Карлос верен мне — нет у меня сомненья,

Но вот маркиз, увы, внушает опасенья:

Ту длань, что недругов моих должна карать,

Что мне обещана, он хочет отобрать.

О, Карлос вспомнил бы: влачу в изгнанье дни я,

А узурпатор злой, коварный дон Гарсия,

Тиранит все еще наш край, наш Арагон.

Мне Карлос обещал за мной упрочить трон.

Быть может, завтра мы на родину отбудем,

Кому же вверимся? Каким достойным людям?

Нет больше Карлоса. Маркиз вместо него.

О прежних клятвах знать не хочет ничего;

Он обнажит свой меч не для священной цели,

Нет, — он в честь женщины затеял три дуэли!..

Ужели почести, оказанные вам,

Заставили забыть о верности друзьям?

Но я напоминать про долг вам не устану.

Верните Пеньяфьель, верните Сантильяну,

Верните Бургос ей. Сумеет Арагон

Вознаградить того, кем будет он спасен.

Карлос.

Я — ваш слуга и рад служить еще прилежней.

Пусть титулы новы — душа осталась прежней.

Однако же маркиз в долгу у трех вельмож,

И нужно Карлосу произвести платеж.

Иль запятнаю меч я ржавчиной позора?

Какая ж будет вам тогда во мне опора?

Ведь, струсив, сил придам я вашему врагу

И покарать его, как должно, не смогу.

Коль скоро предстоят нам два опасных дела,

То браться следует решительно и смело,

Освободив свой ум от завтрашних забот,

За первое из дел, которое не ждет.

Поверьте, будет мной низвергнут дон Гарсия,

Но проучить врагов хочу сперва вблизи я,

А там уж перейду к тем, кто от нас вдали.

Властительнице здесь обиду нанесли

За то, что милости она мне оказала;

Мне честь велит отмстить обидчикам сначала.

Донья Эльвира.

Боюсь, я вашу мысль постигла не вполне.

Как подданный, должны вы ей служить, не мне?

Дав умертвить себя за донью Изабеллу,

Согласны вы потом примкнуть к чужому делу?

Карлос.

Нет, не как подданный я выступлю в бою.

Как знать, быть может, я рожден в другом краю?

Я чту двух королев. Сомнения развеем:

Я с равным рвением готов служить обеим,

И пусть опасности грозят любой из двух —

Поможет им мой меч, поддержит их мой дух.

Заутра я сражусь за донью Изабеллу.

Но если б вашему понадобился делу

Сегодня мой клинок, то был бы я готов

Сразиться нынче же хоть с дюжиной врагов.

Обеим вам служить — вот цель моя святая:

Вам — без ущерба ей, ей — вас не огорчая.

Но стоит услужить одной из королев,

Как тотчас у другой я вызываю гнев.

Мне кажется, всех бед один лишь я виновник.

Я жалок сам себе, как горестный любовник,

Который сразу двух красавиц полюбил:

Хочу двум скипетрам отдать свой бранный пыл.

Любовник, коему два равные пристрастья

Рвут сердце пополам, суля одни злосчастья,

Достоин жалости: он не решит никак,

Какое предпочесть из этих равных благ.

Любовь ему как скорбь, восторг подавлен страхом,

Что ни предпримет он — идет все тотчас прахом;

Все дурно, все не так; коль угодит он тут,

За это его там преступником сочтут.

Донья Эльвира.

Всем смертным чтить устав любви необходимо.

Во-первых, — сказано там, — сердце неделимо.

Кто сердце поделить задумал пополам,

Невольно тот себя обкрадывает сам,

И, верный сразу двум, раздвоенный, двулюбый,

Он все равно грешит неверностью сугубой.

Подобная любовь нелепа и смешна,

И участь жалкая бедняге суждена:

Живой, он ни одну страданьями не тронет,

Умрет он — ни одна слезинки не уронит.

Карлос.

Жестокие слова! Все понял я, увы:

К таким поклонникам немилосердны вы.

Донья Эльвира.

Я — да. Но думаю, и донья Изабелла.

Однако у меня еще одно к вам дело.

Вы с доном Альваро сразитесь в первый день.

Он предан мне.

Карлос.

О да! Он словно ваша тень.

Донья Эльвира.

Так помните, кто мне всех ближе, всех дороже:

Щадите жизнь его… и собственную — тоже.

Карлос.

Хотите, чтоб он стал кастильским королем?

Донья Эльвира.

Нет, помнить вас прошу о счастии моем.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Донья Эльвира, дон Альваро.

Донья Эльвира.

Досель свою любовь выказывали мне вы,

А бьетесь за кольцо кастильской королевы!

Иль под воздействием злокозненных светил

Ваш взбунтовался меч и чувству изменил?

Честь — говорите вы — сильней любви. Красиво!

Но или честь вам лжет, или любовь фальшива.

Тут, право же, нельзя концы с концами свесть:

Что это за любовь и что это за честь?

Нет, подлинная страсть в ладу со смыслом здравым;

Вы любите меня — тогда зачем она вам?

Вы бьетесь за нее — зачем вам я тогда?

Иль вы в измене ей не видите стыда

И, перстень получив, пренебрежете ею?

Дон Альваро.

Я подданный ее. Вовеки не посмею

Я государыней своею пренебречь.

Донья Эльвира.

О чем же вы со мной вести хотите речь?

Иль, битву проиграв, но получив пощаду

От дона Карлоса, надеетесь в награду

Вы получить меня? И впрямь большой почет,

Коль вас такой боец своим клинком проткнет.

Дон Альваро.

Смогу ль на вас взглянуть я после пораженья?

Донья Эльвира.

Чего же от меня вы ждете?

Дон Альваро.

Сожаленья.

Будь милосердней вы к исканиям моим,

Не нужно было бы мне состязаться с ним:

Как нареченный ваш, избавился б от чести

Я быть представленным, с двумя другими вместе,

К избранью в женихи. А так я принужден

Сражаться за кольцо и за кастильский трон.

Чем кончится наш бой? Как знать! Но все едино:

Разверста предо мной несчастия пучина.

Добуду ль я кольцо иль нет — утрачу вас:

Коль буду побежден — я должен скрыться с глаз,

Коль одолею — ей назначен я в супруги.

Так в заколдованном я оказался круге.

Сражаясь, как велит мне долг мой перед ней,

Я все же докажу отвагою своей,

Что, вас любя, ищу лишь доньи я Эльвиры,

Что, если бы искал короны и порфиры,

Нашел бы их и там. Честь мне дала приказ:

Завоевать ее, чтоб стать достойным вас.

Донья Эльвира.

О, беспокоиться вам ни о чем не надо!

Честь! Что тут возразишь? Всесильная преграда!

Не бойтесь, — все пройдет: кольцо завоевав,

О чувствах пламенных забудете вы, граф.

Мой трон сомнителен, а трон кастильский прочен.

Все решено судьбой, ваш выбор беспо-

рочен.

Зачем вам упускать такой удобный миг?

Смущаться нечего, стыд, право, невелик.

Непостоянство? Нет, — мысль о всеобщем благе.

Предательство? Ничуть, — безудержность отваги.

Но как бы за меня вам Карлос не отмстил!

Дон Альваро.

Ах!.. Сколь мне радостно ваш видеть гневный пыл!

Нет, выгод для себя не ждал я от сраженья;

Но раз уж мне его вменяют в преступленье,

Я счастлив. Пусть любовь, пусть жизнь саму отдам,

Но знаю: не совсем я безразличен вам.

Как долго докучал я вам своей любовью,

Как долго вашему дивился хладнокровью!

Но гнев ваш показал, как яркий всплеск огня,

Что удостоили заметить вы меня.

Донья Эльвира.

Нет, в преступленье вам вменяю я другое:

Оставить вы меня не можете в покое,

Хоть сами отреклись. Вдвойне сержусь на вас

За то, что вы на мой ссылаетесь отказ.

Я королева, но — без скипетра и трона,

Вдали от своего родного Арагона.

Великодушие вы явили, полюбив

Изгнанницу, но как принять мне ваш порыв?

Великодушной я обязана быть тоже.

Нам чувства дороги, но честь еще дороже.

Брак с чужеземкою? Не украшает он.

Нет, должен мой супруг делить со

мною трон.

Ужели в трудную, безрадостную пору

Унижусь, чтоб искать в супружестве опору?

Когда отвоевать престол удастся мне,

Я выбор сделаю — на благо всей стране.

Наследным скипетром должна владеть сначала.

Пока моя рука его не отобрала,

Безвластную, ее не вправе я отдать.

Потом подумала б я и о вас, как знать?..

Но жребий воссиял тут перед вами новый,

Он расшатал любви непрочные основы;

То ль оказались вы не так уж влюблены,

То ль неприступностью моей утомлены, —

Вы с легкостью сдались. Вас упрекать? За что же?

И посильней, чем вы, могли бы сделать то же.

Когда б, дон Альваро, владели вы собой,

Когда бы прежде всех не порывались в бой

За вожделенный приз, стараясь овладеть им,

Когда бы вышли вы на поединок третьим,

Показывая тем, что вас неволит честь,

Трудней мне было бы утрату перенесть.

Но вам любовные томленья надоели,

И вы спасаетесь, найдя предлог в дуэли.

Дон Альваро.

Ужели б вырвался у вас счастливый вздох

Когда бы я прослыл трусливейшим из трех?

Чтоб я уловкою воспользовался гадкой:

Пусть, мол, устанет враг перед последней схваткой?

Чтоб...

Донья Эльвира.

Кончите, когда все будет позади,

Коль не останетесь лежать с клинком в груди.

Однако ваших двух соперников я вижу.

Кого я отдалю, кого к себе приближу,

Я завтра вам скажу.

Дон Альваро.

У завтрашнего дня

Не будет радостных сюрпризов для меня.

Донья Эльвира уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Альваро, дон Манрике, дон Лопе.

Дон Манрике.

Приманиваете к себе любовь и славу?

Которая из двух вам более по нраву?

Дон Альваро.

Отняв кольцо, скажу — которая из двух.

Дон Лопе.

Вас Карлос бьет и тут и там — такой есть слух.

Дон Альваро.

Зато завистники — те бьют его... словами.

Дон Лопе.

Не бойтесь: сжалившись, поделится он с вами.

Дон Альваро.

Вы бойтесь: ведь страшны вам оба — я и он.

Дон Манрике.

Спешите — выскочку подсаживать на трон.

Дон Альваро.

Уложит он меня — вам будет не до смеха.

Дон Манрике.

Нас разобрал бы смех от вашего успеха.

Дон Альваро.

Я уложу его — вас тоже страх возь-

мет...

Дон Лопе.

Что нам вас ждать, а вам отлеживаться — год.

Дон Альваро.

Назначим завтра день для продолженья спора.

Дон Манрике.

Наступит этот день, я думаю, не скоро.

Дон Альваро.

Уж так не терпится отбыть вам на тот свет?

Дон Лопе.

Ждать дела вместо слов и впрямь терпенья нет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и донья Изабелла.
Донья Изабелла *(дону Альваро).*

Граф! Не посетуйте, когда мы вам пред-

ложим

Оставить нас на миг. Я этим двум вельможам

Хотела б высказать — и не в ущерб для вас —

Свои суждения.

Дон Альваро.

Мне ваша мысль — приказ.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Манрике, дон Лопе, донья Изабелла.

Донья Изабелла.

Нельзя, чтоб начались в столице пересуды,

Чтоб выбор выглядел как следствие причуды:

Зачем тут вмешивать стороннее лицо?

Я передумала: сама вручу кольцо.

И дона Альваро, на пользу вам обоим,

Своим вниманием мы не обеспокоим.

В другую он влюблен, — известно это всем, —

Но с вами вынужден соперничать. Зачем?

Насильно милой быть нет у меня охоты.

Отказ мой снимет с вас излишние заботы.

Мой выбор сузился: один из вас двоих.

Но мне проверить бы хотелось, что жених

Отнюдь не поглощен одним стремленьем к трону,

Что любит он меня, а не мою корону.

Любовь, как говорят, есть единенье душ;

Я смею уповать, что будущий мой муж

Мои пристрастия делить со мною будет

И только то, что мной осуждено, осудит.

С тем из двоих вступлю в супружеский союз.

С кем совпадут у нас и мысль, и взгляд,

и вкус.

Чтоб стало вам ясней, прибегну я к примеру.

Мой муж не возомнит, что награжден не в меру

Дон Карлос мною был; напротив, мой супруг

Не может не ценить столь верных наших слуг.

Мне стыдно было бы, коль скоро бы вручила

Я одному из вас державное кормило

Затем, чтобы он власть употребить посмел

На разрушение мной совершенных дел.

Нет, вовсе не затем. Все то, что мне приятно,

Должно упрочиться. Надеюсь, вам понятно?

Дон Манрике.

Да, государыня. Вновь Карлос! Снова он!

Благополучие его — вот наш закон.

Вы остановите свой выбор на вельмо-

же,

Который Карлоса оценит подороже.

Но поясните нам: что делать мы должны?

О да, первейшим был он на полях войны,

В походах и боях он вел себя героем,

И плена избежать помог он нам обоим.

Забывшись, с грандами был слишком дерзок он,

Но, королевою высоко вознесен,

Теперь стал грандом сам. Мы признаем: сей воин

Всех почестей, ему оказанных, достоин.

Мы у него в долгу, но сделать для него,

Теперь нам равного, не в силах ничего.

Мы щедро бы могли вознаградить солдата,

Но графа наша бы обидела отплата.

Вы позаботились воздать ему за нас.

Донья Изабелла.

Однако же того, кто вам свободу спас,

Не отблагодарить вам было б неприлично,

А мне его судьба отнюдь не безразлична.

Зачем бы не избрать путь чести и добра?

У каждого из вас, я знаю, есть сестра.

Желаю, чтобы тот, кого решу избрать я

Себе в мужья, и он, герой наш, стали братья,

Дабы мне пребывать в спокойствии благом:

Не будет мой супруг для Карлоса врагом.

Не то чтобы меня страшила ваша злоба,

Поскольку я всегда — должны понять вы оба —

Одна лишь управлять намерена страной,

И муж, мой подданный, не будет править мной.

Но все ж мне, выбор свой обдумывая, надо

Увериться, что жизнь мы не начнем с разлада.

Возьмете ль Карлоса в зятья вы или нет?

Дон Манрике.

Я, государыня, вам дам прямой ответ:

Велите, — и пойду на смертную я муку,

Но чтобы собственной сестры я отдал руку

Низкорожденному? Чтоб стал мне братом он?

Нет, слишком дорого мне обошелся б трон.

О нет! Нет, никогда…

Донья Изабелла.

Но вы признали сами,

Что по заслугам был вознагражден он нами,

Что с грандами в правах уравнен он сейчас.

Дон Манрике.

Да, правда, вы его возвысили до нас.
Не должен подданным монарх давать отчета,
Когда пожалует иль вознесет кого-то,
А если случаем он выльет дождь наград
На недостойного, лишь он и виноват.
Но что касается старинных родословий,
Монарх не всемогущ: своей дворянской крови
Я осквернить не дам, скорей ее пролью.
Я чистой получил от предков кровь мою,
Такой ее хочу и передать потомкам.

Донья Изабелла.

Вы в заявлении торжественном и громком
Признали полноту моих державных прав.
Но как вообразить осмелились вы, граф,
—

И тем я, признаюсь, задета за живое,
—
Что скипетр вам вручить хочу лишь для того я,
Чтоб вас унизить? Кто со мной так говорит?
Влюбленный? Подданный? Мне это слушать — стыд!
Изволили избрать вы странную манеру,
И вынуждена я…

Дон Лопе.

Граф был горяч не в меру,
И надлежало бы спокойней быть ему.
Чистосердечно вам отвечу, почему
Мы с горестью должны вам отказать в услуге:
Своих сестер другим мы прочили в супруги.

Донья Изабелла.

Кому же ваша?

Дон Манрике.

Мне.

Донья Изабелла.

Кому другая?

Дон Лопе.

Мне.

Донья Изабелла.

Могло случиться так, что по моей вине

Один из вас любовь принес бы в жертву чести!

Нет!.. Каждый из двоих пускай спешит к невесте

И гордо известит любимую, что он

Ради нее одной отверг кастильский трон.

Благодаря Совет за все его заботы,

Не жду, чтобы на мне женились без охоты.

Дон Лопе.

Но выслушайте нас…

Донья Изабелла.

Не ясно ли без слов,

Что постоянство чувств — основа всех основ?

Что постоянство чувств всех почестей дороже?

Иной по праву бы и мне сказать мог то же.

Не будь крепка моя с державным долгом связь,

Я постоянству чувств сама бы отдалась.

Дон Лопе.

Отдайтесь! Но молю нас выслушать сначала.

Когда в обоих нас любовь к вам запылала,

Мы знали: уж один из двух — я или он —

На муки ревности, конечно, обречен,

Мы знали, что должны быть меры взяты нами,

Дабы соперники не сделались врагами.

Как избежать сего? Как? С помощью

сестер.

И тут был заключен меж нами договор:

Что выкуп за свое избранье мы заплатим,

Что неудачливый счастливцу станет зятем.

Тот, кто утратит вас, он с горем пополам

Утешится хоть тем, что родич будет вам.

Мы ждем, своих сестер просватав друг за друга,

Чтобы из нас двоих избрали вы супруга,

Другого милостью не вовсе обделя

И обвенчав его с сестрою короля.

Я все вам рассказал; теперь судите сами,

Пристойно ль Карлосу преградой стать меж нами,

Разрушить тот союз, которому верны,

Крепили б мы вдвоем мир и покой страны?

Донья Изабелла.

Ужель вы — первые из всех вельмож в державе —
Забыли, что давать согласие не вправе
Без воли короля на брак своих сестер?
Таков у нас в стране обычай с давних пор.

Дон Манрике.

Мы, государыня, не будем спорить боле:
Уважите иль нет отказ — то в вашей воле;
С тяжелою душой, но подчинимся вам.
А лучше бы спросить у Карлоса: он сам
Один-единственный осведомлен, какого
Он роду-племени. Свое пусть молвит слово, —
Подобного родства достоин он иль нет?
Он благороден, прям и даст прямой ответ;
Посмеет — пусть берет одну из двух, любую.

Поверьте, жертву мы приносим вам большую,

Доверив случаю судьбу своих сестер;

Но Карлос — прежде, чем на них поднимет взор, —

Он взвесит пусть, какой опасностью чревато

Желанье быть с людьми, как мы, запанибрата.

Донья Изабелла.

И взвесить следует вам тоже, что в стране

Бразды правления принадлежат лишь мне.

Дон Манрике и дон Лопе уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Донья Изабелла одна.

Донья Изабелла.

Чем мог быть разожжен в них пыл сопротивленья,

Когда их долг — принять монаршие веленья?

Что это — ревность ли, тщеславие ли здесь?

Предубеждение? Обида? Зависть? Спесь?

Не есть ли это знак небес: знак несогласья

С моим решением? Не быстро ли сдалась я,

Безвольно уступив тщеславию дворян,

Союзом с подданным унизивши свой сан?

От низменности тех, кто к скипетру всех ближе,

Я, кажется, хочу спуститься еще ниже?

Зачем мешает страсть величие хранить?

Зачем величие мешает мне любить?

Как выбрать, если я пред выбором робею?

О небо! Ниспошли мне то, что взять не смею,

И если уж не дан державный мне жених,

Скажи, кого избрать из подданных моих?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Донья Изабелла, Бланка.

Донья Изабелла.

Ах, попусту труды!

Бланка.

Ах, и мои напрасны!

Донья Изабелла.

Два графа на мои условья не согласны.

Бланка.

Увы, мне с Карлосом не больше повезло.

Донья Изабелла.

Враждою на вражду ответил, злом на зло?

Бланка.

Нет, государыня: с почтеньем пылким самым

Он расточал хвалы обеим этим дамам.

Донья Изабелла.

Так что ж одну из двух и не избрать ему?

Бланка.

Есть, видно, тайное препятствие к тому.

Он говорил о них с изысканным почтеньем,

Но брак с любой из них почел бы преступленьем.

Он не смущен отнюдь неравенством, о нет —

Скорей всего, хранит он верности обет.

В уклончивых словах, в неуловимых жестах

Почувствовала я одно: что о невестах

Ему противна мысль, и объясненье в том,

Что поглощен иным он чувством целиком.

Донья Изабелла.

Влюблен в другую?

Бланка.

Да. Он сам вам не ответит,

Но я уверена: он много выше метит.

Уж пусть рассердитесь вы даже на сей раз, —

Осмелюсь угадать, что Карлос любит вас.

Донья Изабелла.

Нет, сердцем пламенным он не ко мне привержен.

Я вижу: он со мной почтителен и сдержан,

А если бы его впрямь скипетр мой привлек,

Он не был бы со мной так холоден и строг.

Он метит выше? Что ж, тогда — донья Эльвира.

Ее в отчизне ждет монаршая порфира,

Ее сопровождать он будет в Арагон.

И если на дуэль трех графов вызвал он,

То не из-за меня, а лишь из жажды мести.

Он, вознесенный мной, меня покинет вместе

С принцессой! А она, прожив здесь двадцать лет, —

О, благодарности у них обоих нет! —

С собой прихватит то, что мне всего дороже.

Так трепетала я за жизнь его! И что же?..

Нет, пусть сражается, предатель! Пусть умрет!

Кто отомстит ему — тот муж мой, мой оплот!

Бланка.

Чем вызван этот гнев, чем вызван пыл ревнивый?

Не сами ль двух невест для Карлоса нашли вы?

Он в арагонскую принцессу или в вас

Влюблен, — не все ль равно, сеньора, вам сейчас?

Донья Изабелла.

Не можешь ты понять? Я удивляюсь,

право!

На сердце Карлоса не уступлю я права:

Пусть воспретит ему нарушить мой покой

Почтение ко мне, а не любовь к другой.

Нет, больше: пусть вкусит он моего злосчастья

И страсть таит, как я, под маскою бесстрастья;

Пусть от неравенства страдаем мы вдвоем, —

Скучает он по мне, как я грущу о нем;

Хочу: пусть, снизойдя до брачного союза,

Он даст понять, что брак — тяжелая обуза,

Что не питает чувств он к будущей жене,

И если женится, то лишь в угоду мне,

Что, мною взысканный, он слишком стал заметен

И жертвует собой во избежанье сплетен.

Пойми, ведь чувств моих не мог не видеть он,

Однако же не мой его прельщает трон.

Неблагодарный, он мне предпочел другую,

Его «почтительность» — предлог; я негодую:

К короне тянется гордец, но не к моей.

Бланка.

Однако ж он не принц, чтобы мечтать о ней.

Донья Изабелла.

Эльвира не вольна ль собой распоряжаться?

Бланка.

Есть слух, что небеса ей возвратили братца,

Что, мол, дон Санчо жив и что прибудет он

С послами, коих к нам направил Арагон.

Узнала только что.

Донья Изабелла.

Ах, Бланка, что я слышу!

Волненье, может быть, свое теперь утишу.

Была принуждена судьбой жестокой я

Из подданных своих кого-то взять в мужья:

Ведь все, кто равен мне, чьи венценосны предки,

Негодны: тот женат, тот мавр, те малолетки.

А нынче для меня есть ровня, есть жених!

Ни графы не нужны, ни Карлос — что мне в них?

Да сгинут с наших глаз отныне все четыре!

Став королю женой, я прикажу Эльвире

Разлуку с Карлосом достойно перенесть,

Раз мне его забыть приказывает честь.

Бланка.

Как сразу вы зажглись и ревностью и местью!

Хоть подтвердиться бы позволили известью!

Донья Изабелла.

Ну что ж, уверимся сначала, а потом

Решу, что надлежит мне предпринять. Пойдем!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Донья Леонор, дон Манрике, дон Лопе.

Дон Манрике.

Сколь нам ни горестно утратить, — верьте мне вы, —

Надежды на любовь кастильской королевы

И на престол, себе отчет мы отдаем,

Что не пристало нам тягаться с королем.

Мы одушевлены решением единым:

Принц, долженствующий стать нашим властелином,

Принц, свыше посланный, ваш сын и ваш оплот,

В нас не соперников, но подданных найдет.

Мечта — соединить в одну семью Кастилью

И Арагон{117} теперь, быть может, станет былью!

Мы, ревности чужды, страну свою любя,

Ей в жертву принесем с готовностью себя,

Дабы под общий стяг собрать все наши силы,

На мавров ринуться и сбросить гнет постылый.

Во имя этого любой из нас смирит

Свою гордыню; здесь не может быть обид.

Донья Леонор.

Высок строй ваших чувств, мне ваша речь утешна,

Хотя решение вы приняли поспешно:

О доне Санчо весть мой окрылила дух,

Но ведь она пока не более чем слух.

{117} Комментарии: 2.117

К стр. 368

…соединить в одну семью Кастилью и Арагон… — Это объединение произошло в 1479 г. после того, как Фердинанд Арагонский вступил на престол своего королевства (с 1469 г. он был мужем Изабеллы Кастильской, сначала инфанты, а затем королевы Кастилии).

Хочу вам про свои поведать злоключенья,

Чтоб сами вывести могли вы заключенье.

Уже вы от меня слыхали, и не раз,

О временах, когда мою страну потряс

Злодейский заговор, когда был свергнут с трона

Супруг мой, дон Фернан, властитель Арагона.

Борьба закончилась, увы, триумфом зла.

В те дни я мальчика супругу родила.

Мой Санчо! Милый сын!.. Но тучи грозовые

Сгущались: мог наш враг, коварный дон Гарсия,

Узнать о мальчике. Чтоб не стряслась беда,

Был тайно увезен ребенок наш. Куда?

Не смела мужа я расспрашивать об этом,

Но сына я всегда б узнала по приметам.

Ах, рок не сжалился! Всего лишь год спустя

Супруг мне сообщил, что умерло дитя.

Сам дон Фернан обрел покой в нездешнем мире

На пятый год, — уж я готовилась Эльвире

Тогда стать матерью, — и завещал он мне

В Кастилии искать приют, в чужой стране.

Со скорбью говорил он мне на смертном ложе:

«Да охраняют тех, кто мне всего дороже,

Благие небеса! Узнайте: дон Рамон

Мной в тайну важную один лишь посвящен,

И тайну эту вам он в день откроет некий.

Скорей — в Кастилию!..» Тут он умолк навеки.

Но с дон Рамоном я не виделась с тех пор.

Теперь же слухами кастильский полон двор

И с нетерпеньем ждут послов из Арагона,

Среди которых мне назвали дон Рамона.

В надежде сладостной я верила сперва

(Меня ввела в обман всеобщая молва),

Что с другом прежних лет, Рамоном де Монкада,

Дон Санчо явится, мой сын, моя отрада!

Увы, последнее известье таково:

Послы надеются, что здесь найдут его.

Но, кроме нескольких мне близких лиц, едва ли

Здесь имя-то его до сей поры слыхали.

Дон Лопе.

А если б слышали, погиб бы он давно;

Когда ж дон Санчо жив, то имя сменено.

Коль наше вам узнать суждение угодно,

Согласны оба мы с молвою всенародной:

Иль жизни Санчо впрямь уже прервалась нить,

Иль Карлос, он один, сим принцем может быть.

При нашей ревности к пришельцу ниоткуда

Мы все ж должны признать, что жизнь его есть чудо!

Он с доблестью, с какой чарует все умы,

Взял верх, когда его унизить тщились мы;

Повадкой царственной он, безымянный воин,

Внушил, что скипетра не меньше нас достоин;

Снискал внимание двух юных королев;

Он, всенародною любовью завладев,

Еще до первого вслух сказанного слова

Мысль эту породил. Я повторяю снова:

Иль жизни Санчо впрямь уже прервалась нить,

Иль Карлос, он один, сим принцем может быть.

Негодовали мы: мешал достичь нам цели

Безродный. Но теперь мы наконец прозрели.

Он, на кого мы встарь глядели сверху вниз,

Имеет все права на вожделенный приз.

Донья Леонор.

Он доблестью высок, но не происхождением,

И знает это сам; не то с таким бы рвением

Не вздумал жертвовать своею жизнью он,

Дабы одним из вас был завоеван трон.

Дон Манрике.

Тут случай был — и так истолковать мы можем —

Мощь показать свою знатнейшим трем вельможам.

Он, — вспомните, — сказал: не ценит

он почет,

Что незаслуженно от прадедов идет;

И мнит он, что в борьбе за жизненные блага

Не предки дать должны победу, но отвага.

А как он царственен! Случалось видеть вам,

Чтоб взоры опускал он на придворных дам?

Донья Леонор.

А вот и он. Сейчас откроется нам тайна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Карлос.

Карлос.

Сеньора! Признаюсь, смущен я чрезвычайно:

Оказывают мне сомнительную честь,

Твердят в глаза, что я не тот, мол, кто я есть,

Что я — дон Санчо, принц, властитель

Арагона.

Он явится — и слух умрет; но нет резона,

Чтоб я хоть час один играл чужую роль.

А если выдумки, что жив и здрав король,

Еще обидней мне; вам, полагаю, тоже.

Донья Леонор.

Но ведь народный глас, как говорят, глас божий!

И не обиду вам увидеть должно тут,

Но лишь свидетельство, что любят вас и чтут.

Дон Лопе.

Вам, сколько бы вы, принц, ни тратили усилий,

Глаз наших не закрыть, — их небеса раскрыли.

Вы поняли, что вам мы веры не даем?

Не знаем, что велит стоять вам на своем,

Но ваши доводы, признайте сами, зыб-

ки,

И уж повторной мы не совершим ошибки.

Честь ослепила нас; мы зорче будем впредь,

Коль скоро нам она позволила прозреть.

У нас желать вам зла причины нет особой,

И знаем мы свой долг пред царственной особой.

Переодетый принц не узнан был, увы,

Безродным Карлосом для грандов были вы,

Для дона Санчо же смиренные мы слуги.

Вас государыня должна избрать в супруги.

С великой радостью мы оба, я и граф,

Объединение одобрим двух держав.

Да сбросит наш король обличие солдата!

Долг верноподданных блюсти мы будем свято.

Карлос.

Какая выпала нежданная мне честь!

Несносна ваша спесь, еще несносней — лесть.

Я мнил: мои дела внушительны и вески,

И не нуждаюсь я в чужом, фальшивом блеске.

Возьмите их назад, хвалебные слова.

Я думал, тешится безликая молва;

Я думал, дерзкому какому пустозвону

Взбрело примерить мне бумажную корону?

Но слух пошел от вас. Тогда позвольте мне

Напомнить: мужество у доблестных в цене,

Вы ж выбрали его мишенью для насмешек.

Но тщетно силитесь: не по зубам орешек.

Есть средство поверней, чтоб распотешить всех:

Сразить меня в бою. Вот будет смех

так смех!

И если ваш триумф не будет мной расстроен,

Пусть посмеется всласть победоносный воин.

Пока ж не рано ли смеяться мне в лицо?

Ведь у меня еще заветное кольцо.

Не стоит забывать двум грандам столь веселым:

Безродный Карлос встал меж вами и престолом.

И этою рукой, которой жизнь вам спас,

Сумеет научить учтивости он вас.

Дон Манрике.

Пусть вы простой солдат, но согласитесь сами:

Как прирожденный принц вы говорите с нами.

Задели наши вас недавние слова.

Отстаивали мы сословные права,

Случись — и встанем вновь за них мы с той же страстью,

Но знаем мы свой долг перед верховной властью.

Будь доном Санчо вы, другой ли, я и граф

В защиту выступим его законных прав.

Однако повторим мы новому маркизу:

Не станем биться с ним лишь по его капризу;

Должна в противнике кровь славных предков течь,

Чтоб удостоили мы обнажить свой меч.

Пусть не принадлежит он к знати самой старой, —

Не всякому же быть Гусманом или Ларой{118}*, —*

Но коль дворянского происхожденья он,

То поединок с ним для чести не урон,

И тут уж, если принц лишь выдуман молвою,

{118} Комментарии: 2.118

К стр. 372

Гусман — легендарный герой испанского народа, которому посвящено много романсов (коротких исторических поэм).

Лара — старинный испанский род. Один из его представителей, Гонсало Густос, стал героем эпических сказаний и романсов.

У дона Карлоса возьмем мы перстень с бою.

Но как ни дорожим завидным столь кольцом,

Невместно биться нам с безвестным удальцом.

Однако я боюсь, как бы в разгаре спора

О ваших не забыть святых правах, сеньора.

Оставим вас вдвоем: сумеет только мать

Над тайной этою завесу приподнять.

Дон Манрике и дон Лопе уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Донья Леонор, Карлос.

Карлос.

Какие гордецы! Права на поединок

Я должен покупать, как будто бы здесь рынок!

Да и под силу ли мне разгадать секрет,

Которому уже как будто двадцать лет?

Боюсь, блистать кольцу долгонько на мизинце.

Донья Леонор.

Довольно про дуэль. Поговорим о принце.

Иль основания нет вовсе у молвы?

Молю, откройтесь мне: кто вы, откуда вы?

Карлос.

Ах, все известно мне: и кто я, и откуда!

Будь я найденышем, случись такое чудо,

Чтоб я подобран был в чащобе иль в песках,

Куда забросила меня вражда иль страх,

Без матери, отца, без пищи и одежды,

Воспрянуть бы могли сейчас во мне надежды,

Я мог бы возмечтать: напомнил бы себе

Об удивительной, блистательной судьбе

Тех принцев сказочных, поднявшихся в дни оны

Из тьмы безвестности к сиянию короны.

Увы, внутрь заглянув, я, к своему стыду,

Безмерное в себе тщеславие найду.

О скипетр! О венец!.. Как дух мой окрыляли

Блеск и величие священных сих регалий!

Плачевен и смешон честолюбивый взлет:

Как ратный мой успех меня ни вознесет,

Довольно одного презрительного взгляда —

И наземь падаю. Ну что ж, так мне и надо.

Я знаю хорошо, кто мой отец и мать,

Чужого имени не стану принимать,

Нет, не дон Санчо я; пройдет час — два, быть может,

И вам о нем послы все новости доложат.

А про меня прошу забыть: суровый рок,
Карая дерзкого, преподал мне урок.

Донья Леонор.

Рок шутку и со мной сыграл. О шутка злая!
Ведь блеском ваших дел ослеплена была я.
Но чувство тайное все ж сердцу моему
Велит не верить вам, наперекор всему.
Мне чувства этого самой неясно свойство:
Родством порождено иль чарами геройства?
Желанье тут мое или природы глас?
Вы мною узнаны, иль выбрала я вас?
На помощь бы призвав рассудок свой и опыт,
Могла б я заглушить сердечный этот ропот,
Могла б, в угоду вам, слух заклеймить как ложь,
Но если Санчо мой, мой сын — не вы, то кто ж?

Мне говорят: он здесь; перебрала до-
стойных,
На мирном поприще прославленных и
в войнах:
Потомок королей оставить должен
след,
Рожденье можно скрыть, но благород-
ство — нет,
И разглядела бы я на челе державном
Все тайное, что он не хочет сделать
явным.
Позволь вы мне, прочла б на вашем я
челе
Ту весть, что мне всего отрадней на
земле.
Ну что же, нет так нет, надеялась на-
прасно.
Но доблесть Карлоса тогда для нас
опасна...
Пусть будет так, как вам велит суро-
вый рок.
И знайте: дерзость я не ставлю вам в
упрек;
Напротив, вас ценю превыше всех на

свете,

Хоть не даете вы излить мне чувства эти.

Отложим, погодим — не по моей вине;

Вольны вы миг избрать, чтобы открыться мне.

Но, от меня тая свое происхожденье,

Уж сделайте тогда другое одолженье:

В родной наш Арагон не провожайте нас.

В защите вашей нет потребности сейчас:

Погиб наш злобный враг, преступный дон Гарсия,

Престол нам небеса вернули всеблагие,

И нас сопровождать вам, право, смысла нет,

Вам не умножить там числа своих побед.

Вы слишком доблестны; боюсь — иль вам неясно? —

Чтоб ваша доблесть нам не сделалась опасна.

Итак, подумайте, пред вами два пути:

Открыть, кто вы такой, иль нам сказать прости.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Карлос, Бланка.

Бланка.

Вы страх внушаете всем — даже королевам.

Карлос.

Пусть знают, что плачу я за насмешки гневом.

Бланка.

Насмешки? Вы — герой, есть слух, что вы — король!

Карлос.

И ты? Не стыдно ли на рану сыпать соль?

Я вижу, не в ладах ты с этикетом, Бланка:

Почтила госпожа — должна чтить и

служанка.

Бланка.

И государыня благодарит сейчас
Небесный промысел и принца видит в вас.
Таились от нее и так вы слишком долго,
И скрытность может стать неисполненьем долга:
За все, чем Карлос был обязан нынче ей,
Дон Санчо быть бы мог на искренность щедрей.

Карлос.

Опять произнесла ты имя роковое!
В нем слышу грозный гул крушенья своего я.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и донья Изабелла.

Карлос.

Ваше величество! Извольте повелеть
Не путать Карлоса и дона Санчо впредь

—

Ни принцу этот слух не прибавляет славы,

Ни мне: хочу быть тем, кем сделали меня вы.

И если козни тут насмешницы-судьбы,

Намеренной вскружить мне голову, дабы

Потом еще больней я ощутил паденье,

—

Позвольте отразить мне это покушенье,

Позвольте прочь уйти, покуда не настиг

Меня погибельный разоблаченья миг,

Позвольте…

Донья Изабелла.

Как! Ужель боитесь вы короны?

Воитель доблестный, сметавший все препоны,

Заколебался вдруг! Ужель он оробел

Пред золотым венцом — венцом геройских дел?

Карлос.

Ах, так! Поверили и вы молве бродячей?

Увы, предательством моей слепой удачи

Постыдный мой секрет полуразоблачен!

Я имя скрыл свое и скрыл, где я рожден,

Назвавшись Карлосом. Старанья были втуне:

Теперь благодаря изменнице-Фортуне

Открылось многое, и в том моя беда.

Зовусь я Санчо? Да. Я арагонец? Да.

Но, слава небесам, еще не все открылось,

Не то была бы мне оказанная милость

Как груз — и кубарем скатился бы я вниз,

Все хохотали бы: «Ну, граф! Ай да маркиз!»

Донья Изабелла.

Вам кажется, что я бессильна и несмела

И отстоять свое не в состоянье дело?

Не стоит объяснять, что душу вам гнетет, —

Во мне найдете вы незыблемый оплот...

Однако вижу я, в вас вглядываясь зорко,

Что ваши доводы всего лишь отговорка:

Мной предлагаемый супружеский союз

Претит вам, выбрать вы на свой хотите вкус.

Догадываюсь я, в чем ваши интересы:

Стремитесь в Арагон, как страж своей принцессы.

Но, предложив свой меч ей и ее стране,

Имейте мужество признаться в этом мне.

Карлос.

Нужна вам жертва? Пусть!.. Расстанусь с головою,

А все ж провинностей своих от вас не скрою.

При всей ничтожности позволю ль я

себе

Одни упреки слать насмешливой судьбе?

Спасибо ей скажу, не жалуясь, не клянча:

Безродный, но как принц я — смел, я тоже — Санчо;

Когда ж пришел мне срок в капкан любви попасть,

Узнал: к принцессам лишь питать способен страсть.

Вот первая моя провинность; но при этом,

Коль спросите меня, я затруднюсь ответом:

Доньей Эльвирою иль вами я пленен;

Я двум принадлежу и все ж не раздвоен;

Не знаю сам — за вас иль за нее воюю,

Я жизнь готов отдать за ту и за другую.

Избрать одну из дам и ей быть верным впредь?

Но это значило б надежды возыметь

И ждать взаимности в тщеславье беспримерном, —

Нет, пусть уж я тогда вам покажусь неверным!

Ужели же вздыхать по двум не вправе тот,

Кто любит без надежд и милостей не ждет?

Вот, государыня, моя вина вторая.

И, никаких надежд безумных не питая,

Терзаюсь ревностью: сколь горек будет час,

Когда решится в брак вступить одна из вас!

Вы к этому близки. Единственная в мире

Останется мне цель — служить донье Эльвире,

Покамест и она не вступит тоже в брак,

А там — поглотит пусть меня могильный мрак.

Уже смирился я с угрозой неминучей,

К отъезду был готов; но вы мне дали

случай —

Борьбою за кольцо от дум себя отвлечь,

С мечами трех вельмож скрестить свой добрый меч.

Пока сражаешься, в свое оружье веря,

Не думаешь о том, какая ждет потеря.

Я утешался бы и тем, что, пав в бою,

Вас доблестнейшему в супруги отдаю.

Но важное с тех пор произошло событье;

Раз принц дон Санчо жив, к чему кровопролитье?

Ведь королевский брак любви не признает,

Лишь государственный решает тут расчет,

И общепринято среди особ державных

Не чувству следовать, а выбирать из равных.

Но предстоящий брак принцессе, как сестре,

Отныне повелит при вашем быть дворе,

И, состоя при ней, обязан каждый день я

Вас видеть и терпеть ревнивые мученья.

Своих преступных чувств не в силах превозмочь,

Прошу: позвольте мне уйти отсюда прочь.

Донья Изабелла.

Прослушав эту речь, должна бы королева

Негодования исполниться и гнева.

Но что-то грудь теснит и дух смущает мой...

Пусть! Я вас не держу. Так лучше мне самой.

Постойте!.. Подождать нам дона Санчо надо:

Вдруг это выдумка? Ах, как была б я рада!..

Но что я?.. Да, маркиз, ступайте. Доб-

рый путь!

Но только я прошу повременить чуть-чуть

И принцу перстень мой отдать. Прошу так мало

В сравненье с почестью, что я вам оказала!

Карлос.

Вы смерти просите моей. Но ради вас

И этот выполню убийственный приказ.

Такую казнь сочту я знаком милосердья:

Без цели не хочу топтать земную твердь я;

Кольцо утратив, жизнь утрачу вместе с ним

И лягу в тесный гроб под именем чужим,

А лучшего не жду на свете ничего я.

Донья Изабелла.

Как жаль, что вы не принц!.. О небо всеблагое!..

Прошу вас, этих слов не вспоминайте

впредь.

Карлос.

Раз я услышал их, не страшно умереть.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Донья Эльвира, дон Альваро.

Дон Альваро.

Уже плачевная ждала меня утрата,
Но провидение вам посылает брата,
И с королевою в супружеский союз,
Конечно, вступит он. Свалился с сердца груз,
Душа воспрянула от столь нежданной вести:
Не должен буду я, как раб законов чести,
Стремиться к скипетру кастильских королей
И завоевывать ненужный мне трофей,
Не так погибели страшась, как славной доли.
Свободный наконец, изменник поневоле
Клянется, к вашим вновь повергнув-

шись стопам,

Что и в неверности был верен только вам.

Донья Эльвира.

Все так, дон Альваро, вы предо мной безгрешны,

Но ваши выводы не слишком ли поспешны?

Свое мне сердце вновь вы отдали в полон,

Чтоб я утешилась, уж раз теряю трон,

Но вы, сдается мне, торопитесь чрезмерно:

Ведь все еще пока так зыбко, так неверно.

А если истинно известье, как вам знать:

Утешусь я иль нет и нужно ль утешать?

И не откроется ль мне путь к другим утратам?

Что, если Карлос впрямь окажется мне братом?

Вам лучше подождать, чтоб стало все ясней,

Вам лучше подождать, чтоб о судьбе моей

Узнала я сама: предложат мне корону

Иль явится мой брат и вступит по закону

В свои права? Должна я слушаться его

Или единственно лишь сердца своего?

Дон Альваро.

Ах, сердца вашего взыскую я, сеньора,

И только от него себе жду приговора!

Смогу себя считать счастливым я вполне,

Коль добровольно вы вручите счастье мне.

Иль то, что для меня так дорого, так свято,

Я стану добывать через посредство брата,

Желанью вашему и чувству вопреки?

Нет, вашей лишь от вас я попрошу руки.

Донья Эльвира.

Вообразили вы, дон Альваро, напрасно,
Что с братом-королем не буду я согласна:
Кровь королевская нам обостряет взор,
И не поступит брат сестре наперекор.
Мне ваше кажется смиренье нарочитым,
С забралом лучше бы сражались вы открытым.
Ах, как почтительно вы ждете, что явлю
Я пылкость чувств моих в словах: «Я вас люблю»!
О нет, столь грубых слов произносить нельзя нам:
Не вяжутся они с высоким нашим саном;
Иначе предпочту я объясниться, граф;
Скажу вам многое, ни слова не сказав.
Есть грань меж чувствами и долгом королевы.

Не раз уж преданность свою являли мне вы,

Но, прежде чем решить, узнать хочу сперва:

Правдива или нет всеобщая молва?

И если истинно вы мною дорожите,

Распутайте, прошу, запутанные нити.

А Карлос — с вами он достаточно знаком

И не отвергнет вас, коль станет королем.

Дон Альваро.

Сеньора…

Донья Эльвира.

Новостям и вам я буду рада;

Теперь же с матушкой поговорить мне надо.

Дон Альваро.

Счастливый, я спешу исполнить ваш приказ

И, новости узнав, доставлю их тотчас.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Донья Эльвира, донья Леонор.

Донья Леонор.

Здесь был дон Альваро?

Донья Эльвира.

Да, я его просила
Разведать о молве, что нас так поразила;
Коль скоро на его вы тоже стороне,
Боялась — от двоих не защититься мне.

Донья Леонор.

Так благосклонности добиться он не сможет?

Донья Эльвира.

С поддержкой вашей все преграды уничтожит.

Донья Леонор.

Тогда влюбленного обрадовать позволь.

Донья Эльвира.

Согласье должен дать на наш союз король.

Донья Леонор.

Но если ложен слух и за тобой держава?

Донья Эльвира.

Мы подождем вестей, потом рассудим здраво.

Донья Леонор.

Смысл здравый требует надежду дать ему.

Донья Эльвира.

Проверим, а потом решение приму:

Иначе мы на все глядим с вершины власти.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и донья Изабелла.

Донья Изабелла.

Я помешала вам? Но, может быть,

отчасти

Беседы столь живой и мне не чужд предмет.

Нашелся, говорят, ваш сын? Да или нет?

Донья Леонор.

Жду. И мгновения считаю, как часы я.

Донья Изабелла.

Но как узнали вы, что умер дон Гарсия?

Хотя речь о послах давно уже идет,

Известно только то, что там восстал народ.

Донья Леонор.

Посольство, рассудив, в какой мы здесь тревоге,

Передовых гонцов мне выслало с дороги,

И я вам передам их донесений суть.

В те дни, когда послы пустились в дальний путь,

Наш враг и сын его в последней цитадели

Держались все еще. Но наши одолели.

Тут вышел наконец на волю дон Рамон,

Томившийся в тюрьме. Узрев два трупа, он

Народу объявил, что жив король законный:

Дон Санчо, Промыслом от недругов спасенный.

Сам дон Рамон, догнав лишь нынче на заре

Послов, сказал, что принц у вас, мол, при дворе.

Вот все, что от гонца смогла пока узнать я:

У челяди скудны сужденья и понятья,

Улавливаешь суть лишь с горем пополам.

Но скоро дон Рамон сюда прибудет сам…

Смотрите: что это так удивило Бланку?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Бланка.

Бланка.

Сеньора!

Донья Изабелла.

Что с тобой?

Бланка.

Я видела изнанку
Прекрасного ковра! Ваш Карлос… Он…

Донья Изабелла.

Итак?

Бланка.

Его отец… Он здесь… Он…

Донья Изабелла.

Кто он?

Бланка.

Он… рыбак!

Донья Изабелла.

Но кто сказал?

Бланка.

Глаза.

Донья Изабелла.

Глаза?

Бланка.

Мои. Вот эти.

Донья Изабелла.

Не верю!

Донья Леонор.

Выслушать вам надо.

Донья Эльвира.

Иль на свете
Нет справедливости?

Донья Изабелла.

Есть воля высших сил.
Небесный промысел свою нам власть явил:
Низкорожденному он дух дал величавый
И выходца из тьмы одел сияньем сла-

вы.

Но, Бланка, как, скажи, сын встретился с отцом?

Бланка.

Смущенно, но с большим достоинством притом.

Отсюда шел он вниз по лестнице дворцовой.

Хотя хранил он вид надменный и суровый,

Все ж я заметила, что причиняет боль

Ему жужжанье: «Вот дон Санчо!», «Вот король!»

Вдруг бросился к нему какой-то старикашка.

Был Карлос поражен; сперва вздохнул он тяжко,

Но после, голосу природы уступив,

Ответил старику на радостный порыв.

Для многих слышимы их речи были, зримы

Объятия: «Мой сын!» — «Мой батюшка родимый!»

«О счастье, я теперь воскрес!» — рыбак вскричал,

А наш герой вздохнул: «О горе, я пропал!»

И радость и печаль смешались воедино.

Но люд, собравшийся вокруг отца и сына,

Слепою верою в героя обуян,

Явленье старика воспринял, как обман,

Подлог, что грандами нарочно был подстроен.

Схватили рыбака. Напрасно славный воин

Разубеждал толпу. А гранды отреклись,

Хотя к их выгоде события сошлись.

Явив душевное величие, вельможи

Сказали: все это на правду не похоже,

В пылу усердия пошел наверняка

Какой-то из их слуг на подкуп рыбака.

Был удовлетворен народ такой разгадкой,

И участь рыбака была б отнюдь не

сладкой,

Но гранды старика отправили в тюрьму,

Чтоб форменный допрос там учинить ему.

Герой себе во вред свидетельствовал.

Где там! Мол, все еще свой сан он держит под секретом.

Ему наперекор завистники его

Поверить не хотят в столь низкое родство.

И рвет и мечет он, грозится громогласно,

Он требует отдать ему отца. Напрасно!

Боятся все его, однако вот беда:

Не верят… Чу! Никак он сам идет сюда.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Карлос, дон Манрике, дон Лопе.

Карлос.

Вот, государыня: мое происхожденье

Теперь известно всем! Вот мне возна-

гражденье

За послушание! Хотел уйти, но нет —

Вы не позволили, и я дождался бед.

Мне в жизни лишь одна отрада оставалась,

И что ж? Замыслили отнять и эту малость!

Насилие, разбой! Я разлучен с отцом!

Объявлен он при всех мошенником, лжецом!

Да, мой отец — рыбак. Но он не плут бесчестный:

Высокая душа и низкий род совместны.

Ужель я жить смогу, родителя предав?

Иль утешаться тем, что я маркиз и граф?

О нет, священные нерасторжимы узы!

Враги, узнав, кто я, избавясь от обузы,

Ликуют. Но молю: отца пусть возвратят,

Не причиняя мне добавочных досад.

Дон Манрике.

Нет, государыня! Обязан сей воитель
Забыть, откуда он и кто его родитель,
Для славы собственной. Нельзя, чтобы герой,
Чей меч решал судьбу сражения порой,
Был заклеймен таким рожденьем: славный воин,
Как полагаем мы, иной родни достоин.
В красивый вымысел уверовав, народ
Опровержения не хочет и не ждет.
И нашим действиям мы ищем одобрения:
Нам жалко храбреца. Ложь будет во спасенье.

Карлос.

Я жалость вам внушил? Вот это впрямь беда!
Уж лучше прежняя кичливость и вражда.
Глядели с завистью на взлет моей фортуны,
Теперь я вдруг задел в них состраданья струны.

И то: раздавлен враг, не страшен он ничуть,

Великодушием зачем же не блеснуть?

А может быть, меня заманивают в сети?

Да, славой дорожу я, как ничем на свете,

Но если будет мной удержана она

Ценою подлости, той славе грош цена.

Не посрамил себя, — пусть низкого я роду;

То, что известно вам, скажу всему народу.

Я — Санчо, но не принц; нет, я — сын рыбака,

Однако двух вельмож спасла моя рука;

Да, я — сын рыбака, но волею державной

Назначен вынуть был вам жребий достославный;

Да, я — сын рыбака, но все еще при мне

Кольцо, которое даст короля стране;

Да, я — сын рыбака, однако вся столица

Считает, что я принц, хоть нечем тут гордиться.

И этого достиг своим трудом солдат,

Происхожденье чье постыдно, на ваш взгляд.

Пусть я простолюдин, но мой клинок победный

Мне славы больше дал, чем дал бы герб наследный,

И славой той вдвойне горжусь я оттого,

Что, взяв пример с небес, творил из ничего.

Дон Лопе.

И этот гордый пыл, и это благородство

Суть лишь свидетельства полнейшего несходства

Меж сыном и отцом. Все спуталось опять:

У сына рыбака — такая речь и стать,

Такой высокий дух? И снова я в сомненье:

Не правду ль я твердил, вводя всех в заблужденье?

Не верю, Карлос! То, что ваш отец рыбак,

С природою вещей не вяжется никак,

Все это, признаюсь, настолько всем нам внове...

Скорей самообман здесь, нежели зов крови.

Вам, государыня, свой осуждать порыв

Отнюдь не следует: героя наградив,

Вы тем всеобщему содействовали благу,

Поставили в пример великую отвагу.

Достоин сих наград он больше, чем любой:

Ведь восторжествовал он над самой судьбой.

Донья Изабелла.

Ужели же не лгут мне собственные уши?

Я так поражена борьбой великодуший!

Столь этот оборот необычаен, нов,

Что, право, не могу наши я нужных слов.

Они и ни к чему, достойные вельможи,

Коль скоро, вижу я, у нас воззренья схожи

И согласились вы, что не презренен тот,

Кто доблестью высок, хоть низок его род.

Явленью рыбака дивлюсь не так, как смене

Незыблемых (как мне казалось) ваших мнений.

Но вы, кто волею моей остался тут,

Вы, Санчо, — ибо вас, не правда ль, так зовут? —

Вы, доблестный герой, отринувший с презреньем

Мысль — с выгодным для вас не спорить заблужденьем,

Вы, кто под стрелами судьбы не гнул главы,

Вам посочувствовать позволите мне вы?

Позволите ль спросить, ответить захотите ль:

Как вы поступите? Незнатен ваш родитель,

И в этом ваша скорбь, но счастье ваше в том,

Что не легло на вас рождение стыдом,

Что, бросив на весы судьбы отвагу вашу,

Вы вверх заставили взлететь другую чашу.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и дон Альваро, потом — дворцовый страж.

Дон Альваро.

Вам, государыня, я новости принес

О рыбаке: ему был учинен допрос.

Хотя бедняк сидит под строгим караулом,

Упрямится: он глух к угрозам и посулам.

Сам для беседы с ним спустился я в

тюрьму;

Напрасно силился растолковать ему,

Что сына своего он разыскал некстати,

Что это скажется на доблестном солдате

Плачевным образом, коль не признает он,

Что был оклеветать героя наущен.

А заклинал, грозил, — увы, одна досада:

Нет, Санчо — его сын, его родное чадо!

А что касается, мол, до его потерь,

То сыну все с лихвой он возместит теперь;

Мол, сотню раз ему его жена твердила

(О простодушие!): диковинная сила

Есть в этом ларчике, украшенном резьбой,

И тотчас будет сын превознесен судьбой,

Лишь арагонская получит королева

Вещицу эту.

(Донье Леонор.)

Вот. Примите же без гнева

Подарок старика; его вам отдаю.

Рыбак твердит одно: в своем родном краю

Сын станет тот же час повыше, чем маркизом.

Дон Альваро протягивает донье Леонор ларчик, который может быть открыт нажатием потайной пружины.

Донья Изабелла.

Сеньора! Кажется, вы смущены сюрпризом?

Донья Леонор.

Признаться, да. Сейчас я, через двадцать лет,

Узнаю наконец — жив сын мой или нет.

Покойный мой супруг хранил в ларце заветном

То, что он полагал особенно секретным,

И содержимое я перечислю вам.

Когда ж, открыв ларец, все обнаружу там,

Тогда избавлю вас я, Санчо, от злосчастий

В краю, что волею небес вновь в нашей власти.

Нет, не останусь я, поверьте мне, в долгу,

За дружественный дар вознаградить смогу.

Однако же сперва хочу я убедиться,

В наличии ли все, что там должно храниться.

Там прядь моих волос: супруг мой, дон Фернан,

Залог моей любви хранил как талисман;

Должны быть сверх того там наших два портрета

И два прекраснейших, редчайших самоцвета,

Но знак бесспорнейший всех остальных — такой:

Письмо, что написал он собственной рукой.

Страж.

Явился дон Рамон и просит высочайшей Аудиенции.

Донья Леонор.

Он здесь, наш друг ближайший!
Впустите тотчас же! Простите мой порыв:
Велела я его впустить, вас не спросив.

Донья Изабелла.

Вы мне вторая мать и здесь, в моей державе,
Как в собственной своей распоряжаться вправе.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и дон Рамон де Монкада.

Донья Леонор.

Вы после, дон Рамон, поведаете мне,
Как восторжествовал закон у нас в стране.
Но Санчо? Вынес ли преследованья рока?
Он жив? А если да, — где, близко иль

далеко?

Дон Рамон.

В темнице я провел без малого семь лет.

Когда ж, сеньора, вновь узрел я белый свет,

В глухие те места поехал неотложно,

Где волей короля принц спрятан был надежно,

Да так, что подставной отец, простолюдин,

Сам искренне считал, что мальчик — его сын.

Осталось имя лишь его без измененья:

Он — Санчо; так ваш сын был назван при крещенье.

Приехав, узнаю, что он лет шесть назад

Решился в странствия пуститься наугад —

К простым трудам не мог он прилагать усилья.

Он имя изменил. И вскорости Касти-

лья

Прославила его — героя всех побед.

Об этом рассказал семейству их сосед:

В Вальядолиде был он случаем недавно,

Услышал о судьбе завидной столь и славной,

Увидел издали он Санчо. И рыбак

Узнал, где блудный сын, прославленный смельчак.

Донья Леонор.

Быть может, он средь нас, сей доблестный воитель?

Дон Рамон.

Ах!.. Вот мой государь!.. Он здесь, мой повелитель!

Дон Лопе.

Не отпирайтесь, принц! Мы разгадали вас.

Был гласом божиим общенародный глас.

Донья Леонор *(Карлосу).*

Вы все ж упрямитесь наперекор рас-

судку?

Карлос.

Боюсь, как бы судьба вновь не сыграла шутку.

Не обратитесь ли, сеньора, вы к письму?

Посланье короля должно рассеять тьму.

Донья Леонор открывает ларец, вынимает письмо и читает.

Донья Леонор *(читает).*

«Я вас ввожу в обман, чтоб обмануть злодеев,

Я сына скрыл от вас, чтоб жив остался он.

Но вы увидите: невзгоды все развеяв,

Сын возвратится к вам, займет отцовский трон.

Прошу меня простить за тяжкие страданья,

Вам причиненные, но материнский страх

Мог дело погубить: воздвигнутое зда-

нье

В один несчастный миг могло распасться в прах.

У Нуньо, рыбака, что жил в селенье дальном,

Родился мертвый сын в отсутствие отца;

Воспользовался я событием печальным,

—

Так в хижину попал рожденный для дворца.

Наш уговор жена от мужа утаила,

А чье это дитя, не ведает она,

Но знает: у ларца волшебная есть сила,

Что мальчику вернуть высокий сан должна.

Мое прощальное к вам обращаю слово.

Всем объявите, взяв бразды в стране своей:

Сын Нуньо бедного, сын рыбака простого —

Принц Санчо, отпрыск наш, потомок королей!

Дон Фернан Арагонский».

(По прочтении письма.)

Мой Санчо! Нынче же мы тайну всем откроем.

И сыну радуюсь я, и горжусь героем!

Карлос *(донье Леонор).*

Мне счастье полное дарует эта весть,

Могу ль отвергнуть я столь редкостную честь?

(Донье Изабелле.)

Все ж Нуньо мне отцом останется, как прежде.

Пред государыней склоняюсь я в надежде,

Что воспрепятствовать не пожелает мне.

Донья Изабелла.

В надежде? Господин вы здесь, в моей стране.

Я сделать вас могла маркизом, но не боле,

Теперь же все, чем я владею, — в вашей

воле.

В супруги королю назначена судьбой,

Распоряжаться всем могла, но не собой.

И все ж, дон Санчо, перст мне указал незримый,

Кому вручить кольцо; я верю, что должны мы

Два наших царственных соединить венца.

Карлос.

Сейчас мне стало все понятно до конца:

Раздвоенностью чувств я мучился напрасно,

Любовь с природою всегда была согласна.

Донья Эльвира.

Не зная, низок ли или высок ваш род,

Я знала лишь одно: что к вам меня влечет.

Карлос.

Коль с радостью во мне вы признаете брата,

Позвольте выступить теперь мне в роли свата.

Донья Эльвира.

Когда дон Альваро угодный вам жених,

То счастья полноту найду я в вас двоих.

Карлос *(донье Эльвире).*

Он доблести моей дал истинную цену.

(Дону Манрике и дону Лопе.)

Пришла почтительность презрению на смену,

Когда узнали вы, кто родом я. Ну что ж,

В чести и мужество и знатность у вельмож;

Он уважал меня, вы двое презирали...

Всяк прав: две стороны есть у любой медали.

Дон Рамон *(донье Изабелле).*

Но жаждет Арагон знакомства с королем.

Ждут у дворца послы: обещан им прием.

Донья Изабелла.

Мы сами выйдем к ним, дабы оповестить их —

А с ними наш народ — о радостных событьях.

Пусть Нуньо выпустят немедля из тюрьмы!

Ему обязаны всем нашим счастьем мы.

Признательность к его родительским заботам

Велит воздать ему вниманьем и почетом.

РАЗБОР «ДОНА САНЧО АРАГОНСКОГО»

События этой пьесы целиком вымышлены, хотя и не все придумано мною. Пышность первого действия заимствована из испанской комедии, озаглавленной «El palacio confuso»{119}, а двойное узнавание, которым завершается пятое действие, взято из романа «Дон Пелайо»{120}. Пьеса имела вначале на сцене большой успех, но ей случилось попасть в опалу к одному лицу, и это сразу положило конец триумфу. Отказ в высокой поддержке заставил смолкнуть рукоплескания, которыми ее даже излишне щедро осыпала публика, свел на нет все благосклонные о ней суждения в Париже и при дворе, и вскоре ее сослали в провинцию, где она и поныне хранит свой первоначальный блеск.

Сюжет довольно прост. Герой, человек неиз-

{119} Комментарии: 2.119

К стр. 393

«El palacio confuso» («Загадочный замок») — комедия, авторство которой приписывалось как второстепенному испанскому драматургу Антонио Мире де Мескуа (1574–1644), так и самому Лопе де Вега.

{120} Комментарии: 2.120

«Дон Пелайо». — Корнель имеет в виду исторический роман некоего сьёра де Жювенеля, вышедший в Париже в 1645 г. Полное название романа — «Дон Пелайо, или Вторжение мавров в Испанию».

вестного происхождения, достаточно благороден душою, чтобы снискать любовь двух королев. Но он им неровня — это на протяжении четырех с половиною действий мешает ему получить те блага, коими они рады были бы его одарить. А когда уже необходимо завершить пьесу, некий старичок точно сваливается с неба, чтобы открыть тайну рождения героя, которая дает ему право на руку одной из королев, тогда как другая узнает в нем брата:

> *Haec eadem a summo exspedes minimoque poeta*[21]. *{121}*

Ни дон Рамон, ни рыбак не подходят под правило, которое я намеревался ввести и которое заключается в том, чтобы все действующие лица или появлялись уже в первом действии, или хотя бы упоминались там известными публике лицами. Я, конечно, мог переместить рассказ королевы доньи Леонор из начала четвертого действия в первое. Но если бы она сразу поведала о

---

[21] Примечания: 1.21

Эти приемы одни — у больших и у малых поэтов.

Перевод Ф. Петровского.

{121} Комментарии: 2.121

Эти приемы одни... — цитата (не вполне точная) из первой сатиры Ювенала (ст. 14).

своем сыне, и о том, как король, ее супруг, сказал ей перед смертью, что дон Рамон должен открыть ей важную тайну, тогда бы сразу можно было догадаться: Карлос и есть этот принц. Скажут, что дон Рамон прибыл с посольством Арагона, о коем идет речь в первом действии, а стало быть, он подчиняется указанному правилу, но он прибыл вместе с арагонскими послами случайно. Он искал рыбака, а вовсе не послов; он присоединился к посольству после того, как навел справки в жилище рыбака, который в свою очередь отправился в Кастилью по собственному побуждению и не был туда приведен каким-либо событием, упоминаемым в начале пьесы; он мог бы прибыть не точно в этот же день, а раньше или позже, но тогда у пьесы не было бы конца.

Единство времени соблюдено здесь без натяжек; осмеливаюсь утверждать, что продолжительность действия не превышает продолжительности спектакля. По поводу единства места я уже однажды сказал{122}, что не буду при разборе последующих пьес на этом останавливаться. Во втором действии утонченность

{122} Комментарии: 2.122

К стр. 394

...я уже однажды сказал... — Корнель ссылается на свое «Рассуждение о трех единствах».

чувств не ниже, а быть может, и выше, чем в других моих сочинениях для театра. Любовь двух королев к Карлосу показана вполне отчетливо, несмотря на их старания скрыть ее и несмотря на изобретательность, с какой они ее скрывают соответственно своим натурам, а натура у одной из них горделивая, у другой — более мягкая. Признание, которое кастильская королева делает Бланке, построено довольно искусно: размышляя о событиях первого действия, она дает понять зрителям, что питает страсть к безвестному храбрецу, за пренебрежение к коему она так достойно отомстила графам. Из этого можно заключить, что она выбрала день для своих откровенных признаний не случайно, что она уже проникла в тайну и что обе рассуждают друг с дружкой о том, что далее будет представлено.

НИКОМЕД

ТРАГЕДИЯ

{123}

Перевод М. Кудинова

{123} Комментарии: 2.123

«НИКОМЕД»

(«NICOMÈDE»)

Корнель обратился в этой трагедии к незначительным дворцовым событиям в Вифинии, небольшом государстве Малой Азии, находящемся в зависимости от Рима, который к этому времени (II в. до н. э.) уже добился несомненной внешнеполитической мощи. В изложении событий Корнель опирался на Юстина, римского историка II в. н. э. Но тот никак не соединял династическую распрю, сотрясавшую двор Вифинии, с судьбой знаменитого карфагенского полководца Ганнибала. Эти две самостоятельные темы объединены самим Корнелем.

Премьера трагедии состоялась на сцене «Бургундского отеля» в последние дни 1650 г. или в январе 1651 г. Успех пьесы был неполный. В ней находили бесспорные художественные достоинства, но многих шокировали легко разгадываемые намеки на события Фронды. Однако пьеса пользовалась успехом в провинции, труппа Мольера играла ее в Руане и именно этой трагедией великий комедиограф начал свои спектакли (24 октября 1658 г.) при королевском дворе. «Никомед» вошел в репертуар «Комеди Франсэз», хотя и исполнялся там не очень часто. В главной роли выступали такие известные актеры, как Флоридор, Барон, Лекен, а в роли Лаодики — Адриенна Лекуврер и мадемуазель Клерон.

Издана трагедия была в ноябре 1651 г. в Париже Шарлем де Серси.

Первый русский перевод «Никомеда» был опубликован в 1956 г.

НИКОМЕД
СБ 79

К ЧИТАТЕЛЮ

Вот несколько необычная пьеса, двадцать первая из тех, что представлены мною на сцене; после того как было вложено в уста актеров сорок тысяч стихов, довольно трудно придумать что-либо новое, не отойдя немного от главного пути и не подвергая себя опасности заблудиться. Нежность и страсти, которые должны быть душою трагедии, здесь не имеют места: здесь царит только героическое величие, бросающее на свои горести исполненный такого презрения взгляд, что это не позволяет им исторгнуть из сердца героя ни одной жалобы. Оно сталкивается с коварной политикой и противопоставляет ей только благородное благоразумие; шествуя с открытым забралом, оно без содрогания предвидит опасность и не ждет ни от кого помощи, кроме как от своей доблести и любви, запечатлевая их в сердце всех народов. История, предоставившая мне возможность явить наивысшую степень этого величия, взята мною у Юстина, и вот как он повествует об этом в конце своей тридцать четвертой книги:

«В то же время Прусий{124}, царь Вифинии, принял решение убить своего сына Никомеда{125}, чтобы возвысить других своих сыновей, которых он имел от второй жены и которые были воспитаны в Риме; но это решение было открыто молодому царевичу теми, кто принимал участие в деле; они сделали больше — призвали его воздать тем же своему столь жестокому отцу и обрушить на его голову удар, который тот сам ему уготовил. Им не стоило особого труда уговорить Никомеда. Едва по приказу отца он возвратился домой, как тут же был провозглашен царем. Лишенный трона и покинутый даже своими слугами, Прусий, несмотря на все попытки скрыться, был в конце концов убит своим сыном и потерял жизнь под ударами преступления, которое было столь же велико, как и то, что совершил он сам, когда отдал приказ убить Никомеда».

{124} Комментарии: 2.124

К стр. 396

Прусий. — Имеется в виду Прусий II, царь Вифинии с 192 до 149 г. до н. э. У него нашел убежище карфагенский полководец Ганнибал, но по требованию римлян Прусий предательски выдал его врагам. По версии Аппиана Прусий отравил Ганнибала, сказав: «Избавим римлян от их давней заботы, раз уж им невтерпеж дождаться смерти старика». По другим версиям Ганнибал, увидев, что его дом окружен солдатами Прусия, сам принял яд.

{125} Комментарии: 2.125

Никомед. — Под именем Никомеда II Эпифана он царствовал в Вифинии в 149 — ок. 127 г. до н. э.

Я избавил сцену от ужаса столь варварской катастрофы и освободил как сына, так и отца от какого-либо намерения совершить убийство. Никомеда я сделал возлюбленным Лаодики{126}, дабы возможный союз с соседней короной еще больше насторожил римлян и заставил их препятствовать этому с большим рвением. К данным событиям я приблизил по времени смерть Ганнибала{127}, который прибыл несколько ранее к тому же царю и чье имя явилось не столь уж малым украшением моей пьесы. Никомеда я превратил в его ученика, придав последнему тем самым больше мужества и гордости в его противоборстве с римлянами; воспользовавшись историей с посольством Фламиния{128}, отправленного к союзному царю, чтобы потребовать выдачи старого врага римского величия, я возложил на него также и секретную миссию: препятствовать заключению брачного союза, вызывавшего

{126} Комментарии: 2.126

К стр. 397

Лаодика — вымышленный персонаж.

{127} Комментарии: 2.127

…приблизил <…> смерть Ганнибала… — Ганнибал умер в 183 г. до н. э.

{128} Комментарии: 2.128

Фламиний, Тит Квинкций — римский военный и государственный деятель. В 183 г. до н. э. он действительно был послан в Вифинию с требованием от имени Рима выдать карфагенского полководца.

у римлян опасения. Чтобы они могли привлечь на свою сторону царицу, которая, как это часто бывает со вторыми женами, всецело подчинила своему влиянию престарелого мужа, я сделал так, чтобы Фламиний привез с собой одного из ее сыновей, о котором я знал от моего автора, что он воспитывался в Риме. Это дает мне двойной эффект; с одной стороны, Фламиний с помощью честолюбивой матери добивается гибели Ганнибала, а с другой — противопоставляет Никомеду соперника, который опирается на полную поддержку римлян, ревнующих к славе Никомеда и к его зарождающемуся величию.

Убийцы, открывшие царевичу кровавые намерения его отца, дали мне повод прибегнуть к другим уловкам, в силу которых Никомед должен попасть в ловушку, уготовленную ему его мачехой; в конце я свел дело к тому, что все действующие лица ведут себя благородно; одни из них воздают должное добродетели, а другие сохраняют твердость при выполнении своего долга, подавая тем самым славный пример и приводя к вполне благоприятной развязке.

Представление пьесы на сцене прошло не без успеха, и так как это не худшие стихи, написанные моей рукою, я смею надеяться, что, будучи

прочитанным, мое произведение не повредит моей репутации и не покажется недостойным того, что я создал раньше. Моя главная цель заключалась в том, чтобы обрисовать внешнюю политику римлян, показать, как властно они себя держали по отношению к союзным царям, мешая им возвыситься, и к каким мерам они прибегали, дабы воспротивиться их величию, когда оно становилось для них подозрительным в силу того, что начинало возрастать благодаря новым завоеваниям. Таковы отличительные черты, которые я придал их республике в лице их посла Фламиния, столкнувшегося с бесстрашным царевичем, который без трепета смотрит в глаза своей неминуемой гибели и бросает вызов могуществу Рима в тот момент, когда оно всей тяжестью обрушивается на него. Созданный мною герой несколько нарушает правила трагедии, ибо он не тщится вызвать сострадание избытком своих горестей; но успех представления показал, что твердость великих сердец, вызывающая восхищение в душе зрителя, порою бывает так же отрадна, как и сочувствие к их несчастьям, домогаться которого заставляет нас наше искусство. Не так уж плохо пойти на небольшой риск и не быть все время рабски при-

вязанным к правилам, следуя в этом отношении завету нашего Горация:{129}

> *Et mihi res, non me rebus, submitere conor*[22].

Необходимо, однако, чтобы развитие событий оправдало подобную смелость, ибо, позволив себе вольность такого рода, окажешься виноватым, если не добьешься удачи.

{129} Комментарии: 2.129

К стр. 398

…завету нашего Горация. — Далее Корнель цитирует (с некоторой неточностью) стих 19 из первого стихотворения первой книги «Посланий» Горация.

[22] Примечания: 1.22

Вещи себе подчинить, а не им подчиниться стараюсь.

Перевод Л. Гинцбурга.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПРУСИЙ
царь Вифинии.
ФЛАМИНИЙ
римский посол.
АРСИНОЯ
вторая жена Прусия.
ЛАОДИКА
царица Армении.
НИКОМЕД
старший сын Прусия от первого брака.
АТТАЛ
сын Прусия и Арсинои.
АРАСП
начальник телохранителей Прусия.
КЛЕОНА
наперсница Арсинои.
ТЕЛОХРАНИТЕЛИ.

Действие происходит в Никомедии{130}.

{130} Комментарии: 2.130
К стр. 399
Никомедия. — Этот город был в описываемую эпоху столицей Вифинии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Никомед, Лаодика.

Лаодика.

Отрадно видеть мне, что блеск великих дел
Царить у вас в душе мне помешать не смел;
Отрадно сознавать, что войска предводитель,
Увенчанный венком лавровым победитель,
Как прежде, побежден любовью и готов
Величьем озарить мой недостойный кров.
Но, сколько б всяких благ нам небо ни сулило,
Объята страхом я, теперь мне все немило:
В смущении на вас я устремляю взор,
Всем сердцем чувствуя, как вам опасен

двор.

Здесь ваша мачеха главенствует над нами,

Царь, ваш отец, на все глядит ее глазами,

Ее желания законом высшим чтит,

И можете судить, чем это вам грозит.

Питать к вам ненависть, ревнуя к вашей славе,

Из-за меня вдвойне она считает вправе:

Ваш брат и сын ее недавно возвращен…

Никомед.

За вами, слышал я, ухаживает он.

Заложником он был у римлян, чье решенье

Теперь ему сулит достойней применение;

Он возвращен домой — дар этот означал,

Что должен римлянам быть выдан Ганнибал.

И царь исполнил бы желанье их, поверьте,

Когда бы Ганнибал не принял яд и в смерти

Приюта не обрел, Рим зрелища лишив,

Которым тешили бы римлян, будь он жив.

А я, победами и славой окрыленный,

Всю Каппадокию{131} *уж видел покоренной,*

Когда услышал весть, что мертв учитель мой,

И тучи собрались над вашей головой.

На верных мне людей я армию оставил

И, гневом распален, сюда свой путь направил;

Серьезно отнестись прошу к моим словам:

Фламиний здесь не зря, грозит опасность вам.

{131} Комментарии: 2.131

К стр. 401

Каппадокия — небольшое государство в Малой Азии, образовавшееся, как и Вифиния, в результате распада империи Александра Македонского. Каппадокия была юго-восточным соседом Вифинии, которая занимала территорию между Мраморным и Черным морем.

Вначале Ганнибал причиной был визита,

Но мертв он, и теперь другое тут сокрыто:

Посол, скорей всего, остался потому,

Что хочет он отдать вас брату моему.

Лаодика.

Не сомневаюсь я, что, обещанью верен,

На совесть помогать царице он намерен:

Коль ею принесен был в жертву Ганнибал,

Фламиний связан с ней и мне опасен стал.

Но я не жалуюсь: Фламиний и царица

Не властны надо мной, вам нечего страшиться.

Моя любовь и честь неужто слабы так,

Что обойтись без вас я не смогу никак?

Или, сойдя с ума, я предпочту Аттала

Тому, кого венком победа увенчала,

В то время как Аттал, покинув отчий дом,

В руках у римлян стал их преданным рабом,

Чью душу робкую их слава приучила

Дрожать перед орлом и почитать эдила?{132}

Никомед.

Мне лучше умереть, чем, ревностью горя,

В столь низких чувствах вас подозревать, но я

Не вашей слабости страшусь, а принужденья:

Рим не отступится от своего решенья.

Лаодика.

Царица я! Ни Рим, ни ваш отец о том

Не смеют забывать! Вошла я в этот дом,

{132} Комментарии: 2.132

...дрожать перед орлом... — то есть орлом с расправленными крыльями на специальном древке, заменявшем римским легионам более поздние полковые знамена.

Эдил — должностное лицо в Риме, ведавшее общественным порядком, устройством празднеств, а также рынками.

Где юности моей царь Прусий покровитель,

Лишь потому, что так мой повелел родитель.

Меня он отдал вам, и только мне одной

Дано, коль захочу, избрать удел иной.

С наследником царя могла лишь согласиться

Соединить судьбу Армении царица,

И знайте: не к лицу унизиться ей так,

Чтоб с подданным его согласье дать на брак.

Волнуетесь вы зря.

Никомед.

Волнуюсь не напрасно.

Как уберечь мне вас от женщины опасной?

Она здесь может все и, веря в произвол,

Захочет возвести Аттала на престол.

Для мачехи моей нет ничего святого:

Был предан Ганнибал — предать и вас готова,

Забыла, что закон гостеприимства свят, —

Начнет и вас терзать, не ведая преград.

Лаодика.

Но, раз подобное она свершить посмела,

Что ей закон родства? Коварству нет предела.

Удара ваш приезд, увы, не отвратит:

Сперва падет на вас, потом меня сразит;

Преступным будет он, и станете вы скоро

Здесь первой жертвою, ведь вы — моя опора!

Коль скоро не смогли меня поколебать,

Сын с матерью решат вас у меня отнять;

Но чтоб их происков могла я не страшиться,

Пусть вас боится царь и вместе с ним царица;

Вернитесь в армию, чтоб знали все вокруг:

Готовы защитить меня сто тысяч рук;

Держитесь вдалеке и обладайте силой!

А здесь вы пленник их и пасынок постылый,

Для вашей доблести здесь примененья нет,

Вам не поможет блеск одержанных побед

И то, что славою покрыто ваше имя:

У вас лишь две руки, здесь вы равны с другими.

Пусть раньше целый мир испытывал к вам страх, —

Вступая во дворец, вы у царя в руках.

Я повторяю вновь: к войскам своим вернитесь,

И сразу вспомнит двор, какой вы грозный витязь;

Пусть он боится вас! Поверьте, что тогда

Я буду твердо знать: мне не грозит

беда.

Никомед.

Вернуться в армию? Так знайте: мать Аттала,

Чтоб устранить меня, туда убийц заслала;

Двух, в том признавшихся, велел я взять с собой,

Мне уличить ее назначено судьбой.

А царь, хоть ей он муж, отцом мне остается,

И если от меня он все же отвернется,

Три скипетра, что я сложил к его ногам,

Ему напомнят то, о чем забыл он сам.

Коль скоро стережет меня погибель всюду,

Коль скоро в армии и при дворе я буду

Равно опасности подвержен, то к чему

Мне уезжать от вас? Я смерть и здесь приму.

Лаодика.

Нет! Больше докучать не буду вам словами!

Коль надо погибать, погибну вместе с вами.

Но доблестью своей вооружимся мы,

И будет страх томить их души и умы.

Народ здесь любит вас, к ним ненависть питает,

А кто царит в сердцах, тот силой обладает…

Сюда ваш брат идет.

Никомед.

Со мной он не знаком,

И, кто я, пусть Аттал не ведает о том.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Аттал.

Аттал *(Лаодике).*

Зачем у вас всегда вид этот непреклонный?

Смогу ль перехватить я взгляд ваш благосклонный,

Тот взгляд, что строгости лишен и без конца

Способен волновать и покорять сердца?

Лаодика.

Коль вид неподходящ, чтоб ваше покорилось,

Другому сердцу мне явить придется милость.

Аттал.

Не покоряйте то, что вам принадлежит.

Лаодика.

Тогда вам ни к чему приветливый мой вид.

Аттал.

Приняв его хоть раз, ему не измените.

Лаодика.

К чему приветливость? Ее себе возьмите.

Аттал.

Не уважают то, что не хотят хранить.

Лаодика.

Я уважаю вас и не хочу хитрить:
Нельзя пускаться нам на хитрость и измену.
Мне ваше сердце взять? Куда его я дену!
Ведь место занято, и я уж столько раз
Об этом речь вела, что снова слушать вас
Мне не хотелось бы: все это утомляет.

Аттал.

Как повезло тому, кто место занимает!
И счастлив тот, кто в спор посмеет с ним вступить,
Чтоб вытеснить его и место захватить.

Никомед.

Но это стоило бы крови и страданья:
Умеет он хранить свои завоеванья;
Среди его врагов такого не сыскать,

Кто, крепость сдав ему, ее бы взял опять.

Аттал.

Возможно, это так. Одну из них, однако,
Ему придется сдать, хоть храбрый он вояка.

Лаодика.

Вы заблуждаетесь.

Аттал.

Желает царь того.

Лаодика.

Должны быть здравыми желания его.

Аттал.

А кто посмеет здесь с царем не согласиться?

Лаодика.

Ну что ж, отвечу вам: он царь, а я царица,
И, на каком бы мы ни встретились пути,

Ко мне лишь с просьбою он может подойти.

Аттал.

Особам царственным, живущим в царстве этом,

Ни просьбою его, ни дружеским советом

Нельзя пренебрегать… Но коль вы глухи к ним,

О том же скажет вам меня вскормивший Рим.

Никомед.

Рим, говорите?

Аттал.

Да! Вас это удивляет?

Никомед.

Мне боязно за вас: а если Рим узнает,

Каким желаньем вы объяты, что тогда?

Не помощь от него придет к вам, а беда.

Он оскорбится тем, что рук его тво-

ренье

Пятнает честь его без всякого смущенья,

И званья громкого лишит вас в миг один,

Вам объявив, что вы не римский гражданин;

Он не позволит вам бесчестить званье это,

Царицу полюбив, хотя и без ответа.

Или забыли вы, что римлянин любой

Превыше всех царей? Иль, возвратясь домой,

Вы все заветы их забвению предали,

О коих столько лет вам в Риме толковали?

Нет, к прежней гордости вернуться надо вам!

Достойны будьте тех, кто страх внушает нам;

Вы, право, не могли так низко опуститься,

Чтоб вам внушила страсть армянская царица,

Когда могли бы вы, гоня сомненья прочь,

Дочь претора любить или трибуна дочь{133}*.*

Рим разрешает вам такое увлеченье,

Не помешает вам теперь происхожденье

Из рода царского: усыновил вас Рим,

И можно волю дать желаниям своим.

Разбейте же в куски, порвите эти цепи!

Царицу полюбить? Что может быть нелепей!

Царицы для царей, а вас другое ждет:

Куда достойнее вам уготован плод!

Аттал *(Лаодике).*

Коль ваш он человек, молчать ему велите:

Столь дерзким на язык не место в ва-

{133} Комментарии: 2.133

К стр. 406

Претор — римское должностное лицо, на которое возлагалась охрана порядка в городе и отправление правосудия.

Трибун. — В Древнем Риме были две категории трибунов: военные трибуны командовали воинскими подразделениями, участвовали в военном совете; трибуны плебейские были представителями народных масс, были призваны защищать их интересы.

шей свите!

Я сдерживал свой гнев, чтоб увидать предел

Той дерзости, с какой здесь говорить он смел.

Но если продолжать он в том же духе станет,

Гнев пышно расцветет, а сдержанность увянет.

Никомед.

Коль правду говорю, не важно, кто я сам,

Одна лишь истина вес придает словам;

Я призываю вас быть этому судьею.

Вы римский гражданин. Столь дорогой ценою

Оплачен титул сей царицей и царем,

Что было бы грешно вам забывать о нем.

Они, сочтя его достойней всех и краше,

Лишились радости лелеять детство ваше:

Четырехлетним вас они послали в

Рим.

Так рассудите же, приятно ль будет им

Узнать, что сам теперь готов их сын лишиться

Почета высшего; что некая царица

Величья римского ему куда милей…

Аттал *(Лаодике).*

Прошу, ответьте мне: из ваших он людей?

И если это так, отдайте приказанье,

Чтоб удалился он или хранил молчанье!

Лаодика.

Как с римлянином вел он с вами речь, а я

Хочу поговорить, как с отпрыском царя.

Сын государя вы, и потому над вами

Главенствует ваш брат, он старше вас годами,

Питайте же к нему почтение и страх:

Единокровны вы, но не равны в правах.

В его отсутствие, хоть это вам по нраву,

Не похищайте то, что лишь ему по праву

Должно принадлежать.

Аттал.

Коль речь идет о вас,

Скажите слово — все изменится тотчас.

Хоть из-за возраста я в худшем положенье,

Вы в миг исправите слепой судьбы решенье.

Ему, как сын царя, я должен уступить?

Как римлянину мне позвольте говорить.

Да! Я один из них, и призван небесами

Без господина жить, повелевать царями,

И цель моей любви — над братом торжество,

Затем, что это стыд — быть поддан-

ным его.

Лаодика.

Я поняла: влечет вас царская корона
С такой же силою, как и моя персона.
Но и короною моей и мной самой
Дано владеть тому, кто избран был судьбой
Царем над вами стать... Будь здесь он, вы, возможно,
Не говорили б так о нем неосторожно.

Аттал.

Увидеть бы его! Ведь мой любовный пыл...

Никомед.

В его присутствии наверняка б остыл.
Обуревает вас опасное желанье:
Будь здесь он — может вас постигнуть наказанье.

Аттал.

Какая дерзость! В нем почтительности нет.

Никомед.

Для вас она нужней.

Аттал.

Неслыханный ответ!

Или не знаешь ты, кто я?

Никомед.

Скажу вам честно:

В том преимущество мое, что мне известно,

С кем говорю, а вам меня откуда знать?

И если кто кого обязан почитать…

Аттал.

Как в ярость не прийти? Да кто же он, скажите!

Лаодика.

У вашей матери об этом вы спросите.

Она сюда идет.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Никомед, Аттал, Арсиноя и Клеона.

Никомед.

Осмелюсь вас просить
Сказать, кто я такой, чтоб сына просветить.
Из-за неведенья он сердится и злится,
А это ни к чему: злость искажает лица
И портит кровь.

Арсиноя.

Вы здесь? Вернулись вы домой?

Никомед.

Да, не ошиблись вы. И Метробат со мной.

Арсиноя.

Предатель Метробат?

Никомед.

Но ничего худого
Он не сказал о вас, не проронил ни сло-

ва.

Арсиноя.

Но что заставило вас возвратиться вдруг?

А ваша армия?

Никомед.

Помощник мой и друг

С делами справится. А путь сюда направил

Я потому, что здесь учителя оставил

И ту, кого люблю. Учитель мой угас,

Спасу хотя б ее от Рима… и от вас.

Арсиноя.

Вот почему вы здесь?

Никомед.

Да! И, по всем приметам,

Вы не откажетесь мне услужить при этом.

Арсиноя.

Я постараюсь вам услугу оказать.

Никомед.

И волю добрую проявите опять.

Арсиноя.

Лишь пожелал бы царь, мы все дела устроим.

Никомед.

Вы милость оказать хотите нам обоим?

Арсиноя.

Могу заверить вас: я помню обо всем.

Никомед.

Ваш ум известен мне, не сомневаюсь в нем.

Аттал.

Так, значит, пред собой я вижу Никомеда?

Никомед.

Да, это надо мной вам грезилась победа.

Аттал.

Простите! Видя вас впервые, я не знал…

Никомед.

Принц! Я достойного соперника искал.
Решили крепость взять — так честно и умело
Вам надобно вести задуманное дело;
Коль скоро не ищу поддержки я ни в ком,
Не угрожайте мне ни Римом, ни царем;
Вести со мной борьбу должны вы по закону;
Смотря с почтением на царскую корону,
Должны вы действовать! А я готов забыть,
Что старше вас, что мне царем над вами быть,
И мы тогда сравним, как уж не раз бывало,
Науку римскую с наукой Ганнибала.
Прощайте! О словах подумайте моих.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Аттал, Арсиноя, Клеона.

Арсиноя.

Как? Извинился ты? Чтоб гнев его утих?

Аттал.

Он с толку сбил меня! Приездом столь нежданным

Наносит он удар моим и вашим планам.

Арсиноя.

Нет, он в моих руках: не причинит нам зла.

Скорее приведи мне римского посла.

Без свиты пусть придет. А я твоей судьбою

Сама распоряжусь, коль я чего-то стою.

Аттал.

Но если должен я…

Арсиноя.

Иди, не возражай.

Кто сеет вовремя, тому и урожай.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Арсиноя, Клеона.

Клеона.

Что вы затеяли, не знает он, царица!

Арсиноя.

А если будет знать, то может устрашиться:

Судя о чести так, как судит гордый Рим,

Он может помешать усилиям моим

И не поймет, что зло оправдано законом,

Когда, его свершив, овладевают троном.

Клеона.

Я думала, что Рим не так уж справедлив,

Иначе Ганнибал, пожалуй, был бы жив.

Арсиноя.

В несправедливости винишь ты Рим напрасно:

Один лишь римлянин замешан здесь; причастна

Была и я к тому, что умер Ганнибал;

А Рим ему дожить свой век спокойно б дал.

Когда б у их врага от римлян он укрылся,

Рим с этим никогда легко б не примирился;

Но если, прошлого страшась, он настоял,

Чтоб Антиох ему от крова отказал{134},

То у союзного царя на попеченье

Был связан Ганнибал, и Рим забыл о

{134} Комментарии: 2.134

К стр. 411

…Антиох ему от крова отказал… — После поражения, нанесенного ему Сципионом Африканским (202 г. до н. э.), Ганнибал нашел убежище у сирийского царя из династии Селевкидов Антиоха III, который в это время находился в Эфесе. Ганнибал побуждал Антиоха к войне с Римом. После побед римлян у Фермопил (апрель 191 г. до н. э.) и у Магнесии (начало 189 г. до н. э.) Антиох стал искать мира. Одним из его условий римляне поставили выдачу им Ганнибала (188 г. до н. э.). Есть сведения, что Ганнибал искал пристанища у армянского царя Арташеса I, затем побывал на Крите и оттуда отправился в Вифинию.

мщенье.

Но не забыл о том Фламиний: смерть отца

Он оскорблением считал и без конца

О мести помышлял: в бою при Тразимене{135},

Где Рим ужасное постигло пораженье,

Отца Фламиния, что полководцем был,

В пылу сражения сам Ганнибал убил.

Так оскорбленный сын, пылая жаждой мести,

Решил, что действовать со мною надо вместе,

И, чтобы выдали ему врага его,

Из Рима он вернул мне сына моего.

Тогда со слов моих известно стало в Риме:

Опасен Никомед победами своими;

{135} Комментарии: 2.135

…в бою при Тразимене… — Имеется в виду сражение у Тразименского озера (в Центральной Италии, севернее Рима), которое Ганнибал блестяще выиграл (217 г. до н. э.). Римскими войсками в том бою командовал консул Кай Фламиний, которого Корнель, вопреки исторической правде, делает отцом персонажа пьесы.

Захваты в Азии, что велики и так,

Он приумножит вновь, вступив с царицей в брак.

Сенат, почувствовав опасность появленья

И царства мощного и сильного правленья,

Фламиния послал, чтоб этот брак сорвать

И дерзким замыслам тем самым помешать.

У Рима нет иных намерений и цели.

Клеона.

И вот влюбленным стать Атталу повелели.

Но у него, увы, теперь надежды нет:

К своей возлюбленной вернулся Никомед.

Арсиноя.

Злить победителя, что войско возглавляет,

Опасно было бы: куда ни пожелает,

Он поведет солдат; решила я тогда,

От войска оторвав, завлечь его сюда.

Мне Метробат помог: являя страх притворный,

Притворно выдал вдруг он замысел мой черный,

Что, мол, убить его он получил приказ.

И что же? Никомед не с войском, а у нас.

Он с жалобой к царю является, взывая

О справедливости, но жалоба такая

Лишь повредит ему, на пользу мне идя,

Хоть и не думаю оправдываться я.

Когда мы встретились, губу я закусила,

Я, изменясь в лице, испуг изобразила.

Решил он, что меня изобличить он смог,

Не зная, кто и как сюда его завлек.

Клеона.

Все сделает Аттал, что хочет Рим великий.

Но сможет покорить он сердце Лаодики?

Арсиноя.

И пусть не покорит! Он действует не зря:

Все это ослепит и римлян и царя.

Но трон Армении не нужен мне, Клеона,

Лишь здесь, в Вифинии, я домогаюсь трона.

Когда он будет наш, пусть Лаодика в брак

С тем, кто ей по душе, вступает, я никак

Не стану ей мешать, зато теперь упорно

Мешаю ей во всем: пусть будет непокорной!

Царь, от которого Фламиний дела ждет,

Из страха Рим задеть ей угрожать начнет,

А старший сын его, всем этим возмущенный,

С отцом затеет спор, как истинный влюбленный.

Горяч и резок он, таков же и отец,
Чью злобу распалив, смогу я наконец
Увидеть, как удар падет на Никомеда:
Ему спасенья нет, близка моя победа.
Но мне пора идти, Фламиний ждет меня.
Не говори ни с кем, в душе своей храня
То, что доверила тебе твоя царица.

Клеона.

На преданность мою вам можно положиться.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Прусий, Арасп.

Прусий.

Как смел явиться он, нарушив мой приказ!

Арасп.

Пусть это, государь, не беспокоит вас,
Коль скоро честь его является залогом
Тому, что он не даст вам повода к тревогам.
Не будь он Никомед, приезд его сюда
Счесть подозрительным могли бы вы тогда,
В такой внезапности узреть неуваженье,
Заметить тайного расчета отраженье.

Прусий.

Я замечаю все: стал дерзок Никомед,

Он покушается на мой авторитет,

Считая, что должны его завоеванья

Дать больше прав ему, чем все чины и званья,

Что больше для него нет никаких препон,

Коль скоро он герой и сам себе закон.

Ему подобные так действуют обычно,

Приказам следовать им как бы неприлично:

Своею славою они опьянены,

И, так как в армии им все подчинены,

Повелевать они настолько привыкают,

Что власть верховную почти не замечают.

Прусий.

Скажи уж все, Арасп, или добавлю сам,

Что подданными быть для них великий срам,

Что если царский трон назначен им с рожденья,

То ждут они его, дрожа от нетерпенья,

Считая, что отец расстаться не спешит

С добром, которое отдать им надлежит.

Еще добавлю я, что порождает это

В народе гул глухой, а при дворе наветы;

Что если не прервут чреду печальных дней

Того, кто царствует, то в дерзости своей,

Надевшей на себя личину послушанья,

Всю власть себе возьмут, ему оставив званье.

Арасп.

Когда б о ком другом сейчас вели мы речь,

То надо было бы все это вам пресечь,

Но здесь такой совет, пожалуй, неуместен:

Хороший вы отец, а принц отменно честен.

Прусий.

Будь я другим отцом, он был бы обвинен!

Любви родительской обязан многим он.

Ему она одна находит оправданье

И, может быть, несет мне горе и страданье.

Боюсь, что честь его, столь твердая на вид,

Пред честолюбием его не устоит,

И память о былом он в сторону отложит.

Кому наскучил царь, отец наскучить может!

Кровавых тысячи тому примеров есть:

Смолкал природы глас и умолкала честь,

Когда желание достигнуть высшей власти,

Неодолимым став, все подавляло страсти.

Не слишком много ли побед он одержал?

Мощь укрепив мою, сам всемогущим

стал;

Теперь он подданный, когда того желает;

Я только царствую, а он повелевает.

Хоть в доблести ему не отказать никак,

Не хочешь видеть тех, кому обязан так

И чьи деяния не могут быть забыты;

Его присутствие как бы упрек мне скрытый,

Напоминание безмолвное о том,

Что я не просто царь, а трижды стал царем

Благодаря ему и что, наследник трона,

Он втрое больше дал, чем даст ему корона.

Все это тяготит меня, и тайный гнет,

Чья тяжесть от побед одержанных растет,

Меня докучными виденьями тревожит:

Кто столько мог мне дать, отнять все это может,

Коль может совершить все, что захочет он.

Так посуди, Арасп, надежен ли мой трон.

Арасп.

Будь это кто другой, то стоило бы, право,

Прибегнуть к тактике проверенной и здравой.

Как только подданный большую власть забрал,

Уж не безвинен он, хоть зла не совершал;

А кто опасен стал для вашего правленья,

Тот государственный преступник, без

сомненья{136},

И надобно его разумно отвратить

От зла, которое он мог бы совершить,

Тем самым дав ему избегнуть худшей кары.

Предотвратить удар — прием довольно старый.

Но слишком честен принц, чтобы прельститься злом.

Он не погубит вас…

Прусий.

А где порука в том?

И где гарантия, что гнев свой на Аттала

Вдруг не обрушит он? Что в смерти Ганнибала

{136} Комментарии: 2.136

К стр. 415

А кто опасен стал для вашего правленья, тот государственный преступник, без сомненья. — Полагают, что эта и другие мысли, высказываемые Араспом, перекликаются с основными положениями трактата Геза де Бальзака «Государь», который, в частности, писал: «Государи могут предупредить опасность даже смертью подозрительных им лиц. По простому подозрению или даже сновидению монарху дозволено обезопасить себя от ненадежных подданных и успокоить свой дух… Лучше воспрепятствовать невинным совершить проступок, нежели оказаться вынужденным покарать виновных» (перевод Н. Сигал).

Не станет нас винить и не захочет
мстить?
Нет, не дадим себя надежде обо-
льстить:
Он жаждет мщения, есть у него и си-
ла,
Он восходящее и яркое светило,
Которое в моей стране боготворят.
Бог для народа он, бог для своих сол-
дат;
Одни ему верны, в других дурные стра-
сти
Он станет разжигать, чтобы остаток
власти
Похитить у меня… И все же помню я:
Не так еще она бессильна, власть моя!
Мне надо действовать хитро и осто-
рожно,
Суровость применить, но с мягкостью
возможной,
В изгнание его отправить, но притом
С почетом должен он покинуть отчий
дом.

А если будет он судьбою недоволен

И вздумает роптать, то поступать я волен

Как совесть мне велит, когда грозит беда...

Арасп.

Идет он.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Никомед.

Прусий.

Вот и вы! Что привело сюда?

Никомед.

Желанье самому к родительскому трону

С почтеньем положить еще одну корону,

Желанье вас обнять и видеть, как в ответ

Вы мне даруете и ласку и привет.

Вся Каппадокия, все царства Понта{137} *стали*

Отныне вашими и как бы право дали

Мне поспешить сюда, чтоб вас благодарить

За вашу доброту, за то, что вам служить

Вы мне позволили и царственной рукою

Своею славою вы делитесь со мною.

Прусий.

Объятья ни к чему, и вы могли б вполне

В посланье выразить всю благодарность мне;

И было ни к чему проступками своими,

Победу одержав, свое позорить имя;

Но если армию покинул генерал,

То преступлением я это бы назвал,

И если бы не вы предстали предо мною,

Он заплатил бы мне своею головою.

{137} Комментарии: 2.137

К стр. 416

Понт — обширная область вдоль южного побережья Черного моря. Одно время была самостоятельным государством.

Никомед.

Виновен, признаюсь: порыв так пылок был,
Что разум мой не мог умерить этот пыл;
Сыновняя любовь была тому виною,
Что воинский мой долг сегодня попран мною,
Но если б тот порыв, вняв разуму, угас,
Лишился бы тогда я счастья видеть вас;
И вот я предпочел за столь большое счастье
Виною заплатить, простительной отчасти,
В надежде, что судьей над нею будет вновь
Такая ж пылкая отцовская любовь.

Прусий.

Отцу достаточно малейшего предлога,
Чтобы виновного судить не слишком строго.

Вы были лучшею опорой мне, и ждет
Вас ныне при дворе особенный почет;
Я римского посла сегодня принимаю,
И пусть увидит он, как вам я доверяю:
Принц! Выслушав его, ответьте за меня —
Ведь настоящий царь теперь уже не я.
Я только тень царя; одну лишь эту малость —
Почетный титул мой — оставила мне старость;
Теперь не мне, а вам у мира на глазах
О государственных заботиться делах.
Окажут почести сегодня вам, но знайте:
На вас лежит вина, о ней не забывайте,
Верховной власти вред был ею причинен;
Вернитесь же к войскам — вред будет устранен.
Придайте прежний блеск самодержавной власти;
Она утратит смысл, разъятая на ча-

сти;

Но как нетронутой была мне вручена,

Такой же пусть и вам достанется она.

Народ глядит на вас, готов на вас молиться,

Но, с вас беря пример, он нам не подчинится;

Пример ему другой вам надлежит подать:

Пока вы подданный, покорность мне являть.

Никомед.

Я повинуюсь вам, но пусть повиновенье

Получит, государь, от вас вознагражденье:

В Армении давно царицу ждут свою,

Всех, преграждавших путь, разбили мы в бою;

Коль скоро наш эскорт отправят с нею вместе,

Ее сопровождать я домогаюсь чести.

Прусий.

Что ж, домогаетесь вы этого не зря:

В эскорте должен быть сам царь иль сын царя.

Но, отправляя в путь царицу, мы при этом

Решили действовать в согласье с этикетом

И подготовить все как следует, а вам

Покуда предстоит отправиться к войскам.

Никомед.

Она хотела бы без лишних церемоний…

Прусий.

Нет! Это причинит ущерб ее короне.

Но вот идет посол, готовьтесь к встрече с ним,

А об отъезде мы потом поговорим.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Фламиний.

Фламиний.

Рим, перед тем как мне в обратный

путь пуститься,

Велел еще с одной к вам просьбой обратиться.

Ваш сын воспитывался в Риме двадцать лет,

И так воспитан был, что ныне просто нет

Другого, кто бы мог с ним выдержать сравненье:

Он царства вашего оплот и украшенье.

Но был особенно обучен он тому,

Как управлять людьми, как царствовать ему;

И если цените вы воспитанье это,

То кто ж наследник ваш? Рим ждет от вас ответа.

Ему вручите власть! Рим будет оскорблен,

Коль чьим-то подданным до гроба будет он.

Все сделайте, чтоб мог я доложить сенату,

Что трон ваш перейдет к Атталу, а не к брату.

Прусий.

Неблагодарностью я Риму б отплатил,
Когда б его забот о сыне не ценил;
В ответ на вашу речь скажу, что, без сомненья,
Достоин он держать в руках бразды правленья.
Но у него есть брат, его перед собой
Сейчас вы видите, он доблестной рукой
Мне трижды добывал в сражениях корону,
И, дабы честь его не понесла урону,
Ответить за меня ему я приказал.

Никомед.

Зависит лишь от вас, чтоб стал царем Аттал.

Прусий.

Вас только одного касается все это.

Никомед.

Нет, более всего здесь ваша честь задета.

Во что вмешался Рим? Кому права даны

При вас, живом царе, решать судьбу страны?

Живите, царствуйте до гробового свода,

А после пусть решит иль Рим, или природа.

Прусий.

Чтоб угодить друзьям, усилия не в счет.

Никомед.

Кто делит с вами власть, тот вашей смерти ждет.

Подобные друзья, коль их желаньям вторить…

Прусий.

Не вздумайте меня с Республикой поссорить!

Должны с почтением вы говорить о ней.

Никомед.

Смотря как чтит она союзных ей царей?

Я сына вашего, что в дар вам прислан Римом,

Назад отправил бы, к учителям любимым:

Коль овладел он так наукой управлять,

Свое сокровище не должен Рим терять,

Пусть для себя хранит столь редкую натуру,

Чтоб консулом он стал иль получил квестуру[{138}].

Фламиний.

Скажу вам, государь: он хорошо им внял —

Урокам, что ему преподал Ганнибал.

Коварный этот враг, хуля величье Рима,

Посеял ненависть в душе его незримо.

Никомед.

{138} Комментарии: 2.138

К стр. 420

Квестура — ответственная должность в Древнем Риме; квесторы ведали городской казной.

Учил другому он. И помню я всегда:

Рим надо уважать, бояться ж — никогда.

Учеником его считаюсь я по праву,

И если вздумали его порочить славу,

То в скором будущем и я могу спросить:

Кто вынудил его смертельный яд испить?

И чей отец, вступив в сраженье с ним когда-то,

Разбит был к ужасу народа и сената?

Фламиний.

Он оскорбил меня!

Никомед.

А мертвых оскорблять?

Прусий.

Что говорил я вам, забыли вы опять!

Он просьбу высказал, ответьте же на это.

Никомед.

Ну что ж! Как видно, ждут другого здесь ответа.

Царем Атталу быть — так Римом решено;

Повсюду и за всех решать ему дано,

И следовать должны цари его приказам.

Велик Аттала дух, велик Аттала разум,

И должен царствовать поэтому Аттал.

Но Риму на слово я верить бы не стал:

Аттала по делам судить бы мы хотели,

На что способен он, велик ли в самом деле.

Ему дать армию вам надо, чтоб узнать,

Сумеет ли, как я, он столько царств вам дать.

На поле битвы пусть царит он для начала,

Чтобы победа там его короновала.

Готов я помогать ему без лишних слов

И под командою его служить готов;

Пример мне подал Рим: ведь Сципион когда-то,

Уже прославившись, был под началом брата;{139}

Хоть старший по годам, командовал не он

В бою, где потерял царь Антиох свой трон…{140}

К эгейским берегам мы можем устремиться,

И ждет нас Геллеспонт{141}*, и Азии граница —*

Вот где докажет брат, что он непобедим.

{139} Комментарии: 2.139

К стр. 421

…ведь Сципион когда-то, уже прославившись, был под началом брата… — Речь идет о знаменитом римском полководце Публии Корнелии Сципионе Африканском (235–183 гг. до н. э.), который готов был сопровождать своего младшего брата Луция Корнелия Сципиона Азиатского во время его похода в Сирию (190 г. до н. э.).

{140} Комментарии: 2.140

…в бою, где потерял царь Антиох свой трон… — Имеется в виду Антиох III Великий, разгромленный римлянами в сражении при Магнесии (начало 189 г. до н. э.).

{141} Комментарии: 2.141

Геллеспонт — древнее название пролива Дарданеллы.

Фламиний.

Все, что назвали вы, взял под защиту Рим.

Туда вам нет пути, не ждите там победы,

Иначе страшные вам угрожают беды.

Никомед.

Решать не мне — царю. Но если день придет,

Когда приказывать настанет мой черед,

Посмотрим мы, чего угрозы эти стоят.

Пусть римляне тогда там укрепления строят

И плану моему препятствия чинят,

Пусть предусмотрят все, пусть наберут солдат,

И пусть Фламиний сам возглавит их, но все же

Мы озеро найдем, что с Тразименским схоже.

Прусий.

Вы доброй волею моей пренебрегли!

Здесь оскорблен посол, с которым бы могли

Вы быть почтительны. Но если вы хотите…

Никомед.

Позвольте говорить или молчать велите.

Иначе я не мог ответить за царя,

Чью попирают власть, о дружбе говоря.

Прусий.

Я тоже оскорблен подобными словами.

Умерьте этот пыл, столь овладевший вами.

Никомед.

Смотреть, как мне во всем препятствия чинят,

Как государство вам расширить не велят,

Как угрожают вам, и на угрозу эту

Спокойно промолчать и не призвать к

ответу?

Так что ж, благодарить того, кто вам во вред

Не разрешает мне одерживать побед?

Прусий *(Фламинию).*

Простите молодость за резкость выражений -

Лишь разум и года исправят положенье.

Никомед.

Давно мой разум снял повязку с глаз моих,

А времени дано лишь сделать зорче их.

Когда б я жил как брат, приехавший из Рима

И чьи достоинства столь призрачны и мнимы

(Коль скоро их плодов не видим мы совсем,

А восхищение, питаемое к тем,

Чья слава велика, чью доблесть уважают,

Не стоит многого, коль им не подра-

жают), —

Так вот, когда бы я спокойно жил, как он,

Когда он в Риме жил и чтил его закон,

Оставил бы мне Рим Вифинию такою,

Какой была она, пока своей рукою

Не стал ее границ я силой расширять.

Теперь сенат решил иное предпринять:

Поскольку видит он, что наше государство

Объединить смогло три побежденных царства,

Разъединить их вновь решает втайне Рим.

И вот поэтому стать подданным моим

Не может младший брат: достоинств в нем так много!

Он с Александром схож! На трон ему дорога!

Я должен уступить ему свои права,

Коль дороги еще мне жизнь и голова.

Да! Блеск моих побед и войск моих ге-

ройство

У римлян вызвали и гнев и беспокойство;

Вам, государь, легко вернуть им их покой,

Вернуть немедленно... Но не моей рукой.

Наставник мой и друг, с кем памятна мне близость,

Мне не преподал то, чему названье — низость.

Фламиний.

Я вижу, что для вас имеет больший вес

Не государства честь, а личный интерес.

Дела, которые отважно вы вершили,

Для вашего отца не так уж нужны были,

Затем что подвиги и славу возлюбя,

Искали вы побед для одного себя;

Величье, коим трон отныне обладает,

На одного лишь вас свой блеск распространяет.

У римлян все не так: хоть слава им мила,

Не для себя они вершат свои дела;

И если повели вы речь о Сципионе,

То он не помышлял о карфагенском троне{142}

И был за подвиг свой, за все, что сделал он,

Лишь звучным прозвищем и славой награжден.

Таких, как он, людей мы видим только в Риме,

Они в других краях рождаются другими.

А ваша мысль о том, что нам внушает страх

Наличье нескольких корон у вас в руках,

Хотя и кажется глубокою, но, право,

Ее отвергнут те, кто рассуждает здраво.

{142} Комментарии: 2.142

К стр. 423

...не помышлял о карфагенском троне... — Победив Ганнибала в 202 г. до н. э. при Заме в Нумидии, Сципион сохранил за Карфагеном самостоятельность.

В присутствии царя о прочем умолчу.

Подумайте о том, что я сказать хочу.

Пусть ваш военный пыл дает поменьше дыма,

Чтоб истина была яснее вами зрима.

Никомед.

Я думаю, не вы, а время даст ответ,

Верна ли мысль моя, иль это просто бред.

Но если...

Фламиний.

Если вы охвачены желаньем

Дать пищу новую своим завоеваньям,

Не ставим мы преград. Но можно ведь и нам

Ждать от друзей услуг и помогать друзьям,

О чем приходится в известность вас поставить,

Коль не туда свой путь решили вы направить.

Но знайте: отнимать у вас мы не хо-

тим

Все то, что вы в душе считаете своим.

Понт с Каппадокией, галатские владенья{143},

Как и Вифиния, — все это, без сомненья,

Лишь вам достанется, и вам теперь судить,

Хотим ли мы на трон Аттала посадить.

И так как царств раздел для вас подобен смерти,

То Рим и этого не сделает, поверьте!

Но, вас не потеснив, царем наш станет друг.

(Прусию.)

Одной царице здесь необходим супруг,

И только стоит вам всерьез распорядиться,

С Атталом вступит в брак армянская царица.

{143} Комментарии: 2.143

К стр. 424

...галатские владенья... — то есть страна галатов, государство в Малой Азии, расположенное южнее Понта и Вифинии с Каппадокией.

Никомед.

Как я могу судить, все клонится к тому,
Чтоб, не задев меня, дать царство и ему.
Столь деликатное задумали вы дело,
Что действовать должны и ловко и умело.
Но вот вам мой совет: уловки приберечь
Старайтесь для других; забыли вы, что речь
Здесь не о подданной идет, а о царице,
И на ее права не дам я покуситься.
На царственных особ мы испокон веков
Не предъявляли прав, им предоставив кров,
И Лаодику вы оставите в покое.

Прусий.

Не скажете ль послу вы что-нибудь другое?

Никомед.

Нет! Но одно понять могла б Аттала мать:

Не надо ей меня на крайности толкать.

Прусий.

Что, дерзкий, можете вы сделать ей дурного?

Никомед.

Иль что-нибудь сказать, иль не сказать ни слова,

И больше ничего. Но вас прошу опять:

Царицу подданной своею не считать.

Я очень вас прошу.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Прусий, Арасп, Фламиний.

Фламиний.

Ну вот, опять преграда!

Прусий.

А от влюбленного иного ждать не надо.

Гордец успехами своими опьянен
И думает, что нам здесь помешает он.
Любовь двух царственных особ не означает,
Что вступят в брак они: судьба не так решает.
И государственных соображений груз
Потушит пламя их, разрушит их союз.

Фламиний.

Неуправляемы бывают чувства эти.

Прусий.

Нет, за армянскую царицу я в ответе!
Однако сан ее потребует от нас
Блюсти приличия: хотя она сейчас
Во власти у меня, но будет приказанье
Как просьба выглядеть, как наше пожеланье.
Вы, будучи послом, должны ей предложить
Незамедлительно с Атталом в брак вступить;
Я проведу вас к ней, все сложится пре-

красно,

Она у нас в руках, любовь нам не опасна.

Пойдем, чтоб выслушать, что скажут нам в ответ,

И переменим тон, услышав слово «нет».

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Прусий, Фламиний, Лаодика.

Прусий.

Коль царский титул вас настолько привлекает,
Потеря оного вас, видимо, пугает:
Недолго царствует, кто лишь по виду царь.

Лаодика.

Я с вашим мнением согласна, государь.
Когда взойду на трон, то постараюсь, право,
Всегда политики придерживаться здравой.

Прусий.

Но плохо начат путь, что к трону вас ведет.

Лаодика.

Совет ваш выслушав, исправлю свой просчет.

Прусий.

Не отвергайте Рим, не презирайте власти

Царя, что вам отца здесь заменил отчасти.

Лаодика.

Двойной упрек в лицо не бросили б вы мне,

Когда бы царский долг вам ясен был вполне.

Ну можно ли посла принять мне как царице?

Я не в своей стране и не в своей столице,

И это значило б, что, вам желая зла,

Престижу вашему ущерб я нанесла.

Нет, государь, посла вы привели напрасно:

Я лишь в Армении принять его согласна,

Где, сев на царский трон, по праву бы

могла

Я Риму честь воздать в лице его посла.

Коль так нам встретиться когда-нибудь случится,

Тогда и дать ответ смогу я как царица;

Не вижу смысла в том, чтоб тут принять его:

Я вне Армении не значу ничего.

Но мой высокий сан мне все же позволяет

Быть неподвластной тем, кто здесь повелевает,

Жить независимо, не ведая оков,

И только разум чтить и волю чтить богов.

Прусий.

Но волею богов вручил мне ваш родитель

Свои права на вас: я этих прав хранитель;

И, может быть, потом вы станете верней

Судить о помыслах и разуме царей.

Ну что ж, в Армению отправьтесь, как хотели,

Я с вами армию пошлю, чтоб вы на деле

Увидели, к чему все это приведет.

Готовьтесь же узреть свой край в плену невзгод,

Готовьтесь ужасы войны узреть воочью{144},

Опустошение, пожары днем и ночью,

И умирающих, и смерть, и кровь из ран…

Лаодика.

Утрачу царство я, но сохраню свой сан.

Прибегнете ли вы к насилью иль к обману,

Рабыней вашей став, я подданной не стану:

Вам только жизнь моя достанется

{144} Комментарии: 2.144

К стр. 427

Готовьтесь ужасы войны узреть воочью… — Прусий имеет в виду тяжелую освободительную войну Армении против Селевкидов, в государство которых она до этого входила (190 г. до н. э.).

— не честь.

Прусий.

Мы укротим ваш нрав — ведь средств немало есть.
Когда увидите однажды вы Аттала
На троне той страны, что вам принадлежала,
То станете его напрасно умолять,
Чтоб он вам руку дал, возвысил вас опять.

Лаодика.

Да, если буду я раздавлена войною,
То станет от невзгод душа моя иною.
Но, может быть, не все свершить удастся вам:
Не безразлична же судьба моя богам!
Они удержат вас или найдут героя,
Что ваших римских войск сильнее будет втрое.

Прусий.

Гордец, от коего защиты ждете вы,
Погубит вас и сам лишится головы.

Решайте, как уйти вам от беды великой,

Царицею ли быть иль просто Лаодикой.

И вот вам мой совет, подумайте о нем:

Хотите царствовать, так сделайте царем

Аттала… Вот и все. Я ухожу.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Фламиний, Лаодика.

Фламиний.

Позвольте…

Лаодика.

Позволить речь держать? От этого увольте!

Для вашей миссии еще не пробил час:

Я здесь, в чужой стране, не буду слушать вас.

Фламиний.

Позвольте мне сказать, что вам гро-

зит несчастье.

Не как посол, как друг, принявший в вас участье,

Я с вами говорю, пытаясь преградить

Вам путь к потоку бед, чью мощь не победить.

Как друг ваш искренний, вам говорю: коль скоро

Благоразумие для доблести опора,

То надобно понять, особенно в беде,

В какие времена живете вы и где.

Когда в душе царей слаба опора эта,

Их доблесть отличить не может тьмы от света;

Ослепшая, она бросается туда,

Где наихудшая случится с ней беда,

И так настойчиво от счастья убегает,

Что пожалеть себя невольно заставляет,

А после говорит, свой прерывая стон:

«Имея все права, я потеряла трон».

Гневите вы царя, чья армия отлично

Умеет воевать: ей побеждать привыч-

но,

А здесь, в его дворце, вы у него в руках.

Лаодика.

Не знаю, может ли служить опорой страх,

Но если вы — мой друг, скажу вам для начала:

Не так уж у меня благоразумья мало,

И, не стремясь узнать, в какой печальный час

Судить о доблести судьба учила вас,

Заверить вас могу, что добродетель эта

Не так во мне слепа: тьму отличит от света,

Права мои на трон сумеет отстоять

И оттолкнет того, кто станет ей мешать.

Да, вижу армию я в зоне пограничной,

И, как сказали вы, ей побеждать привычно,

Но во главе ее кого поставит царь?

Такая армия, как уж случалось встарь,

Не сможет победить — царю нужна другая,

Чтоб вторгнуться в мой край, все на пути сметая.

Да, я в его дворце, и я могу вполне

Отдать себе отчет, что угрожает мне;

Но даже при дворе с его непостоянством

Найдет опору честь, вступая в спор с тиранством.

К тому же и народ не слеп, и видит он,

Как попирают здесь и право и закон.

Он Никомеда чтит, он превосходно видит,

Что мачеха его всем сердцем ненавидит,

Что царь игрушкою стал у нее в руках

И что его друзья пекутся о врагах.

А я, которой вы пророчите паденье, —

Хочу избавить я Аттала от презренья,

Затем что на него он был бы обречен,

Когда бы брак со мной возвел его на

трон.

Его таким, как все, тогда бы я считала,

Обычным юношей, каких у нас не мало,

Не мужем — подданным считала бы своим,

С кем брачный мой союз почти невыносим.

И, взяв с меня пример, народ мой без почтенья

Взирал бы на него: какие ж огорченья

Пришлось бы испытать Атталу! Мой отказ

Его достоинство от униженья спас.

Фламиний.

Коль это правда все, вы здесь и впрямь царица,

Должны и армия и двор на вас молиться.

Царь — только видимость, не более того,

Вы лишь из жалости здесь терпите его.

О, даже ваш отказ — почти благодеянье!

Как дерзости моей найти тут оправданье?

Считайте, что не я — Рим с вами говорит,

И, коль принять посла ваш долг вам не велит,

Считайте, что в другой я выступаю роли,

Как римлянин простой я говорю, не боле.

Я говорю: в наш век, чтоб трон свой сохранить,

Одна возможность есть — в союзе с Римом быть;

Тогда на мирный край не нападут соседи,

Не покусится враг, мечтая о победе;

И власть свою никто не потеряет вдруг,

Когда союзник он, когда он Риму друг;

Аттал не царствует, но другом назван нами,

И больше царь, чем те, кого зовут царями.

Итак...

Лаодика.

Достаточно! Я вижу, что царям

Тогда лишь власть дана, когда угодна вам.

Но если вся земля владеньем Рима стала,

То мало сделал он для своего Аттала,

И если может Рим ему так много дать,

Зачем же за него просить и хлопотать?

Совсем не щедры вы к нему, скажу по чести:

Могли б мне предложить его с короной вместе

И с подданным простым не докучать мне зря,

Забыв о том, что я отвергла б и царя,

Когда б явился он по вашему веленью

И, как союзник ваш, был только б вашей

тенью.

Надеюсь, вы теперь могли понять вполне,

Что царь, послушный вам, совсем не нужен мне,

И, говоря со мной, могли увидеть ясно:

Угрозы ни к чему, все доводы напрасны.

Фламиний.

Как вас не пожалеть? Ведь вы ослеплены!

Я повторяю вам: подумать вы должны,

Подумать и понять всю мощь и силу Рима;

Коль вы порвете с ним, беда непоправима!

Пред нашей волею ничто не устоит,

Разрушен Карфаген и Антиох разбит,

Дрожит земная твердь, трепещет тьмы обитель, —

В наш век всесилен Рим: он мира повелитель!

Лаодика.

О, в страхе перед ним могла б я ждать всего,

Не будь Армении и сердца моего,

Не будь того, кто стал по смерти Ганнибала

Его наследником, чья доблесть доказала,

Что именно ему завещан был секрет,

Как римлян побеждать и не страшиться бед.

Подобный ученик сумеет в час урочный

Им доказать, что он урок усвоил прочно;

Тому свидетельство три в Азии страны,

Три царских скипетра, что им покорены.

То пробный был удар, однако поневоле

Удара главного страшится Капитолий,

И если день придет…

Фламиний.

Тот день еще далек.

Но ежели еще вам это невдомек,

Вас люди просветят: во всех известно странах,

Что даже, победив при Требии и Каннах{145},

Великий Ганнибал был Римом устрашен…

А вот и ученик: сюда явился он.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Никомед.

Никомед.

Иль Рим своим послам дал слишком много власти,

Иль поручил вам то, что не по вашей части.

Фламиний.

Что мне поручено, о том судить не вам,

{145} Комментарии: 2.145

К стр. 431

…победив при Требии… — На реке Требии в Северной Италии состоялась в 218 г. до н. э. битва, в ходе которой Ганнибал одержал решительную победу над римлянами.

…при Каннах… — В этом сражении в Южной Италии на берегу Адриатического моря (216 г. до н. э.) Ганнибал одержал блестящую победу над превосходящими силами римлян.

А что исполнено, другим отчет я дам.

Никомед.

Уйдите! Смилуйтесь! И дайте речи страстной
Излиться в свой черед пред дамою прекрасной.
Вы в сердце у нее так потеснили всех,
Имела ваша речь такой большой успех,
Что будет стоить мне весьма больших усилий
Изгнать из сердца то, чем вы его пленили.

Фламиний.

Толкают лжедрузья ее в пучину бед,
А я из жалости решил ей дать совет.

Никомед.

Я вижу, что посол, исполненный усердья,
Страдает, кажется, избытком милосердья.
Вам не советовал он на колени пасть?

Фламиний.

Вы забываетесь! Вы над собою власть
Утратили!

Никомед.

Ничуть!

Фламиний.

Нет, это не забава!
Достоинство посла, его святое право…

Никомед.

Вам званием своим не стоит нас пугать:
Тот не посол, кто стал советы подавать
И кто от своего отрекся назначенья.
Принцесса, ваш ответ он слышал?

Лаодика.

Без сомненья.

Никомед.

Имейте же в виду: теперь вы для меня
Аттала адвокат, но если буду я
Сердиться, то скажу, что вы и отравитель,

И вашей жертвой стал великий мой учитель.

Коль не по вкусу то, о чем я говорю,

Без промедления пожалуйтесь царю.

Фламиний.

И царь осудит вас, хоть он отец хороший,

Иначе Рима гнев тяжелой будет ношей.

Никомед.

Пред тем или другим вам на колени пасть.

Фламиний.

Заботьтесь о себе. Посмотрим, чья тут власть.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лаодика, Никомед.

Никомед.

Ответ на это дать могла б ему царица.

Пришлось мне наконец молчаньем поступиться:

Довольно я щадил ее, чтоб не открыть,

Как мачеха меня задумала убить.

Теперь известно то, что я таил вначале:

Зенон и Метробат перед царем предстали,

И так как их рассказ необычаен был,

То разобраться в нем теперь он сам решил.

Лаодика.

Не знаю, каково тут будет продолженье,

Но непонятно мне все это поведенье:

Здесь не царица ли замешана сейчас?

Чем больше следует ей опасаться вас,

Тем меньше страх ее; чем хуже обвиненье

Ей могут предъявить, тем меньше в ней смятенья.

Никомед.

Пытается она предупредить мой шаг,

Все приписать тому, что я ей просто враг,

И маску храбрости лишь потому надела,

Что страх ее томит и слабость одолела.

Лаодика.

Дворцовых тайн концы так спрятаны подчас,

Что не увидит их и самый острый глаз.

Пока спасать меня сюда вы не примчались,

Был в стороне Аттал, жила я не печалясь,

А Рим не помышлял союз наш разорвать.

Едва явились вы — назад вас шлют опять,

И на глазах у вас, хоть в этом смысла мало,

Мне начинает Рим навязывать Аттала.

Я поведение такое не пойму,

Куда ни брошу взгляд, я вижу только тьму;

Мне странно, что, решив за это дело взяться,

Отъезда вашего не стали дожидаться.

Боится Рима царь, в жену свою влюблен,

И если не всегда питает зависть он

К тем ратным подвигам, что сын его свершает,

Хорошим быть отцом ему любовь мешает.

Взгляните, вот Аттал. Что надо здесь ему?

Чем озабочен он? Я, право, не пойму

Ни замыслов его, ни тайных побуждений,

Но отразить удар смогу при нападенье.

Я ухожу.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Аттал.

Аттал.

Увы, приятный разговор
Стал неприятен вам, и это мне в укор.

Лаодика.

Приход ваш я назвать навязчивостью смею.
Мое второе «я» здесь оставляя с нею,
Могу заверить вас: ответит за меня
Достойным образом мое второе «я».

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Никомед, Аттал.

Аттал.

Коль гонят прочь меня, то надо удалиться.

Никомед.

Постойте! Надо нам сперва договориться.
Принц! Отказался я от права старшинства,
Отбросил в сторону на трон мои пра-

ва,

И то, что я люблю, сам защитить желая,

Просил вас об одном: быть честным, нападая;

Особенно просил не вмешивать в наш спор

Ни римлян, ни царя. Но этот уговор

Или из памяти вы выбросить успели,

Или его совсем принять не захотели.

Аттал.

Не очень-то легко мне вспоминать о нем.

Коль речь о равенстве, равны мы не во всем:

С правами старшинства сейчас вы распрощались,

Но разве от любви принцессы отказались?

Заставили забыть о доблести своей,

О славе, что влечет к себе сердца людей,

О завоеванных трех царствах, о сраже-

ньях,

Где побеждали вы, о взятых укрепленьях?

Нет! Сделайте вы так, чтобы принцессы взгляд

Равно нас оценил, в один поставив ряд;

Заставьте не смотреть ее на эту славу,

Которой вы теперь увенчаны по праву;

Заставьте позабыть о всех делах своих,

Забыть о доблести, что осеняла их;

Или не гневайтесь, коль на другую чашу

Весов, которые судьбу решают нашу,

Поддержку я кладу и Рима, и царя,

Хоть мал противовес, по правде говоря.

Никомед.

Вы в Риме, видимо, не зря теряли время:

Изящно можете нести защиты бремя;

Порой остер ваш ум, хоть сердца нет подчас...

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Арсиноя и Арасп.

Арасп.

Вас призывает царь.

Никомед.

Меня зовет?

Арасп.

Да, вас.

Арсиноя.

Принц, клевету легко развеять.

Никомед.

Это мненье
Я разделял всегда, и ваше утвержденье
Не может ничего мне нового открыть.

Арсиноя.

Но, видимо, его сумели вы забыть,
Когда, упорствуя в решении предвзятом,
Везли издалека Зенона с Метробатом.

Никомед.

Все утаить хотел, но ваша в том вина,
Что их заставил я все выложить сполна.

Арсиноя.

Хотели щедростью купить вы их признанье,
Но, право, им легко нарушить обещанье
И больше выложить, чем было решено.

Никомед.

Мне жаль, но к этому стремились вы давно.

Арсиноя.

И до сих пор стремлюсь, но все-таки горюю,
Что вскоре вашу честь запятнанной узрю я,
Что будет числиться средь ваших славных дел
И дело подкупа: прекрасен ваш удел!

Никомед.

Мои свидетели подкупленными были?

Арсиноя.

Вы, вред мне причинив, себя стыдом покрыли.

Никомед.

Хотите их слова доверия лишить?

Арсиноя.

Что говорят они, готова подтвердить.

Никомед.

Какие ж их слова вам так пришлись по нраву?

Арсиноя.

Два слова истины! Они-то вашу славу
Возвысят до небес.

Никомед.

Нельзя ли их узнать?

Арасп.

Поторопитесь, принц, наш царь не любит ждать.

Арсиноя.

Узнать их от царя вы можете.

Никомед.

Все ясно!

Я, кажется, постиг ваш замысел прекрасный:

Любовь к жене сильней, чем к сыну, и она

Сумеет доказать, на ком лежит вина.

Но…

Арсиноя.

Продолжайте, принц. Что в этом «но» таится?

Никомед.

Два слова истины, всего лишь два, царица.

Арсиноя.

Нельзя ли их узнать, коль так важны для вас?

Никомед.

Да, можно: от царя. А я спешу сейчас.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Арсиноя, Аттал.

Арсиноя.

Вот наш триумф, Аттал! Вся хитрость Никомеда
Ему не помогла: чем это не победа?
Двум обвинителям велел он говорить,
Что мной подучены они его убить;
Однако клевета позорно провалилась:
Как стали говорить — вся правда вдруг открылась,
И стало ясно всем, какую плел он сеть,
Чтоб обвинить меня и троном завладеть.
В присутствии царей как истина всесильна!
Как льется из сердец открыто и обильно!
Два лжесвидетеля, державшие ответ,
Пришли сгубить меня — погублен Никомед!

Аттал.

Рад видеть, что обман, окончившись провалом,

Ущерба не нанес вам ни в большом, ни в малом;

Но если взвесить все, и если б вы на миг

Себя поставили чуть выше всех интриг,

То не смогли б тогда, как мы порой умеем,

Питать доверие к подкупленным злодеям.

Сегодня их ответ был ясности лишен:

Их подкупили вы и подкупил их он;

На стороне его победы, доблесть, слава;

Но как поверить тем, чья речь звучит лукаво?

Кто стал предателем, тому и веры нет.

Арсиноя.

Как благородны вы, не то что Никомед!

Вам честь соперника своих забот дороже.

Аттал.

Его соперник я, но брат его я тоже:
Одной мы крови с ним; ни сердцем, ни умом
Я не могу считать его клеветником.

Арсиноя.

И можете считать, что я убить способна
Того, кто на меня теперь клевещет злобно?

Аттал.

Тем, кто винит его, поверить трудно мне,
Но если вас винят, не верю я втройне.
Честь не позволит вам пойти на преступленье,
Позвольте ж сохранить мне к брату уваженье.
Имеет при дворе завистников он тьму,
И кто-нибудь из них, чтоб навредить ему,
Оговорил его в недобрый час пред вами,

Достойные дела смог очернить словами.

Но если по себе другого я сужу,

Дурного ничего я в нем не нахожу;

С таким соперником я действую открыто,

Его не трону честь: она — его защита;

Прибегнув к помощи, ее не утаю.

Я думаю, что честь он бережет свою,

Что будет поступать он так же благородно

И что от низости душа его свободна.

Арсиноя.

Не довелось вам двор как следует узнать.

Аттал.

А разве может принц иначе поступать?

Арсиноя.

Не повредите мне поступками своими.

Аттал.

Я только доблесть мог и честность видеть в Риме.

Арсиноя.

Научит время вас, какая доблесть нам
Нужна, когда близки бываем мы к царям.
Однако если брат еще вам дорог все же,
О матери своей не забывайте тоже
И, чтоб сомнения отбросить наконец,
Узнайте, что о нем ваш думает отец.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Прусий, Арсиноя, Арасп.

Прусий.

Арасп, я принца жду.

Арасп уходит.

А вас прошу: умерьте
Мои страдания: я, право, близок к смерти,
Вас видя плачущей: зачем меня терзать?
Без плача можете вы мной повелевать!
Чтоб защитить себя, зачем нужны вам слезы?
Без них я отличить могу шипы от розы,
Без них могу понять, хотя и потрясен,
Что невиновны вы и что преступен он.

Арсиноя.

Ах, можно ль залечить в невинном сердце рану,

Которую нанес прибегнувший к обману?

И можно ль вовремя разрушить клевету,

Чтоб добродетели вернуть всю чистоту?

В недоброй памяти всегда застрянет что-то,

И честь уж лишена защиты и оплота.

Злословью нет преград, и что сказать в ответ?

Слепых сторонников имеет Никомед,

Которые, узнав о гнусном обвиненье,

Найдут, что только вы в любовном ослепленье

Не видите улик. И если лишь одно

На имени моем останется пятно —

Я недостойна вас, и от такой угрозы

Как мне не трепетать, как удержать мне слезы?

Прусий.

Как щепетильны вы! Но позабыли вдруг,

На что способен я, ваш любящий супруг.

Честь укрепляется, наветы побеждая,

И, одолев их мрак, возносится сверкая.

Но вот и Никомед, и я хочу сейчас…

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Никомед, Арасп и телохранители.

Арсиноя.

О, смилуйтесь над тем, кто так прославил нас,

Над тем, кого всегда победа озаряет,

Кто города берет и страны покоряет!

Пощады, государь…

Никомед.

За что меня щадить?

За те три скипетра, что смог я покорить?

За то, что в Азии продвинулся далеко

И зависть возбудил у римлян раньше

срока?

За то, что поддержал величие царей?

Заставил говорить о доблести своей?

Великого бойца усвоил наставленья?

Коль милость мне нужна, то вот вам преступленья,

Что мной совершены. Прибавьте также к ним

Доверье к тем, кто был подкуплен кем-то злым,

Простосердечие прибавьте, что´ немало

Коварство их постичь рассудку помешало;

Еще достоинство прибавьте, что зовет

Быть вместе с армией, когда война идет,

И, честь в союзники призвав, повелевает

Жить с чистой совестью, что ближним доверяет.

Арсиноя.

Я, государь, назад беру свои слова:

Нет, не виновен он, была я не права.

Коль опозорить он хотел меня навеки,

Виновна ненависть, что может в человеке

При слове «мачеха» все чувства подавить.

Вот он и стал меня во всех грехах винить.

Учителя его, героя Ганнибала,

Вдруг подозрительность слепая обуяла,

Он ненадежным счел гостеприимства долг

И впал в отчаянье; коль разум в нем умолк,

То в старца только я вселила страх великий.

Принц красоту и ум находит в Лаодике,
—

Виновна я, что их заметил и Аттал;

Я упросила Рим, чтоб сына поддержал;

Исходит от меня все, что ему меша-

ет;

За одного он мстит, другую он спасает;

Вас, государь, со мной поссорить был бы рад...

Но все простительно: он ревностью объят.

Мне в душу не вселить смятенья и испуга,

Моя вина лишь в том, что ваша я супруга,

Вот почему он так преследует меня.

В чем кроме этого пред ним виновна я?

Все десять лет, что он командует войсками,

Не расточала ль я хвалы ему пред вами?

И если в помощи была ему нужда,

Без коей худшая ждала его беда,

Не я ли первая помочь ему просила,

Не я ли выручить всегда его спешила?

Где мог он лучшего ходатая сыскать,

Чтоб денег и людей не приходилось

ждать?

Об этом знаете вы лучше всех на свете!

И в благодарность мне за все заботы эти

Меня оклеветать пред вами хочет он.

Но все простительно: ревнив он и влюблен.

Прусий.

Что скажет принц в ответ?

Никомед.

Могу лишь восхититься

Тем, как добра ко мне всегда была царица.

Не буду говорить, что, помогая мне

Жизнь сохранить и честь, сражаясь на войне,

Она моей рукой тем самым укрепляла

То царство, что должно под властью быть Аттала;

Моей рукой она готовила тогда

Все то, чем завладеть он мог бы без

труда.

Какие помыслы она в себе таила,

Пусть судят небеса: им все известно было;

Известно и теперь, что хочет предпринять,

И по заслугам ей должны они воздать.

Но если видимость так выглядит прекрасно,

То поддержать ее мой долг велит мне властно

И ради выгоды царицы вам сказать:

Спешите, государь, злодеев покарать,

Велите их казнить — Зенона, Метробата;

Задета честь ее, а честь царицы свята.

Коль, обвинив ее, они потом назад

Слова свои берут и пасынка винят,

То смерти через казнь заслуживают оба

За издевательство над царственной особой.

Кто оскорбляет тех, в чьих жилах

кровь царей,

За это платит им своею кровью всей;

И, взяв слова назад, себя он не спасает:

В мученьях и тоске пусть дух он испускает;

Иначе царскую подвергнете вы кровь

Тому, что оскорбить ее посмеют вновь.

Пример опасный дан, рискуем жизнью все мы,

Коль смеет клевета коснуться диадемы.

Арсиноя.

Как! Можно ль, государь, за искренность карать?

Она внушила им всю правду вам сказать,

Она открыла вам, какие плел он сети,

Вернула вам жену и худшего на свете

Избегнуть мне дала. О, я ценю вполне,

Что принц интриги плел, заботясь обо мне,

Но слишком уж хитро задумано все

это!

Прусий.

Не о Зеноне речь: жду твоего ответа.

Как оправдаешься в том, что свершить посмел?

Никомед.

Оправдывать себя? О нет, не мой удел!

Когда такой, как я, закон переступает,

То метит высоко: он низость отвергает

И в преступлении по-прежнему велик,

Иль, силу обретя, являет грозный лик.

Народ ваш взбунтовать и бросить легионы,

Чтоб отстоять права принцессы оскорбленной;

Из ваших вырвав рук, в свой край ее вернуть,

Хотя могучий Рим ей преграждает путь;

Поднять Армению, чтоб с вашим войском вместе

Войной на римский гнет пойти в защиту чести, —

Вот что свершить бы мог, кто скроен так, как я,

Когда б он жить решил, вам верность не храня.

Лишь мелкая душа на хитрости способна,

К ним склонны женщины, когда их сердце злобно,

Так покарайте же злодеев этих двух,

Что клеветой своей наш оскорбили слух;

Пред смертью совесть их заговорит, быть может,

Земная выгода пред смертью не тревожит,

У роковой черты Зенон и Метробат

Вторично могут взять слова свои назад.

Арсиноя.

О государь…

Никомед.

Прошу, скажите без боязни,

Что может помешать их справедливой казни?

Иль будем думать мы, что в их последний час

Они раскаются, и это мучит вас?

Арсиноя.

Какою ненавистью он ко мне пылает!

Его щадила я — меня он обвиняет!

Вы сами видите, исчезнуть я должна,

Мое присутствие и есть моя вина,

Один лишь мой уход, мое исчезновенье

Его избавили б от новых преступлений.

Поверьте, государь, просить не стану я

Отдать свой трон тому, кто защитит меня,

Иль чтобы приняли в Аттале вы участье,

Державу поделив на две неравных части;

А если римляне заботятся о нем,

Могу заверить вас, что я тут ни при чем.

Угаснет ваша жизнь, но не угаснет пламя

Любви супружеской: уйду я вслед за вами,

Над вашей царственной могилою пролью

Я слезы горькие… и с ними кровь мою.

Прусий.

Молчите!

Арсиноя.

Государь, ваш будет вздох последний

Концом судьбы моей! Откуда ж эти бредни,

Что страх меня гнетет? Не станет никогда

Ваш сын моим царем, мне не грозит беда.

Одно лишь я прошу для нашего Аттала,

Чье появленье здесь так брата взволновало:

Пошлите в Рим его — пусть там, где был взращен,

Существование свое закончит он;

Пусть в Риме он живет, не ведая печали,

И помнит о любви, что вы ко мне питали.

Служить еще верней вам станет Никомед,

Когда ему ничто не будет застить свет.

И мести Рима вам не надо опасаться,

Ведь с мощью римскою не станет он считаться:

Ему открыл секрет победы Ганнибал,

Герой, пред коим Рим так сильно трепетал

И преклонялся мир, взирая, как отменно

Пошли из-за него дела у Карфагена.

Итак, я ухожу, чтоб голос крови мог

Свободно преподать вам доброты урок;

Я видеть не хочу, как принц, столь чтимый мною,

Забыл, что говорит он с вашею женою,

И не хочу, чтоб гнев взирал из ваших глаз

На сына, что так храбр и так достоин вас.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Прусий, Никомед, Арасп.

Прусий.

Довольно, Никомед, мне споры надоели!

Не думаю, чтоб ты был низок в самом деле.

Но в чем-то римлянам должны мы уступить

И страх перед тобой в царице погасить.

К тебе привязан я, ее люблю я страстно,

И ваша ненависть взаимная ужасна:

Те чувства, что во мне живут к обоим вам,

Способны разорвать мне сердце пополам;

Хочу я примирить в себе два этих званья —

Супруга и отца, — чтоб кончились терзанья.

Никомед.

Хотите мой совет? Супругом и отцом
Не будьте.

Прусий.

Кем же мне прикажешь быть?

Никомед.

Царем!

Пусть видят все, что вы — народов повелитель.

Царь истинный — не муж и даже не родитель:

Лишь о величии все помыслы его,

Царь должен царствовать… Не бойтесь же того,

Что скажет Рим о вас: он будет вас страшиться.

Хотя могуществу его и нет границы,

Я страх ему внушил, и дело только в

том,

Что знает он, каким могу я быть царем.

Прусий.

Что ж, буду царствовать! А ты, в решеньях смелый,

Меж Лаодикою и троном выбор сделай:

Я произвел раздел меж братом и тобой

И больше не отец, а повелитель твой.

Никомед.

Когда бы вы царем и Лаодики были

И этот выбор мне, как ныне, предложили,

Просил бы я мне дать на размышленье срок;

Но, чтоб не заслужить еще один упрек

И ей не нанести при этом оскорбленья,

Я подчиняюсь вам, отбросив все сомненья:

Отдайте брату трон, а право выбирать

За Лаодикою оставьте... Мне сказать
Вам больше нечего.

Прусий.

О низость! О паденье!
Как! Из-за женщины такое ослепленье?
Был выбор дан тебе — ее ты предпочел,
Отдав и предков трон, и то, что приобрел...
Да после этого и жить ты недостоин!

Никомед.

Я с вас беру пример и потому спокоен:
Не сами ль женщину вы сыну предпочли,
Чей меч опорой был подвластной вам земли?

Прусий.

От трона моего я не отрекся все же.

Никомед.

От самого себя не отрекусь я тоже.
Чего лишаюсь я, Атталу трон отдав?
На власть верховную не предъявлю я

прав

До вашего конца, простите это слово

(Ведь смерть монарха ждет, как всякого другого),

А после ваш народ, оставшись без царя,

Быть может, предпочтет не брата, а меня.

Не так уж схожи мы: различье между нами

Нетрудно разглядеть и слабыми глазами;

А право старшинства столь чтимо с давних пор,

Что и за изгнанных вести способно спор.

Коль все покорны вам, то потому отчасти,

Что новых подданных вручил я вашей власти;

Как ни гневился б Рим, но я смогу в свой час

То сделать для себя, что делал и для вас.

Прусий.

Приказ мой будет строг.

Никомед.

Да! Если Рим лукавый
Вас мной пожертвовать заставит, чтоб со славой
Мог властвовать Аттал. Иначе будет он
У власти пребывать… до ваших похорон.
И я из этих слов не делаю секрета:
Атталу самому хочу сказать все это.
Вот он идет сюда.

Прусий.

Не вздумай мне грозить
И знай, что власть его смогу я укрепить.
А завтра…

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Аттал, Фламиний и телохранители.
Фламиний.

Если вы из-за меня в волненье,

То успокойтесь: я забуду оскорбленье;

Возможно, что сенат рассердится, но там

Есть у меня друзья, они помогут вам.

Прусий.

Доволен будет Рим, дурные смолкнут страсти:

Я завтра же вручу Атталу знаки власти,

Наследник царств моих получит в Понте трон;

А мой мятежный сын, кем был я оскорблен,

Пусть в Рим отправится, вас с ним сенат рассудит,

И не Аттал, а он заложником там будет,

Вам под охраною передадут его,

Едва окончится в честь брата торжество.

Никомед.

Меня отправить в Рим?

Прусий.

Да, в этот град великий.

Вот там и хлопочи о счастье Лаодики.

Никомед.

Согласен, государь, коль так угодно вам,

И больше, чем вы здесь, царем я буду там.

Фламиний.

Вы восхищали Рим деяньями своими,

И все там любят вас.

Никомед.

Но мы еще не в Риме.

Дорога тяжела, и, может быть, с пути

Собьется тот, кто в Рим нас должен отвезти.

Прусий *(Араспу).*

Пусть уведут его! Удвоить стражу надо.

(Атталу.)

Ты Рим благодари. Какая бы преграда
Ни встала на пути, тебя поддержит он,
А без него в ничто ты будешь превращен.
Посол меня простит, я должен удалиться:
Весьма расстроенная ждет меня царица.
Утешу бедную, а вас оставлю с ним.
Так помни же, Аттал: твой благодетель — Рим.

Все, кроме Аттала и Фламиния, уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Аттал, Фламиний.

Аттал.

Какая милость мне оказана! Наверно,
И для великих дел была б она чрезмерна.
Для вас возможно все, куда б вы ни пришли:
Все обещания свои вы превзошли.

Но я признаюсь вам: не вижу в царской власти

Я все, что принесет мне истинное счастье.

Да! Предначертано самой судьбою мне

Лишь с Лаодикою счастливым быть вполне.

И если, став царем, приблизился я к цели...

Фламиний.

То сердцем женщины отнюдь не завладели.

Аттал.

С теченьем времени меняются сердца.

К тому ж предсмертный был наказ ее отца,

Согласно коему армянская царица

Должна с наследником вифинским обручиться.

Фламиний.

Однако в выборе своем она вольна,

Коль скоро рождена царицею она.

И по душе ли ей, что принц, любимый ею,

Расстался из-за вас с короною своею?

Что из-за вас она защиты лишена?

В его падении на вас лежит вина.

Аттал.

Его не будет здесь, судьба неотвратима;

Где ей тогда найти опору против Рима?

На вашей помощи мой зиждется расчет.

Фламиний.

Порой события свой изменяют ход,

И тут уж не могу я быть за них в ответе.

Аттал.

Меня в смущение слова приводят эти.

Достоин жалости я буду, если вдруг

Узнаю, став царем, что больше вам не друг.

Нет! Постоянен Рим, тревожусь я на-

прасно;

Наказ, как действовать, вам дали...

Фламиний.

В коем ясно

Речь об Аттале шла, что вскормлен был у нас.

А ныне, для царя, я новый жду наказ.

Аттал.

Возможно ли, чтоб Рим, где рос я и учился,

К тому, кто создан им, вдруг так переменился?

Коль ревность родилась не по моей вине...

Фламиний.

Вы думаете, принц, что говорите мне?

Аттал.

Скажите лучше вы, как объяснить я должен

Подобный поворот и как он стал возможен?

Фламиний.

Ну что же, я скажу, и пусть поможет речь

От заблуждений вас опасных уберечь.

Рим, помогая вам добиться Лаодики

И трон ее занять, свершил бы грех великий

Несправедливости: он дружбой был влеком.

Но найден путь другой, чтоб стали вы царем,

Благодаря чему, как нас бы ни просили,

Мы, честь свою блюдя, уж не прибегнем к силе.

Свободу полную царице надо дать,

А вам другой предмет для страсти подыскать.

Жену найдет вам Рим.

Аттал.

А если так случится,

Что мне свою любовь сама отдаст царица?

Фламиний.

Сказали б все тогда, что это не любовь,

Что Рим к насилию решил прибегнуть вновь,

И будет этот брак пятном на римской славе.

Нет, принц, мечтать о нем теперь уж вы не вправе.

А будете мечтать, то я за вас не рад:

Подумайте о том, что скажет вам сенат.

Аттал.

Сомненьем и тоской душа моя объята.

Меня не любит Рим, он ненавидит брата;

И если для меня престол хотел добыть,

То помогал не мне — его хотел сгубить.

Фламиний.

Воздерживаюсь я от резкого ответа.

На вашей совести неблагодарность эта.

Капризам следовать, чернить своих друзей —

Вам все позволено, вошли вы в круг царей.

Но все же вспомните, хотя бы в час печали,

Что Рим вас сделал тем, кем вы сегодня стали,

Что будете ничем, с ним дружбу потеряв.

Так ваш отец сказал, и был он трижды прав.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Аттал один.

Аттал.

Так предки правили твои? Ответь мне только:

Ты хочешь быть царем, господ имея столько?

Уж лучше одного иметь, когда никак

Без них не обойтись и ты себе не враг!

Да! Есть у нас такой, он смел и благородeн,

Ниспослан небом нам, но Риму неугоден.

Докажем римлянам, что есть глаза у нас,

Что сбросить иго их настал желанный час.

Коль скоро выгоду во всем они искали

И дружбы ни к кому на свете не питали,

То их примеру мы последовать должны, —

Стараясь для себя, мы будем им равны.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Арсиноя, Аттал.

Арсиноя.

Не может этот бунт в нас вызвать опасенье:

Вмиг вспыхнул — и в одно погаснет он мгновенье.

И если этот шум растет во тьме ночной,

То порожденья тьмы развеет свет дневной.

Не так огорчена я тем, что чернь бунтует,

Как тем, что страсть твоя победу торжествует,

Что ты не смог презреть, о прошлом не скорбя,

Ту, что с презрением смотрела на тебя.

Покинь коварную и отомсти жесто-

кой!

Благодаря судьбе вознесся ты высоко:

Ты смог и без нее корону получить,

Наш план осуществлен, зачем ее любить?

Но если брачных уз душа твоя взалкала,

Ты — царь, а в Азии других цариц немало;

Им не взбредет на ум тебя заставить ждать

Или страданьями удел твой омрачать.

Аттал.

Но все же…

Арсиноя.

Хорошо! Пусть будет как желаешь.

А что потом нас ждет, скажи, ты это знаешь?

Дав трон Армении тебе, она тотчас

Сумеет сделать все, чтобы поссорить нас.

Но ограничится ль на этом месть царицы?

Не станет ли дворец подобием темницы?

От яда и ножа откажется ль она,

Чтоб за любимого воздать тебе сполна?

Что ярость женщины удержит? Мы жестоки.

Аттал.

Как эти доводы от истины далеки!

Не нужно римлянам могучего царя,

Страшил их Никомед, страшу теперь их я,

И больше мне нельзя царицы домогаться:

Наш повелитель Рим стал друга опасаться.

Чтоб он меня терпел, не более того,

Покорным надо быть и слушаться его.

О нем я знаю все, он был моим кумиром:

В своем стремлении к владычеству над

миром,

Едва заметит он, что кто-то сильным стал,

Рим добивается, чтоб этот сильный пал.

Ему не по душе других завоеванья,

И если кто другой диктует приказанья,

Его величие становится виной,

И вправе римляне грозить ему войной.

Они хотят, чтоб мы, послушные их власти,

Остались тем, что есть, лишь в этом наше счастье,

Хотят, чтоб все цари покорны были им,

А независимым остался б только Рим.

Их недоверие к величью неизменно:

Где ныне Антиох, где слава Карфагена?

Из страха разделить их участь я решил

Смириться, уступить, коль не хватает сил;

К благоразумию рассудок мой взывает.

Коль скоро Никомед в руках их пребывает,

Я буду верен им: ведь Никомед велик,

Он лев, что разорвать меня способен вмиг.

Арсиноя.

Хотела вам сама и я сказать об этом.

Вы восхищаете меня своим ответом.

Случиться может все, внушайте же всегда

Доверье римлянам, чтоб не стряслась беда.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Фламиний.

Арсиноя.

Фламиний! Одержать победу я сумела:

Влюбленный юноша мне верит! Можно смело

Сказать, что разуму внимает он опять,

И то, что долг велит, намерен выпол-

нять.

Фламиний.

Сумеете ли вы средь общего безумья
Вернуть и ваш народ на путь благоразумья?
Зло разрастается, и действовать сейчас
Должны вы… или все потеряно для вас.
Не думайте, что чернь сама смирится скоро,
Коль не окажете ей должного отпора.
Рим в прошлом пережил подобное, но он
Не поступал, как вы, теряющие трон:
Чтоб успокоить чернь, сенат без промедленья
К угрозам прибегал, суля и послабленья,
И Авентинский холм, а также Квиринал{146}

{146} Комментарии: 2.146
К стр. 454
…и Авентинский холм, а также Квиринал… — Два из семи холмов, на которых, согласно преданию, расположен Рим (остальные — Капитолий, Палатинский холм, Виминал, Эсквилин и Целий).

Свой непокорный плебс покинуть заставлял,

Откуда грозною скатился б он лавиной,

Когда бы гнев его сочли игрой невинной

И дали бы ему в мятеж перерасти…

О нет, мы не пошли по вашему пути!

Арсиноя.

Вы правы! Если чернь волнением объята,

Мы будем действовать, беря пример с сената,

И царь… Но вот и он.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Прусий.

Прусий.

Сомнений больше нет,

Откуда это зло: я разгадал секрет.

Возглавили мятеж…

Фламиний.

Кто?

Прусий.

Люди Лаодики.

Фламиний.

Догадывался я... Все громче, громче крики.

Аттал.

За ласку и добро как отплатили вам!

Фламиний.

Но надо действовать, и вам совет я дам...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Клеона.
Клеона *(Арсиное).*

Конец, конец всему, коль не придумать что-то.

Народ беснуется и ломится в ворота:

Им нужен Никомед, они его хотят.

Уже растерзаны Зенон и Метробат.

Арсиноя.

Тогда нам нечего бояться: эта ма-

лость,

Кровь этих двух людей, насытила их ярость,

Чернь станет ликовать, что подвиг совершен,

И будет полагать, что Никомед отмщен.

Фламиний.

Когда бы главарей чернь эта не имела,

Я счел бы, как и вы, не столь серьезным дело:

Толпа, убив двоих, не ищет, кто ей враг.

Но тайный умысел не поступает так:

Он, цель преследуя, мостов не оставляет,

И пролитая кровь его лишь распаляет,

Он отвращение и ужас топит в ней,

Не зная жалости и не щадя людей.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Арасп.

Арасп.

О государь! Толпа стекается, и страже
Ее не удержать, и я не знаю даже,
Верна ли вам она: я слышал разговор,
Что под запором принц, да только слаб запор.
Я больше за него быть не могу в ответе.

Прусий.

Отдать его, отдать! Он лучше всех на свете!
Мы подчиняемся: бесчестный наш народ
Назвал его царем, теперь его черед!
Утихомирим их без лишнего урона,
И голову его… толпе швырнем с балкона.

Аттал.

Ах, государь…

Прусий.

Да, так его мы отдадим
Тем, кто хотел узреть его царем своим.

Аттал.

Но это значило б, что больше нет исхода:

Не остановите вы ярости народа,

И смею вам сказать, что на таком пути

Едва ли сможете вы жизнь свою спасти.

Прусий.

Смириться должен я, их опасаясь мести,

И принца им отдать с моей короной вместе;

Нет выбора теперь: они сильней меня!

Лишусь я скипетра или погибну я.

Фламиний.

Нет, государь, ваш план не так уж мудр, поверьте.

И кто решает здесь, предать ли принца смерти?

Теперь ваш суд над ним всех прав своих лишен:

Он больше вам не сын, заложник Рима он.

Когда б свой приговор оставили вы в силе,

Как оскорбление мы б это расценили;

За принца должен я сенату дать отчет.

А между тем в порту меня галера ждет,

Туда легко попасть по тайному проходу:

Устройте мой отъезд и выйдете к народу.

Я принца увезу, и скажут все, что Рим

Гуманность проявил решением своим.

Но оскорблением сочтем мы, если будет

Казнен заложник наш: Рим это не забудет.

Арсиноя.

Могу ли, государь, и я вам дать совет?

Прусий.

Слова из ваших уст мне как во мраке

свет.

Так говорите же!

Арсиноя.

Мне подсказали боги,

Как лучше вас и Рим избавить от тревоги.

Посол немедленно пуститься должен в путь

И взять заложника, а чтобы кто-нибудь

Не поспешил сорвать задуманное дело,

Перед народом вы должны явиться смело,

Вступить с ним в разговор и так построить речь,

Чтобы вниманье всех смогла она привлечь:

Теряют время пусть, не зная, что с галерой

Исчез и тот, кто был надеждой их и верой.

Коль во дворец войдут и принца не найдут,

Расстройство чувств своих вы явите им тут,

Вы обвините Рим и скажете, что мщенье

Ждет всякого, кто был замешан в похищенье;

Затем погоню вы пошлете, дав понять,

Что в скором времени принц будет здесь опять,

А тысячи преград, что сами ж создадите,

К намеченной черте направят ход событий.

Народ сейчас бурлит, но в страхе за него

Он завтра предпринять не сможет ничего:

Он бесполезными сочтет свои усилья.

Будь во дворце их принц, его б освободили,

И мы бежали бы отсюда, а потом

Провозгласит народ его своим царем.

Вы сами видите, что ждет нас.

Прусий.

Только боги

Могли вас просветить в разгар такой тревоги!

Фламиний! Подан мне разумнейший совет.

Фламиний.

Бесспорно! Он вернет вам жизнь, свободу, свет.

Заложницей у вас — армянская царица.

Но времени терять нам все же не годится.

Прусий.

Иду немедленно и не страшась преград.

Арсиноя.

Араспа взять с собой и только трех солдат

Вам надо, государь: они не все надежны

И могут изменить; так будем осторожны.

Аттал, а вы куда?

Аттал.

К народу, чтоб отвлечь
Его внимание: я заведу с ним речь
О горестях его и помогу вам тоже.

Арсиноя.

Но помните, Аттал: вы мне всего дороже.
Я только ради вас рискую головой.

Аттал.

А я пойду на смерть — лишь были б вы живой.

Арсиноя.

Прощайте! К нам идет армянская царица.

Прусий, Аттал, Фламиний уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Арсиноя, Клеона, Лаодика.
Арсиноя.

Виновнице всех бед от кары уклониться
Возможно ль?

Лаодика.

Нет, нельзя. От кары не уйдет,
Коль самолюбие в ее душе живет.

Арсиноя.

Осталось вам самой назначить наказанье.

Лаодика.

Достаточно того, что ей царицы званье
Не помогло свершить задуманного зла.

Арсиноя.

За то, что дерзко так она себя вела,
Корону царскую с нее сорвать велите.

Лаодика.

Великодушнее на дело посмотрите.
Кто прав и победил, тот зло забыть готов:
Лишь хочет видеть он смущение врагов.

Арсиноя.

И сами верите вы в это непреклонно?

Лаодика.

По милости небес к насилью я не склонна.

Арсиноя.

Всех подданных царя к восстанию призвать,

Снабдить оружием смутьянов этих рать,

Под окнами дворца собрать их в изобилье

И говорить о том, что чуждо вам насилье?

Лаодика.

Не понимаем мы друг друга: вы сейчас

Речь обо мне вели, а речь идет о вас.

Страшиться нечего мне за себя и свиту,

И я пришла сюда, чтоб взять вас под защиту,

От унижения спасти ваш царский род,

Когда ворвется к вам разгневанный народ.

Супруга вашего и сына позовите,

Их званье царское нуждается в защите:

Не свято уж оно для ярости людской.

Арсиноя.

Что повод вам дало к чванливости такой?

Вы, из-за коей здесь покрылось небо тьмою,

Вы, для кого дворец отныне стал тюрьмою,

Вы, что заплатите ценою крови мне

За то, что титул мой сегодня не в цене, —

Вы говорите так, как если б власть имели

И милость даровать могли б мне в самом деле.

Лаодика.

Иль не хотите вы, или мешает спесь

Увидеть вам, что я повелеваю здесь,

Что вы в моих руках и нет для вас спасенья.

Не ставьте мне в вину народное смятенье:

Виновен ваш народ, ваш подданный любой,

Восстав на вас, идет преступною стезей;

А я царица! Мне, чтоб одолеть вас в споре,

Был нужен их мятеж, и вот он, вам на горе!

Всегда позволено — закон войны таков —

Раздоры разжигать среди своих врагов.

Вы — враг мой, из-за вас супруга я лишилась.

Арсиноя.

Да, это так, все так! Но что бы ни случилось,

Едва мятежники ворвутся во дворец,

Я обещаю вам, что это ваш конец.

Лаодика.

Не надо обещать, иль на моей могиле

Закланью предадут тех, что царями

были.

Но и средь ваших слуг или среди солдат

Найдется ли теперь такой, как Метробат?

И не страшит ли вас, что среди вашей свиты

Одни подкуплены, другие с толку сбиты?

И есть ли хоть один, кто ныне ради вас,

Пожертвовав собой, ваш выполнит приказ?

Я не хочу здесь быть царицею: откройте

Мне путь в Армению и на пути не стойте,

Супруга моего верните — и тогда

Увидите, что вам уж не грозит беда.

Арсиноя.

Сейчас он едет в Рим, его в пути ищите

И у Фламиния вернуть его просите,

Но надо вам спешить, отбросив все дела,

Поскольку уж давно галера отплыла.

Лаодика.

Как мне поверить вам!

Арсиноя.

Отбросьте все сомненья.

Лаодика.

Бегите прочь: мой гнев не знает снисхожденья.
Предательский удар мне нанесен сейчас,
И смолк в моей душе великодушья глас.
Нет! Вы останетесь заложницей моею,
Пока освободить его я не сумею;
Дойду до Рима я, чтоб цепь с него сорвать,
Создам из подданных — моих и ваших — рать;
Сказал же Ганнибал, что, как это ни сложно,
Но лишь в Италии Рим победить возможно.
Хочу чтоб он меня у стен своих узрел,

И миллион мечей, и миллионы стрел,

Которыми мой гнев сумел вооружиться...

Арсиноя.

Хотите, значит, стать вифинскою царицей?

Но согласится ль царь вам уступить свой трон,

Чтоб царствовали вы, а подданным был он?

Лаодика.

Да! Будет власть моей! Но что он потеряет?

Лишь по названью царь, он здесь не управляет.

Не все ль ему равно, кто правит за него:

Я или римляне? А сам он для чего?..

Но вот еще один заложник мой явился.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Аттал.

Арсиноя.

Аттал, что слышно там? Отъезд их не открылся?

Аттал.

О небо!

Арсиноя.

Говори!

Аттал.

Все боги против нас.

Непоправимое произошло сейчас:

Смог Никомед бежать!

Лаодика.

Он на свободе снова?

Вновь милосердной быть душа моя готова.

Арсиноя.

Аттал! Зачем меня в тревогу погружать?

Аттал.

Я все вам объясню, должны вы все узнать.

Арасп с охраною своей вооруженной

Уже привел его к той двери потаенной,

Через которую Фламиний уж прошел,

Когда удар ножа Араспа грудь нашел —

И он на землю пал. Была смертельной рана,

И, смерти устрашась, бежала прочь охрана.

Арсиноя.

Но кто на них напал, скажите мне скорей?

Аттал.

Те десять часовых, что были у дверей.

Арсиноя.

О сын мой, сколько же предателей на свете!

Как неверны царям все подданные эти!

Но кто вам рассказал, коль нет уж никого?

Аттал.

Сам умирающий и спутники его.

Но дальше слушайте. Я с помутневшим взглядом

Помчался к берегу, чтобы с царем быть рядом,

И что увидел я? Охваченный тоской

И страхом обуян, хотел родитель мой

В челне догнать посла: тот был уж на галере

И, видно, трепетал за жизнь в не меньшей мере.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, Прусий и Фламиний.

Прусий.

Нет-нет, вернулись мы, и будем здесь вдвоем

Честь вашу защищать иль смерть свою найдем.

Арсиноя.

Умрем же, государь, чтобы не быть во власти

Врагов, сулящих нам великое несчастье,

Лишим их радости вершить над нами суд,

Освободим себя от их позорных пут.

Лаодика.

Своим отчаяньем вы принца оскорбили
Сильнее, чем тогда, когда послать решили
Его заложником в непобедимый Рим.
Но принц ведь не такой, коль мною он любим,
И был бы навсегда союз мой с ним разрушен,
Когда бы не был он всегда великодушен.
Вот он идет сюда, и ни к чему слова:
Сейчас увидите, была ли я права.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Никомед.

Никомед.

Все тихо, государь. Едва я появился,
Бунтующий народ тотчас угомонился.

Прусий.

Как? Осквернить дворец присутствием своим?

Мятежник!

Никомед.

Никогда я не был таковым.

Пришел я не затем, чтоб дерзко перед вами

Бряцать разбитыми железными цепями;

Как добрый подданный пришел, чтоб наконец

Со мной спокойствие вернулось во дворец.

И Рим не думаю винить я в преступленье:

Он верен правилам искусства управленья,

Как и не думаю посла его винить

За то, что власть хотел меж нами разделить;

Но только пусть они оставят принужденье.

Верните мне любовь — вернут вам уваженье.

Простите свой народ за тот излишний

пыл,

Что из сочувствия ко мне он проявил.

Простите, если был он власти непокорен:

Конечный результат тех действий благотворен.

Не гневайтесь и вы, царица, на народ,

И ваша доброта на пользу вам пойдет.

Я знаю, что к вражде со мною вас толкало:

Вы любящая мать, и возвести Аттала

На трон хотите… Что ж! Позвольте мне, чтоб он

Моим старанием был возведен на трон.

Есть место в Азии для подвигов, и вскоре

Добуду царство я для брата в ратном споре;

Лишь укажите — где, отдайте лишь приказ —

И я короною смогу утешить вас.

Арсиноя.

Принц! Может ли еще быть большею победа?

И жизнь моя и честь в руках у Никомеда,

А победителю все мало: хочет он

И сердцу моему свой диктовать закон.

Мне сердце защитить от вас не удается,

И ныне радостно оно вам в плен сдается.

Три царства покорив, вы победитель вновь,

Отдайте ж мне взамен сыновнюю любовь!

Прусий.

Все ныне предстает и мне в ином обличье:

Да! Столь великий сын и есть мое величье.

Но, принц, откройте нам, кого должны сейчас

Мы все благодарить за то, что вы средь нас?

Никомед.

Он скрыл свое лицо, когда возник нежданно,

Но попросил в залог кольцо, что постоянно

При мне, и обещал прийти сюда опять.

Аттал.

Вам не угодно ли кольцо обратно взять?

Никомед.

О, вижу я теперь, что в ваших жилах тоже

Кровь царская течет; что мы друг с другом схожи,

Что не тщеславный раб сената предо мной,

А брат мой истинный, освободитель мой!

Цепь разорвав мою, вы также разорвали

Те цепи, что и вас и всех обременяли.

Но почему, таясь, все царство вы спасли?

Аттал.

Чтоб доблесть высшую вы проявить смогли;

Чтоб видеть, как ее невидимая сила

С несправедливостью одна в борьбу вступила;

И чтобы наконец, спасая иль губя,

Отдать отмщенью дань за вас иль за себя.

Царица, я молю…

Арсиноя.

Довольно! Вот решенье,

Что, план мой погубив, мне принесло спасенье.

(Никомеду.)

Я рада, что мой сын, не кто-нибудь иной,

Прервал теченье зла, задуманного мной.

Никомед *(Фламинию).*

Счастливым почитать я всякого посмею,

Коль одарил его Рим дружбою своею;

Но нам не по душе, когда вы вместе с ней

Несете свой закон, связующий царей.

Без рабского ярма хотим мы дружбы вашей,

В противном случае вражда милей и краше.

Фламиний *(Никомеду).*

Сенату есть о чем подумать, но сейчас

От имени его могу заверить вас,

Что если дружбы нет, то есть расположенье,

Готовность проявить свое к вам уваженье,

И что он славного врага приобретет,

Коль друга верного в вас все же не найдет.

Прусий.

А мы, кому судьба дарует утешенье,

Здесь приготовим все для жертвоприношения,

И, обратясь к богам, заступникам своим,

Попросим их о том, чтоб стал нам другом Рим.

ИЗ РАЗБОРА «НИКОМЕДА»

[…] В восхищении, вызываемом доблестью Никомеда, я нахожу одну из возможностей очищения страстей, о коей не говорил Аристотель и которая, быть может, более надежна, чем то, что он предписывал трагедии, опираясь на сострадание и страх, Любовь к этой восхитившей нас доблести вызывает у нас ненависть к пороку. Величие смелости Никомеда порождает в нас отвращение к малодушию; а благородная признательность Ираклия, рискующего жизнью ради Маркиана, которому он обязан своим спасением, повергает нас в ужас перед неблагодарностью.

Не хочу скрывать, что эта пьеса — одна из тех, к коей я испытываю наибольшую симпатию. Поэтому отмечу в ней только несовершенство финала, который развертывается слишком стремительно, как я уже заметил это в другом месте{147}, и где можно найти несоответствие в характерах Прусия и Фламиния, которые, избрав

{147} Комментарии: 2.147

К стр. 467

…как я уже заметил это в другом месте… — Корнель имеет в виду свое «Рассуждение о трех единствах».

сперва бегство по морю, неожиданно призывают на помощь все свое мужество и возвращаются к царице Арсиное, чтобы защитить ее и умереть вместе с нею. Фламиний оказывается в довольно трудном положении, видя, как объединилась вся царская семья, несмотря на принятые им меры для ее разъединения и вопреки инструкциям, которые он привез из Рима. Он видит, как Никомед добивается благорасположения царицы и царевича Аттала, коего Фламиний избрал своим орудием, направленным против величия брата, и кажется, будто он вернулся только затем, чтобы стать свидетелем своего поражения. Первоначально я не заставлял их возвращаться в конце пьесы и довольствовался тем, что Никомед, обращаясь к мачехе, выражал ей свое крайнее огорчение побегом царя и невозможностью выразить ему свое почтение. Это не вступало в противоречие с историей, поскольку оставляло под сомнением смерть Прусия, но вкус зрителей, которых мы приучили видеть всех наших персонажей собравшимися вместе в конце такого рода поэм, был причиной подобной перемены, на которую я решился, дабы доставить им больше удовольствия, хотя несколько и отошел от истины.

СЕРТОРИЙ

ТРАГЕДИЯ

{148}

Перевод Ю. Корнеева

{148} Комментарии: 2.148

«СЕРТОРИЙ»
(«SERTORIUS»)

В качестве сюжета пьесы Корнель использовал второстепенные эпизоды гражданских войн в Риме, борьбу сторонников диктатора Суллы (вождь аристократической партии) с приверженцами Мария. Действие трагедии происходит в год неожиданного и почти необъяснимого отречения Суллы как раз в тот момент, когда его власть казалась наиболее прочной (79 г. до н. э.). Драматург вывел на сцене исторических персонажей — римского полководца Квинта Сертория (ок. 123–72 г. до н. э.), молодого тогда еще Гнея Помпея (107–48 гг. до н. э.), а также сподвижника Сертория Вентона Перпенну (точнее, Перперну). Женские персонажи им вымышлены.

Трагедия была поставлена в 1662 г. всеми тремя театрами Парижа — театром «Маре» (февраль), труппой Мольера (июнь) и «Бургундским отелем». Публика встретила пьесу благосклонно, но в критике о ней разгорелся спор между аббатом д'Обиньяком, находившим в трагедии существенные недостатки, и влиятельным литератором Жаном Донно де Визе (1638–1710), защищавшим Корнеля.

Издана трагедия была в июле 1662 г. Огюстеном Курбе и Гийомом де Люином.

СЕРТОРИЙ

К ЧИТАТЕЛЮ

Ты не найдешь в этой трагедии приманок, обеспечивающих успех театральным произведениям такого рода: здесь нет ни объяснений в любви, ни буйства страстей, ни пышных описаний, ни велеречивых рассказов. Однако пьеса моя не совсем уже разочаровала публику, а имена ее прославленных героев, величие их побуждений и новизна кое-каких выведенных мною характеров восполнили отсутствие названных выше прикрас. Сюжет прост, но охватывает столько общеизвестных событий, изменять которые можно лишь в той мере, в какой это оправдано непреложной необходимостью подчинить их правилам жанра, что мне пришлось быть особенно строгим к себе в смысле места и времени. Так как история не давала мне материала для женских образов, я вынужден был дать волю фантазии и вывел в трагедии двух героинь, равно не противоречащих исторической правде, коей я придерживался. Первая из них — лицо подлинное: это первая жена Помпея, с которой он развелся, чтоб породниться с Суллой, став мужем падчерицы его Эмилии. Развод Помпея подтвержден

всеми его жизнеописателями, но ни один из них не сообщает, что´ стало потом с этой несчастною, которая именуется Антистией у всех них, за исключением некоего испанца, епископа Жеронского:{149} *он называет ее Аристией, и я предпочел его версию — она благозвучнее. Молчание историков насчет этой женщины дало мне полную возможность измыслить для нее убежище, и я решил, что будет всего правдоподобней, если она найдет его у врагов своих обидчиков; это тем более убедительно, что позволяет добиться сильного сценического эффекта: она доставляет Серторию письма римских государственных мужей, которые Перпенна передал впоследствии Помпею, поступившему с ними так же, как он поступает у меня. Другая женщина — целиком плод моего вымысла, вдохновленного тем не менее самой историей. Последняя сообщает нам, что лузитаны*{150} *призвали Сертория из Африки,*

{149} Комментарии: 2.149

К стр. 470

...некоего испанца, епископа Жеронского... — Речь идет об испанском историке, писавшем по-латыни Иоганне Херондиусе, авторе десятитомной «Истории Испании».

{150} Комментарии: 2.150

К стр. 471

Лузитаны — иберийское племя (или союз племен), населявшее западную часть Пиренейского полуострова. С момента вступления римлян в Испанию лузитаны вели с ними упорную борьбу.

дабы он возглавил их борьбу против сулланцев, но мы не знаем, была у лузитан республика или монархия. Таким образом, ничто не препятствовало мне наделить их царицей, и, чтобы как можно больше возвысить ее, я сделал эту женщину наследницей Вириата{151} (чье имя она и носит), величайшего из мужей, которых Испания сумела противопоставить римлянам, и последнего, если не считать Сертория, кто оказал им сопротивление в иберийских провинциях. На самом деле царем он не был, но властью обладал поистине царской, и все те преторы и консулы, которых Рим слал против него и которых он столь часто громил, питали к нему такое уважение, что заключали с ним мирные договоры как с суверенным государем и законным противником. Умер Вириат за шестьдесят восемь лет до гибели того, о ком я пишу, так что измышленная мною царица вполне может быть его правнучкой или праправнучкой. Разбит он был консулом Квинтом Сервилием, а не Брутом{152}, как утвер-

---

{151} Комментарии: 2.151

Вириат — вождь лузитан во время их борьбы с экспансией Рима; убит по наущению римлян в 140 г. до н. э.

{152} Комментарии: 2.152

...а не Брутом... — Сподвижник Цезаря и его убийца, Марк Юний Брут (85–42 гг. до н. э.), не мог, конечно, быть победителем Вириата, так как их разделяли почти сто лет.

ждает у меня эта монархиня: положившись на вышеназванного испанского епископа, я, к сожалению, повторил его ошибку. Ее легко исправить, изменив несколько слов в единственном стихе, где говорится о победителе Вириата и который должен звучать так:

Взошла Сервилия счастливая звезда.

Я, разумеется, знаю, что Сулла, так часто поминаемый в трагедии, умер за шесть лет до Сертория;{153} но автор, добиваясь единства действия, волен при нужде ускорять события; следовательно, то, что заняло целых шесть лет, я вправе уложить в шесть дней, а то и в шесть часов, если только это не совсем уж невероятно. Вот почему, отнюдь не противореча своим же словам, я вполне могу допустить, что смерть Суллы совпадает по времени с убийством Сертория и происходит уже после того, как Аркас отбыл из Рима с вестью об отречении диктатора от власти. Скажу больше: драматургу следует, конечно, строго соблюдать хронологическую последовательность; однако при условии, что действующие лица знакомы друг с другом и связа-

---

{153} Комментарии: 2.153

...Сулла умер за шесть лет до Сертория... — то есть в 78 г. до н. э.

ны общими интересами, мы отнюдь не обязаны считаться с точной датой их смерти. Сулла умер раньше, чем убили Сертория, но вполне мог пережить его, и зритель, обладающий обычно лишь поверхностным знанием истории, редко бывает оскорблен такой натяжкой, не выходящей за пределы правдоподобия. Это не значит, что я склонен возводить подобную вольность в общее правило, без каких бы то ни было ограничений. Смерть Суллы, например, нисколько не отразилась на положении Сертория в Испании и так мало повлияла на его судьбу, что, читая жизнеописание этого героя у Плутарха, мы не в силах установить, кто же из двоих скончался первым, если только не почерпнули соответствующих сведений в других источниках. Другое дело — события, приводящие к гибели государств, разгрому борющихся партий, изменению хода истории, как, скажем, смерть Помпея: автор, у которого она предшествовала бы убийству Цезаря, неизбежно навлек бы на себя негодование публики. К тому же я вынужден был несколько приукрасить и оправдать войну, которую Помпей, равно как иные римские деятели, продолжал вести против Сертория и после того, как добровольное отречение и смерть тирана позволили, хотя бы по

видимости, возродить республику. Это в самом деле нелегко объяснить. Можно не сомневаться, что стремление к самовластию, привитое римлянам Суллой, не умерло вместе с ним и что Помпей, а также многие другие, кто втайне помышлял занять место диктатора, боялись, как бы Серторий не стал для них серьезной преградой — то ли в силу его неизменной любви к родине, то ли по причине его громкой славы и талантов, которые заставили бы римлян отдать ему предпочтение в случае, если бы потрясенное в своих основах государство оказалось не в состоянии обходиться без единого владыки. Не желая принижать Помпея тайным и ревнивым честолюбием, семена которого распустились впоследствии столь пышным цветом и которое, вероятно, было истинной причиной войны в Испании, я счел уместным продлить жизнь Суллы и объяснить несправедливость происходящего крайностями его диктатуры. Это дало мне также возможность поведать, к чему приводит горячая любовь Помпея к Аристии, с которой он, вне сомнения, сошелся бы снова, если бы не страшился тирана, чье ненавистное, хотя и прославленное имя придает особый вес рассуждениям о политике, составляющим душу моей трагедии.

Конечно, Помпею несколько изменяет обязательное для полководца благоразумие, когда он, положась на слово Сертория, едет для переговоров в город, где глава враждебной партии является полным хозяином; но доверие смельчака к смельчаку, римлянина к римлянину дает ему известные основания не опасаться ловушки со стороны столь великого человека. Он — и здесь я не могу не согласиться с критиками — мало заботится у меня о своей безопасности, но мне не удалось бы сохранить единство места без этого намеренного промаха, в котором повинен не мой недосмотр, а слишком стеснительное правило. Если же на твой взгляд, читатель, этот промах нельзя извинить даже тем, что Помпею не терпится увидеть жену, все еще страстно любимую им, и он боится, как бы, не зная его намерений, она не нашла себе другого мужа, ты все равно отпустишь мне мой грех за наслаждение, доставленное тебе сценой переговоров, которая, по мнению многих знатнейших и умнейших людей при дворе, одна стоит всей пьесы. Снисходительность твою не осудит и сам Аристотель, дозволяющий иногда показывать на сцене вещи, противоречащие здравому смыс-

лу{154}, коль скоро есть надежда, что они будут благосклонно приняты публикой и, способствуя успеху представления, оправдают подобную благосклонность.

{154} Комментарии: 2.154

К стр. 473

…сам Аристотель, дозволяющий иногда показывать на сцене вещи, противоречащие здравому смыслу… — Корнель ссылается на следующее место из «Поэтики» Аристотеля: «Вообще при суждении о невозможном в поэзии следует обращать внимание на идеализацию или ходячее представление о вещах; именно в поэтическом произведении предпочтительнее вероятное невозможное, чем невероятное, хотя и возможное» (гл. 25).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СЕРТОРИЙ
предводитель марианцев в Испании.
ПЕРПЕННА
легат Сертория[{155}].
АУФИДИЙ
военный трибун в войске Сертория.
ПОМПЕЙ
полководец сулланцев.
АРИСТИЯ
жена Помпея.
ВИРИАТА
царица Лузитании, нынешней Португалии.
ФАМИРА
наперсница Вириаты.
ЦЕЛЬС
военный трибун в войске Помпея.
АРКАС
вольноотпущенник Аристия, брата Аристии.
СВИТА.

{155} Комментарии: 2.155
К стр. 474
Легат — у древних римлян помощник полководца, сопровождающий его в походе.

Действие происходит в Нертобриге, городе в Арагоне, завоеванном Серторием, нынешнем Калатаюде{156}.

{156} Комментарии: 2.156
Калатаюд — нынешний город Альмунья.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Перпенна, Ауфидий.

Перпенна.

Что, Ауфидий, мне парализует волю?
Я трепещу пред тем, о чем мечтал дотоле.
Измена кажется мне гнусностью такой,
Что от моих надежд дух отвратился мой,
И в миг, когда могу заветного величья
Недорогой ценой предательства достичь я,
Не в силах нанести удар рука моя —
Так о бесчестии боюсь помыслить я.
Хоть честолюбие сияньем ложной славы
Сулит мне заплатить за умысел кровавый,

Хоть тщится, голосу соблазна внять спеша,

Оковы совести сорвать с себя душа,

Ей это, вопреки всему, не удается:

Их не порвав, она сама на части рвется,

Да и к Серторию благоволящий рок

Все время от него отводит мой клинок.

Ауфидий.

Ужель откажешься ты от удачи верной

Из щепетильности похвальной, но чрезмерной?

В необходимости дурную кровь пролить

Беды не видит тот, кто жаждет первым быть.

Ты должен бы понять по зрелом размышленье:

Гражданская война есть царство преступленья,

А где оно царит, там нету ничего

Опасней и смешней, чем избегать его.

Честь, добродетель, стыд — кому все это надо?

Ни Марий, ни Карбон{157} не ведали пощады,

А Сулла…

Перпенна.

Да, и он, как Марий, был готов

На казнь без счета слать им сломленных врагов.

Поочередно верх в сраженьях оба брали,

Поочередно Рим пятою попирали,

Чиня насилия, проскрипции{158} вводя

И в ярости своей до зверства доходя.

Их рознь в толпу убийц сограждан превратила,

{157} Комментарии: 2.157

К стр. 476

Марий, Кай (157–86 гг. до н. э.) — основной противник диктатора Суллы, вождь партии популяров.

Карбон, Гней Папирий — римский политический деятель, сторонник Мария.

{158} Комментарии: 2.158

Проскрипции — составлявшиеся в Древнем Риме списки, в которые вносились лица, объявлявшиеся вне закона, лишавшиеся имущества и всех прав.

Но все ж изменников она не породила:

Как яро бы сердца гнев ни обуревал,

Кровь партии своей никто не проливал

И на ее вождя, чтоб стать ему заменой,

Не заносил клинок рукою дерзновенной.

Ауфидий.

Ужель Перпенна встать и в самом деле рад

Под стяг того, кого славнее он стократ?

Ну что ж, тогда прервем войну и склоним выи,

Как их склонил весь мир под игом тирании.

Зачем нам погибать от ран и тягот здесь?

Коль рабства жаждем мы, у Суллы цепи есть.

Хоть римлянину жить в неволе и негоже,

Но раз уж воли нет, жить лучше в Риме все же.

Перпенна.

Подумай и возьми назад свои слова.

Пока мы держимся, республика жива.

Испания — оплот растоптанной свободы.

Здесь кров себе нашел цвет римского народа,

И в руки вновь взяла утраченную власть

Сената лучшая, достойнейшая часть.

От имени ее Серторий управляет:

Сбирает дань с племен, царьков их вразумляет

И защищает нас, кем тут представлен Рим.

Коль скоро партии глава необходим,

Серторий же досель удачлив был сверх меры,

И это имя чтят по всей стране иберы...

Ауфидий.

Да, имя! Вот чем он остановил твой взлет,

Чем отнял у тебя и славу и почет.

А в подтверждение тебе напомню день я,

Когда ты войско вел с ним на соединенье

И должен был...

Перпенна.

Не тщись мне рану растравлять!..

Когда я под начал принять был должен рать,

Числом и знатностью превосходил его я.

С врагом он без меня не выдержал бы боя,

Но воины мои, завидев стан его,

Все тотчас от меня ушли до одного.

Прослышав, как они моих орлов уносят

И как Сертория взять их на службу просят,

С отчаяньем в душе примкнул я к беглецам

И встать под стяг чужой поторопился сам.

Но как от зависти я ни изнемогаю,

Не честолюбие, а страсть совсем другая,

Которая во мне растет день ото дня,

Владеет ныне мной и мучает меня.

Я пламенно люблю царицу Вириату.

Брак с нею возместит моих надежд утрату:

Женясь на ней, займу я лузитанский трон,

И мне заменит власть над римлянами он.

Но, как и все, она обольщена — вот горе! —

Той славой, что везде стяжал себе Серторий,

И он, хоть не нужна ему ее любовь,

К заветной цели путь мне преграждает вновь.

Он под счастливою звездой рожден, я чаю,

Коль без труда и сам того не замечая,

Лишь имя громкое свое пуская в ход,

Все блага, что судьбой мне посланы, крадет.

Но даже если в нем живет любовь к царице,

Я все равно решил ему в своей открыться,

И коль уступит он желанью моему,

Забуду навсегда я ненависть к нему

И больше притязать на первенство не стану —

Пусть только власть мою признают лузитаны,

Чья варварская рать, усвоив римский строй,

Затмила нас самих отвагой боевой.

Ауфидий.

Там, где заходит речь о достиженье власти,

Быть места не должно слепой любовной страсти.

К тому же, устранив Сертория с пути,

Царицу за тебя ты вынудишь пойти.

Перпенна.

А вдруг мне принесет лишь вред его кончина?

Заставлю ль я признать себя за властелина?

И согласятся ль те, кем был Серторий чтим,

Теперь покорствовать велениям моим?

И не решатся ль, мысль о мщении лелея,

Они перебежать на сторону Помпея?

Ауфидий.

Не время рассуждать! Сегодня ввечеру

Убит он у тебя быть должен на пиру.

Часть войск отправлена им отдыхать в селенья,

А те, что здесь, — в твоем, Перпенна, подчиненье.

Удобный случай нам судьба дает сейчас,

Но отвернется вновь она с зарей от нас.

Пусть нынче же падет от рук твоих

Серторий,

А нет — предай ему тех, с кем ты в заговоре.

Своих сообщников не оставляй в живых:

Чрезмерно совестлив ты не один средь них,

И коль промедлишь... Тсс! Сюда тиран стремится.

Попробуй, потолкуй с ним о руке царицы,

А я пойду просить бессмертных, чтоб тебе

Для счастья твоего он отказал в мольбе.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Перпенна, Серторий.

Серторий.

Я с важной новостью спешу к тебе, Перпенна.

Чрез два часа Помпей здесь будет непре-

менно,

Охране не дал он сопровождать его —

Ему достаточно и слова моего.

Перпенна.

Не странно это мне: людей великих слово

Стократ надежнее заложника любого.

Дивлюсь другому я — что даже сам Помпей,

Великим прозванный в державе римской всей,

На встречу с ним тебя уже не вызывает,

А в стан Сертория смиренно прибывает.

Да, впрямь ты совершил немало славных дел,

Коль спесь так хорошо с сулланцев сбить сумел!

Серторий.

Быть может, нас Помпей и превосходит в силе,

Но здесь, в Испании, его мы потеснили.

Всего одна иль две провинции приют

Его сторонникам пока еще дают,

И не надеется он совладать со мною,

Когда кампанию я вновь начну с весною.

Таких успехов мы добились потому,

Что с армией примкнул ты к войску моему.

Тебе обязан, друг, я всем и это знаю,

Но верь, что вскорости свой долг отдам сполна я.

А что касается Помпея, то могу

Заранее сказать, с чем едет он к врагу.

Коль скоро мы тесним его все неуклонней,

А славу редко вождь стяжает в обороне,

На договор любой со мною он пойдет,

Чтоб завершить скорей испанский свой поход

И тотчас в Рим отбыть, где Сулла, без сомненья,

Повыгодней ему подыщет назначенье:

Понтиец Митридат{159} войну дерзнул начать,

И в Азию Помпей мечтает двинуть рать.

Перпенна.

Я мнил, что лишь затем, чтоб Аристии милой,

С которою его развел диктатор силой,

В последний раз сказать последнее «прости»,

Он войско вызвался в Испанию вести:

Ты здесь убежище несчастной предоставил,

Когда в изгнание тиран ее отправил.

Серторий.

Да, связывала встарь их страстная любовь,

Но чувств былых в жене он не разбудит вновь —

{159} Комментарии: 2.159

К стр. 480

Митридат VI Эвпатор — понтийский царь, правивший с 123 до 63 г. до н. э., заклятый враг Рима. С 90 г. он вел почти непрерывную войну с римлянами. Был убит своим рабом по наущению собственного сына Фарнака.

Обида выжгла их, и нужен Аристии

Не кров, что ей помог в Испании найти я,

А новый преданный защитник, друг и муж,

Который бы славней был прежнего к тому ж.

Она ручается, что коль женой мне станет,

На нашу сторону немедля перетянет

Всех римлян истинных, оставшихся в живых,

Равно как всех друзей и родичей своих.

Их письмами она мне подтверждает это.

Прочти посланья — жду я твоего совета,

Есть смысл иль нет ее желаньям уступить.

Перпенна.

Какие тут еще сомненья могут быть?

Коль к ней ты уж совсем не полон отвращеньем

И для тебя потом не станет брак мученьем,

Не брезгуй той, за кем на страх врагам твоим

В приданое дает свою поддержку Рим.

Серторий.

За искренность тебе воздать я попытаюсь,

Открыв тебе, чего хочу и опасаюсь.

Другую я люблю, хотя признаться в том

И не дерзаю ей при возрасте своем,

Но вопреки ему царица Вириата

Такими ж чувствами сама ко мне объята.

Мечтает в брак вступить она со мной давно,

Чтоб этим лузитан и римлян слить в одно:

Мы с ней дадим пример, и свяжут вслед за нами

Другие клятвою себя пред алтарями,

И станут общими у наших двух племен

Кровь в жилах и судьба, оружье и закон.

Вот та заветная, достойная награда,

Что́ получить от нас царице гордой надо

За жертвы и ущерб, которые несет,

Придя на помощь нам, подвластный ей народ.

О замысле своем не говорит царица,

Но столько раз имел я случай убедиться

В ее желанье стать супругою моей,

Что больше отвечать нельзя молчаньем ей.

Итак, опасно брать мне Аристию в жены:

Пробудит это гнев в царице раздраженной,

А племя лузитан, обидясь за нее,

Направит против нас оружие свое,

И мы поплатимся потерями такими,

Каких не возместит вся та поддержка в Риме,

Что с Аристией брак мне принести

сулит.

На деле нашу мощь он только умалит.

Вот это мне принять и не дает решенье.

На Аристию я гляжу без отвращенья,

Но и царицею пленен отнюдь не так,

Чтоб для нее пойти на неразумный шаг.

Перпенна.

Молю тебя, отбрось сомнения пустые

И, не колеблясь, стань супругом Аристии,

А Вириата пусть гневится — укротим.

Там не опасен гнев, где силы нет за ним.

Как люто бы в ней злость и ревность ни кипели,

Все крепости ее в твоих руках доселе,

И ни одну твою когорту под начал

Никто из лузитан пока еще не взял.

Прислать заложников ты приказал им жестко —

И держишь ныне цвет их молодежи в

Оске{160}.

Их воины давно в твои войска влились.

Мы с ними столько раз плечом к плечу дрались,

Что к римлянам они давно прониклись дружбой,

Довольны нашими порядками и службой.

Зачем испытывать пред ними страх смешной?

Серторий.

Зачем притворствовать, Перпенна, предо мной?

Да, правду говорят: ты любишь Вириату.

Не тщись же убеждать меня витиевато.

Я вижу: речь твоя любовью внушена,

Да и бесцельна — мне царица не нужна.

В своих желаниях решись признаться

{160} Комментарии: 2.160

К стр. 482

Оска — испанский город, в котором Серторий организовал школу для детей знатных иберов, желая тем самым скорее романизировать страну.

разом,

И не ответит твой должник тебе отказом.

Перпенна.

Так предложению подобному я рад,

Что от тебя таить…

Серторий.

Довольно! Я — твой сват.

Перпенна.

Ты слишком добр, и я…

Серторий.

Не трать слова напрасно.

Мне с Аристией брак полезней — это ясно,

И я женюсь на ней, коль скоро в свой черед

Себе в мужья тебя царица изберет.

Мне, что ни говори, с ней ссориться некстати —

Ей вопреки, другой не смею мужем стать я…

Но вот и римлянка. Поговорить нам дай,

А сам врученные мне письма почитай.

Перпенна уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Серторий, Аристия.

Аристия.

Не гневайся, что вновь тебе я докучаю,

В бессилии своем твоей защиты чая.

Не торопя тебя вступить со мною в брак —

Раздумья требует такой серьезный шаг, —

Я лишь смиренно жду твоей поддержки вящей

В опасности, опять мне даже тут грозящей.

Известно, что спешит сюда мой муж былой;

В переговоры он вступить решил с тобой,

И опасаюсь я, что прежнее влеченье,

Равно как данное тираном порученье,

Помпея побудят меня с собой увезть:

Прямой расчет ему и Сулле в этом есть.

Насилье в ход пойдет иль только уговоры —

В обоих случаях лишь ты моя опора.

Так помоги же мне избегнуть мужних рук,

Коль он свое вернуть себе захочет вдруг.

Серторий.

И будет прав: когда сокровище такое

Насильно отнято, оно желанней вдвое.

Но, госпожа, ничто здесь не грозит тебе,

Коль скоро ты сама уверена в себе,

И не растрогает тебя мольбой коварной

Муж, столь любимый встарь, хоть и неблагодарный.

Не вдруг сменяется любовь враждою в нас,

И вздуть легко огонь, что не совсем погас.

Аристия.

Сойдясь с Эмилией диктатору в угоду,

Ославил муж меня в глазах всего народа,

И знаешь ты, как я была оскорблена.

Но если будет им покинута она

И мне вернет Помпей права супруги снова,

Едва ль я оттолкнуть его смогу сурово.

Как только стать моим решится он опять,

Я буду полностью ему принадлежать.

Серторий.

Напрасно обольстить себя я дал надежде!

Мне у тебя в душе нет места, как и прежде,

Затем что властвует там до сих пор Помпей.

Добьюсь я, может быть, еще руки тво-

ей,

Но даже если он к тебе не возвратится,

Мне в сердце у тебя вовек не воцариться.

Аристия.

Что в этом за беда, коль долг свой помню я

И при такой жене прибудет мощь твоя?

Ужель опустишься ты, вождь, до притязаний

На знаки нежности? Ужели пыл лобзаний

Важнее для тебя того, что я в борьбе

Могу быть первою помощницей тебе?

Оставь для мелких душ, всегда судьбе покорных,

Игру вздыханий, клятв и ласк полупритворных.

Мы наши жребии с тобой соединим,

Чтоб отстоять сумел свою свободу Рим.

С твоей политикой мое сольется мщенье,

Чтоб в этом обрела республика спасенье.

Но к славной цели мы лишь через брак придем.

Я многого хочу — и спору нет о том,

Однако чтобы я Помпею отказала,

Понадобится днесь мне тоже сил немало.

Так пусть остатком их распорядится тот,

В сравненье с кем никто из римлян не идет.

Серторий.

Себя великим я не мню.

Аристия.

На это имя

Ты право заслужил деяньями своими.

Изволь, считай его чрезмерной похвалой,

А все же выше ты, чем мой супруг былой.

Серторий — вождь, Помпей — один из подчиненных.

Приказы ты даешь, лишь исполняет он их,

И оскорбил его сильнее, чем меня,

Диктатор, на другой насильственно женя,

И в рабство ввергнут был он, разведясь со мною,

Тогда как вознесусь я, став твоей женою.

Но извинить меня прошу за эту речь —

Мечтаньям я себя позволила увлечь.

Сказать уверенно я не могу доселе,

Что из моих надежд получится на деле,

И слишком дерзкими их вынуждена мнить,

Покуда будешь ты молчание хранить.

Сейчас зависит все от твоего ответа.

Серторий.

Что б ни ответил я, чем нам поможет это?

Что в уверениях моих за прок тебе,

Коль не уверена ты, госпожа, в себе?

Считаю брак с тобой я для себя желанным,

Чту тех, чья помощь стать должна твоим приданым,

И убежден, что, коль поддержат нас они,

Низвергнем деспота мы в считанные дни.

Но опасаюсь я, что не меня — Помпея

Капризно наградит судьба рукой твоею

И что, как загодя не трудно угадать,

Мне обещают все, чтоб ничего не дать.

Аристия.

Когда бы по любви искал моей руки ты,

«Возьми ее, — тебе сказала б я открыто. —

Что б ни решил Помпей, промедлил слишком он».

Но раз наш брак отнюдь не страстью нам внушен,

А лишь политикой высокой, не посетуй,

Коль честно объясню, что ты женить-
бой этой
Миллион приверженцев, быть может, обретешь,
Но без нее куда как больше их найдешь.
Коль вспыхнет страсть ко мне в Помпее с прежней силой
И он расстанется с Эмилией немилой,
При жизни Суллы в Рим ему заказан путь,
И выход у него один — к тебе примкнуть.
Став мужем мне, сплотишь под стягами своими
Ты все достойное, что уцелело в Риме;
Но если руку я Помпею вновь отдам,
В твой лагерь перейдет он, сверх того, и сам,
А вслед за ним его друзья и ветераны,
Опора главная свирепого тирана, —
Уж коль не все они, так бо́льшая их часть
От своего вождя едва ль дерзнет от-

пасть.

Когда ж Серторий Рим возьмет с Помиеем вместе,

Ты, Сулла, мне сполна заплатишь за бесчестье.

Заранее дрожи! Печален твой удел,

Коль отберу я то, что ты украсть сумел.

Помпея ты согнул, унизил, обесславил

Тем, что пойти в зятья к твоей жене заставил{161}*.*

Но если в нем еще жива ко мне любовь,

Честь и достоинство себе вернет он вновь,

И предпочтет твоим цепям мои оковы,

И взыщем мы с тебя наш общий долг сурово.

Но время у тебя, Серторий, красть грешно.

{161} Комментарии: 2.161

К стр. 486

…пойти в зятья к твоей жене… — Сулла заставил Помпея жениться на своей падчерице Эмилии, дочери своей жены Метеллы от ее брака с Эмилием Скавром.

Ты знаешь все. Решай. Я повторю одно:

Коль скоро побужден ты к браку только страстью,

Я тотчас на него готова дать согласье.

Взвесь доводы мои, покуда есть досуг,

Но помни: нужен мне защитник и супруг,

Чтоб жить здесь, не боясь, что я одна из пленных,

Которых выдают, когда идет обмен их;

А раз ничтожеству не стану я женой,

Лишь ты или Помпей владеть достойны мной,

И мне…

Серторий.

Прими его и вынуди к признаньям.

Аристия.

Прощай! Благодарю, что внял моим желаньям,

И верь: не пощажу я для успеха сил.

(Уходит.)

Серторий.

А я велю, чтоб гость с почетом встречен был.

О боги! Вот теперь скажу, не обинуясь:

Как тягостно любить, расчету повинуясь,

И сколько должен мук политик испытать,

Чтоб, страсть к одной тая, другой супругом стать!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Вириата, Фамира.

Вириата.

Пора с Серторием, Фамира, объясниться,
Иль буду я должна пред римлянкой склониться.
Ее, изгнанницу, ему настолько жаль,
Что обо мне теперь он думает едва ль.
Напрасно тщусь ему я красноречьем взгляда
Поведать то, о чем сказать словами б рада,
И женихов-царей гоню напрасно с глаз,
Чтоб не боялся он, что ждет его отказ, —
В ответ молчание, и не могу постичь я,
Застенчивость тому виной иль безразличье,

И самолюбие больней день ото дня

Язвит огнем стыда и ревности меня.

Фамира! Мне самой с ним говорить невместно.

Так расскажи ему… то, что тебе известно, —

Что только он оплот престола моего

И всем царям в стране я предпочту его.

Достоин он один того, чтоб Вириата

С ним будущность свою связала без возврата.

Открой ему, что я желаю всей душой

Посредством брака с ним престол упрочить свой.

Добавь… Но не нужны все эти наставленья

Тебе, в чьем столько раз я убеждалась рвенье.

Фамира.

Считаю, как и ты, его великим я,

Но, признаюсь, дивит меня любовь твоя.

Я что-то, госпожа, не слышала доныне,

Чтоб возраст пожилой ценили мы в мужчине

И чтоб покрытое морщинами чело

Зажечь в красавице любовный пыл могло.

Вириата.

Моими чувствами не пыл любовный правит.

Вовек он их себе на службу не поставит.

Я одного хочу — свою умножить власть,

И не поработит меня слепая страсть.

В Сертории люблю я гений полководца,

Что со вселенной всей помог ему бороться,

И лавр, обвившийся вокруг его висков,

И взор, который страх вселяет в смельчаков,

И длань, путем побед ведущую дружины.

На солнце доблести невидимы седины.

Дивясь достоинствам, не смотришь

на года.

Кто всемогущ, тот мил нам, женщинам, всегда.

Фамира.

Но неужели нет меж нашими царями,

Тебе немилыми твоими женихами,

Таких, кого себе могла б ты ровней счесть,

В ком и достоинства, и мощь, и доблесть есть,

И кельтиберский царь, иль, скажем, турдетанский{162}

Не в силах управлять державой лузитанской?

Вириата.

Да, в силах, если б ей грозил сейчас не

{162} Комментарии: 2.162

К стр. 488

Кельтиберский царь — то есть вождь кельтиберов, племени, населявшего центральную часть Пиренейского полуострова. Кельтиберы, видимо, явились результатом смешения коренных жителей иберов с пришедшими на полуостров кельтами. Кельтиберы оказывали большую помощь Серторию в его борьбе с сулланским Римом.

...турдетанский... — Турдетане, древнее иберийское племя, населявшее юго-восточную часть Пиренейского полуострова и обладавшее к моменту прихода римлян развитой культурой и зачатками государственности.

Рим,

А лишь какой-нибудь царек, подобный им.

Но властен только Рим нас защитить от Рима,

И римлянина взять должны себе в цари мы,

Коль скоро жаждем ход событий изменить

И в нашу сторону весы судьбы склонить.

Едва лишь алчный Рим, владыкой мира ставший,

Взял под руку свою наш край, ярма не знавший,

Все иберийские цари до одного —

Рабы под именем союзников его,

И всякий раз, когда они восстать дерзали,

В неволе страны их все глубже погрязали.

Чего добились тем, что подняли мятеж

Непобедимые и славные допреж

Мандоний доблестный, Индибилис бесстрашный?{163}

Того, что в первой же погибли рукопашной.

На что уж Вириат, мой предок, был велик,

Но и его разгром в конце концов постиг.

Хоть в десяти боях он вражьи смел отряды,

Трех преторов пленил, сто раз отбил осаду, —

Взошла Сервилия счастливая звезда

И Вириатова затмилась навсегда.

Великий этот царь утратил жизнь в сраженье,

И не избег его народ порабощенья,

И Рим досель бы нас тиранил, если б нам

В лице Сертория вождя он не дал сам.

С тех пор как править стал изгнанник этот нами,

{163} Комментарии: 2.163

Мандоний, Индибилис — братья, вожди испанских племен. В период войн, которые вел Рим на территории Испании (II в. до н. э.), они то становились на сторону римлян, то оказывали помощь их врагам.

Мы всюду верх берем над римскими войсками,

И вот уж десять лет бессильны нас смирить

Те, что себе весь мир сумели покорить,

А ныне, трупами Испанию усеяв,

Скрываются от нас под сенью Пиренеев.

Не будь Сертория, все было бы не так.

У нас царек царьку всегда заклятый враг

И никогда ничье главенство не признает.

Фамира.

Но как же римлянин себе их подчиняет?

Вириата.

Он притворяется их ровней — не главой,

И вслед за ним они идут послушно в бой,

Под знаменем его сулланцев побеждая,

Но независимость для виду соблюдая

И убеждая в том себя и остальных,

Что он не властелин, а лишь союзник их.

Фамира.

На это не могу я возразить ни слова

И возраст извинить в Сертории готова,

Но и над ним, хоть он путем побед идет,

Победу скоро смерть одержит в свой черед,

И ты…

Вириата.

Тем более должна я торопиться,

Женою став ему, у власти укрепиться;

Когда ж прервется жизнь супруга моего,

Защитой станет мне блеск имени его.

Коль трон свой возведу я на такой опоре,

Не пошатнется он в тягчайшем бранном споре.

Серторий ста царей полезнее для нас.

Но мы наш разговор в другой продолжим раз.

Явился римлянин.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Серторий.

Серторий.

Покажется, наверно,

Моя настойчивость нескромностью чрезмерной.

На слишком многое решаюсь я дерзнуть,

Прося, чтоб в сердце ты дала мне заглянуть.

Вириата.

Открыто у меня оно, и может каждый

Прочесть там то, что я сказать боюсь, хоть жажду.

Для этого одно — глаза ему нужны.

Серторий.

И все ж там кое-что мы прояснить должны.

Любой ваш царь тебе мечтает стать супругом,

Но общею судьбой мы связаны друг с другом,

И я молю, чтоб нас ты приняла в расчет,

Когда о выборе речь для тебя зайдет.

Подумай, как твой брак нас поступать принудит,

Коль избранный тобой супруг коварен будет

Иль делу нашему окажется врагом,

А я не разучусь еще владеть мечом

И с ним…

Вириата.

Мне страх такой внушает уваженье,

Но мой народ давно в твоем распоряженье,

И стану лишь тому женой законной я,

Кого из рук твоих возьму себе в мужья.

Чтоб опасения скорей избыл свои ты,

Сам выбери его и назови открыто.

Кто наиболее надежен из царей?

Кого намерен ты взыскать рукой моей?

Серторий.

Как мужа по сердцу тебе найти могу я?

Выказываешь всем ты холодность такую,

Что я среди царей не вижу никого…

Вириата.

Я просто не люблю из них ни одного

И нахожу, что вся их спесь и притязанья —

Величью римскому смешное подражанье.

Серторий.

А если римлянин — мной избранный жених?

Вириата.

Могу ли не принять я дар из рук твоих?

Серторий.

Тогда дерзну тебе сказать, что ты любима

Тем, в ком воплощена былая доблесть Рима,

Чей сын воистину душой и телом он.

Приветлив, щедр, учтив, неустрашим, умен,

Достойный этот муж большой почет и славу

Во всей Испании стяжал себе по праву.

Короче, о тебе Перпенна возмечтал.

Вириата.

Так вот ты на кого не пожалел похвал!

А я-то думала, что можешь вслед за ними

Назвать ты лишь свое, а не чужое имя!

Как было поворот такой предугадать?

Легата ты решил в мужья царице дать.

Коль дальше так пойдет, твои центу-

рионы{164}

Себе потребуют царевен наших в жены.

Серторий.

Но…

Вириата.

Нет, поговорим с последней прямотой.

Ужели не чета друг другу мы с тобой?

Да, брак со мной сама тебе я предлагаю,

Но тем, кто равен мне, к лицу любовь такая,

И, будь уверен, я прекрасно сознаю,

На что сейчас иду в борьбе за цель свою,

А ею, повторю, не в шутку задалась я.

Мне нужен римлянин, но облеченный властью:

Будь в силах здешние цари ее стяжать,

Я б одному из них могла принадлежать.

{164} Комментарии: 2.164

К стр. 491

Центурион — командующий воинским подразделением — центурием (сотня) — в римской армии.

Но, уступив тебе, Серторий, власть на деле,

Все ж сохранить они свой царский сан сумели;

Поэтому, тебя предпочитая им,

Предпочитаю их я римлянам другим.

Быть должен взыскан тот, с кем разделю я ложе,

И властью царскою и саном царским тоже;

Но раз не может дать он все, пусть даст хоть часть —

То ли без власти сан, то ли без сана власть.

Серторий.

Высокая душа, я восхищен тобою!

Воистину блюдешь ты имя родовое:

Не будь твой выбор столь взыскателен и строг,

Честь дедов доблестных унизить он бы мог.

Но раз ты держишься, царица, убежденья,

Что в браке быть должна за ровней по рожденью,

Лишь одного из нас ты вправе им считать

И надлежит тебе женой Перпенны стать:

Потомок он царей Этрурии{165} *и Рима.*

Что до меня, чей род безвестней несравнимо,

Я скромной славою не столь уж ослеплен,

Чтоб в мыслях посягать кощунственно на трон.

Перпенну не черни, хваля меня чрезмерно,

А я тебе служить, как прежде, буду верно.

Сан твоего слуги — вот все, что нужно мне,

Чтобы одерживать победы на войне,

{165} Комментарии: 2.165

К стр. 492

Этрурия — древняя область в северо-западной Италии (современная Тоскана). Населявшие ее племена этрусков не создали единого государства и были в III в. до н. э. покорены римлянами.

И как ни слаб я, но...

Вириата.

Коль впрямь такой ты слабый,

От власти отрекись иль объясни хотя бы,

Как ты решаешься распоряжаться мной,

Не смея вместе с тем назвать меня женой,

И почему, твердя, что трон мой уважаешь,

Меня столь явственно и дерзко унижаешь,

Затем что пренебречь симпатией моей —

Обида, всех других намного тяжелей.

Итак, не рань меня почтением чрезмерным

И, если вправду быть слугой желаешь верным,

Пред волею моей смириться не страшись

И, раз я так хочу, мне мужем стать

решись.

А твой Перпенна пусть к царям свой род возводит,

Пусть даже от богов бессмертных происходит —

Лишь подчиненный он, и больше ничего.

Вовеки мужем я не изберу его.

Рим родовитости не придает значенья.

Великий Марий был незнатного рожденья

И оказался все ж единственным из вас,

Кого на консульство народ избрал семь раз.

Знай: мерить каждого особой меркой надо;

Была б безродности в испанце я не рада,

Но римлянам могу простить ее вполне,

Зане у вас не род, а доблести в цене.

А если римлянин, царям ты враг исконный,

Со мною в брак вступи как с римскою матроной:

Гражданство римское Испании дано,
Распространяется и на цариц оно.
Итак, твоею став, я при подобном муже
Любой из римлянок была б ничуть не хуже,
А ты в супружестве со мною бы обрел
Все те же выгоды и кроме них престол.
И если кем-нибудь ты побужден к отказу…

Серторий.

Я понял твой намек и отвечаю сразу,
Что Аристия…

Вириата.

Все сказала мне сполна
Про письма и свои намеренья она.
Теперь и ты свои поведай столь же смело.

Серторий.

Одна лишь у нее забота — наше дело.
А мы, чтоб от ярма Испанию спасти,
Одним путем, но врозь с тобой должны

идти.

Так взвесь, что´ выгодней, и столь же беспристрастно

Реши, что´ долг тебе и мне диктует властно.

Гнушаясь помощью, что предлагают нам,

Я как твою страну, так и тебя предам.

Но эта помощь нас погубит, вероятно,

Коль мы твоей руки лишимся безвозвратно

И коль ее, оплот и клад бесценный наш,

В дурные руки ты из ревности отдашь.

Лишь при условии, что с нами лузитаны

И нас поддержит Рим, низложим мы тирана;

Но для того, чтоб был в тебе уверен я,

Перпенну ты должна избрать себе в мужья.

В таком большом долгу сегодня у него я,

Что о его любви заговорить с тобою…

Вириата.

Допустим, ты пред ним в долгу. А предо мной?

И вправе ль ты за счет расплачиваться мой?

Не мне ль, кто был тебе опорой в дни несчастий,

Своими лаврами обязан ты отчасти?

Ужели я себя на рабство обрекла

Тем, что изгнаннику когда-то помогла?

Не обольщайся зря: приняв закон с Перпенной,

Верховной власти я взалкаю непременно

И не стерплю, чтоб тот, кто в брак со мной вступил,

А значит, стал царем, простым легатом был.

Запомни, что меня, кто мужем мне ни будет,

От замыслов моих отречься не принудят,

И я должна тебя венчать своим венцом:

Его утрачу я, коль мы с тобой порвем.

Лишь ты в Испании быть можешь властелином,

Лишь ты ее сплотишь под знаменем единым.

Но к этой цели путь один — со мною брак,

И, что бы для тебя ни сделал твой земляк,

Как с деспотом в войне тебе ни пригодился,

Он награжден уж тем, что с жизнью не простился:

Из-за больших потерь погиб бы он в борьбе,

Когда бы не примкнул в последний миг к тебе.

К тому ж идет молва — и лжет она едва ли, —

Что воины его к тебе перебежали.

По письмам судя, Рим на помощь нам придет.

Но за изгнанника восстанет ли народ?

И что за выгода, не понимаю, право,

Нам пред победою делиться с кем-то славой?

Еще один поход — и за хребет прогнать

Сулланские войска сумеет наша рать.

Так неужели тем, кто ждал спокойно в Риме,

Кричать позволишь ты, что спасены мы ими?

Зачем же умалять свои заслуги нам?

Пусть тот, кто все возмог, всем и владеет сам.

Серторий.

Порой ошибочны тончайшие расчеты.

Судьба нам не на век дарит свои щедроты.

Самонадеянны лишь те, кто не умны.

В великом замысле все мелочи важны.

Как можно рисковать тщеславию в угоду

Свободой римского и твоего народа

И, чтоб стяжать всю честь победы

лишь самим,

Не разрешать примкнуть к нам римлянам другим?

Мы, разумеется, в веках себя прославим,

Коль сами Рим и мир от деспота избавим;

Но как себя начнем корить за спесь, коль нас

Сулланцы разгромят в бою на этот раз!

К тому же как нам быть с Перпенною влюбленным?

Он мнит, что обладать достоин царским троном,

И пользуется впрямь большим влияньем здесь,

А недовольные при всякой власти есть,

И коль его задеть, дерзнет он, может статься…

Вириата.

Оставим спор. Мой долг — тебе повиноваться,

Коль согласилась стать я подданной твоей.

Вот и отдай приказ мне без пустых речей.

Пусть твой герой-легат придет для объясненья —

Начать учиться я хочу повиновенью,

А ты, коль друга так боишься оскорбить,

Побойся и со мной учтив сверх меры быть.

Серторий.

Ужель ты думаешь…

Вириата.

Не трать слова бесплодно.

Я понимаю, что тебе сказать угодно.

Уйди и мне сюда Перпенну позови.

Серторий.

С тобою говорил я о его любви,

Но если б знала ты…

Вириата.

Что знать еще мне надо?

К чему твой долгий вздох и горестные взгляды?

Серторий.

К тому…

Вириата.

Не говори мне больше ничего.

Покорней буду я, чем ты хотел того.

Серторий уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Вириата, Фамира.

Фамира.

Жестокостью своей, боюсь, он все погубит.

Вириата.

Она лишь видимость: в душе меня он любит.

Фамира.

Но он велит, чтоб ты другого избрала.

Вириата.

Нет, хочет лишь, чтоб я в обман его ввела.

Фамира.

Прости, но этого постигнуть не могу я.

Вириата.

Его соперник здесь, и с ним я потолкую.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Перпенна и Ауфидий.

Вириата.

Серторий говорит, что ты в меня влюблен,
И я убеждена, что не солгал мне он,
Но попрошу со мной, Перпенна, поделиться,
Чем ты надеешься снискать любовь царицы
И угодить ей так, чтоб стал ее венец
Тебе за преданность наградой наконец.

Перпенна.

Смиренной пылкостью, глубоким ува-

женьем,

Готовностью на все и преданным служеньем,

И чтобы доказать ей рвение мое…

Вириата.

Что именно готов ты сделать для нее?

Перпенна.

Пожертвовать ей тем, что мне всего дороже.

Вириата.

И ревности ее служить оружьем тоже?

Перпенна.

Что?

Вириата.

Полноте! Я речь о ревности веду,

Имея не любовь — политику в виду.

Честолюбива я, и для моей гордыни

Невыносима мысль, что устремляет ныне

Другая взор на трон, принадлежащий мне,

И первой хочет стать в моей родной стране.

Серторию теперь послушны лузитаны,

И возношу богам хвалу я неустанно

За то, что власть свою передала ему —

Приносит пользу он народу моему.

А ревность тут при том, что званья своего я

Лишусь, коль вступит он в супружество с другою.

Хоть к Аристии страсть отнюдь не движет им,

Ему за этот брак окажет помощь Рим.

Спровадь изгнанницу отсюда поскорее —

Достаточно хлопот доставлено нам ею;

Пусть край иной своим присутствием почтит,

И больше мне глаза ее не колет вид.

Довольно в мире стран, где приютиться можно.

Перпенна.

Хотя покорствовать тебе я рад неложно,

Ее отъезд тебя не выручит никак:

Ведь волен и с другой вступить Серторий в брак.

Не все ль тебе равно, супругом Аристии Иль…

Вириата.

Словопрения здесь ни к чему пустые:

В чем нынче есть нужда, то нынче совершим,

А как заутра быть — заутра и решим.

Пусть время будет нам наставником, Перпенна.

Итак, я в ревности призналась откровенно.

Поможешь ли ты мне?

Перпенна.

Вопрос излишен твой.

Коль ты велишь, прощусь я даже с головой.

Но вправе ль тешить я себя надеждой слабой,

Что этим заслужу приветный взор хотя бы,

Что ты сочувственно…

Вириата.

Умерь ненужный пыл.

Мечтами увлечен, ты слишком заспешил.

Конечно, буду я такой услуге рада,

Но за нее сама определю награду

И не забуду долг отдать в свой день и час.

Довольно этого с тебя на первый раз.

Прощай!

Вириата и Фамира уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Перпенна, Ауфидий.

Ауфидий.

Тебя в обман они ввели лукаво.

Серторий сам сказал: ей он — не ты по нраву.

Его уступчивость — лишь способ взять свое.

Царица же с тобой…

Перпенна.

Ах, не брани ее!

Ей службу сослужить она мне разрешила,

Чем вдвое большую любовь к себе внушила.

Ауфидий.

Ужель не видишь ты, что, помогая ей,

Себе же повредишь услугою своей

И лишь соперника вернуться к ней заставишь,

Коль Аристию вновь в изгнание отправишь?

Перпенна.

А все ж попробуем стяжать ее любовь.

Что за беда, коль чуть поздней про-

льется кровь?

От лишних двух-трех дней нам ничего не станет.

Итак, рискнем — и пусть надежда нас обманет.

Ауфидий.

Но…

Перпенна.

Не перечь мне зря и втуне слов не трать.

Подумаем о том, как римлянку услать.

Царице угодить — вот вся моя забота…

Но въехал, кажется, Помпей уже в ворота.

За мною! Гостя мне Серторий приказал

Принять и проводить с почетом в этот зал.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Серторий, Помпей, свита.

Серторий.

Вот не подумал бы, смотря на вещи здраво,
Что перемирие мою умножит славу
И в дни затишья те, кем в дни боев я чтим,
Проникнутся ко мне почтением двойным!
Не лгут ли мне глаза? Поверить я не смею,
Что вижу у себя великого Помпея,
И жду, что объяснит он, оказавшись здесь,
За что мне оказать решил такую честь.

Помпей.

Причин тут две, и рад я изложить их

буду

При том условии, что все уйдут отсюда.

Да, наши партии воюют меж собой,

Но чувство чести в нас не выжжено враждой.

Поскольку доблесть так и в недруге прекрасна,

Что даже ненависть затмить ее не властна,

Должны мы уважать врага, коль скоро он

Великодушен, щедр, бесстрашен и умен.

Вот почему того, кем я в науке ратной

Далеко превзойден бывал неоднократно,

И захотелось мне увидеть не в бою,

Где смело он ведет к победе рать свою

И, поднимая меч иль дротик изощренный,

Бросает грозный взгляд на наши легионы.

Годами молод я, но столько побеждал,

Что от таких удач спесив иной бы стал,

Но истым храбрецам тщеславиться невместно,

И я не постыжусь тебе признаться честно,

Что ты, меня громя, мне лучший дал урок,

Чем тот, что из своих побед извлечь я мог.

Ты делаешь — и я учусь, как делать надо.

Во всем — будь то удар, охват, обход, осада,

Разбивка лагеря, начальников подбор —

Примером служишь ты мне с некоторых пор.

О, если б мог вернуть республике тебя я!..

Как ей столь щедрый дар я поднести мечтаю,

Как был бы рад, коль в Рим помчался б по волнам

Сейчас, когда досуг дан перемирьем

нам,

И самолично бы уведомил столицу,

Что мнишь ты с Суллою Счастливым помириться!

Ужель сочувствия не встретил бы я в нем,

А ты б ко благу всех не уступил кой в чем?

Серторий.

Мне облегченье бы доставил ты большое,

Когда бы до конца был римлянин душою.

Но спор отложим. Дай учтивостью сперва

Ответить на твои учтивые слова.

Всем тем, за что меня хвалою награждаешь,

Ты сам по милости бессмертных обладаешь

И в этом убедил уже тогда весь свет,

Когда уверенно пошел путем побед

И получил триумф{166} еще юнцом зеленым,

Не бывши в должностях, предписанных законом.

А если верх я брал порою над тобой,

Тому причиною года и опыт мой,

И подчинять себе я научился лучше

Характер местности иль подходящий случай.

Приходит с возрастом уменье побеждать,

И коль урок тебе возмог я преподать,

В свой час научишь ты искуснее трикраты

Других тому, чему обучен был когда-то,

И за труды тебе достойно воздадут

Те, что со временем на смену мне при-

{166} Комментарии: 2.166

К стр. 501

…получил триумф… — то есть удостоился высших воинских почестей. Триумфом назывался торжественный въезд победителя в Рим на специальной золоченой колеснице. Перед ней несли трофеи и вели пленных, за колесницей шли воины. Решение об устройстве подобного триумфального шествия выносил Сенат, выслушав за пределами городских стен отчет полководца, который до решения о триумфе не мог вступить в город.

дут.

Что же до Суллы, с ним мириться я не стану.

Я показал тебе, как укрощать тирана,

И коль удастся мне в решительном бою

Заставить за хребет вернуться рать твою,

На Рим вослед тебе немедленно пойду я

И без посредника там с Суллой потолкую,

Оружьем у него потребовав отчет

Во всем, на что обрек он гордый наш народ.

Помпей.

Я вижу, хочешь вновь ты дать урок Помпею,

Но будет в этот раз тебе куда труднее,

Затем что у тебя прилежный ученик:

На горьком опыте он кое-что постиг.

Серторий.

Мне облегченье бы доставил ты большое,

Когда бы до конца был римлянин душою,

Как я уже сказал.

Помпей.

Суровому бойцу

Твердить сто раз одно и то же не к лицу,

И хоть я полн к тебе такого уваженья,

Что тщусь речам твоим внимать без раздражения,

Никак не взять мне в толк, ведешь ты их к чему.

Серторий.

Да, к правде слух склонять не любо никому,

Но мне ты сам, услав свидетелей мгновенно,

Дал право говорить с тобою откровенно,

И я намерен так осуществить его,

Как будто на земле нет Суллы твоего.

За римлян мнить себя пристало тем едва ли,

Кто цепи для владык вселенной откова-ли.

Мы властвовали бы по-прежнему над ней,

Когда б не Сулла твой, когда б не ты, Помпей,

Был выше, чем цари, последний между нами;

Теперь последними мы стали меж ра-бами,

И лишь ввергает нас в пучину новых бед

Блеск Суллой и тобой одержанных по-бед.

Так вам ли — извини, но повторю еще я —

Считать, что до конца вы римляне душою?

Вы этим именем обязаны отцам,

Но ревновать о нем побольше б надо вам.

Помпей.

А я и так о нем без устали ревную,
Мечтая возродить республику былую.
Зря судишь по руке ты о душе, герой:
Не то, чего хотим, мы делаем порой.
Где спор затеяли две партии о власти,
Там каждый вынужден в борьбе принять участье,
А вот чью сторону в раздоре он берет,
Решают за него случайность иль расчет.
Но сделан правильно наш выбор или ложно,
Мы честь свою навек погубим безнадежно,
Вождю, которому служили, изменя.
Еще при Марии вел Сулла в бой меня,
И с ним останусь я, пока по воле рока
Междоусобица терзает Рим жестоко.
Мне сердца своего не открывает он,
Но строго будет мной пред всеми осужден,
Коль замыслы его для родины опасны.
Ему моя рука, а не душа подвластна.

Иду я не за ним — за счастием его,

Но вольность воскресить хочу сильней всего,

А сохранить стремлюсь свой сан и положенье,

Дабы в зародыше пресечь поползновенья

Кого-нибудь из тех, кто долг не склонен чтить,

По смерти Суллы Рим опять поработить.

Итак, вот цель моя; свою и сам ты знаешь.

Серторий.

Но волю деспота ты все же выполняешь,

А так как судим мы о ближних по делам

И мысли их читать дано одним богам,

Страшит нас твой пример: что, если он в народе

Угасит навсегда стремление к свободе

И ты всем тем, что здесь для Суллы совершишь,

Желанье власть его отдать тебе внушишь?

Мной уважаем ты, и я охотно верю,

Что вольность возродить ты жаждешь в полной мере,

А значит, до конца правдива речь твоя;

Но для людей, не столь доверчивых, как я,

Ты — тот, кто потому тирану помогает,

Что стать тираном сам в свой срок предполагает;

Кто в Риме для того поддерживает гнет,

Чтоб жить под ним привык запуганный народ;

Кто в Сулле спесь раздуть старается незримо,

Чтоб вызнать, велико ль долготерпенье Рима.

Помпей.

Докажет время всем, что эти люди лгут.

Но как ты объяснишь то, что творится тут?

Не сетуй, коль, твоим примером вдохновенный,

Заговорю и я с тобою откровенно.

Как ты, о ближних я сужу лишь по делам,

Раз мысли их читать дано одним богам.

Так вот, не то же ли ты здесь, что Сулла в Риме?

Не так же ль властвуешь над всеми остальными?

Его диктатором зовут, тебя — вождем,

Но между вами нет различия ни в чем.

Коль власть равна, оно — лишь в имени, не боле.

Как Сулла, ты другим свою диктуешь волю,

И не опасней впасть в немилость у него,

Чем не послушаться приказа твоего.

Возможно, если тем, чем были вы, я

буду,

Мне встать на тот же путь придется, но покуда...

Серторий.

Покуда время дай себе поразмышлять

И Сулле не спеши меня уподоблять.

Не сам я, а сенат здесь издает законы;

Не вывешен нигде мной лист проскрипционный;

Мне враг лишь тот, кто вред республике чинит;

Мой меч разит в бою, а не тайком казнит;

Внушает власть моя не страх, а уваженье.

Любовь племен ко мне — залог их подчиненья.

Помпей.

Вот потому и стал опасен ты вдвойне,

Что доблестью любовь внушаешь всей стране;

Что ей понравился, хоть вверг ее в оковы;

Что добровольно их влачить она готова

И что отвоевать свободу тем трудней,

Чем равнодушнее народ душою к ней.

Вот как считают те, в ком нет к тебе доверья.

Но спорить не хочу об этом всем теперь я,

Равно как и о том, не слишком смело ль все ж

Толпу изгнанников сенатом ты зовешь.

Опять спрошу тебя: ужель я в самом деле

Отрадной вести в Рим не привезу отселе?

Как осчастливили б сограждан мы своих,

Когда б вернулся к ним земляк великий их!

Родные стены вновь увидеть так приятно!

И голосом моим зовет тебя обратно

Рим, город наш...

Серторий.

Не Рим, а мерзостный притон,

Где всем и каждому тираном страх внушен,

А стены — лишь ряды надгробий, обагренных

Невинной кровью жертв проскрипций беззаконных.

Твердыни славные далекой старины,

Они теперь в тюрьму и склеп превращены.

Там больше римлян нет: кто так достоин зваться,

Те за´ морем должны от Суллы отбиваться,

А так как все сполна они — мои друзья,

Не в Риме Рим сейчас, а только здесь, где я.

И все же мир готов я заключить охотно,

Но ведом мне к нему один лишь путь почетный:

Давай усилия свои объединим —

И деспот сложит власть, и нас поддержит Рим.

Докажем этим мы свою любовь к отчизне:

Тем, кто душой высок, она милее жизни,

И горше нет судьбы, чем собственной рукой,

Как мы с тобою, кровь сограждан лить рекой.

Помпей.

Тебя твой замысел прославит несомненно,

С моей же стороны подобный шаг — измена.

Да и могу ль я, вождь, идти под твой начал?

Серторий.

О том, чтоб стать вождем, я даже не мечтал

И уступлю тебе без спора это званье:

Мной не тщеславные руководят желанья.

Для дела общего мне нужен наш союз,

И в нем я быть твоим легатом соглашусь.

Помпей.

Тебе уже нельзя другому подчиниться.

Власть за тобой всегда и всюду сохранится:

Вождем останешься при имени своем

Ты в должности любой и звании любом.

Я знаю путь иной: им более надежно

Спасти отечество от диктатуры можно,

Да Сулла от нее отрекся бы и сам,

Когда б не угрожал ты здесь войною нам.

Сложи оружие, и Рим свободен снова,

В чем я тебе даю без колебаний слово.

Коль впрямь ты римлянин, исполни мой совет.

Серторий.

Мне обольщать себя надеждой смысла

нет.

Меня посулами ваш деспот не обманет:

Я знаю, что другим он никогда не станет.

А ты, чье сердце им разбито для того,

Чтоб не перебежал ты к недругам его…

Помпей.

Вот здесь, увы, ты прав, и отрицать не стану,

Что я ему простить не в силах эту рану.

Он с Аристиею моей развел меня,

А мне она мила до нынешнего дня.

Без устали скорблю я о своей потере

И поблагодарить хочу по крайней мере

Тебя за то, что ты защиту и приют

Из сострадания дал Аристии тут.

Серторий.

Открыто помогать страдалице безвинной

Есть первый долг того, кто мнит себя мужчиной.

Я больше сделаю: я дам супруга ей.

Помпей.

О боги! Кто ж он?

Серторий.

Я.

Помпей.

Ты — муж жены моей?

Но как же так? Мы с ней сроднились с малолетства.

Не Сулла ты, а в ход пускаешь те же средства.

Не подражай ему: несчастен слишком я,

Чтоб знать, что за другим любимая моя.

Серторий *(вошедшей Аристии).*

Входи! Еще вольна ты изменить решенье,

А не изменишь — дай Помпею подтвержденье,

Что замуж за меня сама, добром идешь

И что его слова о принужденье — ложь.

Помпей.

Она! О небо!

Серторий.

Вас вдвоем я оставляю,

И знай: доныне в ней жива любовь былая.

Верни себе свое, иль я не виноват,

Что мне достанется тобой забытый клад.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Помпей, Аристия.

Помпей.

Ужели правду здесь услышал я?

Аристия.

Конечно.

Как все, плачу и я по слабости сердеч-

ной

Любовью за любовь, а за вражду — враждой,

Хоть гордость женская и служит им уздой.

С любовью-то она справляется прекрасно,

Но над враждой отнюдь не столь же полновластна,

И ненависть моя слабей подчас бурлит,

Чем я того хочу и чем мне долг велит.

Помпей.

Нет, ненависть ко мне в тебе не умалилась,

И не желаешь ты ни снять с меня немилость,

Ни оправдание найти моей вине.

Аристия.

Ужель не видишь ты, как это тяжко мне?

Любовь моя к тебе под спудом долга тлеет.

Лишь искру взгляда брось — и пламя заалеет.

Я чувствую, как гнев, что ты в меня вселил,

Дрожит, шатается и падает без сил.

Ты любишь все ж меня?

Помпей.

Уж лучше б ты спросила,

В живых я иль уже успел сойти в могилу,

Затем что без любви к тебе мне жить не в мочь!

Аристия.

Ревнивая тоска, уйди из сердца прочь!

Прочь, злое детище досады и унынья!

Твоим внушениям не верю я отныне,

Не помню с этих пор ни боли, ни обид.

Отвергнут новый брак, Серторий позабыт.

Вновь обретя любовь великого Помпея,

Я вновь принадлежу ему душою всею.

Серторий позабыт. Но не молчи, су-

пруг,

Излиться дай тому, что ты вернул мне вдруг.

Серторий позабыт. Увы, молчишь ты снова

И об Эмилии не говоришь ни слова.

Ревнивая тоска, опять мной овладей!

Дочь возмущения и гордости моей,

Я верю лишь тебе, и пусть Помпей двуличный

Не мыслит ненависть во мне смягчить вторично.

Он укрепил ее. Серторий мой, сюда!

Он сам связал меня с тобою навсегда,

Пусть брака нашего свидетелем и станет —

Картина эта в нем увядших чувств не ранит,

А Сулла, услыхав о черствости его,

За твердость наградит клеврета своего.

Помпей.

Им опозорена не ты одна — мы оба,

А разлюбить тебя не властен я до гроба,

И ты, коль вправду был тобою я любим,

Гневись, но не вступай в супружество с другим,

Страдай и ненавидь, но будь женой мне все же,

Покуда не смежишь глаза на смертном ложе.

Стар Сулла, да и хвор. От власти в свой черед

Он иль уже ушел, иль вскорости уйдет:

Сил у него влачить такое бремя нету.

Как и Серторий, знать должна ты новость эту.

Итак, гневись и мни меня врагом своим,

Но только не вступай в супружество с другим.

Не будь ничьей, иль быть твоим мне помешаешь.

Аристия.

Но разве ты любовь с другою не вкушаешь?

Помпей.

Нет. Мне Эмилия лишь потому жена,
Что Суллой к этому была принуждена.
Но деспот, разведя ее с другим супругом,
Не разорвал обет, связавший их друг с другом.
Она несет в себе плод их любви, хоть он
И будет у меня в дому на свет рожден.
Мы с нею состоять принуждены в законе,
Но только о своем бесценном Глабрионе{167}
Мечту она таит в душевной глубине
И лишь по имени женою стала мне.

Аристия.

Но имя для таких, как я, всего важнее.
Вот ты и возврати мне то, что взято

{167} Комментарии: 2.167
К стр. 509
Глабрион, Маний Ацилий — римский политический деятель.

ею.

Ты нежностью своей меня пленил навек,

Но выше я стою любовных ласк и нег,

И жизнь не будет мне ни в тягость, ни в обиду,

Лишь если к предкам я женой Помпея сниду

И люди на моем надгробии прочтут,

Что ею все равно я остаюсь и тут.

Мечту об этом я всегда в себе носила;

На краткий миг — и то расстаться с ней нет силы.

Иль деспоту, ее отнявшему, воздай,

Иль мщенья моего с ним вместе ожидай.

Хоть Суллой ввергнута я в бездну униженья,

Мне новый брак вернет былое положенье.

Я лишь к тебе любовь, как встарь, в душе таю,

Но нужен мне супруг, что честь спасет

мою,

Супруг прославленный и столь повсюду чтимый...

Помпей.

Нет, не переставай любить и быть любимой!

Возможно, недалек уже заветный час,

Когда соединит судьба вторично нас.

Терпенье прояви и стойкой будь в несчастье.

Дай Сулле умереть иль распроститься с властью...

Аристия.

Ты хочешь мне внушить, что выждать есть расчет,

Пока раскается диктатор иль умрет?

Выходит, уступить сопернице должна я

То место, что в дому супруга занимаю,

И отомстить смогу тирану лишь тогда,

Когда он сам уйдет от власти навсегда?

Помпей.

Но что до этого я сделать в состоянье?

Аристия.

Вслед за супругою отправиться в изгнанье,

Поднять свои войска и, в Рим вернувшись с ней,

Мир принести туда на остриях мечей.

Все по плечу тебе и римским легионам,

Лишь здесь, в Испании, впервые побежденным;

А коль с Серторием ты будешь заодно,

Погибнуть деспоту и вовсе суждено.

Помпей.

Совет, что дан тобой, я нахожу негодным.

Сменить хозяина не значит стать свободным.

Серторий — твой оплот; но, с ним вступив в союз,

Я под его начал тем самым отдаюсь.

Лишь вознесу его я, слив две наши рати,

Что́ подтвердить тебе Перпенна мог бы, кстати.

Да, подчиненный я, но мой начальник там,

Откуда медленно идут приказы к нам

И потерять свое значенье успевают

Быстрее, чем сюда из Рима прибывают.

К тому ж недолго мне диктатору служить:

Как я уже сказал, он власть решил сложить,

И мне сейчас нельзя быть изгнанным из Рима,

Иначе погублю я сам непоправимо

Свободу, что хочу отечеству вернуть, —

Там Суллу без меня заменит кто-нибудь.

Нет, коль тебе я люб, в чем быть уверен вправе,

Твоя любовь мешать моей не станет славе,

И согласишься ждать ты дня, когда судьбой

Мне будет вновь дана возможность жить с тобой.

Аристия.

Коль движет страсть тобой, а не расчет лукавый,

Спасая честь мою, поступишься ты славой.

Но нам с тобою длить бесцельный спор не след.

Желаешь ты, чтоб я вернулась, или нет?

Ответь же мне: кому владеть отныне мною?

Серторию ль? Тебе ль, кто звал меня женою?

Довольно взвешивать, довольно торг вести.

Верни свободу мне иль узы возврати.

Помпей.

Знай, перемирие из-за тебя прервется:

Ваш брак оружием расстроить мне

придется

И у соперника затем тебя отбить,

Чтоб самое себя не дать тебе сгубить.

Аристия.

Отстаивать свое умеет и Серторий.

Помпей.

Заплатит за тебя недешево он вскоре.

Поскольку мир теперь меж нами исключен,

Лишь устранив меня, тебя удержит он.

Клянусь бессмертными, что, коль уйдешь к нему ты,

Его лишь смерть моя спасет от смерти лютой,

И если, может быть, друг друга мы убьем,

Твое тщеславие виновно будет в том.

Аристия.

Нет, для себя не жду я столь великой чести.

Есть у тебя дела и поважнее мести.

Победы новые, за коими опять
Ты скоро поведешь в края иные рать,
Любовь к Эмилии, тирана порученья,
Честолюбивые мечты о возвышенье,
Желанье тайное свободу дать стране —
Все отвлечет тебя от мыслей обо мне.
К тому же твой пример людей великих учит,
Как узы брака рвать, когда они наскучат,
И стоит, видимо, такой урок того,
Чтоб миру целому ты преподал его.

Помпей.

Довольно! Вновь клянусь, что дольше унижаться...

Аристия.

Как! Разве принято на правду обижаться?

Помпей.

Не забывай: твой муж и повелитель я.

Аристия.

Ты это помнишь? Вот тебе рука моя.

Помпей.

Оставь ее за мной, покуда не смогу я…

Аристия.

Чтоб ты тем временем считал женой другую

И в Риме честь мою позору предавал?

Нет, пусть бессмертные, к которым ты воззвал,

Назначат кару мне, коль я останусь верной

Тому, кто от меня отрекся лицемерно.

Помпей.

Что делаешь ты?

Аристия.

То, что ты содеять смог.

Помпей.

Любовью пренебречь!

Аристия.

Но ты же пренебрег.

Помпей.

Победу одержав, сойдусь я вновь с тобою.

Аристия.

Лишь ненависть мою она усилит вдвое.

Помпей.

Ужели вправду стать ты можешь мне чужда?

Аристия.

Должна.

Помпей.

Итак, прощай до завтра!

Аристия.

Навсегда!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Серторий, Фамира.

Серторий.

Могу ли видеть я царицу?

Фамира.

Нет покуда,

Но я тем временем с тобою здесь побуду,

А там, глядишь, сюда пожалует она.

Серторий.

Не скажешь ли ты мне, какое же склонна

Она решение принять насчет Перпенны?

Фамира.

Со мною госпожа не слишком откровенна,

Но полагаю я, что, раз ты сват его,

Должно окончиться успехом сватовство:

Над нею властен ты.

Серторий.

Но властен слишком мало,

Коль впрямь она его на горе мне избрала,

Иль властен чересчур, что´ тоже ни к чему.

Фамира.

Тебе в угоду так она добра к нему!

Серторий.

В угоду мне?

Фамира.

Тебе. Иль это огорчает

Тебя, который ей презреньем отвечает?

Серторий.

Презреньем никогда именовать не смей

Благоговейное мое почтенье к ней.

Фамира.

Почтение, когда оно так безгранично,
В нас равнодушием порождено обычно,
И пылкость дерзкая, на мой, к примеру, взгляд,
Милей холодного смирения стократ.

Серторий.

То, что под ним я скрыл, могло б остаться тайной,
Когда бы чувств моих не выдал вздох случайный,
Но госпожа твоя увлечена другим
И вздоху не вняла, вняв доводам моим.

Фамира.

От римлянина здесь никто не слышал вздоха.
Вот почему и твой царицей понят плохо.
Попробуй смысл его словами изложить —
И переводчицей готова я служить.
Да, страсть у нас порой во вздохах из-

ливают,

Но в Риме варварским народ наш называют,

И сердца нашего бесхитростный язык

Чужд и убог для тех, кто властвовать привык.

Так до любви ль тебе, в чьей длани судьбы мира?

Серторий.

Я хоть и римлянин, но человек, Фамира.

И так, увы, люблю, годам наперекор,

Как не любил никто, быть может, до сих пор.

Попытки справиться со слабостью сердечной

Лишь доказали мне, что слаб я бесконечно.

Политика и страсть рвут в яростной борьбе

На части разум мой, и жалок я себе,

И сам с собой могу лишь потому мириться,

Что жив надеждами на доброту царицы.

Но если...

Фамира.

Господин! Она добра весьма,

Но сводят скорбь и гнев ее сейчас с ума,

И надлежит тебе — не стану притворяться —

Надежды не терять, но и остерегаться.

Не трать же время зря и сил не пожалей,

Покамест не тверда еще решимость в ней...

Вот и она сама. Моим советам следуй,

Но только ей о том, кто дал их, не поведай.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Вириата.

Вириата.

Я слышала, Помпей жену здесь повстречал,

Но замыслы ее успех не увенчал.

Так это или нет?

Серторий.

Да, так, но, к сожаленью,

Ее покинув, к ней он сохранил влеченье

И перемирие нарушит, коль в мужья

Впрямь Аристией взят сегодня буду я.

Вириата.

Но, как могу судить, встревожен ты не очень.

Серторий.

До этого ли мне? Другим я озабочен.

Как смотришь ты на брак с Перпенною сейчас?

Вириата.

Готова точно я исполнить твой приказ,

Да надо б и тебе воспользоваться разом

Тем, что Помпей жене ответствовал отказом.

Тогда мы завтра же могли бы вчетвером

Навек себя связать пред брачным алтарем,

Пусть даже вспыхнет вновь война меж граждан Рима

И ревность обострит вражду неизмеримо.

Серторий.

И завтра ж ты могла б…

Вириата.

Не завтра — через миг.

Кто повинуется, тот медлить не привык:

Безотлагательность и точность исполненья —

Примета первая и знак повиновенья.

Серторий.

Но просьбы и мои отринуть не грешно.

Вириата.

Приказ я видеть в них приучена давно:

Язык всесильного, прося, повелевает.

К тому ж Перпенну страсть ко мне обуревает.

Он рода царского, хоть римский гражданин,

И сватает его наш общий властелин.

Так почему б мне с ним не поделиться троном,

Лишь милостью твоей за мною сохраненным?

Серторий.

Итак, я обречен немедля смерть принять,

Как постаралась ты сейчас мне дать понять.

Чтоб римлянин обрел в тебе жену и счастье,

Он должен обладать в стране верховной властью,

А так как к ней при мне Перпенне не прийти,

Преградой сделался я на его пути

И, только умерев, ему очищу место

И в ратном лагере и в сердце у невесты.

Что ж, покориться я готов своей судьбе:

Меня достойней он, коль скоро мил тебе.

И пусть в тот миг, когда я смерть без жалоб встречу…

Вириата.

Но раньше не взыщи, коль я тебе замечу,

Что с женщиной не друг на языке обид,

А неудачливый поклонник говорит.

Ты сетуешь, что я вступаю в брак с Перпенной,

Ведешь об этом речь с досадой откровенной,

Как будто впрямь влюблен в меня.

Серторий.

У ног твоих

Осталось умереть мне после слов таких.

Охотней предпочту жизнь за тебя отдать я,

Чем знать, что приняла другого ты в

объятья.

Вот и суди, какой меня постиг удел

За то, что подавить я страсть в себе посмел,

Хоть полюбить тебя и старцу не зазорно.

Мысль о тебе прогнать я силился упорно

И убеждал себя, сгорая со стыда,

Что ждать взаимности смешно в мои года;

Когда же увидал, что унывал напрасно,

Что женихам-царям ты внемлешь безучастно,

Во мне затеплился огонь надежды вновь,

И я уже решил открыть свою любовь,

Как Аристия вдруг мне руку предложила.

Нет, голову отнюдь мне это не вскружило,

Но я считал, что тот, кто вознесен судьбой,

Обязан жертвовать отечеству собой.

К тому ж в любви к тебе Перпенна мне открылся,

И с участью своей я было примирился,

Мня, что недорого за это поплачусь, —

Украдкою вздохну, немного огорчусь

И утешенье в том найду себе, что всюду

Вождем и другом слыть великодушным буду.

Но понял я, когда последний миг настал,

Что я куда слабей, чем сам себя считал.

Сдаюсь я, госпожа, и снова повторяю,

Что и судьбу свою и жизнь тебе вверяю.

Перпенну любишь ты?

Вириата.

Тебе покорна я,

Но не изведала любви душа моя,

И чувство, что во мне ты возбуждаешь ныне,

Есть порождение не страсти, но гордыни.

Ты мною, как и твой Перпенна, не любим.

Мне не возлюбленный, а муж необходим,

Но лишь такой, с кем я стяжаю в браке славу,

Упрочу свой престол и укреплю державу,

В ком вся Испания защитника найдет

И кто со мной продлит мой венценосный род.

Им мог бы сделаться ты для меня бесспорно,

Когда б сопернику не уступил позорно

И с разведенной брак не стал тебе милей,

Чем с той, кто для тебя отвергла сто царей.

Но рада все забыть и все простить тебе я.

Меня ты любишь?

Серторий.

Но любви просить не смею.

Вириата.

Посмей — и тотчас я Перпенне откажу,
И браком завтра же себя с тобой свяжу.

Серторий.

Как осчастливило б такое обещанье
Того, кем двигают лишь страстные желанья
И для кого важна одна любовь его,
Твое ж величие не значит ничего!
Но если можешь ты мне и простить обиду,
Не вправе ни на миг я упускать из виду,
Что долг мой — твой престол над всеми вознести.

Вириата.

Не значит ли «простить» в твоих устах «уйти»?

Серторий.

Нет, это значит лишь «не оглашать прощенье».

Вириата.

Однако я как раз и жажду оглашенья.

Серторий.

Поверь, не следует событья торопить,
Чтоб этим на мятеж Перненну не подбить.
Ему, до времени его не беспокоя,
Увлечься надо дать красавицей другою,
А с Аристией брак искусно оттянуть.
Дабы ее друзей от нас не оттолкнуть.
К тому ж для нас, коль я порву с ней, горделивой,
Потерян и Помпей, супруг ее ревнивый,
Который к нам сейчас готов примкнуть, боясь,
Чтоб с ней я не вступил в супружескую связь.
Удастся ль нам, неся столь тяжкие потери,
Вернуть отечеству свободу в полной

мере?

Простит ли Рим, что мы пренебрегаем им?

Вириата.

А что мне в том, счастлив или несчастен Рим?

Чем наградит меня он за свою свободу?

Всего лишь званием «друг римского народа»{168}*,*

И мне, став консулом, начнешь ты тут же сам

Законы диктовать, как остальным царям.

Нет, если вправду ты влюблен в меня, Серторий,

Стать нашим замыслам должно пределом море,

И незачем тебе менять на Авентин

Испанию, где ты сегодня властелин.

Оставь в покое Тибр — с тебя довольно

{168} Комментарии: 2.168

К стр. 519

«Друг римского народа». — Это имя, считавшееся римлянами почетным, давалось ими вождям покоренных племен.

Тага{169}.

Свобода там, где всем она дана, — не благо,

Но сладостно себя свободным сознавать,

Когда удел других — в оковах изнывать;

Когда твоей стране, ярмо с себя сорвавшей,

Дивятся пленный Рим и Ро́дан{170}*, в рабство впавший;*

Когда все племена твой край родимый чтят

За вольнолюбие его отважных чад.

А что касается столь грозного Перпенны,

Сговорчив у меня он станет непременно:

Умею укрощать людей великих я.

Серторий.

Едва ли даст плоды настойчивость

{169} Комментарии: 2.169
Таг — древнее название испанской реки Тахо.

{170} Комментарии: 2.170
Ро́дан — древнее название реки Рона в Южной Франции.

твоя.

Мне нрав его знаком, и я уже предвижу,

Как, отменив ваш брак, спесивца разобижу.

Нет, искушать судьбу не надо, госпожа.

Мы повод не должны давать для мятежа —

Не до него нам. Рим навряд ли примирится

С женитьбой одного из римлян на царице.

Наш брак признает он лишь при условье том,

Что мы с тобой ему свободу принесем.

Вириата.

Я думаю, что все гораздо хуже будет,

Что римляне тебя за выбор твой осудят,

Сурово заклеймят, навеки проклянут,

И потому хочу, чтоб ты остался тут.

Что в Риме делать мне? И, право ж, я не знаю…

Серторий.

Но землякам моим мила страна родная,

И льют они в боях с одной лишь целью кровь —

Скорее победить, чтоб Рим увидеть вновь.

Вириата.

Мы к Тагу прикуем легко из них любого,

Коль Рим не побудим сорвать с себя оковы.

Твое правление — не то что Суллин гнет:

Никто диктатора царю не предпочтет.

Серторий.

Обоим рать моя равно не покорится:

Главою римлян быть не может муж царицы.

Вириата.

Так пусть сподвижники твои уйдут скорей

Куда-нибудь, где нет тиранов и царей:

Сумеют и без них доделать, что нам надо,

Тобой сплоченные испанские отряды.

Я Суллу низвергать нисколько не склонна,

А к Риму вашему и вовсе холодна.

Зачем мне, в брак вступив, жить там, где у народа

Едва ль не доблестью считаются разводы,

И царский титул свой менять на сан, в каком

Ты пребываешь год, чтоб стать никем потом?

И наконец, твой Рим послал тебя в изгнанье,

А от меня видал ты лишь благодеяния.

Итак, ты не пред ним в долгу — передо мной.

Употреби же нам на пользу скипетр мой.

Блажен, кто задался мечтою величавой:

Венчает он себя и в неудаче славой.

Великий римлянин! Царем великим стань,

А коль нас гибель ждет, со мною в вечность кань:

Прекрасно умереть за то, что сердцу мило.

Серторий.

И все ж я не хочу, чтоб слишком ты спешила.

Зачем дразнить людей, завидующих мне?

Потерпим, чтобы стать счастливыми вполне.

Помедлить, чуть схитрить, двух-трех побед добиться...

Вириата.

Ты знаешь, не любовь велит мне торопиться,

Но не сердись, коль я отважусь заявить,

Что в осторожности должна граница быть.

Корону я ношу, а царь, приняв решенье,
Его не делает предметом обсужденья.
Пусть каждый о себе печется с этих пор.

Серторий.

Ах, если б гнев тебе сейчас не застил взор…

Вириата.

Коль гнев и есть во мне, тревоги он слабее:
Уверенною быть хочу в своей судьбе я.
Заутра мне изволь ответить да иль нет,
Пока ж останься с тем, кто даст тебе совет.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Серторий, Перпенна, Ауфидий.
Перпенна *(Ауфидию).*

О боги! Что уйти царицу подтолкнуло?

Ауфидий *(Перпенне).*

И что за молния в глазах его сверкнула?

Приходу нашему он, кажется, не рад.

Серторий.

Что о Помпее здесь в народе говорят?

Ты проводил его за город? Далеко ли?

Перпенна.

Нашел он свой эскорт под воротами в поле,

И дальше я решил не провожать гостей.

Но должен я просить о помощи твоей.

Бросали на меня с таким презреньем взоры…

Серторий.

Закончились ничем у нас переговоры,

Но я не виноват.

Перпенна.

Еще б! В делах таких…

Серторий.

Слагать оружие не в правилах моих,

К тому ж — не время.

Перпенна.

Так и продолжай держаться.

Долг за друзей велит нам до конца сражаться.

Серторий.

Затем твой интерес, как свой, я и блюду,

Что пострадаешь ты, коль скоро я паду.

Перпенна.

Нет спору, без тебя трудней мне будет вдвое,

Но не грозит ничто тебе сейчас бедою.

Серторий.

Я первый поплачусь, конечно, головой,

Но за Серторием черед наступит твой:

Сильней, после меня, всех прочих в нашем стане

Ты возбуждаешь страх и ненависть в тиране.

Нам нужно выждать год, а может

быть, и два.

Перпенна.

При чем же тут тиран? При чем тут голова?

Серторий.

Как так — при чем? Тебе о Сулле я толкую.

Перпенна.

А я о той, что страсть внушила мне такую.

Серторий.

Предметы разные имели мы в виду.

Я думал лишь о том, что мир сулит беду,

И потому спросил, какие слышал речи

Ты в городе насчет моей с Помпеем встречи.

Что, Ауфидий, ты проведал?

Ауфидий.

Что клянет

За неуступчивость тебя везде народ.

Помпеем пущен слух, который чернь раздула:

Мол, отрекается от диктатуры Сулла

И не подписан мир досель лишь потому,

Что из тщеславья ты противишься ему.

Уже становятся глаза и речь теплее

У наших воинов при имени Помпея,

И коль не пресечешь ты быстро ложный слух,

Боюсь, пробудится в войсках мятежный дух.

Серторий.

Чтоб не дали они уловкам вражьим веры,

Необходимые мы тотчас примем меры;

Удары ж прочие нетрудно отвести.

Перпенна.

Но почему бы нам на мир и не пойти?

Что в нем зазорного? Чем он тебя пугает?

Серторий.

А вдруг диктатор власть лишь для того слагает,

Чтоб в пурпур консульский облечь рабов своих

И Риму диктовать законы через них?

Вдруг мы, не угадав ловушку в ходе этом,

Позволим нас на смерть обречь его клевретам?

Доверчивость — вот враг, которого страшней

Нет для таких, как я, как оба вы, людей.

Когда пошли на мир с тираном мы впервые,

Им были прощены лишь воины простые,

Но Цинна, и Карбон, и Марий моло-

дой{171} —

Все под ножом убийц погибли чередой.

Что до меня, то пусть Помпеевы посулы

Склонят мои войска поверить в честность Суллы —

Я лучше к варварам один уйду опять,

Чем буду консульства, пока он жив, искать.

А ты…

Перпенна.

Меня совсем не это беспокоит.

Путь к консульству мне брак с царицею закроет,

И коль поможешь ты нам заключить его,

От Рима не хочу я больше ничего

И, Лузитанией с женою вместе правя,

{171} Комментарии: 2.171

К стр. 524

Но Цинна, и Карбон, и Марий молодой… — Серторий перечисляет противников Суллы: Луция Корнелия Цинну, погибшего в 84 г. до н. э., Гнея Попирия Карбона, убитого по распоряжению Помпея в 82 г. до н. э.; и молодого Мария (сына вождя популяров), который, потерпев поражение от войск сторонников Суллы, покончил с собой (82 г. до н. э.).

Окончу дни свои в почете, мире, славе.

Серторий.

Все это так, но я отнюдь не поручусь,
Что даст согласие она на ваш союз.
Ты знаешь, сколь горда суровая царица,
Хотя со временем, быть может, и смирится.
Прощай! Поговорим о ней в другой мы раз.

Перпенна.

Но все-таки ответь: я получил отказ,
Иль просто свысока она тебе внимала?

Серторий.

Ее уход сказал и без того немало.

Перпенна.

Да, много, но не все, и умоляю я
Мне то, что знаешь ты, поведать, не тая.
Не лгал ли ты, во мне надежды пробуждая?

Серторий.

Нет, слово данное я свято соблюдаю.

Царицу я люблю и все ж тебе отдам,

Хоть не пойдет она, боюсь, навстречу нам;

Напротив, возомнит, что оба мы враги ей.

Но ведь в Испании царицы есть другие.

Себя, как я с тобой, уступчивым яви

И меж цариц женой любую назови.

К ваккейской отправляй иль к илергетской{172} *свата,*

Чьи настояния поддержит Вириата,

И счастье с любящей супругой обретешь.

Перпенна.

А ты? Что обещал, то сам и отберешь?

Серторий.

Здесь суть не в том, что я нарушил

{172} Комментарии: 2.172

К стр. 525

...к ваккейской отправляй иль к илергетской... — Корнель называет два племени — ваккейцев и илергетов, населявших тогда восточную часть Пиренейского полуострова.

обещанье,

А в том, что таково царицыно желанье.

Тщеславием она привязана ко мне,

В чем признавался я тебе наедине

И снова подтвердить могу свои признанья.

Так подави ж в себе любовные желанья,

Как я их подавить сумел в груди своей.

Раз дело общее для нас всего важней,

Не можем мы порвать с царицей своенравной,

Что десять лет была опорой нашей главной,

И ей препятствовать на жизненном пути

Идти туда, куда захочется идти.

Перпенна.

Без помощи ее мы, стало быть, пропали?

Серторий.

Нет, погубить она погубит нас едва ли,

Но если только ты поставишь на своем,

В сношенья тайные войдет она с врагом.

Он близок, а у нас меж воинов броженье.

Вот сам ты и суди по зрелом размышленье,

Как делу нашему придется пострадать,

Коль к браку мы дерзнем царицу принуждать.

Перпенна.

Мне разум победить любовь велит сурово,

Но сердцу не стерпеть насилия такого.

Серторий.

Тогда не мучь себя: живот я положу,

Но слово, всем страстям наперекор, сдержу.

Перпенна.

Пока царица мне не отказала честно…

Серторий.

Но о тебе она отозвалась нелестно.

Перпенна.

Да, выход у меня остался лишь один.

Как ты, я вновь своих желаний господин.

Не властна надо мной с минуты этой боле

Любовь, которой дал я слишком много воли.

Царице скажешь ты…

Серторий.

Изволь, скажу.

Перпенна.

Нет, нет,

До завтра буду я обдумывать ответ.

А впрочем, ждать нельзя. Кем ярость овладела,

Тот понаделать бед и за ночь может смело.

Скажи царице то, что нужным сам найдешь,

А я пойду путем, каким ты поведешь.

Серторий.

Я восхищен тобой — и жаль тебя мне все же.

Перпенна.

Как стражду я!

Серторий.

Скорблю и я с тобою тоже.

Прощай! К царице я зайду, уйму ее.

И тотчас же явлюсь на пиршество твое.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Перпенна, Ауфидий.

Ауфидий.

Воистину наш вождь — твой благодетель сущий!

Хотел тебе в любви помочь он, всемогущий,

Да именем своим пленил царицу так,

Что не с тобой, а с ним ее прельщает брак!

Когда ж ты наконец дерзнешь на подвиг славный,

Чтоб страсть ее к тебе из тайной стала явной,

Когда покончишь с тем, чей слишком властный вид

Твою любимую день от дня гневит?

Неблагодарною считать ее не надо,

Хоть не сулит она заранее награду.

Сама воздаст тебе царица в должный час,

Коль будет выполнен тобой ее приказ…

Молчишь? Но с чем же я предстану пред друзьями?

Свершится ль на пиру задуманное нами?

Ужели, примирясь с коварством столь большим,

Намерен ты…

Перпенна.

Пойдем ко мне и все решим.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Аристия, Вириата.

Аристия.

Враги мы, хоть к тебе враждой я не пылаю.
Величья жаждешь ты, я смыть позор желаю;
Отмстить мне надобно, тебе — в закон вступить,
И обе можем мы друг друга погубить,
Коль наши замыслы взаимно не откроем,
Месть не свершим мою и брак твой не устроим.
Позволил развести себя Помпей со мной,
И я, изменнику в отместку, стать женой
Того, кто славою затмил его, старалась,

Хотя соперничать с тобой не собиралась:

На миг предположить — и то не смела я,

Что мог быть римлянин царицей взят в мужья,

А он, герой и вождь, — взалкать руки царицы

И ради этого отчизной поступиться.

Мне думалось, твой сан вовек несовместим

С достоинством того, кто представляет Рим,

Но, говорят, решил порвать со мной Серторий

И к алтарю тебя вести намерен вскоре,

Затем что, если он презреть тебя дерзнет,

Для дела общего потерян твой народ.

Однако цель моя — умножить наши силы.

Я никогда раздор в свой лагерь не вносила

И Сулле выиграть не помогу войну

Тем, что друзей от нас без нужды отталкну.

Свои намеренья скрываешь ты напрасно —

Я уступить тебе заранее согласна.

Твой брак с Серторием меня не прогневит:

Надежда душу мне досель еще живит.

К Помпею каждый миг мечтой влекусь я снова

И отпустить ему вину его готова.

Как помнит он меня, хоть преступил обет,

Так я хочу отмстить, а ненависти нет.

Я искренна с тобой, и ты будь откровенна.

Вириата.

Доверьем отплачу тебе я непременно,

Тем паче что таить мне от тебя смешно

То, что молвой уже везде разглашено.

Решив свою страну освободить, я знала,

Что проку от царьков соседних будет мало,

И мной из Африки Серторий вызван был,

Чтоб с Суллою он нам бороться пособил.

Всего один корабль герой привел с собою,

Один лишь мой народ нашел готовым к бою,

Из всех царей лишь я отважилась отдать

Ему свою казну, и крепости, и рать.

Но сразу он пошел стезей побед и славы,

Власть над Испанией стяжав себе по праву,

Сумев объединить под знаменем своим

Царей, которых вверг в оковы рабства Рим,

И ваши полчища день ото дня сильнее

Тесня, чтоб вынудить уйти за Пиренеи.

Так высоко теперь он мною вознесен,

Что вижу я: меня достоин только он,

И от презрения к себе умру я, коли

Плоды своих трудов другой отдать позволю.

Народ мой заслужил, чтоб родила ему

Царей я от того, благодаря кому

С завоевателей вселенной спесь мы сбили

И лаврами чело Испании увили,

Того, пред кем в свой час и полноводный Пад{173}

И даже гордый Тибр от страха задрожат.

Аристия.

Твой замысел велик, но тот, кого ты прочишь…

Вириата.

Он мне уже сказал все, что сказать ты хочешь:

{173} Комментарии: 2.173
К стр. 529
Пад — древнее название итальянской реки По.

Мол, с браком надо нам слегка повременить,

Чтоб делу общему вреда не причинить.

Но так как мир ему сегодня был предложен,

Стал для него возврат на родину возможен,

И я утрачу все, коль он вернется в Рим.

Чтоб удержать его, мне брак необходим.

Сама осмелилась я сделать предложенье:

Отказа и стыда страшней надежд крушенье.

Пусть все уйдут, кто к нам из Рима изгнан был, —

У нас с Серторием без них довольно сил.

Обучен мой народ на римский лад сражаться,

Но хочет в стороне от римских дел держаться.

В Испании лишь вам, изгнанникам, нужна

Кровопролитная и долгая война.

Пока командует Серторий мудрый вами,

Вам обеспечена победа над врагами.

Такой герой и вождь сумеет вас всегда…

Но что это спешит за римлянин сюда?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Аркас.

Аристия.

То брата моего отпущенник, царица.

Лишь с вестью важною здесь мог он появиться.

Скажи, Аркас…

Аркас.

Возьми письмо. Прочтешь ты в нем

О том, во что досель мне верится с трудом.

Аристия *(читает).*

«Сестра! Вот и пришло то время, о котором

Мечтали мы с тобой в годину общих бед:

Тиран отправился без ликторов{174} на форум,

Готовый дать за все, что совершил, ответ.

Диктатор власть сложил и передал сенату,

И коль Помпею ты по-прежнему мила,

Пусть будет он тебе супругом, как когда-то:

Эмилия, дитя рожая, умерла.

Забвению предать все счеты жаждет Сулла

И, Риму возвратив его свободу вновь,

Согласен он на то, чтоб ты себе вернула

И мужа первого и первую любовь.

Квинт Аристий».

О небо, наконец послало счастье мне ты!

{174} Комментарии: 2.174

К стр. 530

Ликторы — особые вооруженные воины, сопровождавшие высших государственных чиновников Древнего Рима, их почетная охрана.

Я и сейчас еще боюсь поверить в это.

Аркас! К Помпею в стан поторопись и весть...

Аркас.

Все знает он уже и вскоре будет здесь.

От Суллы и ему доставил я посланье.

Столкнулся он со мной в пути, на расстоянье

Двух миль от города.

Аристия.

Как новость встретил он?

Возликовал иль был, напротив, удручен?

Что сделал? Что сказал?

Аркас.

По своему волненью

Суди сама, в каком сейчас он нетерпенье.

Порывом пламенной любви к тебе объят,

Он с полпути готов был повернуть назад,

Но в лагерь все-таки направился сначала —

Там у него в связи с известьем дел немало,

Меня ж послал сюда, чтоб знать тебе я дал

О чуде, коего никто не ожидал.

Аристия.

Царица! Как и мы, стряхни с себя уныние:

Нет больше у тебя соперницы отныне.

Вириата.

Да, больше нет, но есть соперник пострашней.

Ваш Рим Серторию всех благ земных важней,

И любит родину он так самозабвенно,

Что предпочтет ее престолу несомненно,

Коль не удастся мне…

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Фамира.

Фамира.

Царица!

Вириата.

Что с тобой,

Фамира? Ты бледна, ты слезы льешь рекой.

О чем?

Фамира.

О том, что ты погибла безвозвратно,

Что муж, чья длань тебя спасала многократно…

Вириата.

Серторий? Что с ним?

Фамира.

Сей великий человек…

Вириата.

Ну, договаривай!

Фамира.

Угас, увы, навек!

Вириата.

Угас? Откуда слух такой идет, Фамира?

Фамира.

Те, кем и был герой сражен во время пира,

Об этом сами же везде кричат сейчас,

Злодейством мерзостным, как подвигом, кичась.

От крови павшего у них одежды рдеют.

Предатели мятеж в войсках и черни сеют,

Перпенну дерзостно провозгласив вождем,

А это значит: он и был их главарем.

Вириата.

Причины у меня нет в этом усомниться.

Измену он свершил, дабы на мне жениться

И завладеть страной и скипетром моим.

Из низкой зависти убит Серторий им.

Не жди, что в миг такой я буду, Аристия,

Вздыхать от горести иль слезы лить пустые.

В печали показной притворство есть всегда:

Доподлинная скорбь безмолвна и горда.

Лишь ослабляют в нас решимость плач и стоны.

Быть твердым надлежит носителю короны,

И жаждой мести боль во мне заглушена.

Аристия.

Нет, ты сейчас не мстить — себя спасать должна.

Беги!

Фамира.

Нельзя! Не даст ступить ей шагу даже

Здесь Ауфидием поставленная стража.

Дворец темницей стал для госпожи моей…

А вот торопится и сам Перпенна к ней.

Царица, ты в плену! Смири ж себя, покуда

Не посчастливилось нам ускользнуть отсюда.

Вириата.

Пусть даже мне одной остаться суждено,

Сама себе верна я буду все равно.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Перпенна.

Перпенна *(Вириате).*

Серторий, госпожа, нашел себе кончину,

И больше у тебя страшиться нет причины,

Что склонен он вступить в супружество с другой

И что его жена затмит тебя собой.

Пусть ревность тайная твой гордый

дух не гложет.

Отныне у тебя соперниц быть не может.

От всех опасностей твой трон и жизнь, как щит,

Сейчас и в будущем успех мой оградит.

Неровней по годам, а также по рожденью

Тебе Серторий был вне всякого сомненья,

Хоть всех превосходил в совете и в бою,

Чем, собственно, и смог снискать любовь твою.

Тебе лишь званием да славою своею

Меня и всех царей он сделался милее.

Лишь сан и должность — вот чем ты пленилась в нем.

Теперь, как прежде он, я тоже стал вождем,

И не откажешь мне в достоинствах к тому же,

Которых вправе ждать монархиня от мужа.

Я римлянин, и вождь, и внук царей былых

(О возрасте молчу!), и больше остальных

Блаженства называть тебя супругой стою,

Тем паче что была отомщена ты мною.

Аристия.

Трус, что при имени соперника дрожал,

Ты в своего вождя сперва вонзил кинжал,

А ныне женщинам бросаешь вызов дерзкий,

Бесстыдно чванишься пред ними страстью мерзкой

И, взяв царицу в плен, считаешь, что она

Тебе, преступнику, наградой быть должна!

Но боги не дадут торжествовать злодею.

Страшись их молнии, страшись меча

Помпея,

Припомни, что меня он любит до сих пор,

Знай, что произнесен твой смертный приговор

И ты себе уже не вымолишь пощады.

Дрожи! Теперь тебе недолго ждать награды.

Перпенна.

Да, я погиб, коль впрямь в тебя Помпей влюблен,

Но страстью, может быть, не столь уж полон он.

К тому ж, узнав, что я командую войсками,

Привыкшими стяжать победу над врагами,

Скорее он пойдет на мир, который сам

Недавно предлагал с такой охотой нам;

А то, что у меня заложницей ты стала,

Переговоры с ним мне облегчит нема-

ло.

Итак, не задевай, коль хочешь жизнь сберечь,

Того, кто не с тобой ведет, гордячка, речь.

Твоих угроз пустых Перпенна не боится.

Не от тебя я жду ответа — от царицы.

Так за любовь меня и не дерзай честить,

А думай, как себе супруга возвратить.

Вириата.

Он, Аристия, прав: ответ за мной бесспорно.

Молчание хранить мне долее зазорно.

Перпенна подвигом, что для меня свершил,

Признательность мою достойно заслужил,

И выразить ее, конечно, поспешу я.

Услугу оказал он мне весьма большую,

Но сам не ведает, сколь велика она.

Был другом для него Серторий издавна.

(Перпенне.)

Узнай же, вождь (тебе права на это званье

Дает свершенное тобою днесь деянье,

И мне тем легче так тебя именовать,

Что вскоре титул свой утратишь ты опять),

Узнай, что для тебя на все герой решился;

Что гнева моего — и то не устрашился;

Что, полюбив меня и мною сам любим,

Настаивал, чтоб ты супругом стал моим;

Что выйти за тебя велел бы мне сурово,

Когда бы не вернул ему назад ты слово;

Что только он тебя мешал мне оттолкнуть.

Аристия.

И ты посмел ему пронзить кинжалом грудь!

И длань твоя…

Вириата.

Оставь! Безмерность преступленья
Безмерности любви прямое подтвержденье.
На мирном пиршестве убить в дому своем
Того, кто друг тебе и в малом и в большом,
Того, кто наставлял тебя в науке ратной,
Того, чей ты должник вовеки неоплатный;
Забыть про долг и честь, поставить навсегда
Себе на лоб клеймо позора и стыда;
Прослыть насильником; не постесняться даже
Ворваться во дворец и взять меня под стражу —
Всем этим доказал вздыхатель мой вполне,
Что чувство пылкое питает он ко мне

И что не сделался б, как ныне стало ясно,

Таким преступником, не будь влюблен так страстно,

И я, чтоб выразить признательность свою,

В брак не вступать со мной совет ему даю,

Не то на ложе он взведет врага, который

Возможность отомстить найти сумеет скоро:

Ведь за Перпенну я пойду лишь для того,

Чтоб случай улучить клинком пронзить его.

Вот как тебе, герой, я благодарна буду!

Но раз в твоих руках я нахожусь покуда,

А ты — владыка тут, дай пленнице приказ

И, коль посмеешь, стань ей мужем хоть сейчас.

Перпенна.

Посмею ль я? Поверь, угроз боюсь я мало.

Мои злодейства зря ты здесь перечисляла.

Я лучше знаю всю преступность дел своих

И цену, что пришлось мне заплатить за них:

Немыслимо свершить предательство такое

И не лишить себя душевного покоя.

Я совесть растоптал, бесчестье — мой удел,

Но я не упущу того, чего хотел.

Молчи! И без тебя свои грехи я помню.

Наградою за них ты станешь все равно мне,

И даже если жить с тобой нам лишь два дня,

Супругом назовешь ты завтра же меня.

Заране знаю я, что ты мой враг заклятый,

Но ко всему готов и не боюсь распла-

ты.

Своим триумфом...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Ауфидий.

Ауфидий.

Вождь, Помпей со свитой здесь.

Чернь и войска на бунт подвигла эта весть.

Пред именем его открылись все ворота.

Друзей у нас лишь горсть, а недругам нет счета.

Антоний с Манлием растерзаны толпой,

И каждый норовит их трупы пнуть ногой.

Твоих приверженцев народ повсюду ловит.

Помпей жестокую расправу им готовит.

Я входы защищал, но тут нагрянул он,

И был мне им удар смертельный на-

несен.

Противостать ему ни у кого нет силы.

Подумай о себе, а мой удел — могила.

Аристия.

Когда ж, ускоренный прибытием его,

Придет, Перпенна, миг триумфа твоего?

Вдруг то, что у тебя заложницей я стала,

Переговорам с ним поможет слишком мало?

Перпенна.

Чрезмерно ты добра, так за меня дрожа.

Найду я, чем его задобрить, госпожа.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, Помпей и Цельс.

Перпенна.

Вождь! Знай, что сделал я для твоего успеха.

Я устранил того, кто миру был поме-

ха,
Соперничал с тобой, куда б ты ни ступил,
И у тебя едва супругу не отбил.
Я Аристию вновь тебе вручаю ныне,
Чтоб не гнело тебя ревнивое унынье
И чтоб не множила число забот твоих
Боязнь узреть жену в объятиях чужих.
Я больше делаю: тебе я Вириату,
Царицу, чья душа гордынею объята,
Непримиримую противницу твою,
И лузитан ее, и римлян отдаю.
Коль скоро всякое серьезное решенье
Опасно предавать до срока разглашенью,
Не знали и мои ближайшие друзья,
Что сам хотел к тебе явиться завтра я.
Слова мои — не ложь, и неопровержимо
В том убедят тебя послания из Рима,
Из коих явствует, как много там людей,

Что из сочувствия к судьбе жены твоей

Твоими тайными противниками стали

И поддержать мятеж Сертория мечтали.

Читай.

(Протягивает Помпею письма из Рима, доставленные Серторию Аристией.)

Аристия.

Подлец! Дойти до низости такой!

Перпенна.

Не забывай: здесь тот, кто выше нас с тобой.

Быть, госпожа, при нем пристало поскромнее,

И коль уж хочешь ты, чтоб отвечал тебе я,

Старайся соблюдать учтивость и беречь

Достоинство того, пред кем ведешь ты речь.

Слух отврати, Помпей, от двух соперн-

ниц в горе.

С ума их сводит мысль, что смерть нашел Серторий.

Словами злыми их я больно уязвлен,

Но, увидав тебя, за все вознагражден.

Я, как в богах благих, в тебе, герой, уверен

И не боюсь… Постой! Что сделать ты намерен?

Помпей *(сжигая непрочитанные письма).*

Лишь доказать тебе, сколь ложен был твой шаг.

Когда б ты знал меня, ты не ошибся б так.

Наш Рим, расколотый на два враждебных стана,

На смуту и резню я обрекать не стану:

Он вольность не за тем обрел от Суллы вновь,

Чтоб по моей вине его багрила кровь.

Цельс!

(Говорит ему на ухо.)

Главное, смотри, чтоб не назвал он имя

Кого-нибудь из тех, кто дружен с нею в Риме.

(Перпенне.)

Пойдешь ты с этим вот трибуном — надо мне

Здесь переговорить кой с кем наедине.

Перпенна.

Ужель услугою, которой равных нету…

Помпей.

Сполна тебе воздам я за услугу эту.

Ступай!

Перпенна.

Но гнев толпы…

Помпей.

Не до речей сейчас.

Приказываю я, ты ж исполняй приказ.

Перпенна и Цельс уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Аристия, Вириата, Аркас, Фамира, Помпей.

Помпей.

Царица! Не гневись, что тоном столь надменным
Речь при тебе я вел с изменником презренным.
Чрезмерно долго дав им причиненным злом
Ему бахвалиться в присутствии твоем,
Решил я пред тобой вину свою загладить
И наглеца навек от хвастовства отвадить;
Но хоть нетрудного успеха и достиг,
Переоценивать себя я не привык.
Оплот твой пал, и ты теперь слабее вдвое,
Однако мир готов я заключить с тобою,
Покуда же клянусь твою не трогать

рать

И римлян, что в нее вступили, не карать.

Коль принимаешь ты условия такие,

В награду возвратить прошу мне Аристию,

Которой, снова став хозяином себе,

Вернул я свой обет и руку при тебе.

О сердце я молчу — в нем лишь она царила.

Аристия.

Мое же в свой черед тебя боготворило,

И потому оно, твой новый дар ценя,

Забудет, что´ украсть дерзнули у меня.

Вириата.

Вождь! Я иду на мир, что мне тобой предложен.

Другой исход для нас теперь и невозможен:

Нет больше равного тебе среди вождей,

Как нет достойного меня среди царей.

Ни мужа, ни войны мне с этих пор не надо,

Но знать, что власть моя — за мной, была б я рада.

Мне дорог царский сан, однако не с руки

Игрушкой римлян быть, как здешние царьки.

Коль уготовил ты и мне судьбу такую,

Смерть добровольную позору предпочту я;

А коли править мне народом дашь моим,

Наследником тебя назначу или Рим.

Так помни, что владеть короной я согласна,

Лишь если мне царить позволят полновластно,

Но коль меня всех прав лишит с тобой союз,

Вводи сюда войска — я римлянам сдаюсь.

Помпей.

Высок твой дух, и столь мне это оче-

видно,

Что отказать тебе в почетном мире стыдно,

А Рим, ручаюсь, даст согласье на него,

Иль больше там Помпей не значит ничего.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Цельс.

Помпей.

Цельс! Все ли сделано?

Цельс.

Да, все. Уйдя отсюда,

Изменник выдан был толпе для самосуда

И, прежде чем успел сказать хоть слово он,

Растерзан на клочки.

Помпей.

Довольно. Рим спасен,

И прежние враги вновь станут мне друзьями:

Страшимся мы лишь тех, кого страшим мы сами.

(Вириате.)

Царица! Славный прах героя упокой,

Пред манами его исполнив долг святой{175}*.*

Да будет погребен великий муж и воин

Со всею пышностью, которой он достоин,

И гордый памятник сооружен над ним,

Чтоб рассказать векам, как мы о нем скорбим!

{175} Комментарии: 2.175
К стр. 540
Маны. — См. коммент. к стр. 49.

СУРЕНА, ПАРФЯНСКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ

ТРАГЕДИЯ

{176}

Перевод Э. Линецкой

{176} Комментарии: 2.176

«СУРЕНА»

(«SURENA»)

Эта последняя трагедия Корнеля, сюжет которой он заимствовал у Плутарха и Аппиана Александрийского, была впервые сыграна 11 декабря 1674 г. на сцене «Бургундского отеля». Успеха пьеса не имела, и очень немногие современники откликнулись на ее премьеру. И в последующее время эту пьесу играли крайне редко: в XVIII и в XIX вв. не зафиксировано, например, ни одной постановки ее на сцене «Комеди Франсэз».

Основная канва событий выдержана писателем очень точно (ему нельзя было отступать от столь надежного и широко известного источника, каким был Плутарх). Однако лирическая линия сюжета, бесспорно, придумана Корнелем: мы мало что знаем о любовном увлечении парфянского полководца Сурены (ок. 82 — ок. 52 гг. до н. э.) армянской царевной Эвридикой (Плутарх о ней не упоминает). Линия Пальмиры также придумана драматургом.

Впервые издана пьеса была Гийомом де Люином в начале января 1675 г. и именовалась «Сурена, парфянский полководец», в последующих изданиях она печаталась под названием «Сурена».

СУРЕНА.
ПАРФЯНСКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Содержание этой трагедии почерпнуто из Плутарха и Аппиана Александрийского{177}. Оба они утверждают, что Сурена был самым благородным, самым богатым, самым красивым и доблестным из всех парфян. При таких достоинствах он не мог не стать одним из наиболее примечательных людей своего времени, и я льщу себя надеждой, что в портрете, нарисованном мною, я не погрешил против оригинала, но судить об этом не мне, а вам.

{177} Комментарии: 2.177

К стр. 542

…из Плутарха… — Великий греческий историк пишет о Сурене в своем «Жизнеописании Красса».

Аппиан Александрийский — греческий историк II в. н. э., автор монументальной «Римской истории»; его описание войн Рима с Парфянским царством дошло до нас лишь в отрывках и в пересказах других историков.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ОРОД{178}
парфянский царь.
ПАКОР
сын Орода.
СУРЕНА
полководец Орода, возглавивший его войско во время сражения с Крассом.
СИЛЛАЦИЙ
другой полководец Орода.
ЭВРИДИКА
дочь Артабаза{179}, армянского царя.
ПАЛЬМИРА
сестра Сурены.
ОРМЕНА
приближенная Эвридики.

Действие происходит в Селевкии на Евфра-

{178} Комментарии: 2.178

К стр. 543

Ород. — Имеется в виду парфянский царь Ород II (ок. 58–39 гг. до н. э.), победитель римского полководца Красса, которого он приказал убить (53 г. до н. э.).

{179} Комментарии: 2.179

Артабаз. — Видимо, армянский царь Артавазд II, правивший в 55–34 гг. до н. э.

те{180}.

{180} Комментарии: 2.180

Селевкия — город на Евфрате, названный так по имени династии Селевкидов, преемников Александра Македонского. Из всех государств, образовавшихся после распада империи Александра, Парфия была самым могущественным и просуществовала дольше других (с середины III в. до н. э. до середины III в. н. э.).

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Эвридика, Ормена.

Эвридика.

Ормена, замолчи! Ты славишь Гименея,
А я, я слезы лью, от горя цепенея,
И сдавливает грудь невыносимый гнет.
Здесь, в этом городе, здесь, среди всех красот,
Меж селевкийских стен, а не в Гекатомпиле{181}
Свершился жребий мой — владыки так решили.
Сюда царицу ждут, царевна едет с ней,
Чтоб стал блестящий двор при них еще пышней.
Царь вытребовал их; царевич в нетерпенье…

{181} Комментарии: 2.181

К стр. 544

Гекатомпил — город в Гиркании, недалеко от южного берега Каспийского моря, бывший одно время столицей Парфии.

Повсюду к торжеству идут приготовленья,

Но что несчастной мне до этой суеты?

Я в сердце не вольна, в плену мои мечты,

И радость, что меня, как тень, сопровождает,

В пучину горести лишь глубже погружает.

Другого я люблю.

Ормена.

Другого?

Эвридика.

До сих пор

Таилась от тебя, и ни единый взор

Меня не выдавал. Страдала одиноко,

Пока любимый мой был от меня далеко.

Нам небо, мнилось мне, свиданья не пошлет,

И в безнадежности мой дух обрел оплот,

Не так язвила скорбь, не стало прежней боли,

И я, покорная отца державной воле,

Свой жребий приняла. Но милый лик узреть,

Вступая в брак с другим… Нет, легче умереть!

Ормена.

Узреть любимый лик?

Эвридика.

Увы, уже не властна

Я долее скрывать, кого люблю так страстно:

Стенанья громкие боль облегчают нам,

Поэтому хочу свободу дать словам.

Когда задумал Красс, гордец неумолимый,

Равнины Парфии отдать под иго Рима,

Он мнил — союзника в моем отце найдет.

Об этом же мечтал парфянский царь Ород,

И к нам тогда послом он отрядил героя,

Что выиграл потом войну на поле боя.

Ормена.

Да, приходил к тебе Сурена, и не раз,

Как приходил в те дни и сам надменный Красс:

Гордыню позабыв и не щадя усилий,

Державы мощные о помощи просили,

И, в чаянье к себе привлечь цареву дочь,

Послы всё медлили, не уезжая прочь.

Эвридика.

Спешили от царя они ко мне в покои.

Как были меж собой несхожи эти двое!

Надутый римлянин, заклятый враг царей,

Навязывал и нам закон страны своей,

Другой, почтенья полн, державных прав хранитель,

Горой стоял за трон, был наш слуга и мститель.

И тут пришла любовь. Он сердце мне

отдал

И моего в ответ, храня молчанье, ждал.

Как он, замкнув уста, хранила я молчанье,

Но можно ль победить любви очарованье?

Ее таимый пыл в мои глаза проник —

Понятен и без слов сих толмачей язык…

Неугасимое зажглось в обоих пламя,

И все сокрытое, несказанное нами —

Рой страстных помыслов, желаний и надежд —

Сказалось вздохами, движениями вежд,

И что нечаянно порой звучало в слове,

В заветном, в сладостном, то было нам не внове.

Ормена.

Он царь?

Эвридика.

Нет, он не царь, но властью наделен

Поддерживать царей и укреплять их трон.

Он лучший меж парфян: красив лицом и статен,

И доблестью богат, и среди знатных знатен.

Добавь, что я ему дыхания милей…

Не царь, но много ли найдешь таких царей?

Мне возносить его, считаешь, не пристало?

Я повесть мук своих еще не досказала.

Переговоры шли медлительной чредой.

Почтительнейших чувств завесою густой

Сокрыв любовь ко мне, он был неуязвимым.

Царь долго выбирал меж Парфией и Римом,

И долго взвешивал, и все же выбрал Рим.

Я выбрала парфян и в спор вступила с ним,

Стараясь убедить, но тщетные ста-

ранья:

Царь доводы мои оставил без вниманья.

Итак, Сурене дан решительный отказ.

Столь незаслуженный удар приняв от нас,

Сумел не потерять он самообладанья.

И к нам исполнен был, казалось, состраданья.

Не умерла любовь в годину этих бед,

И мы простились с ним не как враги, о нет!

Но я не тешила себя надеждой зыбкой…

Меж тем все поняли: наш выбор был ошибкой.

Обоим Крассам жизнь Сурена оборвал{182},

И всю Армению Ород завоевал,

Страну испепелив грозой своей победы.

{182} Комментарии: 2.182

К стр. 546

Обоим Крассам жизнь Сурена оборвал… — то есть не только полководцу Марку Крассу, но и, по-видимому, его сыну Публию Крассу.

Я поражения предчувствовала беды,

Но не предвидела, что мир мне принесет

Под видом счастия невзгоду из невзгод.

Моими муками мир должен быть оплачен:

По воле двух царей, в супруги мне назначен

Пакор, Орода сын. Он доблестью высок

И чувства нежные во мне бы вызвать мог,

Но сердце отдано другому безвозвратно

И то, что было бы в возлюбленном приятно,

Увы! противно в нем. Я отвращаю взор —

Так ненавистен мне пленительный Пакор.

Его послушливо супругом назову я,

И все же…

Ормена.

Что еще?

Эвридика.

Ормена, я ревную!

Ормена.

Ревнуешь? Кубок мук излился через край!

Эвридика.

Узнав, что я терплю, чего страшусь, узнай.

Мандана, дочь царя, сюда приедет ныне.

Желанье родилось, быть может, в властелине

Ей мой бесценный клад торжественно вручить,

В один и тот же день два брака заключить.

Пойми моей любви язвительную муку:

Любимый будет зреть, как я безмолвно руку

Другому отдаю. Ужели предстоит

Мне зреть, как руку он с другой соединит?

Ормена.

Ты призраком беды язвишь себя напрасно!

Эвридика.

Кто чувствует себя несчастным ежечасно,

Грядущих горестей тот ожидать привык

И мнит, что каждый день, и каждый час, и миг

Весь пропитается отравою страданий,

И в ожидании стенает он заране.

Ормена.

Отравы этой вкус, должно быть, любишь ты,

Коли терзаешься из-за пустой мечты.

Эвридика.

Прекрасна дочь царя, но Рим разбивший воин,

Спаситель Парфии, ее любви достоин.

Она пленит его, согласье даст Ород…

Молчу… Как вынести невыносимый

гнет!

Ормена.

Зачем вверяешься ты подозреньям ложным

И невозможное готова счесть возможным?

О, помоги себе, гони виденья прочь!

Эвридика.

Ужель не помогла б, когда б могла помочь?

Не смею встретиться, поговорить с Суреной,

А он, быть может, мнит, что я душой презренной

Корысти предалась… Меж тем с его сестрой

Я дружбу тесную свела, и в ней порой

Утеху черпаю. В сестре я вижу брата,

Но утешение раскаяньем чревато:

Признанья моего Пальмира молча ждет,

А я безмолвствую — мне долг смыкает рот.

Сурена обо всем, наверно, ей поведал,

Мою любовь к нему он этим как бы предал.

Не подражай ему, до гроба верной будь.

Открывшись пред тобой, я облегчила грудь,

Но ты, к несчастию, не можешь знать, Ормена,

Все помнит ли меня, все любит ли Сурена.

Известно только ей, сестре его родной,

Он делит ли мой пыл, смеется ль надо мной,

Считает ли меня изменницей бесчестной

Иль верит, как себе. Пальмире все известно.

Она идет сюда! Наш разговор направь,

Все выспроси умно, потом меня заставь

Поведать… Небеса! Посмею ли, смогу ли?

Ормена.

Нет в мире сил таких, чтобы любовь согнули:

Когда молчание уже несносно ей,

На волю вырвется поток ее речей.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Пальмира.

Пальмира.

Обрадую тебя я вестью долгожданной:

Прибудет вечером царица.

Эвридика.

С ней Мандана?

Пальмира.

Да, мы надеемся.

Эвридика.

Я думаю, твой брат,

Сурена доблестный, безмерно встрече рад?

Пальмира.

Как верноподданный, конечно, рад Сурена.

Эвридика.

И все?

Пальмира.

А что ж еще? Он чтит ее смиренно.

Эвридика.

Вопросы праздные! Я знаю с давних дней,

Как должно подданным чтить царских дочерей.

Но подданный, что стал опорою державе,

Тот прочим не чета, и я, пожалуй, вправе

Сказать, что может он не столь смиренно чтить

И этим все-таки лишь больше угодить.

Пальмира.

Смысл этих тонкостей мне, госпожа, невнятен,

И брату моему он был бы непонятен.

Эвридика.

Пусть так... А что Пакор?

Пальмира.

Пакор в тебя влюблен
И предвкушением блаженства опьянен.
Он к цели близится, она доступна взору,
Возможно ль в этот час не ликовать Пакору?

Эвридика.

Боюсь, что эта цель в грядущем принесет
Ему лишь горести, докучный рой невзгод.

Пальмира.

Смеешься надо мной? Какая же невзгода
Отраву сможет влить в столь полный кубок меда?
Нет, от счастливого забота далека.
Ты руку дашь ему...

Эвридика.

Но сердце не рука.

Пальмира.

Он властен над твоим.

Эвридика.

Над сердцем он не властен,

Ни над душой моей. Суди же, как несчастен

Удел царевича. Довольно нам хитрить:

Мы правду до конца должны договорить.

Все ль знаешь обо мне?

Пальмира.

Я знаю тайну брата.

Эвридика.

А значит, и мою. Пред ним я виновата,

И, несомненно, гнев в его душе живет,

И ненавистью мне сполна он воздает.

Пальмира.

Достойным пламенем, таимым в сердце верном,

Он воздает твоим достоинствам безмерным.

Эвридика.

Он любит?

Пальмира.

Любит ли? Мне не хватает слов.

Страдает не ропща и защищать готов,

Едва я на тебя обрушиваюсь гневно:

«Не просто девушка, она к тому ж царевна;

Пойми, решил отец и, значит, царь велел;

Пойми, высокий долг ее судьбе довлел;

Пойми, пойми, сестра, что с самого рожденья

На ней златая цепь ее происхожденья.

Возненавидит ли, полюбит ли она,

Должна молчать о том, покорствовать должна.

Мне подарить могла лишь тайный жар сердечный,

И я за этот дар царевны данник вечный».

Эвридика.

Твой сладостен рассказ, но разжигает пыл

К тому, кто мной любим, к тому, кто мне постыл.

Не надо, замолчи, исхода я не вижу

И чем сильней люблю, тем больше ненавижу…

Пальмира.

Не буду бередить твою живую боль,

Но о моей беде поведать мне дозволь.

Блестящий этот брак по произволу рока

Не только для тебя исток тоски жестокой:

Царевич…

Эвридика.

Ты вонзишь мне прямо в сердце нож,

Коль ненавистного еще раз назовешь!

Пальмира.

Он так тебе немил?

Эвридика.

Тот может ли быть милым,

Чей вид, как приговор к терзаньям не по силам?

Пальмира.

Так вот узнай, что он, к кому ты холодна,

К кому душа твоя недобрых чувств полна,

Он, любящий тебя, любил меня.

Эвридика.

Изменник!

Пальмира.

Любили оба мы. Царевич был мой пленник,

Я пленница его.

Эвридика.

И он любовь предал!

Пальмира.

Но, увидав тебя, кто б сердце обуздал,

Кто не нарушил бы все прежние обеты?

Его предательство поставь в вину себе ты:

Пред взором этих глаз склоняюсь даже я...

Эвридика.

Но, потеряв его и реки слез лия,

Ты над собой вольна и в вольной этой доле

Опору обретешь, успокоенье боли,

А я осуждена навеки жить рабой:

Любить немилого — мой жребий роковой.

Пальмира.

О, как ты не права! Он, твой избранник милый,

Пусть разлучен с тобой, но верен до могилы,

А я разлучена с возлюбленным моим

И более того — я не любима им.

Мной завоеванный к тебе перебегает,

Тебя боготворит, а мной пренебрегает,

Твои владения растут день ото дня,

Меж тем как ничего нет боле у меня.

Эвридика.

Всех данников своих верни себе, Пальмира,

Самодержавно правь властителями мира,

Я не завистлива; мне нужен лишь один,

Он свет моих очей, он сердца властелин.

Что пред Суреною венчанные владыки?

Но правду мне скажи: он верен Эвридике?

И, если верен он, зачем меня бежит?

Пальмира.

Мой брат идет сюда и сам все объяснит.

(Уходит.)

Эвридика.

О небеса! Гляжу — и обмереть готова...

Молчи, молчи, любовь, пусть гордость скажет слово!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Эвридика, Сурена.

Эвридика.

Ты знаешь хорошо: я не желаю встреч.

Так мне велит мой долг. Могу ль им пренебречь?

Ты предо мной предстал — и счастие былое

Впивается в меня заостренной стрелою.

Ужели мой приказ лишь безотзывный звук?

Или не делишь ты моих сердечных мук?

Или страдать вдвоем отрадней, легче, слаще?

Ну что же, радуйся! Ты зрел меня скорбящей,

Но, недостойное изведав торжество,

Дай слабость мне укрыть от взора твоего.

Сурена.

Пусть встреча с госпожой измучает, изранит,

Но смерти жаждущий сам к смерти руку тянет.

Заутра в этот час — как близок, близок он! —

Забвенье прошлого ты возведешь в закон.

Мне дан лишь этот день, лишь несколько мгновений,

Так не пеняй любви и снизойди к Сурене,

Позволь в последний раз блаженство испытать,

Припасть к твоим стопам и жизнь тебе отдать.

Эвридика.

Ты хочешь умереть? А я? Как жить мне дале?

Подумал ты о том, что гнет такой печали

Я не смогу снести? Что вздох последний твой —

И мой последний вздох в обители зем-

ной?

Ты жив — жива и я, томясь, грустя, страдая,

Но в пламени твоем вновь силы обретая.

Нет, слишком сладостна мне смерть была б сейчас —

Нет, я пока еще не выплакала глаз

И недостаточно из-за тебя страдала;

Хочу, чтоб медленно меня тоска снедала,

Чтобы любовь к тебе терзала день и ночь,

Чтоб рядом смерть была, не смея мне помочь…

Но ты, простишь ли ты, коль нежность роковая

Тебе все слабости откроет, изнывая?

Дабы несчастию хоть луч светил сквозь тьму,

Ты счастье малое подаришь ли ему?

Сурена.

Увы! Над счастием тот, горестный,

не волен,

Кто после всех щедрот любовью обездолен.

Что может от меня зависеть? Объясни!

Эвридика.

Отраву не вливать в отравленные дни.

Мандану ждут сюда, Сурене в жены прочат —

Так сердце мне твердит, все чувства так пророчат,

Мой тягостный удел еще отяжелишь,

Коль с кровью вражеской свою соединишь

И сердце, этот клад, мой клад, зеницу ока,

Отдашь другой!.. Нет, нет, не уязвляй жестоко,

И пусть у нас с тобой вовек разделен путь,

Ты, вопреки царю, моим как прежде будь!

Сурена.

Возвышенной любви душа полна до края;

Что значат все они, Мандана иль другая,

Когда ни для кого ни глаз, ни сердца нет,

И в целом мире мне один сияет свет?

Тебя, любимую, теряю без возврата,

Безмерною тоской моя душа объята.

Тому, кто избран был, кто был любим тобой,

Возможно ль в брак вступить с красавицей любой?

Ты счастием таким Сурену одарила,

Что ныне без тебя ему ничто не мило.

Эвридика.

Нет, нет, я не хочу, чтоб ты исчез во мгле,

Не сохранив себя в потомках на земле:

О пращурах твоих до нас дошли преданья,

Так пусть же повторят их славные деянья

Сыны твоих сынов. В веках да процветет —

О том молю богов — твой знаменитый род.

Сурена.

Пусть все умрет со мной! В могиле не равно ли,

Чьи ноги топчут прах покинутой юдоли?

Деяньям правнуков дано ли превозмочь

Великих пращуров вовек немую ночь,

Дано ли возвратить им благодать дыханья?

А все их подвиги, все дивные деянья

Потомки, может быть, сочтут за лишний труд

И, слабосильные, бесславно проживут.

Пустые вымыслы, бесплодные надежды!

Все кончится для нас, едва сомкнутся вежды.

Стократно предпочту миг радости земной

Подобной вечности, холодной и пустой!

Эвридика.

Не утешай меня. Ревнивою тоскою
Все буду мучиться, не обрету покоя,
Пока по-прежнему ты волен и один,
И может дать жену тебе твой господин.
Мандана хороша, она для глаз услада…
Пусть нерушимая воздвигнется преграда
Меж ею и тобой. Так сделай этот шаг,
С другою женщиной вступи скорее в брак —
Спаси от ревности, страшнее нет недуга…
Пусть пламени в тебе не разожжет супруга,
Но если разожжет — ну что ж, пылай в огне,
Люби и все-таки сейчас покорствуй мне
И выбор мой прими, как щедрое даянье.
Я увенчаю им твое существованье
И втайне буду знать: я властна над

тобой,

Ты всем обязан мне — и сердцем и судьбой.

Не наноси душе такую злую рану

И до своих высот не возноси Мандану,

Пусть спустится она до жалких тех царей,

Чьи троны и венцы, чья власть в руке твоей.

С Манданою порвав, не понесешь утраты:

Любые пред тобой распахнуты палаты,

Хвала твоим делам гремит из края в край,

Меж царских дочерей любую выбирай!

Сурена.

Мне не нужны они и не нужна порфира.

Пусть принесли б с собой в приданое полмира,

Но сердцем я…

Эвридика.

Молчи! Твои слова, твой взгляд

Боль, гложущую боль сильней разбередят.

Ты хочешь доказать, что сердцем мой доселе?

Покорствуй и смирись не на словах, на деле.

Сурена.

Кому ж меня отдашь?

Эвридика.

Кому? Когда б могла,

Не только у нее, у всех бы отняла,

Присвоила б тебя навеки и всецело,

Чтобы на дне души сомнение не тлело…

Забылась я. Прощай.

Сурена.

Где сил таких родник,

Чтобы любить, страдать и гибнуть каждый миг?

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Пакор, Сурена.

Пакор.

На царской службе ты, Сурена, беспримерен.
Я, как и мой отец, в тебе всегда уверен
И помощи твоей без колебаний жду.
Царевну к алтарю я скоро поведу.
Твоя сестра в слезах, измену сердцем чуя,
Но и тебе и ей обиду возмещу я!
К тому же, знаешь сам, кто высоко рожден,
Тот подчинять себя рассудку принужден:
Царю — цареву дочь, царевне — отпрыск трона.
Нам отступать нельзя от этого закона,

Но и царем и мной — в том слово я даю —

Ты будешь награжден за преданность твою.

Сурена.

Со мною, господин, так говорить не надо:

Я не наемник твой, и для меня награда

Лишь в славе, что стяжать деяньями могу...

Пакор.

А я ни перед кем не остаюсь в долгу:

Услада для тебя — быть доблестным в деяньях,

Услада для меня — быть щедрым в воздаяньях.

Беру я в жены дочь армянского царя:

Душой возвышенна, прекрасна как заря,

Она блистательно в себе соединила

Все, что пленяет ум, и все, что взору мило.

Но ты ее видал, ты с нею говорил —

Ты и без лишних слов поймешь мой страстный пыл.

Беда, Сурена, в том, что сердце чаровницы

Закрыто для меня, и мне порою мнится:

Она лишь потому так холодна со мной,

Что помыслы ее заполонил другой.

Отец послал тебя к армянскому владыке,

Ты был в то время вхож к царевне Эвридике

И знаешь многое. Скажи: я прав иль нет?

Но без обиняков, прямой мне дай ответ.

Сурена.

Я у нее бывал, беседовал часами

В надежде, что она склонит к союзу с нами

Державного отца. Казалось, верен путь,

Но Рим сумел царя искусно обмануть.

В ту пору только тем я занят был всечасно,

Что для моих владык полезно иль опасно,

Не ведал я тогда иных забот и дел.

Другой другое бы, возможно, разглядел.

Когда б провидел я, что в будущем таится,

Что предназначено тебе на ней жениться,

Смотрел бы пристальней, людской бы слушал толк,

Но не провидец я и знал один свой долг.

Пакор.

Не разъяснишь того, что так меня тревожит?

Не знаешь ничего? Но быть того не может!

Ужели к ней послов никто не засылал?

Ужели милостей царевны не искал

Не царь, так подданный, из дальних мест прибывший,

Но доблестью своей иных владык затмивший?

Не станет дева ждать неведомых царей

И взор свой обратит к тому, кто рядом с ней.

Сурена.

Нет, не приметил я ни долгих разговоров,

Ни слишком частых встреч, ни слишком нежных взоров,

Всего, чем был бы я встревожен, оскорблен,

Будь, на беду свою, царевною пленен.

Но в свой черед сейчас тебя спросить посмею —

Откуда этот страх?

Пакор.

Чем чаще вижусь с нею,

Тем скованней она, тем сдержаннее речь,

Как будто от меня ей надо уберечь,

А что — неведомо. Не требует оттяж-

ки,

Но нет любви ко мне, а только долг — и тяжкий;

Когда улыбкою она меня дарит,

Покорство жребию в царевне говорит.

Сурена.

Не торопись, пожди, все сладится отлично.

Ей даже слово «брак» пока что непривычно

И новизной своей такой внушает страх,

Что к дому отчему она летит в мечтах.

Пакор.

На радость общую она глядит уныло,

Как бы молясь о том, чтоб солнце тень затмила,

Тревожна, горестна, не внемлет тем словам,

Что, если любим мы, дарят блаженство нам.

Сурена.

Поверь мне, господин, забудешь ты об этом,
Едва пред алтарем вы свяжетесь обетом.
Возвышеннейших чувств царевна так полна,
Что всю свою любовь тебе отдаст она.

Пакор.

А ты не думаешь, что это упованье —
Не слишком прочное для счастья основанье?
Любовь, рожденная лишь долгом, — горький плод:
В ней холодности яд, а не восторга мед.
Она, отворотясь, дает нам поневоле
Лишь то, что может дать скучнейший брак, не боле.
Как жить мне целый век с надменною рабой,
Чья верность — только цепь, надетая судьбой?

Брак счастлив, если в нем царят любви законы;

Тогда, преодолев стыдливости препоны,

Супругу всю себя спешит отдать жена,

Не сожаления, а радости полна.

Что, если пламень мой и трепет упований

Пробудят горечь в ней несбывшихся мечтаний

И — небо правое! — что, если о другом

В моих объятиях вздохнет она тайком?

Нет, я с ней объяснюсь открыто и свободно!

Сурена.

Она идет сюда — вот случай превосходный.

Но если от нее услышишь ты в ответ,

Что не по воле даст она тебе обет,

Как ты поступишь?

Пакор.

Как? Не знаю, но, быть может,

Не стану принуждать — мне в том любовь поможет,

А если ярый гнев окажется сильней,

Женюсь, да, да, женюсь, чтобы страдать и ей.

Несчастливый в любви вздыхает с облегченьем,

Когда жестокую он предает мученьям.

Иди! С ней говорить хочу наедине,

Не то перед тобой краснеть придется мне.

Сурена уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Пакор, Эвридика.

Пакор.

Ты, госпожа моя, спешишь ко мне навстречу!

Навеки в памяти я этот день отмечу…

Эвридика.

Ты ошибаешься: Пальмиру я ищу,

В столь горький час помочь страдалице хочу.

Пакор.

Но у меня к тебе есть поважнее дело:

Откройся предо мной, излей всю душу смело,

Не то на жизнь твою невзгоды ляжет тень.

Я так тебя люблю, и завтра свадьбы день,

А ты, ты любишь ли?

Эвридика.

Да. В том рука порукой.

Пакор.

Рука? А сердце что ж? Томится тайной мукой?

Эвридика.

Но в муке, что´ молчит, какой ты видишь вред?

Чего не ведаем, того как будто нет.

Пакор.

Всю правду до конца я знать хочу заране.

Эвридика.

Моим супругом будь, но не проси признаний.

Страшись сомнением обиду нанести:

Знай: правда может нас далеко завести.

Пакор.

Царевна! Ко всему душа моя готова:

Надежду или страх твое развеет слово.

Когда б ты поняла, что чувствую к тебе…

Эвридика.

Впредь буду поступать, покорствуя судьбе,

Как мне мой долг велит и как тебе угодно,

Короче — как сейчас.

Пакор.

Не лучше ли свободно

Свои желания в одно с моими слив,

Ответить радостно на страстный мой призыв?

Скажи: «На пламень твой таким же отвечаю,

Люблю тебя, люблю, в тебе души не чаю,

Тобой одним полны заветные мечты,

Того же я хочу, чего желаешь ты,

И той минуты жду с нетерпеливым пылом,

Когда смогу назвать тебя супругом милым».

Эвридика.

Мне чужд такой язык, такая речь темна:

Я менее, чем ты, в любви искушена.

Пакор.

Едва охватит нас любовной страсти пламя,

Слова рождаются и с уст слетают сами,

Такого же полны палящего огня.

Ты отвергаешь их, а значит, и меня.

Эвридика.

О нет, царевич, нет, ты мне окажешь милость,

Сказав за нас двоих, что в сердце накопилось.

В потоке бурных слов дай чувству прозвучать,

Я соглашусь со всем, но мне позволь молчать.

Пакор.

Меня не любишь ты, сказать нельзя яснее.

Питаешь ненависть? От горя цепенею.

Но этот дивный взор не обречет на казнь…

Эвридика.

Ответь: ты ценишь ли мою к тебе приязнь,

Мое глубокое ты ценишь уваженье?

Я отказала бы самой себе в прощенье,

В них отказав тебе. Но не хочу скрывать:

Ты сердца до сих пор не смог завоевать.

Пакор.

И, значит, договор, угодный двум державам…

Эвридика.

Он, этот договор, располагает правом

Связать обетом нас до нашего конца,

На жизнь соединив, — но руки, не сердца!

Запомни: договор не сердце подписало,

И все же силилась я с самого начала

Склонить его к тебе. Сумею ли — как знать?

Но завтра властен ты меня женой назвать.

Пакор.

И властен, и хочу, и должен, но при этом

Я вижу, чувствую, что ты, по всем приметам,

Другому отдала любовь.

Эвридика.

И ты посмел
Ответа ждать!

Пакор.

Но он решает мой удел.

Эвридика.

И мнишь, что вымолвить подобное могу я?

Пакор.

Уже сказала все, столь яро негодуя.
Другому отдала ты сердце в щедрый дар —
Иначе почему и этот гнев и жар?
Когда б терзался я ревнивой мукой тщетно,
Ты «нет» сказала бы спокойно и приветно:
Нам трудно отвечать, лишь если нас томит
Немолчный тот укор, тот потаенный стыд,

Что щеки жжет тебе вот этой краской алой.

Эвридика.

Себя стыдиться? Мне? Нет, не стыжусь нимало!

Будь выбор у меня, я выбрала б того,

Кто гордости моей принес бы торжество

На веки вечные деяньями своими,

Чье ты с почтением произносил бы имя!

Краснею и стыжусь я за тебя сейчас:

Нельзя пытать о том, что не для чуждых глаз!

Подумай; здраво ли ждать от меня признанья

В заветных помыслах, которым нет названья?

Долг, только долг велит вступить мне завтра в брак,

И знанье лишнее не друг его, а враг.

Пакор.

Но кто избранник твой, тот необык-

новенный,

О ком ты говоришь темно и прикровенно?

Эвридика.

Не говорила я, и ты не будешь рад,

Когда о тайне тайн уста заговорят.

Пакор.

За правду я готов платить любой ценою.

Так назови ж его, столь славного героя!

Царевич он иль царь, на ком сошелся свет?

Эвридика.

Меня достоин он — достойней в мире нет.

Пакор.

Не слишком сильно ли такое изреченье?

Эвридика.

Любви простительны все преувеличенья.

Границу, может быть, и перешла она,
Но к этому была тобой принуждена.
Когда к избраннику восторг в душе питаем,
Нам хочется, чтоб он был всеми почитаем,
И недостаточна любая похвала,
И честь великая всё для него мала.

Пакор.

Я многое узнал.

Эвридика.

Узнаешь много боле.
Тому, на что я шла по долгу, не по воле,
И в чем уверен ты, — «нет!» ныне говорю:
Не поведешь меня заутра к алтарю.
Я руку дам тебе, лишь если это пламя
Сумеешь погасить высокими делами,
Сумеешь так меня к себе расположить,
Чтобы одним тобой мне до могилы жить.

Напрасны были бы твои напоминанья,
Что назвала сама день бракосочетанья:
Безмерно тяжело на это мне пойти,
Но тайну вырвал ты, и нет назад пути,
И ни отец, ни царь, ни гнев, ни поношенья
Другого у меня не вынудят решенья.
Предупредить тебя об этом я должна.
Ты правду знать хотел, и вот ее цена.

Пакор.

Так увенчай скорей свои благодеянья
Последней милостью и скрась мне ожиданье
Времен, когда к моей ты снизойдешь любви:
Вслух имя громкое счастливца назови,
Что́ покорителем стал цитадели чудной.

Эвридика.

Не требуй этого в обиде безрассудной:
Лишь назову…

Пакор.

Я жду.

Эвридика.

И суток не пройдет,

Как Эвридику он супругой назовет.

Пакор.

Так, значит, он меж нас?

Эвридика.

Возможно, все возможно,

Но скрыт личиною такою осторожной,

Что не узнать его. Мне ль скромно служит он,

Или один из тех, что окружают трон,

Иль ищет у тебя прибежища и крова —

Страшиться можешь всех, подозревать любого,

Пусть он, казалось бы, не смеет и дерзать…

А главное страшись чрезмерно много знать.

Я говорю не то… Простимся же скорее:

Идет Пальмира к нам. Будь с ней сейчас добрее,

И да пленит тебя ее краса опять,

Пока моей любви ты будешь ждать и ждать.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Пакор, Пальмира.

Пакор.

Во имя всех богов, избавь меня от жалоб!

Страшиться должно мне столь многих, что достало б

На пятерых, и все грозят из-за угла.

К тебе я послан был, чтоб ты меня спасла,

И вот я вновь с тобой, и мы, забыв печали…

Пальмира.

Но не вернулся бы, когда бы не послали?

Так что мне проку в ней, что проку в ней тебе,

В любви безрадостной, в любви — чужой рабе?

Пакор.

Раба иль не раба, она с тобою ныне.

Пальмира.

Нет, не со мной она, со мной твоя гордыня.

Пакор.

С каких же это пор не радость и не честь

Меня к себе вернуть, мою любовь обресть?

Пальмира.

Со стародавних дней, царевич, всем известно:

Любить изменника постыдно и бесчестно.

Едва ему мигнут, он побежит на зов

И клятвенный обет сто раз забыть готов.

Пакор.

Пальмира! Ты права, я голову склоняю

И одного себя корю и обвиняю

В неверии твоем. Но милосердной будь!

Изменник горечью твою наполнил грудь,

И гнев твой справедлив, но все ж услышь моленье:

Пусть, опрометчивый, свершил он преступленье,

Но так жестоко был наказан, что пора…

Пальмира.

Ты преступление свершил, но я добра

И знаю хорошо, кто столь высокороден,

Тот менее других в деяниях свободен.

Державы интерес ему всего важней,

Он сердцу замолчать велит в угоду ей.

Пакор.

Мне горько разрушать мечты твоей созданье,

Но недостоин я такого оправданья:

Тут ни при чем престол, и ни при чем страна,

По легкомыслию измена свершена.

Мы заключили бы почетный мир без спора,

Пусть даже не было б о браке договора.

Я сам того хотел, и потому стократ

Изменник пред тобой, Пальмира, виноват.

Но искуплю…

Пальмира.

Когда измена ляжет тенью,

Кто любит, тот без слов предаст ее забвенью,

Чуть тень рассеется. Ты предал, изменил,

Но вовсе охладеть к тебе — увы! — нет сил.

Пакор.

Будь щедрой до конца и дай мне жить в надежде,

Что прежняя любовь вернется, что, как прежде…

Пальмира.

Тебе для этого придется указать,

Как мне любовь твою навеки привязать.

Быть может, способ есть…

Пакор.

О да, и он несложен.

Тогда, лишь пожелай, и станет непреложен

Двух любящих сердец счастливейший союз.

Для этого сними с меня сомнений груз,

Нужна мне истина, вся истина нагая!

Царевне мил другой, но, твердо это зная,

Не знаю, кто же он, в кромешной тьме брожу.

Скажи — и я любовь к ногам твоим сложу.

Ты к ней приближена, вы вместе ежедневно,

Тебе, конечно, все поведала царевна,

Мне имя назови, открой ее секрет,

И в вечной верности я дам тебе обет.

Пальмира.

Царевич! Твой обет недорогого стоит,
Несчастен, кто на нем свою судьбу построит.
Взаимной нежности однажды связь порвав,
Ты вновь в сознании своих высоких прав
Ее порвешь. О нет, не этой клятвой тщетной
Добьешься и любви и нежности заветной!
Ты недоверие тогда лишь победишь,
Когда с моей рукой свою соединишь.

Пакор.

Подумай: в этот миг, когда я жажду мщенья,
Когда любовь и гнев, обида, возмущенье
Мутят мне взор и я над пропастью стою,
Могу ль с твоей рукой соединить свою?

Пальмира.

Но если этого ты сделать не намерен,

Могу ль открыть тебе секрет, что мне доверен?

Нет, тайну госпожи узнает лишь один —

Всех тайн души моей, всех мыслей властелин,

Мое второе «я», пред кем молчать не смею:

Уста мне разомкнут лишь узы Гименея!

Пакор.

Меня не любишь ты.

Пальмира.

Хотела б не любить,

Но если есть любовь, ее не истребить,

Напрасно пробовать… Как некогда владела,

Так и сейчас любовь владеет мной всецело,

Но…

Пакор.

Имя назови иль о любви забудь.

Пальмира.

Да не толкнет меня любовь на этот путь,

Где ненависть царит, подстерегает злоба,

Где яростной войны разверзнется утроба!

Пакор.

Кого бояться мне? Сурена — мой оплот,

Так пусть за ратью рать сюда соперник шлет,

Ему кровавая могила здесь готова:

Кто верх над Римом взял, тот победит любого.

Пальмира.

Все так, но, господин, подумай и ответь:

За что ты хочешь мстить и в прах его стереть?

Когда, высок душой и сердцем благо-

роден,

Он доблестью своей царевне стал угоден,

Какой всезнающий провидец или бог

Его в те времена предупредить бы мог,

Что страстью бурною ты сам к ней воспылаешь?

Как избежать того, о чем еще не знаешь,

Чего пока что нет? Ты был другой пленен,

И в верности твоей не сомневался он.

Так неужели же за то, что без боязни

Он почерпнуть посмел из родника приязни,

Ты вынесешь ему суровый приговор?

Кто он, по-твоему? Убийца? Или вор?

Пакор.

Твой милый брат и ты во что бы то ни стало

На тайну жаждете накинуть покрывало.

Я говорю, прошу, но что вам до меня?

О как хитрите вы, свой интерес храня!

Ну что же...

Пальмира.

Господин!..

Пакор.

Беседа долго длилась,

Моим смятением ты вволю насладилась.

Прощай! Я подожду, чтоб гнев судьбы утих...

Пальмира.

Захочешь — одарит блаженством четверых.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ород, Силлаций.

Силлаций.

Я в глубь его души, невидимую глазу,
Пытался заглянуть по твоему приказу,
Но был Сурена сух, закрыт, невозмутим.
Ты сможешь сам судить, что́ происходит с ним, —
Он скоро явится. Но мне, признаюсь, мнится —
За равнодушием смятение таится,
В его спокойствии заученность сквозит.
Так речи сдержанны, так неприступен вид,
Как будто, движимый неведомой причиной,
Он укрывает страсть бесстрастия

личиной.

Ород.

Мне подозрителен спокойный этот лик:

Я — царь, он — подданный, но я — его должник

По гроб, да, да, по гроб, скажу без умаленья,

А неоплатный долг тяжеле оскорбленья.

Когда превыше он всех мыслимых наград,

Неблагодарности мы ощущаем яд,

Негодование нам сердце возмущает,

И преданность претит, и польза не прельщает.

Я жизнь в изгнании безрадостно влачил,

Мне скипетр утраченный Сурена вновь вручил,

Суреной, им одним повержен Красс надменный,

А что могу в ответ я сделать для Су-

рены?

Престол с ним разделить? Зачем ему престол?

Он овладел бы им, когда б не предпочел

Его опорой стать. Я плакал в униженье,

Сурена между тем выигрывал сраженья.

Теперь я трепещу, и все во мне кипит

При мысли, что себя он сам вознаградит.

Судьбой обласкан он, с ним слава неразлучна.

То и другое мне опасно и докучно.

Блажен тот властелин, что окружен толпой

Людей посредственных и схожих меж собой:

Он среди них мудрец и доблестнейший воин,

И, значит, только он носить венец достоин.

Силлаций.

Чтоб сбросить темных дум и колебаний гнет,

Два крайних выхода политика дает:

Сурену погуби, а лучше зятем сделай.

Он знатен и богат, он полководец смелый,

И с дочерью царя его возможен брак:

Что, если этот царь не друг тебе, а враг

И выбор в час войны перед Суреной встанет?

Ужель отец жены к себе не перетянет?

Что проку будет клясть изменчивость людей?

Или свяжи с собой, или его убей.

Тут середины нет.

Ород.

Ты прав, и вывод ясен.

Но если он на брак с Манданой не согласен,

Решусь ли я тогда?.. Уже бросает в дрожь…

За возвращенный трон, за верность долгу — нож?

Молчи! Пусть сгинет все, я и держава вместе, —

Таким бесчестием не запятнаю чести!

Да не дерзнет никто разумным то назвать,

Что может совершить лишь самый низкий тать!

Силлаций.

Он славою своей давно тебя тревожил,

Зачем же, господин, ты сам ее умножил,

Позволив Рим попрать? Когда бы Артабаз

Вошел с тобой в союз, ты многое бы спас.

Ород.

Ошибка, признаюсь, в мои расчеты вкралась:

Без помощи моей, Силлаций, мне казалось,

Нельзя осилить Рим. Обрушась на ар-

мян,

Я думал привести к покорности их стан.

Ужель не предпочтет блистательного зятя

Владыка Артабаз бесчинствам вражьей рати?

Ужель его народ, напуганный войной,

Не встретит кликами почетный мир со мной?

Сурена между тем в единоборстве с Римом

И под давлением его неодолимым

Все будет отступать, и вот тогда Ород

Сурену вызволит иль к гибели толкнет.

Мир заключил со мной армянский царь смиренно,

Но римлян победил и без меня Сурена:

Едва был договор подписан, как до нас

Дошло известие: убит Суреной Красс.

Могуча и крепка теперь моя держава,

Плоды победы — мне, ему, Сурене, — слава...

О да, я выиграл, но больше, чем хотел,

О да, я властелин, но труден мой удел.

Европа с Азией мне робко шлют молитвы,

Хотя не мой клинок разил в разгаре битвы;

Соседние цари утратили покой,

Я в страхе их держу, но не своей рукой.

Страх и меня томит: что, если в брак с Манданой,

С моею дочерью, мечтой царей желанной,

Не пожелает он, мой подданный, вступить?

О благодарности, о совести забыть?

Силлаций.

Как! Допускаешь мысль, что он, пренебрегая...

Ород.

Быть может, есть уже избранница другая?

Быть может, славою по праву вознесен,

Лишь сердца своего он признает закон?..

Он! Нас вдвоем оставь!

Силлаций уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ород, Сурена.

Ород.

Как тяжкие недуги, —

Кто бы подумать мог! — меня томят услуги,

Сурена доблестный, что ты мне оказал.

Чем одарить тебя? Так бесконечно мал

Дар драгоценнейший, а подвиг так огромен!

Приди на помощь мне, не будь, Сурена, скромен,

Сам цену назови, дабы я мог совлечь,

Пусть и не полностью, неблагодар-

ность с плеч.

Сурена.

Я долг исполнил свой, не боле и не мене,
За это, господин, не жду вознагражденний.
Я славой осенен, наградой из наград,
Других не знаю цен и не хочу оплат.
Но если все-таки от царской благостыни
Ты щедро оделить меня желаешь ныне,
Я об одном прошу: на свете может всяк,
Мудрец из мудрецов, неверный сделать шаг.
Так не лишай меня, о царь, расположенья
И гневом праведным разить за прегрешенья
Не торопись...

Ород.

Как мне твои слова понять?
Ты просишь, чтобы я не стал тебе пе-

нять

Неведомо за что? Дождаться преступленья

И лишь тогда явить свое благоволенье?

Нет, слава небесам, иной открыт мне путь —

Связь кровного родства меж нами протянуть;

Вот подвигов твоих достойная оплата.

Сурена.

Я дерзкую мечту носил в душе когда-то,

Но для царевича…

Ород.

Пальмиру он любил,

Но долга высшего веленью уступил,

Чтобы с армянами быстрее примириться.

Утешь свою сестру: ей прочат трон царицы

Владыки многих стран. А минет эта

ночь —

И руку даст тебе царя Орода дочь —

Все, что его руке доверено судьбою:

На царство я венчан не ею, а тобою.

Сурена.

Ни с чем такую честь сравнить я не могу,

Но выслушай меня, смиренного слугу.

Исполненный любви, отеческой заботы,

Мандане царственной в супруги дай того ты,

Кто ровня ей во всем. Со мной она падет,

Затем что не взойти мне до ее высот.

Я только подданный, и как царевну ранит,

Что и она, увы! лишь подданною станет,

Что, пусть прославлен я и пусть ты ласков к нам,

Но подданными быть вовек ее сынам!

В безмерном чаянье прибыв из дальней

дали,

Могучие цари ее руки искали,

А ныне ты велишь дать эту руку ей

Простому смертному, отвергнув всех царей!

Мне навсегда позор, ей стыд и униженье.

Но если, господин, за верное служенье

Ты хочешь мне воздать, вступив со мной в родство,

Союз моей сестры и сына твоего

Всем будет по душе. Твои отцы и деды

Парфян учили жить под знаменем победы,

Так пусть не думает в грядущем твой народ,

Что кровь поверженных в его царях течет.

Брак, что задумал ты, спокойствию опасен:

Волнуются войска, их ропот громогласен,

А люд простой твердит, что никакой

приказ,

Будь победителем не ты, а Артабаз,

Не поразил бы их ударом столь нежданным.

Страшнее, чем война, подобный мир армянам.

Все толки я пресек, но, внемля их словам,

Войну, не этот мир, ты предпочел бы сам.

Ород.

Ты мне передаешь их болтовню о мире

Не для того ль, чтоб сесть на царский трон Пальмире?

Заране милости не для того ль просил,

Что дерзновенно стал главой мятежных сил?

Кто побеждает Рим, царя дарует троном,

Тому доступно все, наперекор препонам,

Но все меняется, и доблестный герой

Игрушкою судеб становится порой.

Я договор скрепил и верен договору:

Царевна по душе царевичу Пакору,

И более того: меня он поддержал.

Не скрою, что Фрадат{183} Пакору угрожал,

И опасается теперь наследник брата,

Как в прежние года я — козней Митридата{184}.

Фрадат честолюбив и, злобу затая,

Стремится…

Сурена.

Помнит он, что долг свой помню я,

Что я тирана сверг, что мной мятеж подавлен,

Что…

Ород.

Ты за это все заслуженно прославлен,

{183} Комментарии: 2.183

К стр. 573

Фрадат — парфянский царь Фрадат IV, который соперничал с Пакором из-за престола Парфии и занял его, видимо, после смерти Орода.

{184} Комментарии: 2.184

…козней Митридата. — Речь идет о борьбе Орода с Митридатом III, которому удалось на короткое время (57–55 гг. до н. э.) завладеть парфянским троном.

Но, пусть венец и трон мне подарил твой меч,

Моею дочерью ты вправе ль пренебречь?

Сурена.

Не пренебречь, о нет, но знать — ее достоин

Царь, а не подданный, властитель, а не воин.

Освободи меня, со службы отпусти,

И я к владычеству пробью себе пути.

Кто повергает Рим, царя дарует троном,

Тому доступно все, наперекор препонам —

Не так ли ты сказал? Дай, господин, мне срок,

Дабы Мандане скипетр вручить Сурена мог,

Дабы венчал ее коленопреклоненно!

Мне сам назначь страну — и, верой окрыленный,

Помчусь престол добыть или костьми

полечь.

Тогда не спросишь ты, как смею пренебречь

Твоею дочерью. Но, повторяю снова,

Я только подданный, и жребия другого

Не жду, и за тебя умру сто раз на дню,

Но царственную кровь своей не замутню.

Ород.

Не знаю, что таит смирения ограда,

Но откровенно нам поговорить бы надо.

Да, ты мой поданный, но столь при том могуч,

Что в мире для тебя нет недоступных круч.

Ты именем моим двух областей правитель,

И каждая из них — бесчинных сил обитель:

Там буйство ярое всегда кипит на дне…

Над ними властен я, пока ты верен мне:

Они, признав тебя своим вождем надежным,

При верном верные, восстанут при мятежном.

Да что и говорить! Как я, так царь любой

Хотел бы свой удел соединить с тобой.

Победа для тебя привычкой стала ныне,

И даже гордый Рим дрожит в своей твердыне.

Ты жаждешь ли блеснуть, в меня ль вселяешь страх,

По десять тысяч душ всегда, как на часах,

Стоят вокруг тебя. Не велика ли свита?

Сурена! Я сейчас скажу тебе открыто:

Мне будет видеться в тебе опасный враг,

Пока с Манданою тебя не свяжет брак.

Сурена.

Но чем я заслужил такое недоверье?

Кто обвинит меня в преступном лицемерье

Или подкупности? Властитель! Сколько раз

Успел бы подкупить меня и тот же Красс

И Митридат…

Ород.

К чему о Митридате с Крассом

Опять заводишь речь? Пусть слава зычным гласом

Несет тебе хвалу — я ей велел трубить:

Я должен помнить все, ты ж должен все забыть.

Признательность за трон меня с тобой связала,

Твердить об этом мне, тебе ж молчать пристало.

Я благодарностью свою наполнил грудь,

Я памятлив, но ты назойливым не будь.

Сурена.

К судьбе моей сестры хочу вернуться снова.

Ты мне сказал, что долг — непрочная основа

Для верности. Пусть так! Но ничего прочней

Сестры-владычицы, племянников-царей —

Родства столь близкого — меня с тобой не свяжет.

Тогда уже ничто меж нас двоих не ляжет,

И — в нынешний ли день, в грядущие ль года

Мы будем заодно во всем, везде, всегда.

Ород.

Ты хочешь, чтобы я свое нарушил слово

В канун таких торжеств, когда к ним все готово?

Чтоб друга сделал вновь противником своим

И в нем союзника обрел вторично Рим?

Пусть, зубы сжав, Пакор на это согласится —

Что скажет дочь царя? И царь на что решится?

Сурена.

Не думай о царе — тут я берусь помочь.

Ручаюсь за отца, ручаюсь и за дочь.

Что, кроме горести, ей в этом договоре?

Она царевичу открылась в разговоре,

С какими чувствами ждет завтрашнего дня.

Еще одно скажу, и ты поймешь меня:

Ей мил другой.

Ород.

Кто он?

Сурена.

Назвать не захотела,

Но о любви своей она сказала смело,

Сказала о мечте расторгнуть договор,

Что проклял твой народ, как бремя и

позор.

Ород.

Мне у народа ли спросить иль у Сурены,
Чью кровь я вправе влить своим потомкам в вены?
Чтобы решить вопрос иль огласить приказ,
Не до´лжно ль мне просить совета всякий раз?
Что ж, если страсть сильна в царевиче к Пальмире,
Пусть с Эвридикой рвет, не думая о мире:
Получит от меня согласие Пакор,
Потом уже решим, как отвратить раздор.
А ты, проникнутый униженностью странной,
Отвергший наотрез союз с моей Манданой,
Возьми себе жену по вкусу и под стать,
Но бойся повод мне для подозренья дать

В недобрых замыслах. Жду быстрого ответа,

Дабы найти покой и позабыть про это.

Сурена.

Я не решил еще, кого избрать.

Ород.

Реши,

Не то я сам решу. Сурена, поспеши!

Сурена.

Но если, господин, я был бы обесславлен,

Когда б открыл тебе, куда мой взор направлен?

Ород.

Иди и не забудь: любя иль не любя,

Сегодня же реши, с кем свяжешь ты себя.

Тем временем займись царевной Эвридикой.

Внуши, что надлежит и ей, прекрасноликой,

Свою обязанность исполнить без при-

чуд.

Добавь еще, что царь бывает в гневе крут.

Твою сестру сюда я вызвал для дознанья,

С ней общие ль у вас мечты и притязанья.

Сурена уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ород, Пальмира.

Ород.

Пальмира! Поразил меня сейчас твой брат:

Не только доблестью, он и умом богат;

Признаюсь, от него не ждал такого блеска.

Он дочь мою отверг столь здраво и столь веско,

Что пусть я с ним суров, недружелюбен был,

Но в правоте своей меня он убедил.

Я понял, любит он кого-то, но кого же?

Кто из прелестных дев Сурене всех дороже?

В безмерной щедрости на чей принес алтарь

Союз, которым бы гордиться мог и царь?

Пальмира.

Он холоден ко всем, казалось мне.

Ород.

Напрасно!

Царевна между тем призналась громогласно,

Что кем-то издавна душа ее полна.

Тебе известно — кем, с тобой она дружна.

Пальмира.

Но даже если мне она открыла душу,

Ужель ее предам? Доверие нарушу?

Честь запрещает нам измены совершать.

Ород.

Не думаешь ли ты, что волен разрешать

От всех запретов царь? Но вот мое решенье:

Не на руку и мне сей тайны разглашение,

О ней не говори, зато свою открой.

Пальмира.

Свою? Но у меня нет тайны никакой.

Люблю по-прежнему с неизъяснимой силой

Того, кто был всегда мне дорог.

Ород.

Но помилуй,

Ты так слаба душой? Нет у тебя стыда?

Он разлюбил, а ты, ты любишь как всегда!

Пальмира.

Не слабодушие — величье духа в этом.

Всю нежность подарить, связать себя обетом

С властителем своим — какой же тут позор?

Царевич на меня когда-то кинул взор

И сердце подарил… О, я была любима,

И память этих дней вовек неизгладима,

Когда он, доблестный, он, воплощенный пыл,

Ответной нежностью меня воспламенил!

Ород.

Так отомсти ему и этот клад великий,

Свою любовь, отдай достойному владыке.

Пальмира.

Взойдя на царский трон, изгнанницею стать?

Того, кто всё мне мил, не видеть, не встречать?

О нет, я каждый день хочу скрещать с ним взгляды,

Но не для жалостной ребяческой от-

рады:

Не снизошла бы я для малости такой,

Трон не отвергла бы, пусть и в стране другой.

Есть для покинутой, для той, чья жизнь — мученье,

Напиток сладостный, всем болям облегченье:

За ним, изменником, за палачом моим

Следить без устали. Влюблен, но нелюбим,

Ко всем ревнует он. Со мною встретясь взором,

Себя терзает он убийственным укором.

Он руку дал не мне, но жертвой стал моей.

Тоска и стыд язвят, и, что ни день, больней.

Он взглянет на меня, на лик бескровно-белый,

Где повесть скорбную любовь напечатлела,

И горестно вздохнет. Услышит сердца

стон —

И все прошедшее невольно вспомнит он,

Но только чтоб сказать: «Увы! Я счастье ведал,

Но клятвы преступил и это счастье предал».

И вот тогда, поняв свою вину вполне,

Он будет каяться и плакать обо мне.

Вот в этом, господин, и будет мне награда,

Вот в этом мщение — другого мне не надо.

Вот почему менять не стану свой удел.

Теперь ты знаешь все, что так узнать хотел.

Ород.

Итак, ты думаешь, что на вершине власти

Нас, повелителей, волнуют ваши страсти?

И мы, всходя на трон, берем любовь с

собой,

Чтоб, на утеху вам, жить под ее пятой?

Нет, царь вступает в брак, чтоб укрепить державу,

Чтоб юные сыны ему стяжали славу

И, стоя за него, хранили рубежи:

Где мало мстителей, там плещут мятежи.

Нам судьбы вверены народов и, пойми ты,

Мы слепы к красоте, для нежности закрыты,

Лишь государство в счет, тревожит лишь оно,

А думать о любви владыкам не дано.

Придет — мы рады ей, а нет — напрасен ропот.

Поверь, мне говорит об этом мой же опыт.

Свирепой ревности неведом нам недуг,

Заплачут из-за нас — жалеть нам недосуг.

Надежды тщетные оставь — они бесплодны

И лишь для низменных, для слабодушных годны.

Страдает или нет царевич, слез не лей,

Супруга избери из верных мне царей.

Пальмира.

Прости меня, но брак душе болящей страшен,

Когда он холоден и чувством не украшен.

Мне память о любви царевича былой

Дороже, чем венец супруга золотой.

Ород.

Окончен разговор. Добра ты хочешь брату,

Как я хочу, чтоб ты не понесла утрату.

Так передай ему — не скрыл словесный мед...

Пальмира.

Чего, мой господин?

Ород.

Сурена сам поймет.
Пусть думает. Прощай!

Пальмира *(одна).*

О сумрачные речи,
Вы горестей гонцы, грядущих бед предтечи!
Обоих любящих, о небо, охрани!
Что, если выдадут свою любовь они?

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Эвридика, Ормена.

Ормена.

За те признания, что сделаны тобою,
Сурена, может быть, ответит головою.
Со слов Силлация, он будто бы тотчас
Под стражу будет взят — мол, есть такой приказ.

Эвридика.

На это не дерзнет никто!

Ормена.

Хвалы достойна
Твоя уверенность, но слишком ты спокойна:
Лишь две руки даны герою, не забудь,
А слава — щит плохой и не укроет грудь.

Эвридика.

Я знаю, с доблестным всегда завистник рядом
И жизнь чистейшую напитывает ядом,
Но как посмела ты подумать, что его
Возьмут…

Ормена.

Вы любите — довольно и того.

Эвридика.

Кто этот слух пустил?

Ормена.

Лишь он и ты в ответе.
Мандану он отверг, другой нет на примете,
Ты любишь, но таишь, кто он. Прости меня,
Твоя таинственность для всех яснее дня.

Эвридика.

Ты запугать меня стараешься так рья-

но...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Пальмира.

Пальмира.

О госпожа моя, у всех ворот охрана!
Ни выйти, ни войти без ведома царя!

Эвридика.

Не все ли нам равно, по правде говоря?

Пальмира.

Боюсь, что гибелью грозят кому-то тучи!
Боюсь, что молния расколет ствол могучий!
За брата я дрожу.

Эвридика.

Дрожишь? Но почему?
Он спас царя, и царь признателен ему.

Пальмира.

Ты думаешь, отказ Сурены от царевны
Не оскорбил его? Не вызвал вспышки

гневной?

Эвридика.

Заслуги прошлые царь должен награждать

И должен помнить их — другого можно ль ждать?

Пальмира.

Он должен, ты права, и все же оскорбленье

Заслуги прошлые сотрет без промедленья,

И ляжет тяжело такой обиды мгла

На все минувшие свершенья и дела.

Эвридика.

Однако мужества в сестре героя мало.

Пальмира.

Его возлюбленной беспечность не пристала.

Эвридика.

Пусть сходствует душой возлюбленная с ним

И верит, что в борьбе богами он храним.

Пальмира.

Нет, в любящей душе и нежность и тревога,
Когда грозят враги, когда врагов так много.
Ужели станет ждать бестрепетно она,
Чтоб кара страшная была совершена?
Столь величавое, надменное геройство —
От века чуждое природе женской свойство,
А та, что и любя бесстрашие хранит,
Пусть знает: у нее не сердце, а гранит.
Ты брата моего нисколько не любила,
Иначе вздрогнула б, слезинку б уронила
Хотя бы для того, чтобы его сестра
Не думала, что ты на чувства не щедра.
Увы! Не снизойдет она к моим стенаньям,

Не удостоит их растроганным вниманьем!

Никто поверить бы не мог до этих дней,

Что узы кровные любовных уз прочней.

А впрочем, как сравнить с твоей мою утрату?

Любимый заменим, но нет замены брату.

Он у меня один, но будь их даже сто,

Сурену заменить не мог бы мне никто!

Эвридика.

Когда бы я и впрямь утратила Сурену,

Ты думаешь, что я нашла б ему замену?

Что пред угрозою тому, кем дорожу,

Я менее, чем ты, пугаюсь и дрожу?

Приписываешь мне безжалостность и твердость,

Меж тем обеим им одно названье — гордость.

Она холодной быть приказывает мне,

Но сколько боли здесь, в сердечной глу-

бине!

Всю правду до конца сейчас тебе открою:

Предчувствую, что смерть ползет уже к герою

Из-за меня, увы!.. Ему спасенья нет,

И остается мне пойти ему вослед.

Пальмира.

Ты больше сделала б, истратив меньше пыла.

Возьми себе того, кого я так любила,

И брата сохрани. Ты в брак вступить должна,

Так с нареченным будь покорна и нежна.

Эвридика.

Любовь притворствовать от века не умела,

Она открыла все, все высказала смело;

Столь многое узнав, Пакор уже не ждет,

Что счастье полное он в браке обретет.

Вслух объявив ему, что я люблю другого,

На этом я стою и умереть готова,

Любые горести, любую боль стерплю,

Но не солгу, любя, что больше не люблю.

Пальмира.

Я вижу, ты на смерть его послать стремишься.

Эвридика.

Таких жестоких слов сама ты устыдишься.

Пальмира.

О госпожа! Мой брат на гибель обречен

За то, что любишь ты, за то, что любит он.

Чтобы спасти его, должны без колебаний

Ты — взять царевича, он — руку дать Мандане.

Эвридика.

Пусть руку ей дает, отрекшись от ме-

ня,

Но если делит он пыл моего огня,

Пусть терпеливо ждет, чтоб залечились раны

И стал бы наконец мне дорог брат Манданы.

Сурену изгони ты из моей души,

Коль можешь, ненависть ему ко мне внуши,

Заставь его восстать, заставь разбить оковы

И прежнюю любовь сменить любовью новой.

Ты можешь мне помочь, сочувствия полна,

Чтобы любовь моя была не так сильна,

И примирюсь тогда я со своей судьбою:

Притушенный огонь угаснет сам собою.

Пальмира.

Я место уступлю царевичу сейчас:

Ему я лишняя. В беседе глаз на глаз

Одушеви его надеждой, и, быть может,
Он свой ревнивый гнев на милость переложит.
Меня ваш разговор, царевна, так страшит,
Что меньше мучает боль собственных обид.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Эвридика, Ормена, Пакор.

Эвридика.

Царевич! Почему везде стоит охрана?
Боишься, что сбегу? Все это очень странно.
Иль так готовишься ты к брачным торжествам?

Пакор.

Есть тайны у тебя, так почему бы нам
Своих не завести? Тебе лишь повинуясь,
Твои друзья молчат, и мы, не обинуясь,

Молчим, как царь велел. По нраву или нет,

Подобно нам, гадай, отыскивай ответ.

Эвридика.

Случается порой и прогадать, гадая.

Пакор.

Что ж, прогадав, найду виновного всегда я.

Ты любишь и хотя не ведаю — кого,

Зато наперсника я знаю твоего,

А он преступней всех. Любовник тайной связан,

Но подданный царю все донести обязан;

Кто дело утаит, в котором царству вред,

Недолго будет тот глядеть на белый свет.

Итак, наперсник твой... Не нужно продолженья,

Когда в глазах твоих всех мыслей отраженье.

Эвридика.

Царевич! Я беру в наперсники друзей:

Ужель не стоит друг хоть жалости моей?

Пакор.

Я знаю, ты к друзьям добра и даже боле:

Об их несчастиях, как о своей недоле,

Готова горевать. И все же говорит

Об очень многом мне твой удрученный вид.

Какому предалась ты страху и смятенью,

Едва лишь на него легла опасность тенью!

Как не подумать мне — все выдумка, все ложь,

И ты наперсником соперника зовешь?

Эвридика.

В одном ли он лице иль в двух — при чем тут числа?

Опасность над тобой, а не над ним нависла.

Пакор.

Ах так! Ты вздумала грозить мне в свой черед?

Твоя любовь слепа и к гибели ведет.

Эвридика.

Слепа ль моя любовь иль это только мнится,

Ты сам сейчас поймешь. Пора нам объясниться.

Царевич! Я должна и я хочу считать,

Что лишь тебе дано моим супругом стать,

Владеть моей рукой. Я верю, что сумею

Когда-нибудь отдать и сердце вместе с нею.

Настанет этот день, и в брак вступлю с тобой.

Того, кто дорог мне, не окрылю мечтой,

И, если ты меня к разрыву не принудишь,

Ты, только ты один моим супругом будешь.

Чтобы зажглась любовь, понадобится срок,

Тут уважение мне преподаст урок,

Но если будет так, что, движим нетерпеньем,

Не остановишься ты перед преступленьем...

Надеюсь, понял ты, о чем веду я речь

И от чего спешу тебя предостеречь.

Отныне честь моя слилась с твоею вместе,

Я пятен не хочу на общей этой чести,

Ты ж, подозрению постыдно волю дав,

Ты заклеймишь себя, на честь лишишься прав,

Позором навсегда свое покроешь имя

Неблагодарными деяньями своими.

Ужели я тогда с тобою не порву?

Тебя, преступника, супругом назову?

Ужель приму венец, весь в пятнах крови алой

Того, чье мужество его завоевало,

И к Риму на поклон пойду, скрывая

стыд,

Затем что ты разбил единственный свой щит?

Да, уничтожен Красс, но Рим, как встарь, твердыня,

И новые вожди исполнены гордыни.

Они, собрав войска, готовятся к борьбе,

И полководец твой необходим тебе.

Царевич! Вот о чем все время помнит, мучась,

Та, чья с твоей должна соединиться участь.

Бесчестья грязный знак чело отметит ей,

Коль назовет ее супругой царь-злодей.

Пакор.

Какой развязке быть, несчастной иль счастливой,

Зависит от тебя. Умерь свой нрав строптивый,

Исполни то, что мне твой обещал отец.

Заутра возложу я на тебя венец,

И будет в мире жить наперсник твой и милый.

Моя любовь к тебе полна такого пыла,

Безмерной нежности, почтенья, чистоты,

И чем же на нее мне отвечаешь ты?

Тебя, надменную, не трогает мой пламень,

Вся боль души...

Эвридика.

А я, по-твоему, я — камень?

Мой дух смятеньем чувств, тревогой не томим?

Тебя я не люблю, но я любима им!

Тебе мой долг несет недуга исцеленье,

Мне ж права не дает он даже на мученье,

Ты через краткий срок избавишься от мук,

Я ж до скончанья дней в груди замкну недуг.

Пакор.

Порой годам равна мгновения крупица,

И проволочкою царь вправе оскорбиться.

Подумай же о том, что, гневом распален,

Месть на ослушников обрушить может он.

Эвридика.

Царь властен надо мной, так пусть без колебаний

Отвагу явит он на этом поле брани.

Пакор.

Прошу, будь мягче с ним и помни лишь одно:

Героя твоего тебе спасти дано.

Доспех твой уязвим: боязнь за сердцу милых

Никто бестрепетно перенести не в силах.

Эвридика.

Доспех мой уязвим, всем сердцем я люблю,

Но жалкой слабостью любовь не посрамлю.

Меж тем сей мудрый царь со мной столь благороден,

Что мне его приказ стократно стал угоден!

Прошу, не забывай; путь долга — тесный путь,

Легко с него сойти и в сторону свернуть.

Лишь первый шаг тяжел, потом, разбив оковы,

Любовь стремительно идет стезею новой,

И может стать она тираном в свой черед,

Жестоко подавив ее давивший гнет.

Пакор.

Царевна…

Эвридика.

Ухожу. А если гнев клокочет

И в необузданных словах излиться хочет,

Ты выход для него и без меня найдешь:
Наперсник мой идет, ему все изольешь.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Пакор, Сурена.

Пакор.

Я горько сетую, я возмущен безмерно!

Сурена.

Кем, господин?

Пакор.

Тобой. Не вздумай лицемерно
В непонимание играть. Как ты хитрил
В то время, как тебя я дружбой одарил
И простодушно ждал лишь твоего совета!
Неискренностью ты мне заплатил за это.
Но выдают любовь и сжатые уста,
Завеса скрытности сквозит, как ни густа,
Молчанье говорит яснее внятной речи,

Любви не спрятаться — ее видать далече.

Вот и твоя любовь — все ведают о ней,

Хотя со мной ты был лукавее, чем змей.

Сурена.

Владыка сетует всегда не без причины,

Но все ж какие ты за мною числишь вины?

Пакор.

Ты столь почтительно отверг мою сестру,

Что заподозрил я нечистую игру.

Своим заранее обдуманным отказом

Высокий строй души и благородный разум

Ты выказать хотел, но — стыд мне щеки жжет! —

Словами оградясь, ее послал вперед,

Чтобы надменная в порыве своенравном

Пренебрегла отца велением державным,

Чтоб ей одной пожать всю славу за отказ,

А ты, свою любовь укрыв от наших глаз,

Ты тщился между тем, коварный и двуликий,

Меня Пальмирою отвлечь от Эвридики.

Мне гнев отверз глаза, уразуметь помог —

Для самого себя царевну ты берег!

Твой долг повелевал на то потратить время,

Чтоб я в ее глазах отличен был пред всеми,

Но ненавистней всех я для нее сейчас.

Искусно выполнен тобой царя наказ!

Сурена.

Понятно, господин. Тебя ль, меня ль избрала,

Ты ль ею не любим, я ль не люблю нимало,

Но, подданный царя, к тому ж Пальми-

ры брат,

За всех несу ответ, во всем я виноват.

Как будто с легкостью, как тысячною ратью,

Душой в огне любви могу повелевать я,

Как будто не трудней к кому-то страсть внушить,

Чем возвратить венец иль римлян сокрушить!

Скажу, не побоясь свои сгустить напасти,

Что у властителя нет над сердцами власти,

Что никаких царей любовь не признает,

Царица гордая, сама себе оплот.

Посулы щедрые она презреньем встретит,

На принуждение восстанием ответит.

И ты, мой господин, ты покорился ей,

Так почему же я преступник и злодей?

Когда мои слова не истина из истин,

Стань Эвридике мил, Пальмире нена-

вистен,

Иль сердцу повели рабом рассудка стать —

К царевне охладеть, к Пальмире воспылать!

Сумеешь справиться иль с ними, иль с собою,

Тогда и угрожай мне карою любою,

Ну а сильней любовь, чем ты или они,

Меня в ее делах, царевич, не вини.

Пакор.

Могу простить любви порывы исступленья,

Но не молчание и лжи хитросплетенья.

Виновные в такой злокозненной игре,

Намеренно иль нет, опасны при дворе.

Пусть заметет следы и спрячет все улики

Тот подданный, что стал соперником владыки,

Но каждый вздох его как занесенный нож:

Он с заговорщиком, с цареубийцей схож.

А если счастлив он в своей любви незрячей,

Тогда в прощении нуждается тем паче,

Царю и, значит, всем грозя нанесть урон.

Сурена.

Пусть так, но, может быть, не так виновен он?

Он первый полюбил, и он любим, и все же

Ту, что его душе самой души дороже,

Готов властителю смиренно уступить.

Как не сочувствовать ему? Как не простить?

Пакор.

Достоин похвалы, кто уступил без спора,

Но если «Нет!» твердит она, предмет раздора,

Все пышные слова лишь для отвода

глаз

И, лицемерные, вражду рождают в нас.

Сурена.

Не ты ли говорил, царевич, о прощенье?

Минуты не прошло — и речь ведешь о мщенье.

Прощенья царского не ждет высокий дух,

К угрозе мщения он замыкает слух.

Мои сподвижники вне городской ограды,

А у ворот стоят Силлация отряды;

Все ждут, что взять меня под стражу царь велит, —

Пусть ожидания напрасно он не длит,

Исполнить я готов владыки повеленья,

И меч и голову сложу без промедленья,

Вся кровь, вся жизнь моя царю принадлежат,

Но, утеряв меня, он не сочтет утрат.

Я славу заслужил и, если век мой дожит,

Примеру моему пусть следует, кто

может.

И все же, оборвав в неистовстве мой путь,

Придется — и не раз — тебе о том вздохнуть.

Пакор.

Так с высшим говорить, Сурена, не пристало:

В спесивой доблести нет доблести нимало.

Ты подвиги свершал, выигрывал бои,

Отлично знает царь деяния твои.

Не раздражай его и не гневи меня ты,

Тогда твой властелин не понесет утраты.

Пример покорности всем подданным яви,

А не пример слепой и пагубной любви.

Высокого душой бесстрашье украшает,

Что с ним идет вразрез, все гордость заглушает,

Но большего, пойми, достичь бы мог герой,

Когда бы он себя обуздывал порой.

Царица к ночи здесь появится с Манданой.

Сурена! Мой совет подсказан дружбой рьяной:

Люби иль не люби, но ты себе не враг,

И если царь сказал: «Хочу, чтоб было так!»...

Прощай! Остерегать не станет царь двукратно.

Сурена.

Ну что же, мне теперь моя судьба понятна:

Спокойно жду ее — душе неведом страх.

Я честь не уроню, а жизнь в твоих руках.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ород, Эвридика.

Ород.

Признаний не хочу! Несет с собой опасность
Нагая истина, безжалостная ясность:
Чтобы хоть проблески надежды уберечь,
Я правде предпочту двусмысленную речь.
Охрану верную я у ворот поставил,
Немедленно уйти его людей заставил
За стены города, боясь, что, ослеплен,
Тебя насильственно похитить может он,
А добродетели не совладеть с насильем.
К тому ж любовь славна уловок изобильем,

И гнев она смягчит: ведь примиренья миг

Для любящих сердец сладчайших чувств родник.

Как я ответил бы на это похищенье,

Подскажет без труда тебе воображенье,

И меры принял я, дабы избегнуть бед,

Без размышления, ты любишь или нет.

Эвридика.

Я пред тобой в долгу за это попеченье:

Не втуне, господин, подобное раченье,

Но пусть неведенье предпочитаешь ты,

К герою сохранить толику доброты

Дозволь, когда судьба ему удары множит.

Меня грядущее, как и тебя, тревожит.

О похищении мне говорить невмочь.

Долг гонит эту мысль, кричит ей гордость: «Прочь!»

Пусть добродетели не совладать с насильем,

Пусть славится любовь уловок изоби-

льем,

Но противостоит любви и силе честь:

Бесстрашен знающий, что выход в смерти есть.

Супругом будет мне царевич.

Ород.

Да, но сроки

Счастливейшего дня, считает он, далёки.

Эвридика.

Сегодня вечером тот наступил бы срок,

Когда бы у тебя царевич взял урок

Владения собой, но любопытства жало

Мне в сердце заглянуть Пакора побуждало.

Узнал он, что любовь к другому там живет,

И в наказание пусть терпеливо ждет.

Ород.

Имеет каждый срок какие-то границы.

Эвридика.

Долг выше, чем любовь, нельзя ей не склониться.

Кто преисполнен им и в помыслах высок,

Тот победить себя сумеет в краткий срок.

Порой хватает дня, а иногда — мгновенья,

Чтоб снизошло на нас благое озаренье,

Взываем, жаждем, ждем — его все нет и нет,

Вдруг, неожиданно, тот вспыхивает свет.

Но от меня пока не жди такой минуты:

В душе моей темно, я вся во власти смуты,

Предчувствий горестных и самых черных дум.

Лишь ими поглощен взволнованный мой ум.

Ород.

Опасность, думаешь, Сурене угрожа-

ет?

Эвридика.

Он слишком доблестен, и ненависть сужает
Свой стан вокруг него: разгневан властелин,
И яростью кипит царя ревнивый сын…
Но не любовь меня тревожит и терзает,
А… Сло́ва вымолвить язык мой не дерзает;
Меня осудишь ты. Признаний не зови
И снисходительно все припиши любви.

Ород.

Нет, душу мне излей, как искреннему другу,
Иначе не помочь мне твоему недугу:
Спасти болящего тогда лишь можем мы,
Когда болезнь его не кроет полог тьмы.

Эвридика.

Но если я скажу: тревогой дух охвачен

За тот престол, что мне тобою предназначен,

Что отвоеванный Суреною венец

Опять захватит Рим, едва придет конец

Герою мощному, что жертвой Митридата

Увижу я тебя, Пакора и Фрадата,

Что, если смерти пасть поглотит твой оплот,

Тебя, мой господин, опять изгнанье ждет —

Ты эту речь сочтешь за дерзость без предела.

Я высказать бы все царевичу посмела,

Но страшно мне, о царь, твой долгий гнев навлечь:

Скорей простишь любовь, чем дерзостную речь.

Ород.

Да, ты в политике, царевна, разумеешь!

И говорить красно и промолчать уме-

ешь!

Сурена твой мне скипетр вернул, но для чего?

Чтоб власть не признавать владыки своего?

Быть может, сей герой достоин порицанья,

Считая, что я царь, но только по названью,

Пытаясь свой закон владыке навязать?

Но лучше нам с тобой сейчас вернуться вспять,

К беседе о любви. Так вот…

Эвридика.

Приказу долга

Я сдамся, я смирюсь. Вам ждать уже недолго,

И сердце и себя осилю и скреплю,

Но день свершения сама установлю.

Ород.

Какая царственность! Но мне любезны, право,

Пыланье страстное души столь величавой,

Безмерной гордости державные черты.

Когда взойдешь на трон, его украсишь ты.

Отдай же мне приказ, как истая царица.

Успел прибыть Фрадат, должна здесь появиться

Мандана к вечеру. Обоих известим,

Как ею пренебрег тот, кем повержен Рим.

Заливщись краскою, она потупит взоры,

А буйственный Фрадат затеет тут же ссору,

Он в гневе яростен. Ручаться не могу,

Что я Сурены жизнь тогда оберегу.

Для блага своего пусть он мой двор оставит.

Эвридика.

И тот, кого страна единодушно славит,

Уйдет в изгнание? Ты — царь, и власть твоя,

Но нестерпимо знать, что я повинна, я

В такой его судьбе. Всегда предлогов много,

Но разве скроешь суть личиною предлога?

Что покраснеет дочь — лишь повод, лишь предлог:

Глубь сердца моего — предмет твоих тревог.

Что ж, изгони его — Сурена подчинится.

Карать и миловать вольна твоя десница,

Но свой исполню долг, когда вернется он;

Тогда, и лишь тогда, брак будет заключен.

Ород.

Его присутствие брак не предотвращает?

Эвридика.

Не знаю, но меня насилье возмущает.

Ород.

Ты станешь к вечеру царевича женой,
Или с Манданою возлюбленный герой
Сегодня вступит в брак. Мою исполнит волю —
И при своем дворе я жить ему дозволю.
Сейчас пошлю за ним. Взрыв гнева потуши,
Гордыня лишь вредит величию души.
Немедля в брак вступить один из вас обязан,
Не то изгнанья путь Сурене предуказан.

Эвридика.

Чем слово не сдержать, мне лучше умереть,
И лишь поэтому с ним не встречаться впредь
Не обещаю я: вести войну придется,
А римлян победить нельзя без полководца.

Ород.

Не льстись надеждою: пусть только грянет гром —
И средства верные к защите мы найдем.
Поговори же с ним.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Эвридика, Сурена.

Эвридика.

Царь хочет невозбранно,
Чтобы немедленно вступил ты в брак с Манданой —
Или с Пакором я. Таков его приказ,
Иначе он грозит изгнать тебя тотчас.

Сурена.

Не в том, что я нанес Мандане оскорбленье,
Не в том, что ты ко мне полна благоволенья,
Повинен перед ним. Проступок страш-

ный мой

В том, что ему в ущерб я вознесен молвой

И славою венчан. Вот ненависти корни,

И с каждым днем она все глубже, все упорней.

Неблагодарному чем преданней служить,

Тем неизбежнее нам голову сложить

Под мстительным мечом. Царю я как отрава,

И все ему претит — лицо, дела и слава.

Порок в моей душе он жаждет отыскать,

Чтоб, мной увенчанный, моим тираном стать.

Но он купить меня не может, щедрость множа,

Не может и убить, себя не уничтожа.

Жизнь за него отдам, над ней он властелин,

Но сердца своего я полный господин,

Ничьих не потерплю указов, посяга-

тельств,

Как над святынею — бесстыдных надругательств.

Но время не стоит, запас его истек,

Простимся, госпожа!

Эвридика.

На вековечный срок?

Сурена.

Пусть совесть, бодрствуя, корит, увещевает,

Но доблесть доблестным завистник не прощает.

Мне считанные дни в изгнанье жизнь влачить:

Источена тоской, их оборвется нить.

Эвридика.

Не надо, замолчи или потом не сетуй,

Что, обогнав тебя, умру от мысли этой!

Живи, люби меня.

Сурена.

Жить, чтобы увидать,

Как долгу должное решишься ты воздать?

Что, всей душой моя, отдашь себя Пакору,

И даже не ему, а царскому убору?

Чудовищная мысль! Ее смертелен лед,

И не изгнание — она меня убьет.

Эвридика.

О, если б нас с тобой судьба соединила

Или от чуждых уз навек освободила!

Сурена.

Любви не выдержать такой неправоты!

За этот договор собою платишь ты!

Эвридика.

Такой неправоты не может быть, казалось,

Казалось, что во всем геройство уравнялось

С рожденьем царственным. Ты Красса победил

И своего царя на троне утвердил...

А между тем меня и день и ночь терзали

Моей Армении невзгоды и печали;

Державных замыслов и чаяний рабе,

Мне долг приказывал убить себя в себе.

Еще не знала я, еще не разумела,

Что повелит любовь отдаться ей всецело,

И согласилась стать царевича женой.

Но вспомни — не было тогда тебя со мной!

И вот плачу сейчас за это заблужденье

И медлю то отдать Пакору во владенье,

Что одному тебе принадлежать должно.

О, если б медлить мне всю жизнь было дано!

Сурена.

Как счастлив был бы я!.. О чем я, дерзновенный?..

Отдался в плен мечте несбыточной,

презренной,

А нужно до конца свой жребий претерпеть.

Цари, будь счастлива, а мне дай умереть!

Тебе назначен трон столь славный, столь могучий,

Что для него страшны лишь стрелы горней тучи.

Над всеми вознесен, он всем внушает страх,

Пред ним и грозный Рим дрожит в своих стенах.

Эвридика.

О да, но это все — плоды твоих деяний,

И укрепили трон твои, Сурена, длани;

Он мне достанется, но вспомни о цене!

Держава мощная темницей станет мне.

Сурена, друг!..

Сурена.

Зачем ты растравляешь рану?

Я сердцем размягчусь, в борьбе с собой устану,

А надобно уйти, то мужество храня,

Что столько зависти плодило вкруг меня.

Эвридика.

Ты прав. Храни, герой, дух стойкости суровый.

В нем, роковом для нас, любви моей основы.

Возьму с тебя пример, и сможешь без стыда…

Взгляни: твоя сестра торопится сюда

Тебе сказать «Прощай!» Как ни язвят страданья,

Но все ж я счастлива оттяжкой расставанья.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Пальмира.

Пальмира.

В изгнанье, говорят, немедля ты уйдешь,

Когда с Манданой в брак не вступишь. Это ложь?

Сурена.

Ложь. Просто должен я отбыть в свои владенья

И ждать, чтобы сбылись Пакора вожделенья.

Пальмира.

И ты согласен?

Сурена.

Да.

Пальмира.

Царь местью одержим.

Ты доберешься ли до цели невредим?

Все знают, что´ сулит таким, как ты, немилость…

Опасность, может быть, в засаде притаилась —

Губительный ли яд, убийцы ли рука…

Ведь до твоих земель дорога далека.

Сурена.

Царь не успел забыть — я спас его державу,

И не с меня начнет бессудную расправу:

В нем слишком много чувств высоких и благих.

Пальмира.

Пусть так, но что сказать о недругах твоих?

Прислужник сыщется, толкнет на злодеянье

И тут же заодно подскажет оправданье.

Чтоб угодить царю, бессовестен и лжив,

Сумеет он раздуть тот яростный порыв

Негодования, быть может, напускного,

Чья в тайниках души заложена основа,

Порыв, что сам собой прошел бы в краткий срок

Без всякого следа, исчезни лишь предлог.

Сурена.

Хоть гнев и напускной, но очень громогласный,

И каждый сделает отсюда вывод ясный.

Так вот, коль хочет царь погибели моей,

Да умертвит меня не случай, а злодей,

Да не поверит мир, что лишь закон природы

Меня, как всех, сослал под гробовые своды,

Да ведает народ, да ведает страна,

Кто кровь мою пролил, чья длань обагрена,

И ненависти глас в сердцах набатом грянет,

И каждый подданный мятежником восстанет!

Пальмира.

И я стою за месть убийце и врагу,

Но брату мертвому я тем не помогу.

Какой бы ни была она неумолимой,

Сестре — лить токи слез, страдать

— твоей любимой.

Сурена.

Так что же делать мне?

Пальмира.

Приют тебе готов.

Сурена.

Какой?

Пальмира.

С Манданой брак — чем не надежный кров?
Ее объятия, как крепостные стены,
Надежно оградят…

Сурена.

Ты впрямь моей измены
Хотела бы, сестра? Чтоб стал бесчестным я?
И это слушает владычица моя!

Пальмира.

Но если суждено любить без упованья,
Должны ли мы идти, как жертвы, на

закланье?..

Что ж, госпожа, молчишь? Ты можешь мне помочь,

Одним движеньем век упорство превозмочь.

Иль за него тебе не страшно и не больно?

Эвридика.

Молчанья моего неужто не довольно?

Ты хочешь все отнять, чем красен этот свет,

Я, слушая тебя, немотствую в ответ.

Пусть вступит с нею в брак, пусть мне растопчет душу,

Распоряжайтесь мной, молчанья не нарушу,

Не воспрепятствую. А бедная мечта…

Сказала и теперь не разомкну уста.

Сурена.

Пальмира! Если царь со мной покончить хочет,

Поверь, названье «зять» мне смерти не отсрочит.

Ты вспомни, сколько раз всходили здесь на трон

Цари, поправшие природу и закон,

Убившие отца, прикончившие брата:

Не тяготила их столь дорогая плата.

Где был бы без меня, к примеру, наш Ород?

С ним Митридат давно кровавый свел бы счет.

А, думаешь, Фрадат не страшен для Пакора?

Иль я не знаю двор, иль скоро, очень скоро

Протянет руку он к заветному венцу.

Придется нелегко венчанному отцу

И первенцу его — меня не будет с ними.

Яренье зависти — вот истинное имя

Немилости ко мне. Любовь тут ни при чем.

Я славой осенен, и, значит, с каждым днем,

Чем ревностней служу, тем больше им яриться.

Уже решенное не может не свершиться.

Не спорю, что, вступив с Манданою в союз,

Я на короткий срок от смерти откуплюсь,

Меж тем они, надев приятельства личину,

Мне нанесут тайком удар коварный в спину.

Сестра! Я не спасусь от смерти все равно,

Но этот пышный брак, как грязное пятно,

Падет на честь мою, и клевету натравит,

И славу громкую навеки обесславит.

О небожители! Того не может быть!

Поверить ли, что царь захочет погубить

Слугу столь верного? Не смеем мы в Ороде

Убийцу прозревать. Я здесь, я на свободе,

Я не под стражею.

Пальмира.

Тем хуже, тем страшней,

Иначе нес бы царь ответ в глазах людей.

Свободен, говоришь? Но можешь ли ты скрыться?

К охране преданной, к своим войскам пробиться?

Ворота заперты, их зорко стерегут,

А беззащитного убить — не тяжкий труд.

Я заклинаю, брат, и нашей дружбой верной,

И всею нежностью твоей любви безмерной...

Сурена.

Истома нежности герою не под стать,

Слезам и жалобам ему претит внимать.

Хотя одарена любовь великой властью,

Но должен дань платить высокий дух

бесстрастью.

Пальмира.

И ты покинешь нас?

Сурена.

Прощай! Стенанья дев
Страшнее мне сейчас, чем лютый царский гнев.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Эвридика, Пальмира.

Пальмира.

Останови его, спешит он к смерти в сети,
И за его судьбу ты, госпожа, в ответе!
Я тщетно плакала, вела впустую речь,
А вот тобою он не сможет пренебречь,
Так позови его, употреби всю силу
Любви!

Эвридика.

Я вслед за ним тотчас сойду в могилу.

Пальмира.

Я тоже, но зачем толкать его во тьму?

Молчишь? А где ж она, твоя любовь к нему?

Эвридика.

С ним вместе умереть — не так уж это мало.

Пальмира.

Да, но чужая смерть с земли не поднимала

Того, кто бездыхан. Пусть мы с тобой умрем,

Но к жизни все равно Сурену не вернем.

Эвридика.

Твой непонятен страх. Изгнанием, не боле,

Царь угрожал…

Пальмира.

О да, он угрожал, но все ли

Решился вслух сказать? Как было произнесть,

Что он убьет того, чьих подвигов не счесть,

Кто трон ему вернул? А ты, застыв на месте,

Не хочешь помешать свершенью черной мести!

Не трать же времени, беги, кричи, зови,

Быть может, в этот миг, пронзенный, весь в крови,

Сурена...

Эвридика.

Замолчи! Зачем меня терзаешь?

Пальмира.

И все ж бездействуешь?

Эвридика.

А ты желать дерзаешь,

Чтоб я любимого сама послала к ней?

Чтоб с ненавистною соперницей своей

Связала узами священного обета?

Мне легче умереть — тебе понятно это?

Пальмира.

Понятно ли тебе, что выбор — смерть
иль брак?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Ормена.

Эвридика.

Быть может, ты права… Сдаюсь… Да
будет так!
С Орменой передай — пусть примет
предложенье…
Пусть даст согласие… Ты знаешь про-
долженье.

Пальмира.

Ормена вся в слезах!

Ормена.

Дверь горю отвори:
Сурена…

Пальмира.

Где мой брат? Под стражей? Говори!

Ормена.

Чуть вышел из дворца, настигнут был стрелою,

Вторая, третья вслед попали в грудь герою,

И наземь рухнул он, и кровью вмиг истек.

Я видела сама… Немилосердный рок!

Нет более в живых великого Сурены.

Пальмира.

Увы!

Ормена.

Проникла весть за городские стены,

Народ волнуется, здесь быть опасно вам:

Я крики слышала, что веры нет царям.

Пальмира.

Что ж, небо, ты молчишь? Святую месть исполни,

Пусть громы прогремят, пусть пламя метких молний

Испепелит дотла тиранов злобный род!

Безжалостный Пакор! Бесчувственный Ород!

А ты, надменная в своей любви бесплодной,

Стоишь, безмолвствуя, храня покой холодный.

Его любила ты, но был ли он тобой

От гибели спасен? Нет, послан на убой!

Высокая любовь! Немеркнущее пламя!

Так насыщайся же теперь ее плодами!

Не плачешь? Ни слезы о нем не пролилось?

Эвридика.

Не плачу, ты права. Встречаю смерть без слез.

Ормена, поддержи!

Ормена.

Зачем такие речи?..

Эвридика.

Сурена! Ждет душа с твоей душою встречи.

Ормена.

Перенесем ее, там легче станет ей...

Пальмира.

Освободи того, о небо, от скорбей,
Кому они невмочь, а мне продли мученье,
Пока желанное не совершится мщенье!

А. Михайлов
ТЕАТР КОРНЕЛЯ

Корнеля гений величавый...
А. С. Пушкин

1

Это пушкинское определение, брошенное, казалось бы, мимоходом и не претендующее на универсальную оценку творчества одного из гигантов мировой литературы, между тем — безукоризненно верно и точно. Понятие возвышенного, величественного действительно является ключевым на протяжении всего творческого пути Корнеля. Величавы страсти героев его трагедий, возвышенны их поступки, их речи, их жесты. Движения их души, совсем не всегда героические, даже самые интимные, самые тонкие и лиричные, неизменно передаются в звучных величественных стихах, сочетающих в себе пленительную игру нюансами с мужественной жесткостью и сдержанностью. Недаром Пушкин говорил о «строгой музе» «старого Корнеля»[23].

Молодые годы Корнеля прошли в период укрепления и роста французского национального государства. Процессы эти были осложнены и бунтами доведенных до отчаяния народных масс, и мятежами феодалов, вновь поднявших голову

[23] Примечания: 1.23
Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. 7. М. — Л., 1951, с. 30.

после убийства в 1610 году короля Генриха IV, и борьбой с гугенотами, затем — невзгодами Тридцатилетней войны (1618–1648), в которую были втянуты многие страны Европы (Испания, Голландия, Швеция, Дания, германские княжества и др.), но основная тяжесть войны, особенно в последний период, легла на Францию. В зрелые годы писатель стал свидетелем не менее грозных и знаменательных событий — революции в Англии, гражданской войны во Франции, вошедшей в историю под именем «Фронды», новых захватнических войн, которые вели военачальники Людовика XIV.

Корнель жил в эпоху мелких политических интриг и буйных народных восстаний, шумных военных побед и ожесточенной религиозной нетерпимости. Но ни будничная суета дня, ни величественность или значительность свершаемого у него на глазах не заслоняли от писателя основного содержания эпохи — утверждения абсолютизма, создания сильного национального государства, расцвета его культуры. Корнель видел позитивные результаты совершаемого. Он обращал внимание и на неизбежные (и подчас губительные) издержки происходящих процессов, но он, конечно, сознавал, что живет в

столетие, которое затем недаром стали называть «великим веком», поэтому-то он и стремился стать с веком наравне, передать своими иносказаниями неповторимое величие общественной ломки, что свершалась перед его взором. Этой ломке и становлению абсолютизма сопутствовало постепенное вызревание идеи приоритета государственного над личным, воли монарха, олицетворяющего интересы государства, над побуждениями подданных. Идея эта, в ее практическом применении, неизбежно рождала острейшие, порой неразрешимые конфликты, выдержать тяжесть которых могли лишь недюжинные плечи. Вот почему среди созданных Корнелем образов столько натур сильных, страстных, одержимых той или иной идеей, умеющих подчинять этой идее и свои собственные индивидуальные стремления и побуждения или интересы других. Среди его героев есть персонажи пугающие, даже отталкивающие своей жестокостью, мстительностью, властолюбием (и таких немало), но нет характеров незначительных, мелких (разве что в комедиях). Заслуга драматурга не в том, что он оказался своеобразным историографом своего времени, рассказывая, правда, не о событиях, свидетелем которых он

был, а об идеях, волновавших его современников. Заслуга его — в создании характеров возвышенных и героических, противостоящих мелочным будням эпохи. Это не значит, что эпоха никак не отражается в его творчестве. Для нас сейчас важно не то, что первые зрители и читатели Корнеля находили скрытые и явные намеки на современные им события и конкретных лиц в репликах его персонажей, в ситуациях пьес, а то, что драматург не просто откликался на конкретные события своего времени, но стремился передать его нравственную доминанту. И еще важнее, что он с большой конкретностью и — одновременно — обобщенностью изобразил переживания и чувства в достаточной степени универсальные — любви, ревности, патриотизма, сыновнего долга, мужества, веры, служения отечеству и т. д., причем не просто эти чувства как таковые, а их сложнейшее и, как правило, трагичнейшее столкновение и переплетение. Корнель выявил возвышенно-героическое начало в побуждениях и поступках своих героев, акцентировав момент личного выбора и личной ответственности, то есть проявление активного начала в человеке. Тем самым в новых исторических и идеологических условиях писатель продолжил и развил

одну из кардинальных тем литературы Возрождения, противопоставив идею упорядоченности и разумности в жизни общества и внутренней жизни человека барочной идее общественного хаоса и иррациональности человеческой души.

Да, Корнель жил в период постренессансный, когда многие прекраснодушные иллюзии и мечтания Ренессанса были, казалось бы, преодолены и отброшены. Но так только казалось; в действительности культурная традиция не прервалась, идеалы Возрождения были лишь прояснены и рационализированы, освобождены от наивного гедонизма и стихийного сенсуализма; от этого они, быть может, несколько утратили обаяние непосредственности и новизны, стали более трезвыми и даже суровыми, но не лишились главного — своей гуманистической основы. Эта связь с идеалами Возрождения, этот отныне не стихийный и — главное — не безответственный, а осознанный гуманизм и позволил Корнелю предложить свое решение общечеловеческих проблем, такое решение, которое может претендовать на универсальность.

Именно это подчеркивание сильных сторон человеческой натуры, героических элементов в ней и вызывало наибольшую популярность драма-

тургии Корнеля как раз в героические же периоды французской истории: именно тогда система его мышления и ее оформление в речи оказывались особенно созвучны данной эпохе. Вместе с тем созданный Корнелем и его современниками литературный язык недаром именуется «классическим» и остается своеобразной нормой. Дело в том, что Корнель выработал универсальные языковые формулы для выражения определенных настроений, эмоции, состояний души, и его языковые новации стали основой французского литературного языка Нового времени.

Величие Корнеля в том, что он произвел реформу французского театра, создал новую драматургическую систему, мощное воздействие которой ощущалось спустя чуть ли не два столетия после ее возникновения. Самые талантливые ученики обычно бывают наиболее горячими и наиболее несправедливыми критиками своих наставников или былых кумиров. Поэтому их суждения особенно симптоматичны. В случае Корнеля очень типична позиция Вольтера, который как драматург весь вырос из опыта автора «Сида» и «Цинны». Систему Корнеля Вольтер стремился преодолеть, то ища поддержки у Шекспира, то обращаясь к Расину. Мы знаем, что это желание

расшатать драматургическую систему Корнеля привело Вольтера не только к созданию целого ряда собственных трагедий, но и к написанию подробного комментария ко всем корнелевским пьесам (1764). Задолго до этого, в «Веке Людовика XIV» (1739) Вольтер сказал о Корнеле: «Хотя в театре удержалось лишь шесть или семь его пьес из тридцати трех им написанных, тем не менее он остается отцом театра. Он первый возвысил национальный гений, и это одно заставляет простить ему около двадцати пьес, которые, за исключением немногих мест, представляют собой самое скверное, что мы имеем, и по слабости стиля, и по холодности интриги, по нелепым и неумелым любовным завязкам, и по нагромождению вычурных рассуждений, столь противных духу трагического. Но будем судить великого человека по его лучшим произведениям, а не по его ошибкам»[24]. В этих словах Вольтера — прежде всего признание великой роли, которую сыграл Корнель в истории французского театра, да и литературы.

До прихода Корнеля в театр французская драматургия пребывала в состоянии исканий, в

[24] Примечания: 1.24
Voltaire. Le Siècle de Louis XIV, vol. 2. Paris, 1966, p. 213.

известной мере — даже творческого кризиса. Доминирующее положение занимали в ней драматурги, близкие эстетике барокко со свойственными последнему иррационализмом, внешней красочностью, усложненностью, вычурностью формы. Самым типичным представителем этого направления был Александр Арди (ок. 1565–1632), наводнивший французскую сцену десятками своих пьес — в основном кровавыми трагикомедиями и любовными комедиями с сильным буффонным налетом. Написанные на сюжеты самые разные — мифологические, исторические, итальянские, испанские и т. д., — пьесы Арди отличались запутанностью интриги, искусственностью развязки, сильными страстями (как правило, продиктованными любовью и ревностью), характерами же — едва намеченными, условными, найденными не в жизни, а в тех разношерстных литературных источниках, к которым весьма охотно и достаточно бесцеремонно обращался драматург. Произведения Арди были лишены проблемности, их развлекательный характер был несомненен.

Первые теоретики и практики нарождающегося классицизма (к ним вскоре примкнул и Корнель) противопоставили барочному театру

иную концепцию драматургии. Они ратовали прежде всего за сценическое правдоподобие, трактуя его, быть может, несколько наивно (как единство места, времени и действия), но строя свои произведения на подражании природе и исходя из рационалистического понимания жизни и человека. Корнель уже после первых своих театральных успехов выдвинул теорию проблемного, политического театра, откликающегося на те вопросы, которые выдвигает общественная обстановка. Но эти актуальные проблемы решаются в театре Корнеля, как уже указывалось, с большой долей обобщения (в этом, в частности, смысл обращения писателя к историческим темам), решаются к тому же не столько самой логикой развития сюжета, сколько глубоким осмыслением героями этих проблем, их вживанием в них, что раскрывается в напряженных, драматичных диалогах, в которых сталкиваются убежденные и красноречивые оппоненты, не отвлеченно высказывающие свои соображения, а старающиеся убедить или переубедить соперника. И прояснить обсуждаемую идею для себя самого. Последнее для героев Корнеля не менее важно, ибо, носители какой-нибудь идеи, они воспринимают ее в движении, они обсуждают

ее и с партнерами и сами с собой. Вот почему не менее драматичны в пьесах Корнеля иные монологи протагонистов — здесь мысль предстает до предела обнаженной, лишенной риторических уловок, к которым обычно прибегают в споре.

Поэтому драматургия Корнеля — не только прокламированно проблемна, это прежде всего — драматургия слова, ораторского пафоса, эмфазы. В этом ее сила, но в этом и ее уязвимое место. Иногда слово у Корнеля становится неоправданно приподнятым, необоснованно возвышенным, превращая пафос в холодную патетику, а движение мысли — в риторику. Иногда же писателю как бы не хватает «слова» для того, чтобы прояснить слишком сложную сюжетную ситуацию.

Такой театр требует, конечно, особого актерского мастерства, прежде всего — мастерства декламационного. И параллельна с эволюцией корнелевской драматургии происходило становление такого мастерства, которым с той поры неизменно отличался французский театр. Таким образом, создание национальной актерской школы также относится к числу заслуг Корнеля.

Итак, Корнель прожил долгую жизнь, был свидетелем многих примечательных событий и современником многих известнейших личностей;

его эпоха это эпоха Людовика XIII и Людовика XIV, кардиналов Ришелье и Мазарини, министров Фуке и Кольбера. Но также — эпоха Гассенди и Декарта, Сирано де Бержерака и д'Артаньяна.

И вот на фоне такого бурного и переменчивого времени, жизнь Корнеля выглядит неправдоподобно однообразной, бедной событиями. Их недостаток восполняется несколькими не очень достоверными легендами. Одна из них рисует нам увлекающегося романтического юношу, участника каких-то любовных авантюр. Молодой руанский адвокат был влюблен, но то ли не был уверен, что пробудил ответное чувство, то ли был убежден, что имеет счастливого соперника, в общем, эта эскапада окончилась ничем, если не считать комедии «Мелита», первого драматического опыта Корнеля, вобравшей переживания неудачливого любовника. А вот другая легенда, и опять любовная. Происходит все опять в Руане весной, летом и осенью 1658 года. В городе дает спектакли труппа Мольера, и стареющий поэт (Корнелю было уже за пятьдесят) вдруг пылко влюбляется в очаровательную двадцатитрехлетнюю Дюпарк, кружившую голову и Расину, и Лафонтену, и самому Мольеру. И тут поэт остался ни с чем, а прелестным памятником этой любви

стали тонкие, искренние и такие горделивые «Стансы к маркизе», так напоминающие пушкинское «Мне не к лицу и не по летам…».

Итак, две любовные авантюры неизменно приводят нас к творчеству. Воистину биография поэта — это его книги. Никогда еще эта избитая фраза не была так досадно верна. Однако действительно все повороты в жизни Корнеля связаны с его творчеством: то он устремляется в Париж вслед за бродячей труппой, увозящей рукопись его первой пьесы, то он покидает столицу после осуждения Академией «Сида», после полууспеха «Цинны», после провала «Пертарита». Едет он всегда в таких случаях в Руан; там он родился 6 июня 1606 года, там его корни, его родовое гнездо.

Это подчеркнем: как и многие другие замечательные писатели его времени, Корнель был выходцем из провинции, принадлежал к довольно зажиточной буржуазной, чиновничьей среде. Воспитывался он, опять-таки как и многие его современники, в иезуитском коллеже. Обучение у иезуитов не говорит о какой-то особой приверженности к их ордену, даже об особой религиозности; просто в таких коллежах учили в то время лучше, чем где-либо в другом месте. Корнель был человеком религиозным, но иезу-

итом не стал.

Что дало такое провинциально-буржуазное происхождение? Не только неистребимый внешний вид провинциала (о чем писали современники). Ощущение прочных семейных корней. Домовитость. Спокойную уверенность горожанина в своем скромном, но надежном достатке, а также в том, что местный парламент (он был и мэрией, и прокуратурой, и судом) плохо ли, хорошо ли, но охраняет его и от местных сеньеров, и от королевских наместников. Короче — это была близость к национальным народным корням и известная свобода от вкусов и настроений двора.

Между тем несостоявшийся руанский адвокат (Корнель лишь сделал несколько первых шагов по стопам отца) не стал бытописателем французской провинции, напротив, все его успехи и все его неудачи связаны со столицей, с Парижем. Быть может, только кроме удачной женитьбы — женился-то Корнель, конечно, в Руане. В Париже писатель пережил и первые театральные успехи. Здесь на него обратил внимание кардинал Ришелье, столь настороженно следивший за развитием литературы, и включил его в группу молодых поэтов, которые писали пьесы на темы и по планам, разрабатываемым кардиналом. Впро-

чем, Корнель вскоре из этой «бригады» вышел: он не мог подчиняться жесткому творческому диктату, он искал собственный путь в драматургии.

Итак, в Париже прошли премьеры всех его пьес, здесь его выбрали в Академию (в 1647 году, после двух провалов), здесь он и скончался 1 октября 1684 года, уже десять лет как перестав писать для театра.

В связи со старостью Корнеля следует сказать об одной довольно популярной легенде. Она повествует о том забвении и нищете, в которых кончил свои дни великий писатель. Так ли это? Действительно ли Корнель всю жизнь трудно и безуспешно боролся с нуждой? Что же, комедии и трагедии и вправду состояния их автору не составили. Впрочем, как и всем другим его современникам: в то столетие литературным трудом было не прокормиться. Что же оставалось делать поэтам? Путей было несколько. Можно было, например, стать откровенным приживалом, то есть переселиться во дворец какого-нибудь вельможи и «за стол и квартиру» сделаться его интеллигентным челядинцем. Можно было предварять каждую свою книгу пышным и неискренним посвящением министру, принцу или самому королю в надежде на богатый подарок или даже

маленькую пенсию. Можно было добиться постоянной пенсии от правительства. Можно было, наконец, просто обладать достаточным состоянием или выхлопотать доходную должность. (Все это очень характеризует эпоху и положение писателя в то время.) Корнель испробовал все эти пути, кроме первого — откровенным прихлебателем он не стал. Посвящения он писал, и весьма охотно, не отказывался и от пенсий, много лет имел выгодную должность в родном Руане. Все это не сделало его человеком богатым, но и крайняя нищета Корнеля — выдумка излишне романтических биографов.

То же — и легенда о забвении. Да, в конце 60-х и особенно в 70-е годы первым трагическим поэтом, кумиром зрителей стал Расин. Но пьесы Корнеля продолжали ставиться (в том числе труппой Мольера), а в 1682 году писатель выпустил новое собрание своих сочинений, уже четвертое по счету. Вряд ли издатели пошли бы на это, не будь интереса к его драматургии.

Итак, существование скромное, но не бедное, под стать провинциальному горожанину. И длинная череда пьес, которые снискали славу писателю и наполнили смыслом его жизнь.

2

Первый шаг поэта великого на литературном поприще почти всегда знаменателен. Речь идет, конечно, не о юношеских подражаниях, не об ученических опытах, не о пробах пера, а о произведении значительном, долго вынашивавшемся, зрелом, хотя и носящем еще зримые приметы юности его автора. Это обычно и прощание с пленительным миром иллюзий первой молодости, и осмысление пусть еще небольшого, но очень остро переживаемого жизненного опыта, и еще не утраченные надежды, еще не растоптанные идеалы, и первая горечь от соприкосновения с действительностью. Первый значительный опыт большого поэта — это и определенный итог и обещание, заявка на будущее.

Первой пьесой великого трагического поэта Франции была комедия. Некоторые обстоятельства ее появления нам известны. Молодой Корнель не очень старательно исполнял свои судебные обязанности, куда усердней пописывал он стишки в модном галантно-манерном духе, адресуя их местной красотке. Не менее усердно посещал руанский адвокат спектакли заезжих

театральных трупп, добиравшихся в своих странствиях и до Нормандии. С гастролями одной из них, возглавлявшейся прославленным актером Мондори, связывают биографы рождение нового драматурга. Весной 1629 года труппа Мондори действительно дала несколько представлений в Руане. Познакомиться с актерами молодому адвокату не составило труда: они обычно весьма охотно заводили связи с состоятельными горожанами. Видимо, в одну из таких встреч Корнель и показал Мондори свою пьесу. Рассказ о том, что он написал ее за несколько дней, почти на пари, в течение этих весенних гастролей, вряд ли соответствует действительности: на пьесе, при всех ее недостатках, лежит печать долгого обдумывания и обработки. Не случайно высказывалась догадка, что работа над «Мелитой» была завершена задолго до знакомства с Мондори и его актерами. Возможно. Пьеса подкупает искренностью; это не литературное упражнение, а отклик на что-то глубоко личное, случившееся в жизни, случившееся с самим Корнелем. Автобиографическая основа комедии несомненна, вот только мы так никогда и не узнаем, в каком персонаже автор изобразил себя, кому из героев он доверил свои мысли и чувства.

Мондори прочитал пьесу и обещал ее поставить. Итак, называлась она «Мелита», по имени героини. Впрочем, был еще подзаголовок — «Подметные письма».

К этому первому опыту Корнеля стоит присмотреться.

После списка действующих лиц руанский адвокат делает пометку: «Действие происходит в Париже». Эти четыре слова значат многое. Во-первых, Корнель, в отличие, скажем, от Арди, изображает своих современников, а не жителей отдаленных стран или иных эпох. Во-вторых, они не просто современники драматурга, а обитатели Парижа, то есть столицы. Наконец (об этом, правда, прямо не сказано), из жителей Парижа Корнель выбирает представителей светского общества. Он занимается только этим обществом, все остальные как бы не существуют. Аристократический, сословный характер комедиографии Корнеля несомненен. Поэт, как увидим, не выступает судьей этого общества, поэтому было бы ошибкой находить в «Мелите» и в последовавших за ней комедиях какие бы то ни было разоблачительные мотивы. Персонажи Корнеля добры или злы не в зависимости от своей сословной принадлежности, от своего имущественного

состояния. Даже не от врожденных душевных качеств. Драматургу важно одно: верно или ошибочно поведение его героя, подчиняется ли он разумным, а следовательно, и справедливым и благородным нормам общежития или же собственным капризам.

Все в комедии развертывается в сфере личных отношений героев. Это закономерно, так как «Мелита» — комедия любовная. Но любовь в этой, да и последующих комедиях Корнеля, не знает тех традиционных препятствий, с которыми неизменно сталкивались герои итальянских пьес эпохи Возрождения и их французских перелицовок и подражаний. Мы не находим здесь ни суровых сумасбродов-отцов, ни могущественных соперников, ни неодолимого социального неравенства. Если девушки Корнеля благонравны и не перечат родительской воле, то родители сговорчивы и добродушны. Внешние препятствия исчезают, растворяются, им на смену приходят внутренние — черты характера, склонности, определенное направление ума. В том обществе, которое описывает драматург, светский каприз, минутное настроение не менее могучи, чем сословная спесь или многовековая семейная вражда. Тем самым герои Корнеля в своем выборе

руководствуются своим собственным разумом, пусть — пока — от этого выбора зависит лишь их собственная судьба, к тому же ничто не грозит им гибелью.

Эраст, герой первой комедии Корнеля, неспособен искренне любить; подлинное большое чувство подменяется у него некой игрой в любовь, увлекательной и острой. Но игрой опасной, так как в ней на карту оказывается поставленным не только его личное счастье, но и счастье его возлюбленной Мелиты и друга Тирсиса. Эраст хочет всячески доказать, что в любви он несчастен, а Мелита ветрена, лицемерна, коварна. Он подстраивает ее встречи с Тирсисом, провоцируя ее на измену, пускает в ход подметные письма, якобы написанные Мелитой другому. И что же? Оказывается, что своего он добился: Мелита охладевает к нему, а между ней и Тирсисом вдруг вспыхивает подлинное чувство. Все запутывается. Комедия характеров, какой могла бы стать пьеса, отныне становится комедией интриги. Разносится весть о смерти Тирсиса, пораженная этим сообщением Мелита падает замертво, ее уносят. Эраст думает, что из-за его оплошности, легкомыслия или коварства погибли и его возлюбленная и его лучший друг. Герой лишается

рассудка. Его бред не смешон, но страшен. Действие приобретает трагическое напряжение. Кончись пьеса четвертым действием, перед нами была бы пусть своеобразная, но трагедия. Однако до трагедии Корнель еще не дорос, комедия же у него получилась определенно странная. Не трагикомедия ли?

Развязка ее несколько искусственна. Какова же она? Тирсис и Мелита оказываются живыми. Они соединяются в счастливой любви. Эраст исцеляется и вскоре утешается в любви к другой девушке.

Полагают, что наивысшее достижение Корнеля в этой пьесе — образ Мелиты. Это верно. Мелита своей цельностью, спокойным величием, душевным богатством предсказывает многих грядущих героинь драматурга. Ее образ — не просто удачная находка, это завоевание, это шаг вперед по сравнению с чувственными и хитроумными героинями французских комедий до Корнеля. Мелита — персонаж комедии высокой. Такова ее речь, жесты, поступки, таков и ее внутренний мир.

Корнель в «Мелите» выступил создателем жанра высокой комедии еще и потому, что он совершенно отказался от буффонных комических приемов и соответствующих им персонажей,

идущих от традиций фарса. Как признавался впоследствии сам драматург, «до тех пор никогда не видели, чтобы комедия заставляла смеяться без смешных персонажей, таких, как буффонные слуги, параситы, капитаны, доктора и т. д.». Действительно, комических, смешных сцен вообще в «Мелите» было немного. Пьеса была «комедией», возможно, в том смысле, в каком трактовалось это понятие в средние века, то есть произведением с хорошим концом.

Дело не в том, что Корнель плохо понимал законы комического. Как увидим, он прибегал иногда к ситуациям, сценам, положениям, бесспорно рассчитанным на комический эффект. Но в целом его мироощущение искало не комедийных, а героических обстоятельств.

«Мелита», первая пьеса Корнеля, интересна теми «заявками», которые драматург делал, теми тенденциями, которые лишь намечались здесь и получили развитие в дальнейшем. Интересна комедия и тем, что, написанная без знания «правил», она не очень-то эти правила нарушала. Корнель впоследствии написал о «Мелите»: «Эта пьеса была моим первым опытом, и в ней не соблюдаются правила, потому что я еще не знал тогда, что они существуют. В качестве ру-

ководства у меня было только немного здравого смысла, примеры покойного Арди, муза которого была более плодовита, нежели воспитанна, и несколько новых авторов, которые начинали творить и придерживались правил не более, чем он». И что же получилось? Не зная правил, драматург почти их не нарушал: единство места в пьесе соблюдено, единство времени — не совсем, но и не нарушено чрезмерно, к единству действия Корнель безусловно стремился, и если это ему не вполне удалось, то не из-за незнания правил, а из-за простой неопытности. Этот урок «Мелиты» будет для нас важен, пресловутые правила, о которых столько писали и над которыми столько смеялись, были для своего времени совсем не пустой затеей, они отвечали тем представлениям о правдоподобии, которые сложились в первой трети XVII столетия.

Одной из самых поэтичных и тонких стала комедия Корнеля «Вдова, или Наказанный предатель» (1633). Начинается она почти как «Мелита» — столкновением двух типов любовников и двух концепций любви. Но если в первой комедии сомнения Эраста были продиктованы его эгоистическим желанием во имя литературной моды усложнить, ужесточить отношения с

возлюбленной, то герой «Вдовы» Филист испытывает истинную робость, боясь поверить, что действительно любим молодой очаровательной женщиной, которая в довершение всего значительно богаче, чем он сам. И мотив денег, состояния, богатства оказывается не стимулом, а препятствием в любви героя. Клариса понимает это и пытается ободрить и обнадежить юношу. Но тщетно. Полностью объясниться одному мешает неодолимый страх, другому — природная скромность. Друг Филиста Альсидон не только более смел и скор. Выгода, материальный интерес у него неизменно на первом месте. Он замышляет с помощью ряда мошеннических уловок отбить невесту у друга и завладеть ее сердцем и кошельком. Но благодаря чувству справедливости и благородству героя все его планы рушатся, и он сам оказывается в западне.

Таким образом, подзаголовок комедии — «Наказанный предатель» вполне оправдан, он указывает на то, что Корнель высокую комедию интриги, каковой была «Мелита», осложняет теперь и комедией нравов. Дальнейший шаг в этом направлении — еще три комедии Корнеля, последовавшие одна за другой. Это «Галерея Дворца правосудия» (1634), «Компаньонка» (1634),

«Королевская площадь» (1634).

В первой из этих трех комедий прежде всего обращает на себя внимание то, что вместо довольно абстрактных улицы или перекрестка Корнель поместил действие в один из самых оживленных уголков Парижа, выведя на сцену не только основных персонажей комедии, но и проходные фигуры торговца книгами, белошвейки, галантерейщика. Однако прием этот в драматургии Корнеля, даже в его комедиографии, оказался случайным. Так, в «Королевской площади», действие которой также протекает в достаточно известном (и красивейшем!) месте Парижа, бытовые персонажи отсутствуют. Элементы бытовой комедии, даже в качестве фона, были Корнелю противопоказаны, чужды. Куда знаменательней появление в пьесе фигуры компаньонки, принимающей активное участие в действии. Недаром компаньонка станет героиней следующей комедии драматурга.

Интрига «Компаньонки» очень запутанна, и сделано это с виртуозным мастерством — ко времени написания пьесы писатель уже вполне овладел законами сцены. В новой комедии сталкиваются уже не разные темпераменты и не разные концепции любви, а разные интересы, в

которых чисто материальные мотивы занимают совсем не последнее место. Такие замечания, как «Ведь если денег нет, — все прочее не в счет», «Он ценит красоту, а деньги наипаче» и т. п., далеко не случайны в устах персонажей комедии. Хитросплетения интриги значат в пьесе куда больше, чем любовные страсти. Как уже говорилось, интрига в комедии чрезвычайно сложна, все настолько путается, все персонажи настолько играют двойные и тройные роли, что даже компаньонка Амаранта, главный создатель неразрешимых ситуаций, в отчаянии восклицает: «Как все запуталось!» Персонажи уже не могут распутать хитроумно сплетенную ими же самими паутину интриги и даже тяготятся этой своей двойственной ролью. Хитрости и козни их не только утомляют, они явно противоречат их искренним душевным побуждениям. «О, сколь мучительна мне эта жизнь двойная!» — восклицает Флорам, уставший носить несвойственную ему личину. Но герои Корнеля не делятся искусственно на жертв и злодеев. Против них — обстоятельства, общественные условности, сложившиеся обычаи.

В пьесе, как и в предыдущих произведениях Корнеля, не много чисто комедийных момен-

тов; они в основном связаны с отцом Дафны Жерастом, который запутывается (или которого запутывают) так, что в своем полнейшем непонимании ситуации он действительно нередко выглядит смешным. Что касается Амаранты, главной «интриганки» пьесы, то ее жизненный крах печален. Эта бедная девушка, такая неглупая и такая энергичная, не может не вызвать сочувствия, а ее заключительный монолог, написанный Корнелем в форме стансов, вполне можно отнести к шедеврам лирической поэзии.

В «Королевской площади» не более комических ситуаций. Но ситуаций трагических, или почти трагических, — немало. Достаточно сказать, что судьба сводит здесь нежную, преданную Анжелику, обладающую, однако, и чувством гордости и решительностью, с холодным волокитой Алидором, превыше всего ставящим личную свободу. Анжелика становится предметом унизительной сделки, и лишь случайная путаница спасает ее от позора. И если в финале обычная для каждой комедии Корнеля неразбериха распутывается и второстепенные персонажи приходят к любовному согласию, то выбор Анжелики почти трагичен: разочаровавшаяся в окружающем ее обществе, построенном на нечестных интригах

и обманах, она решает уйти в монастырь. Так совсем несмешно заканчивается эта комедия Корнеля.

Смысл этого первого пятилетия в творческом развитии драматурга понятен. Корнель оттачивал мастерство интриги, вводил в пьесы элементы социальной критики (особенно это очевидно в «Компаньонке»), искал характеры стойкие и цельные, характеры, если угодно, величавые и вместе с тем одухотворенные и поэтичные, искал образы людей, стоящих перед выбором, перед единственным кардинальным решением, которое должно определить всю их дальнейшую судьбу. Тем самым эти комедии Корнеля оказывались произведениями серьезными, произведениями больших чувств, сдержанных, но сильных страстей. И, пожалуй, наиболее существенно, что выбор их бывал, как правило, свободным, продиктованным не чужой волей и не неодолимым стечением обстоятельств; но он, этот выбор, подчас приводил героя к поражению, к отказу от первоначальных планов и намерений, к трагическому осознанию своего жизненного краха.

Опыт комедиографа подготовил Корнеля к героической трагедии и в области стилистики.

Бытовая стихия почти отсутствовала в языке его комедий; напротив, им были присущи патетика, красноречие, афористичность, и уже эти ранние произведения драматурга пополнили словари цитат и крылатых выражений.

Мы уже не раз говорили о трагическом звучании некоторых ситуаций и сцен в комедиях Корнеля. Но это свойственно не только его творческому методу, а, видимо, общая закономерность. «Заметим, — писал Пушкин, — что высокая комедия не основана единственно на смехе, но на развитии характеров, и что нередко она близко подходит к трагедии»[25]. Действительно, разве мало трагических нот в «Тартюфе», «Свадьбе Фигаро», «Горе от ума»? А ведь это все комедии.

Итак, от комедиографии Корнель шел к жанру высокой (то есть героической) трагедии. Впрочем, уже в первой половине 30-х годов он испробовал свои силы в этом виде драматургии. В 1630 году поэт написал трагикомедию «Клитандр». Нагромождение в ней всевозможных приключений, подчас кровавых и отталкивающих, надуманных стечений обстоятельств, страстей напыщенных и ходульных говорит о полном провале автора.

---

[25] Примечания: 1.25
Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. 7, с. 213.

Последующая правка, и порой весьма основательная, не спасла «Клитандра», а изложить содержание пьесы не задалось даже самому Корнелю — столь запутанна и неправдоподобна ее интрига. «Клитандр» — это как бы «Корнель» до «Корнеля»: трагикомедия отвечала тем вкусам, которые царили в театре во времена плодовитого и беспорядочного Арди. Но от пристрастия к интригам сложным, ситуациям, казалось бы, неправдоподобным Корнель в дальнейшем все-таки не избавился, отдав им дань в некоторых своих трагедиях «второй манеры».

Совсем иной стала трагедия Корнеля «Медея» (1635), написанная на сюжет, найденный у Сенеки. Эта «правильная» пьеса, как ни странно, перекликается с рядом комедий Корнеля, например с «Королевской площадью», где Алидор, столь рассудочный и холодный в любви, очень напоминает расчетливого Ясона, невозмутимо бросающего страстно любящую Медею во имя выгодного брака с Креусой. Вместе с тем взвинченность чувств Медеи, ее порывистость и страстность предвосхищают некоторых будущих героинь Корнеля, а стиль ее многочисленных монологов — тот столь характерный для драматурга приподнятый, пронизанный возвышенным

пафосом ораторский стиль, который станет отличительной чертой его будущих трагедий, их неповторимой приметой и порой их слабостью, и будет так отличаться от задушевной лиричности Расина.

Отметим в поведении Ясона одну очень важную черту: им движут не личные влечения или антипатии, а соображения политика, соображения человека, заинтересованного в успехе своего предприятия. Это — уже робкая заявка на политичность корнелевского театра, что обнаружит себя уже в ближайших пьесах драматурга.

Следом за «Медеей» Корнель создал еще одну пьесу — комедию «Иллюзия» (1636). Это было произведение причудливое. Драматург воспользовался здесь приемом «театра в театре» и вставил в рассказ о поисках безутешным отцом своего блудного сына спектакль провинциальной труппы, разыгрывающей типичную докорнелевскую трагикомедию — с буффонной фигурой трусливого вояки Матамора, «голубыми» любовниками Клиндором и Изабеллой, с мрачными застенками, кознями и казнями и т. д.

Герой пьесы становится бродячим комедиантом, с чем, в конце концов, примиряется столь долго разыскивающий его отец. В известной

мере это уход от сложных проблем большого мира, с его необузданными страстями и борьбой своекорыстных интересов. Однако «Иллюзия», этот подлинный гимн театру и его труженикам, оказалась своеобразным прощанием с иллюзорным миром нестрашных страхов и наигранных радостей, с миром вымысла, вообще со сферой исключительно личной. После создания этой замысловатой комедии Корнель обратился к совсем иным темам, иным проблемам, иному поэтическому языку и, естественно, к иным жанрам драматургии.

3

Премьера «Сида» может быть отнесена к тем событиям в истории культуры, которые не просто запоминаются надолго, о которых говорят, но которые знаменуют собой поворот в данной области искусства, пусть маленькую, но революцию, результаты которой сказываются затем многие десятилетия. Мы имеем в виду не только саму пьесу, но и последовавшие за ее появлением споры, беспрецедентное обсуждение ее Французской академией, инспирированное самим кардиналом Ришелье.

Обстоятельства постановки и споры о ней широко известны, и к ним мы еще вернемся. А вот было ли неожиданным обращение драматурга к испанской тематике, сам выбор сюжета пьесы? Рассказывают, что во время одной из своих поездок в Руан Корнель навестил поселившегося там г-на де Шалона, бывшего секретаря Марии Медичи. Старик следил за успехами молодого драматурга, и в эту их встречу якобы сказал ему: «Друг мой, избранный вами комический жанр способен принести вам лишь мимолетную славу. У испанских писателей вы найдете сюжеты,

которые могут произвести огромное впечатление, если рука, подобная вашей, обработает их в нашем вкусе. Научитесь их языку, он нетруден; я берусь насколько в моих силах помочь вам, а пока вы не в состоянии читать на нем сами, я переведу вам несколько мест из Гильена де Кастро»[26]. Об этом разговоре сообщает П. Бошан, неутомимый собиратель документов по истории французского театра. Совет старика Шалона не был неожиданным: испанские темы давно уже привлекали французских литераторов. Испанская драматургия «золотого века» воспринималась современниками Корнеля как наследница жизнелюбивых традиций Ренессанса, а герои этой драматургии — как олицетворение внутренней гармонии и благородства, очень развитого чувства чести и душевной красоты. На это увлечение Испанией не влияли ни обстановка войны, которую как раз в это время вела Франция с испанской монархией, ни тот факт, что при французском дворе существовала тайная, но весьма влиятельная «испанская партия», возглавляемая королевой Анной Австрийской, дочерью испанского короля Филиппа II. Автор «Сида» при выборе сюжета пье-

[26] Примечания: 1.26

Beauchamps P.-F. Recherches sur les théâtres de France depuis l'année 1161 jusques à présent, vol. 2. Paris, 1735, p. 157.

сы не принимал в расчет всех этих преходящих обстоятельств.

Корнель обратился к тем событиям исторического прошлого Испании, которые уже широко отразились в литературе. К прошлому, овеянному дымкой поэтических легенд и героикой Реконкисты — отпора мавританскому завоеванию. Корнель изобразил в своей трагикомедии XI столетие, когда жил реальный кастильский рыцарь Руй Диас де Бивар, прозванный сарацинами «Сидом» (то есть «Господином»), а соотечественниками — «Кампеадором» (то есть «Воителем»). Как видим, писатель выбрал эпоху достаточно отдаленную, относящуюся к тем временам, когда королевская власть не стала еще абсолютной, не могла претендовать на непререкаемый авторитет, когда король был лишь «первым среди равных» и считался с мнением подданных. Пьеса Корнеля не была, конечно, апологией феодальной вольницы с ее правом сильного и узаконенным беззаконием (впрочем, в «Сиде» иногда видят попытки отстоять права крупных феодалов, отчуждаемые властью монарха), но и не проповедовала абсолютизм. Не случайно писатель вывел в своей трагикомедии не своевольного самодержца, а изобразил короля Кастилии мягким и даже

«демократичным», считающимся с мнением народа и со своим ближайшим окружением. Это придало «Сиду» антиабсолютистское звучание.

Но самым притягательным и важным в легенде о юности Руй Диаса было для Корнеля не это. Его привлекла острота, трагическая неразрешимость ситуации, в которой оказались герои, возвышенная красота вызванных этой ситуацией поступков и чувств, их яркие самобытные характеры.

Действительно, молодые герои Корнеля — Родриго и Химена — прекрасны, а рассказанная писателем трагическая история их любви вызывает не только сострадание или ужас, но и восхищение. Восхищение полнотой их переживаний, необузданной силой и цельностью их характеров, величавым благородством и человечностью всех движений их души. И тем всепобеждающим могуществом любви, которому герои тщетно пытаются противопоставить какие-то разумные соображения и доводы.

Нередко полагают, что в душе Родриго и Химены царит лишь неодолимый разлад между чувством и долгом. В действительности мир чувств юных героев Корнеля гораздо сложнее и глубже; чувство и долг не существуют для них

отдельно и тем более в непримиримом единоборстве. Так, в душе юноши чувство и долг, любовь и честь подкрепляют друг друга. Заступиться за отца, отомстить за него для Родриго — естественное движение души. Оно продиктовано не какими-то воспоминаниями о славе предков, не слепым следованием древним обычаям, а любовью к отцу и в высшей степени развитым самоуважением. Благодаря ему Родриго оказывается способен на героические поступки, но оно неотделимо от чувства любви к Химене. Именно это высокое самосознание, это чувство чести и дает юноше право на любовь; недаром он столь страстно и столь убежденно возражает тем, кто осмеливается утверждать, что любовь может и пройти, тогда как чувство чести неистребимо:

> *«Нет, нераздельна честь: предать любовь свою*
>
> *Не лучше, чем сробеть пред недругом в бою».*

Столь же нерасчленимы любовь и честь и для Химены. Она никогда не отдала бы своего сердца человеку, который не выполнил бы долга чести. Она еще сильнее полюбила юношу за его вдвойне смелый поступок. И при этом — не может его не

ненавидеть, так как и ей не чужды родственные чувства. Поэтому вся она — в борении противоречивых чувств, в метаниях, в осуждении чувства гордости и чести («Безжалостная честь, палач моей мечты, как много слез пролить меня заставишь ты!») и тут же — в желании неукоснительно следовать их суровым законам.

Столь бурного водоворота страстей Родриго не знает, хотя и он жестоко страдает, не находя выхода из неразрешимого стечения обстоятельств (с особой лирической глубиной и силой эти переживания Родриго вылились в его взволнованных и поэтичнейших стансах, завершающих первое действие пьесы). Движения его души непосредственны и кое в чем даже простодушны. Характер Родриго привлекает мягкостью и обаянием, искренностью и теплотой, неподдельностью чувств, их возвышенностью и одновременно какой-то незащищенной интимностью. И пленительной молодостью (если Родриго впервые любит так самозабвенно и страстно, то и подвиги свои он также совершает в первый раз). Но основное в характере юноши — это благородство и героичность, что раскрывается в его взаимоотношениях с Хименой в не меньшей степени, чем в поединке с графом Гормасом, отражении

мавританского нападения или дуэли с доном Санчо. Характер Родриго дан в пьесе в движении, в динамике своего развития, он далек от статичности некоторых героев более поздних трагедий Корнеля. Развитие, а правильнее, постепенное раскрытие характера Родриго глубоко логично, в нем нет парадоксальных непоследовательностей, типичных для иных персонажей драматургии барокко. Движение души Родриго быстро, но не поспешно. Он — герой мыслящий. Но не размышляющий, не рефлектирующий — у него за мыслью тут же следует действие, будь то роковой для него поединок или дерзкая ночная вылазка во главе отряда смельчаков. Родриго отдает себе отчет в последствиях своих поступков и уверен в их конечной (какой-то «высшей») правоте. Он не раскаивается в убийстве графа Гормаса, сознавая, что этим своим деянием стал в еще большей степени достоин любви и уважения гордой девушки. Он возглавляет отражение ночного набега мавров, не испросив на это высшего благоволения, ибо это единственный способ спасти Севилью.

Ему чужды колебания, сомнения, отчаяние и в отношениях с Хименой. Он героически приемлет свой удел, понимая, что только собственной

смертью сможет искупить вину перед любимой. При этом Родриго не хочет вмешательства посторонних, не хочет чужого суда; он сам выходил против обидчика отца, сам отдает себя и на суд Химены и хотел бы пасть от ее руки.

Тем самым вершителем судьбы Родриго, а также и основным двигателем интриги пьесы (по крайней мере во второй ее половине) оказывается юная героиня. Химена — женщина порывистая, страстная, но и — слабая, а потому и более переменчивая в своих настроениях, менее последовательная и прямая. Женское начало, женская любовь в ней побеждают, хотя она и не вполне отдает себе в этом отчет. Но переживания ее бесспорно острее и глубже, чем чувства Родриго. И писатель очень наблюдателен и тонок в изображении бурных переживаний героини: он неизменно оставляет возможность двоякого их истолкования — и как простой девичьей гордости и как верности заветам предков. Точнее же говоря, Корнель дает понять, что и то и другое не только легко переходит друг в друга, но так прочно связано между собой в сознании героини, что она сама подчас не может сказать, какое же, собственно, чувство движет ее поступками, ее отношением к юноше. Поэтому не приходится

удивляться, что Химена с радостью принимает вмешательство короля, нуждающегося в военной сноровке и удали Родриго. Она с самого начала стремилась переложить на других эту непосильную ношу. И во вмешательстве короля Кастилии для нее и оправдание ее любви, и фактически — совершаемый ею выбор в пользу возлюбленного, вообще разрешение той нестерпимой трагической ситуации, в которой все оказались.

Впрочем, формально ситуация остается неразрешенной. По предложению короля все откладывается на год. Отметим, что в разборе «Сида», сделанном много лет спустя после премьеры пьесы, Корнель настаивал на том, что Химена так и не делает выбора: не скрывая своей любви к Родриго (в чем она выдает себя много раз), она не может победить собственной гордости и принять руку юноши. Верно, но здесь говорит в ней уже новое чувство — именно женская гордость, а не дочерний долг, вот почему ее преодоление король Кастилии благоразумно выносит за рамки пьесы. Ведь исход внутренней борьбы в душе Химены предрешен. Предрешен в пользу любви, молодости, жизни, а не непререкаемого родового долга и сословной чести.

Между прочим, было бы ошибкой видеть в

пьесе изображение, пусть и отрицательное, былой феодальной спеси. Ею не очень-то заражены даже ее «законные» носители — отцы героя и героини. Основные сюжетные ходы пьесы у всех на памяти, и о них вряд ли следует напоминать. Но все-таки. Где ядро конфликта, что приводит героев к непреодолимой трагической ситуации? Ссора дона Диего и графа Гормаса, то есть отцов Родриго и Химены. Один из них назначен на важный и почетный пост, другой у него этот пост оспаривает. Каковы же его доводы? Нет, он не вспоминает о том, в какие родословные книги вписаны его предки. Он весь живет сегодняшним днем, говорит лишь о своих недавних заслугах. И он по-своему логичен. Он еще не стар, полон сил, но уже достаточно умудрен, чтобы подавать венценосному воспитаннику не только примеры храбрости, но и мудрые советы. Дон Диего вначале не оспаривает его заслуг, он лишь призывает уважать волю короля, избравшего его, дона Диего, а не графа Гормаса. Можно подумать, что отец Химены слишком высокомерен и вспыльчив, но стоит присмотреться, как мастерски построил Корнель этот роковой диалог. Начинается он внешне спокойно (недаром вначале реплики спорящих длинны, обстоятельны, каждый не только

имеет возможность развернуть свою аргументацию, но и терпеливо выслушивает оппонента). Но затем диалог убыстряется и обостряется, причем нападать, а потом и оскорблять в равной мере начинают оба вельможи, а не только слишком горячий граф Гормас. И не вызывает сомнения, что на пощечину провоцирует графа сам дон Диего. Таким образом, перед нами блестяще изображена не сцена ссоры двух дряхлых стариков, не видящих ничего, кроме своих родовых гербов и былых привилегий, а спор опытных военачальников и политиков, каждый из которых убежден, что именно он лучше всего справится со столь сложной и почетной миссией.

Отцы — это тоже сильные и цельные личности, характеры которых разработаны, конечно, менее глубоко, чем характеры их детей, что, однако, не лишает их примечательных индивидуальных черт.

Но все-таки с большей любовью и вдохновением Корнель лепил характеры молодых героев. Причем это относится отнюдь не только к образам Родриго и Химены. Уместно сказать еще о двух молодых персонажах пьесы, чьи образы овеяны поэтической грустью и каким-то ненавязчивым обаянием. Это, во-первых, инфанта

донья Уррака, тайно, без надежд и без желаний любящая Родриго, никак не вредящая сопернице и лишь однажды на какое-то короткое мгновение даже не поверившая, а простодушно размечтавшаяся о своем несбыточном счастье. Другой такой персонаж — это дон Санчо, беззаветно, до самоотвержения любящий Химену. И когда он решается на поединок с Родриго, им движет не призрачная надежда, победив, получить в жены любимую, а желание хотя бы собственной гибелью приобщиться к судьбе Химены.

С большой изобретательностью и гибкостью передает драматург глубокие и переменчивые чувства всех своих героев, всю пленительную красоту молодости и любви, пронизывающую пьесу. Вольтер как-то заметил: «Корнель поистине велик только тогда, когда он выражается так же хорошо, как он мыслит»[27]. Это наблюдение в полной мере относится к «Сиду», где как целые сцены, так и отдельные монологи, даже короткие реплики по своей выразительности, психологической достоверности и пластичности относятся к высочайшим образцам французской поэзии.

Талант Корнеля проявился и в композици-

---

[27] Примечания: 1.27
Вольтер. Эстетика. М., 1974, с. 80.

онном построении пьесы. Ведь у «Сида» два сюжетных ядра (и тем самым два конфликта). Одно — это ссора отцов, поединок юноши с графом Гормасом и последовавшее за этим неразрешимое столкновение Родриго и Химены. Другое — воинский подвиг героя и необходимость суда над ним за недопустимую дуэль. И мастерство драматурга состоит в том, как он эти два сюжетных ядра, два конфликта объединил. Ведь один конфликт переходит во второй, но одновременно его нейтрализует. Это сделано так органично, так незаметно, что единство действия не нарушается, не нарушается же и столь существенное для поэтики классицизма понятие «единства интереса».

Все эти достоинства пьесы Корнеля не могли не быть замеченными современниками писателя. Вот почему премьера «Сида» стала таким триумфом драматурга и актеров. Первое представление пьесы состоялось, видимо, 7 января 1637 года в театре Маре при чрезвычайном стечении публики. Мондори, исполнявший роль Родриго, писал через несколько дней известному литератору Гезу де Бальзаку: «Толпа, собравшаяся у наших дверей, была столь велика, а наше помещение оказалось столь мало, что все его закоулки, в которых обычно находятся пажи и слуги, на

этот раз оспаривались друг у друга господами в лентах, а на сцене помещались лишь кавалеры орденов высших степеней». Ему вторил Поль Пеллисон, будущий историк Французской академии, вспоминавший: «Трудно даже представить себе, насколько высоко оценили эту пьесу публика и двор. Ее могли смотреть без конца, в обществе только и было разговоров, что о ней, каждый знал наизусть хотя бы несколько строк из „Сида“, детей заставляли заучивать целые отрывки, и вскоре во Франции возникла поговорка: „Это прекрасно, как „Сид““»[28].

Если в пьесе все нравилось публике, многое в ней могло не понравиться властям. Например, гордое самосознание феодалов, ведущих торг с самим королем, апология дуэлей как единственного способа разрешить спор между благородными людьми, тогда как дуэли были строжайше запрещены правительством Ришелье, возможные реверансы в сторону «испанской партии» Анны Австрийской в момент, когда страна вела тяжелую войну с империей Габсбургов. И, наконец, самое главное — идея личной доблести героя, реализующей себя если и не вопреки, то помимо

[28] Примечания: 1.28
Pellisson P. Histoire de l'Académie française, vol. 1, Paris, 1730, p. 110.

государственных предначертаний. Однако на фоне триумфальной премьеры «Сида» на все это сочли благоразумным до поры до времени не обращать внимания. Напротив, Корнель был награжден: он получил долгожданное дворянство и солидную пенсию от кардинала.

Между тем «спор» о «Сиде» разгорелся. Внешним поводом к нему послужило стихотворное послание Корнеля «Извинение перед Аристом», где драматург горделиво заявлял, что всеми своими успехами он обязан только себе. Это послание задело многих. Прежде всего, конечно, собратьев по перу, особенно Жана де Мере, только что сменившего Корнеля в той группе литераторов, что писали пьесы по плану и прямым указаниям Ришелье. Мере выпустил анонимный памфлет, обвинявший Корнеля в плагиате. Посредственный драматург Жорж де Скюдери выступил с обстоятельным разбором пьесы, где он доказывал, что сюжет ее неудачен, «правила» не соблюдены, интрига построена неумело и что «Сид» изобилует плохими стихами, а немногие хорошие — заимствованы у других авторов. Драматург Клавере также настаивал в своем «мемуаре» на неоригинальности пьесы. Как было принято в ту пору, полился и поток эпиграмм.

Корнель ответил спокойным и рассудительным «Апологетическим письмом», его друзья также пустили в ход летучие эпиграммы. Хотя и «город» и «двор» продолжали восторженно принимать каждый новый спектакль «Сида», литературные круги разделились на два противостоящих лагеря.

Тут в спор о «Сиде» вмешался сам кардинал Ришелье. Это придало ему совсем новые направление и смысл.

У Ришелье с Корнелем отношения к тому времени стали сложными. Отдавая должное таланту писателя, кардинал привлек его в свою «бригаду» драматургов не случайно: он многого от него ждал. Корнель, как известно, этих надежд не оправдал и из «бригады» вышел, он не хотел (да и, по-видимому, не умел) трудиться в одной упряжке с поэтами ему чуждыми. Он хотел творить свободно, по законам, им самим себе устанавливаемым. И после вмешательства кардинала спор пошел уже не столько о пьесе, сколько о степени свободы автора. Французской академии было предложено высказаться. Первая редакция ее «Мнения» не удовлетворила Ришелье. В окончательном виде «Мнение Французской академии о трагикомедии „Сид“» было обнародовано в

редакции поэта Шаплена.

Внешне во «Мнении» все было сведено к нарушению Корнелем классицистических «правил». О недопустимой трактовке идеи королевской власти не говорилось. Придирки Шаплена были не вполне правомерны: то, что в трагедии не допускалось правилами, то есть соображениями правдоподобия, единства стиля и хорошего вкуса, было возможно в трагикомедии (в том числе некоторые сниженные, почти комические сцены и пощечина). В трагикомедии можно было несколько раздвинуть место действия (не комната, не площадь, а определенный город) и продлить его время. Мы знаем, как Пушкин посмеялся над использованием Корнелем этого правила о сутках: «Истинные гении трагедии заботились всегда исключительно о правдоподобии характеров и положений. Посмотрите, как смело Корнель поступил в „Сиде“: „А, вам угодно соблюдать правило о 24 часах? Извольте“. И тут же он нагромождает событий на 4 месяца»[29].

Корнель бесспорно понимал разумность «правил», гарантирующих литературу от хаоса и устраняющих из произведения все лишнее, от-

---

[29] Примечания: 1.29
Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. 7, с. 734.

влекающее, рассеивающее внимание, понимал, что «правила» сообщают произведению правдоподобие. Он понимал, что сосредоточенность действия способствует его красоте и позволяет ярче высветить изображаемые характеры, раскрыть их внутренний мир, сконцентрировать на нем все внимание зрителя или читателя. Вместе с тем Корнель и в пору «спора о „Сиде“» и много позже отстаивал право художника на собственную трактовку «единств». Не случайно в посвящении «Компаньонки» он напишет: «Мне по душе подчиняться правилам, однако я не являюсь их рабом и расширяю или сужаю поставленные рамки соответственно потребностям сюжета, а иной раз и ломаю их без малейших угрызений, когда они замедляют развитие действия, когда суровые ограничения находятся в решительном, на мой взгляд, противоречии с изяществом описываемого эпизода».

Знаменательно, что в переизданиях «Сида» Корнель изменил жанровое определение пьесы: из трагикомедии она стала трагедией. Между тем переделки текста пьесы были незначительны (они коснулись лишь первого акта, но ни пощечина, ни стансы Родриго не были тронуты), так как жанр трагедии писатель понимал достаточно

широко.

Понятно, почему Ришелье так добивался обсуждения Академией именно «Сида», а не, скажем, «Медеи» или тем более какой-либо комедии Корнеля, почему именно теперь он хотел показать, что в абсолютистском государстве и литература из частного становится делом государственным, причем это относится не только к проповедуемым ею идеям, но даже к вопросам вполне «техническим» — вопросам языка, стиля, образной системы. Обладающий несомненным литературным чутьем, кардинал понял, что перед ним произведение гениальное. В связи с ним-то и следовало преподать его автору внушительный урок. Корнель, обласканный и облагодетельствованный двором, смысл этого урока понял. Понял он и кто стоял за Шапленом и остальными академиками. Вот почему на кончину Ришелье он смог откликнуться только таким четверостишием:

«Ко мне был слишком добрым кардинал,
Дабы о нем сказал я злое слово,
И слишком много он мне сделал злого,

Дабы о нем я доброе сказал».

(Перевод В. Васильева)

Ришелье хотел круто повернуть творчество Корнеля, стремясь направить его на службу государственным интересам. Обдумывать этот урок Корнель уехал в Руан.

4

Оттуда он привез несколько новых пьес. По меньшей мере две. Если они и не были завершены в Руане, то задуманы и продуманы — несомненно там. Это были «Гораций» и «Цинна». Уже не трагикомедии, а трагедии, открывшие новый период в творчестве драматурга. Период больших свершений, период наиболее классический, если угодно, великий.

Новые трагедии хотя и использовали исторические предания Древнего Рима, были написаны на разные, совершенно несхожие сюжеты. Одно лишь их объединяло: они были подчеркнуто, прокламированно проблемны. И проблематика эта была политической.

О необходимости такой проблематики именно в жанре трагедии Корнель затем писал не раз — и в разборах отдельных своих пьес и в теоретических «Рассуждениях», опубликованных в 1660 году. Это стало художественным кредо драматурга, сутью его понимания общественных функций театра.

Трагедия была жанром высоким, произведением больших мыслей и чувств. Она была обычно

посвящена судьбам не частных лиц. В ней действовали монархи и правители, но не потому, что они обладали возвышенными, образцовыми характерами, а потому, что их личные интересы, побуждения, страсти были неотделимы от судеб общества и государства. Корнеля, как и его современников, эти судьбы живо интересовали. Тем более что политическая ситуация в стране становилась все более сложной и тревожной. Следует учесть, что трагедии Корнеля 40-х — начала 50-х годов созданы в обстановке исподволь назревавшей, а затем разразившейся гражданской войны (она получила название «Фронды»), когда буржуазия и народные массы (прежде всего Парижа, но и других крупных городов) проявили открытое неповиновение королевской власти и вступили с ней в борьбу. К этому присовокупились мятежи феодалов, стремившихся использовать гражданскую войну в своих целях. И в соседней Англии разворачивались грозные события революции, завершившейся поражением короля, его казнью и провозглашением республики.

Все это Корнель стремился осмыслить, дать в своих трагедиях косвенный ответ на волновавшие его политические проблемы — соотношение интересов общественных и личных, взаимоот-

ношение монарха и его подданных, воздействие власти на души людей, в той или иной мере к этой власти причастных. Поэтому он давал использованным им историческим сюжетам собственную трактовку. И трагедии эти называют классическими потому, что мысль писателя, его идейная позиция в каждом случае предельно ясна, развитие сюжета происходит с логической необходимостью, а сама форма трагедий, вполне соответствуя классицистическим нормам, достигает необычайной художественной просветленности, цельности и красоты.

В «Горации» (1640), основанном на известном рассказе Тита Ливия о первых веках существования Рима и, в частности, о соперничестве этого города с соседним — с Альба-Лонгой, ведущая и, собственно, единственная проблема — проблема патриотизма. Писатель понимает ее достаточно широко: это и столь естественная, изначальная, воспитанная с рождения любовь к родному гнезду, к родимой земле, и сознательное подчинение личных побуждений и пристрастий интересам своего государства. Тема гражданственного долга недвусмысленно выдвигается здесь на первый план. И Корнель резко сталкивает этот надличностный и непреложный долг с

индивидуальными, интимнейшими чувствами протагонистов.

И столкновение это тем ощутимее, тем неизбежней, что писатель ставит своих героев в ситуацию не только напряженнейшую, но и, по сути дела, неразрешимую, предельную, а потому глубоко трагичную. Эту неразрешимость большинство героев сознает и остро переживает; например, Сабина («За честь своей страны мой друг падет в бою, а если победит, то победит мою, и от меня, увы, одно получит милый: иль злую ненависть, иль слезы над могилой») или Куриаций («Жених сестры пойдет на будущего брата во имя родины, но сердце скорбью сжато. Исполнить страшный долг во мне достанет сил, но так мне тяжело, что белый свет не мил»). Тем самым противостояние общественного и частного, гражданственного и личного подано в трагедии не как столкновение двух групп персонажей, носителей этих разнородных интересов, а перенесено во внутренний мир каждого из них. И величие героев Корнеля состоит в том, что они, ощущая неразрешимость и даже бесчеловечность ситуации, идут на страшнейшие жертвы вполне сознательно. Они, если угодно, оказываются жертвами долга, но долг этот для них священен. И хотя некоторые

исследователи (например, такой маститый, как Жак Шерер) полагают, что драматург избирает роль стороннего наблюдателя, якобы не берясь судить своих героев, в действительности это не так: и персонажам пьесы и ее автору очевидна доминирующая роль общественных интересов, их безусловное превосходство над интересами частными.

Но вот готовность выполнить свой патриотический долг герои ощущают по-разному. В «Горации» Корнель показал себя незаурядным психологом. Неизбежность братоубийственной борьбы порождает в персонажах пьесы не только разные оттенки патриотизма, но и различное переживание личной трагедии. Так, в душе Куриация любовь к родине не заслоняет чисто человеческие чувства («Я тверд, но не могу забыть любви и жизни»), но и не делает его слабым, колеблющимся, нерешительным. Он неколебимо верен патриотическому долгу. Но страдания его безмерны. Такова же позиция и Сабины. Но она находит в себе силы подняться до подлинной героичности и в то же время не изменить свойственным ей идеалам человечности. Это не бессилие перед судьбой, а гордое противостояние ей, пронизанное мужественным стоицизмом:

«Какое б горе мне судьба ни слала злобно,

В нем радость обрести я все-таки способна,

Способна видеть бой, не устрашась его,

Смерть — без отчаянья, без гнева — торжество».

В чем же находит юная женщина поддержку в столь трудную для нее минуту? В осознании того, что речь идет не только о благе государства, что на карту поставлена честь и Горациев и Куриациев. Любовь к родине тем самым связывается в ее сознании с личным достоинством человека и в такой трактовке не противоречит чувству гуманности. Неразрешимый конфликт, не лишаясь своего трагического звучания, как бы разрешается на высочайшем уровне человечности.

Однако не всем героям дано его достичь. Не выдерживает Камилла, для которой патриотический долг оказывается непосильной ношей (и в этом смысле гибель ее закономерна). Слишком прямолинейно, а потому, как полагает Корнель, антигуманно понимает патриотическую миссию Старый Гораций, сторонник слепого исполнения государственных предначертаний. Он — теоре-

тик подобной точки зрения. Ее исполнителем оказывается в трагедии юный Гораций, бесспорно центральный персонаж пьесы, не случайно давший ей свое имя.

Гораций лишен тяжелых сомнений, что обуревают других героев. Он тверд в своей приверженности интересам государства и не хочет ни о чем раздумывать («С кем биться ни велят мне за родную землю, я с радостью слепой такую честь приемлю»; «Коль Рим избрал меня, о чем мне размышлять?»). Мотив вот этой душевной слепоты, а потому черствости, утраты человечности постоянно присутствует в репликах Горация и не может не настораживать и пугать других персонажей. Развитие его характера (по крайней мере его психологической доминанты) вычерчено писателем с математической точностью: отказ от осмысленных поступков закономерно приводит героя к забвению гуманных идеалов, к продуманной жестокости на поле боя, а затем и к убийству сестры. Валерий, неудачливый поклонник Камиллы, призывает уберечь Рим от этого крепкого нерассуждающего юноши с широкими плечами, который вскоре начнет властвовать в городе. Впрочем, тут Валерий ошибается: сам Гораций властвовать не будет; вот с его помощью

и с помощью ему подобных можно властвовать, можно унижать и порабощать, вносить в проскрипционные списки или посылать на галеры. Великие произведения велики обычно не тем, как они раскрывают свою эпоху, а тем, насколько они ее преодолевают, выходят за ее пределы; то есть не заключенной в них преходящей злобой дня, а моделированием общечеловеческих, универсальных отношений и ситуаций. Определенную закономерность и универсальность выявил Корнель и в образе юного Горация.

Гораций в трагедии одерживает победу, но он тоже жертва, хотя и не погибает, как Куриаций или Камилла. Он жертва не столько своего патриотического подъема (если не экстаза или угара), сколько политической демагогии, когда подлинные интересы государства и народа исподволь замещаются своекорыстными интересами «царя, вождя иль мудреца» (что неизбежно может произойти по мысли Корнеля, широко развернутой в его следующих пьесах, при построении абсолютистского государства). Поэтому величие этой трагедии не только в том, что, осмысливая опыт религиозных войн, последующих смут и мятежей или даже провидя грядущие коллизии Фронды, писатель звал к гражданскому миру, а в том, что

он понял различие между подлинной любовью к отчизне, глубоко разумной и человечной в своей основе, и слепым патриотизмом, уделом душ поверхностных и примитивных, ведущим к утрате гуманности и к преступлению.

Действительно, Гораций готов пойти на смерть, не раздумывая и не рассуждая, но и столь же легко и бездумно он может предать смерти других. К тому же (и это очень тонко подмечено Корнелем) в его сознании незаметно происходит подмена понятия «чести», этого краеугольного камня старой феодальной, рыцарской еще морали, понятием «славы», разменной монеты абсолютизма. Поэтому не приходится удивляться, что Гораций преисполняется не естественного ужаса, а великой радости, когда узнает, что ему выпал жребий сразиться с родными и друзьями: перед ним открывается возможность совершить подвиг «повышенной трудности» и тем покрыть себя славой.

Эта жажда славы отразилась и на языке героя: он приподнят, сентенциозен и горделив. Впрочем, индивидуальными чертами отмечена речь и других персонажей пьесы. Испытывавший робость в судебном заседании (по свидетельству современников), Корнель в «Горации» дости-

гает высокого ораторского пафоса. Лирических партий здесь, в отличие от «Сида», практически нет (разве что отдельные реплики Сабины). Напротив, тут много ярких, страстных монологов и еще больше — напряженнейших диалогов, построенных на контрастности, антитетичности позиций спорящих, диалогов, разворачивающихся как увлекательное и захватывающее «прение сторон» (таковы знаменитые «дуэты» Горация и Куриация, Горация и Камиллы, Старого Горация и Валерия и т. д.). Благодаря яркости речевых характеристик и умелому столкновению «мнений», при всем отсутствии внешнего действия (быть может, за исключением сцены убийства Камиллы), сюжет трагедии разворачивается стремительно и напряженно. В этой пьесе драматург бесспорно достиг вершин как языкового, так и композиционного мастерства.

Новые грани таланта писателя — и в создании пластически емких характеров, и в виртуозном построении интриги, и в постановке глубоких политических и этических проблем — раскрылись в следующей его пьесе, также, видимо, задуманной в Руане.

Это была трагедия «Цинна».

Если «Гораций» был отнесен к первым, леген-

дарным векам истории Рима, то «Цинна» рисует нам великий город в первые десятилетия империи.

В центре трагедии — Октавиан Август. При нем Рим достиг небывалого величия. Он отразил иноземные вторжения, подавил мятежников, раскрыл заговоры, устранил соперников, уничтожил инакомыслящих. И в результате — народ благоденствует, а государство процветает, С чувством законной гордости Август признается:

«Я новый создал строй — разумное правленье —
Вот долг властителя в подобном положенье».

Но не заплачено ли за это слишком дорогой ценой? Вот что мучит всесильного императора, вот почему подумывает он отказаться от власти.

А в стране зреет новый заговор. У каждого из его главарей — свои мотивы. Эмилия (подобно Медее из ранней трагедии Корнеля) — натура необычайно целеустремленная и действенная. Она жаждет отомстить Августу за безвинно погубленного отца, причем отомстить она хочет сама, чуть ли не своею собственной рукой («Да, буду я рыдать над гибелью его, коль не от мще-

нья он погибнет моего! Зачем другим вверять задуманное нами, тот долг, который мы должны исполнить сами?»). Цинна видит в Августе тирана, но не может не замечать и его заслуг перед родиной («А взявший силой власть не есть еще тиран, когда объединил он государства части и, справедлив в делах, по праву стал у власти»). Он понимает, что без сильного, решительного правителя Рим вновь окажется втянутым в раздоры, в междоусобную смуту. Однако Цинна безумно любит Эмилию и ради нее идет на смертельный риск. Максим, третий руководитель заговора, полагает, что убийство тирана не покончит с тиранией, напротив, на место старого встанет новый тиран, еще более кровожадный и жестокий. Но та же любовь к Эмилии приводит его в стан заговорщиков.

Август узнает о заговоре. Первое его движение — покарать:

«Смерть — главарю, другим — темница! Без боязни
Тогда смогу я жить».

И тут же сомнение:

«…Да, но все время — казни?
От крови я устал…»

И вот тогда приходит иное решение: не покарать, а простить, не породить новых заговорщиков, казнив нынешних, а привлечь противников на свою сторону, И не во имя собственной безопасности, а во имя спокойствия и счастья государства, которое можно сделать сильным и единым не страхом, а терпимостью, разумным милосердием.

В пьесе немало трагически напряженных ситуаций, но действия — немного. Собственно, лишь предательство Максима является «поступком», провоцирующим остальных протагонистов на ответные действия. Содержание трагедии сводится к размышлениям заговорщиков (их спорам) о правомерности убийства тирана и к раздумьям Августа о власти, которая становится ему в тягость. И как кульминация — примирение императора с заговорщиками, вернее, завоевание их признательности и доверия. Трагедия разрешается счастливо.

Обычно герои Корнеля отличались не только внутренней цельностью, но и величием души, не только осмысливанием сложившейся ситуации, но и активностью. Здесь этого, пожалуй, нет. И Цинна и особенно Максим знают и колебания и неуверенность. Действиями их движут личные,

своекорыстные мотивы, со славой же убийц тирана они довольно легко расстаются.

Нет сомнения, что при создании пьесы Корнель помнил и недавно с отменной жестокостью подавленные бунты, и казни непокорных феодалов. Но было бы ошибкой видеть в «Цинне» отклик лишь на эти события. Свидетель процесса формирования абсолютизма, Корнель не мог не понимать, что создание могучего единого государства невозможно без эксцессов жестокости. Но он думал о конечном результате этого процесса, вот почему вложил в уста кроткой Ливии такие слова:

«Пойми: в борьбе за власть губительные страсти

Прощаются тому, кто достигает власти.

Тот, кто высокою удачей вознесен,

Перед грядущим прав, перед былым прощен,

Достигший своего не отягчен виною:

Он сделал только то, что суждено судьбою».

Однако Корнель, наследник гуманистических

идеалов и идей Ренессанса, не останавливался на стадии абсолютной монархии, он шел дальше — к монархии просвещенной. Вот почему эта трагедия вызывала интерес в следующем столетии, особенно у деятелей передового движения той эпохи (Вольтер считал ее высшим достижением драматурга).

Рядом с «Цинной» «Сид» и даже «Гораций» (пьеса с событиями, совершающимися за сценой) могут показаться перенасыщенными действием. В «Цинне» основную нагрузку несет слово. Если герои трагедии статичны, то через слово и только через него передается и их смятенный внутренний мир, и изменения в их настроениях, в их политических позициях. Последнее особенно важно. Подлинным «героем» пьесы оказывается не Цинна, не Эмилия, и даже не Август, а идея государственной власти. В устах разных персонажей идея эта получает не только различную оценку, но — от столкновения разных и меняющихся точек зрения — и сама получает развитие. Государство, то есть власть, основанная на разуме, на мудрой заботе об общественном благе, только и может обеспечить счастье подданных:

«Любовь к отечеству была всегда важна,

Но благу общему должна служить она;
Свобода, будто бы желаемая Римом,
Была бы для него благодеяньем мнимым,
Несущим только вред, и не равна тому,
Что Цезарь может дать народу своему».

Выступая против анархической свободы, Корнель самым решительным образом не одобряет и народовластия («Всех хуже государств то, где народ — владыка»), и здесь он повторяет идеи мыслителей своего времени, причем мыслителей самого разного толка — от откровенных монархистов до утопических социалистов вроде Сирано де Бержерака. И в этой позиции Корнель был сыном своего времени, ему не было дано провидеть будущее. К тому же для подлинного народовластия исторические условия еще не созрели. Но если несвободен народ, полагал писатель, если он обязан выполнять патриотический долг служения отечеству, то столь же несвободен и властелин. И он и народ — как бы участники одного общественного договора, основанного на свободно выраженной воле и на разуме. И если этот своеобразный общественный договор

нарушается, если правители или подданные начинают руководствоваться личными своекорыстными интересами, это тяжелым бременем ложится как на страну, так и на отдельных граждан.

Высказанные Корнелем идеи не противоречили задачам формирования централизованного государства. Особо следует отметить политический оптимизм писателя. Но оптимизм этот коренился не только в осознании Корнелем высокой миссии государства, но и в вере в неограниченные духовные возможности отдельной личности, которая не должна сливаться полностью с безликой массой, становясь незаметным винтиком гигантской государственной машины. К этому следует добавить, что в «Горации» и особенно «Цинне», своих наиболее оптимистических пьесах, Корнель отдавал себе отчет в том, что величие государства нередко достигается весьма дорогой ценой, что у процесса государственного строительства есть теневая, оборотная сторона, есть свои издержки.

5

Проблемы соотношения власти и общественного блага, воздействия власти на личность в очень разных политических ситуациях и на различном материале решаются в серии трагедий Корнеля так называемой «второй манеры», последовавших за «Горацием» и «Цинной», в таких пьесах, как «Полиевкт» (1641–1642), «Помпей» (1642), «Родогуна» (1644), «Ираклий» (1647), «Никомед» (1651), и др. Эти трагедии относятся к числу наиболее зрелых, наиболее интересных по своим сюжетам и способам их решения произведений Корнеля. Материал этих пьес — самый разнообразный. Он почерпнут из истории поздней античности и раннего средневековья, но лишь в «Помпее» касается событий широко известных. В остальных случаях, не отходя от магистрального сюжета истории, Корнель додумывает многие важные для него детали, вводит новые мотивы, придумывает ключевые для развития сюжета эпизоды. Потому-то он и обращается к тем событиям истории Рима и его восточных соседей, которые не получили подробного и однозначного освещения в историографии.

Если в «Помпее» перед нами Египет последних Птолемеев в период африканских войн Юлия Цезаря (I в. до н. э.), то в «Полиевкте» — Армения в середине III в. н. э., в «Родогуне» — Сирия в середине II в. до н. э., в «Ираклии» — Византия в начале VII в. н. э., а в «Никомеде» — Вифиния начала II в. до н. э. Как видим, географический и хронологический «разброс» довольно велик.

Отметим, что и в «Цинне» Корнель рассказал о событиях, подтверждаемых не всеми историками, а следовательно, более «податливых» его творческой фантазии.

Вообще трагедии «второй манеры» обычно рассматривают порознь одна от другой и отделяют решительным рубежом от «Горация» и «Цинны». Между тем такое рассмотрение и особенно безоговорочное отделение от предшествующих трагедий — ошибочно.

И проблематика трагедий «второй манеры» и многие их стилистические и структурные черты были подготовлены предыдущими пьесами, особенно «Цинной». Как очень верно и тонко заметил Ю. Б. Виппер, «„Цинна“ представляет собой как бы ключ к истолкованию дальнейшей

эволюции писателя»[30].

Действительно, уже в «Цинне» общегосударственные интересы начинают соотноситься с личностью монарха. Политика, борьба за власть подменяют собой надличностные, общенародные ценности. Получается, что иногда во имя этих высоких идеалов можно совершить и низкие, антигуманные поступки. Уже в «Цинне» указывалось на угрозу подмены высокой политики политиканством.

Не будем забывать, что трагедии «второй манеры» писались в преддверии и в разгар событий Фронды. Для нас важно не то, изобразил ли писатель, скажем, в «Никомеде» под именами Арсинои, Лаодики, Фламиния, самого Никомеда соответственно Анну Австрийскую, г-жу де Лонгвиль, кардинала Мазарини, принца Конде, а то, что в период гражданской смуты Корнеля с особой силой влекли к себе вопросы политики, с небывалой остротой вставал вопрос о моральной стороне власти, о праве во имя «высших», пусть общегосударственных, общенародных интересов совершать если и не прямые преступления, то такие поступки, которые обычной моралью, как

[30] Примечания: 1.30

Виппер Ю. Б., Самарин Р. М. Курс лекций по истории зарубежных литератур XVII века. М., 1954, с. 325.

правило, осуждаются. Короче говоря, писателя интересовала степень порядочности в политике, воздействие власти на личность ее носителя, соотношение интересов государственных и частных, а также возможность отождествления воли монарха или вождя с общественной необходимостью.

Поэтому не случайно в трагедиях 40-х годов Корнель вывел целую галерею персонажей, весь смысл жизни которых сводится к борьбе за власть. И ведут они ее якобы в интересах общества, для того чтобы облагодетельствовать свой народ, привести его к миру и счастью. Но на деле борьба эта, эта столь ярко нарисованная писателем жажда власти, что обуревает его героев, утрачивает гуманные цели и тем более гуманные методы.

Таким путем к достижению своей цели идет римский наместник Феликс в «Полиевкте», Цезарь в «Помпее», сирийка Клеопатра в «Родогуне», Фока в «Ираклии», Арсиноя в «Никомеде». Но жаждой власти не исчерпываются их характеры. Если Феликс только благоразумен, то Цезарь мужествен, великодушен, мудр. В этом он противопоставлен в трагедии и слабовольному царю египтян Птолемею, и его коварному и жестокому

советнику Потину (который недаром проповедует: «Чтоб все возмочь, ни с чем должны мы не считаться и добродетели бесплодной предпочесть злодейство, если в нем нужда державе есть»). Но и Цезарь — прежде всего политик, а потому способен на бесчеловечный обман. В «Полиевкте» мудр и справедлив Север, но и он идет на антигуманные поступки ради процветания и спокойствия Рима.

Начиная с «Цинны» Корнель создает неповторимые образы женщин-мстительниц. В «Цинне» это Эмилия, в «Помпее» — Корнелия, в «Родогуне» — Клеопатра, в «Ираклии» — Пульхерия и т. д. Они не одинаковы. Одни из них слабы, взятая ими ноша явно им не по плечу. Такова Пульхерия, слабая, сомневающаяся, пугливая, не борец, а жертва, игрушка в чужих руках. Напротив, Корнелия сочетает в себе пластическую мягкость с неколебимой твердостью; чувство мести не ослепляет ее, она признает за Цезарем целый ряд достоинств, она как римлянка даже гордится им. Вообще существенной чертой трагедий Корнеля «второй манеры» является то, что подлинными двигателями интриги, как правило, оказываются женщины. И не потому, что они мстительницы вроде Эмилии или Корнелии, или ожесточенные

борцы за власть вроде сирийки Клеопатры или Арсинои. Просто женщины оказываются ярче мужчин, их духовный мир — сложнее и богаче.

Так, страдания Паулины («Полиевкт») куда острее и глубже, чем переживания ее мужа, одухотворенного новой верой и идущего благодаря этому на разрыв с прошлым легко и даже радостно, хотя этот шаг сулит ему муки и смерть. Полиевкт, конечно, мученик, но в нем нет, с точки зрения Корнеля, подлинного героизма, ибо он не преодолевает ради высшей цели личные влечения и тем более интересы. Поступок его героичен, но героем в трагедии оказывается не он, а Паулина. Если Аристотель считал, что трагедия должна вызывать чувство страха и сострадания, то Корнель добавлял к ним восхищение. Паулина вызывает именно это чувство. Во имя долга — исполнения своего супружеского обета (а замужем-то она всего две недели!) — она смиряет свою давнюю любовь к Северу. Во имя любви и сострадания к Полиевкту Паулина идет против своего гражданского (в ее понимании) долга — отказывается осудить мужа, принявшего христианство, хотя догматы новой религии ее пугают. Переживания этой молодой женщины, умеющей любить и быть верной до конца, дости-

гают высокого трагизма. И, как всегда бывает у Корнеля, героиня непременно проходит стадию полного смятения чувств, утрачивая реальное представление о происходящем. Паулина восклицает:

«Мой дух изнеможден, зловещей тьмой объят,
То брезжит предо мной надежда на спасенье,
То ужасы меня теснят, как привиденья,
И бедный разум мой, мятущийся в бреду,
Мне в будущем сулит то счастье, то беду».

Но Паулина преодолевает этот разброд мыслей и чувств и стойко встречает свой удел. Она способна и на большее: потрясенная, а, возможно, и просветленная гибелью мужа, Паулина также рвет со старыми обычаями, становясь в ряды преследуемых христиан.

Столь же своеобразен образ египетской царицы Клеопатры, существа гордого и властного, выделяющегося своей значительностью рядом с ее ничтожным братом Птолемеем. В Клеопатре уже

живет желание власти, хотя оно еще не побеждает в героине другие чувства, прежде всего чувство любви к Цезарю и гордости этой любовью.

В «Родогуне» непосредственно сталкиваются в борьбе не на жизнь, а на смерть две женщины — сирийка Клеопатра и парфянская царевна Родогуна. Обе они — страстные, неистовые натуры. Любовь, ненависть, властность, мстительность находят приют в их пылких сердцах. Но два чувства доминируют, подчиняя себе остальные, сложно с ними переплетаясь; это любовь и жажда власти. Для Клеопатры власть — превыше всего. «Нет беззаконных средств в борьбе за власть и царство!» — восклицает она. Или еще определеннее: «Для счастья властвовать готова к преступленью». Родогуна сначала вся — в размышлениях о любви, об этом таинственном, непостижимом чувстве:

«Есть чувство тайное, что сердце с сердцем вяжет,

И в мире нет прочней незримой этой пряжи;

Нам не дано постичь и объяснить его —

Двух любящих сердец сладчайшее род-

ство».

Но и она вступает в борьбу за власть. Правда, Родогуна на первых порах лишь обороняется, лишь выжидает, но и ей не чуждо стремление к славе, которую дает царский венец. И в ней просыпается дикая, необузданная, жестокая мстительность, которая оказывается сильнее любви, совсем недавно пленявшей героиню своей загадочностью («Как прихотлива ты, любовь, как непонятна!»). Если Клеопатра требует от Селевка и Антиоха в обмен на царский венец убийства дерзкой парфянки, то Родогуна предлагает свою любовь тому из братьев, кто решится поднять руку на мать. Необузданность, экстатичность страстей этих двух женщин, их ничем не оправданный и даже непристойный разгул выделяют их из ряда других героинь Корнеля, обуреваемых не менее сильными и пагубными страстями. Например, в «Никомеде» совершенно одержима идеей власти царица Вифинии Арсиноя. Во имя власти она готова на предательство, на преступление, на попрание всех человеческих законов. «Что ярость женщины удержит? Мы жестоки», — это признание в ее устах симптоматично.

Такое неистовство, всплеск страстей, жажда власти приводит героинь Корнеля к поступкам

антигуманным, жестоким, отталкивающим. Для того чтобы устранить соперника, удержать власть или свергнуть тирана, они идут на ужасающие поступки. Так, героиня «Пертарита» Роделинда хладнокровно и расчетливо толкает узурпатора на убийство ее малолетнего сына, дабы вызвать этим всеобщее возмущение и падение тирана.

Итак, по мысли Корнеля, власть коверкает души ее носителей, делает их глухими к самым обычным, земным, но таким высоким чувствам, как дружба, верность, материнская любовь.

Начиная с «Цинны» для трагедий Корнеля типично выведение на сцену двух женских характеров, объективно (а часто и субъективно) противостоящих друг другу. Действительно: в «Цинне» энергичная действенная Эмилия как бы противостоит кроткой, «тихой» в своей мудрости Ливии; в «Помпее» такую противостоящую пару образуют Клеопатра и Корнелия, в «Никомеде» — Арсиноя и Лаодика, в «Родогуне» — сирийка Клеопатра и Родогуна (хотя обе они схожи необузданностью своих страстей). И если в более ранних трагедиях все ограничивалось неким моральным противостоянием героинь, олицетворяющих разные этические и политические

принципы (например, в «Цинне»), то позднее эта конфронтация принимает крайне резкие, непримиримые формы. Как заметила Н. А. Сигал, «в центре драматического действия стоит не внутренняя борьба между „разумным“ долгом и „неразумной“ страстью, а совершенно реальная, фактическая борьба между отдельными людьми, борьба за власть, возможность осуществить свои жестокие желания, продиктованные ревностью, ненавистью, местью»[31]. Это сказано только относительно «Родогуны», но могло бы быть отнесено и к другим трагедиям «второй манеры». Характерно, что самые общие проблемы решаются теперь Корнелем не только на примерах, которые принято считать типичными, но и на таких, которые производят впечатление исключительности, даже неправдоподобия. В «Цинне» этого еще не было.

Отметим еще одну общую черту этих трагедий, один из элементов их структуры. Для большинства из них типичен мотив любви двух героев к одной и той же женщине. Было это уже в «Цинне», где главный герой и его сообщник Максим любили Эмилию. В «Полиевкте» — герой и Север

[31] Примечания: 1.31
Сигал Н. Корнель. Л. — М., 1957, с. 79.

любят Паулину, в «Родогуне» в героиню влюблены Селевк и Антиох, в «Никомеде» главный герой и его сводный брат Аттал любят Лаодику, в «Ираклии» герой и его друг Маркиан поставлены автором в сложные отношения с Пульхерией. Показательно, что основными героями трагедии оказываются оба или один из соперников. Именно вокруг них сконцентрированы те этические ценности, которые отстаивает и пропагандирует Корнель. Именно этим героям приходится преодолевать нелегкую внутреннюю борьбу между чувством и долгом. Причем в понятие долга писатель гуманистически включает не только служение государству, общественному благу, но и такие мощные побудительные причины, как дружба, побратимство, просто чувство чести. Перед этой группой героев Корнеля нередко стоит тяжелый выбор не столько между короной и любовью, сколько между властью законной и беззаконной, между любовью искренней и навязанной.

Перед таким выбором стоят Селевк и Антиох, Ираклий и Маркиан, Никомед и Аттал. Они соревнуются не в доблести, а в благородстве, они постоянно готовы уступить власть тому, кто ее более достоин, отказаться от руки любимой

девушки, если она любит другого. В этом их отличие от других персонажей, быть может, даже объяснение трагичности ситуаций, в которых оказываются герои. Как видим, проблема соотношения чувства и долга в трагедиях «второй манеры» отнюдь не исчезает, напротив, она обогащается новыми красками, новыми неожиданными нюансами, становится сложнее, глубже и, если угодно, увлекательнее.

Вместе с тем нельзя не заметить, что проблема эта еще более лишается некого надличностного начала. Вся она — в биении живых сердец, в игре страстей, в столкновении благородных натур с обстоятельствами сложными, порой таинственными, на первый взгляд неразрешимыми. Так, в «Родогуне» Селевк и Антиох не знают, ни кого любит героиня, ни кто из них имеет право на корону. В «Ираклии» остается долго неясным, кто из героев любим Пульхерией и кто же в действительности сын узурпатора Фоки, а кто — законного императора Маврикия, и т. д.

Но вот что примечательно. Несмотря на то, что гибнет Селевк, убитый по приказанию матери, едва не погибает Никомед или смертельной опасности подвергается Ираклий, борьба героев за власть дается им в конце концов легко. Откуда же

эта легкость, эти счастливые исходы мрачных, исполненных кровавых замыслов и козней трагедий? Противниками героев оказываются либо правители лукавые, но слабые (вроде египетского царя Птолемея или царя Вифинии Прусия), либо грубые узурпаторы, которым не дают покоя содеянные ими беззакония. Например, император Фока из трагедии «Ираклий» признается:

«Те радости, что власть сулит на расстоянье, —
Источник вечного и тайного страданья:
Боязнь лишиться их мешает их вкушать.
Занять престол легко, но трудно удержать…
Тиран, посеявший боязнь и гнев в сердцах,
Пожнет в свой день и час отчаянье и страх».

Сходные признания сирийки Клеопатры, Арсинои и им подобных, то есть тех персонажей, кого Корнель относит к узурпаторам и тиранам, объясняют, почему их власть столь недолго-

вечна. Писатель, как и раньше, как, скажем, в «Цинне», ратует за власть, основанную на разуме и праве. Последнее показательно. Что понимает под «правом» автор «Ираклия» и «Никомеда»? На первый взгляд — порядок престолонаследования (характерно, что узурпатор Фока заявляет себя сторонником выборной власти, тогда как дочь «законного» императора Пульхерия стоит за наследственную власть). Но вот что интересно: правом на власть обладают у Корнеля те герои, что отмечены мужеством, благородством, мудростью, кто хочет руководствоваться разумом. Вот почему храбрый и добрый Никомед находит поддержку в народе. Когда он появляется при дворе, Лаодика объясняет ему положение дел в столице:

«Народ здесь любит вас, к ним ненависть питает,

А кто царит в сердцах, тот силой обладает».

«Они» — это слабый, безвольный царь Прусий и его вторая жена своевольная, властолюбивая Арсиноя. И народ действительно дерзко вмешивается в ход событий: его восстание сметает ненавистную всем власть Прусия и Арсинои.

Таким образом, проблема власти переведена в этих трагедиях в иную плоскость. Если в «Цинне» в образе Августа сделан был набросок мудрого правителя, своеобразного «просвещенного монарха», то в следующих пьесах неустанно демонстрируется пагубность плохого, опирающегося на произвол правления, которое неминуемо должно в конце концов пасть. Думается, иллюзорность этого была ясна и самому писателю.

Но получилось так, что образы узурпаторов и тиранов, терпящих в трагедиях моральный и политический крах, оказались ярче, выпуклей, сконцентрированнее, чем образы их противников, обладающих глубоким и сложным внутренним миром, но лишенных цельности и силы. Выделяется здесь, пожалуй, один Никомед; Ромен Роллан полагал, что он «принадлежит к типу, который близок всякому народу, — добродушный, веселый гигант, галльский Зигфрид, один среди толпы врагов разрушающий коварные их замыслы, смеющийся над их ничтожеством, полный веселого задора и в конце концов остающийся победителем»[32]. Хотя герой Корнеля истолкован здесь несколько в духе Гаргантюа или Кола

[32] Примечания: 1.32
Роллан Р. Собр. соч. в 14-ти т., т. 14. М., 1958, с. 184.

Брюньона, цельность и уверенная сила этого образа подмечены верно: Никомед знаменует собой некий возврат к образам «Горация» и даже «Сида». «Горяч и резок он», — говорит о нем Арсиноя. Он способен отринуть личные интересы во имя государственных. Вот его кредо:

«Царь истинный — не муж и даже не родитель:

Лишь о величии все помыслы его,

Царь должен царствовать...»

А под «царствованием» он понимает правление разумное, справедливое, а потому — величавое.

Трагедии «второй манеры» лишь изредка оказываются посвящены событиям, развертывающимся в Риме. Хотя в «Помпее» мы видим главных персонажей римской политической жизни — Цезаря, Марка Антония, Лепида и других, ни в одной из этих пьес действие не происходит в великом городе. В пьесах этих лет события протекают на окраинах империи (или республики). И вот что полезно отметить. Хотя Рима и нет на сцене, он как бы присутствует в отдалении, и от пьесы к пьесе происходит его развенчание, развенчание его гражданских доблестей, его непререкаемого авторитета. Особой силы развенчание Рима до-

стигает в «Никомеде», где не раз произносятся иронические похвалы в его адрес. Тем самым Рим перестает быть для Корнеля тем идеалом, который он искал в «Горации» и «Цинне». Власть «местная», провинциальная, с одной стороны, менее помпезна и величественна, у нее могут быть существенные недостатки, с другой же стороны, она не так ослеплена своим почти божественным величием, она более человечна, ибо не печется о своем мировом могуществе и авторитете.

С этим уходом на периферию, в страны Востока связана, кок уже говорилось, большая свобода писателя в построении интриги. Сложность стоящих перед героями личных проблем усложнила и взаимоотношения между персонажами, усложнила само действие, которое стало не только более динамичным внешне, но и более напряженным внутренне. Для трагедий этого периода типичны такие положения, когда герои ничего не знают о себе, что приводит к очень осложненным сюжетным ситуациям, даже к мотивам инцеста (на этом во многом строится интрига «Ираклия», хотя до подлинного кровосмесительства дело в пьесе не доходит).

В разборе «Никомеда» Корнель настаивал на допустимости понимать трагедию иначе, чем

понимал ее Аристотель, чем понимал ее он сам в пору работы над другими своими пьесами. Не нарушая правила трех единств в трагедиях «второй манеры», Корнель в известной мере изменял одному существенному принципу классицистической эстетики — принципу правдоподобия. Уж слишком исключительны, невероятны обстоятельства, в которых оказываются его герои. Это обнаруживает себя в рассмотренных нами пьесах, но в еще большей мере — в созданных одновременно с ними двух трагедиях, тоже «второй манеры», относимых обычно к числу явных творческих провалов драматурга, — в «Теодоре, девственнице и мученице» (1645) и «Пертарите» (1652). Их недостатки — продолжение достоинств других трагедий этих лет. В них интрига оказалась слишком сложной, и, главное, она уже не во всем детерминировала поведение героев, не вытекала из их характеров.

Вообще в пьесах Корнеля 40-х и начала 50-х годов обнаруживают иногда следы воздействия на драматурга эстетики барокко с ее интересом к характерам сложным и изломанным, к интриге запутанной и алогичной, к развязкам неожиданным, никак не продиктованным предшествующим развитием сюжета. Эти черты

барокко Корнель воспринял, конечно, не в полной мере. Ситуации в его пьесах действительно бывают нередко весьма сложными, но писатель неизменно к концу трагедии их распутывает и проясняет. Он умело прибегает к ретардациям, к, казалось бы, второстепенным эпизодам, которые, впрочем, никогда не нарушают единства действия. Как бы ни был запутан сюжет трагедии, в хитросплетениях его лабиринта Корнель не упускает из своих рук нить Ариадны и приводит пьесу к развязке порой с небывалой виртуозностью (такова, например, развязка «Ираклия»). Поступками героев движут страсти необузданные и темные, но во всем их поведении нет ничего алогичного и непредсказуемого, напротив, герои эти даже в своей преднамеренной жестокости всегда по-своему логичны. Поэтому мы можем говорить лишь о барочных тенденциях в его творчестве, которыми, по-видимому, определяется своеобразие места Корнеля в драматургии классицизма. Именно так, между прочим, понимал самобытность творчества Корнеля Пушкин, заметивший в 1834 г.: «Старый Корнель один остался представителем романтической трагедии, которую так

славно вывел он на французскую сцену»[33].

Более насыщенные «романтическим» элементом, трагедии «второй манеры» не перестают быть величественными. Они также полны пространными монологами, напряженными диалогами, возвышенными сценами. Если в них несколько больше действия, чем, например, в «Цинне», то все-таки основные события происходят за сценой, о них лишь рассказывается. В них также мало аксессуаров, нет и снижающих, бытовых деталей. Корнель в этих пьесах остается незаурядным мастером стиха. Так, в трагедии «Помпей» длинные повествовательные пассажи (рассказ об убийстве Помпея, о прибытии Цезаря в Александрию, о сожжении тела Помпея, о битве римлян с египтянами), вдохновленные, впрочем, «Фарсалией» Лукана, являются образцами большой эпической поэзии. Удаются ему и возвышенно-лирические партии, скажем, скорбный монолог Корнелии, монолог страдающей Паулины или мечущейся Родогуны. С пространными периодами соседствуют короткие, близкие к афоризму, к сентенции фразы. Особенно удачны диалоги друзей-соперников (например, Селевка

---

[33] Примечания: 1.33

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. 7, с. 311.

и Антиоха) или любовников, которые еще не открыли друг другу свои чувства.

6

В 40-е годы Корнель пробует силы не только в основном жанре своей драматургии — трагедии. Он пишет пьесу «Андромеда» (1650), целиком построенную на сценических эффектах, на применении сложных декораций, возвращается к жанру комедии, создав «Лжеца» (1643) и «Продолжение Лжеца» (1643), наконец, обращается к героической комедии, написав «Дон Санчо Арагонского» (1649).

В «Лжеце» Корнель отказался от напряженной драматической интриги своих прежних комедий, герои которых порой оказывались на грани катастрофы. В новой комедии интрига проста: перепутанные имена двух девушек в сочетании с забавным пороком героя, пороком скорее странным, чем предосудительным, и составляет основное содержание пьесы. Здесь писатель попытался дать новый вариант жанра — создать комедию нравов. Но подлинной сатиры на нравы, которую мы вскоре найдем у Мольера, в пьесе Корнеля нет. Его Дорант врет неутомимо, изобретательно, артистично, но не становится от этого отрицательным персонажем. Напротив,

он наделен характером веселым и легким, и это сообщает образу героя известное обаяние, а пьесу насыщает подлинным комизмом. Рассказ Доранта о его мнимом любовном приключении в Пуатье под стать некоторым сказкам Лафонтена или новеллам эпохи Возрождения. Образы девушек (Кларисы и Лукреции) и отца героя старика Жеронта вполне традиционны, зато интересным нововведением явился образ слуги-резонера Клитона и особенно — компаньонки Изабеллы, далекой предшественницы Сюзанны Бомарше. В комедии царит атмосфера веселого флирта, смешных случайностей, неглубоких чувств, то есть атмосфера, типичная для светских кругов того времени. Это еще не общество Версаля, петиметров и нескончаемых празднеств; здесь все скромнее, и недаром герой пьесы — провинциал, только что явившийся в Париж и пораженный красотой столицы. От комедии веет и свежим восприятием героями Парижа, и прекрасной погодой, и молодостью с ее причудами и неопасными безумствами. Вот почему «Лжец» имел стойкий успех на сцене, причем не только в Париже, но и в других городах и странах, вплоть до Петербурга, где комедия была поставлена в 1796 году.

«Дон Санчо Арагонский» в известной мере возвращает нас в атмосферу «Сида», атмосферу Испании, атмосферу благородства, мужества, великодушия, чуждую той, которую обрисовывал Корнель в большинстве своих трагедий «второй манеры». Впрочем, и здесь не обошлось без вопроса о власти и ее носителях.

Этой пьесой Корнель разрабатывал совсем новый жанр. Он назвал его «героической комедией». Определение точное: в пьесе не было ни обличения нравов, ни площадного комизма, ни бытописательства. На сцене появлялись персонажи мужественные и благородные, им приходилось вести нелегкую борьбу между чувством и долгом, но борьба эта не приводила к трагическому конфликту.

Как и в «Сиде», для героев «героической комедии» огромное значение имеют личные качества человека. Так полагают и кастильская королева Изабелла, и арагонская принцесса Эльвира. Так же считает и основной герой пьесы — Дон Санчо, он же Карлос. Но в «Сиде» личное благородство героя подкреплялось древностью рода, семейными традициями. Здесь — наоборот. Бросая вызов одному из положений эстетики классицизма, Корнель делает своего героя человеком низкого

происхождения, сыном рыбака. Карлос горд своими делами и не хочет разделять общие сословные предубеждения:

> *«Кто пожелает, пусть свой восхваляет род,*
> *Кичится предками. Я ж не ценю почет,*
> *Который прадеды потомкам оставляют».*

Карлос всячески стремится убедить в этом и себя, и окружающих («Высокая душа и низкий род совместны»; «Пусть я простолюдин, но мой клинок победный мне славы больше дал, чем дал бы герб наследный» и т. д.), но ощущение собственного незнатного происхождения тайно терзает его душу, не дает покоя, заставляет отвергать любовь нравящейся ему девушки, почти открыто признающейся ему в своих чувствах.

Это заставляет страдать и Изабеллу, которая готова поднять до себя любимого, ибо видит в нем одни лишь достоинства, но не может не считаться с тем, что она — королева.

И для Карлоса и для Изабеллы создавшийся конфликт может быть разрешен лишь одним способом — невероятным, несбыточным, но на который втайне надеются все персонажи: без-

родный Карлос и когда-то подкинутый в семью бедняка принц Санчо должны объединиться в одном лице. Так и происходит.

Но вот в чем вопрос: только ли потаенной знатностью объясняется доблесть Карлоса-Санчо (как говорит один из персонажей, «рожденье можно скрыть, но благородство — нет»)? Пьеса дает ответ двойственный. Акцент сделан не на признании безродного подкидыша (мотив, который будет затем обыгран сотни раз — в романах, поэмах, пьесах, — видимо, на протяжении по меньшей мере еще двух веков), а на прославлении личных достоинств человека. Просто человека, без титулов, наследственных гербов и славных предков.

Таков был этот не столько длинный, сколько очень насыщенный и богатый этап творческой эволюции Корнеля. Было бы ошибкой видеть в этой эволюции движение к упадку или даже реальное его проявление. Также односторонне было бы настаивать на растущем пессимизме писателя, якобы усиливающемся от пьесы к пьесе. Создание «Никомеда» — весомое опровержение подобной концепции. Хотя взгляд Корнеля на действительность претерпевал изменения, в нем не утрачивалась вера ни в человека, ни в добро. Но взгляд писателя на жизнь и особенно

на политику становился более трезвым (опыт мятежей и смут, опыт Фронды не прошел для него даром); в его мировоззрении начинают играть заметную роль идеалы стоицизма (вот почему он теперь иногда цитирует Монтеня). Главное, что скепсисом оказывается пронизано отношение писателя к абсолютистскому государству, к возможности — в его условиях — сочетать личные и общественные интересы, вообще к возможности построения общества на разумных и гуманных началах. Но это не значит, что идеалы Корнеля претерпели за это десятилетие коренную трансформацию.

Этот трезвый взгляд на действительность, это стремление постичь реальные пружины власти в их воздействии на внутренний мир ее носителей позволили писателю создать галерею ярких персонажей, обуреваемых сильными, нередко пагубными страстями, сталкивающихся в жестокой борьбе. Лессинг, который был несправедлив к Корнелю, прикладывая к его произведениям совершенно неподходящие к ним мерки, в одном оказался прав: он верно подметил, что наиболее удачное определение духа творчества нашего

драматурга — это «исполинский, гигантский»[34]. Таковы и его герои — и в любви, и в ненависти, и в мужестве, и в злодействе.

[34] Примечания: 1.34
Лессинг Г.-Э. Гамбургская драматургия. М. — Л., 1936, с. 118.

7

После провала «Пертарита» в творчестве Корнеля наступает длительная пауза. Точнее, Корнеля-драматурга. Свой поэтический талант он употребил в эти семь лет на перевод «Подражания Христу» и ряда других сочинений религиозного толка. Казалось, с театром покончено навсегда. Но появление в Руане мольеровской труппы, прельстительная атмосфера кулис, молодые актрисы, молодой руководитель труппы, полный смелых увлекательных планов, — все это оказалось столь притягательным и вдохновляющим, что старый писатель вновь устремился в столицу, откликнувшись на приглашение всесильного министра финансов Фуке.

Он привез туда новую трагедию. Это был «Эдип», сыгранный в 1659 году. В отличие от предшественников, обращавшихся к этому сюжету, Корнель построил пьесу на незнании всеми персонажами своей судьбы и своего подлинного отношения друг к другу. Вслед за «Эдипом» была написана постановочная, «с машинами» трагедия «Золотое Руно» (1660). А затем Корнель обратился к своей излюбленной политической

проблематике. Ей он посвятил серию пьес, беря сюжеты из истории Рима периода республики и империи. Так появились «Серторий» (1662), «Софонисба» (1663), «Оттон» (1664), «Атилла» (1667).

По своей структуре эти пьесы очень похожи. Во всех рисуется откровенная неприкрытая борьба за власть, перед которой отходят на задний план все другие побуждения и чувства. Но следует учитывать, что проблемы эти и эти страсти во многом рисовались Корнелем, так сказать, «постфактум»: в истории Франции начинался новый период, в ходе Фронды абсолютизм одержал решительную победу, было сломлено и организованное сопротивление буржуазии (в лице ее парламентской верхушки) и анархическое своекорыстие крупных феодалов. Уже наступила пора Короля-Солнца, пора пышных придворных празднеств, фейерверков, балетов, уже начинали отстраивать Версаль. В этой обстановке и проблематика новых трагедий Корнеля и их герои выглядели несколько анахроничными. Проблема власти приобрела иной смысл. По поводу власти можно было рассуждать и философствовать, пытаться на нее влиять, ее как-то направлять, но не бороться за нее. А герои трагедий Корнеля, созданных в 60-е годы, все еще одержимы пожи-

рающим их душу необузданным и безрассудным властолюбием.

Этими же мотивами определяется, например, поведение персонажей «Сертория», наиболее удачной и типичной трагедии Корнеля этих лет.

Герои ее много говорят о благе Рима, о своем желании видеть его свободным, вырванным из рук диктатора Суллы. Но их споры — это не борьба идей, принципов, идеалов, а борьба партий, своекорыстных и беспринципных. Политическим интересам оказываются подчинены и любовные отношения персонажей. Отношения эти по сравнению с предшествующими трагедиями писателя на первый взгляд усложнены. Здесь не один любовный треугольник, а два, причем главный герой участвует в обоих. Серторий увлечен молодой лузитанской царевной Вириатой, но не прочь жениться из политических соображений на бывшей жене своего противника Помпея Аристии; в Вириату страстно влюблен сподвижник Сертория Перпенна, а Аристию продолжает нежно любить Помпей. Обе героини интересуются прежде всего политикой, всецело подчиняя ей свои любовные чувства. Наиболее откровенна здесь Вириата:

«Моими чувствами не пыл любовный

правит.

Вовек он их себе на службу не поставит.

Я одного хочу — свою умножить власть,

И не поработит меня слепая страсть».

Вообще героям трагедии «слепая страсть» чужда. Даже Перпенна, казалось бы, искренне любящий и искренне же завидующий удачливому и в любви и в политике Серторию, на деле следует давно продуманному плану: убить вождя, дабы получить руку Вириаты и возглавить партию. Поэтому его не может устроить брак Сертория с Аристией: оставляя ему лузитанскую царицу, этот брак не дает ему тем не менее желаемой власти.

Герои пьесы не знают душевных колебаний. В их внутреннем мире нет поводов для неодолимой конфронтации чувства и долга. Если и есть у них чувства, то они холодны и рассудочны, а долг — перед родиной ли, семьей или близкими — давно заменен стремлением к власти. Один лишь Серторий, умудренный большим жизненным опытом, думает не столько о себе, сколько о благе Рима. Но он не мыслит это благо вне себя,

он хочет сам покончить с диктатурой и вернуть согражданам свободу. Впрочем, того же хочет и его противник Помпей. Их долгий спор в третьем действии, естественно, ни к чему не приводит: спорят-то не две концепции свободы и общего блага, а два политика, старающиеся ловчее переубедить или обмануть друг друга. Весь интерес пьесы держится, таким образом, не на столкновении характеров и противоборстве страстей, а на сложной и тонкой дипломатической игре, в которой участвуют и Вириата с Аристией и Серторий с Перпенной. Борьба эта — внутри одной партии, из-за этого она, быть может, острее, вероломнее и бескомпромиссней.

Герои говорят много красивых слов о любви к родине, и эти звучные сентенции могли бы пополнить арсенал записного оратора, но они подчеркнуто холодны и неискренни. Это сделано Корнелем сознательно. В отличие от своих прежних пьес он не противопоставил здесь политическим дельцам иных героев, носителей положительного начала. Вместе с тем герои трагедии не лишены привлекательных человеческих черт. Тут и столь понятная оскорбленная ревность Аристии, и слабость Помпея, продолжающего любить жену, но беспрекословно подчиняющегося

Сулле, и колебания Сертория, раздумывающего о браке с молодой красавицей. Да, в героях пьесы есть одержимость властью, но нет уже порожденных этим необузданных, яростных страстей, толкающих их на любое преступление.

Но вот на что обратим внимание. Герои трагедии «Гораций» были жертвами долга, герои «Помпея» — превратностей гражданских междоусобиц, герои «Родогуны» — бесконтрольных темных страстей. Герой «Сертория» гибнет не потому, что он преступил человеческие законы, не потому, что подчинился неумолимому долгу. Он — в известной мере жертва провидения (как и Софонисба). Да, гражданская война создает такие ситуации, когда любой выбор, любое решение оказываются наихудшими. Но дело не только в гражданской войне. В последних политических трагедиях Корнеля недаром на первом плане состарившиеся герои — Серторий, Сифакс («Софонисба»), Гальба («Оттон»). Скептицизм писателя со всей очевидностью трансформируется в пессимизм. Великие характеры, как мощные, но обветшавшие дубы, валятся под ударами истории. В последних пьесах Корнеля наряду с изображением азартной борьбы за власть появляется — в отдельных репликах и признаниях

героев — и осознание тщетности этой борьбы. То, что раньше было смыслом жизни героев, стало для них тяжелой обузой. Герои устали.

В 60-е годы и в начале 70-х деятельность Корнеля не ограничивается созданием рассмотренного цикла политических трагедий. Отметим в эти годы его сотрудничество с Мольером, труппа которого ставит несколько корнелевских пьес («Сид», «Гораций», «Цинна», «Помпей», «Лжец», «Родогуна», «Ираклий», «Никомед», «Серторий», «Атилла», «Тит и Береника»; три последние — премьеры). Два драматурга создают совместно трагикомедию-балет «Психея» (1671).

Писателю пришлось учитывать и определенное изменение театральных вкусов, в частности в связи с появлением двух ярких творческих индивидуальностей, Филиппа Кино и Жана Расина, которые стремились сказать свое слово, создав трагедию нового типа. Если Кино был автором внешне блестящих, но поверхностных трагедий на любовные сюжеты, то Расин оказался подлинно великим писателем, открывшим новую страницу в развитии французской драматургии.

Здесь нет нужды давать характеристику расиновскому театру, но нужно отметить, что молодой соперник оказал известное влияние

на Корнеля, впрочем, меньшее, чем принято думать.

Неудачи некоторых пьес Корнеля конца 60-х и начала 70-х годов объясняются его попытками соперничать с Расином в жанре, ему совершенно несвойственном, — в жанре лирической трагедии. Это чувствуется в «Агесилае» (1666), в «Пульхерии» (1672), но особенно — в «Тите и Беренике» (1670), пьесе, поставленной почти одновременно с трагедией Расина, написанной на тот же самый сюжет. В пьесе Корнеля нет близкой ему острой политической проблематики, нет коварной и кровавой борьбы за власть. Здесь никто не гибнет. Просто император Тит во имя высоких, государственных интересов готов отказаться от своей возлюбленной Береники и предпочесть ей Домицию, хотя ее страстно любит брат императора Домициан. Домиция и Домициан явно выдвигаются в пьесе на первый план. Их задача — заставить императора отказаться от своего намерения и найти в этом поддержку у сената. Домициан пробуждает в брате ревность, делая вид, что сам влюблен в Беренику. А когда этот маневр удается, когда Тит отказывается от Домиции и предлагает руку иудейской царевне, та отвергает его, оставляя безутешным. Как ви-

дим, политические мотивы играют все-таки некоторую роль в этой пьесе, но трагедии из нее не получилось (в отличие от замечательной пьесы Расина). Впрочем, Корнель и не писал трагедии, он определил жанр «Тита и Береники» как «героическую комедию».

8

После двухлетнего перерыва, в декабре 1674 года, Корнель поставил в «Бургундском отеле» свою новую трагедию, на этот раз последнюю. Называлась она «Сурена, парфянский полководец». И в этой трагедии много говорилось о политике, о монаршей власти. Но никогда еще, пожалуй, не говорилось с такой откровенной горечью. Как и в других своих поздних пьесах, Корнель здесь свободен от былых монархических иллюзий, но никогда еще утрата этих иллюзий не вызывала у писателя такого всплеска пессимизма, тоски о жизни и о любви.

Пьеса написана именно о любви, побеждающей препятствия, не идущей на компромиссы, любви до гроба и за его пределом. Носителями такой концепции любовного чувства оказываются в трагедии сам Сурена, его сестра Пальмира и возлюбленная Эвридика. Они признают и принимают верховные законы любви с тем большей убежденностью и страстью, что прекрасно сознают как несбыточность счастья, так и иллюзорность мечтаний о посмертной славе. Мотив этот не раз возникает в пьесе; с особой лири-

ческой силой и одновременно задушевностью он выражен в реплике главного героя в первом действии, реплике, которую можно воспринять как законченное стихотворение:

«Пусть все умрет со мной! В могиле не равно ли,

Чьи ноги топчут прах покинутой юдоли?

Деяньям правнуков дано ли превозмочь

Великих пращуров вовек немую ночь,

Дано ли возвратить им благодать дыханья?

А все их подвиги, все дивные деянья

Потомки, может быть, сочтут за лишний труд

И, слабосильные, бесславно проживут.

Пустые вымыслы, бесплодные надежды!

Все кончится для нас, едва сомкнутся вежды.

Стократно предпочту миг радости земной

Подобной вечности, холодной и пустой!»

Положительным героям трагедии однозначно противостоят ее отрицательные персонажи. Это парфянский царь Ород и его сын Пакор. Пьесу можно было бы истолковать как еще одно антимонархическое, тираноборческое произведение Корнеля. И хотя эти мотивы бесспорно есть в «Сурене», пафос трагедии совсем в другом. Да и Ород с сыном оказываются здесь своеобразными жертвами, жертвами своего высокого положения. Красноречивы в этом отношении признания парфянского царя:

«Мы слепы к красоте, для нежности закрыты,

Лишь государство в счет, тревожит лишь оно,

А думать о любви владыкам не дано».

Так антигуманная сфера государственных интересов засасывает в свою орбиту и власть имущих. Это особенно наглядно показано писателем на примере Пакора. Юноша еще совсем недавно искренне и чисто любил Пальмиру, но вот на шахматной доске политики складывается новая позиция, и Пакор тут же забывает о своем былом чувстве. Он, столь приверженный власти, не может не считаться с новыми обстоятельствами, с

тем, что парфянский владыка решил расстроить брак Сурены с Эвридикой. Пальмира не хочет бороться за свою любовь, пасуя перед высшими интересами, которыми теперь руководствуется ее былой возлюбленный («…кто столь высокороден, тот менее других в деяниях свободен. Державы интерес ему всего важней, он сердцу замолчать велит в угоду ей»). Весь образ Пальмиры отмечен печатью обреченности, у нее нет сил на протест, на борьбу.

Иными оказываются Сурена и Эвридика. Для них любовь — превыше всего. Ей они изменить не хотят и не могут. Но погруженные в мир чувств, они остаются типично корнелевскими персонажами, натурами сильными, цельными, целеустремленными. Они смело идут на столкновение с государством — во имя своей любви, во имя собственного достоинства и самоуважения, во имя своей свободы. Поведение их героично и вызывает не страх или сострадание, а, как обычно у Корнеля, восхищение.

Но в их борьбе, в отважном отпоре автократическому государству героев ждет только поражение. Поражение это может быть двояким. Оно может свестись к покорности, к подчинению высшим интересам. Такой путь Сурена и Эвридика герои-

чески отвергают. Тогда их ждет гибель. И они без колебаний выбирают свой удел.

Симптоматично, что в подобном выборе решающий голос принадлежит девушке. Эвридика — один из самых пленительных, милых, но вместе с тем сложных и сильных женских образов Корнеля. Она вся — в любви. И она готова бороться за свою любовь, хотя чувство тревоги и обреченности не оставляет ее. Как ни отгоняет от себя Эвридика мрачные мысли, они настойчиво стучатся в сердце. И героиня признается: «В душе моей темно, я вся во власти смуты». Но это не борьба противоречивых чувств, не колебания или сомнения. Это предчувствия, причем самые темные, самые мрачные. Даже не предчувствия, а твердая уверенность в неумолимости судьбы, в том, что чудес не бывает. Трагической обреченностью окрашена вся роль Эвридики. Но в этой пассивной жертвенности таится огромная сила. Под стать девушке и ее избранник, человек не только мудрый и смелый, но, как и она, видящий смысл жизни в их взаимной любви.

Сцена прощания любовников написана Корнелем с лирической мягкостью, но одновременно с большой психологической глубиной и силой. Сцена эта носит совсем не чувствительный ха-

рактер, напротив, она героична. Пальмира молит Эвридику принять руку парфянского принца и тем спасти Сурену. Но на все ее мольбы девушка отвечает героическим молчанием. Она знает, что ей и ее возлюбленному иного выбора нет. И действительно, едва полководец выходит за порог дворца, его поражают три стрелы, метко пущенные укрывшимися поблизости снайперами тех времен. Узнав об этом, умирает и Эвридика, не в силах пережить смерть любимого. Любовники оказываются победителями, они гибнут, но не подчиняются враждебным им силам. Так лишь в смерти одерживают победу любовь, подлинные человеческие отношения, свобода личности, противостоящей и автократической власти, и государственному интересу, который, неизбежно воплощенный в лице монарха или вождя, всегда своекорыстен и антигуманен. Эта победа любви знаменательна. Как говорит еще в начале пьесы наперсница героини Ормена, «нет в мире сил таких, чтобы любовь согнули». Любовь для Корнеля — это одно из проявлений (пусть самое стихийное, но прекрасное) индивидуальных черт и прав личности. Отстоять же свои права, и в частности права любви, человек может в существующих условиях лишь ценой собственной гибели. Но на-

туры возвышенные, героические находят на это в себе силы. Таков смысл этой трагедии, которую было бы ошибкой ставить в один ряд с другими политическими пьесами Корнеля. Такова концовка — героическая, человечная, по печальная — творчества этого великого драматурга.

9

Знаменитый литературный манифест Стендаля назывался «Расин и Шекспир». Этот выбор понятен: именно Расин стал для романтиков наиболее законченным воплощением классического искусства, подчиняющегося правилам, построенного по определенным меркам, ясного, уравновешенного, гармоничного. Корнель в такие рамки не укладывался. Это чувствовали все, кто о нем писал, — и его критики из Французской академии, и Буало, и Лагарп. И вряд ли случайно столь большое место было уделено «спору о „Сиде“» в «Предисловии к „Кромвелю“» Виктора Гюго. Корнель стал примером писателя, боровшегося с навязываемыми ему «правилами», отстаивавшего свободу творчества.

Действительно, драматургическая система Корнеля отличается от системы Расина, она находится в противоречии с предписаниями Буало или аббата д'Обиньяка, автора популярного в свое время руководства «Практика театра» (1657).

Свои теоретические взгляды Корнель изложил в предисловиях и «разборах», которыми он сопроводил в 1660 году очередное издание своих пьес,

а также в нескольких «Рассуждениях», написанных в это же время.

В своей теории драмы Корнель, как и его современники, отталкивался от положений Аристотеля. Но он существенным образом дополнял и развивал античного философа. Это коснулось вопроса о задачах драмы, о единствах, об отборе сюжетов и т. д.

В отличие от других классицистов Корнель толковал правило о трех единствах достаточно широко, полагая, что следование ему должно сообразовываться с сюжетом пьесы. Он допускал и наличие в произведении боковых, второстепенных интриг, не возражал против некоторого расширительного понимания «времени» и «места» действия.

Еще важнее был спор Корнеля с д'Обиньяком о правдоподобии и правде. Автор «Родогуны» и «Ираклия» полагал, что «значительные сюжеты, которые сильно волнуют страсти и противопоставляют их душевные бури законам долга или голосу крови, должны всегда выходить за пределы правдоподобного. Они не встретили бы никакого доверия у зрителя, если бы не подтверждались либо авторитетом истории, который всегда убедителен, либо общественным мнением,

которое заранее подготовляет и убеждает этих самых зрителей». Как верно заметил А. А. Аникст, «отстаивая „неправдоподобное“, Корнель, по существу, борется за право драматурга изображать такие исключительные случаи, в которых, однако, проявляются типичные черты человеческой природы»[35].

Корнель был создателем трагедии на политические сюжеты. Наличие подобного сюжета в произведении он считал совершенно необходимым. Это было важное теоретическое положение, горячо принятое, в частности, драматургами эпохи Просвещения. Корнель писал в одном из своих «Рассуждений»: «Когда на сцене изображают простую любовную интригу между королями и когда никакая опасность не угрожает ни их жизни, ни их государству, то, хотя бы персонажи были блистательны, я не думаю, что действие будет настолько блистательным, чтобы подняться до уровня трагедии. Величие последней требует какого-либо большого государственного интереса и какой-либо более благородной и более мужественной страсти, чем любовь, например, властолюбия или мести, и оно хочет устрашать

[35] Примечания: 1.35

Аникст А. А. Теория драмы от Аристотеля до Лессинга. М., 1967, с. 237.

более сильными несчастиями, чем потеря любовницы. Вполне уместно вводить в трагедию любовь, потому что она всегда заключает в себе много приятности и может послужить основой тем интересам и другим страстям, о которых я говорил; но надо, чтобы любовь удовольствовалась вторым местом в пьесе и уступила первое место этим интересам или страстям».

Наконец, отметим еще одну важную черту теоретических взглядов Корнеля, как и предыдущие, нашедшую воплощение в его драматургии. Это известный демократизм писателя, который не вполне придерживался сословной иерархии классицизма, полагая, что «нет необходимости выставлять на театре бедствия одних только королей. Бедствия других людей могут также найти свое место на сцене, если они достаточно для того значительны и достаточно необычайны».

Своеобразие теоретических позиций и литературной практики Корнеля не дает тем не менее, оснований для выведения его за пределы классицизма. Стройные и непротиворечивые художественные системы создаются обычно писателями второго ряда, писатели же великие всегда сохраняют свою самобытность, даже стараясь приноровиться к требованиям системы.

Корнель был первым великим представителем французского классицизма, создав свой собственный его вариант.

Вариант поистине замечательный и по-своему неповторимый. Однако он был горячо принят современниками, и мы можем говорить о корнелевской школе в драматургии XVII столетия. Воистину творчество Корнеля открыло новую эпоху в развитии французской культуры. Поэтому и его приход в театр и его почти полувековая работа в области драматургии имели огромное значение для судеб французской сцены и для французской литературы. Как очень верно подчеркнул Ю. Б. Виппер, «Корнель первым в истории французской литературы поднял драматургию до постановки значительных этических вопросов и больших политических проблем общегосударственного значения»[36]. Добавим: поднял французскую драматургию до уровня большого искусства. Но не только это. Он явился создателем национальной классики, воздействие которой ощущается и в наши дни. Вот почему нельзя не согласиться с Бальзаком, который, правда, несколько шутливо, но безусловно спра-

[36] Примечания: 1.36

Виппер Ю. Б., Самарин Р. М. Курс лекций по истории зарубежных литератур XVII века. М., 1954, с. 297.

ведливо сказал о Корнеле, что тот «наполнил богатствами все амбары, породил урожаи, не боящиеся никакой непогоды, и из века в век будет обогащать актеров, издателей, бумаготорговцев, переплетчиков и комментаторов»[37].

А. Михайлов

[37] Примечания: 1.37
Бальзак О. Собр. соч. в 15-ти т., т. 15. М., 1955, с. 254.